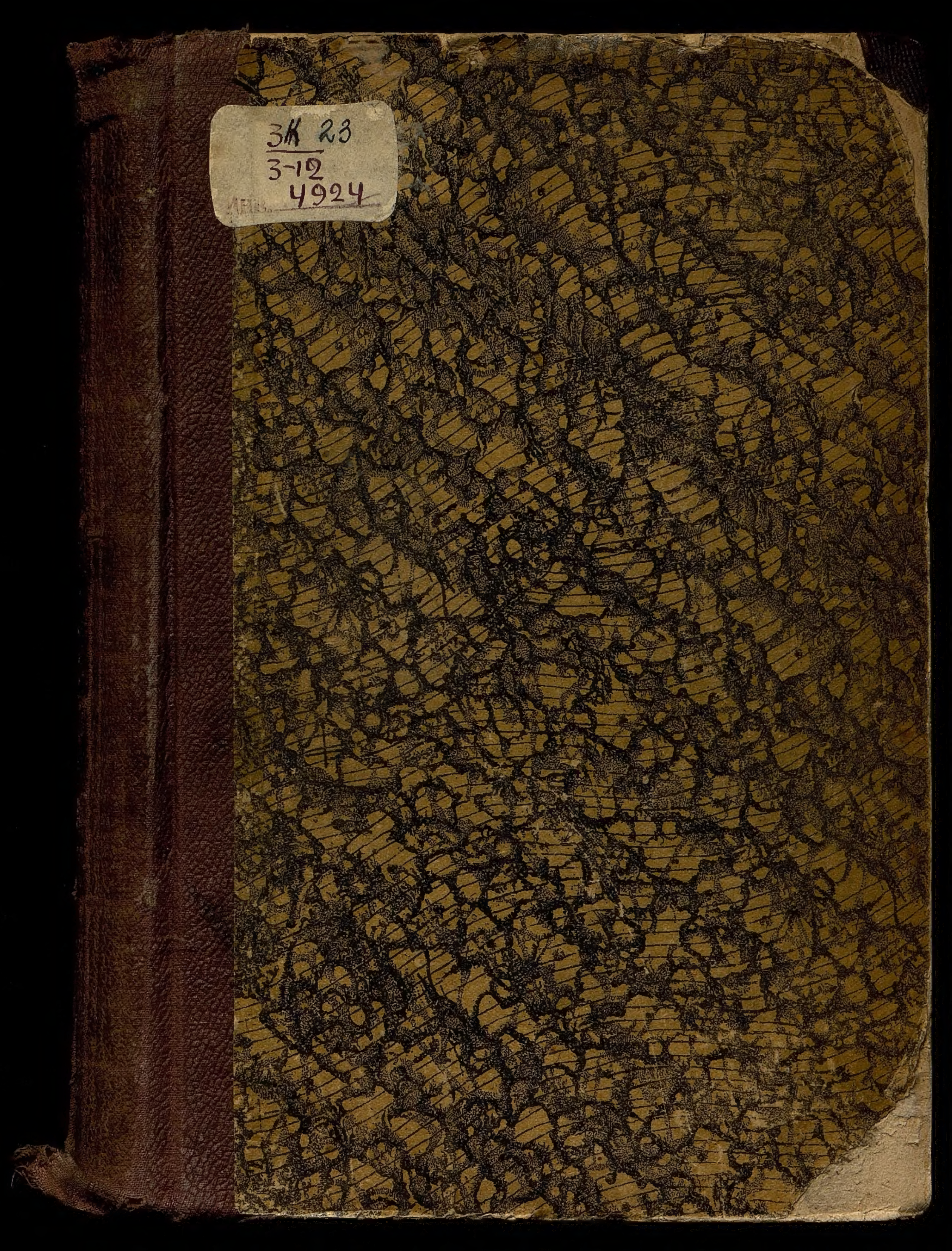
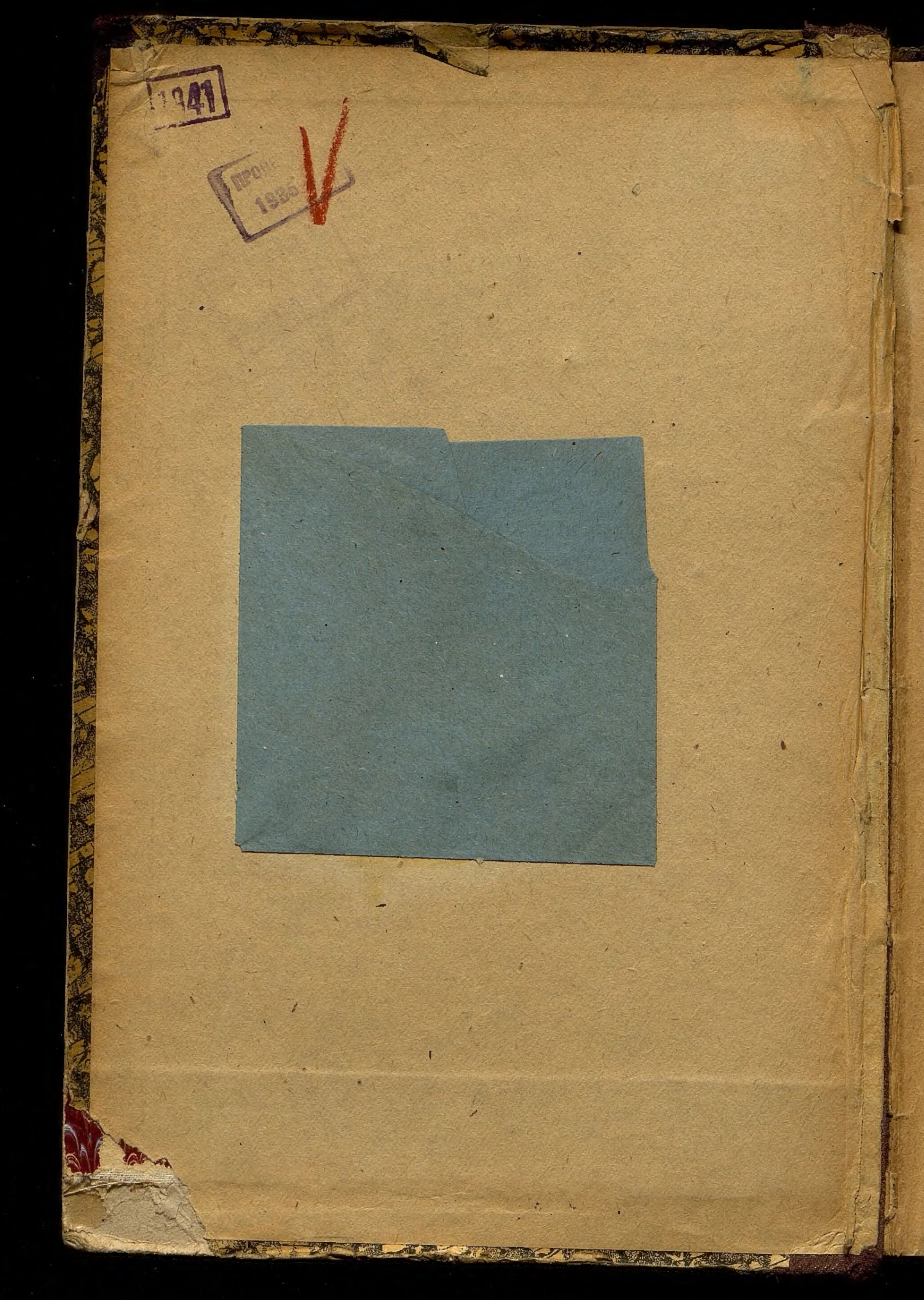
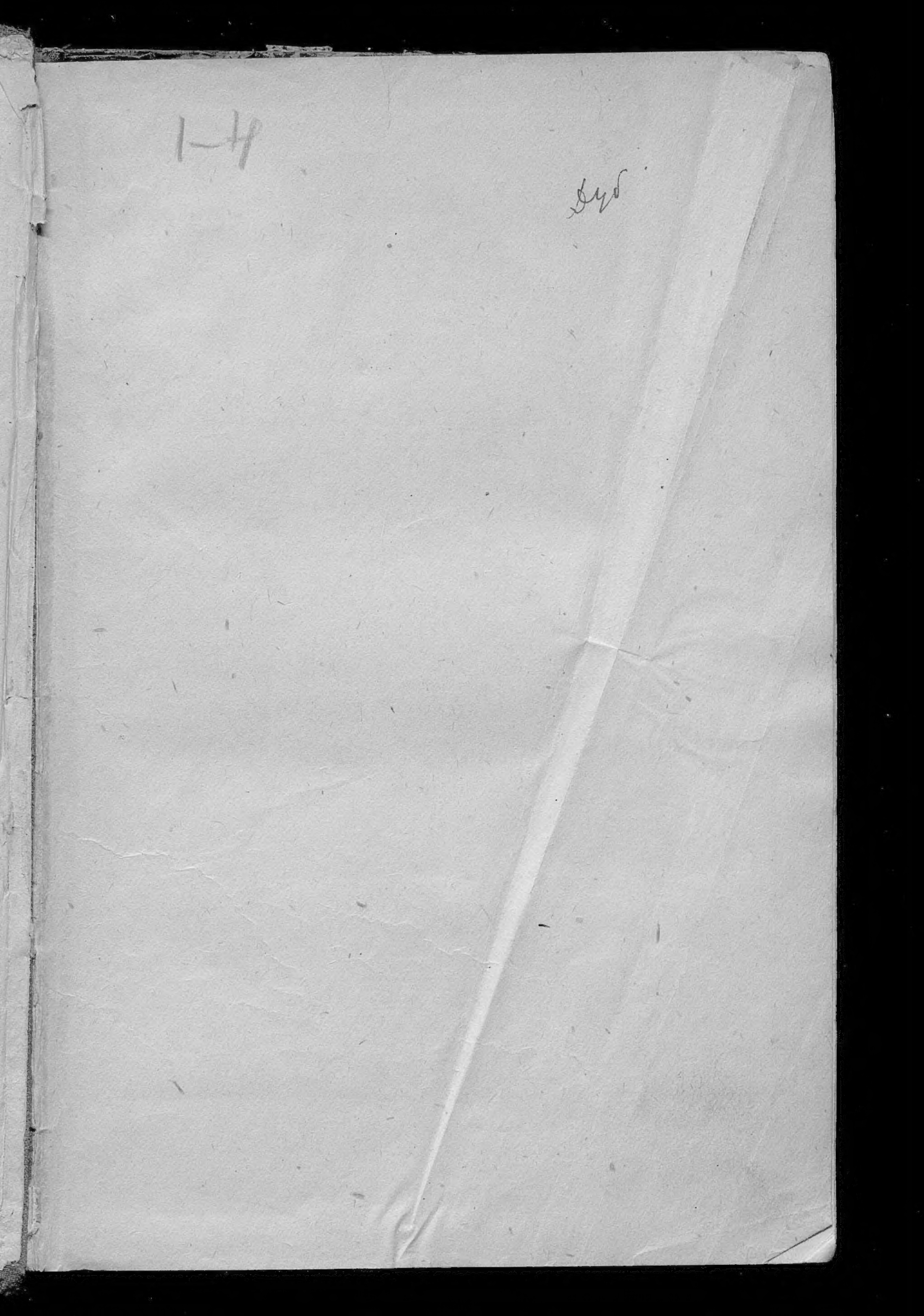
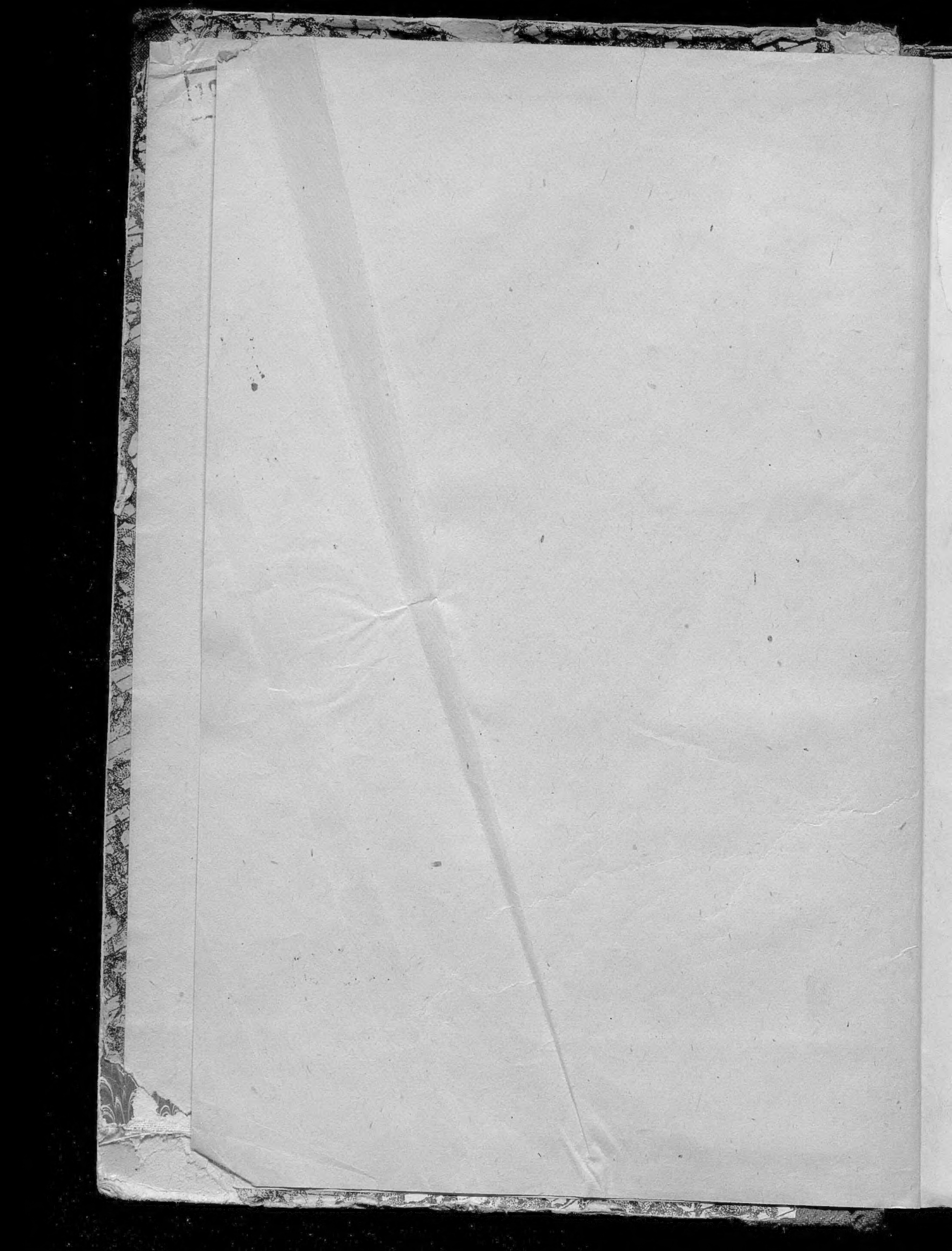
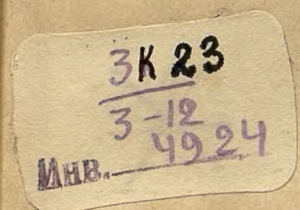

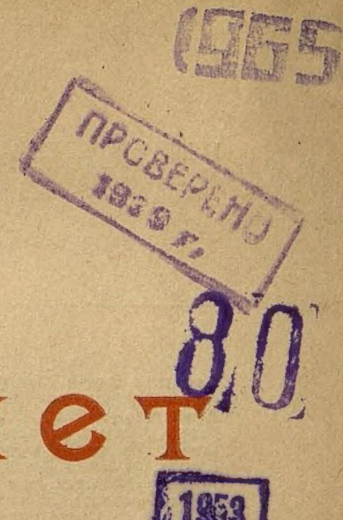

1941
1985

1—4
Дуб

ВЛ. ИЛЬИН
(Н. Ленин)

За 12 лет

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ

Два направления в русском марксизме и русской социалдемократии

Издание Петроградского Совета
Рабочих и Красн. Депутатов
1919

КАТАЛОГ КНИГ

ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИЖНОГО СКЛАДА ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Смольный, 2-й этаж, комната 51, телефон—34, контора—комната 54.

Книжный магазин—Невский, 116.

Вышли из печати:	ЦЕНА. Р.	К.
Алексеев и Варлен. „Две речи"	—	70
Арну. „Мертвецы коммуны"	—	45
Афиногенов (Степной), Н. „Записки ополченца". Разошлось.	1	25
Бакс. „Великая французская революция"	—	—
Его-же. „Парижская коммуна"	1	75
Барбюс. „В огне". Дневник полувзвода. Перев. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печатается 3-е издание	6	—
Басов-Верхоянцев. „Венок". Сказки	2	50
Бебель, А. „Из моей жизни". Мемуары, т. I	4	20
Его-же. „Христианство и социализм"	—	50
Богданов. „Красная звезда"	2	60
Браке. „Долой социал-демократов"	—	40
Бухарин. „Программа коммунистов"	1	75
Его-же. „Долой международных разбойников". Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	40
Его-же. „Классовая борьба и революция в России"	1	80
Быстрянский. „Империализм"	—	35
Волховский. „Сказание о царе Симеоне"	1	25
Вандервельде. „Социализм и искусство"	—	90
Ватин. „Что такое коммуна?"	—	20
Вейтлинг. „Человечество, каково оно есть и каким должно быть"	—	85
„Венок коммунаров". Сборн. памяти В. Володарского, с рисунками	2	—
В—ик, Л. „Уголок немецкой оккупации"	—	50
Володарский, В. „Напутственная речь агитаторам". 3-е издание	—	50
Его-же. „Враги-ли евреи рабочим и крестьянам". Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	20
Войнич, В. „Овод". Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	3	50
Его-же. „Империалистическая Англия против социалистической России"	—	40
Гайк-Ад-янц. „Крестьянский вопрос во Франции"	—	55
Гауптман. „Ткачи". Драма	1	50
Горичев. „Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8-час. рабочем дне	2	50
Горлов, Н. "Темные силы, война и погромы"	—	15
Горький, Максим. „Макар Чудра". С иллюстр.	—	60
Его-же. „Челкаш"	1	50
Его-же. „Двадцать шесть и одна"	—	—
Его-же. „Дед Архип и Ленька"	1	10
Его-же. „Емельян Пиляй"	—	—
Его-же. „Дело с застежками"	—	—
Его-же. „На плотах"	—	—
Его-же. „Мальва"	1	80
Его-же. „Коновалов"	—	—
Его-же. „Тюрьма"	—	—
Его-же. „Проходимец"	—	—
Его-же. „Скуки ради"	—	—
Его-же. „Васька Красный"	—	—
Его-же. „Кирилка"	—	—
Его-же. „О евреях"	1	10
Его-же. „Как я учился"	—	90
Декав. „Фленго", Рассказ из времен коммуны 1871 г.	—	25
„Декреты о суде"	1	50
Демьян Бедный. „Земля обетованная"	1	20
Его-же. „В огненном кольце"	1	50
„Евреи, классовая борьба и погромы"	—	15
Жорес. „Мир и пролетариат"	—	45
Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики	—	20
Зиновьев, Г. „Корни оборончества". Разошлось. Печатается 2-е изд.	1	10
Его-же. „Наше положение и задачи создания красной армии"	—	25
Его-же. „Австрия и война"	1	80
Его-же. „Из истории пролетарского праздника 1 мая"	—	30
Его-же. „Г. В. Плеханов". Вместо речи на могиле	—	45

Вл. Ильинъ.

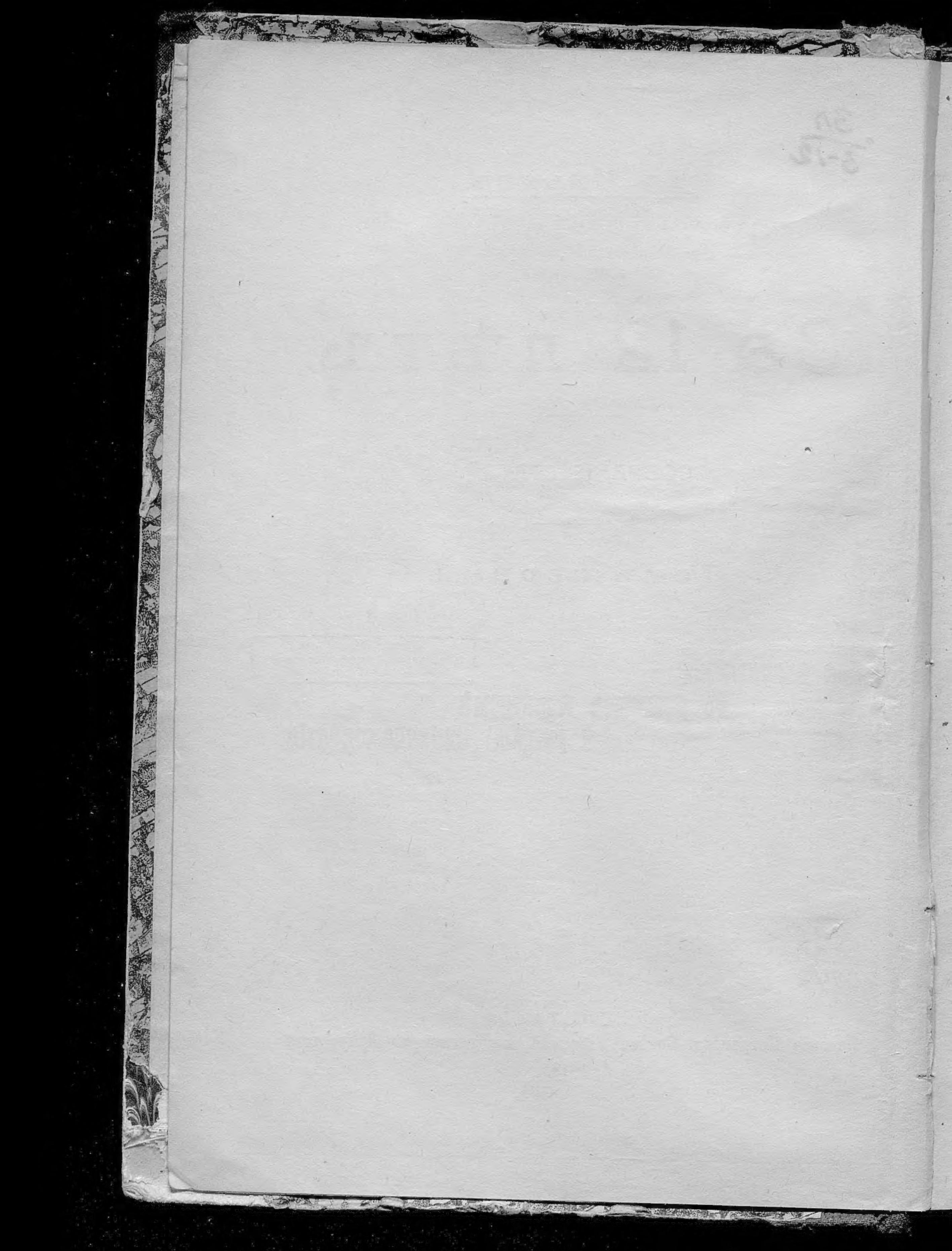
За 12 лѣтъ.

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ.

Томъ первый.

Два направленія
въ русскомъ марксизмѣ
и русской соціалдемократіи.

ПЕТРОГРАДЪ.,
Изданіе Петроград. Совѣта Рабочихъ и Красноарм. Депутатовъ.
1918.

ПРѢДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый читателю сборникъ статей и брошюръ охватываетъ періодъ съ 1895 по 1905 годъ. Темой соединяемыхъ здѣсь вмѣстѣ литературныхъ произведеній являются программные, тактическіе и организаціонные вопросы русской соціалдемократіи. Вопросы эти ставятся и разрабатываются все время въ борьбѣ противъ праваго крыла марксистскаго теченія въ Россіи.

Сначала эта борьба идетъ въ области чисто теоретической, противъ главнаго представителя нашего легальнаго марксизма 90-хъ годовъ, г-на Струве. Конецъ 1894 и начало 1895 годовъ были періодомъ крутого поворота въ нашей легальной публицистикѣ. Впервые пробрался въ нее марксизмъ, представленный не только заграничными дѣятелями „Группы Освобожденія Труда", но и русскими соціалдемократами. Оживленіе въ литературѣ и горячіе споры марксистовъ съ старыми главарями народничества, которые до тѣхъ поръ почти безраздѣльно господствовали (напр., Н. К. Михайловскій) въ передовой литературѣ, было преддверіемъ подъема массоваго рабочаго движенія въ Россіи. Литературныя выступленія русскихъ марксистовъ были непосредственнымъ предшественникомъ выступленій на борьбу пролетаріата, знаменитыхъ петербургскихъ стачекъ 1896 года, которыя открыли эру неуклонно поднимавшагося затѣмъ рабочаго движенія,—этого самаго могучаго фактора всей нашей революціи.

Условія тогдашней литературы заставляли соціалдемократовъ говорить эзоповскимъ языкомъ и ограничиваться самыми общими положеніями, наиболѣе далекими отъ практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило союзъ разнородныхъ элементовъ марксизма въ борьбѣ съ народничествомъ. Наряду съ заграничными и русскими соціалдемократами эту борьбу вели такіе люди, какъ гг. Струве, Булгаковъ, Туганъ-Барановскій, Бердяевъ и т. п. Это были буржуазные демократы, для которыхъ разрывъ съ народничествомъ означалъ переходъ отъ мѣщанскаго (или крестьянскаго) соціализма не къ пролетарскому соціализму, какъ для насъ, а къ буржуазному либерализму.

Теперь исторія русской революціи вообще, исторія кадетской партіи въ частности, эволюція г-на Струве (почти до октябризма) въ особенности, сдѣлали эту истину самоочевидной, превратили ее въ ходячую размѣнную монету публицистики. Тогда, въ 1894—5 годахъ, эту истину приходилось доказывать на основаніи небольшихъ, сравнительно, уклоненій того или иного писателя отъ марксизма, тогда эту монету приходилось только еще чеканить. И поэтому свою, направленную противъ г. Струве работу (статья „Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве" за подписью К. Тулинъ въ сожженномъ цензурой сборникѣ „Матеріалы къ вопросу о хозяйственномъ развитіи Россіи", Спб. 1895 г.) я перепечатываю теперь цѣликомъ въ троякихъ цѣляхъ. Во-первыхъ, поскольку читающая публика ознакомилась съ книгой г. Струве и статьями народниковъ противъ марксистовъ въ 1894—5 г., постольку имѣетъ значеніе и критика точки зрѣнія г. Струве. Во-вторыхъ, предостереженіе г-ну Струве со стороны революціоннаго соціалдемократа, сдѣланное *одновременно* съ нашими общими выступленіями противъ народниковъ, имѣетъ значеніе и для отвѣта тѣмъ, кто неоднократно обвинялъ насъ за союзъ съ подобными господами, и для оцѣнки очень знаменательной политической карьеры г-на Струве. Въ третьихъ, старая и во многихъ отношеніяхъ устарѣлая полемика со Струве имѣетъ значеніе поучительнаго образчика. Образчикъ этотъ показываетъ практическиполитическую цѣнность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность къ такой полемикѣ и съ „экономистами", и съ бернштейніанцами, и съ меньшевиками упрекали революціонныхъ соціалдемократовъ безчисленное число разъ. И теперь эти упреки самый ходкій товаръ у „примиренцевъ" внутри с.-д. партіи, у „сочувствующихъ" полусоціалистовъ внѣ ея. У насъ очень любятъ говорить о томъ, что чрезмѣрную склонность къ полемикѣ и къ расколамъ имѣютъ русскіе вообще, с.-д. въ частности, большевики въ особенности. У насъ любятъ также забывать о томъ, что чрезмѣрную склонность къ перескакиванію отъ соціализма къ либерализму порождаютъ условія капиталистическихъ странъ вообще, условія буржуазной революціи въ Россіи въ частности, условія жизни и дѣятельности нашей интеллигенціи въ особенности. Съ этой точки зрѣнія очень небезполезно посмотрѣть на то, что было десять лѣтъ тому назадъ, какія теоретическія разногласія со „струвизмомъ" намѣчались уже тогда, изъ какихъ небольшихъ (на первый взглядъ небольшихъ) расхожденій произошло полное политическое размеже-

ваніе партій и безпощадная борьба въ парламентѣ, въ цѣломъ рядѣ органовъ печати, на народныхъ собраніяхъ и т. д.

Я долженъ замѣтить еще по поводу статьи противъ г. Струве, что въ основу ея положенъ рефератъ, читанный мной осенью 1894 года въ небольшомъ кружкѣ тогдашнихъ марксистовъ. Отъ группы с.-д., работавшихъ тогда въ Петербургѣ и создавшихъ, годъ спустя, союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, въ этомъ кружкѣ были Ст., Р. и я. Изъ легальныхъ литераторовъ-марксистовъ были П. Б. Струве, А. Н. Потресовъ и К. Въ этомъ кружкѣ я читалъ рефератъ, озаглавленный: „Отраженіе марксизма въ буржуазной литературѣ". Какъ видно изъ заглавія, полемика со Струве была здѣсь несравненно болѣе рѣзка и опредѣленна (по соціалдемократическимъ выводамъ), чѣмъ въ напечатанной весной 1895 года статьѣ. Смягченія были сдѣланы частью по цензурнымъ соображеніямъ, частью ради „союза" съ легальнымъ марксизмомъ для совмѣстной борьбы противъ народничества. Что „толчекъ влѣво", данный тогда г-ну Струве петербургскими соціалдемократами, не остался совсѣмъ безрезультатенъ, это ясно доказываетъ статья г-на Струве въ сожженномъ сборникѣ (1895 г.) и нѣкоторыя статьи его въ „Новомъ Словѣ" (1897 г.).

Кромѣ того, при чтеніи статьи 1895 года противъ г. Струве необходимо имѣть въ виду, что во многихъ отношеніяхъ она является конспектомъ позднѣйшихъ экономическихъ работъ (особенно „Развитія капитализма"). Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе читателей на послѣднія страницы этой статьи, гдѣ подчеркиваются *положительныя*, въ глазахъ марксиста, черты и стороны народничества, какъ революціонно - демократическаго теченія въ странѣ, переживающей канунъ буржуазной революціи. Это — теоретическая формулировка тѣхъ самыхъ положеній, которыя 12 — 13 лѣтъ спустя получили практически-политическое выраженіе въ „лѣвомъ блокѣ" на выборахъ во 2-ую Думу и въ „лѣво-блокистской" тактикѣ. Та часть меньшевиковъ, которая боролась противъ идеи о революціонно - демократической диктатурѣ пролетаріата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость лѣваго блока, измѣнила въ этомъ отношеніи очень старой и очень важной традиціи революціонныхъ соціалдемократовъ, традиціи, усиленно поддерживавшейся „Зарей" и старой „Искрой". Само собою понятно, что условная и ограниченная допустимость „лѣво-блокистской" тактики вытекаетъ неизбѣжно изъ тѣхъ же основныхъ теоретическихъ взглядовъ марксизма на народничество.

За статьей противъ Струве (1894 — 95 г.г.) идутъ „Задачи русскихъ соціалдемократовъ“, написанныя въ 1897 г. на основаніи опыта работы с.-д. въ Петербургѣ въ 1895 году. Тѣ взгляды, которые въ другихъ статьяхъ и брошюрахъ настоящаго сборника излагаются въ видѣ полемикъ съ правымъ крыломъ соціалдемократіи, въ этой брошюрѣ изложены въ положительной формѣ. Различныя предисловія къ „Задачамъ“ перепечатываются для того, чтобы указать ту связь, которую имѣла эта работа съ различными періодами въ развитіи нашей партіи (напр., предисловіе Аксельрода подчеркиваетъ связь брошюры съ борьбой противъ „экономизма“, а предисловіе 1902 года подчеркиваетъ эволюцію народовольцевъ и народоправцевъ).

Статья „Гонители земства и Аннибалы либерализма“ была напечатана въ заграничной „Зарѣ“ въ 1901 г. Эта статья ликвидируетъ, такъ сказать, соціалдемократическія сношенія со Струве, какъ политикомъ. Въ 1895 году его предостерегали и отъ него отмежевывались, какъ отъ союзника. Въ 1901 году ему объявляется война, какъ либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь послѣдовательно даже чисто демократическія требованія.

Въ 1895 году, за нѣсколько лѣтъ до „бернштейніады“ на Западѣ и до полнаго разрыва съ марксизмомъ цѣлаго ряда „передовыхъ“ литераторовъ въ Россіи, — я указывалъ на то, что г. Струве — марксистъ ненадежный, отъ котораго соціалдемократы должны отгородиться. Въ 1901 году, за нѣсколько лѣтъ до выступленія партіи к.-д. въ русской революціи и до политическаго фіаско этой партіи въ 1-й и во 2-й Думахъ, я указывалъ именно тѣ черты буржуазнаго либерализма въ Россіи, которыя проявились въ 1905 — 1907 годахъ въ массовыхъ политическихъ дѣйствіяхъ и выступленіяхъ. Статья „Аннибалы либерализма“ критикуетъ ошибочныя разсужденія одного либерала, и эта критика оказывается теперь почти цѣликомъ примѣнимой къ политикѣ крупнѣйшей либеральной партіи въ нашей революціи. Тѣмъ, кто склоненъ думать, будто мы, большевики, измѣнили старой соціалдемократической политикѣ по отношенію къ либерализму, когда боролись безпощадно съ конституціонными иллюзіями и съ партіей к.-д. въ 1905 — 1907 годахъ, — этимъ людямъ статья „Аннибалы либерализма“ покажетъ ихъ ошибку. Большевики остались вѣрны традиціямъ революціонной соціалдемократіи и не поддались буржуазному угару, который поддерживали либералы въ эпоху „конституціоннаго зигзага“ и который временно затемнилъ сознаніе праваго крыла нашей партіи.

Слѣдующая брошюра: „Что дѣлать?“ вышла за границей въ самомъ началѣ 1902 года. Она посвящена критикѣ праваго крыла уже не въ литературныхъ теченіяхъ, а въ соціалдемократической организаціи. Въ 1898 году состоялся 1-й съѣздъ с.-д. и положено основаніе Россійской С.-Д. Рабочей Партіи. Заграничной организаціей партіи сталъ заграничный „Союзъ русскихъ соціалдемократовъ“, включавшій и „Группу Освобожденія Труда“. Но центральныя учрежденія партіи были разгромлены полиціей и не могли быть возстановлены. Фактически единства партіи не было: оно осталось лишь идеей, директивой. Увлеченіе стачечнымъ движеніемъ и экономической борьбой породило тогда особую форму соціалдемократическаго оппортунизма, такъ наз. „экономизмъ“. Когда группа „Искры“ *въ самомъ концѣ* 1900 года начала свою дѣятельность за границей, расколъ на этой почвѣ былъ уже фактомъ. Плехановъ *весной* 1900 года вышелъ изъ заграничнаго „Союза русскихъ с.-д.“ и образовалъ особую организацію „Соціалдемократъ“.

„Искра“ начала свою работу формально независимо отъ обѣихъ фракцій, по существу—вмѣстѣ съ плехановской группой противъ „Союза“. Попытка сліянія (іюнь 1901 г., съѣздъ „Союза“ и „Соціалдемократа“ въ Цюрихѣ) не удалась. Брошюра „Что дѣлать?“ систематически излагаетъ причины расхожденія и характеръ искровской тактики и организаціонной дѣятельности.

Брошюру „Что дѣлать?“ часто упоминаютъ теперешніе противники большевиковъ—меньшевики, а также писатели изъ буржуазно-либеральнаго лагеря (кадеты, „беззаглавцы“ изъ газеты „Товарищъ“ и т. п.). Я перепечатываю поэтому ее съ самыми небольшими сокращеніями, опуская лишь подробности организаціонныхъ отношеній или мелкія полемическія замѣчанія. По существу содержанія этой брошюры необходимо обратить вниманіе современнаго читателя на слѣдующее.

Основная ошибка, которую дѣлаютъ люди, въ настоящее время полемизирующіе съ „Что дѣлать?“, состоитъ въ томъ, что это произведеніе совершенно вырываютъ изъ связи опредѣленной исторической обстановки, опредѣленнаго и теперь давно уже миновавшаго періода въ развитіи нашей партіи. Наглядно обнаружилъ эту ошибку, напр., Парвусъ (не говорю уже о многочисленныхъ меньшевикахъ), писавшій много лѣтъ спустя послѣ выхода брошюры о ея невѣрныхъ или преувеличенныхъ идеяхъ насчетъ организаціи профессіональныхъ революціонеровъ.

Въ настоящее время подобныя заявленія производятъ прямо смѣшное впечатлѣніе: какъ будто люди хотятъ отмахнуться отъ

цѣлой полосы въ развитіи нашей партіи, отъ тѣхъ завоеваній, которыя въ свое время стоили борьбы, а теперь давно уже упрочились и сдѣлали свое дѣло.

Въ настоящее время разсуждать о преувеличеніи „Искрой“ *(въ 1901 и 1902 годахъ!)* идеи организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, это все равно, какъ если бы *послѣ* русско-японской войны стали упрекать японцевъ за преувеличеніе русскихъ военныхъ силъ, за преувеличенныя заботы до войны о борьбѣ съ этими силами. Японцамъ надо было собрать всѣ силы противъ максимально возможныхъ русскихъ силъ, чтобы одержать побѣду. Къ сожалѣнію, многіе судятъ о нашей партіи со стороны, не зная дѣла, не видя того, что *теперь* идея организаціи профессіональныхъ революціонеровъ *уже* одержала полную побѣду. А побѣда была невозможна безъ того, чтобы не выдвинуть эту идею на *первый планъ* въ свое время, безъ того, чтобы „преувеличенно“ не втолковать ее людямъ, которые мѣшали осуществленію этой идеи.

„Что дѣлать?“ есть *сводка* искровской тактики, искровской организаціонной политики 1901 и 1902 годовъ. Именно: „*сводка*“, не болѣе и не менѣе. Кто возьметъ на себя трудъ ознакомиться съ „Искрой“ 1901 и 1902 годовъ, тотъ несомнѣнно убѣдится въ этомъ *). А кто судитъ объ этой сводкѣ, не зная искровской борьбы съ *преобладавшимъ* тогда экономизмомъ и не понимая этой борьбы, тотъ просто роняетъ слова на вѣтеръ. „Искра“ боролась за созданіе организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, боролась особенно энергично въ 1901 и 1902 годахъ, поборола преобладавшій тогда экономизмъ, *создала* эту организацію въ 1903 году окончательно, удержала эту организацію, несмотря на послѣдующій расколъ искровцевъ, несмотря на всѣ треволненія въ эпоху бури и натиска, удержала ее въ теченіе всей русской революціи, удержала и сохранила ее съ 1901—2 до 1907 года.

И вотъ теперь, когда борьба за эту организацію давно кончена, когда посѣвъ сдѣланъ, зерно созрѣло, жатва окончена, — являются люди и возвѣщаютъ: „преувеличеніе идеи организаціи профессіональныхъ революціонеровъ!“ Развѣ это не смѣшно?

Возьмите весь предреволюціонный періодъ и первые $2^1/_2$ года революціи (1905—1907 гг.) въ цѣломъ. Сравните за это время нашу с.-д. партію съ другими партіями въ отношеніи ея сплоченности, организованности, преемственной цѣльности. Вы должны

*) Въ 3-мъ томѣ настоящаго изданія будутъ перепечатаны важнѣйшія статьи изъ „Искры“ за эти годы.

будете признать, что *въ этомъ* отношеніи превосходство нашей партіи надъ *всѣми* остальными—и надъ к.-д., и надъ с.-р., и т. д.— *безспорно.* С.-д. партія до революціи выработала себѣ формально признанную всѣми с.-д. программу и, внося въ нее измѣненія, не раскалывалась изъ-за программы. С.-д. партія, несмотря на расколъ, съ 1903 по 1907 годъ (формально съ 1905 по 1906 годъ) дала публикѣ наибольшія свѣдѣнія о своемъ внутреннемъ положеніи (протоколы съѣздовъ: второго общаго, 3-го большевистскаго, 4-го или Стокгольмскаго общаго). С.-д. партія, несмотря на расколъ, раньше всѣхъ другихъ партій воспользовалась временнымъ просвѣтомъ свободы для осуществленія идеальнаго демократическаго строя открытой организаціи, съ выборной системой, съ представительствомъ на съѣздахъ по числу организованныхъ членовъ партіи. Этого до сихъ поръ нѣтъ ни у с.-р., ни у к.-д. — этой, почти легальной, наилучше организованной буржуазной партіи, которая обладаетъ неизмѣримо бо̀льшими, по сравненію съ нами, финансовыми средствами, просторомъ въ пользованіи прессой и возможностью жить открыто. А выборы во 2-ую Думу, въ которыхъ участвовали всѣ партіи, развѣ они не доказали наглядно, что организаціонная сплоченность нашей партіи и нашей думской фракціи выше, чѣмъ у всѣхъ другихъ партій?

Спрашивается, кто же реализовалъ, кто воплотилъ въ жизнь эту наибольшую сплоченность, прочность и устойчивость нашей партіи? Это сдѣлала создавшаяся больше всего при участіи „Искры“ организація профессіональныхъ революціонеровъ. Кто знаетъ хорошо исторію нашей партіи, кто переживалъ самъ ея строительство, тому достаточно простого взгляда на составъ делегаціи любой фракціи, скажемъ, Лондонскаго съѣзда, чтобы убѣдиться въ этомъ, чтобы сразу замѣтить то старое, основное ядро, которое усерднѣе другихъ партій пѣстовало и партію выпѣстовало. Конечно, основнымъ условіемъ этого успѣха было то, что рабочій классъ, цвѣтъ котораго создавалъ соціалдемократію, отличается, въ силу объективныхъ экономическихъ причинъ, изъ всѣхъ классовъ капиталистическаго общества наибольшей способностью къ организаціи. Безъ этого условія организація профессіональныхъ революціонеровъ была бы игрушкой, авантюрой, пустой вывѣской, и брошюра „Что дѣлать?“ многократно подчеркиваетъ, что лишь въ связи съ „дѣйствительно-революціоннымъ и стихійно-поднимающимся на борьбу классомъ“ имѣетъ смыслъ защищаемая въ ней организація. Но объективно-максимальная способность пролетаріата къ объединенію въ классъ реализуется живыми людьми, реализуется не

иначе, какъ въ опредѣленныхъ формахъ организаціи. И никакая другая организація, кромѣ искровской, *не могла бы* въ нашихъ историческихъ условіяхъ, въ Россіи 1900—1905 годовъ, создать *такой* социалдемократической рабочей партіи, которая теперь создана. Профессіональный революціонеръ сдѣлалъ свое дѣло въ исторіи русскаго пролетарскаго соціализма. И никакія силы не разрушатъ теперь этого дѣла, которое давно переросло узкія рамки „кружковъ" 1902—1905 годовъ, никакія запоздалыя сѣтованія по поводу преувеличенія боевыхъ задачъ тѣми, кто въ свое время только борьбой могъ обезпечить правильный приступъ къ выполненію этихъ задачъ, не поколеблютъ значенія сдѣланныхъ уже завоеваній.

Я упомянулъ только что объ узкихъ рамкахъ кружковъ временъ старой „Искры" (съ конца 1903 года, съ № 51 „Искра" повернула къ меньшевизму и провозгласила: „между старой и новой „Искрой" лежитъ пропасть", — слова Троцкаго въ брошюрѣ, одобренной меньшевистской редакціей „Искры"). Объ этой кружковщинѣ современному читателю приходится сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ. И въ брошюрѣ „Что дѣлать?", и въ печатаемой дальше брошюрѣ „Шагъ впередъ, два шага назадъ" читатель видитъ передъ собой страстную, подчасъ озлобленную, истребительную борьбу *заграничныхъ кружковъ*. Несомнѣнно, что эта борьба имѣетъ много непривлекательныхъ сторонъ. Несомнѣнно, что эта борьба кружковъ представляетъ изъ себя явленіе, возможное только при очень еще юномъ, незрѣломъ состояніи рабочаго движенія въ данной странѣ. Несомнѣнно, что современные дѣятели современнаго рабочаго движенія въ Россіи должны порвать со многими кружковщинскими традиціями, должны забыть и отбросить многія мелочи кружковой жизни и кружковой свары, чтобы усиленно выполнить задачи соціалдемократіи въ данную эпоху. Расширеніе партіи *пролетарскими* элементами одно только можетъ, въ связи съ открытой массовой дѣятельностью, вытравить всѣ унаслѣдованные отъ прошлаго и не соотвѣтствующіе задачамъ настоящаго слѣды кружковщины. И переходъ къ демократической организаціи рабочей партіи, провозглашенный большевиками въ „Новой Жизни" въ ноябрѣ 1905 года, сейчасъ же, какъ только создались условія для открытой дѣятельности,—этотъ переходъ былъ уже, по существу дѣла, безповоротнымъ разрывомъ съ тѣмъ, что отжило въ старой кружковщинѣ.

Да, „съ тѣмъ, что отжило", ибо недостаточно осудить кружковщину, надо умѣть понять ея значеніе при своеобразныхъ условіяхъ прежней эпохи. Въ свое время кружки были необходимы

и сыграли положительную роль. Въ самодержавной странѣ — вообще, въ тѣхъ условіяхъ, которыя созданы были всей исторіей *русскаго* революціоннаго движенія въ особенности, соціалистическая рабочая партія *не могла* развиться иначе, какъ изъ кружковъ. Кружки, т.-е. тѣсныя, замкнутыя, почти всегда на личной дружбѣ основанныя сплоченія очень малаго числа лицъ были необходимымъ этапомъ развитія соціализма и рабочаго движенія въ Россіи. По мѣрѣ роста этого движенія стала задача объединенія этихъ кружковъ, созданія прочной связи между ними, установленія преемственности. Рѣшить эту задачу нельзя было безъ созданія крѣпкой операціонной базы „за предѣлами досягаемости" самодержавія, *т.-е. за границей.* Заграничные кружки возникли, такимъ образомъ, въ силу необходимости. Между ними не было связи, надъ ними не было авторитета русской партіи, они расходились неизбѣжно въ пониманіи основныхъ задачъ движенія въ данный моментъ, т.-е. въ пониманіи того, *какъ именно* слѣдуетъ строить ту или иную операціонную базу и въ какомъ направленіи помогать общепартійному строительству. При такихъ условіяхъ борьба между этими кружками была неотвратима. Теперь, глядя назадъ, мы ясно видимъ, какой кружокъ дѣйствительно въ состояніи былъ выполнить функцію операціонной базы. Но тогда, въ началѣ дѣятельности различныхъ кружковъ, этого никто не могъ сказать, и только борьба могла рѣшить споръ. Парвусъ, помнится, упрекалъ впослѣдствіи старую „Искру" въ истребительной кружковой борьбѣ и проповѣдывалъ заднимъ числомъ примирительную политику. Но это легко сказать заднимъ числомъ, и сказать это — значитъ обнаружить непониманіе тогдашнихъ условій. Во-первыхъ, не было никакого критерія силы и *серьезности* тѣхъ или иныхъ кружковъ. Много было дутыхъ, которые теперь забыты, но которые въ свое время борьбой хотѣли доказать свое право на существованіе. Во-вторыхъ, разногласія между кружками состояли въ томъ, какъ *направить* новую еще тогда работу. Я отмѣчалъ уже и тогда (въ „Что дѣлать?"), что разногласія кажутся малыми, но на дѣлѣ имѣютъ громадное значеніе, ибо въ началѣ новой работы, въ началѣ соціалдемократическаго движенія опредѣленіе общаго характера этой работы и этого движенія скажется на пропагандѣ, агитаціи и организаціи самымъ существеннымъ образомъ. Всѣ позднѣйшіе споры между с.-д. шли о томъ, какъ направлять политическую дѣятельность рабочей партіи въ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Тогда же рѣчь шла объ опредѣленіи самыхъ общихъ основъ и коренныхъ задачъ *всякой* соціалдемократической политики вообще.

Кружковщина сдѣлала свое дѣло и теперь, конечно, пережила себя. Но она пережила себя потому и только потому, что борьба кружковъ самымъ острымъ образомъ поставила краеугольные вопросы соціалдемократіи, рѣшила ихъ въ непримиримомъ революціонномъ духѣ и создала тѣмъ прочную базу для широкой партійной работы.

Изъ частныхъ вопросовъ, возбужденныхъ литературой въ связи съ брошюрой „Что дѣлать?", отмѣчу только два слѣдующіе. Плехановъ въ „Искрѣ" 1904 года, вскорѣ послѣ выхода брошюры „Шагъ впередъ, два шага назадъ", провозгласилъ принципіальное разногласіе со мной по вопросу о стихійности и сознательности. Я не отвѣчалъ ни на это провозглашеніе (если не считать одного примѣчанія въ женевской газетѣ „Впередъ"), ни на многочисленныя повторенія на эту тему въ меньшевистской литературѣ. Не отвѣчалъ потому, что плехановская критика носила явный характеръ пустой придирки, основывалась на вырванныхъ изъ связи фразахъ, на отдѣльныхъ выраженіяхъ, не вполнѣ ловко или не вполнѣ точно мною формулированныхъ, причемъ игнорировалось общее содержаніе и весь духъ брошюры. „Что дѣлать?" вышло въ мартѣ 1902 г. Проектъ партійной программы (плехановскій, съ поправками редакціи „Искры") напечатанъ въ іюнѣ или іюлѣ 1902 года. Отношеніе стихійнаго къ сознательному было формулировано въ этомъ проектѣ по общему согласію редакціи „Искры" (споры о программѣ между Плехановымъ и мной велись внутри редакціи, но какъ разъ не по этому вопросу, а по вопросамъ о вытѣсненіи мелкаго производства крупнымъ, причемъ я требовалъ формулировки болѣе опредѣленной, чѣмъ плехановская, и о различіи точки зрѣнія пролетаріата или трудящихся классовъ вообще, причемъ я настаивалъ на болѣе узкомъ опредѣленіи чисто пролетарскаго характера партіи).

Слѣдовательно, ни о какой принципіальной разницѣ между проектомъ программы и „Что дѣлать?" по этому вопросу не могло быть и рѣчи. На второмъ съѣздѣ (августъ 1903 г.) Мартыновъ тогдашній экономистъ, сталъ спорить противъ нашихъ взглядовъ на стихійность и сознательность, выраженныхъ въ программѣ. Мартынову возражали всѣ искровцы, какъ я подчеркиваю въ брошюрѣ „Шагъ впередъ и т. д.". Ясно отсюда, что разногласіе по существу было между искровцами и экономистами, которые нападали на то, *что было общаго* въ „Что дѣлать?" и въ проектахъ программы. Спеціально же свои формулировки, данныя въ „Что дѣлать?", я и на второмъ съѣздѣ не думалъ возводить въ нѣчто „программное", составляющее особые принципы. Напротивъ, я

употребилъ выраженіе, впослѣдствіи часто цитировавшееся, о перегибаніи палки. Въ „Что дѣлать?“ выгибается палка, искривляемая экономистами, сказалъ я (см. протоколы второго съѣзда Р. С.-Д. Р. П. въ 1903 г. Женева, 1904 г.), и именно потому, что мы энергично выгибаемъ искривленія, наша „палка“ будетъ всегда наиболѣе прямая.

Смыслъ этихъ словъ ясенъ: „Что дѣлать?“ полемически исправляетъ экономизмъ, и разсматривать его содержаніе внѣ этой задачи брошюры неправильно. Замѣчу, что статья Плеханова противъ „Что дѣлать?“ *не* перепечатана въ сборникѣ новой „Искры“ („За два года“), и поэтому я не касаюсь теперь доводовъ Плеханова, а объясняю только суть дѣла современному читателю, который можетъ встрѣтить ссылки на этотъ вопросъ въ очень многихъ меньшевистскихъ произведеніяхъ.

Другое замѣчаніе относится къ вопросу объ экономической борьбѣ и о профессіональныхъ союзахъ. Въ литературѣ нерѣдко превратно излагаются мои взгляды по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть поэтому, что многія страницы въ „Что дѣлать?“ посвящены разъясненію *громаднаго* значенія экономической борьбы и профессіональныхъ союзовъ. Въ частности, я высказался тогда за *нейтральность* профессіональныхъ союзовъ. Съ тѣхъ поръ ни въ брошюрахъ, ни въ газетныхъ статьяхъ *я не высказывался иначе*, вопреки многимъ утвержденіямъ моихъ оппонентовъ. Только Лондонскій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартскій международный соціалистическій конгрессъ заставили меня придти къ выводу, что нейтральность профессіональныхъ союзовъ *принципіально* отстаивать нельзя. Тѣснѣйшее сближеніе союзовъ съ партіей—таковъ единственно вѣрный принципъ. Стремленіе сблизить и связать союзы съ партіей—такова должна быть наша политика, причемъ проводить ее необходимо настойчиво и выдержанно во всей нашей пропагандѣ, агитаціи, въ организаціонной дѣятельности, не гоняясь за простыми „признаніями“ и не выгоняя несогласномыслящихъ изъ профессіональныхъ союзовъ.

Брошюра „Шагъ впередъ, два шага назадъ“ вышла въ Женевѣ лѣтомъ 1904 года. Она описываетъ первую стадію раскола между меньшевиками и большевиками, начавшагося на второмъ съѣздѣ (августъ 1903 года). Изъ этой брошюры я выкинулъ около половины, ибо мелкія подробности организаціонной борьбы, особенно изъ-за личнаго состава партійныхъ центровъ, абсолютно не

могутъ интересовать современнаго читателя и заслуживаютъ, по существу дѣла, забвенія. Существеннымъ кажется мнѣ здѣсь анализъ борьбы тактическихъ и другихъ взглядовъ на второмъ съѣздѣ и полемика съ организаціонными взглядами меньшевиковъ: то и другое необходимо для пониманія меньшевизма и большевизма, какъ теченій, наложившихъ свой отпечатокъ на всю дѣятельность рабочей партіи въ нашей революціи.

Изъ преній на второмъ съѣздѣ с.-д. партіи отмѣчу пренія объ аграрной программѣ. События, несомнѣнно, доказали, что наша тогдашняя программа (возвращеніе отрѣзковъ) была непомѣрно узка и *не дооцѣнивала* силы революціонно-демократическаго крестьянскаго движенія,—объ этомъ я скажу подробнѣе во второмъ томѣ настоящаго изданія. Здѣсь же важно подчеркнуть, *что и эта непомѣрно узкая* аграрная программа казалась *слишкомъ широкой* правому крылу с.-д. партіи въ то время. Мартыновъ и другіе экономисты боролись противъ нея за то, что она идетъ будто бы слишкомъ далеко! Отсюда можно видѣть, какое серьезное практическое значеніе имѣла вся борьба старой „Искры“ съ экономизмомъ, борьба противъ суженія и приниженія всего характера соціалдемократической политики.

Разногласія съ меньшевиками въ то время (первая половина 1904 года) ограничивались организаціонными вопросами. Я формулировалъ позицію меньшевиковъ, какъ „оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ“. П. Б. Аксельродъ, возражая на это, писалъ Каутскому: „со своимъ слабымъ разсудкомъ, я не въ состояніи понять, что эта за штука такая: „оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ“,—выдвигаемый на сцену, какъ нѣчто самостоятельное, внѣ органической связи съ программными и тактическими взглядами“ (письмо отъ 6 іюня 1904 года, перепечатано въ сборникѣ новой „Искры“ — „За два года“, ч. II, стр. 149).

Какова органическая связь оппортунизма въ организаціонныхъ и въ тактическихъ взглядахъ, это достаточно показала вся исторія меньшевизма въ 1905—1907 годахъ. Что же касается до „непонятной штуки“: „оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ“, то жизнь подтвердила правильность моей оцѣнки такъ блестяще, какъ я не могъ и ожидать. Достаточно указать, что *меньшевикъ* Череванинъ и тотъ вынужденъ признать теперь (см. его брошюру о Лондонскомъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. 1907 года), что изъ организаціонныхъ плановъ Аксельрода (пресловутый „рабочій съѣздъ“ и т. д.) вытекаютъ лишь губящіе дѣло пролетаріата расколы. Мало того. Тотъ же меньшевикъ Череванинъ разсказы-

ваетъ тамъ, что Плеханову въ Лондонѣ пришлось бороться внутри меньшевистской фракціи противъ *„организаціоннаго анархизма“*. Итакъ, не напрасно боролся я въ 1904 году съ „оппортунизмомъ въ организаціонныхъ вопросахъ“, если въ 1907 году и Череванину, и Плеханову пришлось признать „организаціонный анархизмъ“ вліятельныхъ меньшевиковъ.

Отъ организаціоннаго оппортунизма меньшевики пошли къ тактическому. Брошюра „Земская кампанія и планъ Искры“ (вышла въ Женевѣ въ концѣ 1904 года, кажется, въ ноябрѣ или декабрѣ) отмѣчаетъ первый шагъ ихъ по этому пути. Въ современной литературѣ нерѣдко можно встрѣтить мѣста, что разногласія по вопросу о земской кампаніи были вызваны отрицаніемъ — со стороны большевиковъ — всякой пользы за демонстраціями передъ земцами. Читатель увидитъ, что это совершенно ошибочный взглядъ. Разногласіе было вызвано тѣмъ, что меньшевики заговорили тогда о невызываніи *паники* у либераловъ, а еще болѣе тѣмъ, что послѣ ростовской стачки 1902 г., послѣ лѣтнихъ стачекъ и баррикадъ 1903 года, наканунѣ 9 января 1905 года меньшевики превозносили демонстраціи передъ земцами, какъ *высшій типъ* демонстрацій. Въ № 1 большевистской газеты „Впередъ“ (Женева, январь 1905 г.) эта оцѣнка меньшевистскаго „плана земской кампаніи“ была выражена въ заглавіи посвященнаго вопросу фельетона: „Хорошія демонстраціи пролетаріевъ и плохія разсужденія интеллигентовъ“.

Послѣдняя перепечатываемая здѣсь брошюра: „Двѣ тактики соціалдемократіи въ демократической революціи“ вышла въ Женевѣ лѣтомъ 1905 года. Здѣсь излагаются уже систематически *основныя* тактическія разногласія съ меньшевиками, — резолюціи весенняго „3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П.“ въ Лондонѣ (большевистскаго) и меньшевистской конференціи въ Женевѣ вполнѣ оформили эти разногласія и привели ихъ къ *коренному* расхожденію въ оцѣнкѣ всей нашей буржуазной революціи съ точки зрѣнія задачъ пролетаріата. Большевики указывали пролетаріату роль *вождя* въ демократической революціи. Меньшевики сводили его роль къ задачамъ „крайней оппозиціи“. Большевики положительно опредѣляли классовый характеръ и классовое значеніе революціи, говоря: побѣдоносная революція, это — „революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства“. Меньшевики понятіе буржуазной революціи всегда толковали такъ неправильно, что у нихъ получалось примиреніе съ подчиненной и зависимой отъ буржуазіи ролью пролетаріата въ революціи.

Извѣстно, какъ отразились на практикѣ эти принципіальныя разногласія. Бойкотъ булыгинской Думы большевиками и колебанія меньшевиковъ. Бойкотъ виттевской Думы большевиками и колебанія меньшевиковъ, звавшихъ выбирать, но не въ Думу. Поддержка кадетскаго министерства и кадетской политики въ 1-й Думѣ меньшевиками и рѣшительное разоблаченіе конституціонныхъ иллюзій и кадетской контръ-революціонности большевиками вмѣстѣ съ пропагандой идеи „исполнительнаго комитета лѣвыхъ“. Далѣе, лѣвый блокъ у большевиковъ на выборахъ во 2-ю Думу и блоки съ кадетами у меньшевиковъ и т. д., и т. п.

Теперь „кадетскій періодъ“ русской революціи (выраженіе брошюры: „Побѣды кадетовъ и задачи рабочей партіи“, мартъ 1906 года), кажется, пришелъ къ концу. Контръ-революціонность кадетовъ разоблачена вполнѣ. Кадеты сами начинаютъ признаваться въ томъ, что все время они боролись противъ революціи, и г. Струве откровенно договариваетъ завѣтныя мысли кадетскаго либерализма. Чѣмъ внимательнѣе будетъ оглядываться теперь сознательный пролетаріатъ на весь этотъ кадетскій періодъ въ цѣломъ, на весь этотъ „конституціонный зигзагъ“,— тѣмъ очевиднѣе будетъ становиться, что большевики оцѣнили заранѣе и этотъ періодъ и сущность партіи к.-д. вполнѣ правильно, что меньшевики, дѣйствительно, вели ошибочную политику, объективное значеніе которой равнялось замѣнѣ пролетарской политики политикой подчиненія пролетаріата буржуазному либерализму.

Бросая общій взглядъ на борьбу двухъ теченій въ русскомъ марксизмѣ и въ русской соціалдемократіи за 12 лѣтъ (1895—1907), нельзя не придти къ выводу, что „легальный марксизмъ“, „экономизмъ“ и „меньшевизмъ“ представляютъ изъ себя различныя формы проявленія одной и той же исторической тенденціи. „Легальный марксизмъ“ г. Струве (1894) и ему подобныхъ былъ *отраженіемъ марксизма въ буржуазной литературѣ*. „Экономизмъ“, какъ особое направленіе соціалдемократической работы въ 1897 и слѣдующихъ годахъ, фактически осуществилъ программу *буржуазно-либеральнаго „credo“*: рабочимъ—экономическая, либераламъ—политическая борьба. Меньшевизмъ — не только литературное теченіе, не только направленіе с.-д. работы, а сплоченная фракція, которая провела въ теченіе перваго періода русской революціи (1905—1907 годы) особую поли-

тику, *на дѣлѣ подчинявшую пролетаріатъ буржуазному либерализму* *).

Во всѣхъ капиталистическихъ странахъ пролетаріатъ неизбѣжно связанъ тысячами переходныхъ ступеней со своимъ сосѣдомъ справа—съ мелкой буржуазіей. Во всѣхъ рабочихъ партіяхъ неизбѣжно образованіе болѣе или менѣе ярко обрисованнаго праваго крыла, которое въ своихъ взглядахъ, въ своей тактикѣ, въ своей организаціонной „линіи“ выражаетъ тенденціи мелко-буржуазнаго оппортунизма. Въ такой мелкобуржуазной странѣ, какъ Россія, въ эпоху буржуазной революціи, въ эпоху первыхъ зачатковъ молодой рабочей с.-д. партіи эти тенденціи не могли не проявиться гораздо рѣзче, опредѣленнѣе, ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Ознакомленіе съ различными формами проявленія этой тенденціи въ россійской соціалдемократіи въ разные періоды ея развитія необходимо для укрѣпленія революціоннаго марксизма, для закаленія русскаго рабочаго класса въ его освободительной борьбѣ.

Сентябрь, 1907 г.

---

*) Анализъ борьбы различныхъ теченій и оттѣнковъ на второмъ съѣздѣ партіи (см. брошюру «Шагъ впередъ, два шага назадъ», 1904 г.) доказываетъ неопровержимо прямую и непосредственную связь «экономизма» 1897 и слѣдующихъ годовъ съ «меньшевизмомъ». А связь «экономизма» въ соціалдемократіи съ «легальнымъ марксизмомъ» или «струвизмомъ» 1895—1897 годовъ я показалъ въ брошюрѣ «Что дѣлать?» (1902 г.). Легальный марксизмъ-экономизмъ-меньшевизмъ связаны не только идейно, они связаны также прямой исторической преемственностью.

Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве.

(Отраженіе марксизма въ буржуазной литературѣ).

По поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи". Пгр. 1894 г.

Статья изъ сборника: „Матеріалы къ характеристикѣ нашего хозяйственнаго развитія". Пгр., 1895 г.

Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве.

Названная книга г. Струве представляетъ изъ себя систематическую критику народничества, понимая это слово въ широкомъ смыслѣ — какъ теоретическую доктрину, опредѣленно рѣшающую важнѣйшіе соціологическіе и экономическіе вопросы, и какъ „систему догматовъ экономической политики“ (VII с.). Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книгѣ выдающійся интересъ, но еще важнѣе въ этомъ отношеніи та точка зрѣнія, съ которой ведется критика. О ней авторъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее:

„Примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ взглядамъ, онъ (авторъ) нисколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Ортодоксіей онъ не зараженъ“. (IX).

Изъ всего содержанія книги явствуетъ, что подъ этими „совершенно опредѣлившимися въ литературѣ взглядами“ разумѣются взгляды марксистскіе. Спрашивается, какія же именно „нѣкоторыя основныя“ положенія марксизма авторъ принимаетъ и какія отвергаетъ? — почему и насколько? Авторъ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому для выясненія того, что именно въ этой книгѣ можетъ быть отнесено на счетъ марксизма, — какія положенія доктрины авторъ принимаетъ и насколько послѣдовательно ихъ выдерживаетъ, — какія отвергаетъ и что въ этихъ случаяхъ получается, — для выясненія всего этого необходимъ подробный разборъ книги.

Содержаніе ея чрезвычайно разнообразно: авторъ даетъ, во-первыхъ, изложеніе „субъективнаго метода въ соціологіи“, принимаемаго нашими народниками, критикуетъ его и противопоставляетъ ему методъ „историко-экономическаго матеріализма“. Затѣмъ онъ даетъ экономическую критику народничества, во-первыхъ, на основаніи „общечеловѣческаго опыта“ (с. IX) и, во-вторыхъ, на основаніи данныхъ русской экономической исторіи и дѣйствительности. Это разнообразіе содержанія (совершенно неизбѣжное при критикѣ крупнѣйшаго теченія нашей общественной мысли) опредѣляетъ и форму разбора: приходится слѣдить шагъ за шагомъ за изложеніемъ автора, останавливаясь на каждомъ рядѣ его аргументовъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору книги, мнѣ кажется необходимымъ остановиться подробнѣе на нѣкоторомъ предварительномъ объясненіи. Задача настоящей статьи — критика книги г. Струве съ точки зрѣнія человѣка „примыкающаго" *по всѣмъ* (а не по „нѣкоторымъ" только) „основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ взглядамъ".

Взгляды эти не разъ уже излагались съ цѣлью критики на страницахъ либерально-народнической печати, и это изложеніе до безобразія затемнило ихъ, — даже болѣе того: исказило, припутавъ не имѣющія никакого отношенія къ нимъ гегеліянство, „вѣру въ обязательность для каждой страны пройти черезъ фазу капитализма" и много другого, чисто уже нововременскаго вздора.

Особенно практическая сторона доктрины, примѣненіе ея къ русскимъ дѣламъ, подвергалась искаженіямъ. Не желая понять, что исходнымъ пунктомъ доктрины русскаго марксизма является совершенно иное представленіе о русской дѣйствительности, наши либералы и народники сличали доктрину со своимъ старымъ взглядомъ на эту дѣйствительность и получали выводы не только ни съ чѣмъ несообразные, но еще вдобавокъ возводящіе на марксистовъ самыя дикія обвиненія.

Не опредѣливъ съ точностью своего отношенія къ народничеству, — мнѣ представляется поэтому невозможнымъ приступить къ разбору книги г. Струве. Кромѣ того, предварительное сличеніе народнической и марксистской точекъ зрѣнія необходимо для разъясненія многихъ мѣстъ разбираемой книги, которая ограничивается объективной стороной доктрины и оставляетъ почти вовсе въ сторонѣ практическіе выводы.

Сличеніе это покажетъ намъ, какіе есть общіе исходные пункты у народничества и марксизма и въ чемъ ихъ коренное отличіе. При этомъ удобнѣе взять старое русское народничество, такъ какъ оно, во-первыхъ, неизмѣримо выше современнаго (представляемаго органами вродѣ „Рус. Богатства") въ отношеніи послѣдовательности и договоренности, а, во-вторыхъ, цѣльнѣе показываетъ лучшія стороны народничества, къ которымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примыкаетъ и марксизмъ.

Возьмемъ одну изъ такихъ professions de foi стараго русскаго народничества и будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ.

ГЛАВА I.

Подстрочный комментарій къ народнической profession de foi.

Въ CCLXII томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ *) помѣщена, безъ имени автора, статья: „Новые всходы на народной нивѣ“, которая рельефно выдвигаетъ прогрессивныя стороны народничества въ противовѣсъ русскому либерализму

Авторъ начинаетъ съ того, что „теперь“ протестовать противъ „людей, выдѣляющихся изъ народной среды и становящихся на высшую общественную ступень“, считается „чуть не измѣной“.

„Еще недавно одинъ литературный оселъ лягнулъ „Отечественныя Записки“ за *пессимизмъ къ народу*, какъ онъ выразился по поводу небольшой рецензіи о книжкѣ Златовратскаго, въ которой, кромѣ пессимизма къ ростовщичеству и развращающему вліянію полтины вообще, ничего пессимистическаго не было; а когда, затѣмъ, Гл. Успенскій написалъ комментарій къ своимъ послѣднимъ очеркамъ („О. З.“ 78, № 11), то либеральное болото, совсѣмъ какъ въ сказкѣ, всколыхалось.... и, нежданно-негаданно, явилось такое множество защитниковъ народа, что мы, по истинѣ, удивились тому, что народъ имѣетъ столько друзей.... Я не могу не сочувствовать... постановкѣ вопроса о красавицѣ-деревнѣ и объ отношеніи къ ней литературныхъ парней или, лучше сказать, не парней, а старыхъ волокитъ изъ гг. дворянъ, лакеевъ и молодого купечества.... Пѣть деревнѣ серенады и „строить ей глазки“ вовсе еще не значитъ любить и уважать ее, точно такъ же, какъ указывать ея недостатки вовсе еще не значитъ—относиться къ ней враждебно. Если вы спросите того же самаго Успенскаго, къ чему больше лежитъ его душа, въ чемъ онъ видитъ больше залоговъ будущаго—въ деревнѣ или въ старо-дворянскомъ и ново-мѣщанскомъ населеніяхъ?—то развѣ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что онъ скажетъ: „въ деревнѣ“?

Это мѣсто весьма характерно. Во-первыхъ, оно показываетъ наглядно, въ чемъ сущность народничества: въ протестѣ противъ крѣпостничества (старо-дворянское населеніе) и буржуазности (ново-мѣщанское) въ Россіи *съ точки зрѣнія крестьянина, мелкаго производителя*. Во-вторыхъ, оно показываетъ въ то же время и мечтательность этого протеста, его отворачиваніе отъ фактовъ

Развѣ „деревня“ существуетъ гдѣ-нибудь *внѣ* „старо-дворянскихъ“ или „ново-мѣщанскихъ“ порядковъ? Развѣ не „деревню“ именно строили и строятъ по своему представители тѣхъ и дру-

*) Годъ 1897-ый, 1-ый томъ, «Современное Обозрѣніе», стр. 125—152.

тихъ? Деревня — это и есть „наслоеніе“ отчасти „старо-дворянское“, отчасти „ново-мѣщанское“. Какъ ни вертите деревню, — но если вы будете ограничиваться констатированіемъ дѣйствительности (объ этомъ только и идетъ рѣчь), а не возможностями, вы не сумѣете найти въ ней ничего иного, никакого третьяго „наслоенія“. И если народники *находятъ*, то только потому, что за деревьями не видятъ лѣса, за формой *землевладѣнія* отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ не видятъ экономической организаціи всего русскаго общественнаго хозяйства. Эта организація, превращая крестьянина въ товаропроизводителя, дѣлаетъ его мелкимъ буржуа, — мелкимъ обособленнымъ хозяиномъ на рынокъ; въ силу этого она исключаетъ возможность искать „залоговъ будущаго“ *позади*, и заставляетъ искать ихъ *спереди* — не въ „деревнѣ“, въ которой сочетаніе „старо-дворянскаго“ и “ново-мѣщанскаго“ наслоеній страшно ухудшаетъ положеніе труда и отнимаетъ у него возможность борьбы противъ владыкъ „ново-мѣщанскихъ“ порядковъ, такъ какъ самая противоположность ихъ интересовъ интересамъ труда недостаточно развита, — а въ вполнѣ развитомъ, до самаго конца „ново-мѣщанскомъ“ наслоеніи, вполнѣ очистившемся отъ „старо-дворянскихъ“ прелестей, обобществившемъ трудъ, довершившемъ и выяснившемъ ту соціальную противоположность, которая въ деревнѣ находится еще въ зачаточномъ, придавленномъ состояніи.

Теперь слѣдуетъ намѣтить тѣ теоретическія различія, которыя есть между доктринами, *приводящими* къ народничеству и марксизму, между *пониманіями* русской дѣйствительности и исторіи.

Пойдемъ дальше за авторомъ.

Онъ увѣряетъ „гг. возмутившихся духомъ“, что соотношеніе между народной бѣдностью и народной нравственностью Успенскій понимаетъ

„лучше многихъ поклонниковъ деревни, для которыхъ... деревня есть... нѣчто вродѣ либеральнаго паспорта, которымъ въ эпохи, подобныя переживаемымъ, запасаются обыкновенно всѣ неглупые и практическіе буржуа“

Почему бы это, думаете вы, г. народникъ, происходитъ такая прискорбная и обидная для человѣка, желающаго представлять интересы труда, вещь, какъ обращеніе въ „либеральный паспортъ“ того, въ чемъ онъ видитъ „залоги будущаго“? Это будущее должно исключать буржуазію, — а то, черезъ что хотите вы идти къ этому будущему, не только не встрѣчается враждебно „практическими и неглупыми буржуа“, а, напротивъ, охотно берется и берется за „паспортъ“.

Какъ вы думаете, мыслима ли была бы такая скандальная вещь, если бы „залоги будущаго“ стали указывать вы не тамъ, гдѣ соціальныя противоположности, свойственныя тому строю, въ которомъ хозяйничаютъ „практическіе и неглупые буржуа“, находятся еще въ неразвитомъ, зачаточномъ состояніи, а тамъ, гдѣ онѣ развиты до конца, до nec plus ultra, гдѣ нельзя, слѣдовательно, ограничиваться палліативами и полумѣрами, гдѣ нельзя

утилизировать desiderata трудящихся въ свою пользу, гдѣ вопросъ поставленъ ребромъ.

Не говорите ли вы сами ниже такой вещи:

„Не хотятъ понять пассивные друзья народа той простой вещи, что въ обществѣ всѣ дѣйствующія силы слагаются, обыкновенно, въ двѣ равнодѣйствующія, взаимно-противоположныя, и что пассивныя силы, не принимающія, повидимому, участія въ борьбѣ, служатъ только той силѣ, которая въ данную минуту имѣетъ перевѣсъ“ (с. 132).

Развѣ деревня не подпадаетъ подъ эту характеристику, развѣ она — какой-нибудь особый міръ, въ которомъ нѣтъ этихъ „взаимно-противоположныхъ силъ“ и борьбы, чтобы о ней можно было говорить огуломъ, не боясь сыграть на руку „имѣющей перевѣсъ силѣ“? Развѣ, разъ уже рѣчь пошла о борьбѣ, основательно начинать съ того, гдѣ содержаніе этой борьбы загромождено кучей постороннихъ обстоятельствъ, мѣшающихъ твердо и окончательно отдѣлить другъ отъ друга эти взаимно-противоположныя силы, мѣшающихъ видѣть ясно главнаго врага? Не очевидно ли, что та программа, которую выставляетъ авторъ въ концѣ статьи — образованіе, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, уменьшеніе податей — не въ состояніи затронуть ни на іоту того, кто имѣетъ перевѣсъ, а послѣдній пунктъ программы — „организація народной промышленности“ — уже предполагаетъ, вѣдь, что борьба не только была, но сверхъ того, что она уже кончилась побѣдой? Ваша программа сторонится отъ того антагонизма, наличность котораго вы сами не могли не признать. Поэтому она и не страшна хозяевамъ „ново-мѣщанскаго наслоенія“. Ваша программа — мелко-буржуазная мечта. Вотъ почему только и годна она на то, чтобы быть „либеральнымъ паспортомъ“.

„Люди, для которыхъ деревня есть отвлеченное понятіе, а мужикъ — отвлеченный Нарцисъ, даже думаютъ плохо, когда говорятъ, что деревню нужно только хвалить и утверждать, что она отлично противостоитъ всѣмъ разрушающимъ ее вліяніямъ. Если деревня поставлена въ такія условія, что каждый день должна биться изъ-за копейки, если ее обираютъ ростовщики, обманываютъ кулаки, притѣсняютъ помѣщики, если ее иногда сѣкутъ въ волостномъ правленіи, то развѣ это можетъ оставаться безъ вліянія на ея нравственную сторону?... Если рубль, эта капиталистическая луна, выплываетъ на первый планъ деревенскаго ландшафта, если на него обращаются всѣ взоры, всѣ помыслы и душевныя силы, если онъ становится цѣлью жизни и мѣриломъ способностей личности, то развѣ можно скрывать этотъ фактъ и говорить, что мужикъ есть такой Косьма-безсребренникъ, которому вовсе не нужны деньги? Если въ деревнѣ замѣтны стремленія къ розни, расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ кулачество и стремится къ закабаленію слабѣйшаго крестьянства въ батраки, къ разрушенію общины и т. д., то развѣ можно, спрашиваю я, скрывать всѣ эти факты? Мы можемъ желать болѣе обстоятельнаго и всесторонняго ихъ изслѣдованія, можемъ объяснять ихъ себѣ гнетущими условіями бѣдности (съ голоду люди воруютъ, убиваютъ, а въ крайнихъ случаяхъ даже ѣдятъ другъ друга), то скрывать ихъ совсѣмъ невозможно. Скрывать ихъ значитъ защищать statum quo, значитъ защищать пресловутое laissez faire, laissez aller, пока грустныя явленія не примутъ ужасающихъ размѣровъ. Подрумянивать истину вообще всегда излишне“.

Опять-таки, какъ хороша эта характеристика деревни и какъ мелки выводы изъ нея! Какъ вѣрно подмѣчены факты и какъ

мизерно объясненіе, пониманіе ихъ! Снова видимъ мы тутъ гигантскую пропасть между desiderat'ами на счетъ защиты труда и средствами ихъ осуществленія. Капитализмъ въ деревнѣ — это для автора не болѣе, какъ „грустное явленіе". Несмотря на то, что онъ видитъ такой же капитализмъ и въ городѣ въ крупныхъ размѣрахъ, видитъ, какъ капитализмъ подчинилъ себѣ не только всѣ области народнаго труда, но даже и „прогрессивную" литературу, преподносящую буржуазныя мѣры отъ имени народа и во имя народа, — несмотря на это, онъ не хочетъ признать, что дѣло въ особой организаціи нашего общественнаго хозяйства, и утѣшаетъ себя мечтами, что это только грустное явленіе, вызванное „гнетущими условіями". А если-де не держаться теоріи невмѣшательства, тогда можно устранить эти условія. Да, если бы, да кабы! Но никогда еще не бывало на Руси политики невмѣшательства; всегда было вмѣшательство... въ пользу буржуазіи, и только сладкія грезы „послѣобѣденнаго спокойствія" могутъ породить надежду на измѣненіе этого безъ „перераспредѣленія соціальной силы между классами", какъ говоритъ г. Струве.

„Мы забываемъ, что обществу нашему нужны идеалы—политическіе, гражданскіе и иные—главнымъ образомъ для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чемъ не думать, что ищетъ оно ихъ не съ юношеской тревогой, а съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ, что разочаровывается оно въ нихъ не съ душевными муками, а съ легкостью аркадскаго принца. Таково, по крайней мѣрѣ, громадное большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никакихъ идеаловъ, потому что оно сыто и вполнѣ удовлетворяется утробными процессами".

Превосходная характеристика нашего либерально-народническаго общества.

Спрашивается, кто же теперь послѣдовательнѣе: „народники" ли, продолжающіе возиться и няньчиться съ этимъ „обществомъ", угощающіе его изображеніемъ ужасовъ „грядущаго" капитализма, „грозящаго зла" *), какъ выразился авторъ статьи, призывающіе его представителей сойти съ неправильнаго пути, на который „мы" уклонились и т. д., — или марксисты, которые такъ „узки", что рѣзко отграничиваютъ себя отъ общества и считаютъ необходимымъ обратиться исключительно къ тѣмъ, кто не „удовлетворяется" и *не можетъ удовлетворяться* „утробными процессами", для кого идеалы нужны, для кого они являются вопросомъ повседневной жизни.

Это — отношеніе институтки, — продолжаетъ авторъ. Это

„свидѣтельствуетъ о глубокомъ развращеніи мысли и чувства... Никогда еще не было такого приличнаго, лакированнаго, такого невиннаго вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго разврата. Развратъ этотъ есть цѣликомъ достояніе нашей новѣйшей исторіи, достояніе мѣщанской культуры (т.-е. буржуазныхъ, капиталистическихъ порядковъ, точнѣе сказать. В. И.), развившейся на почвѣ барства, дворянскаго сентиментализма, невѣжества и лѣни. Мѣщанство принесло въ жизнь свою науку, свой нравственный кодексъ и свои софизмы".

*) Грозящаго чему? утробнымъ процессамъ? Капитализмъ не только не «грозитъ» имъ, а, напротивъ, обѣщаетъ тончайшія и изысканнѣйшія яства.

Казалось бы, авторъ настолько вѣрно оцѣнилъ дѣйствительность, чтобы понять и единственно возможный выходъ. Ежели все дѣло въ нашей буржуазной культурѣ, — значитъ, не можетъ быть иныхъ „залоговъ будущаго", кромѣ какъ въ „антиподѣ" этой буржуазіи, потому что онъ одинъ окончательно „дифференцированъ" отъ этой „мѣщанской культуры", окончательно и безповоротно враждебенъ ей и неспособенъ ни на какіе компромиссы, изъ которыхъ такъ удобно выкраивать „либеральные паспорта".

Но нѣтъ. Можно еще помечтать. „Культура"—дѣйствительно одно „мѣщанство", одинъ развратъ. Но вѣдь это только результатъ стараго барства (самъ же сейчасъ призналъ, что она создана новѣйшей исторіей, той исторіей, которая именно и уничтожила старое барство) и лѣни, — нѣчто, значитъ, случайное и не имѣющее прочныхъ корней и т. д. и т. д. Начинаются фразы, не имѣющія никакого смысла, кромѣ отворачиванія отъ фактовъ и сантиментальнаго мечтанія, закрывающаго глаза на *наличность* „взаимно-противоположныхъ силъ". Слушайте:

„Ему (мѣщанству) нужно водворить ихъ (науку, нравственный кодексъ) на кафедрѣ, въ литературѣ, въ судѣ и въ другихъ пунктахъ жизни. (Выше мы видѣли, что оно *уже водворило ихъ* въ такомъ глубокомъ „пунктѣ жизни", какъ деревня. В. И.). Оно прежде всего не находитъ для этого достаточно годныхъ людей и, по необходимости, обращается къ людямъ другихъ традицій. (Это русская-то буржуазія „не находитъ людей"? Не стоитъ и опровергать этого, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ себя ниже опровергаетъ. В. И.). Люди эти не знаютъ дѣла (русскіе капиталисты? В. И.), шаги ихъ неопытны, движенія неуклюжи (достаточно „знаютъ дѣло", чтобы получить десятки и сотни процентовъ прибыли; достаточно „опытны" чтобы практиковать повсемѣстно truck-system; достаточно ловки, чтобы получать покровительственныя пошлины. Только тому, кто *непосредственно и прямо* не чувствуетъ на себѣ гнета этихъ людей, только мелкому буржуа и могла помѣститься такая фантазія. В. И.); они стараются подражать западно-европейской буржуазіи, выписываютъ книги, учатся (вотъ уже авторъ самъ долженъ признать фантастичность сочиненнаго имъ сейчасъ мечтанія: будто у насъ „мѣщанская культура" развилась на почвѣ *невѣжества*. Неправда. Именно *она* принесла пореформенной Россіи ея культурность, „образованность". „Подрумянивать истину", изображать врага безсильнымъ и безпочвеннымъ, „вообще всегда излишне". В. И.); порой ихъ беретъ сожалѣніе о прошломъ, а порой раздумье о будущемъ, такъ какъ слышны откуда-то голоса, что мѣщанство есть только наглый временщикъ, что наука его не выдерживаетъ критики, а нравственный кодексъ и совсѣмъ никуда не годится".

Это русская-то буржуазія грѣшитъ „сожалѣніемъ о прошломъ", „раздумьемъ о будущемъ"? Подите вы! И охота же людямъ самимъ себя морочить, клеветать такъ необъятно на бѣдную русскую буржуазію, будто она смущалась голосами о „негодности мѣщанства"! Не наоборотъ ли: не „смутились ли эти голоса", когда на нихъ хорошенько прикрикнули, не они ли это проявляютъ „раздумье о будущемъ"?..

И подобные господа удивляются еще и прикидываются непонимающими, за что ихъ называютъ романтиками.

„Между тѣмъ, надо спасаться. Мѣщанство не проситъ, а приказываетъ, подъ страхомъ погибели, идти на работу *). Не пойдешь, — оста-

*) Замѣтьте это, читатель. Когда народникъ говоритъ, что у насъ въ Россіи на работу приказываетъ идти *мѣщанство*, — тогда это правда, а когда марксистъ ска-

нешься безъ хлѣба и будешь стоять среди улицы—выкрикивать: „отставному штабсъ-капитану“, а то и совсѣмъ околѣешь съ голоду. И вотъ начинается работа, слышится визгъ, окрикъ, лязганье, идетъ суматоха. Работа спѣшная, не терпящая отлагательствъ. Наконецъ, механизмъ пущенъ. Визга и острыхъ звуковъ какъ будто бы меньше, части какъ будто бы обходятся, слышенъ только грохотъ чего то неуклюжаго. Но тѣмъ страшнѣе: доски гнутся все больше и больше, винты хлябаютъ и, того и гляди, все разлетится въ дребезги“.

Это мѣсто потому особенно характерно, что въ рельефной, лаконической, красивой формѣ содержитъ схему тѣхъ разсужденій, которыя любятъ облачать въ научную форму россійскіе народники. Исходя изъ безспорныхъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію фактовъ, доказывающихъ наличность противорѣчій при капиталистическомъ строѣ, наличность угнетенія, вымиранія, безработицы и т. д., они усиливаются доказать, что капитализмъ, — крайне нехорошая вещь, „неуклюжая“ (ср. В. В. Каблукова „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, *отчасти* и г. Николая — она), которая, „того и гляди“, разлетится вдребезги.

Глядимъ, вотъ уже много-много лѣтъ, какъ глядимъ, и видимъ, что эта сила, приказывающая русскому народу идти на работу, все крѣпнетъ и растетъ, хвастаетъ передъ всей Европой мощью создаваемой *ею* Россіи и радуется, конечно, тому, что „слышатся голоса“ только о необходимости уповать на то, что „винты расхлябаются“.

„У людей слабыхъ замираетъ сердце отъ страха. „Тѣмъ лучше“, говорятъ люди отчаянные. „Тѣмъ лучше, говоритъ и буржуазія: — скорѣе выпишемъ изъ-за границы новый механизмъ, скорѣе приготовимъ платформы, доски и другія грубыя части изъ домашняго матеріала, скорѣе заведемъ искусныхъ машинистовъ“. Между тѣмъ, нравственная сторона общества все это время находится въ самомъ скверномъ состояніи. Нѣкоторые входятъ во вкусъ новой дѣятельности и стараются черезъ силу, нѣкоторые отстаютъ и разочаровываются въ жизни“.

Бѣдная русская буржуазія! „Черезъ силу“ старается присвоить сверхстоимость и чувствуетъ себя скверно съ нравственной стороны! (Не забудьте, что страницей назадъ вся эта нравственность сводилась къ утробнымъ процессамъ и разврату). Понятно, что тутъ уже нѣтъ никакой надобности въ борьбѣ съ ней — да еще какой-то классовой борьбѣ, — а просто пожурить хорошенько — и она перестанетъ себя насиловать.

„О народѣ въ это время почти никто не думаетъ; между тѣмъ дѣлается, по правиламъ буржуазіи, все для народа, за его счетъ; между тѣмъ каждый общественный дѣятель и литература считаютъ долгомъ распространяться о его благѣ... Это либерально-кокетливое направленіе подавило всѣ остальныя и сдѣлалось преобладающимъ. Въ нашъ *демократическій вѣкъ* не только г. Суворинъ публично признается въ любви къ народу и говоритъ: „одно я всегда любилъ и умру съ этой любовью—народъ, я самъ вышелъ изъ народа“ (что еще ровно ничего не доказываетъ), но даже „Московскія Вѣдомости“ какъ-то совсѣмъ иначе относятся къ нему... и какъ-то, по своему, конечно, заботятся объ его благоустройствѣ. Въ настоящее время не осталось ни одного органа печати, по-

жетъ, что у насъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, — тогда г. В. В. закричитъ, что онъ стремится къ «замѣнѣ демократическаго (sic!!) строя капиталистическимъ».

добнаго покойной „Вѣсти“, т.-е. явно недружелюбнаго къ народу. Но явно недружелюбное отношеніе было лучше, потому что тогда врагъ былъ на чистоту, какъ на ладони: видно было, съ какой стороны онъ дуракъ, съ какой—плутъ. Теперь всѣ—друзья и въ то же время всѣ—враги; все перемѣшалось въ общемъ хаосѣ. Народъ, какъ говоритъ Успенскій, именно опутанъ какимъ-то туманомъ, сбивающимъ неопытнаго человѣка съ толку и пути. Прежде онъ видѣлъ передъ собой одну искреннюю беззаконность. Теперь же ему говорятъ, что онъ такъ же свободенъ, какъ и помѣщикъ: говорятъ, что онъ самъ управляетъ своими дѣлами; говорятъ, что его поднимаютъ изъ ничтожества и ставятъ на ноги, тогда какъ во всѣхъ этихъ заботахъ тянется, перевивая ихъ тонкою, но цѣпкою нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемѣріе“.

Что вѣрно, то вѣрно!

„Тогда далеко не всѣ занимались устройствомъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, поощряющихъ кулачество и оставляющихъ настоящихъ бѣдняковъ безъ кредита“.

Сначала можно бы подумать, что авторъ, понимая буржуазность кредита, долженъ совершенно сторониться отъ всякихъ такихъ буржуазныхъ мѣръ. Но отличительная и основная черта мелкаго буржуа — воевать противъ буржуазности средствами буржуазнаго же общества. Поэтому и авторъ, какъ и народники вообще, *исправляетъ* буржуазную дѣятельность, требуя болѣе широкаго кредита, кредита для настоящихъ бѣдняковъ!

„...Не толковали о необходимости интенсивнаго хозяйства, которому мѣшаетъ передѣлъ полей и община (?); не распространялись о тяжести подушныхъ податей, умалчивая о налогахъ косвенныхъ и о томъ, что подоходный налогъ превращается обыкновенно на практикѣ въ налогъ на тѣхъ же бѣдняковъ, не говорили о необходимости земельнаго кредита для покупки крестьянами земель у помѣщиковъ по ненормально высокимъ цѣнамъ и т. д.... То же самое и въ обществѣ: тамъ тоже такое множество друзей у народа, что только дается диву... Вѣроятно, скоро о любви къ народу станутъ говорить закладчики и цѣловальники.

Протестъ противъ буржуазности превосходенъ, но выводы мизерные: буржуазія царитъ и въ жизни и въ обществѣ. Казалось бы, слѣдуетъ отвернуться отъ общества и идти къ антиподу буржуазіи.

Нѣтъ, слѣдуетъ пропагандировать кредитъ для „настоящихъ бѣдняковъ“!

„Кто больше виноватъ въ подобномъ смутномъ положеніи вещей—литература или общество,—опредѣлить трудно, да и опредѣлять совершенно безполезно. Говорятъ, что рыба разлагается съ головы, но я не придаю этому чисто-кулинарному наблюденію никакого значенія“.

Разлагается буржуазное общество — вотъ, значитъ, мысль автора. Стоитъ подчеркнуть, что именно таковъ исходный пунктъ марксистовъ.

„А между тѣмъ, когда мы кокетничаемъ съ деревней и дѣлаемъ ей глазки, колесо исторіи вертится, дѣйствуютъ стихійныя силы, или, говоря понятнѣе и проще, къ жизни пристегиваются всевозможные пройдохи и перестраиваютъ ее по своему. Пока литература будетъ спорить о деревнѣ, о прекраснодушіи мужика и объ отсутствіи у него знаній, пока публицистъ будетъ исписывать цѣлыя ведра чернилъ по вопросамъ объ общинѣ и формахъ землевладѣнія, пока податная комиссія будетъ продолжать податную реформу,—деревня окажется въ конецъ обездоленной“.

Вотъ что! „Пока мы говоримъ — колесо исторіи вертится, дѣйствуютъ стихійныя силы“!

Какой бы шумъ вы подняли, друзья, когда бы это сказалъ я!

Когда марксисты говорятъ о „колесѣ исторіи и стихійныхъ силахъ“, поясняя притомъ съ точностью, что эти „стихійныя силы“ есть силы развивающейся буржуазіи, — гг. народники предпочитаютъ замалчивать вопросъ о томъ, вѣренъ ли и вѣрно ли оцѣненъ фактъ роста этихъ „стихійныхъ силъ“, и болтать непроходимую белиберду о томъ, какіе это „мистики и метафизики“ люди, способные говорить о „колесѣ исторіи“ и „стихійныхъ силахъ“.

Разница между выписаннымъ признаніемъ народника и обычнымъ положеніемъ марксистовъ только та — и весьма существенная разница — что между тѣмъ, какъ для народника эти „стихійныя силы“ сводятся къ „пройдохамъ“, которые „пристегиваются къ жизни“,—для марксиста стихійныя силы воплощаются въ *классѣ* буржуазіи, который является продуктомъ и выраженіемъ общественной „жизни“, представляющей изъ себя капиталистическую общественную формацію, а не случайно или извнѣ откуда-то „пристегивается къ жизни“. Оставаясь на поверхности различныхъ кредитовъ, податей, формъ землевладѣнія, передѣловъ, улучшенія и т. п., народникъ не можетъ видѣть у буржуазіи глубокихъ корней въ русскихъ производственныхъ отношеніяхъ и потому утѣшаетъ себя дѣтскими иллюзіями, что это не болѣе, какъ „пройдохи“. И естественно, что съ *такой* точки зрѣнія, дѣйствительно, будетъ абсолютно непонятно, причемъ тутъ классовая борьба, когда все дѣло только въ устраненіи „пройдохъ“. Естественно, что гг. народники на усиленныя и многократныя указанія марксистовъ на эту борьбу отвѣчаютъ ничего не понимающимъ молчаніемъ человѣка, который не видитъ класса, а видитъ только „пройдохъ“.

Съ классомъ можетъ бороться только *другой классъ*, и притомъ непремѣнно такой, который вполнѣ уже „дифференцированъ“ отъ своего врага, вполнѣ противоположенъ ему, но съ „пройдохами“, разумѣется, достаточно бороться одной полиціи, въ крайнемъ случаѣ, „обществу“ и „государству“.

Скоро мы увидимъ, однако, каковы эти „пройдохи“ по характеристикѣ самого народника, какъ глубоки ихъ корни, какъ всеобъемлющи ихъ общественныя функціи.

Далѣе, послѣ вышеописанныхъ словъ о „пассивныхъ друзьяхъ народа“ авторъ непосредственно продолжаетъ:

„Это—нѣчто худшее, чѣмъ вооруженный нейтралитетъ въ политикѣ, худшее потому, что тутъ всегда оказывается активная помощь сильнѣйшему. Какъ бы пассивный другъ ни былъ искрененъ въ своихъ чувствахъ, какое бы скромное и тихое положеніе онъ ни старался принять на житейскомъ поприщѣ, онъ все равно будетъ вредить друзьямъ“...

„...Для людей, болѣе или менѣе цѣльныхъ и искренно любящихъ народъ *), подобное положеніе вещей становится, наконецъ, невыносимо

---

*) Какъ неопредѣленны тутъ отличительные признаки отъ «пассивныхъ друзей»! Тѣ вѣдь тоже бываютъ «цѣльными» людьми и, несомнѣнно, «искренне» «любятъ народъ». Изъ предыдущаго противопоставленія съ очевидностью слѣдуетъ, что пассивному надо противопоставить того, кто участвуетъ въ борьбѣ «взаимно-противоположныхъ» *общественныхъ силъ*.

омерзительнымъ. Имъ становится стыдно и противно слушать это сплошное и приторное изъясненіе въ любви, которое повторяется изъ года въ годъ каждый день, повторяется и въ канцеляріяхъ, и въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ трактирахъ, за бутылкою клико, и никогда не переходитъ въ дѣло. Вотъ поэтому-то, въ концѣ концовъ, они и приходятъ къ огульному отрицанію всей этой мѣшанины".

Эта характеристика отношенія прежнихъ русскихъ народниковъ къ либераламъ почти цѣликомъ подошла бы къ отношенію марксистовъ къ теперешнимъ народникамъ. Марксистамъ тоже „невыносимо" уже слушать о помощи „народу" кредитами, покупками земель, техническими улучшеніями, артелями, общественными запашками *) и т. д. Они тоже требуютъ отъ людей, желающихъ стоять на сторонѣ... не „народа", нѣтъ, — а того, кому буржуазія приказываетъ идти на работу, — „огульнаго отрицанія" всей этой либерально-народнической мѣшанины. Они находятъ, что это „невыносимое" лицемѣріе — толковать о выборѣ путей для Россіи, о бѣдствіяхъ „грозящаго" капитализма, о „нуждахъ народной промышленности", когда во всѣхъ областяхъ этой народной промышленности царитъ капиталъ, идетъ глухая борьба интересовъ, и надо не замазывать, а раскрывать ее, — не мечтать: „лучше бы безъ борьбы" **), а *развивать* ее въ отношеніи прочности, преемственности, послѣдовательности и, главное, идейности.

„Вотъ поэтому-то, въ концѣ концовъ, и являются извѣстныя гражданскія заповѣди, извѣстныя категорическія требованія порядочности, требованія строгія и подчасъ даже узкія, за что ихъ въ особенности не долюбливаютъ ширококрылые либералы, любящіе просторъ въ потемкахъ и забывающіе ихъ логическое происхожденіе".

Превосходное пожеланіе! Безусловно необходимы именно „строгія" и „узкія" требованія.

Но бѣда въ томъ, что всѣ превосходныя намѣренія народниковъ оставались въ области „невинныхъ пожеланій". Несмотря на то, что они сознавали необходимость такихъ требованій, несмотря на то, что они имѣли весьма достаточно времени для ихъ осуществленія, — они до сихъ поръ не выработали ихъ, они постоянно сливались съ россійскимъ либеральнымъ обществомъ цѣлымъ рядомъ постоянныхъ переходовъ, они продолжаютъ сливаться съ нимъ и до сихъ поръ" ***).

Поэтому пускай уже они пеняютъ на себя, если теперь марксисты *противъ* нихъ выдвигаютъ требованія дѣйствительно очень „строгія" и очень „узкія", — требованія *исключительнаго* служенія *исключительно* одному классу (именно тому, который „дифференцированъ" отъ жизни), его самостоятельному развитію

---

*) Г. Южаковъ въ 7 пом. «Р. Б—ва» за 1894 г.

**) Выраженіе г-на Кривенко («Р. Б.», 94, № 10) въ отвѣтъ на слова г. Струве о «суровой борьбѣ общественныхъ классовъ».

***) Нѣкоторые наивные народники, въ простотѣ своей не понимающіе, что пишутъ противъ себя, даже хвалятся этимъ:

„Наша интеллигенція вообще, литература въ частности, — пишетъ г. В. В. *противъ* г. Струве, — даже представители наиболѣе буржуазныхъ теченій, носятъ на себѣ, такъ сказать, народническій характеръ" („Недѣля", 1894 г., № 47, стр. 1506).

и мышленію, требованія полнаго разрыва съ „гражданской“ „порядочностью“ россійскихъ „порядочныхъ“ буржуевъ.

„Какъ бы ни были, въ самомъ дѣлѣ, узки эти заповѣди въ частностяхъ, во всякомъ случаѣ ничего не скажешь противъ общаго требованія: „одно изъ двухъ: или будьте дѣйствительными друзьями, или же обратитесь въ открытыхъ враговъ“!

„Мы переживаемъ въ настоящее время чрезвычайно важный историческій процессъ—процессъ формированія третьяго сословія. Передъ нашими глазами совершается подборъ представителей и происходитъ организація новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью“.

Только еще „готовится“? А кто же „управляетъ“? Какая другая „общественная сила“?

Ужъ не та ли, которая выражалась въ органахъ à la „Вѣсть“?— Невозможно. Мы не въ 1894 году, а въ 1879 году, наканунѣ „диктатуры сердца“,—когда, по выраженію автора статьи, на „крайнихъ консерваторовъ показываютъ на улицѣ пальцемъ“, надъ ними „хохочутъ во всю глотку“.

Ужъ не „народъ“ ли, трудящіеся?—Отрицательный отвѣтъ даетъ вся статья автора.

И при этомъ говоритъ все еще: „готовится управлять“? Нѣтъ, сила эта давнымъ давно „приготовилась“, давнымъ давно „управляетъ“; „готовятся“ же только одни народники—выбирать лучшіе пути для Россіи, да такъ, должно быть, и пробираются до тѣхъ поръ, пока послѣдовательное развитіе классовыхъ противорѣчій не оттѣснитъ, не вытолкнетъ за бортъ всѣхъ, кто отъ нихъ сторонится *).

„Процессъ этотъ, начавшійся въ Европѣ гораздо раньше нашего, во многихъ государствахъ пришелъ уже къ концу, **) въ другихъ онъ еще задерживается обломками феодализма и противодѣйствіемъ рабочихъ классовъ, но историческое колесо и здѣсь съ каждымъ годомъ все больше и больше дробитъ эти обломки и укатываетъ жизнь для новыхъ порядковъ“.

Вотъ до какой степени не понимаютъ наши народники западно-европейскаго рабочаго движенія! Оно „задерживаетъ“, видите ли, капитализмъ,—и его, какъ „обломокъ“, ставятъ рядомъ съ феодализмомъ!

Наглядное доказательство того, что не только для Россіи, но и для Запада наши народники не въ состояніи понять того, какъ можно бороться съ капитализмомъ не „задерживаніемъ“ его развитія, а ускореніемъ его, не сзади, а спереди, не реакціонно, а прогрессивно.

„Въ общихъ чертахъ процессъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: между дворянствомъ и народомъ образуется новый общественный слой изъ элементовъ, опускающихся сверху, и элементовъ, подымающихся

---

*) Какъ въ жизни мелкій производитель рядомъ незамѣтныхъ переходовъ сливается съ буржуазіей,—такъ въ литературѣ народническія невинныя пожеланія становятся «либеральнымъ паспортомъ» для вмѣстителей утробныхъ процессовъ, пѣнкоснимателей и т. д.

**) Т.-е. что это значитъ: «пришелъ къ концу»? То ли, что уже виденъ его конецъ, что уже собирается «новая сила»?—Тогда онъ и у насъ приходитъ къ концу. Или то, что тамъ уже болѣе не нарождается третьяго сословія?—Это невѣрно, потому что и тамъ есть еще мелкіе производители, выдѣляющіе горстки буржуазіи и массы пролетаріата.

снизу, которые какъ бы имѣютъ одинаковый удѣльный вѣсъ, если можно такъ выразиться; элементы эти тѣсно сплачиваются, соединяются, претерпѣваютъ глубокое внутреннее измѣненіе и начинаютъ измѣнять и верхніе и нижніе слои, приспособляя ихъ къ своимъ потребностямъ. Процессъ этотъ чрезвычайно интересенъ самъ по себѣ, а для насъ онъ имѣетъ особенно важное значеніе. Для насъ тутъ представляется цѣлый рядъ вопросовъ: составляетъ ли господство третьяго сословія роковую и неизбѣжную ступень цивилизаціи каждаго народа?..“

Что за гиль? Откуда и причемъ тутъ „роковая неизбѣжность“? Не самъ ли авторъ описывалъ и еще подробнѣе будетъ описывать ниже господство третьяго сословія у *насъ*, на святой Руси, въ 70-ые годы?

Авторъ беретъ, очевидно, тѣ теоретическіе доводы, за которые прятались представители нашей буржуазіи.

Ну, какъ же это не мечтательная поверхность—принимать такія выдумки за чистую монету? не понимать, что за этими „теоретическими“ разсужденіями стоятъ *интересы*, интересы того общества, которое сейчасъ такъ вѣрно было оцѣнено, интересы буржуазіи?

Только романтикъ и можетъ думать, что можно силлогизмами бороться съ интересами.

„...Нельзя ли государству прямо съ одной стороны перейти на другую, не дѣлая при этомъ никакихъ сальтоморталей, которыя чудятся на каждомъ шагу черезчуръ предусмотрительнымъ филистерамъ, и не слушая фаталистовъ, видящихъ въ исторіи одинъ роковой порядокъ, вслѣдствіе котораго господство третьяго сословія такъ же неизбѣжно для государства, какъ неизбѣжна для человѣка старость или юность?...“

Вотъ какое глубокое пониманіе у народниковъ нашей дѣйствительности! Если государство содѣйствуетъ развитію капитализма,—то это вовсе не потому, что буржуазія владѣетъ той матеріальной силой, что „посылаетъ на работу“ народъ и гнетъ въ свою сторону политику. Вовсе нѣтъ. Дѣло просто въ томъ, что профессора Вернадскіе, Чичерины, Менделѣевы и проч. держатся неправильныхъ теорій о „роковомъ“ порядкѣ, а государство ихъ „слушаетъ“.

„...Нельзя ли, наконецъ, смягчить отрицательныя стороны наступающаго порядка, какъ-нибудь видоизмѣнить его или сократить время его господства? Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, государство есть нѣчто такое инертное, непроизвольное и безсильное, что не можетъ вліять на свои судьбы и измѣнять ихъ; неужели, и въ самомъ дѣлѣ, оно есть нѣчто вродѣ волчка, пускаемаго провидѣніемъ, который двигается по опредѣленному только пути, только извѣстное время и совершаетъ извѣстное число оборотовъ, или вродѣ организма съ весьма ограниченной волей; неужели, и въ самомъ дѣлѣ, имъ управляетъ нѣчто вродѣ гигантскаго чугуннаго колеса, которое давитъ всякаго дерзновеннаго, осмѣлившагося попытать ближайшихъ путей къ человѣческому счастью?!“

Это чрезвычайно характерное мѣсто, съ особенной наглядностью показывающее *реакціонность, мелкобуржуазность* того представительства интересовъ непосредственныхъ производителей, которое давалось и дается россійскими народниками. Будучи враждебно настроены противъ капитализма, мелкіе производители представляютъ изъ себя переходный классъ, смыкающійся съ буржуазіей, и потому не въ состояніи понять, что непріятный имъ

крупный капитализмъ—не случайность, а прямой продуктъ всего современнаго экономическаго (и соціальнаго, и политическаго, и юридическаго) строя, складывающагося изъ борьбы взаимно-противоположныхъ общественныхъ силъ. Только непониманіе этого и въ состояніи вести къ такой абсолютной нелѣпости, какъ обращеніе къ „государству", какъ будто бы политическіе порядки не коренились въ экономическихъ, не выражали ихъ, не служили имъ.

Неужели государство есть нѣчто инертное?—вопрошаетъ съ отчаяніемъ мелкій производитель, видя, что по отношенію къ его интересамъ оно, дѣйствительно, замѣчательно инертно.

Нѣтъ,—могли бы мы отвѣтить ему,—государство ни въ какомъ случаѣ не есть нѣчто инертное, оно всегда дѣйствуетъ и дѣйствуетъ очень энергично, всегда активно и никогда пассивно,—и авторъ самъ страничкой раньше характеризовать эту активную дѣйствительность, ея буржуазный характеръ, ея естественные плоды. Плохо только то, что онъ не хочетъ видѣть связи между такимъ ея характеромъ и капиталистической организаціей русскаго общественнаго хозяйства, и поэтому такъ поверхностенъ.

Неужели государство—волчокъ, неужели это—чугунное колесо?—спрашиваетъ Kleinbürger, видя, что „колесо" вертится вовсе не такъ, какъ онъ того желалъ бы.

О, нѣтъ,—могли бы мы отвѣтить ему,—это не волчокъ, не колесо, не законъ фатума, не воля провидѣнія; его двигаютъ „живыя личности" „сквозь строй препятствій!" *) (вродѣ, напр., сопротивленія непосредственныхъ производителей, или представителей старо-дворянскаго наслоенія), именно тѣ „живыя личности", которыя принадлежатъ къ имѣющей перевѣсъ общественной силѣ. И поэтому, чтобы заставить колесо вертѣться въ другую сторону, надо противъ „живыхъ личностей" (т.-е. общественныхъ элементовъ, принадлежащихъ не къ идеологическимъ состояніямъ, а прямо выражающихъ насущные экономическіе интересы) обратиться тоже къ „живымъ личностямъ", противъ класса—обратиться тоже къ классу. Для этого весьма недостаточно добрыхъ и невинныхъ положеній насчетъ „ближайшихъ путей",—для этого нужно „перераспредѣленіе соціальной силы между классами", для этого нужно стать идеологомъ не того непосредственнаго производителя, который стоитъ въ сторонѣ отъ борьбы, а того, который стоитъ въ самой горячей борьбѣ, который уже окончательно „дифференцированъ отъ жизни" буржуазнаго общества. Это *единственный*, а потому ближайшій „путь къ человѣческому счастью", путь, на которомъ можно добиться не только смягченія отрицательныхъ сторонъ положенія вещей, не только сократить его существованіе ускореніемъ его развитія, но и совсѣмъ положить конецъ ему, заставить „колесо" (не государствен-

*) Г. Н. Михайловскій, у г. Струве, с. 8: «Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій».

ныхъ уже, а соціальныхъ силъ) вертѣться совсѣмъ въ иную сторону.

Итакъ, авторъ не можетъ не признать, что буржуазія исполняетъ „важныя общественныя функціи",—функціи, которыя вообще можно выразить такъ: подчиненіе себѣ народнаго труда, руководство имъ и повышеніе его производительности. Авторъ не можетъ не видѣть того, что экономическій „прогрессъ", дѣйствительно, „связывается" съ этими элементами, т.-е., что наша буржуазія, дѣйствительно, несетъ съ собою экономическій, точнѣе сказать, техническій прогрессъ.

Но тутъ-то и начинается коренное различіе между идеологомъ мелкаго производителя и марксистомъ. Народникъ объясняетъ этотъ *фактъ* (связи между буржуазіей и прогрессомъ) тѣмъ, что „ловкіе люди" „пользуются обстоятельствами и минутой для своихъ интересовъ",—другими словами, считаетъ это явленіе случайнымъ и потому съ наивной смѣлостью заключаетъ: „безъ всякаго сомнѣнія эти люди всегда (!) могутъ быть замѣнены другими", которые тоже дадутъ прогрессъ, но прогрессъ не буржуазный.

„... Насъ занимаетъ только процессъ организаціи третьяго сословія, даже только люди, выходящіе изъ народной среды и становящіеся въ его ряды. Люди эти очень важны: они исполняютъ чрезвычайно важныя общественныя функціи, отъ нихъ прямо зависитъ степень интенсивности буржуазнаго порядка. Безъ нихъ не обходилась ни одна страна, гдѣ этотъ порядокъ водворялся. Если ихъ нѣтъ или недостаточно въ странѣ, то ихъ необходимо вызвать изъ народа, необходимо создать въ народной жизни такія условія, которыя способствовали бы ихъ образованію и выдѣленію, необходимо, наконецъ, охранять ихъ и помогать ихъ росту, пока они не окрѣпнутъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ прямымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы со стороны людей наиболѣе энергичныхъ которые пользуются обстоятельствами и минутой для своихъ интересовъ. Обстоятельства эти состоятъ, главнымъ образомъ, въ необходимости промышленнаго прогресса (въ замѣнѣ кустарнаго производства мануфактурнымъ и мануфактурнаго фабричнымъ, въ замѣнѣ одной системы полеводства другою, болѣе раціональною), безъ чего государство, дѣйствительно, обойтись не можетъ при извѣстной густотѣ населенія и международныхъ сношеніяхъ, и въ разладѣ политическомъ и нравственномъ, что обусловливается какъ экономическими факторами, такъ и ростомъ идей... Эти-то настоятельныя въ государственной жизни измѣненія и связываютъ обыкновенно ловкіе люди съ собою и съ извѣстными порядками, которые, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы быть замѣнены и всегда могутъ быть замѣнены другими, если другіе люди будутъ умнѣе и энергичнѣе, чѣмъ они были до сихъ поръ".

Марксистъ объясняетъ этотъ фактъ тѣми общественными отношеніями людей по производству матеріальныхъ цѣнностей, которыя складываются въ товарномъ хозяйствѣ, дѣлаютъ товаромъ трудъ, подчиняютъ его капиталу и поднимаютъ его производительность. Онъ видитъ тутъ не случайность, а необходимый продуктъ капиталистическаго устройства общественнаго хозяйства. Онъ видитъ поэтому выходъ не въ розсказняхъ о томъ, что „могутъ, безъ сомнѣнія", сдѣлать люди, замѣняющіе буржуа (сначала вѣдь надо еще „замѣнить",—а для этого однихъ словъ или обращенія къ обществу и государству недостаточно), а въ развитіи тѣхъ классовыхъ противорѣчій даннаго экономическаго порядка.

Всякій понимаетъ, что эти два объясненія діаметрально противоположны, что изъ нихъ вытекаютъ двѣ исключающія другъ друга системы дѣйствія. Народникъ, считая буржуазію случайностью, не видитъ связи ея съ государствомъ и съ довѣрчивостью „простодушнаго мужичка" обращается за помощью къ тому, кто именно и охраняетъ ея интересы. Его дѣятельность сводится къ той умѣренной и аккуратной, казенно-либеральной дѣятельности, которая совершенно равносильна съ филантропіей, ибо „интересовъ" серьезно не трогаетъ и нимало имъ не страшна. Марксистъ отворачивается отъ этой мѣшанины и говоритъ, что не можетъ быть иныхъ „залоговъ будущаго", кромѣ „суровой борьбы экономическихъ классовъ".

Понятно также, что если эти различія въ системахъ дѣйствія непосредственно и неизбѣжно вытекаютъ изъ различій *объясненія* факта господства нашей буржуазіи,—то марксистъ, ведя *теоретическій споръ*, ограничивается доказательствомъ необходимости и неизбѣжности (при данной организаціи общественнаго хозяйства) этой буржуазіи (это и вышло съ книгой г. Струве), и если народникъ, обходя вопросъ объ этихъ различныхъ пріемахъ объясненія, занимается разговорами о гегеліянствѣ и о „жестокости къ личности" *),—то это наглядно показываетъ лишь его безсиліе.

„Исторія третьяго сословія въ Западной Европѣ чрезвычайно длинная... Мы, конечно, всю эту исторію не повторимъ, вопреки ученію фаталистовъ; просвѣщенные представители нашего третьяго сословія не станутъ, конечно, также употреблять всѣхъ тѣхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, къ какимъ прибѣгали прежде, и возьмутъ изъ нихъ только наиболѣе подходящія и соотвѣтствующія условіямъ мѣста и времени. Для обезземеленія крестьянства и созданія фабричнаго пролетаріата они не станутъ, конечно, прибѣгать къ грубой военной силѣ или не менѣе грубой прочисткѣ помѣстій..."

„Не станутъ прибѣгать"...? Только у теоретиковъ слащаваго оптимизма и можно встрѣтить такое умышленное забываніе *фактовъ* прошлаго и настоящаго, которые уже сказали свое „да",— и розовое упованіе, что въ будущемъ, конечно, будетъ „нѣтъ". Конечно, это ложь.

„...а обратятся къ уничтоженію общиннаго землевладѣнія, созданію фермерства, немногочисленнаго класса зажиточныхъ крестьянъ**) и вообще къ средствамъ, при которыхъ экономически слабый погибаетъ самъ собой. Они не станутъ теперь создавать цеховъ, но будутъ устраивать кредитныя сырьевыя, потребительныя и производительныя ассоціаціи, которыя, суля общее счастье, будутъ только помогать сильному дѣлаться еще сильнѣе, а слабому еще слабѣе. Они не будутъ хлопотать о патримоніальномъ судѣ, но будутъ хлопотать о законодательствѣ для поощренія трудолюбія, трезвости и образованія, въ которыхъ будетъ подвизаться только молодая буржуазія, такъ какъ масса будетъ по прежнему пьянствовать, будетъ невѣжественна и будетъ трудиться за чужой счетъ".

Какъ хорошо характеризованы тутъ всѣ эти кредитныя, сырьевыя и всякія другія ассоціаціи, всѣ эти мѣры содѣйствія

*) Г. Михайловскій въ ном. 10 «Р. Б.» за 1894 г.

**) Это превосходно осуществляется и безъ уничтоженія общины, которая нисколько не устраняетъ раскола крестьянства, какъ это установлено земской статистикой.

трудолюбію, трезвости и образованію, къ которымъ такъ трогательно относится наша теперешняя либерально-народническая печать, „Русское Богатство“ въ томъ числѣ. Марксисту остается только подчеркнуть сказанное, согласиться вполнѣ, что, дѣйствительно, *все это не болѣе, какъ представительство третьяго сословія*, и, слѣдовательно, люди, пекущіеся объ этомъ, не болѣе, какъ *маленькіе буржуа*.

Эта цитата—достаточный отвѣтъ современнымъ народникамъ, которые изъ презрительнаго отношенія марксистовъ къ подобнымъ мѣрамъ заключаютъ, что они хотятъ быть „зрителями“, что они хотятъ сидѣть, сложа руки. Да, конечно, въ буржуазную дѣятельность они никогда не вложатъ своихъ рукъ, они всегда останутся по отношенію къ ней „зрителями“.

„Роль этого класса (выходцевъ изъ народа, мелкой буржуазіи), образующаго сторожевые пикеты, стрѣлковую цѣпь и авангардъ буржуазной арміи, къ сожалѣнію, очень мало интересовала историковъ и экономистовъ, тогда какъ роль его, повторяемъ, чрезвычайно важна. Когда совершалось разрушеніе общины и обезземеленіе крестьянства, то совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а своимъ же братомъ, т.-е. опять-таки—выходцами изъ народа, выходцами, надѣленными практической сметкой и низкой спиной, пожалованными барской милостью, выудившими въ мутной водѣ или пріобрѣвшими грабежомъ нѣкоторый капиталецъ, выходцами, которымъ протягивали руку высшія сословія и законодательство. Ихъ называли наиболѣе трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа“...

Это наблюденіе съ фактической стороны очень вѣрно. Дѣйствительно, обезземеленіе производилось, главнымъ образомъ, „своимъ же братомъ“, мелкимъ буржуа. Но пониманіе этого факта у народника неудовлетворительно. Онъ не отличаетъ двухъ антагонистическихъ классовъ, феодаловъ и буржуазіи, представителей „старо-дворянскихъ“ и „ново мѣщанскихъ“ порядковъ, не отличаетъ различныхъ системъ хозяйственной организаціи, не видитъ прогрессивнаго значенія второго класса по сравненію съ первымъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, онъ приписываетъ ростъ буржуазіи грабежу, сметкѣ, лакейству и т. д., тогда какъ мелкое хозяйство на почвѣ товарнаго производства превращаетъ въ мелкаго буржуа самаго трезваго, работящаго хозяина: у него получаются „сбереженія“ и силою окружающихъ отношеній „эти сбереженія“ превращаются въ *капиталъ*. Прочитайте объ этомъ въ описаніяхъ кустарныхъ промысловъ и крестьянскаго хозяйства у нашихъ беллетристовъ-народниковъ.

„...Это даже не стрѣлковая цѣпь и авангардъ, а главная буржуазная армія, строевые нижніе чины, соединенные въ отряды, которыми распоряжаются штабъ и оберъ-офицеры, начальники отдѣльныхъ частей и генеральный штабъ, состоящій изъ публицистовъ, ораторовъ и ученыхъ *). Безъ этой арміи буржуазія ничего не могла бы подѣлать. Развѣ англійскіе лендлорды, которыхъ не насчитывается 30 тысячъ, могли бы управлять голодной массой въ нѣсколько десятковъ милліоновъ безъ фермеровъ? Фермеръ, это—настоящій боевой солдатъ въ смыслѣ политическомъ и

---

*) **Слѣдовало добавить: администраторовъ, бюрократіи. Иначе, указаніе состава «генеральнаго штаба» грѣшитъ невозможной неполнотой,—невозможной по русскимъ особенно условіямъ.**

маленькая экспропріирующая ячейка въ смыслѣ экономическомъ... На фабрикахъ роль фермеровъ исполняютъ мастера и подмастерья, получающіе очень хорошее жалованье не за одну только болѣе искусную работу, но и за то, чтобы наблюдать за рабочими, чтобы отходить послѣдними отъ станка, чтобы не допускать со стороны рабочихъ требованій о прибавкѣ заработной платы или уменьшеніи часовъ труда и чтобы давать хозяевамъ возможность говорить, указывая на нихъ: „смотрите, сколько мы платимъ тѣмъ, кто работаетъ и приноситъ намъ пользу"; лавочники, находящіеся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ и заводской администраціи; конторщики... всевозможныхъ видовъ надсмотрщики и тому подобная мелкая тля, въ жилахъ которыхъ течетъ еще рабочая кровь, но въ душѣ которыхъ засѣлъ уже полновластно капиталъ. (Совершенно вѣрно! В. И.) Конечно, то же самое, что мы видимъ въ Англіи, можно видѣть и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ. (Совершенно вѣрно! И въ Россіи тоже. В. И.). Измѣняются въ нѣкоторыхъ случаяхъ развѣ только частности, да и тѣ по большей части остаются неизмѣнными. Французская буржуазія, восторжествовавшая въ концѣ прошлаго столѣтія надъ дворянствомъ или, лучше сказать, воспользовавшаяся народной побѣдой, выдѣлила изъ народа мелкую буржуазію, которая помогла обобрать и сама обобрала народъ и отдала его въ руки авантюристовъ.. Въ то время, какъ въ литературѣ пѣлись гимны французскому народу, когда превозносилось его величіе, великодушіе и любовь къ свободѣ, когда эти воскуриванія стояли надъ Франціей туманомъ, буржуазный котъ уплеталъ себѣ курчонка и уплелъ его почти всего, оставивъ народу однѣ косточки. Прославленное народное землевладѣніе оказалось микроскопическимъ, измѣряющимся метрами и даже часто не выдерживающимъ расходовъ по взиманію налоговъ"...

Остановимся на этомъ.

Во-первыхъ, намъ интересно бы спросить народника, кто у насъ „воспользовался побѣдой надъ крѣпостнымъ правомъ", надъ „старо-дворянскимъ наслоеніемъ"? Вѣроятно, не буржуазія. Что дѣлалось у насъ въ „народѣ" въ то время, когда „въ литературѣ пѣлись гимны", которые приводилъ сейчасъ авторъ, о народѣ, о любви къ народу, о великодушіи, объ общинныхъ свойствахъ и качествахъ, о „соціальномъ взаимоприспособленіи и солидарной дѣятельности" внутри общины, о томъ, что Россія вся артель, вся община, это „все, что есть въ мысляхъ и дѣйствіяхъ сельскаго люда", etc., etc., etc., что поется и посейчасъ (хотя и въ минорномъ тонѣ) на страницахъ либерально-народнической печати? Земли, конечно, не отбирались у крестьянства; буржуазный котъ не уплеталъ курчонка, не уплелъ почти всего; „прославленное народное землевладѣніе" не „оказалось микроскопическимъ", въ немъ не было превышенія платежей надъ доходами?*) — Нѣтъ, только „мистики и метафизики" способны утверждать это, считать это фактомъ, брать этотъ фактъ за исходную отправную точку своихъ сужденій о нашихъ дѣлахъ, своей дѣятельности, направленной не на поиски „иныхъ путей для отечества", а на работу на данномъ, совершенно уже опредѣлившемся, капиталистическомъ пути.

Во-вторыхъ. Интересно сравнить *методъ* автора съ *методомъ* марксистовъ. На конкретныхъ разсужденіяхъ гораздо лучше можно уяснить ихъ различіе, чѣмъ посредствомъ отвлеченныхъ

*) И не только «часто», какъ во Франціи, а въ видѣ общаго правила, причемъ превышеніе исчисляется не только десятками, а даже сотнями процентовъ.

соображеній. Почему это авторъ говоритъ о французской „буржуазіи“, что она восторжествовала въ концѣ прошлаго вѣка надъ дворянствомъ? почему дѣятельность, состоявшая преимущественно и почти исключительно изъ дѣятельности интеллигенціи, именуется буржуазной? и потомъ, дѣйствовало вѣдь правительство, отбирая земли у крестьянства, налагая высокіе платежи и т. д.? Наконецъ, вѣдь и дѣятели говорили о любви къ народу, о равенствѣ и всеобщемъ счастьи, какъ говорили и говорятъ россійскіе либералы и народники? можно ли при этихъ условіяхъ видѣть во всемъ этомъ одну „буржуазію“? не „узокъ“ ли этотъ взглядъ, сводящій политическія и идейныя движенія къ Plusmacherei.— Смотрите, это — все тѣ же вопросы, которыми заваливаютъ русскихъ марксистовъ, когда они однородныя вещи говорятъ про нашу крестьянскую реформу (видя ея отличіе лишь въ „частностяхъ“), про пореформенную Россію вообще. Я говорю здѣсь, повторяю, не о фактической правильности нашего взгляда, а о *методѣ*, который въ данномъ случаѣ употребляетъ народникъ. Онъ беретъ *критеріемъ* — результаты („оказалось“, что народное землевладѣніе микроскопично, котъ „уплеталъ“ и „уплелъ“ курчонка) и притомъ исключительно экономическіе *результаты*.

Спрашивается, почему же примѣняетъ онъ этотъ *методъ* только по отношенію къ Франціи, не желая употреблять его и для Россіи. Вѣдь методъ долженъ быть вездѣ одинъ. Если во Франціи за дѣятельностью *правительства* и *интеллигенціи* вы ищете *интересовъ*, то почему вы *не ищете* ихъ на святой Руси? Если *тамъ* критерій вашъ ставитъ вопросъ о томъ, каково *„оказалось“* народное землевладѣніе, почему *здѣсь* критерій ставится о томъ, каково оно „можетъ“ оказаться? Если тамъ фразы о народѣ и его великодушіи при наличности „уплетанія курчонка“ внушаютъ вамъ справедливое отвращеніе, — почему *здѣсь* не отворачиваетесь вы, какъ отъ буржуазныхъ философовъ, отъ тѣхъ, кто, при несомнѣнной, вами же признаваемой наличности „уплетанія“, способенъ говорить о „соціальномъ взаимоприспособленіи“, о „народной общинности“, о *„нуждахъ народной промышленности“* и тому подобныя вещи?

Отвѣтъ одинъ: потому что вы идеологъ мелкой буржуазіи, потому что ваши идеи, т.-е. идеи народническія вообще, а не идеи Ивана, Петра, Сидора,—результатъ отраженія интересовъ и точки зрѣнія мелкаго производителя, а вовсе не результатъ „чистой“ *) мысли.

„Но для насъ въ особенности поучительна въ этомъ отношеніи Германія, опоздавшая такъ же, какъ и мы, съ буржуазной реформой и потому воспользовавшаяся опытомъ другихъ народовъ не въ положительномъ, а въ отрицательномъ, конечно, смыслѣ. Составъ крестьянства въ Германіи— пересказываетъ авторъ Васильчикова — былъ не однороденъ: крестьяне раздѣлялись и по правамъ, и по владѣнію, по размѣрамъ надѣловъ. Весь процессъ привелъ къ образованію „крестьянской аристократіи“, „сословія мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ недворянскаго происхожденія“, къ

---

*) Выраженіе г-на В. В. См. „Наши направленія“, а также „Недѣлю“ за 1894 г. № 47—49.

превращенію массы „изъ домохозяевъ въ чернорабочихъ“. „Наконецъ, довершила дѣло и отрѣзала всякіе легальные пути къ поправленію положенія рабочихъ полуаристократическая, полумѣщанская конституція 1849 года, давшая право голоса только дворянству и имущему мѣщанству“.

Оригинальное разсужденіе. Конституція „*отрѣзала*“ легальные пути? Это—еще отраженіе той доброй старой теоріи россійскихъ народниковъ, по которой „интеллигенція“ приглашалась пожертвовать „свободой“, ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народъ отдала бы въ руки „имущаго мѣщанства“. Мы не станемъ спорить противъ этой нелѣпой и реакціонной теоріи, потому что отъ нея отказались современные народники вообще и наши ближайшіе противники, гг. публицисты „Русскаго Богатства“—въ частности. Но мы не можемъ не отмѣтить, что, отказываясь отъ этой идеи, дѣлая шагъ впередъ къ открытому признанію *данныхъ* путей Россіи, вмѣсто разглагольствованія о возможности иныхъ путей, — эти народники тѣмъ самымъ окончательно установили свою мелкобуржуазность, такъ какъ настаиваніе на мелкихъ, мѣщанскихъ реформахъ въ связи съ абсолютнымъ непониманіемъ классовой борьбы ставитъ ихъ на сторону либераловъ противъ тѣхъ, кто становится на сторону „антипода“, видя въ немъ единственнаго, такъ сказать, дестинатэра тѣхъ благъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

„И въ Германіи въ это время было много людей, которые предавались только восторгамъ отъ эмансипаціи, предавались десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, тридцать лѣтъ и болѣе, люди, которые всякій скептицизмъ, всякое недовольство реформой считали на руку реакціи и предавали ихъ проклятію. Простодушные изъ нихъ представляли себѣ народъ въ видѣ коня, выпущеннаго на волю, котораго опять можно поставить въ конюшню и начать на немъ почтовую гоньбу (что вовсе не всегда возможно). Но были тутъ и плуты, льстившіе народу, но подъ шумокъ ведшіе другую линію, плуты, пристроившіеся къ такимъ искренно любившимъ народъ разинямъ, которыхъ можно было проводить и эксплоатировать. Ахъ, эти искренніе разини! Когда начинается гражданская борьба, то вовсе не всякій готовъ къ ней и вовсе не всякій къ ней способенъ“.

Прекрасныя слова, которыя хорошо резюмируютъ лучшія традиціи стараго русскаго народничества и которыми мы можемъ воспользоваться для характеристики отношенія русскихъ марксистовъ къ современному русскому народничеству. Для такого употребленія — не приходится много измѣнять въ нихъ: настолько однороденъ процессъ капиталистическаго развитія обѣихъ странъ; настолько однородны общественно-политическія идеи, отражавшія этотъ процессъ.

У насъ тоже царятъ и правятъ въ „передовой“ литературѣ люди, которые толкуютъ о „существенныхъ отличіяхъ нашей крестьянской реформы отъ западной“, о „санкціи народнаго (sic) производства“, о великомъ „надѣленіи землей“ (это выкупъ-то!) и т. п. и ждутъ поэтому отъ начальства ниспосланія чуда, именуемаго „обобществленіемъ труда“, ждутъ „десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, тридцать лѣтъ и болѣе“, а котъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, уплетаетъ курчонка, смотря съ ласковостью сытаго и спокойнаго звѣря на „искреннихъ разинь“, толкующихъ о необходимости избрать другой путь для отечества, о вредѣ „гро-

зящаго“ капитализма, о мѣрахъ помощи народу кредитами, артелями, общественными запашками и тому подобнымъ невиннымъ штопаньемъ. „Ахъ эти искренніе разини“.

„Вотъ этотъ-то процессъ образованія третьяго сословія переживаемъ теперь и мы, и, главнымъ образомъ, наше крестьянство. Россія отстала съ этимъ дѣломъ отъ всей Европы, даже отъ своей институтской подруги или, вѣрнѣе, пепиньерки — Германіи. Главнымъ разсадникомъ и горниломъ третьяго сословія были везде въ Европѣ города. У насъ, наоборотъ, — несравненно меньше городскихъ жителей... Главная причина этой разницы заключается въ нашемъ народномъ землевладѣніи, удерживающемъ населеніе въ деревняхъ. Увеличеніе городского населенія въ Европѣ тѣсно связано съ обезземеленіемъ народа и фабричной промышленностью, которая, при капиталистическихъ условіяхъ производства, нуждается въ дешевомъ трудѣ и въ избыткѣ его предложенія. Въ то время, какъ изгоняемое изъ деревень европейское крестьянство шло на заработки въ города, наше крестьянство, покуда хватаетъ силъ, держится за землю. Народное землевладѣніе есть главный стратегическій пунктъ, главный ключъ крестьянской позиціи, значеніе котораго отлично понимаютъ вожаки третьяго сословія и потому на подрывъ его тратятъ все свое искусство и всѣ свои силы. Отсюда-то и происходятъ всѣ нападки на общину, отсюда-то и выходятъ въ великомъ множествѣ всякіе проекты объ отрѣшеніи земледѣльца отъ земли во имя раціональной агрономіи, во имя процвѣтанія промышленности, во имя національнаго прогресса и славы!“

Тутъ уже наглядно сказывается поверхностность народнической теоріи, которая изъ-за мечтаній объ „иныхъ путяхъ“ совершенно неправильно оцѣниваетъ дѣйствительность: усматриваетъ „главный пунктъ“ — въ такихъ, не играющихъ коренной роли, юридическихъ институтахъ, какъ формы крестьянскаго землевладѣнія (общинное или подворное); видитъ нѣчто особенное въ нашемъ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, какъ будто бы это не было обыкновенное хозяйство мелкихъ производителей, совершенно однородное — по типу своей политико-экономической организаціи — съ хозяйствомъ западно-европейскихъ ремесленниковъ и крестьянъ, а какое-то „народное“ (!?) землевладѣніе. По установившейся въ нашей либерально-народнической печати терминологіи, слово „народный“ означаетъ такой, который исключаетъ эксплоатацію трудящагося, — такъ что авторъ своей характеристикой прямо затушевываетъ несомнѣнный фактъ наличности въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ того же присвоенія собственности, того же труда за чужой счетъ, какой царитъ и внѣ „общины“, и настежь отворяетъ двери сантиментальному и слащавому фразерству.

„Несомнѣнно, [illegible] ...льная и обремененная податями, еле-еле [illegible] Богъ вѣсть, какое [illegible]. Земель у крестьянства было и безъ того немного, а теперь, вслѣдствіе возрастанія населенія и ухудшенія плодородія, стало еще меньше; податная тягость не уменьшается, а увеличивается; промысловъ мало; мѣстныхъ заработковъ еще меньше; жизнь въ деревнѣ становится настолько тяжелою, что крестьянство цѣлыми деревнями уходитъ далеко на заработки, оставляя дома только женъ и дѣтей. Такимъ образомъ пустѣютъ цѣлые уѣзды... Подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ условій, съ одной стороны, изъ крестьянства и выдѣляется особый классъ людей — молодая буржуазія, которая стремится покупать землю на сторонѣ, въ одиночку, стремится къ другимъ занятіямъ — торговлѣ, ростовщичеству, составленію рабочихъ артелей, съ собою во главѣ, полученію разныхъ подрядовъ и тому подобнымъ мелкимъ аферамъ“.

Стоитъ со всей подробностью остановиться на этомъ мѣстѣ. Мы видимъ тутъ во-первыхъ, констатированіе извѣстныхъ фактовъ, которые можно выразить двумя словами: крестьяне бѣгутъ; во-вторыхъ, оцѣнку ихъ (отрицательную), и, въ третьихъ, объясненіе ихъ, изъ котораго вытекаетъ непосредственно и цѣлая программа, здѣсь не изложенная, но слишкомъ хорошо извѣстная (земли прибавить, подати уменьшить; промыслы „поднять" и „развить").

Необходимо подчеркнуть, что съ точки зрѣнія марксиста вполнѣ и безусловно справедливо (и только выражено, какъ сейчасъ увидимъ, крайне неудовлетворительно) и *первое* и *второе*. Но никуда ужъ ровно не годится *третье* *).

Поясню это. Справедливо первое. Справедливъ фактъ, что община наша — не гарантія, что крестьянство бросаетъ деревню, уходитъ съ земли; надо было сказать: экспропріируется, — потому что оно владѣло (на правахъ частной собственности) извѣстными средствами производства (изъ нихъ землею на особомъ правѣ, дававшемъ однако тоже въ частное эксплоатированіе и землю, *выкупаемую* общинами) и теряетъ ихъ. Справедливо, что кустарные промыслы „падаютъ" — т.-е. и тутъ крестьяне экспропріируются, теряютъ средства и орудія производства, бросаютъ домашнее ткачество и идутъ въ рабочіе по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, въ каменщики, въ чернорабочіе и т. д. по найму. Тѣ средства производства, отъ которыхъ освобождаются крестьяне, идутъ въ руки ничтожнаго меньшинства, служа источникомъ эксплоатаціи рабочей силы, — *капиталомъ*. Поэтому правъ авторъ, что владѣльцы этихъ средствъ производства становятся „буржуазіей", т.-е. классомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ „народный" трудъ при капиталистической организаціи общественнаго хозяйства. Всѣ эти факты констатированы правильно, оцѣнены вѣрно за ихъ эксплоататорское значеніе.

Но уже изъ сдѣланнаго описанія читатель увидитъ, конечно, что марксистъ совсѣмъ иначе *объясняетъ* эти факты. Народникъ видитъ причины этихъ явленій въ томъ, что „мало земли", обременительны подати, падаютъ „заработки" — т.-е. въ особенностяхъ *политики* — поземельной, податной, промышленной, а не въ особенностяхъ *общественной организаціи производства*, изъ которой уже неизбѣжно вытекаетъ *данная* политика.

Земли мало — разсуждаетъ народникъ — и становится все меньше. (Я беру даже не это непремѣнно заявленіе автора статьи, а общее положеніе народнической доктрины). — Совершенно справедливо, но почему же это вы говорите только, что земли *мало*, а не добавляете: *мало продаютъ*. Вѣдь вы знаете, что наши крестьяне *выкупаютъ* свои надѣлы у помѣщиковъ. Почему же вы обращаете главное вниманіе на то, что *мало*, а не на то, что *продаютъ*?

*) Вотъ почему теоретики марксизма, воюя съ народничествомъ, напираютъ такъ на объясненіе, пониманіе, на объективную сторону.

Самый уже этотъ фактъ продажи, выкупа — указываетъ на господство такихъ принциповъ (пріобрѣтеніе средствъ производства за деньги), при которыхъ трудящіеся все равно останутся безъ средствъ производства, мало ли, много ли ихъ продавать станутъ. Замалчивая этотъ фактъ, вы замалчиваете тотъ капиталистическій способъ производства, на почвѣ котораго только и могла появиться такая продажа. Замалчивая его, вы тѣмъ самымъ становитесь уже на почву этого буржуазнаго общества и превращаетесь въ простого политикана, разсуждающаго о томъ, много или мало продавать земли. Вы не видите, что самый уже этотъ фактъ выкупа доказываетъ, что „въ душѣ" тѣхъ, чьи интересы осуществили „великую" реформу, кто провелъ ее, „засѣлъ уже полновластно *капиталъ*", что для всего этого либерально-народническаго „общества", которое опирается на созданные реформой порядки, политиканствуя о различныхъ улучшеніяхъ ихъ, — только и свѣта, что отъ „капиталистической луны". Поэтому то народникъ и ополчается съ такой ненавистью на тѣхъ, кто послѣдовательно стоитъ на принципіально иной почвѣ. Онъ поднимаетъ крикъ, что они не заботятся о народѣ, что они хотятъ обезземеливать крестьянъ!

Онъ, народникъ, заботится о народѣ, онъ не хочетъ обезземелить крестьянство, онъ хочетъ, чтобы ему земли было больше *(продано)*. Онъ — честный лавочникъ. Правда, онъ умалчиваетъ о томъ, что земли не даромъ даются, а продаются, но развѣ въ лавкахъ говорятъ о томъ, что за товары надо платить деньги? Это всякій и такъ знаетъ.

Понятно, что онъ ненавидитъ марксистовъ, которые говорятъ, что надо обращаться исключительно къ тѣмъ, кто уже „дифференцированъ" отъ этого лавочническаго общества, „отлученъ" отъ него — если позволительно употребить эти характернѣйшія мелко-буржуазныя выраженія господъ Михайловскихъ и Южаковыхъ *).

Пойдемъ дальше. „Промысловъ мало" — вотъ точка зрѣнія народника на кустарные промыслы. И опять-таки о томъ, какова организація этихъ промысловъ, онъ умалчиваетъ. Онъ благодушно закрываетъ глаза на то, что и тѣ промыслы, которые „падаютъ", и тѣ, которые „развиваются", — одинаково организованы капиталистически, съ полнымъ порабощеніемъ труда капиталу скупщиковъ, купцовъ и т. д., и ограничивается мѣщанскими требованіями прогрессовъ, улучшеній, артелей и т. п., какъ будто бы подобныя мѣры могутъ хоть сколько-нибудь затронуть *фактъ* господства капитала. Какъ въ области земледѣлія, такъ и въ области промышленности обрабатывающей онъ становится на почву данной ихъ организаціи и воюетъ не противъ самой этой организаціи, а противъ различныхъ несовершенствъ ея. Что

*) Кромѣ замалчиванія и непониманія капиталистическаго характера выкупа, гг. народники скромно обходятъ и тотъ фактъ, что «малоземелье» крестьянъ дополняется наличностью весьма хорошихъ кусочковъ земли у представителей «старо-дворянскаго» населенія.

касается податей, то тутъ уже народникъ самъ опровергъ себя, выставивъ рельефно основную характеристическую черту народничества — способность на компромиссы. Выше онъ самъ утверждалъ, что всякій налогъ (даже подоходный) ляжетъ на рабочія руки при наличности системы присвоенія сверхстоимости, — но тѣмъ не менѣе онъ вовсе не отказывается потолковать съ либеральнымъ обществомъ о томъ, велики ли подати или малы, и преподать „съ гражданской порядочностью" надлежащіе совѣты департаменту податей и сборовъ.

Однимъ словомъ, причина, по мнѣнію марксистовъ, не въ политикѣ, не въ государствѣ и не въ „обществѣ", — а въ данной системѣ экономической организаціи Россіи; дѣло не въ томъ, что „ловкіе люди" или „пройдохи" ловятъ рыбу въ мутной водѣ, а въ томъ, что „народъ" представляетъ изъ себя два другъ другу противоположные, другъ друга исключающіе класса: „въ обществѣ всѣ дѣйствующія силы слагаются въ двѣ равнодѣйствующія, взаимнопротивоположныя".

„Люди, заинтересованные въ водвореніи буржуазнаго порядка, видя крушеніе своихъ проектовъ *), не останавливаются на этомъ; они ежечасно твердятъ крестьянству что виновата во всемъ община и круговая порука, передѣлы полей и мірскіе порядки, потворствующіе лѣнтяямъ и пьяницамъ; они устраиваютъ для достаточныхъ крестьянъ ссудо-сберегательныя товарищества и хлопочутъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ для участковаго землевладѣнія; они устраиваютъ въ городахъ техническія, ремесленныя и разнаго рода другія училища, въ которыя опять-таки попадаютъ только дѣти достаточныхъ людей, тогда какъ масса остается безъ школъ; они помогаютъ крестьянамъ улучшать скотъ выставками, преміями, племенными производителями, опускаемыми изъ депо за плату и т. п. Всѣ эти мелкія усилія складываются въ одну значительную силу, которая дѣйствуетъ на деревенскій міръ разлагающимъ образомъ и все больше и больше раскалываетъ крестьянство на двое".

Характеристика „мелкихъ усилій" хороша. Мысль автора, что всѣ эти мелкія усилія (на которыхъ такъ усердно стоитъ теперь „Русское Богатство" и вся наша либерально-народническая пресса) означаютъ, выражаютъ и проводятъ „ново-мѣщанское" наслоеніе, капиталистическіе порядки, — совершенно справедлива.

Это обстоятельство именно и является причиной отрицательнаго отношенія марксистовъ къ подобнымъ усиліямъ. А тотъ

*) Итакъ, крушеніе проекта объ уничтоженіи общины означаетъ побѣду надъ интересами «водворенія буржуазнаго порядка».

Сочинивши себѣ мѣщанскую утопію изъ «общины», народникъ доходитъ до такого мечтательнаго игнорированія дѣйствительности, что въ проектѣ противъ общины видитъ цѣлое водвореніе буржуазнаго порядка, тогда какъ это—простое политиканство на почвѣ вполнѣ уже «водвореннаго» буржуазнаго строя.

Самымъ рѣшительнымъ доводомъ противъ марксиста является для него вопросъ, который и задается съ видомъ окончательнаго торжества: нѣтъ, вы скажите, хотите вы уничтожить общину или нѣтъ? да или нѣтъ?—Для него тутъ весь вопросъ, все «водвореніе». Онъ абсолютно не хочетъ понять, что съ точки зрѣнія марксиста «водвореніе»—давній уже и безповоротный фактъ, котораго ни уничтоженіе общины, ни укрѣпленіе ея не затронетъ,—какъ и теперь господство капитала одинаково и въ общинной и въ подворной деревнѣ. Болѣе глубокій протестъ противъ «водворенія» народникъ старается выставить апологіей водворенія. Утопающій за соломинку хватается

фактъ, что эти „усилія", несомнѣнно, представляютъ собою ближайшія desiderata мелкихъ производителей, — доказываетъ, по ихъ мнѣнію, правильность основного ихъ положенія: что нельзя видѣть представителя идеи труда въ крестьянинѣ, такъ какъ онъ, являясь при капиталистической организаціи хозяйства мелкимъ буржуа, въ силу этого становится на почву данныхъ порядковъ, въ силу этого примыкаетъ нѣкоторыми сторонами своей жизни (и своихъ идей) къ буржуазіи.

Этимъ мѣстомъ небезполезно также воспользоваться, чтобы подчеркнуть слѣдующее. Отрицательное отношеніе марксистовъ къ „мелкимъ усиліямъ" особенно вызываетъ нареканія господъ народниковъ. Напоминая имъ объ ихъ предкахъ, мы тѣмъ самымъ показываемъ, что было время, когда народники иначе смотрѣли на это, когда они не такъ охотно и усердно шли на компромиссъ (хотя и тогда все-таки шли, какъ доказываетъ эта же статья), когда они — не скажу: понимали, — но, по крайней мѣрѣ, чувствовали буржуазность всѣхъ такихъ усилій, когда отрицаніе ихъ осуждалось, какъ „пессимизмъ къ народу", только самыми нахальными изъ либераловъ.

Пріятное общеніе господъ народниковъ съ этими послѣдними, въ качествѣ представителей „общества", принесло видимо полезные плоды.

Неспособность удовлетворяться „мелкими усиліями" буржуазнаго прогресса вовсе не означаетъ абсолютнаго отрицанія частныхъ реформъ. Марксисты вовсе не отрицаютъ нѣкоторой (хотя и мизерной) пользы этихъ мѣропріятій: они могутъ принести трудящемуся нѣкоторое (хотя и мизерное) улучшеніе его положенія; они ускорятъ вымираніе особенно отсталыхъ формъ капитала, ростовщичества, кабалы и т. п., ускорятъ превращеніе ихъ въ болѣе современныя и человѣчныя формы европейскаго капитализма. Поэтому марксисты, если бы ихъ спросили, слѣдуетъ ли вводить такія мѣры, отвѣтили бы: конечно, слѣдуетъ, но при этомъ выяснили бы свое отношеніе вообще къ тому капиталистическому строю, положеніе котораго этими мѣрами улучшается, — при этомъ мотивировали бы свое согласіе желаніемъ ускорить развитіе этого строя и, слѣдовательно, обострить его *).

„Если мы обратимъ вниманіе, что у насъ крестьянство раздѣлено, какъ въ Германіи, [illegible] на различныя категоріи (государственные крестьяне, [illegible] бывшіе помѣщичьи, и изъ нихъ пол[illegible] [illegible] даровые); что общинный быть [illegible] что въ юго-западномъ краѣ [illegible] встрѣчаемся опять [illegible] [illegible] которыхъ одни [illegible] а другіе не имѣютъ и вершка земли; [illegible] аграрный строй представляется совершенно [illegible] аграрнаго строя и т. д., то увидимъ, что и у насъ есть почва для [illegible]".

*) [illegible] относится не только къ [illegible] „крупнымъ учинишамъ", къ улучшенію [illegible] крестьянъ и кустарей, но и къ [illegible] крестьянскаго землевладѣнія, къ кредиту и т. п.

Нельзя не отмѣтить тутъ того мечтательнаго преувеличенія значенія общины, которымъ всегда грѣшили народники. Авторъ выражается такъ, какъ будто бы „общинный бытъ“ исключалъ буржуазію, исключалъ раздробленіе крестьянъ! Да вѣдь это же прямая неправда!

Всякій знаетъ, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правамъ и надѣламъ; что во всякой общинной деревнѣ крестьяне опять-таки раздроблены и „по правамъ“ (безземельные, надѣльные, бывшіе дворовые, выкупившіе надѣлы особыми взносами, приписные etc. etc.), и „по владѣнію“: крестьяне, которые сдали надѣлы, у которыхъ ихъ отобрали за недоимки, за то, что они не обрабатываютъ и запускаютъ,—и которые снимаютъ чужіе надѣлы; крестьяне, имѣющіе „вѣчную“ землю или „покупающіе на года“ по нѣсколько десятинъ; наконецъ, крестьяне бездомовые, безъ всякаго скота, безлошадные и многолошадные. Всякій знаетъ, что въ каждой напобщинной деревнѣ на этой почвѣ хозяйственной раздробленности и товарнаго хозяйства растутъ пышные цвѣты ростовщическаго капитала, кабалы во всѣхъ ея формахъ. А народники все еще разсказываютъ свои приторныя сказки о какомъ-то „общинномъ бытѣ“.

„И молодая буржуазія у насъ дѣйствительно, растетъ не по днямъ, а по часамъ, растетъ не по однимъ только еврейскимъ окраинамъ, но и внутри Россіи. Выразить цифрами ея численность пока очень трудно, но, смотря на возростающее число землевладѣльцевъ, на увеличивающееся число торговыхъ свидѣтельствъ, на увеличивающееся число жалобъ изъ деревень на міроѣдство и кулачество и т. п. признаки *), можно думать, что численность ея уже значительна“.

Совершенно вѣрно! Именно этотъ фактъ, вѣрный для 1879 года и безспорный въ неизмѣримо большемъ развитіи для 1895 года, и служитъ однимъ изъ устоевъ марксистскаго пониманія русской дѣйствительности.

Отношеніе къ этому факту у насъ одинаково отрицательное; мы оба согласны въ томъ, что онъ выражаетъ явленія, противоположныя интересамъ непосредственныхъ производителей, — но мы совершенно различно *понимаемъ* эти факты. Теоретическую сторону этого различія я уже охарактеризовалъ выше, а теперь обращусь къ практической.

Буржуазія — особенно деревенская — еще слаба у насъ; она только еще зарождается, говоритъ народникъ. Поэтому съ ней и можно еще бороться. Буржуазное направленіе очень еще не сильно — поэтому можно еще повернуть назадъ. Время не ушло.

Только метафизикъ-соціологъ (превращающійся на практикѣ въ трусливаго реакціоннаго романтика) въ состояніи разсуждать такимъ образомъ. Я уже не буду говорить о томъ, что „слабость буржуазіи деревенской объясняется отливомъ сильныхъ ея элементовъ, ея вершинъ, въ города, — что въ деревняхъ это только

*) Къ которымъ слѣдуетъ добавить: покупки съ помощью крестьянскаго банка, «прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» — улучшенія техники и культуры, введеніе улучшенныхъ орудій, травосѣяніе и т. п., развитіе мелкаго кредита и организацію сбыта для кустарей и т. д.

„солдаты“, а въ городахъ уже сидитъ „генеральный штабъ“,—я не буду говорить о всѣхъ этихъ, до-нельзя очевидныхъ, извращеніяхъ факта народниками. Есть еще ошибка въ этомъ разсужденіи, которая и дѣлаетъ его метафизическимъ.

Мы имѣемъ передъ собой извѣстное общественное отношеніе, отношеніе между мелкимъ деревенскимъ буржуа (богатымъ крестьяниномъ, торгашомъ, кулакомъ, міроѣдомъ и т. п.) и „трудовымъ“ крестьяниномъ, трудовымъ „за свой счетъ“, разумѣется.

Отношеніе это существуетъ — народникъ не сможетъ отрицать его всеобщей распространенности. Но оно слабо—говоритъ онъ,—и потому его можно *еще* исправить.

Исторію дѣлаютъ „живыя личности“, скажемъ мы этому народнику, угощая его его же добромъ. Исправленіе, измѣненіе общественныхъ отношеній, разумѣется, возможно, но возможно лишь тогда, когда исходитъ *отъ самихъ членовъ этихъ исправляемыхъ или измѣняемыхъ общественныхъ отношеній.* Это ясно, какъ ясенъ ясный Божій день. Спрашивается, можетъ ли „трудовой“ крестьянинъ измѣнить это отношеніе? Въ чемъ оно состоитъ?—Въ томъ, что два мелкіе производителя хозяйничаютъ при системѣ товарнаго производства, что это товарное хозяйство раскалываетъ ихъ „на двое“, что оно даетъ одному *капиталъ*, другого заставляетъ работать „за чужой счетъ“.

Какимъ же образомъ нашъ трудовой крестьянинъ измѣнитъ это отношеніе, когда онъ самъ одной ногой стоитъ на той именно почвѣ, которую и нужно измѣнять? Какъ можетъ онъ понять негодность обособленности и товарнаго хозяйства, когда онъ самъ обособленъ и хозяйничаетъ на свой рискъ и страхъ, хозяйничаетъ на рынокъ? когда эти условія жизни порождаютъ въ немъ „помыслы и чувства“, свойственные тому, кто по одиночкѣ работаетъ на рынокъ? когда онъ раздробленъ самими матеріальными условіями, величиной и характеромъ своего хозяйства, и въ силу этого его противоположность капиталу настолько еще не развита, что онъ не можетъ понять, что это именно—*капиталъ,* а не только пройдохи да ловкіе люди?

Не очевидно ли, что слѣдуетъ обратиться туда, гдѣ *это же* (nota bene) общественное отношеніе развито до конца, гдѣ члены этого общественнаго отношенія, являющіеся непосредственными производителями, сами уже окончательно „дифференцированы“ и „отлучены“ отъ буржуазныхъ порядковъ, гдѣ противоположность уже развита такъ, что ясна сама собой, гдѣ невозможна уже никакая мечтательная, половинчатая постановка вопроса? И когда непосредственные производители, стоящіе въ этихъ передовыхъ условіяхъ, будутъ „дифференцированы отъ жизни“ буржуазнаго общества не только *въ фактѣ, но и въ своемъ сознаніи,*—тогда и трудовое крестьянство, поставленное въ отсталыя, худшія условія, увидитъ, „какъ это дѣлается“, и примкнетъ къ своимъ товарищамъ по работѣ „за чужой счетъ“.

„Когда у насъ говорятъ о фактахъ покупки крестьянами земель и объясняютъ, что крестьянство покупаетъ землю и въ личную собственность, и міромъ, то никогда почти не добавляютъ къ этому, что мірскія

покупки составляютъ только рѣдкое и ничтожное исключеніе изъ общаго правила личныхъ покупокъ“.

Приведя далѣе данныя о томъ, что число частныхъ землевладѣльцевъ, достигшее 103.158 въ 1861 году, оказалось 313.529 по даннымъ 60-хъ годовъ, и сказавъ, что это объясняется тѣмъ, что второй разъ сосчитаны мелкіе собственники изъ крестьянъ, которые не считались при крѣпостномъ правѣ, авторъ продолжаетъ: „это и есть наша молодая сельская буржуазія, непосредственно примыкающая и соединяющаяся съ мелкопомѣстнымъ дворянствомъ“.

Правда,—скажемъ мы на это,—совершенная правда,—особенно насчетъ того, что она „примыкаетъ“ и „соединяется“! И потому къ идеологамъ мелкой буржуазіи относимъ мы тѣхъ, кто придаетъ серьезное значеніе (въ смыслѣ интересовъ непосредственныхъ производителей) „расширенію крестьянскаго землевладѣнія“, т.-е. и автора, говорящаго это на стр. 152-ой.

Поэтому-то и считаемъ мы не болѣе, какъ политиканами людей, разбирающихъ вопросъ о личныхъ и мірскихъ покупкахъ такъ, какъ будто бы отъ него зависѣло хоть на іоту „водвореніе“ буржуазныхъ порядковъ. Мы и тотъ и другой случай относимъ къ буржуазности, ибо покупка есть покупка, деньги суть деньги въ обоихъ случаяхъ, т.-е. такой товаръ, который попадаетъ въ руки лишь мелкаго буржуа *), все равно, объединеннаго ли міромъ „для соціальнаго взаимоприспособленія и солидарной дѣятельности“ или разъединеннаго участковымъ землевладѣніемъ.

„Впрочемъ, она (молодая сельская буржуазія) тутъ далеко еще не вся. „Міроѣдъ“—слово, конечно, не новое на Руси, но оно никогда не имѣло такого значенія, какое получило теперь, никогда не оказывало такого давленія на односельцевъ, какое оказываетъ теперь. Міроѣдъ былъ лицомъ какимъ-то патріархальнымъ, сравнительно съ настоящимъ, лицомъ, всегда подчинявшимся міру, а иногда просто лѣнтяемъ, особенно и не гнавшимся за наживой. Въ настоящее время слово міроѣдъ имѣетъ другое значеніе, а въ большинствѣ губерній оно сдѣлалось уже родовымъ понятіемъ, сравнительно мало употребляется и замѣняется: кулакъ, кощтанъ, купецъ, кабатчикъ, кошатникъ, подрядчикъ, закладчикъ и т. д. Это раздробленіе одного слова на нѣсколько словъ, отчасти, тоже не новыхъ, а отчасти совершенно новыхъ или доселѣ не встрѣчавшихся въ крестьянскомъ обиходѣ, указываетъ прежде всего на то, что въ эксплуатаціи народа произошло раздѣленіе труда, а затѣмъ на широкое разростаніе хищничества и на спеціализацію его. Почти въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ есть одинъ или нѣсколько такихъ эксплуататоровъ“.

Безспорно, что этотъ фактъ разростанія хищничества подмѣченъ вѣрно. Напрасно только авторъ, какъ и всѣ народники, несмотря на всѣ эти факты, не хочетъ понять, что это систематическое, всеобщее, правильное (даже съ раздѣленіемъ труда) кулачество есть проявленіе капитализма въ земледѣліи, есть господство капитала въ его первичныхъ формахъ, который съ одной стороны постоянно высачиваетъ тотъ городской, банковскій, вообще европейскій капитализмъ, который народники считаютъ чѣмъ-то наноснымъ, а съ другой стороны—поддерживается и питается

---

*) Рѣчь идетъ, разумѣется, не о такихъ деньгахъ, которыя служатъ только для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ потребленія, а о *свободныхъ* деньгахъ, которыя могутъ быть сбережены для покупки средствъ производства.

этимъ капитализмомъ; однимъ словомъ, что это — одна изъ сторонъ капиталистической организаціи русскаго народнаго хозяйства.

Кромѣ того, характеристика „эволюціи“ міроѣда дастъ намъ возможность еще уличить народника.

Въ реформѣ 1861 года народникъ видитъ санкцію народнаго производства, усматриваетъ въ ней существенныя отличія отъ западной.

Тѣ мѣропріятія, которыхъ онъ теперь жаждетъ, равнымъ образомъ, сводятся къ подобной же „санкціи — общины и т. п., къ подобнымъ же „обезпеченіямъ надѣломъ“ и средствами производства вообще.

Отчего же это, г. народникъ, реформа, „санкціонировавшая народное (а не капиталистическое) производство“, привела только къ тому, что изъ „патріархальнаго лѣнтяя“ получился сравнительно энергичный, бойкій, подернутый цивилизаціей хищникъ? только къ перемѣнѣ *формы* хищничества, какъ и соотвѣтствующія великія реформы на Западѣ?

Отчего думаете вы, что слѣдующіе шаги „санкціи“ (вполнѣ возможные въ видѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія, переселеній, регулированія аренды и прочихъ несомнѣнныхъ прогрессовъ, но только прогрессовъ буржуазныхъ),—почему думаете вы, что они поведутъ къ чему-нибудь иному, кромѣ дальнѣйшаго видоизмѣненія *формы*, дальнѣйшей эволюціи *капитала*, перерожденію его изъ торговаго въ производительный, изъ средневѣковаго—въ новѣйшій?

Иначе *не можетъ быть* — по той простой причинѣ, что подобныя мѣры нисколько не задѣваютъ капитала, т.-е. того отношенія между людьми, при которомъ въ рукахъ однихъ скоплены деньги — продуктъ *общественнаго* труда, организованнаго товарнымъ хозяйствомъ, а у другихъ нѣтъ ничего, кромѣ свободныхъ „рукъ“ *), свободныхъ именно отъ того продукта, который сосредоточенъ у предыдущаго разряда.

„...Изъ нихъ (изъ этихъ кулаковъ и т. д.) не имѣющая капитала мелюзга примыкаетъ обыкновенно къ крупнымъ торговцамъ, снабжающимъ ихъ кредитомъ или поручающимъ имъ покупку за свой счетъ; болѣе самостоятельные ведутъ дѣла самостоятельно, сами сносятся съ большими торговыми и портовыми городами, отправляютъ туда отъ своего имени вагоны и сами отправляются за товарами, потребными на мѣстѣ. Садитось вы на любую желѣзную дорогу, и вы непремѣнно встрѣтите въ III классѣ (рѣдко во II) десятки этого люда, отправляющагося куда-нибудь по своимъ дѣламъ. Вы узнаете этихъ людей и по особому костюму, и по крайней безцеремонности обращенія, и по рѣзкому гоготанью надъ какой-нибудь барыней, которая проситъ не курить, или надъ мужичкомъ (такъ и стоитъ „мужичкомъ“. К. Т.), отправляющимся куда-нибудь на заработки, который оказывается „необразованнымъ“, потому что не понимаетъ ничего въ коммерціи и ходитъ въ лаптяхъ. Вы узнаете этихъ людей и по разговору. Разговариваютъ они обыкновенно: о „курпеяхъ“, о „постныхъ маслахъ“, о „кожѣ“, о „щетинѣ“, о „просахъ“ и т. п. Вы услышите при

*) «*Масса* будетъ *по прежнему...* трудиться *за чужой счетъ*» (разбираемая статья, стр. 135); если бы она не была «свободна» (de facto,—de jure же можетъ быть и «обезпечена надѣломъ»), этого не могло бы, разумѣется, быть.

этомъ циническіе разговоры объ употребляемыхъ ими мошенничествахъ и фальсификаціяхъ товаровъ: о томъ, какъ солонину, давшую „сильный духъ, сбыли на фабрику", о томъ, что „подкрасить чай всякій сумѣетъ, ежели ему разъ показать", что „въ сахаръ можно вогнать водою три фунта лишняго вѣса на голову, такъ что покупатель ничего не замѣтитъ", и т. д. Разсказывается все это съ такой откровенностью и безцеремонностью, что вы ясно видите, что эти люди не воруютъ въ буфетахъ ложекъ и не отвертываютъ въ вокзалахъ газовыхъ рожковъ только потому, что боятся попасть въ тюрьму. Нравственная сторона этихъ людей ниже самыхъ элементарныхъ требованій, вся она основана на рублѣ и исчерпывается афоризмами: купецъ—ловецъ; на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ; не плошай; присматривайся къ тому, что плохо лежитъ; пользуйся минутой, когда никто не смотритъ; не жалѣй слабаго; кланяйся и пресмыкайся, какъ можешь. И дальше приводится изъ газетной корреспонденціи примѣръ, когда одинъ кабатчикъ и ростовщикъ, Волковъ, поджегъ свой домъ, застрахованный на большую сумму. Этого субъекта „учитель и мѣстный священникъ считаютъ самымъ уважаемымъ изъ своихъ знакомыхъ", одинъ „учитель пишетъ ему за вино всѣ кляузныя бумаги". „Волостной писарь обѣщаетъ ему опутать мордву". „Одинъ земскій агентъ и въ то же время членъ земской управы страхуетъ ему старый домъ въ 1000 р." и т. д. „Волковъ — явленіе вовсе не единичное, а типъ. Нѣтъ мѣстности, гдѣ бы не было своихъ Волковыхъ, гдѣ бы не разсказывали вамъ не только о подобномъ же обираніи и закабаленіи крестьянъ, но и о случаяхъ подобныхъ же поджоговъ"...

„...Но какъ же относится, однако, къ подобнымъ людямъ крестьянство? Если они глупы, грубо-безсердечны и мелочны, какъ Волковъ, то крестьянство не любитъ ихъ и боится, боится потому, что они могутъ сдѣлать ему всякую мерзость, тогда какъ оно имъ ничего сдѣлать не можетъ; у нихъ дома застрахованы, у нихъ борзые кони, крѣпкіе запоры, злыя собаки и связи съ мѣстными властями. Но если эти люди поумнѣе и похитрѣе Волкова, если они обираніе и закабаленіе крестьянства облекаютъ въ благовидную форму, если, утаивая рубль, они въ то же время во всеуслышаніе скидываютъ грошъ, не жалѣютъ лишняго полштофа водки или какой-нибудь мѣры пшена на погорѣлую деревню, то они пользуются со стороны крестьянъ почетомъ, авторитетомъ и уваженіемъ, какъ кормильцы или благодѣтели бѣдняковъ, безъ которыхъ тѣ, пожалуй, пропали бы. Крестьянство смотритъ на нихъ, какъ па людей умныхъ, и отдаетъ имъ даже дѣтей въ науку, считая за честь, что мальчикъ сидитъ въ лавкѣ, и будучи увѣрено, что изъ него выйдетъ человѣкъ".

Я нарочно выписалъ поподробнѣе разсужденія автора, чтобы привести характеристику нашей молодой буржуазіи, сдѣланную *противникомъ* положенія о буржуазной организаціи русскаго общественнаго хозяйства. Разборъ ея можетъ много уяснить въ теоріи русскаго марксизма, въ характерѣ ходячихъ нападокъ на него со стороны *современнаго* народничества.

По началу этой характеристики видно, что авторъ понимаетъ, какъ будто, глубокіе корни этой буржуазіи, понимаетъ связь ея съ крупной буржуазіей, къ которой „примыкаетъ" мелкая, связь ея съ крестьянствомъ, которое отдаетъ ей „дѣтей въ науку",—но по примѣрамъ автора видно, что онъ далеко не достаточно оцѣниваетъ силу и прочность этого явленія.

Его примѣры говорятъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, мошенничествахъ, поджогахъ и т. д. Получается впечатлѣніе, что „обираніе и закабаленіе" крестьянства—какая-то случайность, результатъ (какъ выше выразился авторъ) тяжелыхъ условій жизни, „грубости нравственныхъ идей", стѣсненій „доступа литературы къ народу" (с. 152) и т. п.—одними словомъ, что все это не вы-

текаетъ вовсе съ неизбѣжностью изъ современной организаціи нашего общественнаго хозяйства.

Марксистъ держится именно этого послѣдняго мнѣнія; онъ утверждаетъ, что это вовсе не случайность, а необходимость, необходимость, обусловленная капиталистическимъ способомъ производства, господствующимъ въ Россіи. Разъ крестьянинъ становится товарнымъ производствомъ (а таковы стали уже всѣ крестьяне),—то „нравственность“ его неизбѣжно уже будетъ „оснований на рублѣ“, и винить его за это не приходится, такъ какъ самыя условія жизни заставляютъ ловить этотъ рубль всяческими торговыми ухищреніями *). При этихъ условіяхъ безъ всякой уголовщины, безъ всякаго лакейства, безъ всякихъ фальсификацій,— изъ „крестьянства“ выдѣляются богатые и бѣдные. Старое равенство не можетъ устоять передъ рыночными колебаніями. Это—не разсужденіе; это—фактъ. И фактъ—то, что „богатство“ немногихъ становится при этихъ условіяхъ *капиталомъ*, а „бѣдность“ массы заставляетъ ее продавать свои руки, работать за чужой счетъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія марксиста, капитализмъ засѣлъ уже прочно, сложился и опредѣлился вполнѣ не только въ фабрично-заводской промышленности, а и въ деревнѣ и вообще вездѣ на Руси.

Можете себѣ представить теперь, какое остроуміе проявляютъ гг. народники, когда въ отвѣтъ на аргументацію марксиста, что причина этихъ „печальныхъ явленій“ въ деревняхъ — не политика, не малоземелье, не платежи, не худыя „личности“, а капитализмъ, что все это *необходимо* и неизбѣжно при существованіи капиталистическаго способа производства, при господствѣ буржуазіи,—когда въ отвѣтъ на это народникъ начинаетъ кричать, что марксисты хотятъ обезземелить крестьянство, что они „предпочитаютъ“ пролетарія „самостоятельному“ крестьянину, что они проявляютъ — какъ говорятъ провинціальныя барышни и г. Михайловскій въ отвѣтѣ г. Струве — „презрѣніе и жестокость“ къ „личности“!

На этой картинкѣ деревни, которая интересна тѣмъ, что приведена противникомъ, мы можемъ видѣть наглядно вздорность ходячихъ возраженій противъ марксистовъ, выдуманность ихъ — въ обходъ фактовъ, въ забвеніе прежнихъ своихъ заявленій — все ради того, чтобы спасти coûte que coûte тѣ теоріи мечтаній и компромиссовъ, которыя, къ счастью, не спасетъ уже теперь никакая сила.

Толкуя о капитализмѣ въ Россіи, марксисты перенимаютъ готовыя схемы, повторяютъ, какъ догмы, положенія, являющіяся слѣпкомъ съ другихъ совсѣмъ условій. Ничтожное по развитію и значенію капиталистическое производство Россіи (на нашихъ фабрикахъ и заводахъ занято всего 1.000 тыс. человѣкъ) они распространяютъ на массу крестьянства, которое еще владѣетъ землей. Таково одно изъ любимыхъ въ либерально-народническомъ лагерѣ возраженій.

---

*) Ср. Успенскаго

И вотъ, на этой же картинкѣ деревни видимъ мы, что народникъ, описывая порядки „общинныхъ“ и „самостоятельныхъ“ крестьянъ, не можетъ обойтись безъ той же, заимствованной изъ абстрактныхъ схемъ и чужихъ догмъ, категоріи буржуазіи, не можетъ не констатировать, что она—деревенскій типъ, а не единичный случай, что она связана съ крупной буржуазіей въ городахъ крѣпчайшими нитями, что она связана съ крестьянствомъ, которое „отдаетъ ей дѣтей въ науку“, изъ котораго, иными словами, и выходитъ эта молодая буржуазія. Мы видимъ, стало быть, что ростетъ эта молодая буржуазія извнутри нашей „общины“, а не извнѣ ея, что порождается она самими общественными отношеніями въ средѣ ставшаго товаропроизводителемъ крестьянства; мы видимъ, что не только „1.000 тыс. человѣкъ“, а и вся масса сельскаго русскаго люда работаетъ на капиталъ, находится въ его „завѣдываніи“.—Кто же дѣлаетъ правильнѣе выводы изъ этихъ фактовъ, констатируемыхъ не какимъ-нибудь „мистикомъ и метафизикомъ“ марксистомъ, вѣрующимъ въ „тріады“, а самобытнымъ народникомъ, умѣющимъ цѣнить особенности русскаго быта? Народникъ ли, когда онъ толкуетъ о выборѣ лучшаго пути, какъ будто бы капиталъ не сдѣлалъ уже своего выбора,—когда онъ толкуетъ о поворотѣ къ другому строю, ожидаемомъ отъ „общества“ и „государства“, т.-е. отъ такихъ элементовъ, которые только на почвѣ этого выбора и *для него* выросли? Или марксистъ, говорящій, что мечтать объ иныхъ путяхъ значитъ быть наивнымъ романтикомъ, такъ какъ дѣйствительность показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что „путь“ уже выбранъ, что господство капитала фактъ, отъ котораго нельзя отговариваться попреками и осужденіями, — фактъ, съ которымъ могутъ считаться только непосредственные производители?

Другой ходячій упрекъ. Марксисты признаютъ крупный капитализмъ въ Россіи прогрессивнымъ явленіемъ. Они предпочитаютъ такимъ образомъ пролетарія — „самостоятельному“ крестьянину, сочувствуютъ обезземеленію народа и, съ точки зрѣнія теоріи, выставляющей идеаломъ принадлежность рабочимъ средствъ производства, сочувствуютъ отдѣленію рабочаго отъ средствъ производства, т.-е. впадаютъ въ непримиримое противорѣчіе.

Да, марксисты считаютъ крупный капитализмъ явленіемъ прогрессивнымъ, — не потому, конечно, что онъ „самостоятельность“ замѣняетъ несамостоятельностью, а потому, что онъ создаетъ условія для уничтоженія несамостоятельности. Что касается до „самостоятельности“ русскаго крестьянина, то это —слащавая народническая сказка, ничего болѣе; въ дѣйствительности ея нѣтъ. И приведенная картина (да и всѣ сочиненія и изслѣдованія экономическаго положенія крестьянства) тоже содержитъ признаніе этого факта (что въ дѣйствительности нѣтъ самостоятельности): крестьянство тоже, какъ и рабочіе, работаетъ „за чужой счетъ“. Это признавали старые русскіе народники. Но они не понимали причинъ и характера этой *не* самостоятельности, не понимали, что это — *капиталистическая* несамостоятельность,

отличающаяся отъ городской меньшей развитостью, большими остатками средневѣковыхъ, полукрѣпостническихъ формъ капитала, и только. Сравнимъ хотя бы ту деревню, которую нарисовалъ намъ народникъ, съ фабрикой. Отличіе (по отношенію къ самостоятельности) только въ томъ, что тамъ — видимъ мы „мелкую тлю“, а здѣсь—крупную, тамъ—эксплуатацію по одиночкѣ, пріемами полукрѣпостническими; здѣсь—эксплуатацію массъ, и уже чисто капиталистическую. Понятно, что вторая прогрессивна: тотъ же капитализмъ, который не развитъ и потому уснащенъ ростовщичествомъ etc. въ деревнѣ, здѣсь — развитъ; та же противоположность, которая есть въ деревнѣ, здѣсь выражена вполнѣ; здѣсь расколъ уже полный и нѣтъ возможности такой половинчатой постановки вопроса, которой удовлетворяется мелкій производитель (и его идеологъ), способный распекать, журить и проклинать капитализмъ, но неспособный отказаться отъ самой почвы *) этого капитализма, отъ довѣрія къ его слугамъ, отъ розовыхъ мечтаній насчетъ того, что „лучше бы безъ борьбы“, какъ сказалъ великолѣпный г. Кривенко. *Здѣсь* уже мечты невозможны, — и это одно гигантскій шагъ впередъ; здѣсь уже ясно видно, на чьей сторонѣ сила, и нельзя болтать о выборѣ пути, ибо ясно, что сначала надо „перераспредѣлить“ эту силу.

„Слащавый оптимизмъ“ — такъ охарактеризовалъ г. Струве народничество, и это — глубоко вѣрно. Какъ же не оптимизмъ, когда полнѣйшее господство капитала въ деревнѣ игнорируется, замалчивается, изображается случайностью? когда предлагаются разные кредиты, артели, общественныя запашки, какъ будто бы всѣ эти „кулаки, коштаны, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики“ и т. д., какъ будто бы вся эта „молодая буржуазія“ не держала уже „въ рукахъ“ „каждую деревню?“—Какъ же не слащавость, когда люди продолжаютъ говорить „10 лѣтъ, 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе“: „лучше бы безъ борьбы“ — въ то время, какъ борьба уже идетъ, но только глухая, безсознательная, не освѣщенная идеей.

„Перейдите теперь, читатель, въ города. Здѣсь вы встрѣтите еще большее число и еще большее разнообразіе молодой буржуазіи. Все, что становится грамотнымъ и считаетъ себя пригоднымъ къ болѣе благородной дѣятельности, все, что считаетъ себя достойнымъ лучшей участи, чѣмъ жалкая участь рядового крестьянина, все, наконецъ, что на этихъ условіяхъ не помѣщается въ деревнѣ, стремится теперь въ городъ“...

И тѣмъ не менѣе гг. народники слащаво толкуютъ объ „искусственности“ городского капитализма, о томъ, что это — „тепличное растеніе“, которое если не оберегать, такъ оно само

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣній поясню, что подъ «почвой» капитализма я разумѣю то общественное отношеніе, которое, въ разныхъ формахъ, царитъ въ капиталистическомъ обществѣ и которое Марксъ выразилъ формулой: деньги—товаръ—деньги съ плюсомъ.

Народническія мѣры *не затрагиваютъ* этого отношенія, не колебля ни товарнаго производства, дающаго въ руки частныхъ лицъ деньги—продуктъ общественнаго труда, ни раскола «народа» на владѣльцевъ этихъ денегъ и голь.

Марксистъ обращается къ этому отношенію въ его наиболѣе развитой формѣ, являющейся квинтъ-эссенціей всѣхъ остальныхъ формъ, и указываетъ производителю задачу и цѣль: уничтожить это отношеніе, замѣнить его другимъ.

сгинетъ и т. д. Стоитъ только посмотрѣть попроще на *факты*, и ясно будетъ, что эта „искусственная“ буржуазія просто — переселившіеся въ города деревенскіе міроѣды, которые растутъ совершенно самопроизвольно на почвѣ, освѣщенной „капиталистической лупой“ и вынуждающей каждаго трудового крестьянина—дешевле купить, дороже продать.

…„Здѣсь вы встрѣчаете: приказчиковъ, конторщиковъ, мелкихъ торговцевъ, разносчиковъ, разнообразныхъ подрядчиковъ (штукатуровъ, плотниковъ, каменщиковъ и т. д.), кондукторовъ, старшихъ дворниковъ, городовыхъ, биржевыхъ артельщиковъ, содержателей перевозовъ, съѣстныхъ и постоялыхъ дворовъ, хозяевъ различныхъ мастерскихъ, фабричныхъ мастеровъ и т. д. и т. д. Все это—настоящая молодая буржуазія, со всѣми ея характерными признаками. Кодексъ ея морали и здѣсь также весьма не широкъ: вся дѣятельность основана на эксплуатаціи труда *), а жизненная задача заключается въ пріобрѣтеніи капитала или капитальца для тупоумнаго времяпрепровожденія“…

…„Я знаю, что многіе радуются, смотря на этихъ людей, видятъ въ нихъ умъ, энергію и предпріимчивость, считаютъ ихъ элементами наиболѣе прогрессивными изъ народа, видятъ въ нихъ прямой и естественный шагъ отечественной цивилизаціи, неровности которой сгладятся со временемъ. О, я давно уже знаю, что у насъ создалась высшая буржуазія изъ людей образованныхъ, купечества и дворянства, либо не выдержавшаго кризиса 1861 года и опустившагося, либо охваченнаго духомъ времени, что буржуазія эта образовала уже кадры третьяго сословія и что ей недостаетъ только именно такихъ элементовъ изъ народа, безъ которыхъ она ничего подѣлать не можетъ и которые потому ей и нравятся“…

И тутъ оставлена лазейка „слащавому оптимизму“: крупной буржуазіи „недостаетъ только“ буржуазныхъ элементовъ въ народѣ! Да откуда же крупная-то буржуазія вышла, какъ не изъ народа? Ужъ не станетъ ли авторъ отрицать связи нашего „купечества“ съ крестьянствомъ?

Здѣсь проглядываетъ стремленіе выставить этотъ ростъ молодой буржуазіи дѣломъ случайнымъ, результатомъ политики и т. д. Эта поверхностность пониманія, неспособная видѣть корни явленій въ самой экономической структурѣ общества,—способная перечислить со всей подробностью отдѣльныхъ представителей мелкой буржуазіи, но неспособная понять, что самое уже мелкое самостоятельное хозяйство крестьянина и кустаря является, при данныхъ экономическихъ порядкахъ, вовсе не какимъ-то „народнымъ“ хозяйствомъ, а хозяйствомъ *мелко-буржуазнымъ*, — крайне типична для народника.

…«Я знаю, что многіе потомки древнихъ родовъ занялись уже винокуреніемъ и кабаками, желѣзнодорожными концессіями и изысканіями, засѣли въ правленія акціонерныхъ банковъ, пристроились даже въ литературѣ и поютъ теперь новыя пѣсни. Я знаю, что многія изъ этихъ ли-

*) Неточно. Мелкій буржуа тѣмъ и отличается отъ крупнаго, что трудится и самъ,—какъ трудятся и перечисленные авторомъ разряды. Эксплуатація труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплуатація.

Еще одно замѣчаньице: жизненная задача тѣхъ, кто не удовлетворяется участью рядового крестьянина,—пріобрѣтеніе капитала. Такъ говоритъ (въ трезвыя минуты) народникъ. Тенденція русскаго крестьянства—не общинный, а мелко-буржуазный строй. Такъ говоритъ марксистъ.

Какая разница между этими положеніями? Не та ли только, что одинъ даетъ эмпирическое бытовое наблюденіе, а другой — обобщаетъ наблюдаемые факты (выражающіе реальные «помыслы и чувства» реальныхъ «живыхъ личностей») въ политико-экономическій законъ?

тературныхъ пѣсенъ чрезвычайно нѣжны и чувствительны, что говорится въ нихъ о народныхъ нуждахъ и желаніяхъ; но я знаю также и то, что обязанность порядочной литературы состоитъ въ обнаруженіи намѣреній преподнести народу, вмѣсто хлѣба, камень».

Какая аркадская идилія! Только еще „*намѣреніе*“ преподнести?

И какъ это гармонируетъ: „знаетъ“, что „уже давно“ образовалась буржуазія, — и все еще видитъ свою задачу въ „обнаруженіи намѣреній“ создать буржуазію!

Вотъ это-то и называется „прекраснодушіемъ“, когда въ виду мобилизованной уже арміи, въ виду выстроеныхъ „солдатъ“, объединенныхъ „давно уже“ образовавшимся „генеральнымъ штабомъ“, — люди все еще толкуютъ объ „обнаруженіи намѣреній“, а не о вполнѣ уже обнаружившейся борьбѣ интересовъ.

«...Французская буржуазія тоже отожествляла себя съ народомъ и всегда предъявляла свои требованія отъ имени народа, но всегда обманывала его. Мы считаемъ буржуазное направленіе, принятое нашимъ обществомъ за послѣдніе годы, вреднымъ и опаснымъ для народной нравственности и благосостоянія».

Въ этой фразѣ, пожалуй, всего нагляднѣе сказалась мелкобуржуазность автора. Буржуазное направленіе объявляетъ онъ „вреднымъ и опаснымъ“ для нравственности и благосостоянія народа! Какого же это народа, почтенный г. моралистъ? — того, который работалъ на помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ, укрѣплявшемъ „семейный очагъ“, „осѣдлость“ и „святую обязанность труда?“ *), или того, который послѣ шелъ доставать выкупной рубль? Вы хорошо знаете, что уплата этого рубля была основнымъ и главнымъ условіемъ „освобожденія“ и что достать этотъ рубль крестьянину негдѣ, кромѣ какъ у господина Купона. Вы сами же описали, какъ хозяйничалъ этотъ господинъ, какъ „мѣщанство принесло въ жизнь свою науку, свой нравственный кодексъ и свои софизмы“, какъ образовалась уже литература, поющая объ „умѣ, предпріимчивости и энергіи“ буржуазіи. Ясно, что все дѣло сводится къ смѣнѣ двухъ формъ общественной организаціи: система присвоенія прибавочнаго труда прикрѣпленныхъ къ землѣ крѣпостныхъ крестьянъ создала нравственность крѣпостническую; система „свободнаго труда“, работающаго „за чужой счетъ“, на владѣльца денегъ,—создала взамѣнъ ея нравственность буржуазную.

Но мелкій буржуа боится прямо взглянуть на вещи и назвать ихъ своимъ именемъ: онъ отворачивается отъ этихъ безспорныхъ фактовъ и начинаетъ мечтать. „Нравственнымъ“ считаетъ онъ только мелкое самостоятельное хозяйство (*на рынокъ* — объ этомъ скромно умалчивается), а наемный трудъ — „безнравственнымъ“. Связи одного съ другимъ — и связи неразрывной — онъ не понимаетъ и считаетъ, что буржуазная нравственность — какая-то случайная болѣзнь, а не прямой продуктъ буржуазныхъ порядковъ, выростающихъ изъ товарнаго хозяйства (противъ котораго онъ, собственно, ничего не имѣетъ).

---

*) Слова г. Южакова.

И вотъ онъ начинаетъ свою старушечью проповѣдь: „вредно и опасно“.

Онъ не сличаетъ новѣйшей формы эксплуатаціи съ предыдущей, крѣпостной, онъ не смотритъ на тѣ измѣненія, которыя внесла она въ отношенія производителя къ собственнику средствъ производства,—онъ сравниваетъ ее съ безсмысленной, мѣщанской утопіей: съ такимъ „мелкимъ самостоятельнымъ хозяйствомъ“, которое, будучи товарнымъ хозяйствомъ, не вело бы къ тому, къ чему оно ведетъ (ср. выше: „расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ кулачество, стремится къ закабаленію слабѣйшаго въ батраки“ и т. д.). Поэтому его протестъ противъ капитализма (какъ таковой, какъ протестъ — совершенно законный и справедливый) становится реакціонной ламентаціей.

Онъ не понимаетъ, что, замѣняя ту форму эксплуатаціи, которая прикрѣпляла трудящагося къ мѣсту, такой, которая бросаетъ его съ мѣста на мѣсто по всей странѣ, „буржуазное направленіе“ дѣлало полезную работу; что, замѣняя такую форму эксплуатаціи, при которой присвоеніе прибавочнаго продукта опутывалось личными отношеніями эксплуататора къ производителю, взаимными гражданскими, политическими обязательствами, „обезпеченіемъ надѣломъ“ и т. п., — такой, которая ставитъ на мѣсто всего этого „безсердечный чистоганъ“, сравниваетъ рабочую силу со всякимъ другимъ товаромъ, съ вещью, что „буржуазное направленіе“ тѣмъ самымъ оголяетъ эксплуатацію отъ всѣхъ ея затемнѣній и иллюзій, а оголить ее — уже большая заслуга.

Потомъ еще обратите вниманіе на заявленіе, что буржуазное направленіе принято нашимъ обществомъ „за послѣдніе годы“.— Неужели только „за послѣдніе годы“? Не выразилось ли оно вполнѣ ясно и въ 60-е годы? Не господствовало ли оно и въ теченіе всѣхъ 70-хъ годовъ?

Мелкій буржуа и тутъ старается смягчить дѣло, представить буржуазность, характеризующую наше „общество“ въ теченіе всей пореформенной эпохи, какимъ-то временнымъ увлеченіемъ, модой. За деревьями не видѣть лѣса—это основная черта мелко-буржуазной доктрины. За протестомъ противъ крѣпостного права и ярыми нападками на него, онъ (идеологъ мелкой буржуазіи) не видитъ буржуазности, потому что боится прямо взглянуть на экономическія основы тѣхъ порядковъ, которые при всѣхъ ярострыхъ крикахъ строились. За толками всей передовой („либерально-кокетливой“ — с. 129) литературы о кредитахъ, ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, о тяжести податей, о расширеніи землевладѣнія и тому подобныхъ мѣрахъ помощи „народу“ — онъ видитъ лишь буржуазность „послѣднихъ годовъ“. Наконецъ, за сѣтованіями насчетъ „реакціи“, за плачемъ по „60-мъ годамъ“— онъ уже не видитъ всей лежащей въ основѣ всего этого буржуазности, и потому все больше и больше сливается съ этимъ „обществомъ“.

На самомъ дѣлѣ въ теченіе всѣхъ трехъ періодовъ пореформенной исторіи нашъ идеологъ крестьянства всегда стоялъ

рядомъ съ „обществомъ“ и вмѣстѣ съ нимъ, не понимая, что буржуазность этого „общества“ отнимаетъ всякую силу у его протеста противъ буржуазности и неизбѣжно осуждаетъ его либо на мечтанія, либо на жалкіе мелко-буржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества („въ принципѣ“ враждебнаго либерализму) къ либеральному обществу умиляла многихъ и даже по сю пору продолжаетъ умилять г. В. В. (ср. его статью въ „Недѣлѣ“ за 1894 годъ, ном. 47—49). Изъ этого выводятъ слабость или даже отсутствіе у насъ буржуазной интеллигенціи, что и ставится въ связь съ безпочвенностью русскаго капитализма. На самомъ же дѣлѣ какъ разъ наоборотъ: эта близость является сильнѣйшимъ доводомъ противъ народничества, прямымъ подтвержденіемъ его мелко-буржуазности. Какъ въ жизни мелкій производитель сливается съ буржуазіей на личностью обособленнаго производства товаровъ на рынокъ, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться въ крупные хозяева, — такъ идеологъ мелкаго производителя сливается съ либераломъ, обсуждая совмѣстно вопросы о разныхъ кредитахъ, артеляхъ etc.; какъ мелкій производитель неспособенъ бороться съ буржуазіей и уповаетъ на такія мѣры помощи, какъ уменьшеніе податей, увеличеніе землицы и т п., — такъ народникъ довѣряетъ либеральному „обществу“ и его подернутой „нескончаемой фальшью и лицемѣріемъ“ болтовнѣ о „народѣ“. Если онъ иногда и обругаетъ „общество“, то тутъ же прибавитъ, что это только „за послѣдніе годы“ оно испортилось, а вообще и само по себѣ недурно.

„Разсматривая недавно новый экономическій классъ, сложившійся у насъ послѣ реформы, „Современныя Извѣстія“ такъ хорошо характеризуютъ его: „Скромный и бородатый, въ смазныхъ сапогахъ, милліонеръ стараго времени, смирявшійся передъ малымъ полицейскимъ чиномъ, быстро преобразился въ европейски развязнаго, даже безцеремоннаго и надменнаго антрепренера, иногда украшеннаго очень замѣтнымъ орденомъ и высокимъ чиномъ. Присмотрѣвшись къ этому нежданно выросшему люду, съ удивленіемъ замѣчаешь, что большинство этихъ свѣтилъ дня—вчерашніе кабатчики, подрядчики, приказчики и т. под. Новые пришельцы оживили городскую жизнь, но не улучшили ея. Они внесли въ нее суетливое движеніе и чрезвычайную путаницу понятій. Усиленіе оборотовъ, спросъ на капиталъ развили лихорадку предпріятій, которая превратилась въ горячку игры. Множество состояній, создавшихся нежданно-негаданно, довели до высшей степени аппетитъ наживы“ и т. д.

„Несомнѣнно, что подобные люди оказываютъ самое гибельное вліяніе на народную нравственность (вотъ въ чемъ бѣда-то: въ порчѣ нравовъ, а вовсе не въ капиталистическихъ производственныхъ отношеніяхъ! К. Т.), и если не сомнѣваться въ томъ фактѣ, что городскіе рабочіе развращены болѣе деревенскихъ, то, конечно, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что это зависитъ отъ того, что они здѣсь гораздо больше окружены подобными людьми, дышатъ ихъ воздухомъ и живутъ созданной ими жизнью“.

Наглядное подтвержденіе мнѣнія г. Струве о реакціонности народниковъ. „Развратъ“ городскихъ рабочихъ пугаетъ мелкаго буржуа, который предпочитаетъ „семейный очагъ“ (съ снохачествомъ и палкой), „осѣдлость“ (съ забитостью и дикостью) и не понимаетъ, что пробужденіе человѣка въ „конягѣ“ — пробужденіе, которое имѣетъ такое гигантское, всемірно-историческое

значеніе, что для него законны всѣ жертвы,—не можетъ не принять буйныхъ формъ при капиталистическихъ условіяхъ вообще, русскихъ въ особенности.

„Если русскій помѣщикъ отличался дикостью, и стоило его только немного поскоблить, чтобы увидѣть въ немъ татарина, то русскаго буржуа не нужно даже и оскоблить. Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно съ новой буржуазіей создадутъ такую тьму, въ которой будетъ гибнуть всякая мысль, всякое человѣческое чувство“.

Авторъ жестоко ошибается. Тутъ должно стоять прошедшее, а не будущее время, должно было стоять и тогда, въ 70-хъ годахъ.

„Ватаги новыхъ завоевателей расходятся во всѣ стороны и нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчаютъ противодѣйствія. Помѣщики имъ покровительствуютъ и встрѣчаютъ ихъ съ радостью, земскіе люди выдаютъ имъ громадныя страховыя преміи, народные учителя пишутъ имъ кляузы, духовенство дѣлаетъ визиты, а волостные писаря помогаютъ опутывать мордву“.

Совершенно вѣрная характеристика: „не только не встрѣчаютъ ни въ комъ противодѣйствія“, но во всѣхъ представителяхъ „общества“ и „государства“,—которыхъ сейчасъ примѣрно исчислялъ авторъ,—встрѣчаютъ содѣйствіе. Поэтому—самобытная логика—чтобы перемѣнить дѣло, слѣдуетъ посовѣтовать избрать другой путь, посовѣтовать именно „обществу“ и „государству“.

„Что же, однако, дѣлать противъ подобныхъ людей“?

„...Ожидать умственнаго развитія эксплуатирующихъ и улучшенія общественнаго мнѣнія невозможно ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія нравственной и политической, на которыя должно становиться государство“.

Изволите видѣть: государство должно становиться на нравственную и политическую точку зрѣнія“! Это уже просто одно фразерство. Развѣ описанные сейчасъ представители и агенты „государства“ (начиная отъ волостныхъ писарей и выше) не стоятъ уже на точкѣ зрѣнія „политической“ (ср. выше: „многіе радуются... считаютъ ихъ элементами наиболѣе прогрессивными изъ народа, видятъ въ нихъ прямой и естественный шагъ отечественной цивилизаціи“) и „нравственной“ (ср. тамъ же: „умъ, энергія, предпріимчивость...“)? Къ чему же вы замазываете фактъ раскола нравственныхъ и политическихъ идей, столь же враждебныхъ, какъ въ жизни безусловно враждебны „новые всходы“—тѣмъ, „кому буржуазія приказываетъ идти на работу“? Къ чему затушевываете вы борьбу этихъ идей, которая является лишь надстройкой надъ борьбой общественныхъ классовъ?

Это—все естественный и неизбѣжный результатъ мелко-буржуазной точки зрѣнія. Мелкій производитель сильно страдаетъ отъ современныхъ порядковъ, но онъ стоитъ въ сторонѣ отъ прямыхъ, обнажившихся вполнѣ противорѣчій, боится ихъ и утѣшаетъ себя наивно-реакціонными мечтами, будто „государство должно становиться на нравственную точку зрѣнія“ и именно на точку зрѣнія той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нѣтъ, вы не правы. Государство, къ которому вы обращаетесь, современное, данное государство *должно* становиться на точку

зрѣнія той нравственности, которая мила высшей буржуазіи, *должно* потому, что таково распредѣленіе соціальной силы между наличными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о томъ, что, признавая это „долженствованіе", эту необходимость, марксистъ защищаетъ буржуазію.

Неправда. Вы чувствуете, что фактъ противъ васъ, и потому прибѣгаете уже къ фокусничанью: приписываете желаніе защищать буржуевъ тому, кто опровергаетъ ваши мѣщанскія мечты о выборѣ пути безъ буржуазіи ссылкой на *фактъ* господства буржуазіи;—кто опровергаетъ пригодность вашихъ мелкихъ, мизерныхъ мѣръ противъ буржуазіи—ссылкой на глубокіе корни ея въ экономической структурѣ общества, на экономическую борьбу классовъ, лежащую въ фундаментѣ „общества" и „государства";—кто требуетъ отъ идеологовъ трудящагося класса полнаго разрыва съ этими элементами и исключительнаго служенія тому, кто „диференцированъ отъ жизни" буржуазнаго общества.

„Мы не считаемъ, конечно, вліянія литературы совсѣмъ безсильнымъ, но для этого она должна: во 1-хъ, лучше понимать свое назначеніе и не ограничиваться однимъ только (sic!!!) воспитаніемъ кулачества, но и будить общественное мнѣніе...".

Вотъ уже вамъ petit bourgeois въ чистомъ видѣ! Если литература воспитываетъ кулачество, то это потому, что она плохо понимаетъ свое назначеніе! И эти господа еще удивляются, когда ихъ называютъ наивными, когда про нихъ говорятъ, что они—романтики!

Наоборотъ, почтенный г. народникъ: „кулачество *) воспитываетъ литературу — оно даетъ ей идеи (объ умѣ, энергіи, предпріимчивости, о естественномъ шагѣ отечественной цивилизаціи), оно даетъ ей средства. Ваше обращеніе къ литературѣ такъ же смѣхотворно, какъ если бы кто въ виду двухъ стоящихъ другъ передъ другомъ непріятельскихъ армій обратился къ адъютанту непріятельскаго фельдмаршала съ покорной просьбой „дѣйствовать дружнѣе". Совершенно то же самое.

Таково же пожеланіе — „будить общественное мнѣніе".— Мнѣніе того общества, которое „ищетъ идеаловъ съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ"? Привычное для гг. народниковъ занятіе, которому они предаются съ такимъ блестящимъ успѣхомъ „10 лѣтъ. 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе".

Постарайтесь еще, господа! Наслаждающееся послѣобѣденнымъ сномъ общество иногда мычитъ—навѣрное, это значитъ, что оно приготовилось дружно дѣйствовать противъ кулачества. Поговорите еще съ нимъ.

„...а во 2-хъ, она должна пользоваться большей свободой слова и большимъ доступомъ къ народу".

Хорошее желаніе. „Общество" сочувствуетъ этому „идеалу". Но такъ какъ оно и его „ищетъ" съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ и такъ какъ оно пуще всего на свѣтѣ боится нарушенія

*) Это—слишкомъ узкое слово. Надо было сказать точнѣе и опредѣленнѣе: буржуазія.

этого спокойствія, то... то оно и спѣшитъ очень медленно, прогрессируетъ такъ мудро, что съ каждымъ годомъ оказывается все дальше и дальше позади. Гг. народники думаютъ, что это случайность, что сейчасъ послѣобѣденный сонъ кончится и начнется настоящій прогрессъ. Дожидайтесь!

„Мы не считаемъ точно также безсильнымъ совсѣмъ и вліянія воспитанія и образованія, но полагаемъ прежде всего: 1) что образованіе должно даваться всѣмъ и каждому, а не исключительно только личностямъ, выдѣляя ихъ изъ среды и превращая въ кулаковъ...“.

„Всѣмъ и каждому“...—именно этого хотятъ марксисты. Но они думаютъ, что это недостижимо на почвѣ данныхъ общественно-экономическихъ отношеній, потому что даже при даровомъ и обязательномъ обученіи для „образованія“ нужны будутъ деньги, которыя имѣются только у „выходцевъ“. Они думаютъ, что и тутъ, слѣдовательно, выхода нѣтъ внѣ „суровой борьбы общественныхъ классовъ“

„...2) что въ народныя школы долженъ быть открытъ доступъ не однимъ только отставнымъ дьячкамъ, чиновникамъ и разнымъ забулдыгамъ, а людямъ дѣйствительно порядочнымъ и искренно любящимъ народъ“.

Трогательно! Но вѣдь тѣ, кто видитъ „умъ, предпріимчивость и энергію“ въ „выходцахъ изъ народа“,—также увѣряютъ (и не всегда неискренно), что „любятъ народъ“ изъ нихъ многіе, несомнѣнно, „дѣйствительно, порядочные“ люди? Кто же тутъ судить будетъ? Критически мыслящія и нравственно-развитыя личности? Но не сказалъ ли самъ авторъ, что презрѣніемъ нельзя дѣйствовать на этихъ выходцевъ? *)

Мы опять, въ заключеніе, стоимъ у той же основной черты народничества, которую пришлось констатировать въ самомъ началѣ—отворачиваніе отъ фактовъ.

Когда народникъ даетъ описаніе фактовъ,—онъ самъ всегда вынужденъ признать, что дѣйствительность принадлежитъ капиталу, что дѣйствительная наша эволюція—капиталистическая, что сила находится въ рукахъ буржуазіи. Это призналъ сейчасъ, напр., и авторъ комментируемой статьи, констатировавшій, что у насъ создалась „мѣщанская культура“, что идти на работу приказываетъ народу буржуазія, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послѣобѣденнымъ сномъ, что „мѣщанство“ создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу.

И тѣмъ не менѣе *всѣ* народническія разсужденія *всегда* основаны на обратномъ предположеніи: что сила не на сторонѣ буржуазіи, а на сторонѣ „народа“. Народникъ толкуетъ о выборѣ пути (рядомъ съ признаніемъ капиталистическаго характера дѣйствительнаго пути), объ обобществленіи труда (находящагося въ „завѣдываніи“ буржуазіи), о томъ, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрѣнія, что учить народъ должны именно народники и т. д., какъ будто бы сила была уже на сторонѣ трудящихся или ихъ идеологовъ, и оставалось уже

*) Стр. 151: «...не презираютъ ли они уже раньше (замѣтьте хорошенько это «уже раньше») тѣхъ, кто могъ бы ихъ презирать»?

только указать „ближайшіе“, „цѣлесообразные“ и т. п. пріемы употребить эту силу.

Все это сплошная приторная ложь. Можно еще себѣ представить raison d'être для подобныхъ иллюзій полвѣка тому назадъ, въ тѣ времена, когда прусскій регирунгсратъ открывалъ въ Россіи „общину“; но теперь, послѣ свыше чѣмъ 30-лѣтней исторіи „свободнаго“ труда, это—не то насмѣшка, не то фарисейство, не то слащавое лицемѣріе.

Въ разрушеніи этой благонамѣренной и прекраснодушной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тѣхъ, кто [хочетъ искать „путей къ человѣческому счастью“—не морочить самихъ себя, имѣть смѣлость откровенно признать то, что есть.

И когда идеологи трудящагося класса поймутъ это и почувствуютъ, тогда они признаютъ, что „идеалы“ должны заключаться не въ построеніи лучшихъ и ближайшихъ путей, а въ формулировкѣ задачи и цѣлей той „суровой борьбы общественныхъ классовъ“, которая идетъ передъ нашими глазами въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ; что мѣрой успѣха своихъ стремленій является не разработка совѣтовъ „обществу“ и „государству“, а степень распространенія этихъ идеаловъ въ опредѣленномъ классѣ общества, что самымъ высокимъ идеаламъ цѣна—мѣдный грошъ, пока вы не сумѣли слить ихъ неразрывно съ интересами самихъ участвующихъ въ экономической борьбѣ, слить съ тѣми „узкими“ и мелкими житейскими вопросами даннаго класса, вродѣ вопроса о „справедливомъ вознагражденіи за трудъ“, на которые съ такимъ величественнымъ пренебреженіемъ смотритъ широковѣщательный народникъ.

„...Но этого мало, умственное развитіе, какъ это мы видимъ, къ сожалѣнію, на каждомъ шагу, не гарантируетъ еще человѣка отъ хищныхъ поползновеній и инстинктовъ. А потому должны быть приняты немедленно мѣры къ огражденію деревни отъ хищничества, должны быть прежде всего приняты мѣры къ огражденію нашей общины, какъ формы общежитія, помогающей нравственному несовершенству человѣческой природы. Община разъ навсегда должна быть обезпечена. Но этого еще мало: община, при настоящихъ ея экономическихъ условіяхъ и податныхъ тягостяхъ, существовать не можетъ, а потому нужны мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, уменьшенію податей, организаціи народной промышленности“.

„Вотъ тѣ средства противъ кулачества, на которыхъ должна сойтись вся порядочная литература и стоять на нихъ. Средства эти, конечно, не новы; но дѣло въ томъ, что это единственныя въ своемъ родѣ средства, а въ этомъ далеко еще не всѣ убѣждены“. (Конецъ).

Вотъ вамъ и программа этого широковѣщательнаго народника! Изъ описанія фактовъ видѣли мы, что повсюду обнаруживается полное противорѣчіе экономическихъ интересовъ,—„повсюду“ не только въ томъ смыслѣ, что и въ городѣ и въ деревнѣ, и внутри общины и внѣ ея, и въ фабрично-заводской и въ „народной“ промышленности, но и за предѣлами хозяйственныхъ явленій—и въ литературѣ, и въ „обществѣ“, въ сферѣ идей нравственныхъ, политическихъ, юридическихъ и т. д. А нашъ рыцарь — Kleinbürger, проливаетъ горькія слезы и взываетъ: „немедленно принять мѣры къ огражденію деревни“. Мѣщанская по-

верхностность пониманія и готовность идти на компромиссы выступаетъ съ полной очевидностью. Самая эта деревня, какъ мы видѣли, представляетъ изъ себя расколъ и борьбу, представляетъ строй противоположныхъ интересовъ,—но народникъ видитъ корень зла не въ самомъ этомъ строѣ, а въ частныхъ недостаткахъ его, строитъ свою програму не на томъ, чтобы придать идейность идущей борьбѣ, а на томъ, чтобы „оградить" деревню отъ случайныхъ, незаконныхъ, извнѣ являющихся „хищниковъ". И кому же, достопочтенный г. романтикъ, слѣдуетъ принять мѣры къ огражденію? Тому „обществу", которое удовлетворяется утробными процессами на счетъ именно тѣхъ, кого ограждать слѣдуетъ? Земскимъ, волостнымъ и всякимъ другимъ агентамъ, которые живутъ долями прибавочной стоимости и поэтому, какъ мы сейчасъ видѣли, оказываютъ не противодѣйствіе, а содѣйствіе?

Народникъ находитъ, что это — грустная случайность, не болѣе,—результатъ дурного „пониманія своего назначенія"; что достаточно призыва „сойтись и дѣйствовать дружно", чтобы всѣ подобные элементы „сошли съ невѣрнаго пути". Онъ не хочетъ видѣть, что если въ отношеніяхъ экономическихъ сложилась система Plusmacherei, сложились такіе порядки, что имѣть средства и досугъ для образованія можетъ только „выходецъ изъ народа", а „масса" „должна" оставаться невѣжественной и трудиться за чужой счетъ,—то прямымъ уже и непосредственнымъ слѣдствіемъ ихъ является то, что въ „общество" попадаютъ только представители первыхъ, что изъ этого же „общества" да изъ „выходцевъ" только и могутъ рекрутироваться волостные писаря, земскіе агенты и такъ далѣе, которыхъ народникъ имѣетъ наивность считать чѣмъ-то стоящимъ *выше* экономическихъ отношеній и классовъ, *надъ* ними.

Поэтому и воззваніе его: „оградите" обращается совсѣмъ не по адресу.

Онъ успокаивается либо на мѣщанскихъ палліативахъ (борьба съ кулачествомъ—см. выше о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, кредитѣ, о законодательствѣ для поощренія трезвости, трудолюбія и образованія; расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—см. выше о земельномъ кредитѣ и покупкѣ земли; уменьшеніе податей—см. выше о подоходномъ налогѣ), либо на розовыхъ институтскихъ мечтаніяхъ! „Организовать народную промышленность".

Да развѣ она уже не организована? Развѣ вся эта вышеописанная молодая буржуазія не организовала уже по своему, по буржуазному, эту „народную промышленность"? Иначе какъ бы могла она „держать каждую деревню въ своихъ рукахъ"? Какъ бы могла она „приказывать народу идти на работу" и присвоивать сверхстоимость?

Народникъ доходитъ до высшей степени высоконравственнаго возмущенія. Безнравственно—кричитъ онъ—признавать капитализмъ „организаціей", когда онъ построенъ на анархіи производства, на кризисахъ, на постоянной, нормальной и все углу-

бляющейся безработицѣ массъ, на безмѣрномъ ухудшенiи положенія трудящихся...

Напротивъ. Безнравственно подрумянивать истину, изображать чѣмъ-то случайнымъ, нечаяннымъ порядки, характеризующіе всю пореформенную Россію. Что всякая капиталистическая нація несетъ техническій прогрессъ и обобществленіе труда цѣной калѣченія и уродованія производителя,—это установлено уже давнымъ давно. Но обращать этотъ *фактъ* въ матеріалъ моральныхъ собесѣдованій съ „обществомъ" и, закрывая глаза на идущую борьбу, лепетать съ послѣобѣденнымъ спокойствіемъ: „оградите", „обезпечьте", „организуйте"—значить быть романтикомъ, наивнымъ, реакціоннымъ романтикомъ.

Читателю покажется, вѣроятно, что этотъ комментарій не имѣетъ никакой связи съ разборомъ книги г. Струве. По моему, это отсутствіе лишь внѣшней связи.

Книга г. Струве совсѣмъ не открываетъ русскій марксизмъ. Она только впервые выноситъ въ нашу печать теоріи, сложившіяся и изложенныя уже раньше *). Этому вынесенію предшествовала, какъ было уже замѣчено, ожесточенная критика марксизма въ либерально-народнической печати, критика, запутавшая и исказившая дѣло.

Не отвѣтивъ на эту критику, нельзя было, во-первыхъ, подойти къ современному положенію вопроса; во-вторыхъ, нельзя было понять книги г-на Струве, ея характера и назначенія.

Старая народническая статья взята была для отвѣта потому, что нужна была принципіальная статья и сверхъ того статья, сохраняющая хотя бы нѣкоторые завѣты русскаго народничества, цѣнные для марксиста.

Этимъ комментаріемъ мы старались показать выдуманность и вздорность ходячихъ пріемовъ либерально-народнической полемики. Разсужденія на тему, что марксизмъ связывается съ гегельянствомъ **), съ вѣрой въ тріады, въ абстрактныя, не требующія провѣрки фактами, догмы и схемы, въ обязательность для каждой страны пройти черезъ фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней.

Марксизмъ видитъ свой критерій въ *формулировкѣ* и въ теоретическомъ *объясненіи* идущей передъ нашими глазами борьбы общественныхъ классовъ и экономическихъ интересовъ.

Марксизмъ не основывается ни на чемъ другомъ, кромѣ какъ на фактахъ русской исторіи и дѣйствительности; онъ представляетъ изъ себя тоже идеологію трудящагося класса, но только онъ совершенно иначе объясняетъ общеизвѣстные факты роста и побѣдъ русскаго капитализма, совсѣмъ иначе понимаетъ задачи, которыя ставитъ наша дѣйствительность идеологамъ непосред-

*) Ср. В. В. «Очерки теоретической экономіи». Спб. 1895, стр. 257—8.

**) Я говорю, разумѣется, не объ историческомъ происхожденіи марксизма, а о его современномъ содержаніи.

ственныхъ производителей. Поэтому, когда марксистъ говоритъ о необходимости, неизбѣжности, прогрессивности русскаго капитализма,—онъ исходитъ изъ общеустановленныхъ фактовъ, которые именно въ силу своей общеустановленности, въ силу ихъ не-новизны и не всегда приводятся; онъ даетъ иное объясненіе тому, что разсказано и пересказано народнической литературой,—и если народникъ въ отвѣтъ на это кричитъ, что марксистъ не хочетъ знать фактовъ, тогда для уличенія его достаточно даже простой ссылки на любую принципіальную народническую статью 70-хъ годовъ.

Перейдемъ теперь къ разбору книги г. Струве.

ГЛАВА II.

Критика народнической соціологіи.

„Сущность“ народничества, его „основную идею“ авторъ видитъ въ „теоріи самобытнаго экономическаго развитія Россіи“. Теорія эта, по его словамъ, имѣетъ „два основныхъ источника: 1) опредѣленное ученіе о роли личности въ историческомъ процессѣ и 2) непосредственное убѣжденіе въ специфическомъ національномъ характерѣ и духѣ русскаго народа и въ особенныхъ его историческихъ судьбахъ“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ указываетъ, что „для народничества характерны вполнѣ опредѣленные идеалы“ *), и говоритъ, что экономическое міровоззрѣніе народниковъ онъ излагаетъ ниже.

Такая характеристика сущности народничества требуетъ, мнѣ кажется, нѣкотораго исправленія. Она слишкомъ абстрактна, идеалистична, указывая господствующія теоретическія идеи народничества, но не указывая ни его „сущности“, ни его „источника“. Остается совершенно неяснымъ, почему указанные идеалы соединялись съ вѣрой въ самобытное развитіе, съ особымъ ученіемъ о роли личности, почему эти теоріи стали „самымъ вліятельнымъ теченіемъ“ нашей общественной мысли. Если авторъ, говоря о соціологическихъ идеяхъ народничества“ (заглавіе 1-ой главы), не могъ однако ограничиться чисто соціологическими вопросами (методъ въ соціологіи), а коснулся и воззрѣній народниковъ на русскую экономическую дѣйствительность, то онъ долженъ былъ указать сущность этихъ воззрѣній. Между тѣмъ въ указанномъ примѣчаніи это сдѣлано лишь на половину. Сущность народничества—представительство интересовъ производителей съ точки зрѣнія мелкаго производителя, мелкаго буржуа. Г. Струве въ своей нѣмецкой статьѣ о книгѣ г. Н—она („Social-

---

*) Конечно, этого выраженія: «вполнѣ опредѣленные идеалы» нельзя понимать буквально, т.-е. въ томъ смыслѣ, что народники «вполнѣ опредѣленно» знали, чего они хотятъ. Это было бы совершенно невѣрно. Подъ «вполнѣ опредѣленными идеалами» слѣдуетъ разумѣть не болѣе, какъ идеологію непосредственныхъ производителей, хотя бы эта идеологія и была самая расплывчатая.

politisches Centralblatt", 1893, № 1) назвалъ народничество „національнымъ соціализмомъ" („Русское Богатство", 1893, № 12, стр. 185). Вмѣсто „національный" слѣдовало бы сказать „крестьянскій"—по отношенію къ старому русскому народничеству и „мѣщанскій" — по отношенію къ современному. „Источникъ" народничества—преобладаніе класса мелкихъ производителей въ пореформенной капиталистической Россіи.

Необходимо пояснить эту характеристику. Выраженіе „мѣщанскій" употребляю я не въ обыденномъ, а въ политико-экономическомъ значеніи слова. Мелкій производитель, хозяйничающій при системѣ товарнаго хозяйства,—вотъ два признака, составляющіе понятіе „мелкаго буржуа", Kleinbürger'а или, что то же, мѣщанина. Сюда подходятъ, такимъ образомъ, и крестьянинъ, и кустарь, которыхъ народники ставили всегда на одну доску—и вполнѣ справедливо, такъ какъ оба представляютъ изъ себя такихъ производителей, работающихъ на рынокъ, и отличаются лишь степенью развитія товарнаго хозяйства. Далѣе, я отличаю старое *) и современное народничество на томъ основаніи, что это была до нѣкоторой степени стройная доктрина, сложившаяся въ эпоху, когда капитализмъ въ Россіи былъ еще весьма слабо развитъ, когда мелко-буржуазный характеръ крестьянскаго хозяйства совсѣмъ еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопія, когда народники рѣзко сторонились отъ либеральнаго „общества" и „шли въ народъ". Теперь не то: капиталистическій путь развитія Россіи никѣмъ уже не отрицается, разложеніе деревни—безспорный фактъ. Отъ стройной доктрины народничества съ дѣтской вѣрой въ „общину" остались одни лохмотья. Въ отношеніи практическомъ—на мѣсто утопіи выступила вовсе не утопическая программа мелко-буржуазныхъ „прогрессовъ", и только пышныя фразы напоминаютъ объ исторической связи этихъ убогихъ компромиссовъ съ мечтами о лучшихъ и самобытныхъ путяхъ для отечества. Вмѣсто отдѣленія отъ либеральнаго общества, мы видимъ самое трогательное сближеніе съ нимъ. Вотъ эта-то перемѣна и заставляетъ отличать идеологію крестьянства отъ идеологіи мелкой буржуазіи.

Эта поправка насчетъ дѣйствительнаго содержанія народничества казалась тѣмъ болѣе необходимой, что указанная абстрактность изложенія у г-на Струве—основной его недостатокъ; это во-первыхъ. А во-вторыхъ, „нѣкоторыя основныя" положенія той доктрины, которою г. Струве не связанъ, требуютъ именно сведенія общественныхъ идей къ общественно-экономическимъ отношеніямъ. И мы постараемся теперь показать, что безъ такого сведенія нельзя уяснить себѣ даже чисто теоретическихъ идей народничества, вродѣ вопроса о методѣ въ соціологіи.

Указавши, что народническое ученіе объ особомъ методѣ въ соціологіи всего лучше изложено гг. Миртовымъ и Михай-

*) Подъ старыми народниками я разумѣю не тѣхъ, кто двигалъ, напр., «Отечественныя Записки», а тѣхъ именно, кто «шелъ въ народъ».

мовскимъ, г. Струве характеризуетъ это ученіе, какъ „субъективный идеализмъ“, и въ подтвержденіе этого приводитъ изъ сочиненій названныхъ лицъ рядъ мѣстъ, на которыхъ стоитъ остановиться.

Оба автора ставятъ во главу угла положеніе, что исторію дѣлали „одинокія борющіяся личности“. „Личности создаютъ исторію“ (Миртовъ). Еще яснѣе у г. Михайловскаго: „Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій“ (8). Это положеніе—что исторію дѣлаютъ личности—теоретически совершенно безсодержательно. Исторія вся и состоитъ изъ дѣйствій личностей, и задача общественной науки состоитъ въ томъ, чтобы объяснить эти дѣйствія, такъ что указаніе на „право вмѣшательства въ ходъ событій“ (слова г. Михайловскаго, цитированныя у г. Струве, с. 8) сводится къ пустой тавтологіи. Особенно ясно обнаруживается это на послѣдней тирадѣ у г. Михайловскаго. Живая личность—разсуждаетъ онъ—движетъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ стихійными силами историческихъ условій. А въ чемъ состоятъ эти „историческія условія“? По логикѣ автора, опять-таки въ дѣйствіяхъ другихъ „живыхъ личностей“. Неправда ли, какая глубокая философія исторіи: живая личность движетъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ другими живыми личностями! И почему это дѣйствія однѣхъ живыхъ личностей именуются стихійными, а о другихъ говорится, что онѣ „двигаютъ события“ къ поставленнымъ заранѣе цѣлямъ? Ясно, что искать тутъ хоть какого-нибудь теоретическаго содержанія было бы предпріятіемъ едва ли не безнадежнымъ. Дѣло все въ томъ, что тѣ историческія условія, которыя давали для нашихъ субъективистовъ матеріалъ для „теоріи“, представляли изъ себя (какъ представляютъ и теперь) отношенія антагонистическія, порождали экспропріацію производителя. Не умѣя понять этихъ антагонистическихъ отношеній, не умѣя найти въ *нихъ же* такіе общественные элементы, къ которымъ бы могли примкнуть „одинокія личности“, субъективисты ограничивались сочиненіемъ теорій, которыя утѣшали „одинокихъ“ личностей тѣмъ, что исторію дѣлали „живыя личности“. Рѣшительно ничего, кромѣ хорошаго желанія и плохого пониманія, знаменитый „субъективный методъ въ соціологіи“ не выражаетъ. Дальнѣйшее разсужденіе г. Михайловскаго, приводимое у автора, наглядно подтверждаетъ это.

Европейская жизнь, говоритъ г. Михайловскій, „складывалась такъ же безсмысленно и безнравственно, какъ въ природѣ течетъ рѣка или растетъ дерево. Рѣка течетъ по направленію наименьшаго сопротивленія, смываетъ то, что можетъ смыть, будь это алмазная копь, огибаетъ то, чего смыть не можетъ, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по инціативѣ человѣческаго разума и чув-

ства. Этотъ разумъ и это чувство, можно сказать, не присутствовали (? П. С.) при возникновеніи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ. Они были въ зачаточномъ состояніи, и воздѣйствіе ихъ на естественный, стихійный ходъ вещей было ничтожно". (9).

Г. Струве ставитъ вопросительный знакъ, и мы недоумѣваемъ, почему онъ поставилъ его при одномъ только словѣ, а не при всѣхъ словахъ: до того безсодержательна вся эта тирада! Что эта за чепуха, будто разумъ и чувство не присутствовали при возникновеніи капитализма? Да въ чемъ же состоитъ капитализмъ, какъ не въ извѣстныхъ отношеніяхъ между людьми, а такихъ людей, у которыхъ не было бы разума и чувства, мы еще не знаемъ. И что это за фальшь, будто воздѣйствіе разума и чувства тогдашнихъ „живыхъ личностей" на „ходъ вещей" было „ничтожно"? Совсѣмъ напротивъ. Люди устраивали тогда, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшіе непокорнаго крестьянина въ русло капиталистической эксплуатаціи; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политическихъ и финансовыхъ мѣропріятій, по которымъ (каналамъ) устремлялись капиталистическое накопленіе и капиталистическая экспропріація, не удовлетворявшіяся дѣйствіемъ однихъ экономическихъ законовъ. Однимъ словомъ, всѣ эти заявленія г. Михайловскаго такъ чудовищно невѣрны, что однѣми теоретическими ошибками ихъ не объяснишь. Они объясняются вполнѣ той мѣщанской точкой зрѣнія, на которой стоитъ этотъ писатель. Капитализмъ обнаружилъ уже совершенно ясно свои тенденціи, онъ развилъ присущій ему антагонизмъ до конца, противорѣчіе интересовъ начинаетъ уже принимать опредѣленныя формы, отражаясь даже въ русскомъ законодательствѣ,— но мелкій производитель стоитъ въ сторонѣ отъ этой борьбы. Онъ еще привязанъ къ старому буржуазному обществу своимъ крошечнымъ хозяйствомъ и потому, будучи угнетаемъ капиталистическимъ строемъ, онъ не въ состояніи понять истинныхъ причинъ своего угнетенія и продолжаетъ утѣшать себя иллюзіями, что всѣ бѣды отъ того, что разумъ и чувство людей находятся еще „въ зачаточномъ состояніи".

„Конечно—продолжаетъ идеологъ этого мелкаго буржуа— люди всегда старались повліять такъ или иначе на ходъ вещей".

„Ходъ вещей" и состоитъ въ дѣйствіяхъ и „вліяніяхъ" людей и ни въ чемъ больше, такъ что это опять пустая фраза.

„Но они руководствовались при этомъ указаніями самаго скуднаго опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только въ высшей степени рѣдко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями" (9).

Мѣщанская мораль, осуждающая „грубость интересовъ" вслѣдствіе неумѣнья сблизить свои „идеалы" съ какими-нибудь насущными интересами; мѣщанское закрываніе глазъ на происшедшій уже расколъ, ярко отражающійся и на современной наукѣ, и на современныхъ нравственныхъ идеяхъ.

Понятно, что всѣ эти свойства разсужденій г. Михайловскаго остаются неизмѣнными и тогда, когда онъ переходитъ къ Россіи. Онъ „привѣтствуетъ отъ всей души" столь же странныя розсказни нѣкоего г. Яковлева, что Россія—tabula rasa, что она можетъ начать съ начала, избѣгать ошибокъ другихъ странъ и т. д. и т. д. И все это говорится въ полномъ сознаніи того, что на этой tabula rasa очень еще прочно держатся представители „старо-дворянскаго" уклада, съ крупной поземельной собственностью и съ громадными политическими привилегіями, что на ней быстро растетъ капитализмъ, съ его всевозможными „прогрессами". Мелкій буржуа трусливо закрываетъ глаза на эти *факты* и уносится въ сферу невинныхъ мечтаній о томъ, что „мы начинаемъ жить теперь, когда наука уже обладаетъ и нѣкоторыми истинами, и нѣкоторымъ авторитетомъ".

Итакъ, уже изъ тѣхъ разсужденій г. Михайловскаго, которыя приведены у г. Струве, явствуетъ классовое происхожденіе соціологическихъ идей народничества.

Не можемъ оставить безъ возраженія одно замѣчаніе г. Струве противъ г. Михайловскаго. „По его взгляду—говоритъ авторъ—не существуетъ непреодолимыхъ историческихъ тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить, съ одной стороны, исходнымъ пунктомъ, съ другой—обязательными границами для цѣлесообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ" (11).

Это—языкъ объективиста, а не марксиста (матеріалиста). Между этими понятіями (системами воззрѣній) есть разница, на которой слѣдуетъ остановиться, такъ какъ неполное уясненіе этой разницы принадлежитъ къ основному недостатку книги г. Струве, проявляясь въ большинствѣ его разсужденій.

Объективистъ говоритъ о необходимости даннаго историческаго процесса; матеріалистъ констатируетъ съ точностью данную общественно-экономическую формацію и порождаемыя ею антагонистическія отношенія. Объективистъ, доказывая необходимость даннаго ряда фактовъ, всегда рискуетъ сбиться на точку зрѣнія апологета этихъ фактовъ; матеріалистъ вскрываетъ классовыя противорѣчія и тѣмъ самымъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія. Объективистъ говоритъ о „непреодолимыхъ историческихъ тенденціяхъ", матеріалистъ говоритъ о томъ классѣ, который „завѣдуетъ" даннымъ экономическимъ порядкомъ, создавая такія-то формы противодѣйствія другихъ классовъ. Такимъ образомъ, матеріалистъ, съ одной стороны, послѣдовательнѣе объективиста и глубже, полнѣе проводитъ свой объективизмъ. Онъ не ограничивается указаніемъ на необходимость процесса, а выясняетъ, какая именно общественно-экономическая формація даетъ содержаніе этому процессу, *какой именно классъ* опредѣляетъ эту необходимость. Въ данномъ случаѣ, напр., матеріалистъ не удовлетворился бы констатированіемъ „непреодолимыхъ историческихъ тенденцій", а указалъ бы на существованіе извѣстныхъ классовъ, опредѣляющихъ содержаніе данныхъ порядковъ и исключающихъ возможность выхода внѣ выступленія

самихъ производителей. Съ другой стороны, матеріализмъ включаетъ въ себя, такъ сказать, партійность, обязывая при всякой оцѣнкѣ событія прямо и открыто становиться на точку зрѣнія опредѣленной общественной группы *).

Отъ г. Михайловскаго авторъ переходитъ къ Южакову, который не представляетъ изъ себя ничего самостоятельнаго и интереснаго. Г. Струве совершенно справедливо отзывается о его соціалистическихъ разсужденіяхъ, что это — „пышныя слова", „лишенныя всякаго содержанія". Стоитъ остановиться на чрезвычайно характерномъ (для народничества вообще) различіи между г. Южаковымъ и г. Михайловскимъ. Г. Струве отмѣчаетъ это различіе, называя г. Южакова „націоналистомъ", тогда какъ де Михайловскому „всякій націонализмъ всегда былъ совершенно чуждъ" и для него, по его собственнымъ словамъ, „вопросъ о народной правдѣ обнимаетъ не только русскій народъ, а весь трудящійся людъ всего цивилизованнаго міра". Мнѣ кажется, что за этимъ различіемъ проглядываетъ еще отраженіе двойственнаго положенія мелкаго производителя, который является элементомъ прогрессивнымъ, поскольку онъ начинаетъ, по безсознательно-удачному выраженію г. Южакова, „дифференцироваться отъ общества", — и элементомъ реакціоннымъ, поскольку борется за сохраненіе своего положенія, какъ мелкаго хозяина, и старается задержать экономическое развитіе. Поэтому и русское народничество умѣетъ сочетать прогрессивныя, демократическія черты доктрины съ реакціонными, вызывающими сочувствіе „Московскихъ Вѣдомостей". Что касается до этихъ послѣднихъ, то трудно было бы, думается, рельефнѣе выставить ихъ, чѣмъ сдѣлалъ это г. Южаковъ въ слѣдующей тирадѣ, приводимой у г. Струве.

„Только крестьянство всегда и всюду являлось носителемъ чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной исторіи такъ называемымъ четвертымъ сословіемъ, городскимъ пролетаріатомъ, но видоизмѣненія, претерпѣнныя ея сущностью, при этомъ такъ значительны, что крестьянинъ едва ли бы узналъ въ ней обычную основу своего быта. *Право* на трудъ, а не святая *обязанность* труда, обязанность въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой [Такъ вотъ что скрывалось за „чистой идеей труда"! Чисто крѣпостническая идея объ „обязанности" крестьянина добывать себѣ хлѣбъ! ...для исполненія своихъ повинностей? Объ этой „святой" обязанности говорится забитому и задавленному ею конягѣ **)]; затѣмъ выдѣленіе труда и вознагражденіе за него, вся эта агитація о справедливомъ вознагражденіи за трудъ, какъ будто не самъ трудъ въ плодахъ своихъ создаетъ это вознагражденіе („Что это?—спрашиваетъ г. Струве,

---

*) Конкретные примѣры неполнаго проведенія объективизма у г. Струве и невыдержанности у него теоріи классовой борьбы будутъ указываться ниже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

**) Авторъ не знаетъ, должно быть, — какъ и подобаетъ маленькому буржуа, — что западно-европейскій трудящійся людъ давно переросъ ту стадію развитія, когда онъ требовалъ «права на трудъ», и требуетъ теперь «права на лѣность», права на отдыхъ отъ чрезмѣрной работы, которая калѣчитъ и давитъ его.

„sancta simplicitas или нѣчто иное“? Хуже. Это — апофеозъ послушливости прикрѣпленнаго къ землѣ батрака, привыкшаго работать за другихъ чуть не даромъ); дифференцированіе труда отъ жизни въ какую-то отвлеченную (? П. С.) категорію, изображаемую столькими-то часами пребыванія на фабрикѣ, не имѣющими никакого иного (? П. С.) отношенія, никакой связи съ повседневными интересами работника (чисто мѣщанская трусость мелкаго производителя, которому порой очень и очень плохо приходится отъ современной капиталистической организаціи, но который пуще всего боится серьезнаго движенія противъ этой организаціи со стороны элементовъ, окончательно „дифференцировавшихся“ отъ всякой связи съ ней); наконецъ, отсутствіе осѣдлости, домашняго, созданнаго трудомъ очага, измѣнчивость поприща труда, — все это совершенно чуждо идеѣ крестьянскаго труда. Трудовой, отъ отцовъ и дѣдовъ завѣщанный очагъ, трудъ, проникающій своими интересами всю жизнь и строящій ея мораль — любовь къ политой потомъ многихъ поколѣній нивѣ — все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянскаго быта, совершенно незнакомо рабочему пролетаріату, а потому въ то время, какъ жизнь послѣдняго, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принципъ пріобрѣтеннаго права), а въ лучшемъ случаѣ отвлеченно-философской, въ основѣ крестьянской морали лежитъ именно трудъ, его логика, его требованія“ (18). Тутъ выступаютъ уже въ чистомъ видѣ реакціонныя черты мелкаго производителя, его забитость, заставляющая его вѣрить въ то, что ему навѣки суждена „святая обязанность“ быть клячей; его „завѣщанный отъ отцовъ и дѣдовъ“ сервилизмъ; его привязанность къ отдѣльному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждаетъ его отказаться даже отъ всякой мысли о „справедливомъ вознагражденіи“ и выступать врагомъ всякой „агитаціи“, — которое вслѣдствіе низкой производительности труда и прикрѣпленія трудящагося къ одному мѣсту дѣлаетъ его дикаремъ и, силою однихъ хозяйственныхъ условій, необходимо порождаетъ его забитость и сервилизмъ. Разрушеніе этихъ реакціонныхъ чертъ должно быть безусловно поставлено въ заслугу нашей буржуазіи; прогрессивная работа ея состоитъ именно въ томъ, что она порвала всѣ связи трудящагося съ крѣпостническими порядками, съ крѣпостническими тенденціями. Средневѣковыя формы эксплуатаціи, которыя были прикрыты *личными* отношеніями господина къ его подданному, мѣстнаго кулака и скупщика къ мѣстнымъ крестьянамъ и кустарямъ, патріархальнаго „скромнаго и бородатаго милліонера“ къ „его ребятамъ“, и которыя въ силу этого порождали ультра-реакціонныя идеи, — эти средневѣковыя формы она замѣнила и продолжаетъ замѣнять эксплуатаціей „европейски-развязнаго антрепренера“, эксплуатаціей безличной, голой, ничѣмъ не прикрытой и уже тѣмъ самымъ разрушающей нелѣпыя иллюзіи и мечтанія. Она разрушила прежнюю обособленность крестьянина („осѣдлость“), который не хотѣлъ, *да и не могъ* знать ничего, кромѣ

своего клочка земли, и — обобществляя трудъ и чрезвычайно повышая его производительность — стала силой выталкивать производителя на арену общественной жизни.

Г. Струве говоритъ по поводу этого разсужденія г. Южакова: „Такимъ образомъ, г. Южаковъ съ полной ясностью документируетъ славянофильскіе корни народничества“ (18), и ниже, подводя итоги своему изложенію соціалистическихъ идей народничества, онъ добавляетъ, что вѣра въ „самое развитіе Россіи“ составляетъ „историческую связь между славянофильствомъ и народничествомъ“ и что поэтому споръ марксистовъ съ народниками есть „естественное продолженіе разногласія между славянофильствомъ и западничествомъ“ (29). Это послѣднее положеніе, мнѣ кажется, требуетъ ограниченія. Безспорно, что народники очень и очень повинны въ квасномъ патріотизмѣ самаго низкаго разбора (г. Южаковъ, напр.). Безспорно и то, что игнорированіе соціалистическаго метода Маркса и его постановки вопросовъ, касающихся непосредственныхъ производителей, равносильно для тѣхъ русскихъ людей, кто хочетъ представлять интересы этихъ непосредственныхъ производителей, съ полнымъ отчужденіемъ отъ западной „цивилизаціи“. Но сущность народничества лежитъ глубже; не въ ученіи о самобытности и не въ славянофильствѣ, а въ представительствѣ интересовъ и идей русскаго мелкаго производителя. Поэтому среди народниковъ и были писатели (и это были лучшіе изъ народниковъ), которые, какъ эта призналъ и г. Струве, не имѣли ничего общаго съ славянофильствомъ, которые даже признавали, что Россія вступила на тотъ же путь, что и Западная Европа. Съ такими категоріями, какъ славянофильство и западничество, въ вопросахъ русскаго народничества никакъ не разобраться. Народничество отразило такой фактъ русской жизни, который еще почти отсутствовалъ въ ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересовъ труда и *капитала*. Оно отразило этотъ *фактъ* черезъ призму жизненныхъ условій и интересовъ мелкаго производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создавъ теорію, выдвигающую не противорѣчія общественныхъ интересовъ, а безплодныя упованія на иной путь развитія, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа можетъ явиться дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ непосредственныхъ производителей.

Переходимъ теперь ко второй главѣ книги г. Струве.

Планъ изложенія у автора слѣдующій: сначала онъ указываетъ тѣ общія соображенія, которыя заставляютъ считать матеріализмъ единственно правильнымъ методомъ общественной науки; затѣмъ излагаетъ воззрѣнія Маркса и Энгельса, и, наконецъ, примѣняетъ полученные выводы къ нѣкоторымъ явленіямъ русской жизни. Вслѣдствіе особенной важности предмета этой главы, мы попытаемся подробнѣе разобрать ея содержаніе, отмѣчая всѣ тѣ пункты, которые вызываютъ возраженіе.

Авторъ начинаетъ съ совершенно справедливаго указанія на то, что теорія, сводящая общественный процессъ къ дѣйствіямъ „живыхъ личностей", которыя „ставятъ себѣ цѣли" и „двигаютъ событія", — есть результатъ недоразумѣнія. Никто, разумѣется, и не думалъ никогда о томъ, чтобы приписывать „соціальной группѣ самостоятельное, независимое отъ составляющихъ ея личностей существованіе" (31), но дѣло въ томъ, что „личность, какъ конкретная индивидуальность, есть производная всѣхъ раньше жившихъ и современныхъ ся личностей, т.-е. соціальной группы" (31). Пояснимъ мысль автора. Исторію дѣлаетъ — разсуждаетъ г. Михайловскій — „живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами". Совершенно вѣрно. Но чѣмъ опредѣляются эти помыслы и чувства"? Можно ли серьезно защищать то мнѣніе, что они появляются случайно, а не вытекаютъ необходимо изъ данной общественной среды, которая служитъ матеріаломъ, объектомъ духовной жизни личности и которая отражается въ ея „помыслахъ и чувствахъ" съ положительной или отрицательной стороны, въ представительствѣ интересовъ того или другого общественнаго класса? И далѣе: по какимъ признакамъ судить намъ *о реальныхъ* „помыслахъ и чувствахъ" *реальныхъ* личностей? Понятно, что такой признакъ можетъ быть лишь одинъ: *дѣйствія* этихъ личностей, — а такъ какъ рѣчь идетъ только объ общественныхъ „помыслахъ и чувствахъ", то слѣдуетъ добавить еще: *общественныя дѣйствія* личностей, т.-е. *соціальные факты.* „Обособляя соціальную группу отъ личности, — говоритъ г. Струве, — мы подразумѣваемъ подъ первой всѣ тѣ многообразныя взаимодѣйствія между личностями, которыя возникаютъ на почвѣ соціальной жизни и объективируются въ обычаяхъ и правѣ, въ правахъ и нравственности, въ религіозныхъ представленіяхъ" (32). Другими словами: соціологъ-матеріалистъ, дѣлающій предметомъ своего изученія опредѣленныя общественныя отношенія людей, тѣмъ самымъ уже изучаетъ и реальныя *личности,* изъ дѣйствія которыхъ и слагаются эти отношенія. Соціологъ-субъективистъ, начиная свое разсужденіе якобы съ „живыхъ личностей", на самомъ дѣлѣ начинаетъ съ того, что вкладываетъ въ эти личности такіе „помыслы и чувства", которые онъ считаетъ раціональными (потому что, изолируя свои „личности" отъ конкретной общественной обстановки, онъ тѣмъ самымъ отнялъ у себя возможность изучить *дѣйствительные* ихъ помыслы и чувства), т.-е. „начинаетъ съ утопіи", какъ это и пришлось признать г. Михайловскому *). А такъ какъ далѣе собственныя представленія этого соціолога о раціональномъ сами отражаютъ (безсознательно для него самого) данную соціальную среду, то окончательные выводы его изъ разсужденія, которые представляются ему „чистѣйшимъ" продуктомъ „современной науки и современныхъ нравственныхъ идей", на самомъ дѣлѣ выражаютъ только точку зрѣнія и интересы... мѣщанства.

---

*) Сочиненія. Т. III, ст. 15[illegible]: «Соціологія должна начаться съ нѣкоторой утопіи».

Этотъ послѣдній пунктъ, — т.-е. что особая соціологическая теорія о роли личности или субъективномъ методѣ ставитъ утопію на мѣсто критическаго и матеріалистическаго изслѣдованія, — особенно важенъ и, такъ какъ онъ опущенъ г. Струве, на немъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Возьмемъ для иллюстраціи ходячее народническое разсужденіе о кустарѣ. Народникъ описываетъ жалкое положеніе этого кустаря, мизерность его производства, безобразнѣйшую эксплуатацію его скупщикомъ, который кладетъ въ карманъ львиную долю продукта, оставляя производителю гроши за 16—18-часовой рабочій день, — и заключаетъ: жалкій уровень производства и эксплуатація труда кустаря — это дурныя стороны данныхъ порядковъ. Но кустарь не наемный рабочій; это — хорошая сторона. Слѣдуетъ сохранить хорошую сторону и уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вотъ — законченное народническое разсужденіе.

Марксистъ разсуждаетъ иначе. Знакомство съ положеніемъ промысла возбуждаетъ въ немъ кромѣ вопроса о томъ, хорошо это или дурно, еще вопросъ о томъ, какова организація этого промысла, т.-е. какъ и *почему именно такъ, а не иначе,* складываются отношенія между кустарями по производству даннаго продукта. И онъ видитъ, что эта организація есть товарное производство, т.-е. производство *обособленныхъ* производителей, связанныхъ между собою *рынкомъ.* Продуктъ отдѣльнаго производителя, предназначенный на чужое потребленіе, можетъ дойти до потребителя и дать право производителю на полученіе другого общественнаго продукта, только принявши форму *денегъ,* т.-е. подвергшись предварительно общественному учету какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. А этотъ учетъ производится за спиной производителя, посредствомъ рыночныхъ колебаній. Эти невѣдомыя производителю, независимыя отъ него рыночныя колебанія не могутъ не порождать неравенства между производителями, не могутъ не усиливать этого неравенства, разоряя однихъ и давая другимъ въ руки — продуктъ общественнаго труда. Отсюда ясна и причина могущества владѣльца денегъ, скупщика: она состоитъ въ томъ, что среди кустарей, живущихъ со дня на день, самое большее съ недѣли на недѣлю, онъ одинъ владѣетъ деньгами, т.-е. продуктомъ прежняго *общественнаго* труда, который въ его рукахъ и становится *капиталомъ,* орудіемъ присвоенія прибавочнаго продукта другихъ кустарей. Поэтому, заключаетъ марксистъ, при такомъ устройствѣ общественнаго хозяйства экспропріація производителя и эксплуатація его совершенно неизбѣжны, совершенно неизбѣжно подчиненіе неимущихъ имущимъ и та противоположность ихъ интересовъ, которая даетъ содержаніе *научному* понятію *борьбы классовъ.* И, слѣдовательно, интересъ производителя состоитъ совсѣмъ не въ примиреніи этихъ противоположныхъ элементовъ, а напротивъ, въ развитіи противоположности, въ развитіи сознанія этой противоположности. Мы видимъ, что ростъ товарнаго хозяйства приводитъ и у насъ, на Руси, къ

такому развитію противоположности: по мѣрѣ увеличенія рынка и расширенія производства капиталъ торговый становится индустріальнымъ. Машинная индустрія, разрушая мелкое обособленное производство окончательно (оно уже въ корень подорвано скупщикомъ), обобществляетъ трудъ. Система Plusmacherei, которая въ кустарномъ производствѣ прикрыта кажущейся самостоятельностью кустаря и кажущейся случайностью власти скупщика, теперь становится ясной и ничемъ не прикрытой. „Трудъ", который въ кустарномъ промыслѣ принималъ участіе въ „жизни" только тѣмъ, что дарилъ прибавочный продуктъ скупщикамъ, теперь окончательно „дифференцировался отъ жизни" буржуазнаго общества. Это общество выталкиваетъ его съ полной откровенностью прочь, договаривая до конца лежащій въ его основѣ принципъ, что производитель можетъ получить средства къ жизни лишь тогда, когда найдетъ владѣльца денегъ, соблаговоляющаго присвоить прибавочный продуктъ его труда, — и то, чего не могъ понять кустарь (и его идеологъ-народникъ)—именно: глубокій, классовый характеръ вышеуказанной противоположности, становится само собой яснымъ для производителя. Вотъ почему интересы кустаря могутъ быть представлены только этимъ передовымъ производителемъ.

Сравнимъ теперь эти разсужденія со стороны ихъ соціологическаго метода.

Народникъ увѣряетъ, что онъ — реалистъ. „Исторію дѣлаютъ живыя личности", и я, молъ, начинаю съ „чувствъ" кустаря, отрицательно настроеннаго къ современному порядку, и съ помысловъ его объ устройствѣ порядковъ лучшихъ, а марксистъ разсуждаетъ о какой-то необходимости и неизбѣжности; онъ мистикъ и метафизикъ.

Дѣйствительно, отвѣчаетъ этотъ мистикъ, исторію дѣлаютъ „живыя личности"—и я, разбирая вопросъ о томъ, почему общественныя отношенія сложились въ кустарномъ промыслѣ такъ, а не иначе (вы этого вопроса даже и не поставили), разбиралъ именно то, *какъ* „живыя личности" *свою исторію сдѣлали* и продолжаютъ дѣлать. И у меня былъ въ рукахъ надежный критерій того, что я имѣю дѣло съ „живыми" дѣйствительными личностями, съ дѣйствительными помыслами и чувствами; критерій этотъ состоялъ въ томъ, что у нихъ уже „помыслы и чувства" выразились въ дѣйствіяхъ, создали опредѣленныя общественныя отношенія. Я, правда, не говорю никогда о томъ, что „исторію дѣлаютъ живыя личности" (потому что мнѣ кажется, что это — пустая фраза), но, изслѣдуя *дѣйствительныя* общественныя отношенія и ихъ *дѣйствительное* развитіе, я изслѣдую именно продуктъ дѣятельности живыхъ личностей. А вы говорить-то о живыхъ личностяхъ говорите а на самомъ дѣлѣ берете за исходный пунктъ не „живую личность" съ тѣми „помыслами и чувствами", которые дѣйствительно созданы условіями ихъ жизни, данной системой производственныхъ отношеній, а куклу и начиняете ей голову своими собственными „помыслами и чувствами". Понятно, что отъ такого занятія получаются одни

только невинныя мечтанія; жизнь оказывается въ сторонѣ отъ васъ, а вы — въ сторонѣ отъ жизни*). Да мало еще этого: вы посмотрите-ка, *чѣмъ* вы начиняете голову этой куклы и какія мѣры вы проповѣдуете. Рекомендуя трудящимся артель, какъ „путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями", вы не приняли во вниманіе одного маленькаго обстоятельства: всей организаціи нашего общественнаго хозяйства. Не понимая, что это — капиталистическое хозяйство, вы не замѣтили, что *на этой почвѣ* всевозможныя артели останутся крохотными палліативами, нимало не устраняющими ни концентраціи средствъ производства, и денегъ въ томъ числѣ, въ рукахъ меньшинства (эта концентрація—неоспоримый фактъ) ни полной обездоленности громадной массы населенія, — палліативами, которые въ лучшемъ случаѣ поднимутъ только кучку отдѣльныхъ кустарей въ ряды мелкой буржуазіи. Изъ идеолога трудящагося вы становитесь идеологомъ мелкой буржуазіи.

Возвратимся, однако, къ г. Струве. Указавши на безсодержательность разсужденій народниковъ о „личности", онъ продолжаетъ: „Что соціологія въ самомъ дѣлѣ стремится всегда свести элементы индивидуальности къ соціальнымъ источникамъ, въ этомъ убѣждаетъ любая попытка объяснить тотъ или другой крупный моментъ исторической эволюціи. Когда дѣло доходитъ до „исторической личности", „великаго человѣка", „всегда является стремленіе выставить его, какъ „носителя" духа извѣстной эпохи, представителя своего времени, — его дѣйствія, его успѣхи и неудачи представить какъ необходимые результаты всего предшествующаго хода вещей" (32). Эта общая тенденція всякой попытки—*объяснить* соціальныя явленія, т.-е. создать общественную науку, „нашла себѣ яркое выраженіе въ ученіи о классовой борьбѣ, какъ основномъ процессѣ общественной эволюціи. Разъ личность была сброшена со счетовъ, нужно было найти другой элементъ. Такимъ элементомъ оказалась соціальная группа" (33). Г. Струве совершенно правъ, указывая, что теорія классовой борьбы довершаетъ, такъ сказать, общее стремленіе соціологіи сводить „элементы индивидуальности къ соціальнымъ источникамъ". Мало этого: теорія классовой борьбы впервые проводитъ его стремленіе съ такой полнотой и послѣдовательностью, что возводитъ соціологію на степень науки. Достигнуто было это матеріалистическимъ опредѣленіемъ понятія „группы". Само по себѣ это понятіе слишкомъ еще неопредѣленно и произвольно: критерій различенія „группъ" можно видѣть и въ явленіяхъ религіозныхъ, этнографическихъ, и политическихъ, и юридическихъ и т. п. Нѣтъ твердаго признака, по которому бы въ каждой изъ этихъ областей можно было различать тѣ или иныя „группы". Теорія же классовой борьбы потому именно и составляетъ громадное пріобрѣтеніе общественной науки, что устанавливаетъ

*) «Практика урѣзываетъ ее («возможность новаго историческаго пути») безпощадно»; «она убиваетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ» (слова г. Михайловскаго, у П. Струве, с. 16). Убиваетъ, конечно, не «возможность», которой никогда не было, а убиваютъ иллюзіи. И хорошо дѣлаютъ, что убиваютъ.

пріемы этого сведенія индивидуальнаго къ соціальному съ полнѣйшей точностью и опредѣленностью. Во-первыхъ, эта теорія выработала понятіе *общественно-экономической формаціи*. Взявши за исходный пунктъ основной для всякаго человѣческаго общежитія фактъ — способъ добыванія средствъ къ жизни, она поставила въ связь съ нимъ тѣ отношенія между людьми, которыя складываются подъ вліяніемъ данныхъ способовъ добыванія средствъ къ жизни, и въ системѣ этихъ отношеній („производственныхъ отношеній" по терминологіи Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и извѣстными теченіями общественной мысли. Каждая такая система производственныхъ отношеній является, по теоріи Маркса, особымъ соціальнымъ организмомъ, имѣющимъ особые законы своего зарожденія, функціонированія и перехода въ высшую форму, превращенія въ другой соціальный организмъ. Этой теоріей былъ примѣненъ къ соціальной наукѣ тотъ объективный, общенаучный критерій повторяемости, возможность примѣненія котораго въ соціологіи отрицали субъективисты. Они разсуждали именно такъ, что вслѣдствіе громадной сложности соціальныхъ явленій и разнообразія ихъ нельзя изучать эти явленія, не отдѣливъ важныя отъ неважныхъ, и для такого выдѣленія необходима точка зрѣнія „критически мыслящей" и „нравственно-развитой" личности, — и они приходятъ, такимъ образомъ, благополучно къ превращенію общественной науки въ рядъ назиданій мѣщанской морали, образцы которой мы видѣли у г. Михайловскаго, философствовавшаго о нецѣлесообразности исторіи и о пути, руководимомъ „свѣтомъ науки". Вотъ этимъ-то разсужденіямъ и былъ подрѣзанъ корень теоріей Маркса. На мѣсто различія важнаго и неважнаго было поставлено различіе между экономической структурой общества, какъ *содержаніемъ*, и политической и идейной *формой:* самое понятіе экономической структуры было точно разъяснено опроверженіемъ взгляда прежнихъ экономистовъ, видѣвшихъ законы природы тамъ, гдѣ есть мѣсто только законамъ особой исторически опредѣленной системы производственныхъ отношеній. На мѣсто разсужденій субъективистовъ объ „обществѣ" вообще, разсужденій безсодержательныхъ и не шедшихъ дальше мѣщанскихъ утопій (ибо не выяснена была даже возможность обобщенія самыхъ различныхъ соціальныхъ порядковъ въ особые виды соціальныхъ организмовъ)— было поставлено *изслѣдованіе* опредѣленныхъ формъ устройства общества. Во-вторыхъ, дѣйствія „живыхъ личностей" въ предѣлахъ каждой такой общественно-экономической формаціи, дѣйствія, безконечно разнообразныя и, казалось, не поддающіяся никакой систематизаціи, были обобщены и сведены къ дѣйствіямъ группъ личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли въ системѣ производственныхъ отношеній, по условіямъ производства и, слѣдовательно, по условіямъ ихъ жизненной обстановки, по тѣмъ интересамъ, которые опредѣлялись этой обстановкой, — однимъ словомъ, къ дѣйствіямъ *классовъ*, борьба которыхъ опредѣляла развитіе общества. Этимъ былъ

опровергнутъ дѣтски-наивный, чисто механическій взглядъ на исторію субъективистовъ, удовлетворявшихся ничего не говорящимъ положеніемъ, что исторію дѣлаютъ живыя личности, и не хотѣвшихъ разобрать, какой соціальной обстановкой и какъ именно обусловливаются ихъ дѣйствія. На мѣсто субъективизма было поставлено воззрѣніе на соціальный процессъ, какъ на естественно-историческій процессъ, — воззрѣніе, безъ котораго, конечно, и не могло бы быть общественной науки. Г. Струве очень справедливо указываетъ, что „игнорированіе личности въ соціологіи или, вѣрнѣе, ея устраненіе изъ соціологіи есть въ сущности частный случай стремленія къ научному познанію" (33), что „индивидуальности" существуютъ не только въ духовномъ, но и въ физическомъ мірѣ. Все дѣло въ томъ, что подведеніе „индивидуальностей" подъ извѣстные общіе законы давнымъ давно завершено для міра физическаго, а для области соціальной оно твердо установлено лишь теоріей Маркса.

Дальнѣйшее возраженіе г. Струве противъ соціологической теоріи россійскихъ субъективистовъ состоитъ въ томъ, что помимо всѣхъ вышеприведенныхъ аргументовъ „соціологія" *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ признавать то, что мы называемъ индивидуальностью, за первичный фактъ, такъ какъ самое понятіе индивидуальности (не подлежащее никакому объясненію) и соотвѣтствующій ему фактъ есть результатъ долгаго соціальнаго процесса" (36). Это — очень вѣрная мысль, на которой слѣдуетъ остановиться тѣмъ болѣе, что аргументація автора представляетъ нѣкоторыя неправильности. Онъ приводитъ взгляды *Зиммеля*, который-де въ сочиненіи своемъ „О соціальной дифференціаціи" доказалъ прямую зависимость между развитіемъ индивидуальности и дифференціаціей той группы, въ которую входитъ эта личность. Г. Струве противополагаетъ это положеніе теоріи г. Михайловскаго объ обратной зависимости между развитіемъ индивидуальности и деференціацией („разнородностью") общества. „Въ недифференцированной средѣ — возражаетъ ему г. Струве — индивидуумъ будетъ „гармонически цѣлостенъ"... въ своемъ „однообразіи и безличности". „Реальная личность не можетъ быть „совокупностью всѣхъ чертъ, свойственныхъ человѣческому организму вообще", просто потому, что такая полнота содержанія превышаетъ силы реальной личности" (38—39). „Для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться въ дифференцированной средѣ" (39).

Не ясно изъ этого изложенія, какимъ именно образомъ ставитъ вопросъ Зиммель и какъ онъ аргументируетъ. Но въ передачѣ г. Струве постановка вопроса грѣшитъ тѣмъ же недостаткомъ, что и у г. Михайловскаго. Абстрактное разсужденіе о томъ, въ какой зависимости стоитъ развитіе (и благосостояніе) индивидуальности отъ дифференціаціи общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношенія, годнаго для всякой формы устройства общества. Самое понятіе „дифференціаціи", „разнородности" и т. п. получаетъ совершенно различное значеніе смотря по тому, къ какой именно соціальной

обстановкѣ примѣнить его. Основная ошибка г. Михайловскаго именно и состоитъ въ абстрактномъ догматизмѣ его разсужденій, пытающихся обнять „прогрессъ“ вообще вмѣсто изученія конкретнаго „прогресса“ какой-нибудь конкретной общественной формаціи. Когда г. Струве выставляетъ противъ г. Михайловскаго свои общія положенія (вышевыписанныя), онъ повторяетъ его ошибку, уходя отъ изображенія и выясненія конкретнаго прогресса въ область туманныхъ и голословныхъ догмъ. Возьмемъ примѣръ: „Гармоническая цѣлостность индивидуума въ своемъ содержаніи опредѣляется степенью развитія, т. е. дифференціаціи группы“. — говоритъ г. Струве и пишетъ эту фразу курсивомъ. Однако, что слѣдуетъ понимать тутъ подъ „дифференціацией“ группы? Уничтоженіе крѣпостного права усилило эту „дифференціацію“ или ослабило ее? Г. Михайловскій рѣшаетъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. („Что такое прогрессъ?“); г. Струве рѣшилъ бы его, вѣроятно, въ первомъ — ссылаясь на усиленіе общественнаго раздѣленія труда. Одинъ имѣлъ въ виду уничтоженіе сословныхъ различій, другой созданіе экономическихъ различій. Терминъ такъ неопредѣленъ, какъ видите, что его можно натягивать на противоположныя вещи. Еще примѣръ. Переходъ отъ капиталистической мануфактуры къ крупной машинной индустріи можно бы признать уменьшеніемъ „дифференціаціи“, ибо детальное раздѣленіе труда между спеціализировавшимися рабочими прекращается. А между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что условія развитія индивидуальности гораздо благопріятнѣе (для рабочаго) именно въ послѣднемъ случаѣ. Выводъ отсюда тотъ, что неправильна уже самая постановка вопроса. Авторъ самъ признаетъ, что существуетъ также антагонизмъ между личностью и группой (о чемъ и говоритъ Михайловскій). „Но жизнь — прибавляетъ онъ — никогда не слагается изъ *абсолютныхъ* противорѣчій: въ ней все *текуче и относительно*, и въ то же время всѣ отдѣльныя стороны находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи“ (39). Если такъ, то къ чему же было и выставлять абсолютныя соотношенія между группой и личностью, — соотношенія, не относящіяся къ строго опредѣленному моменту развитія опредѣленной общественной формаціи? Почему было и не отнести всю аргументацію къ вопросу о конкретномъ процессѣ эволюціи въ Россіи? У автора есть попытка поставить вопросъ такимъ образомъ, и если бы онъ выдержалъ ее послѣдовательно, его аргументація много выиграла бы. „Только раздѣленіе труда, — это грѣхопаденіе человѣчества, по ученію г. Михайловскаго, — создало условія для развитія той „личности“, во имя которой г. Михайловскій справедливо протестуетъ противъ современныхъ формъ раздѣленія труда“ (38). Это превосходно сказано; только бы вмѣсто „раздѣленія труда“ слѣдовало сказать „капитализмъ“ и, даже еще уже, *русскій капитализмъ*. Прогрессивное значеніе капитализма состоитъ именно въ томъ, что онъ разрушилъ прежнія узкія условія жизни человѣка, порождавшія умственную тупость и не дававшія возможности производителямъ самимъ взять въ руки свою судьбу. Громадное раз-

витіе торговыхъ сношеній и мірового обмѣна, постоянныя передвиженія громадныхъ массъ населенія разорвали исконныя узы народа, семьи, территоріальной общины и создали то разнообразіе отразвитія, „разнообразіе талантовъ, богатства общественныхъ отношеній“ *), которое играетъ такую крупную роль въ новѣйшей исторіи Запада. Въ Россіи этотъ процессъ сказался съ полной силой въ пореформенную эпоху, когда старинныя формы труда рушились съ громадной быстротой и первое мѣсто заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина отъ патріархальной полукрѣпостнической семьи, отъ отупляющей обстановки деревни и замѣнявшая полукрѣпостническія формы присвоенія сверхстоимости формами чисто капиталистическими. Этотъ экономическій процессъ отразился въ соціальной области „общимъ подъемомъ чувства личности“, вытѣсненіемъ изъ „общества“ помѣщичьяго класса разночинцами, горячей войной литературы противъ безсмысленныхъ средневѣковыхъ стѣсненій личности и т. п. Что именно пореформенная Россія принесла этотъ подъемъ чувства личности, чувства собственнаго достоинства, — это народники не станутъ, вѣроятно, оспаривать. Но они не задаются вопросомъ, какія матеріальныя условія повели къ этому. При крѣпостномъ правѣ, разумѣется, ничего подобнаго быть не могло, — и вотъ народникъ привѣтствуетъ „освободительную“ реформу, не замѣчая, что онъ впадаетъ въ такой же близорукій оптимизмъ, какъ буржуазные историки, про которыхъ Марксъ сказалъ, что они смотрятъ на крестьянскую реформу сквозь clair-obscur „эмансипаціи“, не замѣчая, что эта „эмансипація“ состояла только въ замѣнѣ одной формы другою, въ замѣнѣ феодальнаго прибавочнаго продукта буржуазною прибавочною стоимостью. Совершенно то же самое было и у насъ. Именно система „старо-дворянскаго“ хозяйства, привязавшая населеніе къ мѣсту, раздроблявшая его на кучки подданныхъ отдѣльныхъ вотчинниковъ, и создавала придавленность личности. И далѣе, — именно капитализмъ, оторвавшій личность отъ всѣхъ крѣпостныхъ узъ, поставилъ ее въ самостоятельныя отношенія къ рынку, сдѣлавъ ее товаровладѣльцемъ (и въ качествѣ таковаго — равной всякому другому товаровладѣльцу), и создалъ подъемъ чувства личности. Если гг. народники фарисейски ужасаются, когда имъ говорятъ о прогрессивности русскаго капитализма, то это только потому, что они не задумываются надъ вопросомъ о матеріальныхъ условіяхъ тѣхъ „благъ прогресса“, которыя знаменуютъ пореформенную Россію. Если г. Михайловскій начинаетъ свою „соціологію“ съ „личности“, протестующей противъ русскаго капитализма, какъ случайнаго и временнаго уклоненія Россіи съ правильнаго пути, то онъ уже тутъ побиваетъ самъ себя, не понимая, что только капитализмъ и создалъ условія, сдѣлавшія возможнымъ этотъ протестъ личности. — На этомъ примѣрѣ мы видимъ еще разъ, въ какомъ измѣненіи нуждается аргументація г. Струве. Вопросъ слѣдовало свести цѣликомъ на почву русской

*) K. Marx. «Der achtzente Brumaire», s. 98 u. s. w.

дѣйствительности, на почву выясненія того, что есть, и почему есть именно такъ, а не иначе: народники не даромъ всю свою соціологію строили на томъ, что вмѣсто анализа дѣйствительности разсуждали о томъ, что „можетъ быть“; они не могли не видѣть, что дѣйствительность безпощадно разбиваетъ ихъ иллюзіи.

Свой разборъ теоріи „личностей“ авторъ заключаетъ такой формулировкой: „личность для соціологіи есть функція среды“, „личность, является тутъ формальнымъ понятіемъ, содержаніе котораго дается изслѣдованіемъ соціальной группы“ (40). Послѣднее противоположеніе особенно хорошо подчеркиваетъ противоположность субъективизма и матеріализма: разсуждая о „личности“, субъективисты опредѣляли *содержаніе* этого понятія (т. е. „помыслы и чувства“ этой личности, ея соціальныя дѣйствія) a priori, т. е. подсовывали свои утопіи вмѣсто «изслѣдованія соціальной группы».

Другая „важная сторона“ матеріализма — продолжаетъ г. Струве — „заключается въ тотъ, что экономическій матеріализмъ подчиняетъ идею факту, сознаніе и долженствованіе — бытію“ (40). „Подчиняетъ“ — это значитъ, конечно, въ данномъ случаѣ: отводитъ подчиненное мѣсто въ объясненіи общественныхъ явленій. Субъективисты-народники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они исходятъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ „идеаловъ“, нисколько не задумываясь о томъ, что эти идеалы могли явиться только извѣстнымъ отраженіемъ дѣйствительности, что ихъ, слѣдовательно, необходимо провѣрить фактами, свести къ фактамъ. — Народнику, впрочемъ, безъ поясненій будетъ непонятно это послѣднее положеніе. Какъ это такъ? — думаетъ онъ. — Идеалы должны осуждать факты, указывать, какъ измѣнить ихъ, провѣрять факты, а не провѣряться фактами. Это послѣднее кажется народнику, привыкшему витать въ заоблачныхъ сферахъ, примиреніемъ съ фактомъ. Объяснимся.

„Наличность“ „хозяйничанья за чужой счетъ“, наличность эксплуатаціи всегда будетъ порождать какъ въ самихъ эксплуатируемыхъ, такъ и въ отдѣльныхъ представителяхъ „интеллигенціи“ идеалы, противоположные этой системѣ.

Эти идеалы чрезвычайно цѣнны для марксиста; онъ только на ихъ почвѣ и полемизируетъ съ народничествомъ, онъ полемизируетъ исключительно по вопросу о построеніи этихъ идеаловъ и осуществленіи ихъ.

Для народника достаточно констатировать фактъ, порождающій такіе идеалы, затѣмъ привести указанія на законность идеала съ точки зрѣнія „современной науки и современныхъ нравственныхъ идей“ (причемъ онъ не понимаетъ, что эти „современныя идеи» означаютъ только уступки западно-европейскаго „общественнаго мнѣнія“ новой нарождающейся силѣ) и взывать далѣе къ „обществу“ и „государству“: обезпечьте, оградите, организуйте!

Марксистъ исходитъ изъ того же идеала, но сличаетъ его не съ „современной наукой и современными нравственными

идеями" *), а съ *существующими классовыми противорѣчіями* и формулируетъ его поэтому не какъ требованіе „науки", а какъ требованіе такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношеніями (которыя подлежатъ объективному изслѣдованію) и достижимое лишь такъ-то вслѣдствіе такихъ-то свойствъ этихъ отношеній. Если не свести *такимъ образомъ* идеалы къ фактамъ, то эти идеалы останутся невинными пожеланіями, безъ всякихъ шансовъ на принятіе ихъ массой и, слѣдовательно, на ихъ осуществленіе.

Указавъ, такимъ образомъ, общія теоретическія положенія, заставляющія признать матеріализмъ единственно правильнымъ методомъ общественной науки, г. Струве переходитъ къ изложенію взглядовъ Маркса и Энгельса, цитируя преимущественно сочиненія послѣдняго. Это — чрезвычайно интересная и поучительная часть книги.

Чрезвычайно справедливо указаніе автора, что „нигдѣ не приходится натыкаться на такое непониманіе Маркса, какъ у русскихъ публицистовъ" (44). Въ примѣръ приводится прежде всего г. Михайловскій, усматривающій въ „историко-философской теоріи" Маркса только выясненіе „генезиса капиталистическаго строя". Г. Струве съ полнымъ правомъ протестуетъ противъ этого. Дѣйствительно, это въ высшей степени характерный фактъ. Г. Михайловскій писалъ о Марксѣ много разъ, но никогда не заикался о томъ отношеніи, въ которомъ находится *методъ Маркса* „къ субъективному методу въ соціологіи". Г. Михайловскій писалъ о „Капиталѣ", заявлялъ свою „солидарность" (?) съ экономической доктриной Маркса, но обходилъ строгимъ молчаніемъ вопросъ — къ примѣру скажемъ — о томъ, не подходятъ ли россійскіе субъективисты подъ методъ Прудона, желающаго передѣлать товарное хозяйство по своему идеалу справедливости? **). Чѣмъ отличается этотъ критерій (справедливости — justice éternelle) отъ критерія г. Михайловскаго: „современная наука и современныя нравственныя идеи"? И почему г. Михайловскій, такъ энергично протестовавшій всегда противъ отожествленія метода общественныхъ наукъ съ методомъ наукъ естественныхъ, не спорилъ противъ заявленія Маркса, что подобный методъ Прудона совершенно такъ же нелѣпъ, какъ если бы химикъ пожелалъ вмѣсто „изученія дѣйствительныхъ законовъ обмѣна веществъ" преобразовать этотъ обмѣнъ по законамъ „сродства"? Не спорилъ противъ того взгляда Маркса, что соціальный процессъ есть „естественно-историческій процессъ"? Незнакомствомъ съ литературой этого не объяснишь: дѣло, очевидно, въ полнѣйшемъ непониманіи или нежеланіи понять. Г. Струве первый, кажется, въ нашей литературѣ заявилъ это, — и это его большая заслуга.

---

*) Энгельсъ въ своей книгѣ «Herrn E. Dühringe Umwälzung der Wissenschaft» превосходно замѣтилъ, что это — старый психологическій методъ: сличать свое понятіе не съ фактомъ, который оно отражаетъ, а съ другимъ понятіемъ, съ слѣпкомъ съ другого факта.

**) «Das Kapital», I B. 2-te Aufl., s. 62 u. 38.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ заявленіямъ автора по поводу марксизма, которыя вызываютъ критику. „Мы не можемъ не признать — говоритъ г. Струве, — что *чисто философское обоснованіе* этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, пересмотръ фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены“ (46). Не совсѣмъ ясно, что разумѣетъ авторъ подъ „чисто философскимъ обоснованіемъ“? Съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса, философія не имѣетъ никакого права на отдѣльное самостоятельное существованіе, и ея матеріалъ распадается между разными отраслями положительной науки. Такимъ образомъ, подъ философскимъ обоснованіемъ можно разумѣть *или* сопоставленіе посылокъ ея съ твердо установленными законами другихъ наукъ (и г. Струве самъ призналъ, что уже психологія даетъ положенія, заставляющія отказаться отъ субъективизма и признать матеріализмъ), *или* опытъ примѣненія этой теоріи. А въ этомъ отношеніи мы имѣемъ заявленіе самого г. Струве, что „за матеріализмомъ всегда останется та заслуга, что онъ далъ глубоко-научное, по истинѣ *философское* (курсивъ автора) истолкованіе цѣлому ряду (это NB) историческихъ фактовъ огромной важности“ (50). Послѣднее заявленіе автора содержитъ признаніе, что матеріализмъ — единственно научный методъ соціологіи, и поэтому, конечно, нуженъ „пересмотръ фактовъ“ съ этой точки зрѣнія, особенно пересмотръ фактовъ русской исторіи и дѣйствительности, такъ усердно искажавшихся россійскими субъективистами. Что касается послѣдняго замѣчанія насчетъ возможныхъ „односторонностей“ и „слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній“, то мы, не останавливаясь на этомъ общемъ и потому неясномъ замѣчаніи, обратимся прямо къ одной изъ тѣхъ поправокъ, которую вноситъ, „не зараженный ортодоксіей“, авторъ въ „слишкомъ поспѣшныя обобщенія“ Маркса.

Дѣло идетъ о государствѣ. Отрицая государство, „Марксъ и его послѣдователи“ „увлеклись“ „слишкомъ далеко въ критикѣ *современнаго государства*“ и впали въ „односторонность“. „Государство“ — исправляетъ это увлеченіе г. Струве — есть прежде всего *организація порядка*; организаціей же господства (классоваго) оно является въ обществѣ, въ которомъ подчиненіе однѣхъ группъ другимъ обусловливается его экономической структурой“ (53). Родовой бытъ, по мнѣнію автора, зналъ государство, которое остается и при уничтоженіи классовъ, ибо признакъ государства — принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что авторъ съ такимъ поразительнымъ отсутствіемъ аргументовъ критикуетъ Маркса съ своей профессорской точки зрѣнія. Прежде всего, онъ совершенно неправильно видитъ отличительный признакъ государства въ принудительной власти: принудительная власть есть во всякомъ человѣческомъ общежитіи, и въ родовомъ устройствѣ,

и въ семьѣ, но государства тутъ не было. „Существенный признакъ государства — говоритъ Энгельсъ въ томъ самомъ сочиненіи, изъ котораго г. Струве взялъ цитату о государствѣ — состоитъ въ публичной власти, отдѣльной отъ массы народа (Ursprung der Familie u. s. w. 2-te Aufl, 84, русскій пер., с. 109), и нѣсколько выше онъ говоритъ объ учрежденіи навкраріи, что оно подрывало двоякимъ образомъ родовое устройство: во-первыхъ, оно создавало публичную власть (öffentliche gewalt — въ русскомъ переводѣ невѣрно передано: общественная сила), которая уже не совпадала просто-напросто съ совокупностью вооруженнаго народа“ (ib. s. 79, русскій пер., с. 105). Итакъ, признакъ государства — наличность особаго класса лицъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается *власть*. Общину, въ которой „организаціей порядка“ завѣдывали бы поочередно *всѣ* члены ея, никто, разумѣется, не могъ бы назвать государствомъ. Далѣе, по отношенію къ современному государству разсужденіе г. Струве еще болѣе несостоятельно. Говорить о немъ, что оно „прежде всего (sic!?!) организація порядка“ — значитъ, не понимать одного изъ очень важныхъ пунктовъ теоріи Маркса. Тотъ особый слой, въ рукахъ котораго находится власть въ современномъ обществѣ, это — бюрократія. Непосредственная и тѣснѣйшая связь этого органа съ господствующимъ въ современномъ обществѣ классомъ буржуазіи явствуетъ и изъ исторіи (бюрократія была первымъ политическимъ орудіемъ буржуазіи противъ феодаловъ, вообще противъ представителей „старо-дворянскаго“ уклада, первымъ выступленіемъ на арену политическаго господства не породистыхъ землевладѣльцевъ, а разночинцевъ, „мѣщанства“), и изъ самыхъ условій существованія и комплектованія этого класса, въ который доступъ открытъ только буржуазнымъ „выходцамъ изъ народа“ и который связанъ съ этой буржуазіей тысячами крѣпчайшихъ нитей *). Ошибка автора тѣмъ болѣе досадна, что именно россійскіе народники, противъ которыхъ онъ возымѣлъ такую хорошую мысль ополчиться, понятія не имѣютъ о томъ, что всякая бюрократія по своему историческому происхожденію, и по своему современному источнику, и по своему назначенію представляетъ изъ себя чисто и исключительно буржуазное учрежденіе, обращаться къ которому съ точки зрѣнія интересовъ производителя только и въ состояніи идеологи мелкой буржуазіи.

Стоитъ остановиться еще нѣсколько на отношеніи марксизма къ этикѣ. Авторъ приводитъ на страницѣ 64—5 прекрасное разъясненіе Энгельсомъ отношенія свободы къ необходимости: „Свобода есть пониманіе необходимости“. Детерминизмъ не только не

---

*) Ср. K. Marx. «Bürgerkrieg in Frankreich», s. 23 (Lpz. 1876) u. «Der achtzehnte Brumaire», s. 45—46 (Hmb. 1885): «Матеріальный интересъ французской буржуазіи тѣснѣйшимъ образомъ сплетается съ сохраненіемъ этого широкаго и широко развѣтвляющагося механизма (рѣчь идетъ о бюрократіи). Сюда сбываетъ онъ свое излишнее населеніе и пополняетъ въ формѣ казеннаго жалованья то, чего она не могла заполучить въ формѣ прибыли, ренты и гонораровъ».

предполагаетъ фатализма, а, напротивъ, именно и даетъ почву для разумнаго дѣйствованія. Нельзя не добавить къ этому, что россійскіе субъективисты не сумѣли разобраться даже въ столь элементарномъ вопросѣ, какъ вопросъ о свободѣ воли. Г. Михайловскій безпомощно путался въ смѣшеніи детерминизма съ фатализмомъ и находилъ выходъ..., усаживаясь между двумя стульями: не желая утверждать законосообразности, онъ утверждалъ, что свобода воли—фактъ нашего сознанія (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловскимъ) и потому можетъ служить основой этики. Понятно, что въ примѣненіи къ соціологіи эти идеи не могли дать ничего, кромѣ утопіи или пустой морали, игнорирующей борьбу классовъ, происходящую въ обществѣ. Нельзя не признать поэтому справедливости утвержденія Зомбарта, что „въ самомъ марксизмѣ отъ начала до конца нѣтъ ни грана этики"; въ отношеніи теоретическомъ, „этическую точку зрѣнія" онъ подчиняетъ „принципу причинности"; въ отношеніи практическомъ—онъ сводитъ ее къ классовой борьбѣ.

Изложеніе матеріализма г. Струве дополняетъ оцѣнкой съ матеріалистической точки зрѣнія „двухъ факторовъ, играющихъ весьма важную роль во всѣхъ народническихъ построеніяхъ"— „интеллигенціи" и „государства" (70). На этой оцѣнкѣ опять-таки отразилась та же „неортодоксальность" автора, которая была отмѣчена выше по поводу его объективизма. „Если всѣ вообще общественныя группы представляютъ изъ себя реальную силу, только поскольку... онѣ совпадаютъ съ общественными классами или къ нимъ примыкаютъ, то очевидно, что „безсословная интеллигенція" не есть реальная общественная сила" (70). Въ абстрактномъ, теоретическомъ смыслѣ авторъ, конечно, правъ. Онъ ловитъ, такъ сказать, народниковъ на словѣ. Вы говорите, что на „иные пути" должна направить Россію интеллигенція—вы не понимаете, что, не примыкая къ классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская безсословная интеллигенція отличалась всегда „чистой" идеей—поэтому-то и была она всегда безсильна. Критика автора ограничивается сопоставленіемъ нелѣпой народнической *идеи* о всемогуществѣ интеллигенціи съ своей совершенно справедливой *идеей* о „безсиліи интеллигенціи въ экономическомъ процессѣ" (71). Но такого сопоставленія мало. Чтобы судить о русской „безсословной интеллигенціи", какъ объ особой группѣ русскаго общества, которая такъ характеризуетъ всю пореформенную эпоху, эпоху окончательнаго вытѣсненія дворянина разночинцемъ,—которая, несомнѣнно, играла и продолжаетъ играть извѣстную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще болѣе программы нашей „безсословной интеллигенціи" съ *положеніемъ и интересами данныхъ классовъ русскаго общества.* Чтобы устранить возможность заподозрить насъ въ пристрастности, мы не будемъ дѣлать этого сопоставленія сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья котораго была комментирована въ I главѣ. Выводъ изъ всѣхъ его отзывовъ вытекаетъ совершенно опредѣленный: русская передовая, либеральная, „демократическая" интеллигенція была интеллигенціей буржуазной.

„Безсословность“ нимало не исключаетъ классоваго происхожденія идей интеллигенціи. Всегда и вездѣ буржуазія возставала противъ феодализма во имя безсословности—и у насъ противъ старо-дворянскаго, сословнаго строя выступила безсословная интеллигенція. Всегда и вездѣ буржуазія выступала противъ отжившихъ сословныхъ рамокъ и другихъ средневѣковыхъ учрежденій во имя всего „народа“, классовыя противорѣчія внутри котораго были еще не развиты, и она была, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи, права, такъ какъ критикуемыя учрежденія стѣсняли дѣйствительно *всѣхъ*. Какъ только сословности въ Россіи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ (1861), тотчасъ же сталъ обнаруживаться антагонизмъ внутри „народа“, а на ряду съ этимъ и въ силу этого антагонизмъ внутри безсословной интеллигенціи между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри котораго первые русскіе идеологи непосредственныхъ производителей не видѣли, да и не могли еще видѣть, образованія противоположныхъ классовъ). Дальнѣйшее экономическое развитіе повело къ болѣе полному обнаруженію соціальныхъ противоположностей въ русскомъ обществѣ, заставило признать фактъ разложенія крестьянства на деревенскую буржуазію и пролетаріатъ. Народничество совсѣмъ уже почти превратилось въ идеологію мелкой буржуазіи, отдѣливъ отъ себя марксизмъ. Поэтому русская „безсословная интеллигенція“ представляетъ изъ себя „реальную общественную силу“, *поскольку она заступаетъ обще-буржуазные интересы* *). Если тѣмъ не менѣе эта сила не *смогла* создать подходящихъ для защищаемыхъ ею интересовъ учрежденій, не сумѣла передѣлать „атмосферы современной россійской культуры“ (г. В. В.), если „активный демократизмъ въ эпоху политической борьбы“ смѣнился „общественнымъ индифферентизмомъ“ (г. В. В. въ „Недѣлѣ“ 94 г. № 47), то причина этого лежитъ не только въ мечтательномъ характерѣ отечественной „безсословной интеллигенціи“, но и, главнымъ образомъ, въ положеніи тѣхъ классовъ, изъ которыхъ она выходила и отъ которыхъ черпала силу,—въ ихъ двуличности. Неоспоримо, что россійская „атмосфера“ представляла для нихъ много минусовъ, но она давала имъ и нѣкоторые плюсы.

Въ Россіи особенно велика историческая роль того класса, который, по мнѣнію народниковъ, не является носителемъ „чистой идеи труда“; его „активность“ нельзя усыплять „севрюжиной съ хрѣномъ“. Поэтому указанія на него со стороны марксистовъ не только не „обрываютъ демократической нити“, какъ увѣряетъ г. В. В., спеціализировавшійся на выдумываніи самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостей про марксистовъ, а, напротивъ, подхватываютъ эту

*) Мелко-буржуазный характеръ громадной массы народническихъ пожеланій отмѣченъ былъ въ I главѣ. Пожеланія, не подходящія подъ эту характеристику (въ родѣ «обобществленія труда»), занимаютъ въ современномъ народничествѣ совсѣмъ уже миніатюрное мѣсто. И «Русское Богатство» (93 г. 11 — 12, ст. Южакова «Вопросы экономическаго развитія Россіи) и г. В. В. («Очерки теоретической экономіи», Спб., 1895) протестуютъ противъ г. Н.—она, отзывающагося «сурово» (выраженіе г. Южакова) объ истасканной панацеѣ кредитовъ, расширенія землевладѣнія, переселеній и т. д.

„нить“, которую выпускаетъ изъ рукъ индифферентное „общество“, требуютъ ея развитія, укрѣпленія, приближенія къ жизни.

Въ связи съ неполнотой въ оцѣнкѣ интеллигенціи стоитъ у г. Струве не вполнѣ удачная формулировка слѣдующаго положенія. „Надо доказать,—говоритъ онъ,—что разложеніе стараго экономическаго строя неизбѣжно“ (71). Во-первыхъ, что разумѣетъ авторъ подъ „старымъ экономическимъ строемъ“? Крѣпостничество?—но разложеніе его нечего и доказывать.—„Народное производство“? но онъ самъ же говоритъ ниже и говоритъ совершенно справедливо, что это словосочетаніе „не отвѣчаетъ никакому реальному историческому порядку“ (177), что это другими словами,—мифъ, такъ какъ послѣ отмѣны „крѣпостного права“ у насъ ускоренно стало развиваться товарное хозяйство. Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду ту стадію разв[illegible] капитализма, когда онъ не вполнѣ еще выпутался изъ средне[illegible]выхъ учрежденій, когда силенъ еще торговый капиталъ и мелкое производство еще держится для большей части производи[illegible]й. Во-вторыхъ, въ чемъ видитъ авторъ критерій этой неизбѣжности? Въ господствѣ такихъ-то классовъ? Въ свойствахъ данной системы производственныхъ отношеній? Въ обоихъ случаяхъ вопросъ сводится къ *констатированію наличности* тѣхъ или другихъ (капиталистическихъ); порядковъ вопросъ сводится къ *констатированію факта*, и его ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало переносить въ область разсужденій о будущемъ. Подобныя разсужденія слѣдовало бы оставить въ монопольномъ владѣніи гг. народниковъ, ищущихъ „иныхъ путей для отечества“. Авторъ самъ говоритъ на слѣдующей же страницѣ, что всякое государство есть „выраженіе господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ“, что „нужно перераспредѣленіе соціальной силы между отдѣльными классами для того, чтобы государство кореннымъ образомъ измѣнило свой курсъ“ (72). Все это—глубоко вѣрно и очень мѣтко направлено противъ народниковъ, и сообразно съ этимъ вопросъ слѣдовало поставить иначе: надо доказать (не „неизбѣжность разложенія“ и т. д.) *наличность* въ Россіи капиталистическихъ производственныхъ отношеній; надо доказать, что и на русскихъ данныхъ оправдывается тотъ законъ, что „товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое“, т.-е. что и у насъ товарное хозяйство повсюду переростаетъ въ капиталистическое; надо доказать, что повсюду господствуютъ порядки въ существѣ своемъ буржуазные, что именно господство этого класса, а не пресловутыя народническія „случайности“ или „политика“ и т. п. вызываютъ освобожденіе производителя отъ средствъ производства и повсемѣстное хозяйничанье его за чужой счетъ.

Этимъ закончимъ разборъ первой части книги г. Струве, носящей общій характеръ.

ГЛАВА III.

Постановка экономическихъ вопросовъ у народниковъ и у г. Струве.

Покончивъ съ соціологіей, авторъ переходитъ къ болѣе „конкретнымъ экономическимъ вопросамъ“ (73). Онъ считаетъ при этомъ естественнымъ и законнымъ начать съ „общихъ положеній и историческихъ справокъ“, съ „безспорныхъ, общечеловѣческимъ опытомъ установленныхъ, посылокъ“—какъ онъ говоритъ въ предисловіи.

Нельзя не замѣтить, что этотъ пріемъ грѣшитъ той же абстрактностью, которая была отмѣчена съ самаго начала, какъ основной недостатокъ разбираемой книги. Въ тѣхъ главахъ, къ которымъ мы теперь переходимъ (третья, четвертая и пятая), этотъ недостатокъ привелъ къ двоякаго рода нежелательнымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны онъ ослабилъ тѣ опредѣленныя теоретическія положенія, которыя авторъ выставилъ противъ народниковъ. Г. Струве разсуждаетъ *вообще*, обрисовываетъ переходъ отъ натуральнаго къ товарному хозяйству, указываетъ, что бывало на свѣтѣ дѣло по большей части вотъ такъ-то и такъ-то, и при этомъ отдѣльными, бѣглыми указаніями переходитъ и къ Россіи, распространяя и на нее общій процессъ „историческаго развитія хозяйственнаго быта“. Безспорно, что такое распространеніе совершенно законно и что „историческія справки“ автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющаго исторію не одной только Россіи. Но слѣдовало бы конкретнѣе высказать эти положенія, опредѣленнѣе противопоставить ихъ доводамъ народниковъ, которые отрицаютъ правильность распространенія общаго процесса на Россію; слѣдовало бы сопоставить такое пониманіе русской дѣйствительности народниками съ *другимъ* пониманіемъ *той же* дѣйствительности марксистами. Съ другой стороны, абстрактный характеръ разсужденій автора ведетъ къ недоговоренности его положеній, къ тому, что онъ, правильно указывая на наличность такого-то процесса, не разбираетъ, какіе классы складывались при этомъ, какіе классы являлись носителями процесса, заслоняя собою другіе, подчиненные имъ слои населенія; однимъ словомъ, объективизмъ автора не доходитъ тутъ до матеріализма — въ вышеупомянутомъ значеніи этихъ терминовъ *).

*) Такое соотношеніе объективизма и матеріализма указано, между прочимъ, Марксомъ въ предисловіи къ его сочиненію «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapart». Марксъ говоритъ, что объ этомъ же историческомъ событіи писалъ Прудонъ (Coup d'état), и отзывается о его точкѣ зрѣнія, въ противоположность своей, слѣдующимъ образомъ:

«Прудонъ, съ своей стороны, стремится представить государственный переворотъ (2-го декабря) результатомъ предшествующаго историческаго развитія. Но историческая конструкція государственнаго переворота превращается у него подъ рукой въ историческую апологію героя этого переворота. Онъ впадаетъ такимъ образомъ въ ошибку нашихъ такъ называемыхъ *объективныхъ историковъ*. Я, напротивъ, показываю, какимъ образомъ *классовая борьба* во Франціи создала условія и обстоятельства, давшія возможность дюжинной и смѣшной личности сыграть роль героя». (Vorwort).

Доказательства такой оцѣнки указанныхъ главъ сочиненія г. Струве мы приведемъ сейчасъ, разбирая отдѣльныя, наиболѣе важныя положенія.

Чрезвычайно вѣрно замѣчаніе автора, что „въ русской исторіи зависимость (юридическая и экономическая) непосредственныхъ производителей отъ господъ встрѣчается намъ чуть ли не съ первыхъ страницъ, какъ историческій спутникъ идилліи „народнаго производства“ (81). Въ эпоху натуральнаго хозяйства крестьянинъ былъ порабощенъ землевладѣльцу, онъ работалъ не на себя, а на боярина, на монастырь, на помѣщика,—и г. Струве съ полнымъ правомъ противопоставляетъ этотъ *историческій фактъ* розсказнямъ нашихъ самобытныхъ соціологовъ о томъ, какъ „средства производства принадлежали производителю“ (81). Эти розсказни представляютъ изъ себя одно изъ тѣхъ искаженій русской исторіи въ угоду мѣщанской утопіи, на которыя такъ щедры были всегда народники. Боясь прямо взглянуть на дѣйствительность, боясь назвать это угнетеніе его настоящимъ именемъ, они обращались къ исторіи, изображая дѣло такимъ образомъ, что принадлежность средствъ производства производителю была „исконнымъ“ началомъ, „вѣковымъ устоемъ“ крестьянскаго труда и что современная экспропріація крестьянства объясняется поэтому не смѣной феодальнаго прибавочнаго продукта буржуазною сверхстоимостью, не капиталистическою организаціей нашего общественнаго хозяйства, а случайностью неудачной политики, временнымъ „отклоненіемъ отъ пути, предписываемаго всею историческою жизнью націи“ (г. Южаковъ цитировано у П. Струве, стр. 15). И эти вздорныя побасенки не стыдились разсказывать про страну, въ которой только очень недавно прекратилась*) крѣпостническая эксплуатація крестьянства въ самыхъ грубыхъ, азіатскихъ формахъ, когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались отъ какого-нибудь „средства производства“. Г. Струве очень мѣтко противополагаетъ этому „слащавому оптимизму“ рѣзкій отзывъ Салтыкова о связи „народнаго производства“ и крѣпостного права, о томъ, „изобиліе“ эпохи „вѣковыхъ устоевъ“ „выпадало только (это замѣтьте) на долю потомковъ лейбкампанцевъ и прочихъ дружинниковъ“ (83).

Далѣе, отмѣтимъ слѣдующее замѣчаніе г. Струве, опредѣленно касающееся опредѣленныхъ фактовъ русской дѣйствительности и содержащее чрезвычайно вѣрную мысль. „Когда производители начинаютъ работать не на мѣстный, точно ограниченный, а на отдаленный и неопредѣленный рынокъ, и развивается конкуренція, борьба за рынокъ, то эти условія приводятъ къ техническому прогрессу... Разъ возможно раздѣленіе труда, оно должно быть проведено какъ можно шире, но прежде, чѣмъ производство реорганизуется въ техническомъ отношеніи, вліяніе новыхъ

*) Даже еще нельзя сказать, чтобы окончательно прекратилась. Съ одной стороны, мы имѣемъ выкупные платежи (а извѣстно, что въ нихъ вошла не только цѣна земли, но и выкупъ крѣпостного права); съ другой стороны, напримѣръ, отработки крестьянъ за «отрѣзныя земли»—прямое переживаніе феодальнаго способа производства.

условій обмѣна (сбыта) скажется въ томъ, что производитель попадетъ въ экономическую зависимость отъ торговца (скупщика), и въ соціальномъ отношеніи этотъ моментъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Это упускаютъ изъ виду наши „истинные марксисты“ въ родѣ г. В. В., ослѣпленные значеніемъ чисто техническаго прогресса“ (98). Это указаніе на рѣшающее значеніе появленія скупщика глубоко вѣрно. Рѣшающимъ является оно въ томъ отношеніи, что безусловно уже доказываетъ наличность капиталистической организаціи производства, доказываетъ примѣнимость и къ Россіи положенія, что „товарное хозяйство—денежное хозяйство—есть хозяйство капиталистическое“, создаетъ то подчиненіе производителя капиталу, изъ котораго не можетъ быть иного выхода, кромѣ самодѣятельности производителя. „Съ того момента, что между производителемъ и потребителемъ становится капиталистъ-предприниматель,—а это неизбѣжно при производствѣ на широкій и неопредѣленный рынокъ,—мы имѣемъ передъ собой одну изъ формъ капиталистическаго производства“. И авторъ справедливо добавляетъ, что „если подъ *кустарнымъ* производствомъ разумѣть такое, при которомъ производитель, работая на неопредѣленный и отдаленный рынокъ, пользуется *полной экономической самостоятельностью*, то окажется, пожалуй, что этого настоящаго кустарнаго производства въ русской *дѣйствительности* почти не имѣется“. Напрасно только употреблено тутъ выраженіе „пожалуй“ и будущее время: преобладаніе домашней системы крупнаго производства и полнѣйшаго порабощенія кустарей скупщиковъ—общераспространенный и преобладающій *фактъ* действительной организаціи нашихъ кустарныхъ промысловъ. Эта организація—не только капиталистическая, но, по вѣрному замѣчанію автора, это еще организація „чрезвычайно выгодная для капиталистовъ“, обезпечивающая имъ гигантскіе барыши, безобразно низкую заработную плату и въ высшей степени затрудняющая организацію и развитіе рабочихъ (стр. 99—101). Нельзя не отмѣтить, что фактъ преобладанія капиталистической эксплуатаціи въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ извѣстенъ давнымъ давно, но народники игнорируютъ его самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Въ каждомъ почти номерѣ ихъ журналовъ и газетъ, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ, встрѣтите вы сѣтованія на то, что правительство поддерживаетъ „искусственно“ крупный капитализмъ (вся „искуственность„ котораго состоитъ въ томъ, что онъ крупный, а не мелкій, фабричный, а не кустарный, механическій, а не ручной) и ничего не дѣлаетъ „для нуждъ *народной* промышленности“. Съ полной наглядностью выказывается тутъ ограниченность мелкаго буржуа, борющагося за мелкій *капиталъ* противъ крупнаго и упорно закрывающаго глаза на безспорно установленный фактъ, что и въ этой „народной“ промышленности существуетъ такая же противоположность интересовъ и что, слѣдовательно, не въ жалкихъ кредитахъ и т. п. заключается выходъ. Такъ какъ для мелкаго хозяина, привязаннаго къ своему хозяйству и боящагося постоянно потерять его, все это представляется чѣмъ-то ужаснымъ, какой-то „агитаціей“

о справедливомъ вознагражденіи за трудъ, какъ будто не самъ трудъ въ плодахъ своихъ создаетъ это вознагражденіе,—то понятно, что единственнымъ представителемъ трудящейся массы кустарей можетъ быть только производитель, стоящій въ „искусственныхъ" „тепличныхъ" условіяхъ фабрично-заводской промышленности *).

Остановимся еще на разсужденіи г. Струве о земледѣліи. Паровой транспортъ вынуждаетъ переходъ къ мѣновому хозяйству, онъ дѣлаетъ сельско-хозяйственное производство товарнымъ. Товарный же характеръ производства безусловно требуетъ „его экономической и технической раціональности" (110). Положеніе это авторъ считаетъ особенно важнымъ аргументомъ противъ народниковъ, которые съ торжествомъ указываютъ на недоказанность (будто бы) преимуществъ крупнаго производства въ земледѣліи. „Тѣмъ, кто опирается на ученіе Маркса—отвѣчаетъ имъ авторъ—не пристало отрицать значеніе экономическихъ и техническихъ особенностей сельско-хозяйственнаго производства, благодаря которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ мелкія предпріятія имѣютъ экономическія преимущества надъ крупными,—хотя бы самъ Марксъ и отрицалъ значеніе этихъ особенностей" (111). Очень неясное мѣсто. О какихъ это особенностяхъ говоритъ авторъ? Почему не указываетъ ихъ точно? Почему не указываетъ, гдѣ и какъ выражалъ объ этомъ свое мнѣніе Марксъ и на какихъ основаніяхъ признается нужнымъ исправить это мнѣніе?

„Мелкое земледѣльческое производство—продолжаетъ авторъ—все больше должно принимать товарный характеръ и для того, чтобы быть жизнеспособными *предпріятіями*, мелкія земледѣльческія хозяйства должны удовлетворять общимъ требованіямъ экономической и технической раціональности" (111). „Дѣло вовсе не въ томъ, будутъ ли мелкія земледѣльческія предпріятія поглощены крупными—такого исхода экономической эволюціи врядъ ли можно ждать—а въ томъ метаморфозѣ, которому подвергается все народное хозяйство подъ вліяніемъ обмѣна. Народники упускаютъ изъ виду, что вытѣсненіе натуральнаго хозяйства мѣновымъ въ связи съ констатированнымъ выше „разсѣяніемъ промышленности" совершенно измѣняетъ всю структуру общества. Прежнее отношеніе между земледѣльческимъ (сельскимъ) и не земледѣльческимъ (городскимъ) населеніемъ нарушается въ пользу послѣдняго. Самый экономическій типъ и психическій складъ сельско-хозяйственныхъ производителей кореннымъ образомъ измѣняется подъ вліяніемъ новыхъ условій хозяйственной жизни" (114).

Приведенное мѣсто поясняетъ намъ, что хотѣлъ сказать авторъ своей тирадой о Марксѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно иллюстрируетъ выше сдѣланное замѣчаніе, что догматическій способъ изложенія, не опирающійся на изображеніе конкретнаго процесса,

---

*) «Весь процессъ выражается въ томъ, что мелкое производство (ремесло) одними своими элементами сближается съ «капитализмомъ», другими—съ наемнымъ трудомъ, свободнымъ отъ средствъ производства» (стр. 104).

затемняетъ мысли автора и оставляетъ ихъ недоговоренными. Положеніе его о невѣрности народническихъ взглядовъ совершенно правильно, но неполно, потому что не сопровождается указаніемъ на тѣ новыя формы классоваго антагонизма, которыя развиваются при этой замѣнѣ нераціональнаго производства раціональнымъ. Авторъ, напримѣръ, ограничивается бѣглымъ упоминаніемъ, что „экономическая раціональность" означаетъ „наивысшую ренту" (110), но забываетъ добавить, что *рента* предполагаетъ *буржуазную организацію земледѣлія*, т.-е., во-первыхъ, полное подчиненіе его рынку и, во-вторыхъ, образованіе въ земледѣліи такихъ же классовъ буржуазіи и пролетаріата, которые свойственны и капиталистической индустріи.

Народники, разсуждая о капиталистической, будто бы, организаціи нашего земледѣлія, ставятъ вопросъ безобразно узко и неправильно, сводя все къ вытѣсненію мелкихъ хозяйствъ крупными, и только. Г. Струве совершенно справедливо говоритъ имъ, что при такомъ разсужденіи они упускаютъ изъ виду общій характеръ земледѣльческаго производства, который можетъ (и дѣйствительно является у насъ) буржуазнымъ и при мелкомъ производствѣ, какъ является буржуазнымъ хозяйство западно-европейскихъ крестьянъ. Условія, при которыхъ мелкое самостоятельное хозяйство („народное"—по терминологіи россійской интеллигенціи) становится буржуазнымъ, извѣстны: это, во-первыхъ, господство товарнаго хозяйства, которое, при изолированности *) производителей, порождаетъ среди нихъ конкуренцію и, разоряя массу, обогащаетъ немногихъ; это, во-вторыхъ, превращеніе рабочей силы въ товаръ и средствъ производства въ капиталъ, т.-е. освобожденіе производителя отъ средствъ производства и капиталистическая организація важнѣйшихъ отраслей промышленности. При этихъ условіяхъ мелкій самостоятельный производитель становится въ исключительное положеніе по отношенію къ массѣ производителей —какъ и у насъ сейчасъ дѣйствительно самостоятельные хозяева представляютъ исключеніе среди массы, работающей за чужой счетъ, не имѣющей не только самостоятельнаго хозяйства, но даже и жизненныхъ средствъ на недѣлю. Положеніе и интересы самостоятельнаго хозяина обособляютъ его отъ массы производителей, живущихъ *главнымъ образомъ* заработной платой. Между тѣмъ какъ послѣдніе выдвигаютъ вопросъ о „справедливомъ вознагражденіи", являющійся по необходимости преддверіемъ коренного вопроса объ иномъ устройствѣ общественнаго хозяйства,—перваго интересуетъ гораздо живѣе совсѣмъ другое: кредитъ, и особенно мелкій „народный" кредитъ, улучшенныя, удешевленныя орудія, „организація сбыта", „расширеніе землевладѣнія" и т. п.

Самый законъ о преимуществѣ крупныхъ хозяйствъ надъ мелкими есть законъ только товарнаго производства и, слѣдова-

*) Понятно, что рѣчь идетъ о *хозяйственной* изолированности. Общинное *землевладѣніе* нимало ея не устраняетъ. При самыхъ „уравнительныхъ" предѣлахъ крестьянинъ въ одиночку хозяйничаетъ на своей полосѣ, слѣдовательно, является изолированнымъ, обособленнымъ производителемъ.

тельно, не можетъ быть прилагаемъ къ хозяйствамъ, не втянутымъ еще окончательно въ товарное производство, не подчиненнымъ рынку. Поэтому такая аргументація (въ которой, между прочимъ, упражнялся г. В. В.), что упадокъ дворянскихъ хозяйствъ послѣ реформы и аренда крестьянами частновладѣльческихъ земель опровергаетъ мнѣніе о капиталистической эволюціи нашего земледѣлія,—эта аргументація доказываетъ только полное непониманіе дѣла у прибѣгавшихъ къ ней. Понятно, что разрушеніе крѣпостныхъ отношеній, при которыхъ *культура* была въ рукахъ крестьянъ, вызвало кризисъ помѣщиковъ. Но не говоря уже о томъ, что этотъ кризисъ повелъ только къ примѣненію все въ большихъ и большихъ размѣрахъ труда батраковъ и поденщиковъ, смѣнявшаго отживающія формы полуфеодальнаго труда (за отработки),—не говоря уже объ этомъ, самое крестьянское хозяйство стало существенно измѣнять свой характеръ: оно вынуждено было работать на рынокъ, что и не замедлило повести къ расколу крестьянства на деревенскую мелкую буржуазію и сельскій пролетаріатъ. Этотъ расколъ окончательно рѣшаетъ вопросъ о капитализмѣ въ Россіи. Г. Струве поясняетъ указанный процессъ въ V главѣ, гдѣ онъ замѣчаетъ: „Мелкій земледѣлецъ дифференцируется: развивается, съ одной стороны, „экономически крѣпкое“ крестьянство (надо было сказать: буржуазное), съ другой—крестьянство пролетарскаго типа. Черты народнаго производства соединяются съ капиталистическими въ одну картину, надъ которой явственно значится надпись: „чумазый идетъ“ (стр. 177).

Вотъ на эту сторону дѣла, на *буржуазную организацію* новаго „раціональнаго“ земледѣлія и слѣдовало обратить вниманіе. Слѣдовало показать народникамъ, что, игнорируя указанный процессъ, они превращаются изъ идеологовъ крестьянства въ идеологовъ мелкой буржуазіи. „Поднятіе народнаго производства“, котораго они жаждутъ, можетъ означать, при такой организаціи крестьянскаго хозяйства, только „поднятіе“ мелкой буржуазіи. Напротивъ, тѣ, кто указываетъ на производителя, живущаго въ наиболѣе развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ, выражаютъ правильно интересы не одного только этого предпринимателя, а и всей гигантской массы „пролетарскаго“ крестьянства

Неудовлетворительность изложенія у г. Струве, его неполнота и недоговоренность привела къ тому, что, говоря о раціональномъ земледѣліи, онъ не характеризовалъ его общественно-экономической организаціи,—что, показывая, какъ паровой транспортъ замѣняетъ нераціональное производство раціональнымъ, натуральное—товарнымъ, онъ не характеризовалъ той новой формы классоваго антагонизма, которая складывается при этомъ.

Этотъ же недостатокъ въ постановкѣ вопросовъ сказывается на большей части разсужденій въ разбираемыхъ главахъ. Для иллюстраціи приведу еще нѣсколько примѣровъ. Товарное хозяйство—говоритъ авторъ—и широкое общественное раздѣленіе труда „развиваются, опираясь на институтъ частной собственности, принципы экономической свободы и чувство индивидуализма“ (91;

Прогрессъ національнаго производства связанъ съ „мѣрой господства института частной собственности надъ обществомъ“. „Быть можетъ, это печально, но такъ происходитъ дѣло въ дѣйствительности, это — эмпирически, исторически установленное существованіе. Въ настоящее время, когда съ такимъ легкомысліемъ третируются идеи и принципы XVIII вѣка, при чемъ въ сущности повторяется его же ошибка,—слишкомъ часто забывается эта культурно-историческая связь экономическаго прогресса съ институтомъ частной собственности, принципами экономической свободы и чувствомъ индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно разсчитывать на то, что безъ осуществленія названныхъ началъ возможенъ для экономически и культурно неразвитого общества хозяйственный прогрессъ. Мы не чувствуемъ никакой особенной симпатіи къ этимъ началамъ и прекрасно понимаемъ ихъ исторически-*преходящій* характеръ, но въ то же время мы не можемъ не видѣть въ нихъ огромной культурной силы, не только отрицательной, но и положительной. Не видѣть ея можетъ только идеализмъ, мнящій себя въ своихъ построеніяхъ не связаннымъ никакой исторической преемственностью“ (91).

Авторъ совершенно правъ въ своемъ „объективномъ“ констатированіи „историческихъ сосуществованій“, но тѣмъ болѣе досады возбуждаетъ недоговоренность его аргументаціи. Такъ и хочется сказать ему: договаривайте же! сведите эти общія положенія и историческія справки къ опредѣленному періоду нашей русской исторіи, формулируйте ихъ такъ, чтобы показать, почему и въ чемъ именно отличается ваше пониманіе отъ народническаго, сопоставляйте ихъ съ той дѣйствительностью, которая должна служить критеріемъ для русскаго марксиста, показывайте классовыя противорѣчія, скрадываемыя всѣми этими прогрессами и культурами *).

Тотъ „прогрессъ“ и та „культура“, которые принесла съ собой пореформенная Россія, несомнѣнно, связаны съ „институтомъ частной собственности“—онъ не только былъ проведенъ впервые со всей полнотой созданіемъ новаго „состязательнаго“ гражданскаго процесса, обезпечившаго такое же „равенство“ на судѣ, которое воплощалось въ жизни „свободнымъ трудомъ“ и его продажей капиталу; онъ былъ распространенъ на землевладѣніе какъ помѣщиковъ, избавленныхъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и обязанностей, такъ и крестьянъ, превратившихся въ крестьянъ-*собственниковъ*; онъ былъ положенъ даже въ основаніе политическихъ правъ „гражданъ“ на участіе въ мѣстномъ самоуправленіи (цензъ) и т. д. Еще болѣе несомнѣнна связь нашего „прогресса“ съ „принципами экономической свободы“: мы уже слышали въ первой главѣ отъ нашего народника, какъ эта „свобода“ состояла въ освобожденіи „скромныхъ и бородатыхъ“ собирателей земли русской отъ необходимости „смиряться передъ

*) Contra principia negantem disputari non potest — говоритъ авторъ о спорѣ съ народниками. Это зависитъ отъ того, какъ формулировать эти principia,—какъ общія ли положенія и справки, или какъ *это пониманіе* такихъ-то и такихъ-то *фактовъ* русской исторіи и дѣйствительности.

малымъ полицейскимъ чиномъ". Мы уже говорили о томъ, какъ „чувство индивидуализма" создавалось развитіемъ товарнаго хозяйства. Сводя вмѣстѣ всѣ эти черты отечественнаго прогресса, нельзя не придти къ выводу (сдѣланному и народникомъ 70-хъ годовъ), что этотъ прогрессъ и культура были сплошь буржуазными. Современная Россія гораздо лучше дореформенной, но такъ какъ это улучшеніе цѣликомъ и исключительно обязано буржуазіи, ея агентамъ и идеологамъ, то производители имъ и не воспользовались. Для нихъ эти улучшенія означали только перемѣну формы прибавочнаго продукта, означали только улучшенные и усовершенствованные пріемы освобожденія производителя отъ средствъ производства. Поэтому гг. народники проявляютъ самое невѣроятное „легкомысліе" и забывчивость, когда съ протестомъ противъ русскаго капитализма и буржуазности обращаются къ тѣмъ, кто именно и былъ ихъ носителемъ и проводникомъ. Про нихъ только и можно сказать: „своя своихъ не познаша".

Согласиться съ такой квалификаціей пореформенной Россіи и „общества" современному народнику будетъ не подъ силу. А чтобы оспаривать это, ему пришлось бы отрицать буржуазный характеръ пореформенной Россіи, отрицать то самое, во имя чего подымался его отдаленный предокъ, народникъ 70-хъ годовъ, и „шелъ въ народъ" искать „залоговъ будущаго" у самихъ непосредственныхъ производителей. Конечно, *современный* народникъ не только рѣшится, чего добраго, отрицать это, но и станетъ, пожалуй, доказывать, что въ разсматриваемомъ отношеніи произошла перемѣна къ лучшему; но этимъ онъ только показалъ бы всѣмъ, кто еще этого не видитъ, что онъ не представляетъ изъ себя рѣшительно ничего болѣе, какъ самаго обыкновеннаго *маленькаго буржуа*.

Какъ видитъ читатель, мнѣ приходится только договаривать положенія г. Струве, давать имъ иную формулировку, — „то же слово, да иначе молвить". Спрашивается, есть ли нужда въ этомъ? Стоитъ ли останавливаться съ такою подробностью на этихъ дополненіяхъ и выводахъ? Не разумѣются ли они сами собой?

Мнѣ кажется, — стоитъ, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, узкій объективизмъ автора крайне опасенъ, такъ какъ доходитъ до забвенія граней между старыми, такъ вкоренившимися въ нашей литературѣ, профессорскими разсужденіями о путяхъ и судьбахъ нашего отечества и точной характеристикой дѣйствительнаго процесса, двигаемаго такими-то классами. Этотъ узкій объективизмъ, эта невыдержанность марксизма—основной недостатокъ книги г. Струве, и на немъ необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что онъ вытекаетъ именно не изъ марксизма, а изъ недостаточнаго проведенія его; не изъ того, что авторъ видѣлъ иные критеріи своей теоріи, кромѣ дѣйствительности, чтобы онъ дѣлалъ другіе практическіе выводы изъ доктрины (они невозможны, немыслимы, повторяю, безъ искалѣченія всѣхъ главныхъ ея положеній), а потому, что авторъ ограничился одной наиболѣе общей стороной теоріи и не провелъ ее съ полной послѣдовательностью. Во-вторыхъ, нельзя не согласиться съ тою

мыслью, которая высказана авторомъ въ предисловіи, что прежде, чѣмъ критиковать народничество на частныхъ вопросахъ, необходимо было „раскрыть самыя основныя разногласія" (VII) посредствомъ „принципіальной полемики". Но именно для того, чтобы эта цѣль автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать болѣе конкретный смыслъ почти всѣмъ его положеніямъ, необходимо свести его слишкомъ общія указанія на конкретные вопросы русской исторіи и дѣйствительности. По всѣмъ этимъ вопросамъ предстоитъ еще русскимъ марксистамъ большая работа „пересмотра фактовъ" съ матеріалистической точки зрѣнія,—раскрытія классовыхъ противорѣчій въ дѣятельности „общества" и „государства" съ теоріями „интеллигенціи", — наконецъ, работа по установленію связи между всѣми отдѣльными, безконечно разнообразными формами присвоенія прибавочнаго продукта въ россійскихъ „народныхъ" производствахъ и той передовой, наиболѣе развитой капиталистической формой этого присвоенія, которая содержитъ въ себѣ „залоги будущаго" и выдвигаетъ въ настоящее время на первый планъ идею и историческую задачу „производителя". Поэтому, какъ бы ни казалась смѣлой попытка указать рѣшеніе этихъ вопросовъ, сколько измѣненій, исправленій ни принесло бы дальнѣйшее детальное изученіе,—все-таки стоитъ труда намѣтить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно болѣе общее и широкое обсужденіе ихъ.

Кульминаціонной точкой того узкаго объективизма г. Струве, который порождаетъ у него неправильность постановки вопросовъ, является разсужденіе его о Листѣ, о его „замѣчательномъ ученіи" насчетъ „конфедераціи національныхъ производительныхъ силъ", о важности для сельскаго хозяйства развитія фабричной промышленности, о превосходствѣ мануфактурно-земледѣльческаго государства надъ земледѣльческимъ и т. п. Авторъ находитъ, что это „ученіе" чрезвычайно „убѣдительно говоритъ объ исторической неизбѣжности и законности капитализма въ широкомъ смыслѣ этого слова" (123), о „культурно-исторической мощи торжествующаго товарнаго производства" (124).

Профессорскій характеръ разсужденій автора, какъ бы поднимающагося выше всякихъ опредѣленныхъ странъ, опредѣленныхъ историческихъ періодовъ, опредѣленныхъ классовъ, сказывается тутъ особенно наглядно. Какъ ни смотрѣть на это разсужденіе,—съ теоретической ли чисто или съ практической стороны,—одинаково правильна будетъ такая оцѣнка. Начнемъ съ первой. Не странно ли думать, что можно убѣдить кого бы то ни было въ „исторической неизбѣжности и законности капитализма" для извѣстной страны абстрактными, догматичными положеніями о значеніи фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопросъ на эту почву, столь любезную либеральнымъ профессорамъ изъ „Русскаго Богатства"? Не обязательно ли для марксиста свести дѣло къ выясненію того, что есть и почему есть именно такъ, а не иначе?

Народники считаютъ нашъ капитализмъ искусственнымъ тепличнымъ растеніемъ, потому что не понимаютъ связи его со

всей товарной организацией нашего общественнаго хозяйства, не видятъ корней его въ нашемъ „народномъ производствѣ“. Покажите имъ эти связи и корни, покажите, что капитализмъ господствуетъ въ наименѣе развитой и потому въ наихудшей формѣ и въ „народномъ производствѣ“,—и вы докажете „неизбѣжность“ русскаго капитализма. Покажите, что этотъ капитализмъ, повышая производительность труда и обобществляя его, развиваетъ и выясняетъ ту классовую, соціальную противоположность, которая повсюду сложилась въ „народномъ производствѣ“, — и вы докажете „законность“ русскаго крупнаго капитализма. Что касается до практической стороны этого разсужденія, соприкасающагося съ вопросомъ о торговой политикѣ, то можно замѣтить слѣдующее. Русскіе марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнѣе всего, что вопросъ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ есть вопросъ капиталистическій, вопросъ буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, такъ какъ въ Россіи съ особенной силой сказывается реакціонность протекціонизма, задерживающаго экономическое развитіе страны, служащаго интересамъ не всего класса буржуазіи, а лишь кучкѣ олигарховъ-тузовъ,—такъ какъ свобода торговли означаетъ ускореніе того процесса, который несетъ средства избавленія отъ капитализма.

Послѣдній параграфъ (XI) III главы посвященъ разбору понятія „капитализмъ“. Авторъ очень справедливо указываетъ, что это слово употребляется „весьма вольно“, приводитъ примѣры „очень узкаго“ и „очень широкаго“ его пониманія, но никакихъ точно опредѣленныхъ признаковъ не устанавливаетъ; „понятіе — капитализмъ“, несмотря на разборъ автора, осталось неразобраннымъ. А между тѣмъ, казалось бы, это не должно представить особеннаго труда, потому что понятіе это введено въ науку Марксомъ и имъ же обосновано фактически Но г. Струве и тутъ не желалъ бы заражаться „ортодоксіей“. „Марксъ самъ— говоритъ онъ—представлялъ себѣ процессъ превращенія *товарнаго* производства въ *товарно-капиталистическое*, быть можетъ, болѣе стремительнымъ и прямолинейнымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ“ (стр. 127, прим.). Быть можетъ. Но такъ какъ это единственное представленіе, обоснованное научно и подкрѣпленное исторіей капитала, такъ какъ съ другими представленіями, „быть можетъ“ менѣе „стремительными“ и менѣе „прямолинейными“, мы незнакомы, то мы и обратимся къ Марксу. Существенными признаками капитализма, по его ученію, являются: 1) товарное производство, какъ общая форма производства. Продуктъ принимаетъ форму товара въ самыхъ различныхъ общественныхъ производственныхъ организмахъ, но только въ капиталистическомъ производствѣ такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признакъ капитализма—(2) принятіе товарной формы не только продуктомъ труда, но и самымъ трудомъ, т.-е. рабочей силы человѣка. Степень развитія товарной формы рабочей силы характеризуетъ

степень развитія капитализма *).—При помощи этого опредѣленія мы легко разберемся въ приводимыхъ г. Струве примѣрахъ неправильнаго пониманія этого термина. Несомнѣнно, что противопоставленіе русскихъ порядковъ капитализму, основанное на технической отсталости нашего народнаго хозяйства, на преобладаніи ручного производства и т. п., и такъ часто приводимое народниками, совершенно нелѣпо, ибо капитализмъ существуетъ и при низкой и при высоко развитой техникѣ, и Марксъ много разъ подчеркиваетъ въ „Капиталѣ“, что капиталъ сначала подчиняетъ себѣ производство такимъ, какимъ онъ его находитъ, и лишь впослѣдствіи преобразуетъ его технически. Несомнѣнно, что нѣмецкая Hausindustrie, русская „домашняя система крупнаго производства“ представляетъ изъ себя капиталистическую организацію промышленности, ибо тутъ не только господствуетъ товарное производство, но и владѣлецъ денегъ господствуетъ надъ производителемъ и присвоиваетъ себѣ сверхстоимость. Несомнѣнно, что любое народническое противопоставленіе западно-европейскому капитализму русскаго „владѣющаго землей“ крестьянства показываетъ тоже только непониманіе того, что такое капитализмъ. И на Западѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, сохраняется кое-гдѣ „полунатуральное хозяйство крестьянъ“ (124), но этотъ фактъ ни на Западѣ, ни въ Россіи не устраняетъ ни преобладанія товарнаго производства, ни подчиненія преобладающаго большинства производителей капиталу,—подчиненія, которое до своего высшаго, предѣльнаго развитія проходитъ много ступеней, обыкновенно народниками игнорируемыхъ, несмотря на совершенно точное разъясненіе дѣла Марксомъ. Начинается его подчиненіе *торговымъ и ростовщическимъ капиталомъ*, затѣмъ переходитъ въ индустріальный капитализмъ, который въ свою очередь сначала является технически совершенно примитивнымъ и ничѣмъ не отличается отъ старыхъ системъ производства, затѣмъ организуетъ мануфактуру, которая все еще основывается на ручномъ трудѣ, покоится на преобладающихъ кустарныхъ промыслахъ, не нарушая связи наемнаго рабочаго съ землей, и завершаетъ развитіе крупной машинной индустріей. Только послѣдняя, высшая стадія представляетъ кульминаціонную точку развитія капитализма, *только она* создаетъ совершенно экспропріированнаго, свободнаго, какъ птица, рабочаго **), *только она* порождаетъ (и въ матеріальномъ и въ соціальномъ отношеніи) то „объединяющее значеніе“ капитализма, которое народники привыкли связывать съ капитализмомъ вообще, *только она* противополагаетъ капитализму его „кровное дѣтище“.

Четвертая глава книги: „Прогрессъ экономическій и прогрессъ соціальный“ составляетъ прямое продолженіе третьей главы,

*) «Das Kapital», II Band (1885) s. 93.—Необходимо оговориться, что Марксъ въ указанномъ мѣстѣ вовсе не даетъ *дефиниціи* капитализма. Онъ вообще дефиниціями не занимался. Здѣсь указывается лишь на отношеніе товарнаго производства къ капиталистическому, о чемъ въ текстѣ и идетъ рѣчь.

**) Народники всегда изображаютъ дѣло такъ, что обезземеленный рабочій—необходимое условіе капитализма *вообще*, а не только машинной индустріи.

относясь къ той части книги, которая выдвигаетъ противъ народниковъ данныя „общечеловѣческаго опыта“. Намъ придется тутъ подробно остановиться, во-первыхъ, на одномъ неправильномъ взглядѣ автора (или неудачномъ выраженіи?) насчетъ послѣдователей Маркся и, во-вторыхъ, на формулировкѣ задачъ экономической критики народничества.

Г. Струве говоритъ, что Марксъ представляетъ себѣ переходъ отъ капитализма къ новому общественному строю въ видѣ рѣзкаго паденія, крушенія капитализма. (Онъ находитъ, что это даютъ основаніе думать „нѣкоторыя мѣста“ у Маркса, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ взглядъ содержится *во всѣхъ сочиненіяхъ* Маркса). Послѣдователи его борются за *реформы*. Въ точку зрѣнія Маркса 40-хъ годовъ „внесенъ былъ важный коррективъ“: вмѣсто „пропасти“, отдѣляющей капитализмъ отъ новаго строя, былъ признанъ „цѣлый рядъ переходовъ“.

Мы никакъ не можемъ признать это правильнымъ. Никакого „корректива“ (*исправленія* по-русски) ни важнаго, ни неважнаго не вносили „послѣдователи Маркса“ въ его точку зрѣнія. Борьба за реформы нисколько не свидѣтельствуетъ о „коррективѣ“, нимало не исправляетъ ученіе о пропасти и рѣзкомъ паденіи, такъ какъ эта борьба ведется съ открыто и опредѣленно признанной цѣлью—дойти именно до „паденія“; а что для этого необходимъ „цѣлый рядъ переходовъ“—одного фазиса борьбы, одной ступени ея въ слѣдующія,—это признавалъ и Марксъ въ 1840-хъ г.г., говоря въ „Манифестѣ“, что нельзя *отдѣлять* движеніе къ новому строю отъ рабочаго движенія (и, слѣдовательно, отъ борьбы за реформы), выставляя самъ въ заключеніе рядъ практическихъ мѣропріятій.

Если г. Струве хотѣлъ указать на *развитіе* точки зрѣнія Маркса, то онъ, конечно, правъ. Но тогда мы видимъ тутъ не „коррективъ“ къ его взглядамъ, а какъ разъ наоборотъ: *проведеніе, осуществленіе* ихъ.

Мы не можемъ также согласиться съ отношеніемъ автора къ народничеству.

„Наша народническая литература—говоритъ онъ—подхватила противопоставленіе національнаго богатства и народнаго благосостоянія, прогресса соціальнаго, прогресса распредѣленія“ (131).

Народничество не „подхватило“ этого противопоставленія, а только *констатировало* наличность въ пореформенной Россіи той же противоположности между прогрессомъ, культурой, богатствомъ и освобожденіемъ производителя отъ средствъ производства, уменьшеніемъ доли производителя въ продуктѣ народнаго труда, ростомъ нищеты и безработицы, которая создала это противопоставленіе и на Западѣ.

„... Въ силу своего гуманнаго, народолюбиваго характера, эта литература сразу рѣшила вопросъ въ пользу народнаго благосостоянія и, такъ какъ нѣкоторыя народно-экономическія формы (община, артель), повидимому, воплощали въ себѣ идеалъ экономическаго равенства и такимъ образомъ обезпечивали народное

благосостояніе, а прогрессъ производства подъ вліяніемъ усиленнаго обмѣна отнюдь не обѣщалъ благопріятствовать этимъ формамъ, устраняя ихъ экономическія и психическія основы, то народники, указывая на печальный опытъ Запада съ производственнымъ прогрессомъ, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству—капитализму такъ называемое „народное производство", гарантирующее народное благосостояніе, какъ общественно-экономическій идеалъ, за сохраненіе и дальнѣйшее развитіе котораго надлежитъ бороться русской интеллигенціи и русскому народу".

Въ этомъ разсужденіи съ полной наглядностью выступаютъ недостатки изложенія у г. Струве. Народничество изображается какъ „гуманная" теорія, которая „подхватила" противопоставленіе національнаго богатства и народной бѣдности, „рѣшила вопросъ" въ пользу распредѣленія, ибо „опытъ Запада" „не обѣщалъ" народнаго благосостоянія. И авторъ начинаетъ спорить противъ такого „рѣшенія" вопроса, упуская изъ виду, что онъ воюетъ только противъ идеалистическаго и притомъ наивно-мечтательнаго облаченія народничества, а не противъ его содержанія, упуская изъ виду, что онъ самымъ уже допущеніемъ обычной у гг. народниковъ профессорской постановки вопроса дѣлаетъ крупную ошибку.—Какъ уже было замѣчено, *содержаніе* народничеству даетъ отраженіе точки зрѣнія и интересовъ мелкаго производителя. „Гуманность и народолюбивость" теоріи была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя, терпѣвшаго жестокія невзгоды и отъ „старо-дворянскихъ" порядковъ и традицій и отъ гнета крупнаго капитала. Отношеніе народничества къ „Западу" и его вліяніе на Россію опредѣлилось, конечно, уже не тѣмъ, что оно „подхватило" у него ту или иную идею, а условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ, заимствующій западноевропейскую технику *), и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи, объяснявшія не капиталистическую политику капиталистическимъ хозяйствомъ, а капитализмъ — политикой, объявлявшія крупный капитализмъ чѣмъ-то чуждымъ русской жизни, наноснымъ. Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характеръ государства, и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго („народнаго") производства. Неразвитость классовой противоположности, присущей русскому капиталистическому обществу, породила то, что теорія этихъ идеологовъ мѣщанства выступила, какъ представительница интересовъ труда вообще.

Вмѣсто того, чтобы показать нелѣпость самой уже постановки вопроса у народниковъ и объяснять ихъ „рѣшеніе" этого вопроса матеріальными условіями жизни мелкаго производителя, авторъ самъ въ своей постановкѣ вопроса проявляетъ догматизмъ, напоминающій о народническомъ „*выборѣ*" между экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ.

---

*) Ср. вышеприведенную статью изъ «От. Зап.».

„Задачей критики экономическихъ основъ народничества... является... доказать слѣдующее:

1) „Прогрессъ экономическій есть необходимое условіе прогресса соціальнаго; послѣдній исторически вытекаетъ изъ перваго, и на извѣстной ступени развитія между обоими процессами должно явиться, и на самомъ дѣлѣ является, органическое взаимодѣйствіе, взаимная обусловленность“ (131).

Вообще говоря, положеніе это, разумѣется, совершенно справедливо. Но оно намѣчаетъ скорѣе задачи критики соціологическихъ, а не экономическихъ основъ народничества: въ сущности, это—иная формулировка того ученія, по которому развитіе общества опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ и о которыхъ шла рѣчь въ I и II главахъ. Для критики *„экономическихъ основъ* народничества“ этого недостаточно. Надо конкретнѣе формулировать вопросъ, свести его отъ прогресса вообще „къ прогрессу“ капиталистическаго русскаго общества, къ тѣмъ неправильностямъ въ пониманіи *этого* прогресса, которыя породили смѣшныя народническія сказки о tabula rasa, о „народномъ производствѣ“, о безпочвенности русскаго капитализма и т. д. Вмѣсто того, чтобы говорить: между экономическимъ и соціальнымъ прогрессомъ должно явиться взаимодѣйствіе,—надо указать (или хотя бы намѣтить) опредѣленныя явленія соціальнаго прогресса въ Россіи, у которыхъ народники не видятъ *такихъ-то* экономическихъ корней *).

2) „Поэтому вопросъ объ организаціи производства и степени производительности труда есть вопросъ, первенствующій надъ вопросомъ о распредѣленіи; при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, когда производительность народнаго труда и абсолютно и относительно очень низка, первостепенное значеніе производственнаго момента сказывается особенно рѣзко“.

Авторъ опирается тутъ на ученіе Маркса о подчиненномъ значеніи распредѣленія. Эпиграфомъ къ IV главѣ взяты слова его изъ замѣчаній на Готскую программу, гдѣ Марксъ противопоставляетъ вульгарный соціализмъ научному, который не придаетъ существеннаго значенія распредѣленію, объясняя общественный строй организаціей *производственныхъ отношеній* и считая, что данная организація ихъ уже включаетъ въ себѣ опредѣленную систему распредѣленія. Эта идея, по совершенно справедливому замѣчанію автора, проникаетъ собой все ученіе Маркса, и она имѣетъ крайне важное значеніе для уясненія мѣщанскаго содержанія народничества. Но вторая половина фразы г. Струве сильно затуманиваетъ ее, особенно благодаря неясному термину „производственный моментъ“. Можетъ, пожалуй, возникнуть недоумѣніе, въ какомъ смыслѣ понимать этотъ

*) Могутъ возразить, что я просто забѣгаю впередъ: авторъ вѣдь сказалъ, что отъ общихъ вопросовъ намѣренъ постепенно переходить къ конкретнымъ, которые онъ и разбираетъ въ VI главѣ. Но дѣло въ томъ, что указанная абстрактность критики г. Струве составляетъ отличительное свойство *всей* его книги, и VI главы и даже заключительной части. Нуждается въ исправленіи у него больше всего именно *постановка вопросовъ*.

терминъ. Народникъ стоитъ на точкѣ зрѣнія мелкаго производителя, объясняющаго свои невзгоды крайне поверхностно: тѣмъ, что онъ „бѣденъ“, сосѣдъ скупщикъ „богатъ“, тѣмъ, что „начальство“ помогаетъ только крупному капиталу и т. д., однимъ словомъ, особенностями распредѣленія, ошибками политики и т. д. Какую же точку зрѣнія противополагаетъ ему авторъ: точку ли зрѣнія крупнаго капитала, съ презрѣніемъ смотрящаго на мизерное хозяйствованіе крестьянина кустаря и гордящагося высокой степенью развитія своего производства, своей „заслугой“, состоящей въ повышеніи и абсолютно и относительно низкой производительности народнаго труда, или точку зрѣнія его антипода, который живетъ уже въ отношеніяхъ настолько развитыхъ, что не можетъ удовлетвориться ссылками на политику да на распредѣленіе, который начинаетъ понимать, что причина лежитъ глубже — въ самой организаціи (общественной) производства, въ самомъ устройствѣ общественнаго хозяйства на началахъ индивидуальной собственности подъ контролемъ и руководствомъ рынка? Такой вопросъ естественно могъ бы возникнуть у читателя, тѣмъ болѣе, что авторъ иногда употребляетъ выраженіе „производственный моментъ“ на ряду съ выраженіемъ „хозяйственность“ (см. с. 171: „игнорированіе производственнаго момента“ у народниковъ, „доходящее до отрицанія всякой хозяйственности“), тѣмъ болѣе, что авторъ иногда соотношеніемъ „нераціональнаго“ и „раціональнаго“ производства заслоняетъ отношеніе мелкаго производителя и производителя, окончательно уже потерявшаго средства производства. Спору нѣтъ, что вѣрность изложенія автора *съ объективной стороны* отъ этого не уменьшается; что представить себѣ дѣло съ точки зрѣнія послѣдняго отношенія легко для всякаго понимающаго антагонистичность капиталистическаго строя. Но такъ какъ общеизвѣстно, что именно господа россійскіе народники этого не понимаютъ, то въ спорахъ съ ними и желательно видѣть больше опредѣленности и договоренности и какъ можно меньше слишкомъ общихъ абстрактныхъ положеній.

Какъ мы старались показать на конкретномъ примѣрѣ въ I главѣ, *все* отличіе народничества отъ марксизма состоитъ *въ характерѣ критики русскаго капитализма*. Народникъ для критики капитализма считаетъ достаточнымъ констатировать наличность эксплуатаціи, взаимодѣйствіе между ней и политикой и т. п. Марксистъ считаетъ необходимымъ объяснить и связать вмѣстѣ эти явленія эксплуатаціи, какъ систему извѣстныхъ производственныхъ отношеній, какъ особую общественно-экономическую формацію, законы функціонированія и развитія которой подлежатъ объективному изученію. Народникъ считаетъ достаточнымъ для критики капитализма осудить его съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ, съ точки зрѣнія „современной науки и современныхъ нравственныхъ идей“. Марксистъ считаетъ необходимымъ прослѣдить со всею подробностью тѣ классы, которые образуются въ капиталистическомъ обществѣ, считаетъ основательной только критику съ точки зрѣнія опредѣленнаго класса, —

критику, основывающуюся не на моральныхъ сужденіяхъ „личности“, а на точной формулировкѣ дѣйствительно происходящаго общественнаго процесса.

Если попытаться, исходя изъ этого, формулировать задачи критики экономическихъ основъ народничества, то онѣ выразились бы примѣрно такимъ образомъ:

Надо доказать, что крупный капитализмъ въ Россіи относится къ „народному“ производству, какъ вполнѣ развитое явленіе къ неразвитому, какъ высшая стадія развитія капиталистической общественной формаціи къ низшей ея стадіи *); — что освобожденіе производителя отъ средствъ производства и присвоеніе продукта его труда владѣльцемъ денегъ должно быть объяснено, какъ на фабрикѣ, такъ и въ самой хотя бы общинной деревнѣ, не политикой, не распредѣленіемъ, а тѣми отношеніями производства, которыя необходимо складываются въ товарномъ хозяйствѣ, тѣмъ образованіемъ противоположныхъ по своимъ интересамъ классовъ, которое характеризуетъ капиталистическое общество **); — что та дѣйствительность (мелкое производство), которую народники хотятъ поднять на высшую ступень, минуя капитализмъ, уже включаетъ въ себя капитализмъ и присущую ему противоположность классовъ и столкновенія ихъ, но только въ наихудшей ея формѣ, затрудняющей самостоятельную дѣятельность производителя, и что поэтому народники, игнорируя сложившіяся уже соціальныя противоположности и мечтая объ „иныхъ путяхъ для отечества“, являются утопистами-реакціонерами, такъ какъ крупный капитализмъ только развиваетъ, очищаетъ и выясняетъ содержаніе этихъ противоположностей, существующихъ въ Россіи вездѣ и повсюду.

Въ непосредственной связи съ слишкомъ абстрактной формулировкой задачъ экономической критики народничества стоитъ и дальнѣйшее изложеніе автора, доказывающаго „необходимость“ и „прогрессивность“ не русскаго капитализма, а западно-европейскаго. Не затрагивая непосредственно экономическаго содержанія народнической доктрины, это изложеніе даетъ однако много интереснаго и поучительнаго. Въ нашей народнической литературѣ не разъ раздавались голоса недовѣрія къ западно-европейскому рабочему движенію. Особенно ярко выразилось это во время

---

*) Анализъ экономической стороны долженъ быть, разумѣется, дополненъ анализомъ соціальныхъ, юридико-политическихъ и идейныхъ надстроекъ. Непониманіе связи капитализма съ народнымъ производствомъ» порождало у народниковъ идеи о *не классовомъ* характерѣ крестьянской реформы, государственной власти, интеллигенціи и т. д. Матеріалистическій анализъ, сводя всѣ эти явленія къ классовой борьбѣ, долженъ показать конкретно, что нашъ русскій пореформенный «соціальный прогрессъ» былъ только слѣдствіемъ капиталистическаго «экономическаго прогресса».

**) «Пересмотръ фактовъ» русской экономической дѣйствительности, особенно той, изъ которой народники почерпаютъ матеріалъ для своихъ институтскихъ мечтаній, т.-е. крестьянскаго и кустарнаго хозяйства,—долженъ показать, что причина угнетеннаго положенія производителя лежитъ не въ распредѣленіи («мужикъ бѣденъ, скупщикъ богатъ»), а въ самыхъ уже отношеніяхъ производства, въ самой общественной организаціи современнаго крестьянскаго и кустарнаго хозяйства. Отсюда выясняется, что и въ «народномъ» производствѣ «вопросъ объ организаціи производства первенствуетъ надъ вопросомъ о распредѣленіи».

послѣдней полемики противъ марксистовъ гг. Михайловскаго и К°, („Русское Богатство“, 1893—4). Мы еще ничего хорошаго не видали отъ капитализма“ — писалъ тогда г. Михайловскій *). Нелѣпость этихъ мѣщанскихъ взглядовъ прекрасно опровергается данными г. Струве, тѣмъ болѣе, что данныя эти заимствованы изъ новѣйшей буржуазной литературы, которую никакъ нельзя заподозрить въ преувеличеніи. Цитаты, приводимыя авторомъ, показываютъ, что на Западѣ всѣ, даже буржуа, видятъ, что переходъ капитализма въ новую общественно-экономическую формацію неизбѣженъ.

Обобществленіе труда капитализмомъ подвинулось такъ далеко, что даже и въ буржуазной литературѣ громко говорятъ о необходимости „планомѣрной организаціи народнаго хозяйства“. Авторъ совершенно правъ, говоря, что это — „признакъ времени“, признакъ полнаго разложенія капиталистическихъ порядковъ. Крайне интересны приводимыя имъ заявленія не только буржуазныхъ профессоровъ, но и консерваторовъ, вынужденныхъ признать то, что и по сю пору хотятъ отрицать россійскіе радикалы, — именно, что рабочее движеніе создано тѣми матеріальными условіями, которыя порождены капитализмомъ, а не „просто“ культурой или иными политическими условіями.

Послѣ всего вышеизложеннаго намъ едва ли уже есть надобность останавливаться на разсужденіи автора, что распредѣленіе можетъ прогрессировать, только опираясь на раціональное производство. Ясно, что смыслъ этого положенія тотъ, что только крупный капитализмъ, основанный на раціональномъ производствѣ, ставитъ производителя въ условія, позволяющія ему поднять голову, подумать и позаботиться о себѣ и о тѣхъ, кто благодаря отсталому производству, не находится въ этихъ условіяхъ.

Мы замѣтимъ только два слова по поводу такой фразы г. Струве: „Крайне неравномѣрное распредѣленіе, задерживающее экономическій прогрессъ, не создано капитализмомъ: оно перешло къ нему по наслѣдству“ отъ той эпохи, въ которой романтики видятъ молочныя рѣки и кисельные берега, (стр. 159). Это вѣрно, если при этомъ авторъ хочетъ сказать только, что и до капитализма было неравномѣрное распредѣленіе, о которомъ склонны забывать гг. народники. Но это невѣрно, если отрицать усиленіе неравномѣрности капитализмомъ. При крѣпостномъ правѣ не было и быть не могло такого рѣзкаго неравенства между

---

*) Нельзя не отмѣтить, что въ отвѣтѣ г. Струве г. Михайловскій усматриваетъ «влюбленность въ себя» у Энгельса, который говоритъ, что доминирующимъ, гигантскимъ шагомъ современности, дѣлающимъ эту современность лучше всякой другой эпохи, оправдывающимъ исторію ея происхожденія, является рабочее движеніе на Западѣ.

Этотъ просто возмутительный упрекъ Энгельсу крайне характеренъ для оцѣнки современнаго русскаго народничества.

Эти господа умѣютъ болтать о „народной правдѣ“, умѣютъ разговаривать съ нашимъ „обществомъ“, журя его за неправильный выборъ пути для отечества, умѣютъ сладко пѣть о томъ, что „либо сейчасъ, либо никогда“, и пѣть это «10 лѣтъ, 20 лѣтъ, 30 лѣтъ и болѣе», — но абсолютно неспособны понять, какое всеобъемлющее значеніе имѣетъ самостоятельное выступленіе тѣхъ, во имя кого и пѣлись эти сладкія пѣсни.

совершенно обнищавшимъ крестьяниномъ или босякомъ и банковскимъ, желѣзнодорожнымъ, промышленнымъ тузомъ, которое создано пореформенной капиталистической Россіей.

Перейдемъ къ V главѣ. Авторъ даетъ тутъ общую характеристику „народничества, какъ экономическаго міровоззрѣнія“. „Народники“, по мнѣнію г. Струве, „идеологи натуральнаго хозяйства и первобытнаго равенства“ (167).

Съ такой характеристикой невозможно согласиться. Мы не станемъ здѣсь повторять доводовъ, приведенныхъ въ I главѣ, въ пользу того, что народники — идеологи мелкаго производителя. Тамъ было уже показано, какъ именно матеріальныя условія жизни мелкаго производителя, его переходное, срединное положеніе между „хозяевами“ и „рабочими“ порождаетъ и непониманіе классовыхъ противорѣчій народниками, и странную смѣсь прогрессивныхъ и реакціонныхъ пунктовъ ихъ программы.

Здѣсь добавимъ только, что первой, т.-е. прогрессивной своей стороной русское народничество сближается съ западно-европейскимъ демократизмомъ, и потому къ нему цѣликомъ приложима геніальная характеристика демократизма, данная свыше 40 лѣтъ тому назадъ по поводу событій французской исторіи:

„Демократъ, представляя мелкую буржуазію, т.-е. *переходный классъ*, въ которомъ взаимно притупляются интересы двухъ классовъ, воображаетъ поэтому, что онъ вообще стоитъ выше классоваго антагонизма. Демократы допускаютъ, что противъ нихъ стоитъ привилегированный классъ, но вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ націи они составляютъ *народъ*. Они стоятъ за *народное право*; они представляютъ *народные интересы*. Поэтому имъ нѣтъ надобности изслѣдовать интересы и положеніе различныхъ классовъ. Имъ нѣтъ надобности слишкомъ строго взвѣшивать свои собственныя средства*)... Если оказывается, что ихъ интересы не заинтересовываютъ, что ихъ сила есть *безсиліе*, то виноваты тутъ либо вредные софисты, раскалывающіе *единый народъ* на различные враждебные лагери **)..., либо все рухнуло изъ-за какой-нибудь детали исполненія, либо, наконецъ, непредусмотрѣнная случайность повела на этотъ разъ къ неудачѣ. Во всякомъ случаѣ, демократъ выходитъ изъ самаго позорнаго пораженія настолько же незапятнаннымъ, насколько невиннымъ онъ туда вошелъ, выходитъ съ укрѣпившимся убѣжденіемъ, что онъ долженъ побѣдить, что не онъ самъ и его партія должна оставить

---

*) Точь-въ-точь россійскіе народники. Они не отрицаютъ, что есть на Руси классы, антагонистичные производителю, но они убаюкиваютъ себя разсужденіями о ничтожности этихъ «хищниковъ» передъ «народомъ» и не хотятъ заняться точнымъ изслѣдованіемъ положенія и интересовъ каждаго отдѣльнаго класса, не хотятъ разобрать, не переплетаются ли интересы нѣкотораго разряда производителей съ интересами «хищниковъ», ослабляя силу сопротивленія первыхъ противъ послѣднихъ.

**) Для россійскихъ народниковъ—виноваты зловредные марксисты, искусственно прививающіе капитализмъ и его классовые антагонизмы къ почвѣ, на которой такъ пышно растутъ цвѣты «соціальнаго взаимоприспособленія» и «солидарной дѣятельности» (г. В. В. у Струве, с. 161).

старую точку зрѣнія, а, напротивъ, обстоятельства должны дорости до него" (ihm entgegenzureifen haben. „Der achtzehnte Brumaire" u. s. w., s. 39).

О неправильности той характеристики народниковъ, которая видитъ въ нихъ идеологовъ натуральнаго хозяйства и первобытнаго равенства, говорятъ приведенные самимъ авторомъ примѣры. „Какъ *курьезъ*, слѣдуетъ отмѣтить, — говоритъ г. Струве, — что г. Н. — онъ до сихъ поръ называетъ Васильчикова либеральнымъ экономистомъ" (169). Если брать это наименованіе *по существу*, то оно вовсе не курьезно. Васильчиковъ ставитъ въ свою программу дешевый и широко распространенный кредитъ. Г. Николай — онъ не можетъ не видѣть, что на почвѣ капиталистическаго общества, каково русское, кредитъ только усилитъ буржуазію, поведетъ къ „развитію и упроченію капиталистическихъ отношеній" („Очерки", стр. 77). Васильчиковъ, какъ и всѣ народники, своими практическими мѣропріятіями представляетъ интересы одной лишь мелкой буржуазіи. Курьезно тутъ развѣ только то, что г. Н. — онъ, возсѣдая рядомъ съ публицистами „Русскаго Богатства", „до сихъ поръ" не видитъ, что они представляютъ собой совершенно такихъ же маленькихъ „либеральныхъ экономистовъ", какъ и кн. Васильчиковъ. Теорія утопизма легко мирится на практикѣ съ мѣщанскими прогрессами. Еще болѣе подтверждаетъ такую квалификацію народничества Головачевъ, сознающій безсмысленность поголовнаго надѣла и предлагающій „дешевый кредитъ для рабочаго люда". Критикуя эту „изумительную" теорію, г. Струве обращаетъ вниманіе только на ея теоретическую вздорность, но не замѣчаетъ какъ будто бы ея мелко-буржуазнаго содержанія.

Нельзя не остановиться еще по поводу V главы на „законѣ среднихъ потребностей" г. Щербины. Это важно для оцѣнки мальтузіанства г. Струве, которое рельефно выступаетъ въ VI главѣ. „Законъ" состоитъ въ томъ, что при группировкѣ крестьянъ по *надѣлу* получается очень мало колеблющаяся (по группамъ) средняя величина потребностей крестьянской семьи (т.-е. расходовъ на разныя нужды), причемъ расходы г. Щербина расчисляетъ на одну душу населенія.

Г. Струве съ удовольствіемъ подчеркиваетъ, что этотъ „законъ" „имѣетъ огромное значеніе", такъ какъ, дескать, подтверждаетъ „общеизвѣстный" законъ Мальтуса, что „благосостояніе и размноженіе населенія опредѣляется доступными ему средствами существованія".

Непонятно, почему обрадовался этому закону г. Струве. Непонятно, какимъ образомъ можно усматривать „законъ", да еще съ „огромнымъ значеніемъ", въ расчетахъ г. Щербины. Очень естественно, что при неособенно большихъ различіяхъ въ образѣ жизни отдѣльныхъ крестьянскихъ семей мы получаемъ мало колеблющіяся среднія, если разобьемъ крестьянъ по группамъ; особенно, если за основаніе при дѣленіи на группы возьмемъ размѣръ надѣла, не опредѣляющій непосредственно благосостоянія семьи (такъ какъ надѣлъ можетъ быть сданъ, а можетъ быть и

чно арендована земля) и достающійся одинаково и богатому и бѣдному крестьянину, владѣющимъ одинаковымъ числомъ окладныхъ душъ. Расчеты г. Щербины только и доказываютъ, что онъ избралъ неудачный пріемъ группировки. Если г. Щербина видитъ тутъ какой-то открытый имъ законъ, то это совсѣмъ странно. Не менѣе странно усматривать тутъ подтвержденіе закона Мальтуса, какъ будто бы по величинѣ надѣла можно было судить о „доступныхъ крестьянину средствахъ существованія“, не принимая во вниманіе ни аренды, ни „заработковъ“, ни экономической зависимости крестьянина отъ помѣщика и скупщика. По поводу этого „закона“ г. Щербины (изложеніе его у г. Щербины показываетъ, что самъ авторъ „закона“ придаетъ невѣроятно большое значеніе своимъ ничего не доказывающимъ среднимъ цифрамъ) г. Струве говоритъ: „Народное производство“ въ данномъ случаѣ означаетъ просто хозяйство безъ приложенія наемнаго труда. Что при такой организаціи хозяйства „прибавочная стоимость“ остается въ рукахъ производителя — это безспорно“ (176). И авторъ указываетъ, что при низкой производительности труда это не мѣшаетъ представителю такого „народнаго производства“ жить хуже рабочаго. Увлеченіе мальтузіанствомъ привело автора къ неточной формулировкѣ вышеписаннаго положенія. Торговый и ростовщическій *капиталъ* подчиняетъ себѣ трудъ въ каждой русской деревнѣ и — не обращая производителя въ наемнаго рабочаго — отнимаетъ у него не меньше прибавочной стоимости, чѣмъ капиталъ индустріальный беретъ у работника. Г. Струве справедливо указалъ выше, что капиталистическое производство наступаетъ съ того момента, когда между производителемъ становится *капиталистъ*, хотя бы онъ только покупалъ у самостоятельнаго (по виду) производителя готовый товаръ (стр. 99 и пр. 2), и изъ русскихъ „самостоятельныхъ“ производителей было бы не легко найти такихъ, которые не работаютъ на капиталиста (купца, скупщика, кулака и пр.). Одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ народниковъ состоитъ въ томъ, что они не видятъ тѣснѣйшей и неразрывной связи между капиталистической организаціей русскаго общественнаго хозяйства и полновластнымъ господствомъ въ деревнѣ торговаго капитала. Поэтому замѣчательно вѣрно говоритъ авторъ, что „самое словосочетаніе“ — народное производство, въ томъ смыслѣ, какъ его употребляютъ гг. народники, не отвѣчаетъ никакому реальному историческому порядку. У насъ въ Россіи до 1861 года „народное производство“ было тѣсно связано съ крѣпостнымъ правомъ, а затѣмъ, послѣ 1861 года, ускореннымъ темпомъ происходило развитіе товарнаго хозяйства, которое не могло не искажать чистоты „народнаго производства“ (177). Когда народникъ говоритъ, что принадлежность производителю средствъ производства — исконное начало русскаго быта, онъ просто-напросто извращаетъ исторію въ угоду своей утопіи, извращаетъ посредствомъ словеснаго ухищренія: при крѣпостномъ правѣ средства производства давались производителю помѣщикомъ *для того, чтобы* производитель могъ отрабатывать на него барщину; надѣлъ былъ

какъ бы натуральной заработной платой, — „исконнымъ" средствомъ присвоенія прибавочнаго продукта. Разрушеніе крѣпостного права вовсе не было „освобожденіемъ" производителя; оно означало только *перемѣну формы* прибавочнаго продукта. Если гдѣ-нибудь въ Англіи паденіе крѣпостного права создало дѣйствительно самостоятельныхъ и свободныхъ крестьянъ, то наша реформа сразу совершила переходъ отъ „позорнаго" крѣпостного прибавочнаго продукта къ „свободной" буржуазной сверхстоимости.

ГЛАВА IV.

Объясненіе нѣкоторыхъ чертъ пореформенной экономики Россіи у г. Струве.

Послѣдняя (шестая) глава книги у г. Струве посвящена самому важному вопросу—экономическому развитію Россіи. Теоретическое содержаніе ея распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи, его характеръ и причины; 2) разложеніе крестьянства, его значеніе и причины; 3) роль промышленнаго капитализма въ разореніи крестьянства; 4) частновладѣльческое хозяйство; характеръ его развитія, и 5) вопросъ о рынкахъ для русскаго капитализма. Прежде чѣмъ перейти къ разбору аргументаціи г. Струве по каждому изъ этихъ вопросовъ, остановимся на замѣчаніяхъ его о крестьянской реформѣ.

Авторъ заявляетъ протестъ противъ „идеалистическаго" ея пониманія и указываетъ на потребности государства, которыя требовали подъема производительности труда, на *выкупъ*, на давленіе „снизу". Жаль, что авторъ не договорилъ своего законнаго протеста до конца. Народники объясняютъ реформу развитіемъ въ „обществѣ" „гуманныхъ" и „освободительныхъ" идей. Фактъ этотъ несомнѣненъ, но объяснять имъ реформу значитъ впадать въ безсодержательную тавтологію, сводя „освобожденіе" къ „освободительнымъ" идеямъ. Для матеріалиста необходимо особое разсмотрѣніе *содержанія* тѣхъ мѣропріятій, которыя во имя идей были осуществлены. Не было въ исторіи ни одной важной „реформы", хотя бы и носившей классовый характеръ, въ пользу которой не приводились бы высокія слова и высокія идеи. Точно также и въ крестьянской реформѣ. Если обратить вниманіе на дѣйствительное содержаніе произведенныхъ ею перемѣнъ, то окажется, что характеръ ихъ таковъ: часть крестьянъ была обезземелена, и — главное — остальнымъ крестьянамъ, которымъ была оставлена часть ихъ земель, пришлось *выкупать* ее, какъ совершенно чужую вещь, у помѣщиковъ, и при томъ еще выкупать по цѣнѣ, искусственно поднятой. Такія реформы не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ облекались теоріями „свободы" и „равенства", и было уже показано въ „Капиталѣ", что почвой, взростившей идеи свободы и равенства, было именно товарное

производство. Во всякомъ случаѣ, какъ ни сложенъ былъ тотъ бюрократическій механизмъ, который проводилъ реформу въ Россіи, какъ ни далекъ онъ былъ, *повидимому* *), отъ самой буржуазіи, — остается неоспоримымъ, что на почвѣ *такой* реформы только и могли вырости *порядки буржуазные*. Г. Струве совершенно справедливо указываетъ, что ходячее противоположеніе русской крестьянской реформы западно-европейскимъ неправильно: „совершенно невѣрно *(въ столь общей формѣ)* утвержденіе, что въ Западной Европѣ крестьяне были освобождены безъ земли или, другими словами, обезземелены законодательнымъ путемъ" (196). Я подчеркиваю слова: „въ столь общей формѣ", такъ какъ обезземеленіе крестьянъ законодательнымъ путемъ—несомнѣнный историческій фактъ всюду, гдѣ была произведена крестьянская реформа, но это фактъ не всеобщій, ибо *часть* крестьянъ, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, *выкупила* землю у помѣщиковъ па Западѣ, выкупаетъ и у насъ. Только буржуа способны затушевывать этотъ фактъ *выкупа* и толковать о томъ, будто „освобожденіе крестьянъ съ землей **) сдѣлало изъ Россіи tabula rasa" (слова нѣкоего г. Яковлева, „отъ души привѣтствуемыя" г. Михайловскимъ — см. стр. 10 у П. Струве).

I.

Перейдемъ къ теоріи г. Струве о „характерѣ перенаселенія въ земледѣльческой Россіи". Это — одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, въ которыхъ г. Струве отступаетъ отъ „доктрины" марксизма къ доктринѣ мальтузіанства. Сущность его взглядовъ, развиваемыхъ имъ въ полемикѣ противъ г. Н.—она, состоитъ въ томъ, что перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи — „не капиталистическое, а, такъ сказать, простое, соотвѣтствующее натуральному хозяйству" ***).

Такъ какъ г. Струве говоритъ, что его возраженіе г. —ону „вполнѣ совпадаетъ съ общимъ возраженіемъ Ф. А. Ланге противъ теоріи относительнаго перенаселенія Маркса" (183, пр.), то мы и обратимся сначала къ этому „общему возраженію" Ланге для его провѣрки.

Ланге разсуждаетъ о законѣ народонаселенія Маркса въ своемъ „Рабочемъ вопросѣ" въ главѣ V (русскій переводъ, стр. 142 — 178). Онъ начинаетъ съ основного положенія Маркса, что „вообще каждому исторически особенному способу производства соотвѣтствуетъ свой собственный законъ возрастанія народонаселенія, имѣющій только историческое значеніе. Абстрактный

*) На самомъ дѣлѣ, какъ было указано выше, этотъ механизмъ только и могъ служить буржуазіи и по своему составу и по своему историческому происхожденію.

**) Ежели бы говорить правду, то слѣдовало бы сказать: предоставленіе *части* крестьянъ *выкупать* у помѣщиковъ *часть* ихъ надѣльной земли *за двойную цѣну*. И даже еще не годится слово «предоставленіе», потому что за отказъ крестьянина отъ такого «обезпеченія надѣломъ» ему грозила порка въ волостномъ правленіи.

***) Такъ формулируетъ г. Струве въ своей статьѣ въ «Socialpolitisches Centralblatt» (1893, № 1, отъ 2 окт.). Онъ прибавляетъ, что не считаетъ этого взгляда «мальтузіанскимъ».

законъ размноженія существуетъ только для растеній и животныхъ". Ланге говоритъ на это:

„Да будетъ намъ позволено замѣтить, что и для растеній и животныхъ, строго говоря, не существуетъ никакого „абстрактнаго" закона размноженія, такъ какъ вообще абстракція есть только выдѣленіе въ цѣломъ рядѣ однородныхъ явленій" (143), и Ланге съ подробностью разъясняетъ Марксу, что такое абстракція. Очевидно, что онъ просто не понялъ смысла заявленія Маркса. Марксъ противополагаетъ въ этомъ отношеніи человѣка — растеніямъ и животнымъ на томъ основаніи, что первый живетъ въ *различныхъ*, исторически смѣняющихся, *соціальныхъ организмахъ*, опредѣляемыхъ системой общественнаго производства, а, слѣдовательно, и распредѣленія. Условія размноженія человѣка непосредственно зависятъ отъ устройства различныхъ соціальныхъ организмовъ, и потому законъ народонаселенія надо изучать для каждаго такого организма отдѣльно, а не „абстрактно", безъ отношенія къ историческимъ различнымъ формамъ общественнаго устройства. Разъясненіе Ланге, что абстракція есть выдѣленіе общаго изъ *однородныхъ* явленій, обращается цѣликомъ противъ него самого: мы можемъ считать однородными условіями существованія только животныхъ и растеній, но никакъ не человѣка, разъ мы знаемъ, что онъ жилъ въ различныхъ по типу своей организаціи соціальныхъ союзахъ.

Изложивши затѣмъ теорію Маркса объ относительномъ перенаселеніи въ капиталистической странѣ, Ланге говоритъ: „Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта теорія порываетъ длинную нить, проходящую черезъ всю органическую природу вплоть до человѣка, что она объясняетъ основанія рабочаго вопроса такъ, какъ будто общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода для нашей цѣли, т.-е. для пониманія рабочаго вопроса, вполнѣ излишни" *) (154).

Нити, проходящей черезъ всю органическую природу вплоть до человѣка, теорія Маркса нимало не прерываетъ: она требуетъ только, чтобы „рабочій вопросъ" — такъ какъ таковой существуетъ лишь въ капиталистическомъ обществѣ — рѣшался не на основаніи „общихъ изысканій" о размноженіи человѣка, а на основаніи особенныхъ изысканій о законахъ капиталистическихъ отношеній. Но Ланге другого мнѣнія. „Въ дѣйствительности же — говоритъ онъ — это не такъ. Прежде всего ясно, что фабричный трудъ уже въ первыхъ начаткахъ своихъ предполагаетъ *нищету*" (154). И Ланге посвящаетъ полторы страницы доказательствамъ этого положенія, которое очевидно само собой и которое ни на волосъ не двигаетъ насъ впередъ: во-первыхъ, мы знаемъ, что капитализмъ самъ создаетъ нищету еще ранѣе той стадіи его развитія, когда производство принимаетъ фабричную форму, ранѣе

---

*) И въ чемъ могутъ состоять эти «общія изысканія»? Если они будутъ игнорировать особенныя экономическія формаціи человѣческаго общества,—они сведутся къ банальностямъ. А если они должны обнять нѣсколько формацій, тогда очевидно, что имъ должны предшествовать особенныя изысканія о каждой формаціи отдѣльно.

того, какъ машины создаютъ избыточное населеніе; во-вторыхъ, и предшествующая капитализму форма общественнаго устройства — феодальная, крѣпостническая сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наслѣдству капитализму.

„Но даже съ такимъ могучимъ помощникомъ (т.-е. съ нуждой) первому предпринимателю лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается переманить значительное количество рабочихъ силъ къ новому роду дѣятельности. Обыкновенно дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ мѣстности, гдѣ фабричная промышленность отвоевала уже себѣ права гражданства, предприниматель привозитъ съ собой контингентъ рабочихъ; къ нему онъ присоединяетъ нѣсколько бобылей *), не имѣющихъ въ данный моментъ работы, и дальнѣйшее пополненіе наличнаго фабричнаго контингента производится уже среди *подростающаго юношества*" (156). Два послѣднія слова Ланге пишетъ курсивомъ. Очевидно, „общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода" выразились именно въ томъ положеніи, что фабрикантъ набираетъ новыхъ рабочихъ изъ „подростающаго юношества", а не изъ увядающей старости. Добрый Ланге на цѣлой страницѣ еще (157) продолжаетъ эти „общія изысканія", разсказывая читателю, что родители стремятся обезпечить своихъ дѣтей, — что досужіе моралисты напрасно осуждаютъ стремленіе выбиться изъ того состоянія, въ которомъ родился, что стремиться пристроить дѣтей къ собственному заработку — вполнѣ естественно. Только преодолѣвъ всѣ эти разсужденія, умѣстныя развѣ въ прописяхъ, доходимъ мы до дѣла.

„Въ земледѣльческой странѣ, почва которой принадлежитъ мелкимъ и крупнымъ владѣльцамъ, неизбѣжно возникаетъ, если только въ народныхъ нравахъ не укрѣпилась тенденція добровольнаго ограниченія рожденій, постоянный избытокъ рабочихъ рукъ и потребителей, желающихъ существовать на произведенія данной территоріи" (157—8). Это чисто мальтузіанское положеніе Ланге просто выставляетъ, безъ всякихъ доказательствъ. Онъ повторяетъ его еще и еще разъ, говоря, что „во всякомъ случаѣ, перенаселеніе такой страны, хотя бы оно абсолютно и было очень рѣдко, представляетъ обыкновенно признаки абсолютнаго перенаселенія", что „на рынкѣ *постоянно преобладаетъ* предложеніе труда, между тѣмъ какъ спросъ остается незначительнымъ", (158), — но все это остается совершенно голословнымъ. Откуда это слѣдуетъ, чтобы „избытокъ рабочихъ" получался дѣйствительно „неизбѣжно"? Откуда явствуетъ связь этого избытка съ отсутствіемъ въ народныхъ нравахъ тенденціи добровольнаго ограниченія рожденій? Не слѣдовало ли, прежде чѣмъ разсуждать о „народныхъ нравахъ", посмотрѣть на тѣ производственныя отношенія, въ которыхъ живетъ этотъ народъ? Представимъ себѣ, напримѣръ, что мелкіе и крупные владѣльцы, о которыхъ гово-

*) Между прочимъ, откуда взялись эти бобыли? Вѣроятно, по мнѣнію Ланге, это не остатокъ крѣпостныхъ порядковъ и не продуктъ господства капитала, а результатъ того, что «въ народныхъ нравахъ не укрѣпилась тенденція добровольнаго ограниченія рожденій» (стр. 157)?

ритъ Ланге, были соединены по производству матеріальныхъ цѣнностей такимъ образомъ: мелкіе владѣльцы получали отъ крупныхъ земельные надѣлы на свое содержаніе и за это работали на крупныхъ барщину, обработывая ихъ поля. Представимъ далѣе, что эти отношенія разрушены, что гуманныя идеи до того закружили голову крупнымъ владѣльцамъ, что они „освободили своихъ крестьянъ съ землей", т.-е. отрѣзали у нихъ, примѣрно, 20% надѣловъ, а за остальные 80% заставили платить покупную цѣну земли, повышенную вдвое. Понятно, что эти крестьяне, обезпеченные такимъ образомъ отъ „язвы пролетаріата", по прежнему должны работать на крупныхъ владѣльцевъ, чтобы существовать, но работаютъ они теперь уже не по наряду крѣпостного бурмистра, какъ прежде, а по свободному договору — слѣдовательно, перебиваютъ другъ у друга работу, такъ какъ теперь они уже вмѣстѣ не связаны и каждый хозяйничаетъ за свой счетъ. Этотъ порядокъ перебиванія работы неизбѣжно вытолкнетъ нѣкоторыхъ крестьянъ, и такъ какъ они вслѣдствіе уменьшенія надѣловъ и увеличенія платежей стали слабѣе по отношенію къ помѣщику, то конкурренція ихъ увеличитъ норму прибавочнаго продукта, и помѣщикъ обойдется меньшимъ числомъ крестьянъ. Сколько бы ни укрѣплялась въ народныхъ нравахъ тенденція добровольнаго ограниченія рожденій,— образованіе „избытка" все равно неизбѣжно. Разсужденіе Ланге, игнорирующее общественно-экономическія отношенія, служитъ только наглядным доказательствомъ негодности его пріемовъ. А Ланге ничего не даетъ еще кромѣ такихъ же разсужденій. Онъ говоритъ, что фабриканты охотно переносятъ производство въ деревенскую глушь по той причинѣ, что тамъ *„всегда имѣется наготовѣ потребное количество дѣтскаго труда для любого дѣла"* (161), не изслѣдуя, какая исторія, какой способъ общественнаго производства создалъ эту „готовность" родителей отдавать своихъ дѣтей въ кабалу. Его пріемы всего рельефнѣе выясняются на такомъ его разсужденіи: онъ цитируетъ Маркса, который говоритъ, что машинная индустрія, давая возможность капиталу покупать трудъ женщинъ и дѣтей, дѣлаетъ рабочаго „работорговцемъ".

„Такъ вотъ къ чему клонилась рѣчь!" — побѣдоносно восклицаетъ Ланге. — „Но развѣ можно думать, что рабочій, который изъ нужды продаетъ свою собственную рабочую силу, такъ легко перешелъ бы и къ торговлѣ женой и дѣтьми, если бы его и къ этому шагу не побуждали, съ одной стороны, нужда, а съ другой — соблазнъ"? (163).

Добрый Ланге довелъ свое усердіе до того, что защищаетъ рабочаго отъ Маркса, доказывая Марксу, что рабочаго „толкаетъ нужда".

„. . Да что же иное въ сущности представляетъ собою эта, все дальше развивающаяся нужда, какъ не метаморфозу борьбы за существованіе"? (163).

Вотъ къ какимъ открытіямъ приводятъ „общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода"! Узнаемъ ли мы хоть что-нибудь о причинахъ „нужды",

объ ея политико-экономическомъ содержаніи и ходѣ развитія, если намъ говорятъ, что это—метаморфоза борьбы за существованіе? Вѣдь это можно сказать про все, что угодно, и про отношенія рабочаго къ капиталисту, и землевладѣльца къ фабриканту и къ крѣпостному крестьянину и т. д. и т. д. Ничего, кромѣ подобныхъ безсодержательныхъ банальностей или наивностей, не даетъ намъ попытка Ланге исправить Маркса. Посмотримъ теперь, что даетъ въ подкрѣпленіе этой поправки послѣдователь Ланге, г. Струве, па разсужденіи о конкретномъ вопросѣ, именно о перенаселеніи въ земледѣльческой Россіи.

Товарное производство—начинаетъ г. Струве—увеличиваетъ емкость страны. „Обмѣнъ проявляетъ такое дѣйствіе не только путемъ полной технической и экономической реорганизаціи производства, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда и техника производства остается па прежней ступени, и натуральное хозяйство удерживаетъ, въ общей экономіи населенія, прежнюю доминирующую роль. Но въ этомъ случаѣ послѣ короткаго оживленія совершенно неизбѣжно наступаетъ „перенаселеніе“; въ немъ, однако, товарное производство если и виновато, то только: 1) какъ *возбудитель*, 2) какъ усложняющій моментъ“ (182). Перенаселеніе наступило бы и безъ товарнаго хозяйства: оно носитъ капиталистическій характеръ.

Вотъ тѣ положенія, которыя выставляетъ авторъ. Съ самаго начала они поражаютъ той же голословностью, какую мы видѣли у Ланге: утверждается, что натурально-хозяйственное перенаселеніе неизбѣжно, но не поясняется, какимъ именно процессомъ оно создается. Обратимся къ тѣмъ фактамъ, въ которыхъ авторъ находитъ подтвержденіе своихъ взглядовъ.

Данныя за 1762—1846 годъ показываютъ, что населеніе въ общемъ размножилось вовсе не быстро: ежегодный прирость—1,07—1,5%. При этомъ быстрѣе размножилось оно, по словамъ Арсеньева, въ губерніяхъ „хлѣбопашественныхъ“. „Фактъ“ этотъ, заключаетъ г. Струве, „чрезвычайно характеренъ для примитивныхъ формъ народнаго хозяйства, гдѣ размноженіе стоитъ въ непосредственной зависимости отъ естественнаго плодородія, зависимости, которую можно, такъ сказать, осязать руками“. Это — дѣйствіе „закона соотвѣтствія между размноженіемъ населенія и средствами существованія“ (185). „Чѣмъ шире земельный просторъ и чѣмъ выше естественное плодородіе земли, тѣмъ больше естественный прирость населенія“ (186). Выводъ совершенно бездоказательный: на основаніи одного того факта, что въ губерніяхъ центральной области Европ. Россіи населеніе всего менѣе возросло съ 1790 по 1846 годъ, во Владимірской и Калужской губерніяхъ, строится цѣлый законъ о соотвѣтствіи между размноженіемъ населенія и средствами существованія. Да развѣ по „земельному простору“ можно судить о средствахъ существованія населенія? (Если бы даже и признать, что столь немногочисленныя данныя позволяютъ дѣлать общіе выводы). Вѣдь „населеніе“ это не прямо обращало на себя добытыя имъ продукты „естественнаго плодородія“: оно дѣлилось ими съ

помѣщиками, съ государствомъ. Не ясно ли, что та или иная система помѣщичьяго хозяйства,—оброкъ или барщина, размѣръ повинностей и способы ихъ взиманія и т. д. — неизмѣримо болѣе вліяли на величину достающихся населенію „средствъ существованія", чѣмъ земельный просторъ, находившійся не въ исключительномъ и свободномъ владѣніи производителей? Да мало этого. Независимо отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя выражались въ крѣпостномъ правѣ, населеніе связано было и тогда обмѣномъ: „отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія—справедливо говоритъ авторъ—т.-е. общественное, національное раздѣленіе труда существовало и въ дореформенную эпоху" (189). Спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ должны мы думать, что „средства существованія" были менѣе обильны у владимірскаго кустаря или прасола, жившихъ на болотѣ, чѣмъ у тамбовскаго сѣраго земледѣльца со всѣмъ его „естественнымъ плодородіемъ земли"?

Затѣмъ г. Струве приводитъ данныя объ уменьшеніи крѣпостного населенія передъ освобожденіемъ. Экономисты, мнѣніе которыхъ онъ сообщаетъ, приписываютъ это явленіе „упадку благосостоянія" (189). Авторъ заключаетъ:

„Мы остановились на фактѣ уменьшенія числа крѣпостного населенія передъ освобожденіемъ, потому что онъ — по нашему мнѣнію — бросаетъ яркій свѣтъ на экономическое положеніе Россіи въ ту эпоху. Значительная часть страны была... насыщена населеніемъ при данныхъ технико-экономическихъ и соціально-юридическихъ условіяхъ: послѣднія были прямо неблагопріятны для сколько-нибудь быстраго размноженія почти 40% всего населенія" (189). При чемъ же тутъ „законъ" Мальтуса о соотвѣтствіи размноженія со средствами существованія, когда крѣпостническіе общественные порядки направляли эти средства существованія въ руки кучки крупныхъ землевладѣльцевъ, минуя массу населенія, размноженіе которой подвергается изученію? Можно ли признать какую-нибудь цѣну за такимъ, напримѣръ, соображеніемъ автора, что наименьшій приростъ оказался или въ малоплодородныхъ губерніяхъ со слабымъ развитіемъ промышленности, или въ густо населенныхъ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ? Г. Струве хочетъ видѣть въ этомъ проявленіе „некапиталистическаго перенаселенія", которое должно было бы наступить и безъ товарнаго хозяйства, которое „соотвѣтствуетъ натуральному хозяйству". Но съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ, можно было бы сказать, что это перенаселеніе соотвѣтствуетъ крѣпостному хозяйству, что медленный ростъ населенія всего болѣе зависѣлъ отъ того усиленія эксплуатаціи крестьянскаго труда, которое произошло вслѣдствіе роста товарнаго производства въ помѣщичьихъ хозяйствахъ вслѣдствіе того, что они стали употреблять барщинный трудъ на производство хлѣба *для продажи*, а не на свои только потребности. Примѣры автора говорятъ противъ него: они говорятъ о невозможности построить абстрактный законъ народонаселенія по формулѣ о соотвѣтствіи размноженія со средствами существованія, игно-

рируя исторически особыя системы общественныхъ отношеній и стадіи ихъ развитія.

Переходя къ пореформенной эпохѣ, г. Струве говоритъ: „Въ исторіи населенія послѣ паденія крѣпостного права мы видимъ ту же основную черту, что и до освобожденія. Энергія размноженія въ общемъ стоитъ въ прямой зависимости отъ земельнаго простора и земельнаго надѣла“ (198). Это доказывается табличкой, группирующей крестьянъ по размѣру надѣла и показывающей, что приростъ населенія тѣмъ больше, чѣмъ больше размѣръ надѣла. „*Да оно и не можетъ быть иначе при условіи натуральнаго* „самопотребительнаго“... хозяйства, служащаго прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ самого производителя“ (199).

Дѣйствительно, *если бы это было такъ*, если бы надѣлы служили прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ производителя, если бы они представляли единственный источникъ удовлетворенія этихъ нуждъ, — тогда и только тогда можно было бы выводить изъ подобныхъ данныхъ общій законъ размноженія. Но мы знаемъ, что это не такъ. Надѣлы служатъ „прежде всего“ для удовлетворенія нуждъ помѣщиковъ и государства: они отбираются отъ владѣльцевъ, если эти „нужды“ не удовлетворяются въ срокъ; они облагаются платежами, превышающими ихъ доходность. Далѣе, это—не единственный рессурсъ крестьянина. Дефицитъ въ хозяйствѣ — говоритъ авторъ — долженъ превентивно и репрессивно отражаться на населеніи. Отхожіе промыслы, отвлекая взрослое мужское населеніе, сверхъ того задерживаютъ размноженіе (199). Но если дефицитъ надѣльнаго хозяйства покрытъ арендой или промысловымъ заработкомъ, то средства существованія крестьянина могутъ оказаться вполнѣ достаточными для „энергичнаго размноженія“. Безспорно, что такъ благопріятно обстоятельства могутъ сложиться лишь для меньшинства крестьянъ, но — при отсутствіи спеціальнаго разбора производственныхъ отношеній внутри крестьянства — ниоткуда не видно, чтобы этотъ приростъ шелъ равномѣрно, чтобы онъ вызывался преимущественно благосостояніемъ меньшинства. Наконецъ, авторъ самъ ставитъ условіемъ доказательности своего положенія — натуральное хозяйство, а послѣ реформы, по его собственному признанію, широкой волной проникло въ прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что *для установленія общаго закона размноженія* данныя автора абсолютно недостаточны. Мало того — абстрактная „простота“ этого закона, предполагающаго, что средства производства въ разсматриваемомъ обществѣ „служатъ прежде всего для непосредственнаго удовлетворенія нуждъ самого производителя“, даетъ совершенно неправильное, ничѣмъ недоказанное освѣщеніе въ высшей степени сложнымъ фактамъ. Напримѣръ, послѣ освобожденія — говоритъ г. Струве—помѣщикамъ выгодно было сдавать крестьянамъ земли въ аренду. „Такимъ образомъ, пищевая площадь, доступная крестьянству, т.-е. его средства существованія, увеличилась“ (200). Это прямолинейное отношеніе всей аренды на

счетъ „пищевой площади“ совершенно голословно и невѣрно. Авторъ самъ указываетъ, что помѣщики брали себѣ львиную долю продукта, производимаго на ихъ землѣ (200), такъ что еще вопросъ, не ухудшила ли такая аренда (за отработки, напримѣръ) положеніе арендаторовъ, не возлагала ли она на нихъ обязательствъ, приводившихъ въ концѣ концовъ къ уменьшенію пищевой площади. Далѣе, авторъ самъ указываетъ, что аренда подъ силу лишь зажиточнымъ (216) крестьянамъ, въ рукахъ которыхъ она должна явиться скорѣе средствомъ расширенія товарнаго хозяйства, чѣмъ укрѣпленія „самопотребительскаго“. Если бы даже было доказано, что въ общемъ аренда улучшила положеніе „крестьянства“, то какое значеніе могло бы имѣть это обстоятельство, когда, по словамъ самого автора, бѣдняки разорялись арендами (216), т.-е. это улучшеніе для однихъ означало ухудшеніе для другихъ? Въ крестьянской арендѣ, очевидно, переплетаются старыя, крѣпостническія отношенія и новыя, капиталистическія; абстрактное разсужденіе автора, не принимающее во вниманіе ни тѣхъ, ни другихъ, не только не помогаетъ разобраться въ этихъ отношеніяхъ, а напротивъ, запутываетъ дѣло.

Остается еще одно указаніе автора на данныя, подтверждающія, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что „старое слово *малоземелье* есть только общежитейскій терминъ для того явленія, которое наука называетъ перенаселеніемъ“ (186). Авторъ какъ бы опирается, такимъ образомъ, на всю нашу народническую литературу, которая безспорно установила тотъ фактъ, что крестьянскіе надѣлы „недостаточны“, которая тысячи разъ „подкрѣпляла“ свои пожеланія о „расширеніи крестьянскаго землевладѣнія“ такимъ „простымъ“ соображеніемъ: населеніе увеличилось — надѣлы измельчали — естественно, что крестьяне разоряются. Едва ли, однако, это избитое народническое разсужденіе о „малоземельи“ имѣетъ какое-нибудь научное значеніе*), едва ли оно можетъ годиться на что-нибудь иное, кромѣ какъ на „благонамѣренныя рѣчи“ въ комиссіи по вопросу о безболѣзненномъ шествованіи отечества по правильному пути. Въ этомъ разсужденіи за деревьями не видно лѣса, за внѣшними контурами явленія не видно основного общественно-экономическаго фона картины. Принадлежность огромнаго земельнаго фонда представителямъ „старо-дворянскаго“ уклада — съ одной стороны, пріобрѣтеніе земли покупкой, съ другой — вотъ тотъ основной фонъ, при которомъ всякое „расширеніе землевладѣнія“ останется жалкимъ палліативомъ. И народническія разсужденія о малоземельи, и Мальтусовы „законы“ о соотвѣтствіи размноженія со средствами существованія грѣшатъ именно своей абстрактной „простотой“, игнорирующей данныя, конкретныя общественно-экономическія отношенія.

*) Т.-е. это разсужденіе совершенно непригодно для *объясненія* разоренія крестьянства и перенаселенія, хотя самый фактъ «недостаточности» стоитъ внѣ спора, равно какъ и обостреніе его вслѣдствіе роста населенія. Требуется не констатировать фактъ, а объяснить, откуда онъ вышелъ.

Этотъ обзоръ аргументовъ г. Струве приводитъ насъ къ тому выводу, что положеніе его, будто перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи объясняется несоотвѣтствіемъ размноженія со средствами существованія, рѣшительно ничѣмъ не доказано. Свои аргументы онъ заключаетъ такимъ образомъ: „И вотъ передъ нами картина натурально-хозяйственнаго перенаселенія, осложненнаго товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаслѣдованными отъ соціальнаго строя крѣпостной эпохи“ (200). Конечно, про всякій экономическій фактъ, происходящій въ странѣ, которая переживаетъ переходъ отъ „натуральнаго“ хозяйства къ „товарному“, можно сказать, что это—явленіе „натурально-хозяйственное, осложненное товарно-хозяйственными моментами“. Можно и наоборотъ сказать: „товарно-хозяйственное явленіе, осложненное натурально-хозяйственными моментами“, — но все это не въ состояніи дать не только „картины“, но даже и малѣйшаго представленія о томъ, *какъ именно* создается перенаселеніе на почвѣ *данныхъ общественно-экономическихъ отношеній.* Окончательный выводъ автора противъ г. Н.—она и его теоріи капиталистическаго перенаселенія въ Россіи гласитъ: „Наши крестьяне производятъ недостаточно пищи“ (237).

Земледѣльческое производство крестьянъ до сихъ поръ даетъ продукты, идущіе помѣщикамъ, получающимъ чрезъ посредство государства выкупные платежи; оно служитъ постоянымъ объектомъ операцій торговаго и ростовщическаго *капитала*, отбирающаго громадныя доли продукта у преобладающей массы крестьянства; наконецъ, среди самого „крестьянства“ это производство распредѣлено такъ сложно, что общій и средній плюсъ (аренда) оказывается для массы минусомъ, и всю эту сѣть общественныхъ отношеній г. Струве разрубаетъ, какъ Гордіевъ узелъ, абстрактнымъ и голословнѣйшимъ рѣшеніемъ: „недостаточно производство“. Нѣтъ, эта теорія не выдерживаетъ никакой критики: она только загромождаетъ то, что подлежитъ изслѣдованію,—производственныя отношенія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ крестьянъ. Мальтузіанская формула изображаетъ дѣло такъ, какъ будто передъ нами tabula rasa, а не крѣпостническія и буржуазныя отношенія, переплетающіяся въ современной организаціи русскаго крестьянскаго хозяйства.

Разумѣется, мы никакъ не можемъ удовлетвориться одной критикой взглядовъ г. Струве. Мы должны еще задаться вопросомъ: въ чемъ основаніе его ошибки, и кто изъ противниковъ (г. Н.—онъ и г. Струве) правъ въ своихъ объясненіяхъ перенаселенія?

Г. Н. — онъ основываетъ свое объясненіе перенаселенія на фактѣ „освобожденія“ массы рабочихъ вслѣдствіе капитализаціи промысловъ. При этомъ онъ приводитъ только данныя о ростѣ крупной фабрично-заводской промышленности и оставляетъ безъ вниманія параллельный фактъ роста кустарныхъ промысловъ, выражающій углубленіе общественнаго раздѣленія труда*). Онъ

---

*) Извѣстенъ фактъ роста нашихъ кустарныхъ промысловъ и появленіе массы новыхъ послѣ реформы. Извѣстно также теоретическое объясненіе этого факта на ряду

переноситъ свое объясненіе на земледѣліе, даже и не пытаясь обрисовать точно его общественно-экономическую организацію и *степень ея развитія.*

Г. Струве указываетъ въ отвѣтъ на это, что „капиталистическое перенаселеніе въ смыслѣ Маркса тѣсно связано съ прогрессомъ техники (183), и такъ какъ онъ вмѣстѣ съ г. Н.—ономъ находитъ, что „техника“ крестьянскаго „хозяйства почти не прогрессировала“ (200),—то онъ и отказывается признать перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи капиталистическимъ и ищетъ другихъ объясненій.

Указаніе г. Струве въ отвѣтъ г. Н.—ону правильно. Капиталистическое перенаселеніе создается тѣмъ, что *капиталъ* овладѣваетъ производствомъ и, уменьшая число необходимыхъ (для производства даннаго количества продуктовъ) рабочихъ, создаетъ излишнее населеніе. Марксъ говоритъ о капиталистическомъ перенаселеніи въ земледѣліи слѣдующее:

„Какъ скоро капиталистическое производство овладѣваетъ сельскимъ хозяйствомъ или по мѣрѣ того, какъ оно овладѣваетъ имъ, спросъ на сельскихъ рабочихъ абсолютно уменьшается вмѣстѣ съ накопленіемъ функціонирующаго въ этой области капитала, причемъ выталкиваніе рабочихъ не сопровождается, какъ въ промышленности неземледѣльческой, большимъ привлеченіемъ ихъ. Поэтому часть сельскаго населенія постоянно готова перейти въ городское или мануфактурное населеніе*) (мануфактура — здѣсь въ смыслѣ всякой земледѣльческой промышленности). Этотъ источникъ относительнаго перенаселенія течетъ такимъ образомъ постоянно. Но его постоянное теченіе предполагаетъ уже въ деревнѣ постоянное скрытое перенаселеніе, размѣръ котораго становится виденъ только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. Въ силу этого сельскій рабочій вынужденъ ограничиваться минимумомъ заработной платы и постоянно стоитъ одной ногой въ болотѣ пауперизма“. („Das Kapital“, 2 Aufl. s. 668).

Г. Н.—онъ *не доказалъ* капиталистическаго характера перенаселенія въ земледѣльческой Россіи потому, что не поставилъ его въ связь съ капитализмомъ въ земледѣліи: ограничившись бѣглымъ и неполнымъ указаніемъ на капиталистическую эволюцію частновладѣльческаго хозяйства, онъ совершенно упустилъ изъ виду буржуазныя черты организаціи крестьянскаго хозяйства. Г. Струве слѣдовало исправить эту неудовлетворительность изложенія г. Н.—она, имѣющую очень важное значеніе, ибо игнорированіе капитализма въ земледѣліи, его господства и въ то же время его слабаго еще развитія, естественно повело къ

съ капитализаціей другихъ промысловъ, данное Марксомъ при объясненіи «созданія внутренняго рынка для промышленнаго капитала».

*) Между прочимъ. Наблюденіе этого факта и подало, вѣроятно, поводъ Ланге сочинить поправку къ теоріи Маркса, которую онъ недостаточно понялъ. Вмѣсто того, чтобы, анализируя этотъ фактъ, взять исходнымъ пунктомъ данный (капиталистическій) способъ общественнаго производства и слѣдить за его проявленіемъ въ земледѣліи, онъ вздумалъ сочинять изъ головы разныя особенности «народныхъ нравовъ».

теоріи объ отсутствіи или сокращеніи внутренняго рынка. Вмѣсто того, чтобы свести теорію г. Н—она къ конкретнымъ даннымъ нашего земледѣльческаго капитализма, г. Струве впалъ въ другую ошибку, отрицая совершенно капиталистическій характеръ перенаселенія.

Вторженіемъ *капитала* въ земледѣльческое хозяйство характеризуется вся пореформенная исторія. Помѣщики переходили (медленно или быстро это—другой вопросъ) къ вольнонаемному труду, который получилъ весьма широкое распредѣленіе и опредѣлилъ собой даже характеръ преобладающей части крестьянскихъ заработковъ; они повышали технику и вводили въ употребленіе машины. Даже вымирающая крѣпостническая система хозяйства—отдача крестьянамъ земли за отработки—подвергалась буржуазному превращенію вслѣдствіе конкуренціи крестьянъ, поведшей къ ухудшенію положенія съемщиковъ, къ болѣе тяжелымъ условіямъ *) и, слѣдовательно, къ уменьшенію числа рабочихъ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ обнаружилось совершенно ясно разложеніе крестьянства на деревенскую буржуазію и пролетаріатъ. „Богатеи" расширяли запашку, улучшали хозяйство (ср. В. В. „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ") и вынуждены были прибѣгать къ наемному труду. Все это—давно установленные, общепризнанные факты, которые указываетъ, какъ сейчасъ увидимъ, и самъ г. Струве. Возьмемъ еще для иллюстраціи самый обыкновенный въ русской деревнѣ случай: „кулакъ" оттягалъ у „общины", вѣрнѣе, у сообщниковъ пролетарскаго типа, лучшій кусокъ надѣльной земли и ведетъ на немъ хозяйство трудомъ и инвентаремъ тѣхъ же „обезпеченныхъ надѣломъ" крестьянъ, которые опутаны долгами и обязательствами и привязаны къ своему благодѣтелю—для соціальнаго взаимоприспособленія и солидарной дѣятельности — силою излюбленныхъ народниками общинныхъ началъ. Его хозяйство ведется, конечно, лучше хозяйства разоренныхъ крестьянъ и требуетъ гораздо меньше рабочихъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда этотъ кусокъ былъ въ рукахъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ. Что подобные факты не единичны, а всеобщи, — этого ни одинъ народникъ отрицать не можетъ. Самобытность ихъ теорій состоитъ только въ томъ, что они не хотятъ назвать эти факты ихъ настоящимъ именемъ, не хотятъ видѣть, что они означаютъ *господство капитала въ земледѣліи.* Они забываютъ, что первичной формой *капитала* всегда и вездѣ былъ капиталъ торговый, денежный, что капиталъ всегда беретъ техническій процессъ производства такимъ, какимъ онъ его застаетъ, и лишь впослѣдствіи подвергаетъ его техническому преобразованію. Они не видятъ поэтому, что, „отстаивая" (словами, разумѣется,—не болѣе того) современные земледѣльческіе порядки отъ „грядущаго" (?!) капитализма, они

---

*) См., напримѣръ, Карышева («Итоги земской статистики», т. II, с. 266)—указаніе сборника по Ростовскому-на-Дону округу на постепенное уменьшеніе доли крестьянъ въ общинѣ. Тамъ же глава V, параграфъ 9—о доплатахъ крестьянъ трудомъ при надѣльной арендѣ.

отстаиваютъ только *средневѣковыя* формы капитала отъ натиска его новѣйшихъ, чисто буржуазныхъ формъ.

Такимъ образомъ, нельзя отрицать капиталистическаго характера перенаселенія Россіи, какъ нельзя отрицать господства капитала въ земледѣліи. Но совершенно нелѣпо, разумѣется, игнорировать *степень развитія капитала*, какъ это дѣлаетъ г. Н.—онъ, который въ своемъ увлеченіи представляетъ его почти завершившимся, и потому сочиняетъ теорію о сокращеніи или отсутствіи внутренняго рынка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ капиталъ, хотя уже и господствуетъ, но въ очень неразвитой сравнительной формѣ; до полнаго развитія, до полнаго отдѣленія производителя отъ средствъ производства еще много промежуточныхъ ступеней, и каждый шагъ впередъ земледѣльческаго капитализма означаетъ *ростъ* внутренняго рынка, который, по теоріи Маркса, именно земледѣльческимъ капитализмомъ и создается,—который въ Россіи не сокращается, а, напротивъ, складывается и развивается.

Далѣе, мы видимъ изъ этой, хотя бы и самой общей, характеристики нашего земледѣльческаго капитализма*), что онъ не покрываетъ собой *всѣхъ* общественно-экономическихъ отношеній въ деревнѣ. Рядомъ съ нимъ мы видимъ все еще и крѣпостническія отношенія — и въ хозяйственной области (напр., сдача отрѣзныхъ земель за отработки и взносы натурой—тутъ налицо всѣ признаки крѣпостническаго хозяйства: и натуральный „обмѣнъ услугъ" между производителемъ и владѣльцемъ средствъ производства, и эксплуатація производителя посредствомъ *прикрѣпленія* его къ землѣ, а не отдѣленія отъ средствъ производства), и еще болѣе въ соціальной и юридико-политической (обязательное обезпеченіе „надѣломъ", прикрѣпленіе къ землѣ, т.-е. отсутствіе свободы передвиженія, платежъ выкупныхъ, т.-е. того же оброка помѣщику, подчиненіе привилегированнымъ землевладѣльцамъ въ области суда и управленія и т. д.); эти отношенія тоже ведутъ, несомнѣнно, къ разоренію крестьянъ и къ безработицѣ, „перенаселенію" прикрѣпленныхъ къ землѣ батраковъ. Капиталистическая основа современныхъ отношеній не должна скрывать этихъ все еще могущественныхъ остатковъ „старо-дворянскаго" наслоенія, которые *еще не разрушены* капитализмомъ именно вслѣдствіе его неразвитости. Неразвитость капитализма, „отсталость Россіи", которую народники считаютъ „счастьемъ" **), является „счастьемъ" только для эксплуататоровъ благороднаго званія. Въ современномъ „перенаселеніи", кромѣ основныхъ капиталистическихъ чертъ, есть, слѣдовательно, еще крѣпостническія.

Если мы сравнимъ это послѣднее положеніе съ положеніемъ г-на Струве о томъ, что въ „перенаселеніи" есть натурально-хозяйственныя и товарно-хозяйственныя черты, то увидимъ, что первое не исключаетъ второго, а, напротивъ, включается въ него:

---

*) О немъ будетъ подробнѣе говориться ниже, по отношенію къ крестьянамъ и помѣщикамъ отдѣльно.

**) Г. Южаковъ въ «Р. Бог.».

крѣпостное право относится къ явленіямъ „натурально-хозяйственнымъ“, а капитализмъ къ „товарно-хозяйственнымъ“. Положеніе г. Струве съ одной стороны точно не указываетъ, какія именно *отношенія* натурально-хозяйственныя и какія товарно-хозяйственныя, а съ другой стороны ведетъ насъ назадъ къ голословнымъ и безсодержательнымъ „законамъ“ Мальтуса.

Изъ этихъ недостатковъ естественно вытекла неудовлетворительность послѣдующаго изложенія. „Какимъ же образомъ, — спрашиваетъ авторъ,—на какихъ началахъ *можетъ* быть реорганизовано наше народное хозяйство?“ (202). Странный вопросъ, формулированный опять-таки совершенно по-профессорски, совершенно такъ, какъ привыкли ставить вопросы гг. народники, констатирующіе неудовлетворительность настоящаго и выбирающіе лучшіе пути для отечества. „Наше народное хозяйство“ есть капиталистическое хозяйство, организація и „реорганизація“ котораго опредѣляется буржуазіей, „завѣдующей“ этимъ хозяйствомъ. Вмѣсто вопроса о возможной реорганизаціи и слѣдовало поставить вопросъ о послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія этого буржуазнаго хозяйства,—слѣдовало съ точки зрѣнія той именно теоріи, во имя которой авторъ такъ прекрасно отвѣчаетъ г. В. В., аттестующему г. Н.—она „несомнѣннымъ марксистомъ“, что этотъ „несомнѣнный марксистъ“ понятія не имѣетъ о классовой борьбѣ и о классовомъ происхожденіи государства. Измѣненіе постановки вопроса въ указанномъ смыслѣ гарантировало бы автора отъ такихъ сбивчивыхъ разсужденій о „крестьянствѣ“, которыя мы читаемъ на стр. 202—4.

Авторъ начинаетъ съ того, что крестьянству недостаточно надѣльной земли, что если оно и покрываетъ этотъ недостатокъ арендой, то „у значительной части его“ тѣмъ не менѣе *всегда* бываетъ дефицитъ; говорить о крестьянствѣ, какъ о цѣломъ, нельзя, ибо это значитъ говорить о фикціи *) (с. 203). И непосредственно изъ этого выводится:

„Во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—*основной, доминирующій* фактъ нашего народнаго хозяйства“ (с. 204). Совершенно голословно и ни въ какой связи не стоитъ съ предыдущимъ: почему „основнымъ, доминирующимъ фактомъ“ не является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція, ибо внутри его складываются враждебные классы? Авторъ дѣлаетъ свой выводъ безъ всякихъ данныхъ, безъ всякаго анализа фактовъ, относящихся къ „недостаточному производству“ (которое, однако, не мѣшаетъ меньшинству обзаводиться достаткомъ на счетъ большинства) или къ расчлененію крестьянства, — просто въ силу какого-то предубѣжденія въ пользу мальтузіанства.—„Поэтому,— продолжаетъ онъ,—увеличеніе производительности земледѣльческаго труда прямо выгодно и благодѣтельно для русскаго крестьянства“ (206). Мы въ недоумѣніи: сейчасъ только авторъ выставилъ противъ народниковъ серьезное (и въ высшей степени

*) Главный недостатокъ разсужденій г. Голубева въ его замѣчательныхъ статьяхъ состоитъ именно въ томъ, что онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ этой фикціи (203).

справедливое) обвиненіе за разсужденія о „фикціи"—„крестьянствѣ" вообще, а теперь самъ вводитъ въ свой анализъ эту фикцію! Если отношенія внутри этого „крестьянства" таковы, что меньшинство становится „экономически крѣпкимъ", а большинство пролетаризуется, если меньшинство расширяетъ землевладѣніе и богатѣетъ, а большинство имѣетъ всегда дефицитъ и разоряется, то какимъ образомъ можно говорить о „выгодности и благодѣтельности" процесса вообще? Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что процессъ выгоденъ и для той и для другой части крестьянства. Но тогда, во-первыхъ, онъ долженъ былъ разобрать положеніе каждой отдѣльной группы и изслѣдовать его особо, а во-вторыхъ, при наличности антагонизма между группами, необходимо было опредѣленно установить, съ точки зрѣнія *какой* группы говорится о „выгодности и благодѣтельности". Неудовлетворительность, недоговоренность объективизма г. Струве еще и еще разъ подтверждается на этомъ примѣрѣ.

Такъ какъ г. Н.—онъ по данному вопросу держится противнаго мнѣнія, утверждая, что „увеличеніе производительности земледѣльческаго труда*), если продукты будутъ производиться въ видѣ товара, не можетъ служить къ поднятію народнаго благосостоянія" („Очерки", с. 266),—то г. Струве и переходитъ теперь къ опроверженію этого мнѣнія.

Во-первыхъ, говоритъ онъ, тотъ крестьянинъ, на котораго современный кризисъ обрушился всей своей тяжестью, производитъ хлѣбъ для собственнаго потребленія; онъ не продаетъ хлѣбъ, а покупаетъ его. Для такого крестьянина—а ихъ до 50% (однолошадные и безлошадные) и уже никакъ не менѣе 25% (безлошадные)—увеличеніе производительности труда во всякомъ случаѣ выгодно, несмотря на пониженіе цѣны хлѣба.

Да, конечно, увеличеніе производительности было бы для такого крестьянина выгодно, если бы онъ могъ удержать свое хозяйство и поднять его на высшую ступень. Но вѣдь этихъ-то условій и нѣтъ у однолошадныхъ и безлошадныхъ крестьянъ. Имъ не подъ силу удержать теперешнее свое хозяйство, съ его примитивными орудіями, съ небрежной обработкой почвы и т. д., а не то, чтобы повышать технику. Это повышеніе техники является результатомъ роста товарнаго хозяйства. И если уже на данной ступени развитія товарнаго производства продажа хлѣба является необходимостью даже для тѣхъ крестьянъ, которымъ приходиться покупать хлѣбъ, то послѣдующая ступень сдѣлаетъ эту продажу еще болѣе обязательной (авторъ самъ признаетъ необходимость перехода отъ натуральнаго хозяйства къ товарному), и конкурренція повысившихъ культуру хозяевъ неминуемо и немедленно экспропріируетъ его до конца, обратитъ изъ пролетарія, прикрѣпленнаго къ землѣ, въ пролетарія свободнаго, какъ птица. Я вовсе не хочу сказать, чтобы такая перемѣна была *для него* не выгодна. Напротивъ, разъ производитель уже попалъ въ лапы капиталиста—а это безспорно совершившійся

*) «Какъ бы ни было» оно «желательно и необходимо»,—добавляетъ г. Н.—онъ.

фактъ по отношенію къ разсматриваемой группѣ крестьянства— ему весьма „выгодна и благодѣтельна" полная свобода, позволяющая мѣнять хозяевъ, развязывающая ему руки. Но полемика гг. Струве и Н. — она ведется совсѣмъ не въ области *такихъ* соображеній.

Во-вторыхъ, продолжаетъ г. Струве, г. Н.—онъ „забываетъ, что повышеніе производительности земледѣльческаго труда возможно только путемъ измѣненій въ *техникѣ и въ системѣ* хозяйства или полеводства" (206). Дѣйствительно, г. Н. — онъ забываетъ это, но это соображеніе только усилитъ положеніе о неизбѣжности окончательной экспропріаціи несостоятельныхъ крестьянъ, крестьянъ „пролетарскаго типа". Для измѣненія техники къ лучшему нужны свободныя денежныя средства, а у этихъ крестьянъ нѣтъ даже продовольственныхъ средствъ.

Въ третьихъ — заключаетъ авторъ — не правъ г. Н. — онъ, утверждая, что повышеніе производительности земледѣльческаго труда заставитъ конкуррентовъ понизить цѣну. Для такого пониженія — справедливо говоритъ г. Струве — необходимо, чтобы производительность нашего земледѣльческаго труда не только догнала западно-европейскую (въ этомъ случаѣ мы будемъ продавать продуктъ по уровню общественно-необходимаго труда), но и перегнала ее. — Это возраженіе вполнѣ основательно, но оно ничего еще не говоритъ о томъ, для какой именно части „крестьянства" и въ силу чего будетъ выгодно это повышеніе техники.

„Вообще г. Н.—онъ напрасно такъ боится увеличенія производительности земледѣльческаго труда" (207). Происходитъ это у него, по мнѣнію г. Струве, оттого, что онъ не можетъ себѣ иначе представить прогрессъ сельскаго хозяйства, какъ въ видѣ прогресса экстенсивнаго земледѣлія, сопровождающагося все большимъ и большимъ выталкиваніемъ рабочихъ машинами.

Авторъ очень мѣтко характеризуетъ отношеніе г. Н.—она къ росту земледѣльческой техники словомъ: „боязнь"; онъ совершенно правъ, что эта боязнь — нелѣпа. Но его аргументація затрогиваетъ, кажется намъ, не основную ошибку г. Н—она.

Г. Н.—онъ, придерживаясь будто бы со всей строгостью доктрины марксизма, рѣзко отличаетъ тѣмъ не менѣе капиталистическую эволюцію земледѣлія въ капиталистическомъ обществѣ отъ эволюціи обрабатывающей промышленности, — различаетъ въ томъ отношеніи, что для послѣдней онъ признаетъ прогрессивную работу капитализма, обобществленіе труда, а для первой не признаетъ. Поэтому для обрабатывающей промышленности онъ „не боится" увеличенія производительности труда, а для земледѣлія—„боится", *хотя общественно-экономическая сторона дѣла и отраженіе этого процесса на разныхъ классахъ общества совершенно одинаковы въ обоихъ случаяхъ*. Марксъ выразилъ это положеніе особенно рельефно въ слѣдующемъ замѣчаніи: „Филантропическіе англійскіе экономисты, какъ Миллль, Роджерсъ, Гольдвинъ Смитъ, Фаусеттъ и т. д., и либеральные фабриканты, какъ Джонъ Брайтъ и К., спрашиваютъ англійскихъ поземельныхъ аристократовъ, какъ Богъ спрашивалъ Каина о его братѣ Авелѣ,—

куда дѣвались тысячи нашихъ крестьянъ?—Да откуда же вы-то произошли? Изъ уничтоженія этихъ крестьянъ. И почему вы не спрашиваете, куда дѣвались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники“? („Das Kapital“, I s. 780, Anm. 237). Послѣдняя фраза наглядно отожествляетъ судьбу мелкихъ производителей въ земледѣліи съ судьбой ихъ въ обрабатывающей промышленности, подчеркиваетъ образованіе классовъ буржуазнаго общества въ обоихъ случаяхъ*). Основная ошибка г. Н.—она состоитъ именно въ томъ, что онъ игнорируетъ эти классы, ихъ образованіе въ нашемъ крестьянствѣ, не задается цѣлью прослѣдить со всей точностью каждую послѣдовательную ступень развитія противоположности этихъ классовъ.

Но г. Струве совсѣмъ не такъ ставитъ вопросъ. Онъ не только не исправляетъ указанной ошибки г. Н.—она, а, напротивъ, *самъ повторяетъ ее*, разсуждая съ точки зрѣнія профессора, стоящаго *надъ* классами, о „выгодности“ прогресса для „крестьянства“. Это покушеніе подняться выше классовъ приводитъ къ крайней туманности положеній автора, туманности, доходящей до того, что изъ нихъ могутъ быть сдѣланы буржуазные выводы: противъ неоспоримо вѣрнаго положенія, что капитализмъ въ земледѣліи (какъ и капитализмъ въ индустріи) ухудшаетъ положеніе производителя — онъ выдвигаетъ положеніе о „выгодности“ этихъ измѣненій *вообще*. Это все равно, какъ если бы кто-нибудь, разсуждая о машинахъ въ буржуазномъ обществѣ, сталъ опровергать теорію экономиста-романтика, что онѣ ухудшаютъ положеніе трудящихся, доказательствами „выгодности и благодѣтельности“ процесса вообще.

На соображеніе г-на Струве народникъ, вѣроятно, отвѣтитъ: г. Н. — онъ боится не увеличенія производительности труда, а буржуазности.

Что прогрессъ техники въ земледѣліи при нашихъ капиталистическихъ порядкахъ связанъ съ буржуазностью, — это несомнѣнно, но „боязнь“, проявляемая народниками, разумѣется, совершенно нелѣпа. Буржуазность — уже фактъ дѣйствительной жизни, трудъ подчиненъ капиталу уже и въ земледѣліи, — и „бояться“ надо не буржуазности, а отсутствія сознанія этой буржуазности у производителя, отсутствія у него способности отстаивать свои интересы противъ нея. Поэтому надо желать не задержки развитія капитализма, а, напротивъ, полнаго его развитія, развитія до конца.

Чтобы подробнѣе и точнѣе указать основанія той ошибки, которую допустилъ г. Струве, трактуя о земледѣліи въ капиталистическомъ обществѣ, попробуемъ обрисовать (въ самыхъ общихъ чертахъ) процессъ образованія классовъ рядомъ съ тѣми измѣненіями въ техникѣ, которыя подали поводъ къ разсужденію. Г. Струве различаетъ при этомъ строго экстенсивное земледѣліе и интенсивное, усматривая корень заблужденій г. Н.—она въ томъ,

---

*) См. особенно параграфъ 4 главы XXIV: «Генезисъ капиталистическихъ арендаторовъ». Стр. 773—776.

что онъ кромѣ экстенсивнаго земледѣлія не хочетъ ничего знать. Мы постараемся доказать, что *основная* ошибка г. Н.—она не въ этомъ, что, при переходѣ земледѣлія въ интенсивное, образованіе классовъ буржуазнаго общества, въ сущности, однородно съ тѣмъ, которое происходитъ при развитіи экстенсивнаго земледѣлія.

Объ экстенсивномъ земледѣліи говорить много не приходится, потому что и г. Струве признаетъ, что тутъ получается выталкиваніе буржуазіей „крестьянства". Отмѣтимъ только два пункта. Во-первыхъ. Прогрессъ техники вызывается товарнымъ хозяйствомъ; для осуществленія его необходима наличность у хозяина свободныхъ, избыточныхъ (по отношенію къ его потребленію и воспроизведенію его средствъ производства) *денежныхъ* средствъ. Откуда могутъ взяться эти средства? Очевидно, они не могутъ взяться ни откуда, кромѣ какъ изъ того, что обращеніе: товаръ — деньги — товаръ превратится въ обращеніе: деньги — товаръ — деньги съ плюсомъ. Другими словами, средства эти могутъ взяться исключительно отъ капитала, *отъ торговаго и ростовщическаго капитала*, отъ тѣхъ самыхъ „кощтановъ, кулаковъ, купцовъ" и. т. д., которыхъ наивные россійскіе народники относятъ *не* къ капитализму, а къ „хищничеству" (какъ будто капитализмъ не есть хищничество, какъ будто русская дѣйствительность не показываетъ намъ взаимной связи всевозможныхъ формъ этого „хищничества"—отъ самаго примитивнаго и первобытнаго кулачества до самаго новѣйшаго, раціональнаго предпринимательства!) *). Во-вторыхъ, отмѣтимъ странное отношеніе г. Н.—она къ этому вопросу. Въ примѣчаніи 2-мъ на стр. 233-й онъ опровергаетъ автора „Южно-русскаго крестьянства" В. Е. Постникова, который указываетъ, что машины повысили рабочую площадь крестьянскаго двора ровно вдвое, съ 10 дес. до 20 дес. на рабочаго, и что, поэтому, причина бѣдности Россіи"—„малый размѣръ крестьянскаго хозяйства". Другими словами: ростъ техники въ буржуазномъ обществѣ ведетъ къ экспропріаціи мелкихъ и отсталыхъ хозяйствъ. Г. Н.—онъ возражаетъ: завтра техника можетъ еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-десятинныя хозяйства надо будетъ превратить въ 200 или 300-десятинныя.— Такой аргументъ противъ положенія о буржуазности нашего земледѣлія такъ же смѣшонъ, какъ если бы кто-нибудь сталъ доказывать слабость и безсиліе фабричнаго капитализма на томъ основаніи, что сегодняшнюю паровую машину придется „завтра"

---

*) Есть у гг. народниковъ еще одинъ, весьма глубокій пріемъ затушевывать корни нашего національнаго капитализма въ «народномъ производствѣ», т.-е. въ «народномъ» ростовщичествѣ и кулачествѣ. Кулакъ несетъ свои «сбереженія» въ Государственный банкъ; вклады его позволяютъ банку, опираясь на ростъ народнаго богатства, народныхъ сбереженій, народной предпріимчивости, народной кредитоспособности, занять денегъ у англичанина. Занятыя деньги «государство» обращаетъ на помощь...— какая недальновидная политика! какое печальное игнорированіе «современной науки» и «современныхъ нравственныхъ и т. д.»!—... *капиталъ съ нами*. Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталистовъ) не на капитализмъ, а на «народное производство»,— то у насъ на Руси былъ бы не капитализмъ, а «народное производство»?

замѣнить электрической. „Также остается неизвѣстнымъ, куда дѣваются милліоны освободившихся рабочихъ силъ“—добавляетъ г. Н.—онъ, призывая на судъ передъ собой буржуазію и забывая, что судить-то ее некому, кромѣ самого производителя. Образованіе резервной арміи безработныхъ—такой же необходимый результатъ примѣненія машинъ въ буржуазномъ земледѣліи, какъ и въ буржуазной индустріи.

Итакъ, по отношенію къ развитію экстенсивнаго земледѣлія нѣтъ сомнѣнія, что прогрессъ техники при товарномъ хозяйствѣ ведетъ къ превращенію „крестьянина“ въ фермера, съ одной стороны (понимая подъ фермеромъ предпринимателя, капиталиста въ земледѣліи),—въ батрака и поденщика, съ другой. Посмотримъ теперь на тотъ случай, когда экстенсивное земледѣліе переходитъ въ интенсивное. Г. Струве именно отъ этого процесса ждетъ „выгодъ“ для „крестьянина“. Чтобы устранить споръ о пригодности того матеріала, по которому мы описываемъ этотъ переходъ, воспользуемся сочиненіемъ: „Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство“ г-на А. И. Скворцова*), котораго такъ безмѣрно восхваляетъ г. Струве.

Въ главѣ 3-ей отдѣла IV своей книги г. А. Скворцовъ разсматриваетъ „измѣненіе техники земледѣлія подъ вліяніемъ парового транспорта“ въ странахъ экстенсивныхъ и интенсивныхъ. Возьмемъ описаніе этого измѣненія въ *густо населенныхъ экстенсивныхъ странахъ*. Можно думать, что центральная Европейская Россія подойдетъ подъ такую характеристику. Г. Скворцовъ предсказываетъ для такой страны тѣ же измѣненія, которыя неминуемо должны произойти, по мнѣнію г. Струве, и въ Россіи, именно: превращеніе въ страну интенсивнаго земледѣлія съ развитымъ фабричнымъ производствомъ.

Послѣдуемъ за г. А. Скворцовымъ (параг. 4—7, стр. 440—451).

Страна экстенсивная**). Весьма значительная часть населенія занята земледѣліемъ. Однообразіе занятій вызываетъ отсутствіе рынка. Населеніе бѣдно, во-первыхъ, вслѣдствіе малаго размѣра хозяйства и, во-вторыхъ, вслѣдствіе отсутствія обмѣна: „удовлетвореніе остальныхъ потребностей, кромѣ пищи, производимой самимъ земледѣльцемъ, совершается, можно сказать, исключительно на счетъ произведеній первобытнаго ремесла, такъ называемаго у насъ кустарнаго промысла“.

---

*) Въ нашей литературѣ принято относить его къ марксистамъ. На это есть такъ же мало основаній, какъ и на зачисленіе въ марксисты г-на Н.-она. Г. А. Скворцовъ тоже незнакомъ съ ученіемъ о классовой борьбѣ и классовомъ характерѣ государства. Его практическія предложенія въ «Экономическихъ этюдахъ» ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ буржуазныхъ предложеній. Если онъ гораздо трезвѣе смотритъ на русскую дѣйствительность, чѣмъ гг. народники, то на этомъ *одномъ* основаніи слѣдовало бы зачислить въ марксисты и г. Б. Чичерина и многихъ другихъ.

**) Г. А. Скворцовъ указываетъ, что обыкновенно подъ экстенсивной страной разумѣютъ малонаселенную (стр. 439, пр.). Онъ считаетъ это опредѣленіе неправильнымъ, указывая слѣдующіе признаки экстенсивности: 1) сильныя колебанія урожаевъ; 2) однообразіе культуръ и 3) отсутствіе внутреннихъ рынковъ, т.-е. большихъ городовъ, концентрирующихъ въ себѣ обрабатывающую промышленность.

Проведеніе желѣзной дороги повышаетъ цѣну земледѣльческихъ продуктовъ и, слѣдовательно, увеличиваетъ покупательную силу населенія. „Вмѣстѣ съ желѣзной дорогой страна наводняется дешевыми произведеніями мануфактуръ и фабрикъ", которыя разоряютъ мѣстныхъ кустарей. Это—первая причина „крушенія многихъ хозяйствъ".

Вторая причина того же явленія — неурожаи. „Земледѣліе также велось до сихъ поръ первобытнымъ способомъ, т.-е. всегда нераціонально, и, слѣдовательно, неурожаи составляютъ нерѣдкое явленіе, а съ проведеніемъ желѣзной дороги вздорожаніе продуктовъ, бывшее прежде послѣдствіемъ неурожая, или совсѣмъ не имѣетъ мѣста или, во всякомъ случаѣ, значительно уменьшается. Поэтому естественнымъ послѣдствіемъ перваго же неурожая здѣсь является обыкновенно крушеніе многихъ хозяйствъ. Такой результатъ является тѣмъ скорѣе, чѣмъ вообще меньше были избытки нормальныхъ урожаевъ и чѣмъ болѣе населеніе должно было полагаться на заработокъ отъ кустарныхъ промысловъ".

Для того, чтобы обойтись безъ кустарныхъ промысловъ и обезпечить себя отъ неурожаевъ переходомъ къ интенсивному (раціональному) земледѣлію, необходимы, во 1-ыхъ, большіе избытки денежныхъ средствъ (отъ продажи по болѣе высокимъ цѣнамъ земледѣльческихъ продуктовъ) и во-2-ыхъ, интеллигентная сила населенія, безъ которой невозможно повышеніе раціональности и интенсивности. У массы населенія, конечно, этихъ условій нѣтъ: имъ удовлетворяетъ лишь меньшинство *).

„Избыточное населеніе, образовавшееся такимъ образомъ (т.-е. вслѣдствіе „ликвидаціи" многихъ хозяйствъ, разоренныхъ паденіемъ кустарныхъ промысловъ и болѣе высокими требованіями отъ земледѣлія), частью будетъ поглощено тѣми хозяйствами, которыя выйдутъ изъ этого положенія болѣе счастливо и будутъ имѣть возможность увеличить интенсивность производства" — (т.-е., конечно, будутъ „поглощены" въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, батраковъ и поденщиковъ. Г. А. Скворцовъ не говоритъ этого, считая, можетъ быть, что это слишкомъ ясно). Потребуется большая затрата живой силы, ибо близость рынка, достигаемая улучшенными путями сообщенія, даетъ возможность производить трудно транспортируемые продукты, „производство которыхъ, по большей части, требуетъ значительной затраты живой силы". „Обыкновенно, однако,—продолжаетъ г. Скворцовъ,—процессъ разрушенія идетъ гораздо быстрѣе процесса улучшенія сохранившихся хозяйствъ, и часть разоренныхъ хозяевъ должна выселиться, если не вонъ изъ страны, то, по крайней мѣрѣ, въ города. Эта-то часть составила главный контингентъ прироста населенія европейскихъ городовъ со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ".

Далѣе. „Избытокъ населенія означаетъ дешевыя рабочія руки". „При плодородной почвѣ (и благопріятномъ климатѣ...)

*) «Для такой страны (насыщенной населеніемъ при данной степени хозяйственной культуры) мы должны допустить, что съ одной стороны малые избытки, съ другой,—низкая образовательная ступень населенія заставляетъ, при измѣнившихся условіяхъ, многія хозяйства придти къ ликвидаціи» (442).

здѣсь даны всѣ условія для культуры растеній и вообще производства земледѣльческихъ продуктовъ, требующихъ большого расхода рабочей силы на единицу пространства" (443), тѣмъ болѣе, что мелкіе размѣры хозяйствъ („хотя они, быть можетъ, и увеличатся противъ прежняго") затрудняютъ введеніе машинъ. „Рядомъ съ этимъ не останется безъ измѣненій и основной капиталъ, и прежде всего долженъ измѣнить свой характеръ мертвый инвентарь". И помимо машинъ „необходимость лучшей обработки почвы поведетъ къ замѣнѣ прежнихъ первобытныхъ орудій болѣе совершенными, къ замѣнѣ дерева желѣзомъ и сталью. Это преобразованіе необходимо вызоветъ образованіе здѣсь фабрикъ, занятыхъ приготовленіемъ такихъ орудій, ибо они не могутъ быть изготовлены сколько-нибудь сносно кустарнымъ путемъ". Развитію этой отрасли промышленности благопріятствуютъ слѣдующія условія: 1) необходимость получить машину или часть ея въ скоромъ времени; 2) „рабочихъ рукъ здѣсь изобиліе и онѣ дешевы"; 3) топливо, постройки и земля дешевы; 4) „мелкость хозяйственныхъ единицъ ведетъ къ тому, что потребленіе орудій увеличивается, ибо извѣстно, что мелкія хозяйства требуютъ относительно больше инвентаря". Развиваются и производства иного рода. „Вообще развивается городская жизнь". Развиваются въ силу необходимости *горные промыслы*, „такъ какъ, съ одной стороны, является масса свободныхъ рукъ, а съ другой—благодаря желѣзнымъ дорогамъ и развитію перерабатывающей машинной и другой промышленности усиливается спросъ на продукты горнаго промысла".

„Такимъ образомъ, такой районъ, бывшій до проведенія желѣзной дороги густо населеннымъ райономъ экстенсивнаго земледѣлія, болѣе или менѣе быстро обращается въ районъ очень интенсивнаго земледѣлія съ болѣе или менѣе развитымъ фабричнымъ производствомъ". Увеличеніе интенсивности проявляется измѣненіемъ системы полеводства. Трехполье невозможно вслѣдствіе колебанія урожаевъ. Необходимъ переходъ къ „плодосмѣнной системѣ полеводства", устраняющій колебанія урожаевъ. Конечно, *полная плодосмѣнная система* *), требующая очень высокой интенсивности, не можетъ войти въ употребленіе сразу. Сначала поэтому введется *зерновой плодосмѣнный сѣвооборотъ* (правильное чередованіе растеній), разовьется скотоводство, *посѣвъ кормовыхъ травъ*.

„Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, нашъ густо населенный экстенсивный районъ болѣе или менѣе быстро, по мѣрѣ развитія путей сообщенія, превратится въ районъ высоко-интенсивнаго хозяйства, причемъ интенсивность его, какъ сказано, будетъ расти прежде всего на счетъ увеличенія перемѣннаго капитала".

Это подробное описаніе процесса развитія интенсивнаго хозяйства показываетъ наглядно, что и въ этомъ случаѣ прогрессъ

---

*) Признаки ея: 1) вся земля обращается въ пашню; 2) паръ по возможности исключается; 3) въ сѣвооборотѣ правильно чередуются растенія; 4) возможно тщательная обработка; 5) стойловое содержаніе скота.

техники при товарномъ производствѣ ведетъ къ буржуазному хозяйству, раскалываетъ непосредственнаго производителя на *фермера*, пользующагося всѣми выгодами отъ интенсивности, улучшенія орудій и т. д.,—*и рабочаго*, доставляющаго своей „свободой" и своей „дешевизной" самыя „благопріятныя условія" для „прогрессивнаго развитія всего народнаго хозяйства".

Основная ошибка г. Н. — она не въ томъ, что онъ игнорируетъ интенсивное земледѣліе, ограничиваясь однимъ экстенсивнымъ, а въ томъ, что вмѣсто анализа классовыхъ противорѣчій въ области русскаго земледѣльческаго производства онъ угощаетъ читателя безсодержательными ламентаціями, что „мы" идемъ невѣрнымъ путемъ. Г. Струве повторяетъ эту ошибку, заслоняя классовыя противорѣчія „объективными" разсужденіями, и исправляетъ лишь второстепенныя ошибки г. Н.—она. Это тѣмъ болѣе странно, что самъ же онъ совершенно справедливо упрекаетъ этого „несомнѣннаго марксиста" въ непониманіи теоріи классовой борьбы. Это тѣмъ болѣе досадно, что такой ошибкой г. Струве ослабляетъ доказательное значеніе своей совершенно вѣрной мысли, что „боязнь" техническаго прогресса въ земледѣліи нелѣпа.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о капитализмѣ въ земледѣліи, резюмируемъ вышеизложенное. Какъ ставитъ вопросъ г. Струве? Онъ исходитъ изъ апріорнаго, голословнаго объясненія перенаселенія несоотвѣтствіемъ размноженія со средствами существованія, указываетъ далѣе, что производство пищи у нашего крестьянина „недостаточно", и рѣшаетъ вопросъ тѣмъ, что прогрессъ техники выгоденъ для „крестьянства", что „земледѣльческая производительность должна быть повышена" (211). Какъ долженъ онъ былъ поставить вопросъ, если бы былъ „связанъ доктриной" марксизма? Онъ долженъ былъ *начать* съ анализа данныхъ производственныхъ отношеній въ русскомъ земледѣліи и, показавши, что угнетеніе производителя объясняется не случайностью и не политикой, а господствомъ *капитала*, необходимо складывающагося на почвѣ товарнаго хозяйства, слѣдить далѣе за тѣмъ, какъ этотъ капиталъ разрушаетъ мелкое производство и какія формы при этомъ принимаютъ классовыя противорѣчія. Онъ долженъ былъ затѣмъ показать, какъ дальнѣйшее развитіе ведетъ къ тому, что капиталъ переростаетъ изъ торговаго въ индустріальный (принимая такія-то формы при экстенсивномъ, такія-то при интенсивномъ хозяйствѣ), развивая и обостряя ту классовую противоположность, основа которой была вполнѣ уже положена при старой ея формѣ, окончательно противополагая „свободный" трудъ „раціональному" производству. Тогда достаточно уже было бы простого сопоставленія этихъ двухъ послѣдовательныхъ формъ буржуазнаго производства и буржуазной эксплуатаціи, чтобы „прогрессивный" характеръ измѣненія, его „выгодность" для производителя выступили съ полной очевидностью: въ первомъ случаѣ подчиненіе труда капиталу прикрыто тысячами обломковъ средневѣковыхъ отношеній, которыя мѣшаютъ производителю видѣть сущность дѣла и порождаютъ у

его идеологовъ нелѣпыя и реакціонныя идеи о возможности ждать помощи отъ „общества“ и т. п.; во второмъ случаѣ подчиненіе это совершенно свободно отъ средневѣковыхъ путъ, и производитель получаетъ возможность и понимаетъ необходимость самостоятельной, сознательной дѣятельности противъ своего „антипода“. На мѣсто разсужденій о „трудномъ, болѣзненномъ переходѣ“ къ капитализму выступила бы теорія, не только говорящая о классовыхъ противорѣчіяхъ, но и дѣйствительно вскрывающая ихъ въ каждой формѣ „нераціональнаго“ и „раціональнаго“ производства, „экстенсивнаго“ и „интенсивнаго“ хозяйства.

Результаты, къ которымъ привелъ насъ разборъ первой части VI главы книги г. Струве, посвященной „характеру перенаселенія въ земледѣльческой Россіи“, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: 1) Мальтузіанство г-на Струве не подкрѣплено никакими фактическими данными и основано на методологически неправильныхъ догматическихъ посылкахъ.— 2) Перенаселеніе въ земледѣльческой Россіи объясняется господствомъ капитала, а не отсутствіемъ соотвѣтствія между размноженіемъ и средствами существованія населенія. — 3) Положеніе г-на Струве о натурально-хозяйственномъ характерѣ перенаселенія вѣрно только въ томъ смыслѣ, что земледѣльческій капиталъ задерживается въ неразвитыхъ и потому особенно тяжелыхъ для производителя формахъ переживаніемъ крѣпостническихъ отношеній.—4) Г. Н.—онъ не доказалъ капиталистическаго характера перенаселенія въ Россіи потому, что не изслѣдовалъ господства капитала въ земледѣліи.—5) Основная ошибка г. Н.—она, повторяемая и г. Струве, состоитъ въ отсутствіи анализа тѣхъ классовъ, которые складываются при развитіи буржуазнаго земледѣлія.— 6) Это игнорированіе классовыхъ противорѣчій у г. Струве естественно привело къ тому, что совершенно вѣрное положеніе о прогрессивности и желательности техническихъ улучшеній выражено было въ крайне неудачной и туманной формѣ.

II.

Перейдемъ теперь ко второй части главы VI, посвященной вопросу о разложеніи крестьянства. Эта часть стоитъ въ прямой непосредственной связи съ предыдущей частью, служа дополненіемъ къ вопросу о капитализмѣ въ земледѣліи.

Указавши на повышеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ послѣ реформы, на расширеніе товарнаго производства въ земледѣліи, г. Струве совершенно справедливо говоритъ, что отъ этого „выиграли по преимуществу землевладѣльцы и зажиточные крестьяне“ (214). „Дифференціація въ средѣ крестьянскаго населенія должна была увеличиться, и къ этой эпохѣ относятся первые ея успѣхи“. Авторъ цитируетъ указанія мѣстныхъ изслѣдователей, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ подняло только благосостояніе зажиточной части крестьянства, что аренда порождаетъ среди крестьянъ „чистый бой“, приводящій всегда къ побѣдѣ экономически сильныхъ элементовъ

(216—7). Онъ цитируетъ изслѣдованіе В. Постникова, по которому хозяйство крестьянъ зажиточныхъ настолько уже подчиняется рынку, что 40% посѣвной площади даютъ продуктъ, идущій на продажу, и, добавляя, что на противоположномъ полюсѣ крестьяне „теряютъ свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находятся на границѣ батрачества", справедливо заключаетъ: „Только проникновеніемъ мѣнового хозяйства объясняется тотъ фактъ, что экономически сильныя крестьянскія хозяйства могутъ извлекать выгоду изъ разоренія слабыхъ дворовъ" (223). „Развитіе денежнаго хозяйства и ростъ населенія,—говоритъ авторъ,—приводитъ къ тому, что крестьянство распадается на двѣ части: одну экономически крѣпкую, состоящую изъ представителей новой силы, капитала во всѣхъ его формахъ и степеняхъ, и другую, состоящую изъ полусамостоятельныхъ землевладѣльцевъ и настоящихъ батраковъ" (239).

Какъ ни кратки замѣчанія автора объ этой „дифференціаціи", тѣмъ не менѣе они даютъ намъ возможность отмѣтить слѣдующія важныя черты разсматриваемаго процесса: 1) Дѣло не ограничивается созданіемъ одного только имущественнаго неравенства: „создается „новая сила"—*капиталъ*". 2) Созданіе этой новой силы сопровождается созданіемъ новыхъ типовъ крестьянскихъ хозяйствъ: во-первыхъ, зажиточнаго, экономически крѣпкаго, ведущаго развитое товарное хозяйство, отбивающаго аренду у бѣдноты, прибѣгающаго къ эксплуатаціи чужого труда*); вовторыхъ, „пролетарскаго" крестьянства, продающаго свою рабочую силу капиталу. 3) Всѣ эти явленія прямо и непосредственно выросли на почвѣ товарнаго хозяйства. Г. Струве самъ указалъ, что безъ товарнаго производства они были невозможны, а съ его проникновеніемъ стали необходимы. 4) Явленія эти („новыя силы", новые типы крестьянства) относятся къ области *производства*, а не ограничиваются областью обмѣна, товарнаго обращенія: капиталъ проявляется въ земледѣльческомъ *производствѣ*; тоже и продажа рабочей силы.

Казалось бы, эти черты процесса прямо опредѣляютъ, что мы имѣемъ дѣло съ чисто капиталистическимъ явленіемъ, что въ крестьянствѣ складываются *классы*, свойственные капиталистическому обществу,—буржуазія и пролетаріатъ. Мало этого: эти факты свидѣтельствуютъ не только о господствѣ капитала въ земледѣліи, но и о томъ, что капиталъ сдѣлалъ уже, если можно такъ выразиться, второй шагъ. Изъ торговаго капитала онъ превращается въ индустріальный, изъ господствующаго на рынкѣ—въ господствующій въ производствѣ; классовая противоположность богача-скупщика и бѣдняка-крестьянина превращается въ противоположность раціональнаго буржуазнаго хозяина и свободнаго продавца свободныхъ рукъ.

---

*) Г. Струве не упоминаетъ объ этой чертѣ. Она выражается и въ употребленіи наемнаго труда, играющемъ не малую роль въ хозяйствѣ зажиточныхъ крестьянъ, и въ операціяхъ ростовщическаго и торговаго капитала въ ихъ рукахъ, равнымъ образомъ отнимающаго сверхстоимость у производителя. Безъ этого признака нельзя и говорить о «капиталѣ».

Но г. Струве и тутъ не могъ обойтись безъ своего мальтузіанства; въ указанномъ процессѣ, по его мнѣнію, выражается лишь *одна сторона* дѣла („только прогрессивная сторона"), рядомъ съ которой есть и другая: „техническая нераціональность всего крестьянскаго хозяйства": „въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса", она „нивеллируетъ" крестьянство, сглаживаетъ неравенство, дѣйствуя въ связи съ ростомъ населенія" (223—224).

Въ этомъ довольно туманномъ разсужденіи только и видно, что авторъ предпочитаетъ крайне абстрактныя положенія конкретнымъ указаніямъ, что онъ ко всему припутываетъ „законъ" о соотвѣтствіи размноженія со средствами существованія. Говорю: припутываетъ,—потому что если даже строго ограничиться фактами, приводимыми самимъ авторомъ, невозможно найти указанія на такія конкретныя черты процесса, которыя бы не подходили подъ „доктрину" марксизма и требовали признанія мальтузіанства. Намѣтимъ еще разъ этотъ процессъ: сначала мы имѣемъ натуральныхъ производителей, крестьянъ сравнительно однородныхъ *). Проникновеніе товарнаго производства ставитъ богатство отдѣльнаго двора въ зависимость отъ рынка, создавая такимъ образомъ, путемъ рыночныхъ колебаній, неравенство и обостряя его, сосредоточивая у однихъ въ рукахъ свободныя деньги и разоряя другихъ. Эти деньги служатъ, естественно, для эксплуатаціи неимущихъ, превращаются въ капиталъ. Покуда еще разоряющіеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капиталъ можетъ эксплуатировать ихъ, оставляя ихъ хозяйничать по-прежнему, на старыхъ, технически нераціональныхъ основаніяхъ, можетъ основывать эксплуатацію на покупкѣ продукта ихъ труда. Но разореніе достигаетъ, наконецъ, такой ступени развитія, что крестьянинъ вынужденъ совсѣмъ бросить хозяйство: онъ не можетъ уже продавать продуктъ своего труда, ему остается только продавать трудъ. Капиталъ беретъ тогда хозяйство въ свои руки, причемъ онъ вынужденъ уже — силою конкурренціи — организовать его раціонально; онъ получаетъ возможность къ тому благодаря „сбереженнымъ" ранѣе свободнымъ денежнымъ средствамъ, онъ эксплуатируетъ уже не хозяина, а батрака, поденщика. Спрашивается, какія же двѣ стороны отличаетъ авторъ въ этомъ процессѣ? Какимъ образомъ находитъ онъ возможнымъ дѣлать такой чудовищный мальтузіанскій выводъ: „Техническая нераціональность хозяйства, а не капитализмъ (замѣтьте это „а не") — вотъ тотъ врагъ, который отнимаетъ хлѣбъ насущный у нашего крестьянства" (224). Какъ будто бы этотъ насущный хлѣбъ доставался когда-нибудь цѣликомъ производителю, а не дѣлился на необходимый продуктъ и прибавочный, получаемый помѣщикомъ, кулакомъ, „крѣпкимъ" крестьяниномъ, капиталистомъ.

---

*) *Работающихъ на помѣщика.* Эта сторона отодвигается, чтобы яснѣе представить переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ товарному.—Что остатки «старо-дворянскихъ» отношеній ухудшаютъ положеніе производителя и придаютъ разоренію особенно тяжелыя формы,—объ этомъ было уже говорено.

Нельзя не добавить, однако, что по вопросу о „нивеллировкѣ" у автора есть нѣкоторое дальнѣйшее разъясненіе. Онъ говоритъ, что „результатомъ указанной выше нивеллировки" является „констатируемое во многихъ мѣстахъ *уменьшеніе или даже исчезновеніе средняго слоя крестьянскаго населенія*" (223). Приведя цитату изъ земскаго изданія, констатирующаго „еще большее увеличеніе разстоянія, отдѣляющаго сельскихъ богатеевъ отъ безземельнаго и безлошаднаго пролетаріата", онъ заключаетъ: „*Нивеллировка* въ данномъ случаѣ, конечно, въ то же время и *дифференціація*, но на почвѣ *такой* дифференціаціи развивается только одна *кабала*, могущая быть лишь тормозомъ экономическаго прогресса" (236). Итакъ, оказывается уже теперь, что дифференціацію, создаваемую товарнымъ хозяйствомъ, слѣдуетъ противополагать не „нивеллировкѣ", а тоже дифференціаціи, но только дифференціаціи *иного рода*, а именно кабалѣ. А такъ какъ кабала „тормозитъ" „экономическій прогрессъ", то авторъ и называетъ эту „сторону"—„регрессивной".

Разсужденіе построено по крайне страннымъ, никакъ уже не марксистскимъ пріемамъ. Сравниваются „кабала" и „дифференціація", какъ какія-то двѣ самостоятельныя, особыя „системы"; одна восхваляется за то, что содѣйствуетъ „прогрессу"; другая осуждается за то, что тормозитъ прогрессъ. Куда дѣлось у г. Струве то требованіе анализа классовыхъ противоположностей, за неисполненіе котораго онъ такъ справедливо нападалъ на г. Н.—она, то ученіе о „стихійномъ процессѣ", о которомъ онъ такъ хорошо говорилъ? Вѣдь эта кабала, которую онъ сейчасъ уничтожилъ за ея регрессивность, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ первоначальное проявленіе капитализма въ земледѣліи, того самаго капитализма, который ведетъ далѣе къ прогрессивному подъему техники. Въ самомъ дѣлѣ, что такое кабала? Это—зависимость владѣющаго своими средствами производства хозяина, вынужденнаго работать на рынокъ, отъ владѣльца денегъ,—зависимость, которая, какъ бы она различно ни выражалась (въ формѣ ли ростовщическаго капитала или капитала скупщика, который монополизировалъ сбытъ), всегда ведетъ къ тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владѣльцу денегъ. Слѣдовательно, сущность ея чисто капиталистическая*), и вся особенность заключается въ томъ, что эта первичная, зародышевая форма капиталистическихъ отношеній цѣликомъ опутана прежними, крѣпостническими отношеніями: тутъ нѣтъ свободнаго договора, а есть сдѣлка вы-

*) Тутъ налицо всѣ признаки: товарное производство, какъ почва, монополизація продукта общественнаго труда въ формѣ денегъ, какъ результатъ,—и обращеніе этихъ денегъ въ капиталъ.—Я нисколько не забываю, что эти первичныя формы *капитала* встрѣчались въ отдѣльныхъ случаяхъ и до капиталистическихъ порядковъ. Но дѣло именно въ томъ, что онѣ являются въ современномъ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ не какъ единичные случаи, а какъ правило, какъ господствующая система отношеній. Онѣ связались уже (торговыми оборотами, банками) съ крупнымъ фабрично-заводскимъ машиннымъ капитализмомъ и тѣмъ показали свою тенденцію,—показали, что представители этой «кабалы» только боевые солдаты единой и нераздѣльной арміи буржуазіи.

нужденная (иногда приказомъ „начальства“, иногда желаніемъ сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тутъ привязанъ къ опредѣленному мѣсту и къ опредѣленному эксплуататору; въ противоположность безличному характеру товарной сдѣлки, свойственному чисто капиталистическимъ отношеніямъ, здѣсь сдѣлка носитъ непремѣнно личный характеръ „помощи“, „благодѣянія“, и этотъ характеръ сдѣлки неизбѣжно ставитъ производителя въ зависимость личную, полукрѣпостническую. Такія выраженія автора, какъ „нивеллировка“, „тормозъ прогресса“, „регрессивность“, не означаютъ ничего иного, кромѣ того, что капиталъ овладѣваетъ сначала производствомъ на старомъ основаніи, подчиняетъ производителя, технически отсталаго. Указаніе автора, что наличность капитализма не даетъ еще права считать его „виновнымъ во всѣхъ бѣдствіяхъ“, вѣрно въ томъ смыслѣ, что нашъ работающій на другихъ крестьянинъ страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Другими словами, въ громадной массѣ крестьянства нѣтъ почти уже вовсе самостоятельнаго производства на себя; на ряду съ работой на „раціональныхъ“ буржуазныхъ хозяевъ мы видимъ только работу на владѣльцевъ денежнаго капитала, т.-е. тоже капиталистическую эксплуатацію, но только неразвитую, примитивную, которая въ силу этого, во-первыхъ, вдесятеро ухудшаетъ положеніе трудящагося, опутываетъ его сѣтью особыхъ добавочныхъ прижимокъ, а во-вторыхъ, отнимаетъ у него (и его идеолога-народника) возможность понять классовый характеръ совершаемыхъ по отношенію къ нему „непріятностей“ и сообразовать свою дѣятельность съ таковымъ его характеромъ. Слѣдовательно, „прогрессивная сторона“ „дифференціаціи“ (говоря языкомъ г. Струве) состоитъ въ томъ, что она выводитъ на свѣтъ ту противоположность, которая прячется въ формѣ кабалы и отнимаетъ у нея ея „старо-дворянскія“ черты. „Регрессивность“ народничества, отстаивающаго крестьянское равненіе (предъ... кулакомъ), состоитъ въ томъ, что оно желаетъ задержать капиталъ въ его средневѣковыхъ формахъ, соединяющихъ эксплуатацію съ раздробленнымъ, технически отсталымъ производствомъ, съ личнымъ давленіемъ на производителя. Въ обоихъ случаяхъ (и въ случаѣ „кабалы“, и въ случаѣ „дифференціаціи“) причиной угненія является *капитализмъ*, и противоположныя заявленія автора, что дѣло „не въ капитализмѣ“, а въ „технической нераціональности“, что „не капитализмъ—виновникъ крестьянской бѣдноты“ и т. п., показываетъ только, что г. Струве слишкомъ увлекся, защищая правильную мысль о предпочтительности развитаго капитализма передъ неразвитымъ, и благодаря абстрактности своихъ положеній противопоставилъ первое второму не какъ двѣ послѣдовательныя стадіи развитія даннаго явленія, а какъ особые случаи *).

*) На какомъ основаніи—спроситъ, пожалуй, читатель—относится это лишь къ *увлеченію* г-на Струве?—На томъ основаніи, что авторъ вполнѣ опредѣленно признаетъ капитализмъ, какъ основной фонъ, на которомъ совершаются всѣ описываемыя явленія. Онъ совершенно ясно указалъ на быстрый ростъ товарнаго хозяйства, на разложеніе крестьян-

III.

Увлеченіе автора сказывается и на слѣдующемъ разсужденіи о томъ, что причину разоренія крестьянства нельзя видѣть собственно въ крупномъ промышленномъ капитализмѣ. Онъ вступаетъ тутъ въ полемику съ г. Н.—омъ.

Дешевое производство фабричныхъ продуктовъ, — говоритъ г. Н.—онъ о фабричной одеждѣ,—вызвало сокращеніе домашней ихъ выработки (стр. 227 у г. Струве).

„Дѣло представлено тутъ какъ разъ навыворотъ,—восклицаетъ г. Струве,—и это нетрудно показать. Уменьшеніе крестьянскаго производства прядильныхъ матеріаловъ повело къ увеличенію производства и потребленія продуктовъ капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборотъ“ (227).

Авторъ едва ли удачно ставитъ вопросъ, загромождая суть дѣла второстепенными частностями. Если исходить изъ наблюденія надъ фактомъ развитія фабричной промышленности (а г. Н.—онъ именно изъ наблюденія этого факта и исходитъ), то невозможно отрицать, что и дешевизна фабричныхъ продуктовъ ускоряетъ ростъ товарнаго хозяйства, ускоряетъ вытѣсненіе домашнихъ продуктовъ. Возражая противъ такого заявленія г. Н.—она, г. Струве только ослабляетъ этимъ свою аргументацію противъ этого автора, основная ошибка котораго состоитъ въ томъ, что онъ пытается представить „фабрику“ чѣмъ-то оторваннымъ отъ „крестьянства“, случайно, извнѣ нагрянувшимъ на него, тогда какъ на самомъ дѣлѣ „фабрика“ является (и по той теоріи, которой г. Н.—онъ хочетъ вѣрно слѣдовать, и по даннымъ русской исторіи) только завершеніемъ развитія товарной организаціи всего общественнаго, слѣдовательно, и крестьянскаго хозяйства. Крупно-буржуазное производство на „фабрикѣ“—прямое и непосредственное продолженіе мелко-буржуазнаго производства въ деревнѣ, въ пресловутой „общинѣ“ или въ кустарномъ промыслѣ. „Для того, чтобы „фабричная форма“ стала „болѣе дешевой“—совершенно справедливо говоритъ г. Струве—крестьянинъ долженъ стать на точку зрѣнія экономической раціональности при условіи денежнаго хозяйства“. „Если бы крестьянство держалось за натуральное хозяйство, никакіе ситцы... его не соблазнили бы“.

Другими словами „фабричная форма“—это не болѣе какъ *развитое* товарное производство, а развилось оно изъ того *неразвитого* товарнаго производства, которое мы имѣемъ въ крестьянскомъ и кустарномъ хозяйствѣ. Авторъ желаетъ доказать г. Н.—ону, что „фабрика“ и „крестьянство“ взаимно связаны, что хозяйственныя „начала“ ихъ порядковъ не антагонистичны *), а тожде-

---

ства, на „распространеніе улучшенныхъ орудій“ (245) и т. п.—съ одной стороны, на освобожденіе крестьянъ отъ земли, созданіе сельскаго пролетаріата“ (238)—съ другой. Онъ самъ, наконецъ, характеризовалъ это, какъ созданіе новой силы—*капитала*, и отмѣтилъ рѣшающее значеніе появленія капиталиста между производителемъ и потребителемъ.

*) Народники это говорили открыто и прямо, а «несомнѣнный марксистъ» г-нъ Н.—онъ преподноситъ эту же безсмыслицу въ туманныхъ фразахъ о «народномъ строѣ» и «народномъ производствѣ», уснащенныхъ цитатами изъ Маркса.

ственны. Для этого ему и слѣдовало свести вопросъ къ экономической организаціи крестьянскаго хозяйства, выставить противъ г. Н.—она положеніе, что нашъ мелкій производитель (крестьянинъ-земледѣлецъ и кустарь) есть мелкій буржуа. Такой постановкой вопроса онъ свелъ бы его изъ области разсужденій о томъ, что „должно" быть, что „можетъ" быть и т. д., въ область выясненія *того, что есть*, и объясненія, *почему оно есть именно такъ, а не иначе*. Чтобы опровергнуть это положеніе, народникамъ пришлось бы либо отрицать общеизвѣстные и безспорные факты о ростѣ товарнаго хозяйства и разложеніи крестьянства (а *эти факты доказываютъ* мелко-буржуазность крестьянства), либо отрицать азбучныя истины политической экономіи. Принять это положеніе—значитъ признать нелѣпость противопоставленія „капитализма" „народному строю", признать реакціонность проектовъ „искать иныхъ путей для отечества" и обращаться съ своими пожеланіями объ „обобществленіи" къ буржуазному „обществу" или на половину еще „старо-дворянскому" „государству".

А г. Струве вмѣсто того, чтобы начать сначала *), начинаетъ съ конца: „мы отвергаемъ,—говоритъ онъ,—одно изъ самыхъ краеугольныхъ положеній народнической теоріи экономическаго развитія Россіи,—положеніе, что развитіе крупной обрабатывающей промышленности разоряетъ крестьянина-земледѣльца" (246). Это уже значитъ, какъ говорятъ нѣмцы, выплескивать изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка! „Развитіе крупной обрабатывающей промышленности" означаетъ и выражаетъ развитіе капитализма. А что разоряетъ крестьянина именно капитализмъ, это—краеугольное положеніе совсѣмъ не народничества, а *марксизма*. Народники видѣли и видятъ причины освобожденія производителя отъ средствъ производства не въ той специфической организаціи русскаго общественнаго хозяйства, которая носитъ названіе капитализма, а въ политикѣ правительства, которая-де была неудачна („мы" шли невѣрнымъ путемъ и т. д.), въ косности общества, недостаточно сплотившагося противъ хищниковъ и пройдохъ, и т. п. Поэтому и „мѣропріятія" ихъ сводились къ дѣятельности „общества" и „государства". Напротивъ, указаніе причинъ экспропріаціи въ наличности капиталистической организаціи общественнаго хозяйства приводитъ неминуемо къ ученію о *борьбѣ классовъ* (ср. у Струве, стр. 101, 288 и мн. др.). Неточность выраженія автора состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ о *„земледѣльцѣ"* вообще, а не о противоположныхъ классахъ буржуазнаго земледѣлія. Народники говорятъ, что капитализмъ губитъ *земледѣліе* и потому неспособенъ обнять все производство страны и ведетъ это производство неправильнымъ путемъ; марксисты говорятъ, что капитализмъ какъ въ обрабатывающей промышленности, такъ и въ земледѣліи давитъ *производителя*, но, поднимая производство на высшую ступень, создаетъ условія и силы для „обобществленія" **).

---

*) Т.-е. начать съ мелко-буржуазности «крестьянина-земледѣльца» для доказательства «неизбѣжности и законности» крупнаго капитализма.

**) «Великая заслуга капиталистическаго способа производства состоитъ, съ одной стороны, въ раціонализированіи земледѣлія, возможность общественнаго веденія

Заключеніе г. Струве по этому вопросу таково: „Одна изъ самыхъ коренныхъ ошибокъ г. Н.—она заключается въ томъ, что онъ на современное, до сихъ поръ болѣе натуральное, чѣмъ денежное, крестьянское хозяйство цѣликомъ перенесъ представленія и категоріи *сложившагося* капиталистическаго строя“ (237).

Мы видѣли выше, что только полное игнорированіе конкретныхъ данныхъ русскаго земледѣльческаго капитализма повело къ смѣшной ошибкѣ г. Н.—она, толкующаго о „сокращеніи“ внутренняго рынка. Но произошла эта ошибка не отъ того, что онъ перенесъ на крестьянство всѣ категоріи капитализма, а отъ того, что никакихъ *категорій капитализма* не приложилъ къ даннымъ о земледѣліи. Важнѣйшей „категоріей“ капитализма являются, конечно, классы буржуазіи и пролетаріата. Г. Н.—онъ не только не „перенесъ“ ихъ на „крестьянство“ (т.-е. не проанализировалъ, къ какимъ именно группамъ или разрядамъ крестьянства приложимы эти категоріи и насколько онѣ развиты), а напротивъ, разсуждалъ чисто по-народнически, игнорируя противоположные элементы внутри „общины“, разсуждая о крестьянствѣ“ вообще. Это и повело къ тому, что положеніе его о капиталистическомъ характерѣ перенаселенія, о капитализмѣ, какъ о причинѣ экспропріаціи земледѣльца, осталось не доказаннымъ и послужило лишь для реакціонной утопіи.

IV.

Въ параграфѣ VIII шестой главы г. Струве излагаетъ свои мысли о частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Онъ совершенно справедливо указываетъ на тѣсную и непосредственную зависимость тѣхъ формъ, которыя принимаетъ это хозяйство, отъ крестьянскаго разоренія. Разоренный крестьянинъ не „соблазняетъ“ уже помѣщика „баснословными арендными цѣнами“, и помѣщикъ переходитъ къ батрацкому труду. Въ доказательство приводятся выписки изъ статьи Распопина, обработавшаго данныя земской статистики помѣщичьяго хозяйства, и изъ земскаго изданія по текущей статистикѣ, отмѣчающаго „вынужденный“ характеръ увеличенія экономическихъ запашекъ. Въ отвѣтъ гг. народникамъ, столь охотно загромождающимъ разсужденіями о „будущности“ капитализма въ земледѣліи и его „возможности“ фактъ господства его въ настоящемъ, авторъ даетъ точное указаніе на *дѣйствительность*.

Мы должны остановиться тутъ лишь на оцѣнкѣ этого явленія авторомъ, который говоритъ, что это—„прогрессивныя теченія въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ“ (244), что эти теченія создаются „неумолимой логикой экономической эволюціи“ (240). Мы боимся, что эти совершенно вѣрныя положенія, по своей абстрактности, останутся невразумительны для читателя незнако-

---

котораго создаетъ только этотъ способъ производства, а съ другой стороны—въ доведеніи поземельной собственности до абсурда. Какъ и всѣ его другіе историческіе прогрессы, такъ и этотъ былъ купленъ капитализмомъ цѣной полнаго обнищанія непосредственнаго производителя» («Das Kapital», III B., 2 Th., стр. 157).

маго съ марксизмомъ; что читатель не пойметъ безъ опредѣленнаго указанія на смѣну такихъ-то системъ хозяйства, такихъ-то формъ классовой противоположности, почему это данное теченіе „прогрессивно" (съ той точки зрѣнія, разумѣется, съ которой только и можетъ ставить вопросъ марксистъ,—съ точки зрѣнія опредѣленнаго класса), въ чемъ именно „неумолимость" происходящей эволюціи. Попробуемъ поэтому обрисовать эту смѣну (хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ) въ параллель съ народническимъ изображеніемъ дѣла.

Народникъ изображаетъ процессъ развитія батрацкаго хозяйства какъ переходъ отъ „самостоятельнаго" крестьянскаго хозяйства къ подневольному и, естественно, считаетъ это регрессомъ, упадкомъ и т. д. Такое изображеніе процесса прямо *фактически невѣрно*, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а потому нелѣпы и выводы изъ него. Изображая дѣло такимъ оптимистическимъ (по отношенію къ прошлому и настоящему) образомъ, народникъ просто *отворачивается отъ фактовъ*, установленныхъ народнической же литературой, въ сторону утопій и возможностей.

Возьмемъ за исходный пунктъ дереформенное крѣпостническое хозяйство.

Основное содержаніе производственныхъ отношеній при этомъ было таково: помѣщикъ давалъ крестьянину землю, лѣсъ для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненныя средства) для каждаго отдѣльнаго двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себѣ пропитаніе, заставлялъ *все прибавочное время* работать на себя, на барщинѣ. Подчеркиваю: „все прибавочное время", чтобы отмѣтить, что о „самостоятельности" крестьянина при этой системѣ не можетъ быть и рѣчи *).

„Надѣлъ", которымъ „обезпечилъ" крестьянина помѣщикъ, служилъ не болѣе, какъ *натуральной заработной платой*, служилъ всецѣло и исключительно для эксплуатаціи крестьянина помѣщикомъ, для „обезпеченія" помѣщику рабочихъ рукъ, иногда для дѣйствительнаго обезпеченія самого крестьянина **).

Но вотъ вторгается товарное хозяйство. Помѣщикъ начинаетъ производить хлѣбъ на продажу, а не на себя. Это вызываетъ усиленіе эксплуатаціи труда крестьянъ,—затѣмъ, затруднительность системы надѣловъ, такъ какъ помѣщику уже невыгодно надѣлять подростающія поколѣнія крестьянъ новыми надѣлами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнѣе отграничить разъ навсегда крестьянскую землю отъ помѣщичьей (особенно, ежели отрѣзать при этомъ часть надѣловъ и получить „справедливый" выкупъ) и пользоваться трудомъ *тѣхъ же* крестьянъ, поставленныхъ матеріально въ худшія условія и вынужденныхъ конкуррировать съ бывшими

*) Я ограничусь *исключительно* хозяйственной стороной дѣла.

**) «Поэтому ссылаться на крѣпостническое «надѣленіе землей» для доказательства «исконности» принадлежности средствъ производства производителю — сплошная фальшь.

дворовыми, и съ „дарственниками“, и съ болѣе обезпеченными бывшими государственными, и удѣльными крестьянами и т. д. Крѣпостное право падаетъ.

Система хозяйства, разсчитаннаго уже на рынокъ (это особенно важно), мѣняется, но мѣняется не сразу. Къ старымъ чертамъ и „началамъ“ присоединяются новыя. Эти новыя черты состоятъ въ томъ, что основой Plusmacherei дѣлается уже не снабженіе крестьянина средствами производства, а, напротивъ, „свобода“ его отъ средствъ производства, его нужда въ деньгахъ; основой становится уже не натуральное хозяйство, натуральный обмѣнъ „услугъ“ (помѣщикъ даетъ крестьянину землю, а крестьянинъ,—продукты прибавочнаго труда, хлѣбъ, холстъ и т. п.), а товарный, денежный „свободный“ договоръ. Эта именно форма хозяйства, совмѣщающая старыя и новыя черты, и воцарилась въ Россіи послѣ реформы. Къ стариннымъ пріемамъ ссуды земли за работу (хозяйство за отрѣзныя земли, напр.) присоединилась „зимняя наемка“,—ссуда денегъ подъ работу въ такой моментъ, когда крестьянинъ особенно нуждается въ деньгахъ и въ тридешева продаетъ свой трудъ, ссуда хлѣба подъ отработки и т. п. Общественно-экономическія отношенія въ бывшей „вотчинѣ“ свелись, какъ видите, къ самой обыкновенной *ростовщической* сдѣлкѣ: эти операціи совершенно аналогичны съ операціями скупщика надъ кустарями.

Неоспоримо, что именно такое хозяйство стало типомъ послѣ реформы, и наша народническая литература дала превосходныя *описанія* этой особенно непривлекательной формы Plusmacherei, соединенной съ крѣпостническими традиціями и отношеніями, съ полной безпомощностью связаннаго своимъ „надѣломъ“ крестьянина.

Но народники не хотѣли и не хотятъ видѣть, въ чемъ же экономическая основа этихъ отношеній?

Основой господства здѣсь является уже не только владѣніе землей, какъ въ старину, а еще владѣніе деньгами, въ которыхъ нуждается крестьянинъ (а деньги—это продуктъ общественнаго труда, организованнаго товарнымъ хозяйствомъ), и „свобода“ крестьянина отъ средствъ къ жизни. Очевидно, что это отношеніе капиталистическое, буржуазное. „Новыя“ черты—не что иное, какъ первичная форма господства *капитала* въ земледѣліи, форма, не высвободившаяся еще отъ „старо-дворянскихъ“ путъ, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ея.

Но вотъ съ развитіемъ товарнаго хозяйства ускользаетъ почва изъ-подъ этой первичной формы господства капитала: разореніе крестьянства, дошедшее теперь уже до полнаго краха, означаетъ потерю крестьянами своего инвентаря, на основаніи котораго держалась и крѣпостная и кабальная форма труда, и тѣмъ вынуждаетъ помѣщика переходить къ своему инвентарю, крестьянина—дѣлаться батракомъ.

Что этотъ переходъ и началъ совершаться въ пореформенной Россіи,—это опять-таки безспорный фактъ. Фактъ этотъ показы-

ваетъ тенденцію той кабальной формы, которую народники разсматриваютъ чисто метафизически — внѣ связи съ прошлымъ, внѣ стремленія къ развитію; фактъ этотъ показываетъ *дальнѣйшее* развитіе капитализма, дальнѣйшее развитіе той классовой противоположности, которая присуща нашему капиталистическому обществу и которая въ предыдущую эпоху выражалась въ отношеніи „кулака" къ крестьянину, а теперь начинаетъ выражаться въ отношеніи раціональнаго хозяина къ батраку и поденщику.

И вотъ эта-та послѣдняя перемѣна и вызываетъ отчаяніе и ужасъ народника, который начинаетъ кричать объ „обезземеленіи", о „потерѣ самостоятельности", о „водвореніи капитализма" и грозящихъ" отъ него бѣдствіяхъ и т. д. и т. д.

Посмотрите на эти разсужденія безпристрастно,—и вы увидите въ нихъ, во-первыхъ, *ложь*, хотя бы и благонамѣренную, такъ какъ предшествуетъ этому батрацкому хозяйству не „самостоятельность" крестьянина, а другія формы отдаванія прибавочнаго продукта тому, кто не участвовалъ въ его созданіи. Во-вторыхъ, вы увидите поверхностность, мелкость народническаго протеста, обращающую его, по мѣткому выраженію г. Струве, въ вульгарный соціализмъ. Почему это „водвореніе" усматривается лишь во второй формѣ, а не въ обѣихъ? Почему протестъ направляется не противъ того основного историческаго факта, который сосредоточилъ въ рукахъ „частныхъ землевладѣльцевъ" средства производства, а лишь противъ одного изъ пріемовъ утилизаціи этой монополіи? Почему корень зла усматривается не въ тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, которыя вездѣ и повсюду подчиняютъ трудъ владѣльцу денегъ, а лишь въ той неравномѣрности распредѣленія, которая такъ рельефно выступаетъ въ *послѣдней* формѣ этихъ отношеній? Именно это основное обстоятельство — протестъ противъ капитализма, остающійся на почвѣ капиталистическихъ же отношеній — и дѣлаетъ изъ народниковъ идеологовъ мелкой буржуазіи, боящейся не буржуазности, а лишь обостренія ея, которое одно только и ведетъ къ коренному измѣненію.

V.

Переходимъ къ послѣднему пункту теоретическихъ разсужденій г-на Струве, къ „вопросу о рынкахъ для русскаго капитализма" (245).

Разборъ построенной народниками теоріи объ отсутствіи у насъ рынковъ авторъ начинаетъ вопросомъ: „что понимаетъ г. В. В. подъ капитализмомъ?" Такой вопросъ поставленъ очень умѣстно, такъ какъ г. В. В. (да и всѣ народники вообще) всегда сличали русскіе порядки съ какою-нибудь „англійской формой" (247) капитализма, а не съ основными его чертами, измѣняющими свою физіономію въ каждой странѣ. Жаль только, что г. Струве не даетъ полнаго опредѣленія капитализма, указывая вообще на „господство мѣнового хозяйства" (это—одинъ признакъ, второй—усвоеніе прибавочной стоимости владѣльцемъ денегъ, господство этого послѣдняго надъ трудомъ), на „тотъ строй, который мы

видимъ на Западѣ Европы“ (247), „со всѣми его послѣдствіями“, съ „концентраціей промышленнаго производства“, „капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ слова“ (247).

„Г. В. В. — говоритъ авторъ — въ анализъ понятія: „капитализмъ“ не вдался, а заимствовалъ его у Маркса, который имѣлъ въ виду, по преимуществу, капитализмъ въ узкомъ смыслѣ, какъ уже вполнѣ сложившійся продуктъ отношеній, развивающихся на почвѣ подчиненія производства обмѣну“ (247). Съ этимъ невозможно согласиться. Во-первыхъ, если бы г. В. В. дѣйствительно заимствовалъ свое представленіе о капитализмѣ у Маркса, то онъ имѣлъ бы правильное представленіе о немъ и не могъ бы смѣшивать „англійскую форму“ съ капитализмомъ. Во-вторыхъ, совершенно несправедливо, что Марксъ по преимуществу имѣлъ въ виду „централизацію или концентрацію промышленнаго производства“ (это разумѣетъ г. Струве подъ капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ). Напротивъ, онъ прослѣдилъ развитіе товарнаго хозяйства съ первыхъ его шаговъ, онъ анализировалъ капитализмъ въ его примитивныхъ формахъ простой коопераціи и мануфактуры,—формахъ, на цѣлые вѣка отстоящихъ отъ концентраціи производства машинами, — онъ показалъ связь промышленнаго капитализма съ земледѣльческимъ. Г. Струве самъ суживаетъ понятіе капитализма, говоря: „...объектомъ изученія г. В. В. являлись *первые* шаги народнаго хозяйства на пути отъ натуральной организаціи къ товарной“. Надо было сказать: *послѣдніе* шаги. Г. В. В., насколько извѣстно, изучилъ только пореформенное хозяйство Россіи. *Начало товарнаго* производства относится къ дореформенной эпохѣ, какъ указываетъ самъ г. Струве (189 — 190), и даже *капиталистическая* организація хлопчато-бумажной промышленности сложилась до освобожденія крестьянъ. Реформа дала толчокъ къ *окончательному* развитію въ этомъ смыслѣ; она выдвинула на первое мѣсто не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкціонировала господство не товарнаго, а уже капиталистическаго производства. Неясное различіе капитализма въ широкомъ и узкомъ смыслѣ *) приводитъ г. Струве къ тому, что онъ смотритъ, повидимому, на русскій капитализмъ, какъ на нѣчто будущее, а не настоящее, вполнѣ уже и окончательно сложившееся. Онъ говоритъ, напримѣръ:

„Прежде чѣмъ ставить вопросъ: неизбѣженъ ли для Россіи капитализмъ въ англійской формѣ, г. В. В. долженъ былъ поставить и разрѣшить другой болѣе общій и потому болѣе важный вопросъ: неизбѣженъ ли для Россіи переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и каково отношеніе капиталистическаго производства sensu stricto къ товарному производству вообще?“ (247). Едва ли удобно такъ ставить вопросъ. Если данная, существующая теперь въ Россіи, система производственныхъ отно-

---

*) Невидно, по какому признаку отличаетъ авторъ эти понятія. Если подъ капитализмомъ въ узкомъ смыслѣ разумѣть машинную индустрію только, тогда непонятно, почему не выдѣлить особо и мануфактуру. Если подъ капитализмомъ въ широкомъ смыслѣ разумѣть товарное только хозяйство, тогда тутъ нѣтъ капитализма

шеній будетъ выяснена, тогда вопросъ о „неизбѣжности“ того или другого развитія будетъ уже рѣшенъ ео ipso. Если же она не будетъ выяснена, тогда онъ неразрѣшимъ. Вмѣсто разсужденій о будущемъ (излюбленныхъ гг. народниками) слѣдуетъ *объяснить* настоящее. Въ пореформенной Россіи крупнѣйшимъ фактомъ выступило внѣшнее, если можно такъ выразиться, проявленіе капитализма, т.-е. проявленіе его „вершинъ“ (фабричнаго производства, желѣзныхъ дорогъ и т. д.), и для теоретической мысли сейчасъ же сталъ вопросъ о капитализмѣ въ Россіи. Народники старались доказать, что эти вершины случайны, не связаны со всѣмъ экономическимъ строемъ, безпочвенны и потому безсильны; при этомъ они оперировали съ слишкомъ узкимъ понятіемъ „капитализма“, забывая, что порабощеніе труда капиталу проходитъ очень длинныя и различныя стадіи отъ торговаго капитала до „англійской формы“. Марксисты и должны доказать, что эти вершины — не болѣе, какъ послѣдній шагъ развитія товарнаго хозяйства, давно сложившагося въ Россіи и *повсюду*, во всѣхъ отрасляхъ производства, порождающаго подчиненіе капитала труду.

Съ особенной наглядностью воззрѣніе г-на Струве на русскій капитализмъ какъ на нѣчто будущее, а не настоящее сказалось въ слѣдующемъ разсужденіи: „Пока будетъ существовать современная община, закрѣпленная и укрѣпленная закономъ, на ея почвѣ разовьются такія отношенія, которыя съ „народнымъ благосостояніемъ„ не имѣютъ ничего общаго. (Неужели только еще „разовьются“, а не развились уже такъ давно, что вся народническая литература, съ самаго своего возникновенія, болѣе четверти вѣка тому назадъ, описывала эти явленія и протестовала противъ нихъ?) На Западѣ мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ существованія парцеллярнаго хозяйства рядомъ съ крупнымъ капиталистическимъ. Наша Польша и нашъ Юго-Западный край представляютъ явленія того же порядка. Можно сказать, что и подворная и общинная Россія, поскольку разоренное крестьянство остается на землѣ и въ его средѣ нивеллирующія вліянія оказываются сильнѣе дифференцирующихъ, приближается къ этому типу“ (280). Неужели только еще приближается, а не представляетъ уже сейчасъ именно этотъ *типъ?* Для опредѣленія „типа“ надо брать, конечно, основныя экономическія черты порядковъ, а не юридическія формы. Если мы посмотримъ на эти основныя черты экономики русской деревни, то увидимъ изолированное хозяйство крестьянскихъ дворовъ на мелкихъ участкахъ земли, увидимъ растущее товарное хозяйство, играющее доминирующую роль уже сейчасъ. Это именно тѣ черты, которыя даютъ содержаніе понятію: „парцеллярное хозяйство“. Мы видимъ далѣе ту же задолженность крестьянъ ростовщикамъ, ту же экспропріацію, о которой свидѣтельствуютъ данныя Запада. Вся разница—въ особенности нашихъ юридическихъ порядковъ (гражданская неравноправность крестьянъ; формы землевладѣнія), которые сохраняютъ цѣльные слѣды „стараго режима“ вслѣдствіе болѣе слабаго развитія у насъ капитализма. Но однородности

типа нашихъ крестьянскихъ порядковъ съ западными эти особенности нимало не нарушаютъ.

Переходя къ самой теоріи рынковъ, г. Струве замѣчаетъ, что гг. В. В. и Н. — онъ путаются въ порочномъ кругѣ: для развитія капитализма нуженъ ростъ рынка, а капитализмъ разоряетъ населеніе. Авторъ исправляетъ этотъ порочный кругъ своимъ мальтузіанствомъ крайне неудачно, относя причину разоренія крестьянства не къ капитализму, а „къ росту населенія"! Ошибка указанныхъ авторовъ совсѣмъ иная: капитализмъ не разоряетъ только, а *разлагаетъ* крестьянство на буржуазію и пролетаріатъ. Процессъ этотъ не сокращаетъ внутренняго рынка, а *создаетъ* его: товарное хозяйство растетъ у обоихъ полюсовъ разлагающагося крестьянства: и у „пролетарскаго", вынужденнаго продавать „свободный трудъ", и у буржуазнаго, поднимающаго технику своего хозяйства (машины, инвентарь, удобренія и т. д. Ср. „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ" г. В. В.) и развивающаго потребности. Несмотря на то, что такое пониманіе процесса непосредственно основано на теоріи Маркса и соотношеніи индустріальнаго и земледѣльческаго капитализма, г. Струве игнорируетъ его,—можетъ быть, оттого, что введенъ въ заблужденіе „теоріею рынковъ" г-на В. В. Этотъ послѣдній, опираясь якобы на Маркса, преподнесъ россійской публикѣ „теорію", будто бы въ капиталистическомъ развитомъ обществѣ неизбѣженъ „излишекъ товаровъ"; внутренній рынокъ не можетъ быть достаточнымъ, необходимъ внѣшній. „Эта теорія вѣрна (?!)—заявляетъ г. Струве,—поскольку она констатируетъ тотъ фактъ, что прибавочная стоимость не можетъ быть реализирована въ потребленіи на капиталистовъ, на рабочихъ, а предполагаетъ потребленіе третьихъ лицъ" (251). Съ заявленіемъ этимъ нѣтъ никакой возможности согласиться. „Теорія" г. В. В. (если можно тутъ говорить о теоріи) состоитъ просто въ игнорированіи того различія личнаго и производительнаго потребленія, различія средствъ производства и предметовъ потребленія, безъ котораго (различія) невозможно уясненіе воспроизводства всего общественнаго капитала въ капиталистическомъ обществѣ. Марксъ показалъ это со всею подробностью во II томѣ „Капитала" (третій отдѣлъ: „Воспроизводство и образованіе всего общественнаго капитала") и отмѣтилъ рельефно и въ I-омъ, критикуя то положеніе классической политической экономіи, по которому накопленіе капитала состоитъ въ превращеніи сверхстоимости въ заработную плату только, а не въ постоянный капиталъ (средства производства) плюсъ заработная плата. Для подтвержденія такой характеристики теоріи г-на В. В. ограничимся двумя цитатами изъ указанныхъ г-номъ Струве статей.

„Каждый рабочій,—говоритъ г. В. В. въ статьѣ „Излишекъ снабженія рынка товарами", — производитъ больше, чѣмъ онъ потребляетъ, и всѣ эти излишки скопляются въ немногихъ рукахъ; владѣльцы этихъ излишковъ потребляютъ ихъ сами, для чего обмѣниваютъ ихъ внутри страны и за границей на разно-

образные продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни пили, ни ѣли и ни плясали (sic !!), всей прибавочной стоимости имъ не извести". („От. Зап." 1883 г. № 5, стр. 16), и „для большей наглядности" авторъ „разсматриваетъ главнѣйшія траты" капиталиста въ родѣ обѣдовъ, поѣздокъ и т. д. Еще рельефнѣе въ статьѣ „Милитаризмъ и капитализмъ": „Ахиллесова пята капиталистической организаціи промышленности заключается въ невозможности для предпринимателей потребить весь свой доходъ" („Русская Мысль" 1889 г. № 9, стр. 81). „Ротшильдъ не сумѣетъ потребить всего приращенія своего дохода... просто потому, что это приращеніе... представляетъ такую значительную массу предметовъ потребленія, что Ротшильдъ, всѣ прихоти котораго и безъ того исполняются, рѣшительно затруднился бы" и т. д.

Всѣ эти разсужденія, какъ видите, основаны на томъ наивномъ мнѣніи, будто капиталистъ имѣетъ цѣлью личное потребленіе, а не накопленіе сверхстоимости, — на той ошибкѣ, будто общественный продуктъ распадается на $v + m$ (перемѣнный капиталъ плюсъ сверхстоимость), какъ училъ А. Смитъ и вся политическая экономія до Маркса, а не на $c + v + m$ (постоянный капиталъ, средства производства и затѣмъ уже заработная плата и сверхстоимость), какъ показалъ Марксъ. Разъ исправлены эти ошибки и принято во вниманіе то обстоятельство, что въ капиталистическомъ обществѣ громадную и все растущую роль играютъ средства производства (та часть общественныхъ продуктовъ, которая идетъ не на личное, а на производительное потребленіе, на потребленіе не людей, а капитала), рушится совершенно и вся пресловутая „теорія". Марксъ доказалъ во II томѣ, что вполнѣ мыслимо капиталистическое производство безъ внѣшнихъ рынковъ, съ растущимъ накопленіемъ богатства и безъ всякихъ „третьихъ лицъ", привлеченіе которыхъ г-номъ Струве въ высшей степени неудачно. Разсужденіе г. Струве объ этомъ, предметѣ тѣмъ болѣе вызываетъ недоумѣніе, что самъ же онъ указываетъ на преобладающее значеніе для Россіи внутренняго рынка и ловитъ г. В. В. на „программѣ развитія капитализма", опирающагося на „крѣпкое крестьянство". Процессъ образованія этого „крѣпкаго" (сирѣчь буржуазнаго) крестьянства, идущій въ настоящее время въ нашей деревнѣ, прямо показываетъ намъ зарожденіе капитала, пролетаризированіе производителя и *ростъ внутренняго рынка*: „распространеніе улучшенныхъ орудій", напр., означаетъ именно накопленіе капитала на счетъ средствъ производства. По этому вопросу особенно необходимо было бы вмѣсто изложенія „возможностей" дать изложеніе и объясненіе того дѣйствительнаго процесса, который выражается въ созданіи внутренняго рынка для русскаго капитализма" *).

---

*) Такъ какъ это очень важный и сложный вопросъ, то мы намѣрены посвятить ему особую статью.

Заканчивая этимъ разборъ теоретической части книги г. Струве, мы можемъ теперь попытаться дать общую, сводную, такъ сказать, характеристику основныхъ пріемовъ его разсужденій и подойти такимъ образомъ къ рѣшенію вопросовъ, выставленныхъ въ началѣ: „что именно въ этой книгѣ можетъ быть отнесено на счетъ марксизма?“ какія положенія доктрины (марксизма) авторъ отвергаетъ, пополняетъ или поправляетъ и что въ этихъ случаяхъ получается?

Основная черта разсужденій автора, отмѣченная съ самаго начала, это—его узкій объективизмъ, ограничивающійся доказательствомъ неизбѣжности и необходимости процесса и не стремящійся вскрывать въ каждой конкретной стадіи этого процесса присущую ему форму классоваго антагонизма,—объективизмъ, характеризующій процессъ вообще, а не тѣ антагонистическіе классы въ отдѣльности, изъ борьбы которыхъ складывается процессъ.

Мы вполнѣ понимаемъ, что для такого ограниченія своихъ „замѣтокъ“ одной „объективной“ и притомъ наиболѣе общей частью у автора были свои основанія: во-1-хъ, желая противопоставить народникамъ основы враждебныхъ воззрѣній, онъ излагаетъ одни principia, предоставляя развитіе и болѣе конкретное ихъ выясненіе дальнѣйшему развитію полемики, во-2-хъ, мы въ 1-ой главѣ старались показать, что *все* отличіе народничества отъ марксизма состоитъ въ *характерѣ критики* русскаго капитализма, въ иномъ *объясненіи* его,—откуда естественно проистекаетъ то, что марксисты ограничиваются иногда одними общими „объективными“ положеніями, напирають исключительно на то, что отличаетъ наше пониманіе (*общеизвѣстныхъ фактовъ*) отъ пониманія народническаго.

Но у г. Струве, кажется намъ, дѣло зашло уже слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи. Абстрактность изложенія давала часто положенія, не могущія не вызвать недоразумѣній; постановка вопроса не отличалась отъ ходячихъ, царящихъ въ нашей литературѣ пріемовъ разсуждать по-профессорски, сверху — о путяхъ и судьбахъ отечества, а не объ отдѣльныхъ классахъ, идущихъ такимъ-то и такимъ-то путемъ; чѣмъ конкретнѣе становились разсужденія автора, тѣмъ болѣе становилось невозможнымъ разъяснить principia марксизма, оставаясь на высотѣ общихъ абстрактныхъ положеній, тѣмъ необходимѣе было давать опредѣленныя указанія, на такое-то положеніе такихъ-то классовъ русскаго общества, на такое то соотношеніе разныхъ формъ Plusmacherei къ интересамъ производителей.

Поэтому и казалась намъ несовсѣмъ неумѣстной попытка дополнить и пояснить положенія автора, прослѣдить шагъ за шагомъ его изложеніе, чтобы отмѣтить необходимость *иной* постановки вопросовъ, необходимость *болѣе послѣдовательнаго* проведенія теоріи классовыхъ противорѣчій.

Что касается до прямыхъ отступленій г. Струве отъ марксизма — по вопросамъ о государствѣ, о перенаселеніи, о внутреннемъ рынкѣ,—то о нихъ достаточно было уже говорено.

VI.

Въ книгѣ г. Струве кромѣ критики теоретическаго содержанія народничества помѣщены, между прочимъ, еще нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся народнической экономической политики. Хотя замѣчанія эти брошены бѣгло и не развиты авторомъ, но мы не можемъ тѣмъ не менѣе не коснуться ихъ, чтобы не оставлять мѣста никакимъ недоразумѣніямъ.

Въ этихъ замѣчаніяхъ содержатся указанія на „раціональность", прогрессивность, „разумность" и т. п. либеральной, т.-е. буржуазной политики по сравненію съ политикой народнической *).

Очевидно, авторъ хотѣлъ сопоставить двѣ политики, остающіяся на почвѣ существующихъ отношеній,—и въ *этомъ смыслѣ* онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „разумная"—политика, развивающая, а не задерживающая капитализмъ,—„разумная", конечно, не потому, что, служа буржуазіи, все сильнѣе подчиняетъ ей производителя (какъ пытаются истолковать разные „простаки" или „акробаты"), а потому, что, обостряя и очищая капиталистическія отношенія, она просвѣтляетъ *разумъ* того, отъ кого только и зависитъ перемѣна, и развязываетъ ему руки.

Мы не можемъ не замѣтить однако, что это совершенно вѣрное положеніе выражено г-номъ Струве неудачно, именно благодаря свойственной ему абстрактности, такъ что иногда хочется сказать ему: предоставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ. Никогда не было въ Россіи недостатка въ людяхъ, всю душу полагавшихъ на созданіе теорій и программъ, выражающихъ интересы нашей буржуазіи, выражающихъ всѣ эти „долженствованія" сильнаго и крупнаго капитала раздавить маленькій капиталъ и разрушить его примитивные и патріархальные пріемы эксплуатаціи.

Если бы авторъ и тутъ строго выдержалъ требованія „доктрины" марксизма, обязывающей сводить изложеніе къ формулировкѣ дѣйствительнаго процесса, обязывающей вскрывать классовыя противорѣчія за каждой формой „разумной", „раціональной" и прогрессивной политики,—онъ высказалъ бы ту же мысль иначе, далъ бы другую постановку вопроса. Онъ привелъ бы тѣ теоріи и программы либерализма, т.-е. буржуазіи, которыя, какъ грибы послѣ дождя, росли послѣ великой реформы, въ параллель съ фактическими данными о развитіи капитализма въ Россіи. Онъ бы показалъ, такимъ образомъ, на русскомъ примѣрѣ

---

*) Укажемъ образчики этихъ замѣчаній: «Если государство... желаетъ укрѣпить не крупное, а мелкое землевладѣніе, то при данныхъ экономическихъ условіяхъ оно можетъ достигнуть этой цѣли не тѣмъ, что будетъ гоняться за неосуществимымъ экономическимъ равенствомъ въ средѣ крестьянства, а только путемъ поддержанія его жизнеспособныхъ элементовъ, путемъ созданія изъ нихъ экономически крѣпкаго крестьянства» (210). «Я не могу не видѣть, что политика, которая направится на созданіе *такого* крестьянства (именно: «экономически крѣпкаго, приспособленнаго къ товарному производству»), будетъ единственно разумной и прогрессивной политикой» (281). «Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» (251) и т. д. вплоть до заключительной фразы: «пойдемъ на выучку капитализму».

ту связь общественныхъ идей съ экономическимъ развитіемъ, которую онъ доказывалъ въ первыхъ главахъ и которая можетъ быть окончательно установлена только матеріалистическимъ анализомъ русскихъ данныхъ. Онъ бы показалъ такимъ образомъ, во-первыхъ, какъ наивны народники, воюющіе въ своей литературѣ противъ буржуазныхъ теорій такъ, какъ будто бы эти теоріи представляли только ошибочныя разсужденія, а не интересы могущественнаго класса, который глупо усовѣщивать, который можетъ быть „убѣжденъ“ только внушительной силой другого класса. Онъ показалъ бы такимъ образомъ, въ третьихъ, какой классъ на самомъ дѣлѣ опредѣляетъ у насъ „долженствованіе“ и „прогрессъ“, и какъ смѣшны народники, разсуждающіе о томъ, какой „путь“ „выбрать“.

Гг. народники съ особеннымъ удовольствіемъ подхватили эти выраженія г-на Струве, злорадствуя по поводу того, что неудачная формулировка ихъ позволила разнымъ буржуазнымъ экономистамъ (въ родѣ г. Янжула) и крѣпостникамъ (въ родѣ г. Головина) цѣпляться за отдѣльныя, вырванныя изъ общей связи, фразы. Мы видѣли, въ чемъ состоитъ неудовлетворительность г. Струве, давшая противникамъ такое оружіе въ руки.

Попытка критиковать народничество просто какъ теорію, неправильно указывающую пути для отечества *), привели автора къ неясной формулировкѣ своего отношенія къ „экономической политикѣ“ народничества. Тутъ могутъ увидѣть, пожалуй, огульное отрицаніе этой политики, а не одной только ея половины. Необходимо поэтому остановиться на этомъ пунктѣ.

Философствованіе о возможности „иныхъ путей для отечества“, это—только внѣшнее облаченіе народничества. Содержаніе же его—представительство интересовъ и точки зрѣнія русскаго мелкаго производителя, мелкаго буржуа. Поэтому народникъ въ теоріи точно также является Янусомъ, который смотритъ однимъ ликомъ въ прошлое, другимъ въ будущее, какъ въ жизни является Янусомъ мелкій производитель, который смотритъ однимъ ликомъ въ прошлое, желая укрѣпить свое мелкое хозяйство, не зная и знать ничего не желая объ общемъ экономическомъ строѣ и о необходимости считаться съ завѣдующимъ имъ классомъ, а другимъ ликомъ въ будущее, настраиваясь враждебно противъ разоряющаго его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу цѣликомъ, безъ разбора, было бы абсолютно неправильно. Въ ней надо строго отличать ея реакціонную и прогрессивную стороны. Народничество реакціонно, поскольку оно предлагаетъ мѣропріятія, привязывающія крестьянина къ землѣ и къ старымъ способамъ производства, вродѣ неотчуждаемости надѣловъ и т. п. **), поскольку они хотятъ задержать развитіе денежнаго

---

*) Авторъ «Критическихъ замѣтокъ» указываетъ на экономическую почву народничества (ст. 166—7), но его указаніе представляется намъ недостаточнымъ.

**) Чрезвычайно вѣрно говоритъ г. Струве, что эти мѣры могли бы лишь «осуществить пламенныя мечтанія нѣкоторыхъ западно-европейскихъ и россійскихъ землевладѣльцевъ о крѣпкихъ землѣ батракахъ» (278)

хозяйства, поскольку они ждутъ не частныхъ улучшеній, а перемѣны пути отъ „общества“ и отъ воздѣйствія представителей бюрократіи (примѣръ: г. Южаковъ, разсуждавшій въ „Рус. Бог.“ 1894, № 7, объ общественныхъ запашкахъ, проектируемыхъ однимъ земскимъ начальникомъ, и занимавшійся внесеніемъ поправокъ въ эти проекты). Противъ подобныхъ пунктовъ народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у нихъ другіе пункты, относящіеся къ самоуправленію, свободному и широкому доступу знаній къ „народу“, къ „подъему“ „народнаго“ (сирѣчь мелкаго) хозяйства посредствомъ дешевыхъ кредитовъ, улучшеній техники, упорядоченія сбыта и т. д. и т. д. и т. д. Что подобныя, обще-демократическія мѣропріятія прогрессивны,—это признаетъ, конечно, вполнѣ и г. Струве. Они не задержатъ, а ускорятъ экономическое развитіе Россіи по капиталистическому пути, ускорятъ созданіе внутренняго рынка, ускорятъ ростъ техники и машинной индустріи улучшеніемъ положенія трудящагося и повышеніемъ его уровня потребностей, ускорятъ и облегчатъ его самостоятельное мышленіе и дѣйствіе.

Тутъ можетъ только развѣ возникнуть вопросъ: кто вѣрнѣе и лучше указываетъ подобныя, безусловно желательныя мѣры,—народники ли или публицисты à la г. А. Скворцовъ, который тоже распинается за техническій прогрессъ и къ которому такъ чрезвычайно расположенъ г. Струве? Мнѣ кажется, что съ марксистской точки зрѣнія нельзя сомнѣваться въ абсолютной предпочтительности народничества въ *этомъ отношеніи*. Мѣропріятія гг. Скворцовыхъ такъ же относятся къ интересамъ всего класса мелкихъ производителей, мелкой буржуазіи, какъ программа „Московскихъ Вѣдомостей“ къ интересамъ крупной. Они разсчитаны не на всѣхъ *), а только на отдѣльныхъ избранниковъ, удостоивающихся вниманія начальства. Они безобразно грубы, наконецъ, потому что предполагаютъ полицейское вмѣшательство въ хозяйство крестьянъ. Взятыя въ совокупности, эти мѣры не даютъ никакихъ серьезныхъ гарантій и шансовъ на „производственный прогрессъ крестьянскаго хозяйства“.

Народники неизмѣримо правильнѣе понимаютъ и представляютъ въ *этомъ отношеніи* и интересы мелкихъ производителей, и марксисты должны, отвергнувъ всѣ реакціонныя черты ихъ программы, не только принять обще-демократическіе пункты, но и провести ихъ точнѣе, глубже и дальше. Чѣмъ рѣшительнѣе будутъ такія реформы въ Россіи, чѣмъ выше поднимутъ жизненный уровень трудящихся массъ,—тѣмъ рѣзче и чище выступитъ важнѣйшая и основная (уже сейчасъ) соціальная противоположность русской жизни. Марксисты не только не „обрываютъ демократической нити“ или теченія, какъ клеплетъ на нихъ г. В. В.,—напротивъ, они хотятъ развитія и усиленія этого теченія, хотятъ приближенія его къ жизни, хотятъ поднять ту „нить“, которую выпускаетъ изъ рукъ „общество“ и „интеллигенція“ **).

*) Т.-е., конечно, на всѣхъ, *кому доступенъ* техническій прогрессъ.

**) «Недѣля» 1894 г. № 44, г. В. В.: «Въ пореформенный періодъ нашей исторіи соціальныя отношенія въ нѣкоторыхъ чертахъ приблизились къ западно-европейскимъ,

Это требованіе—не бросать „нити“, а, напротивъ, укрѣплять ее—вовсе не случайно вытекаетъ изъ личнаго настроенія тѣхъ или другихъ „марксистовъ“, а необходимо опредѣляется положеніемъ и интересами того класса, которому они хотятъ служить, необходимо и безусловно предписывается коренными требованіями ихъ „доктрины“. Я не могу, по легко понятнымъ причинамъ, останавливаться на разборѣ первой части этого положенія, на характеристикѣ „положенія“ и „интересовъ“; да тутъ, кажется, дѣло само говоритъ за себя. Коснусь только второй части, именно отношенія марксистской доктрины къ вопросамъ, выражающимъ „обрывающую нить“.

Марксисты должны иначе ставить эти вопросы, чѣмъ это дѣлали и дѣлаютъ гг. народники. У послѣднихъ вопросъ становится съ точки зрѣнія „современной науки, современныхъ нравственныхъ идей“; дѣло изображается такъ, будто нѣтъ какихъ-нибудь глубокихъ, въ самыхъ *производственныхъ отношеніяхъ* лежащихъ причинъ неосуществленія подобныхъ реформъ, а есть препятствія только въ грубости чувствъ: въ слабомъ „свѣтѣ разума“ и т. п., будто Россія — tabula rasa, на которой остается только правильно начертать правильные пути. *При такой постановкѣ вопроса* ему обезпечивалась, понятно, „чистота“, которой хвастается г. В. В. и которая, на самомъ дѣлѣ, означаетъ лишь „чистоту“ институтскихъ мечтаній, которая дѣлаетъ народническія разсужденія столь пригодными для бесѣдъ въ кабинетахъ.

Постановка этихъ же вопросовъ у марксистовъ необходимо должна быть совершенно иная *). Обязанные отыскивать корни общественныхъ явленій въ производственныхъ отношеніяхъ, обязанные сводить ихъ къ *интересамъ* опредѣленныхъ классовъ, они должны формулировать тѣ же desiderata, какъ „пожеланія“ такихъ-то общественныхъ элементовъ, встрѣчающія противодѣйствіе такихъ-то другихъ элементовъ и классовъ. Такая постановка будетъ уже абсолютно устранять возможность утилизаціи ихъ „теорій“ для профессорскихъ, поднимающихся *выше* классовъ, разсужденій, для какихъ-нибудь обѣщающихъ „блестящій успѣхъ“ **) проектовъ и докладовъ. Это, конечно, только еще косвенное достоинство указываемой перемѣны точки зрѣнія, но и оно очень велико, если принять во вниманіе, по какой крутой наклонной плоскости катится *современное* народничество въ болото оппортунизма. Но однимъ косвеннымъ достоинствомъ дѣло не ограничивается. Если ставить тѣ же вопросы примѣнительно

съ активнымъ демократизмомъ въ эпоху политической борьбы и общественнымъ индифферентизмомъ въ послѣдующее время». Мы старались показать въ I главѣ, что этотъ «индифферентизмъ» — не случайность, а неизбѣжный результатъ положенія и интересовъ того класса, изъ котораго выходятъ представители «общества» и который рядомъ съ минусами отъ современныхъ отношеній получаетъ отъ нихъ весьма немаловажные плюсы.

*) Если они будутъ послѣдовательно проводить свою теорію. Мы много уже говорили о томъ, что неудовлетворительность изложенія у г. Струве произошла именно отъ того, что онъ не выдержалъ со всей строгостью этой теоріи.

**) Выраженіе г. Южакова.

къ теоріи классоваго антагонизма (для чего нуженъ, конечно, „пересмотръ фактовъ“ русской исторіи и дѣйствительности), тогда отвѣты на нихъ будутъ давать формулировку насущныхъ интересовъ такихъ-то классовъ; эти отвѣты будутъ предназначаться на практическую утилизацію *) ихъ именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими, — они будутъ рваться, говоря прекраснымъ выраженіемъ одного марксиста изъ „тѣснаго кабинета интеллигенціи“ къ самимъ участникамъ производственныхъ отношеній въ наиболѣе развитомъ и чистомъ ихъ видѣ, къ тѣмъ, на комъ всего сильнѣе сказывается „обрывъ нити“, для кого „идеалы“ «нужны», потому что безъ нихъ имъ приходится плохо. Такая постановка вдохнетъ новую живую струю во всѣ эти старые вопросы — о податяхъ, паспортахъ, переселеніяхъ, волостныхъ правленіяхъ и т. д. — вопросы, которые наше „общество“ обсуждало и трактовало, жевало и пережевывало, рѣшало и перерѣшало, и къ которымъ оно стало теперь терять всякій вкусъ.

Итакъ, какъ бы ни подходили мы къ вопросу,—разбирая ли содержаніе царящей въ Россіи системы экономическихъ отношеній и разныя формы этой системы въ ихъ исторической связи и въ ихъ отношеніи къ интересамъ трудящихся,—или же разбирая вопросъ объ „обрывѣ нити“ и о причинахъ этого „обрыва“,— въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ одному выводу, къ выводу о великомъ значеніи той исторической задачи, „дифференцированнаго отъ жизни труда“, которая выдвигается переживаемой нами эпохой, къ выводу о всеобъемлющемъ значеніи идеи этого класса.

---

*) Конечно, для *этой* «утилизаціи» требуется громадная подготовительная работа, притомъ работа, по самому существу своему, не видная. До этой утилизаціи можетъ пройти болѣе или менѣе значительный періодъ времени, въ теченіе котораго мы будемъ прямо говорить, что нѣтъ еще никакой силы, способной дать лучшіе пути для отечества, — въ противоположность «слащавому оптимизму» гг. народниковъ, увѣряющихъ, что силы есть и остается лишь посовѣтовать имъ «сойти съ неправильнаго пути».

Задачи русскихъ соціалдемократовъ.

Настоящая статья впервые была издана за границей въ видѣ отдѣльной брошюры въ 1897 г., второе изданіе появилось въ 1902 г. Въ настоящемъ изданіи статья печатается безъ перемѣнъ съ сохраненіемъ трехъ предисловій: П. Аксельрода къ первому и автора — ко 2-му и 3-му изданіямъ.

Предисловіе къ третьему изданію.

Третье изданіе настоящей брошюры выходитъ въ такой моментъ развитія революціи въ Россіи, который существенно отличается отъ 1897 года, когда эта брошюра была написана, и отъ 1902-го, когда вышло ея второе изданіе. Нечего и говорить, что брошюра даетъ лишь общій очеркъ задачъ соціалдемократіи вообще, а не конкретное указаніе современныхъ задачъ, соотвѣтствующихъ теперешнему состоянію рабочаго и революціоннаго движенія, а также состоянію Росс. С.-Д. Р. Партіи. Современнымъ задачамъ нашей партіи посвящена мной брошюра „Двѣ тактики соціалдемократіи въ демократической революціи" (Женева, 1905 г.). Изъ сопостановленія обѣихъ брошюръ читатели могутъ составить себѣ сужденіе о томъ, послѣдовательно ли развивались взгляды автора относительно общихъ задачъ соціалдемократіи и спеціальныхъ задачъ даннаго момента. Что такое сопоставленіе небезполезно, это видно, между прочимъ, изъ недавней выходки вождя нашей либерально-монархической буржуазіи, г-на Струве, обвинившаго въ „Освобожденіи" революціонную соціалдемократію (въ лицѣ 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П.) въ бунтарской и отвлеченно-революціонистской постановкѣ вопроса о в. в. Мы уже отмѣтили въ „Пролетаріѣ" (№ 9, „Революція учитъ"), что простое сравненіе „Задачъ русскихъ соціалдемократовъ" (1897 года), „Что дѣлать" (1902 г.) и „Пролетарія" (1902 г.) опровергаетъ обвиненіе освобожденцевъ и доказываетъ связь въ развитіи соціалдемократическихъ взглядовъ на этотъ вопросъ съ развитіемъ революціоннаго движенія въ Россіи. Обвиненіе освобожденцевъ есть лишь оппортунистическая выходка сторонниковъ либеральной монархіи, стремящихся прикрыть свое предательство революціи, предательство интересовъ народа, свои стремленія войти въ сдѣлку со старымъ порядкомъ.

Августъ, 1905 г.

Предисловіе ко второму изданію.

Прошло ровно пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написана предлагаемая брошюра, выходящая теперь вторымъ изданіемъ вслѣдствіе надобностей агитаціи. За этотъ небольшой срокъ наше молодое рабочее движеніе сдѣлало такой громадный шагъ впередъ, въ положеніи русской соціалдемократіи и въ состояніи ея силъ произошли такія глубокія измѣненія, что покажется, пожалуй, страннымъ, какъ могла явиться надобность въ простой перепечаткѣ старой брошюры. Неужели „задачи русскихъ соціалдемократовъ“ нисколько не измѣнились въ 1902 г. по сравненію съ 1897 г.? Неужели не подвинулись ни на шагъ впередъ взгляды на этотъ счетъ самого автора, который тогда подводилъ итоги только еще „первому опыту“ своей партійной дѣятельности?

Такіе (или подобные имъ) вопросы, вѣроятно, возникнутъ не у одного читателя, и для отвѣта на эти вопросы мы должны сослаться на брошюру „Что дѣлать“ и дополнить кое-что изъ сказаннаго тамъ. Сослаться — чтобы указать на изложеніе авторомъ его взглядовъ на *современныя* задачи соціалдемократіи: дополнить — сказанное тамъ (стр. 31—2, 121, 138) объ условіяхъ, при которыхъ была писана переиздаваемая теперь брошюра, и о ея отношеніи къ особому „періоду“ въ развитіи русской соціалдемократіи. Такимъ періодовъ вообще я назвалъ въ указанной брошюрѣ („Что дѣлать“) четыре, причемъ послѣдній отнесенъ „къ области настоящаго, отчасти будущаго“, третьимъ періодомъ названо господство (или, по крайней мѣрѣ, широкое распространеніе) „экономическаго“ направленія, начиная съ 1897—1898 года, вторымъ періодомъ годы 1894—1898 и первымъ 1884—1894. Во второмъ періодѣ мы не видимъ, въ отличіе отъ третьяго, разногласій въ средѣ самихъ соціалдемократовъ. Соціалдемократія была тогда единой идейно, и тогда же сдѣлана была попытка добиться также единства практическаго, организаціоннаго (образованіе Рос. С.-Д. Р. Партіи). Главное вниманіе соціалдемократовъ было тогда устремлено не на выясненіе и рѣшеніе тѣхъ или иныхъ внутреннихъ партійныхъ вопросовъ (какъ въ третьемъ періодѣ), а на идейную борьбу съ противниками соціалдемократіи, съ одной стороны, на развитіе практической партійной работы — съ другой.

Между теоріей и практикой соціалдемократовъ не было того антагонизма, который существовалъ въ эпоху „экономизма“.

Предлагаемая брошюра и отражаетъ въ себѣ особенности тогдашняго положенія и тогдашнихъ „задачъ“ соціалдемократіи. Брошюра зоветъ къ углубленію и расширенію практической работы, не видя никакихъ „препятствій“ къ этому въ невыясненности какихъ-либо общихъ взглядовъ, принциповъ-и теорій, не видя (не существовавшаго тогда) затрудненія въ сочетаніи политической и экономической борьбы. Брошюра обращается къ противникамъ соціалдемократіи со своими принципіальными разъясненіями, къ народовольцамъ и народоправцамъ, стараясь разсѣять тѣ недоразумѣнія и предубѣжденія, которыя заставляютъ ихъ сторониться отъ новаго движенія.

И вотъ въ настоящее время, когда періодъ „экономизма“, видимо, подходитъ къ концу, позиція соціалдемократовъ оказывается опять сходной съ тою, которая была пять лѣтъ тому назадъ. Конечно, задачи, стоящія передъ нами теперь, неизмѣримо сложнѣе сообразно гигантскому росту движенія за это время, но основныя особенности настоящаго момента воспроизводятъ, на болѣе широкомъ базисѣ и въ большемъ масштабѣ, особенности „второго“ періода. Несоотвѣтствіе между нашей теоріей, программой, тактическими задачами и практикой исчезаетъ по мѣрѣ исчезновенія экономизма. Мы опять смѣло можемъ и должны звать къ углубленію и расширенію практической работы, ибо расчистка теоретическихъ предпосылокъ этой работы въ значительной степени уже произведена. Мы опять должны обратить особенное вниманіе на несоціалдемократическія нелегальныя направленія въ Россіи, причемъ передъ нами опять оказываются тѣ же въ сущности, только гораздо болѣе развитыя, оформившіяся, „зрѣлыя“ направленія, какъ и въ первой половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Народовольцы въ процессѣ сбрасыванія старыхъ своихъ ризъ дошли до превращенія въ „соціалистовъ-революціонеровъ“, какъ бы самымъ уже этимъ названіемъ показывая, что они остановились на полдорогѣ. Отъ стараго („русскаго“ соціализма) они отстали, а къ новому (соціалдемократіи) не пристали. Единственную теорію революціоннаго соціализма, какая только извѣстна современному человѣчеству, т.-е. марксизмъ, они сдаютъ въ архивъ на основаніи буржуазной („соціалисты“ —!) и оппортунистической (— „революціонеры“!) критики. Безыдейность и безпринципность ведутъ ихъ на практикѣ къ „революціонному авантюризму“, выражающемуся и въ ихъ стремленіи поставить на одну доску такіе соціальные слои и классы, какъ интеллигенція, пролетаріатъ и крестьянство, и въ ихъ шумной проповѣди „систематическаго“ террора, и въ ихъ замѣчательной аграрной программѣ минимумъ (соціализація земли, кооперація, прикрѣпленіе къ надѣлу. См. „Искру“ №№ 23 и 24), и въ ихъ отношеніи къ либераламъ (см. „Рев. Рос.“ № 9 и рецензію г. Житловскаго на „Освобожденіе“ въ № 9 „Socialistische Monatshefte“), и во многомъ другомъ, о чемъ намъ придется еще, вѣроятно, говорить неоднократно. Въ Россіи такъ еще много соціальныхъ элементовъ и условій, питающихъ интеллигентскую неустойчи-

ность, вызывающихъ желаніе радикально настроенныхъ личностей сочетать отжившее старое и безжизненное модное, мѣшающихъ имъ слить свое дѣло съ ведущимъ свою классовую борьбу пролетаріатомъ, — что русской соціалдемократіи придется еще посчитаться съ направленіемъ или направленіями подобно „соціально-революціонному“, покуда капиталистическая эволюція и обостреніе классовыхъ противорѣчій не отнимутъ у нихъ всякой почвы.

Народоправцы, которые въ 1897 году отличались не меньшей неопредѣленностью (см. ниже, стр. 33—35), чѣмъ теперешніе соц.-рев., сошли вслѣдствіе этого очень быстро со сцены. Но ихъ „трезвая“ идея — совершенно отдѣлить требованіе политической свободы отъ соціализма — не умерла и не могла умереть, ибо въ Россіи очень сильны и все усиливаются либерально-демократическія теченія среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ крупной и мелкой буржуазіи. Поэтому законнымъ наслѣдникомъ народоправцевъ, ихъ опредѣленнымъ, послѣдовательнымъ, зрѣлымъ продолжателемъ явилось либеральное „Освобожденіе“, желающее группировать вокругъ себя представителей буржуазной оппозиціи въ Россіи. И насколько неизбѣжно отзрѣваніе и отживаніе старой дореформенной Россіи, патріархальнаго крестьянства, стараго типа интеллигенціи, способной одинаково увлекаться и общиной и сельско-хозяйственными кооперaціями и „неуловимымъ“ терроромъ, настолько же неизбѣжны ростъ и созрѣваніе имущихъ классовъ капиталистической Россіи, буржуазіи и мелкой буржуазіи, съ ихъ трезвымъ либерализмомъ, начинающимъ сознавать, что нерасчетливо содержать тупое, дикое, дорого стоящее и нисколько не защищающее отъ соціализма абсолютное правительство, — съ ихъ требованіемъ европейскихъ формъ классовой борьбы и классоваго господства, — съ ихъ прирожденнымъ (въ эпоху пробужденія и роста пролетаріата) стремленіемъ прикрывать свои буржуазные классовые интересы отрицаніемъ классовой борьбы вообще.

Намъ есть поэтому, за что и поблагодарить гг. либеральныхъ помѣщиковъ, пытающихся основать „земскую конституціонную партію“. Во-первыхъ, начнемъ съ наименѣе важнаго — мы поблагодаримъ ихъ за то, что они убрали отъ русской соціалдемократіи г. Струве, окончательно превращая его изъ квазимарксиста въ либерала, помогая намъ на живомъ примѣрѣ демонстрировать передъ всѣми и каждымъ настоящее значеніе бернштейніанства вообще и русскаго бернштейніанства въ особенности. Во-вторыхъ, стремясь сдѣлать сознательно-либеральными разные слои русской буржуазіи, „Освобожденіе“ тѣмъ самымъ поможетъ намъ ускорить превращеніе въ сознательныхъ соціалистовъ большей и большей массы рабочихъ. У насъ такъ много было и есть расплывчатаго, либерально-народническаго квази-соціализма, что по сравненію съ нимъ явнымъ шагомъ впередъ является новое либеральное направленіе. Рабочимъ такъ легко будетъ теперь наглядно демонстрировать русскую либеральную и демократическую буржуазію, яснять необходи-

мость самостоятельной рабочей политической партіи, составляющей едино съ международной соціалдемократіей, — интеллигентовъ такъ просто будетъ звать теперь къ рѣшительному опредѣленію своей позиціи: либерализмъ *или* соціалдемократія, — половинчатыя теоріи и направленія будутъ такъ быстро измалываться жерновами этихъ двухъ растущихъ и усиливающихся „антиподовъ". Въ третьихъ, — и это самое важное, конечно, — мы поблагодаримъ либераловъ, если они своей оппозиціей расшатаютъ союзъ самодержавія съ нѣкоторыми слоями буржуазіи и интеллигенціи. Говоримъ: „если", ибо своимъ кокетничаньемъ съ самодержавіемъ, своимъ превознесеніемъ мирной культурной работы, своей войной противъ „тенденціозныхъ" революціонеровъ и т. п. либералы расшатываютъ не столько самодержавіе, сколько борьбу съ самодержавіемъ. Неуклонно и непримиримо разоблачая всякую половинчатость либераловъ, всякую попытку ихъ заигрывать съ правительствомъ, мы тѣмъ самымъ и будемъ обезсиливать эту предательскую сторону политической дѣятельности господъ либеральныхъ буржуа, мы тѣмъ самымъ будемъ парализовать ихъ шуйцу и обезпечивать наибольшіе результаты работы ихъ десницы.

Такимъ образомъ и народовольцы, и народоправцы сдѣлали очень большіе шаги впередъ въ смыслѣ развитія, опредѣленія и оформленія ихъ настоящихъ стремленій и ихъ настоящей природы. Та борьба, которая въ первой половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка была борьбой между небольшими кружками революціонной молодежи, возобновляется теперь какъ рѣшительная борьба зрѣлыхъ политическихъ направленій и настоящихъ политическихъ партій.

Переизданіе „Задачъ", въ виду этого, явится можетъ быть, небезполезнымъ и въ томъ отношеніи, что напомнитъ молодымъ членамъ партіи ея недавнее прошлое, покажетъ возникновеніе того положенія соціалдемократовъ среди другихъ направленій, которое вполнѣ опредѣлилось только теперь, поможетъ яснѣе и отчетливѣе представить себѣ однородныя по существу, но болѣе сложныя „задачи" современнаго момента.

Передъ соціалдемократіей съ особенной силой выдвигается теперь задача положить конецъ всякому разброду и шатанью въ своей средѣ, сплотиться тѣснѣе и слиться организаціонно подъ знаменемъ революціоннаго марксизма, — направить всѣ усилія къ объединенію всѣхъ практически работающихъ соціалдемократовъ, къ углубленію и расширенію ихъ дѣятельности, а вмѣстѣ съ этимъ обратить серьезное вниманіе на выясненіе возможно болѣе широкой массѣ интеллигентовъ и рабочихъ истиннаго значенія двухъ выше названныхъ направленій, съ которыми уже давно приходится считаться соціалдемократіи.

Августъ, 1902 г.

Предисловіе П. Б. Аксерольда

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемая брошюра написана была около года тому назадъ, но нами, къ сожалѣнію, получена, вмѣстѣ съ другимъ манускриптомъ того же автора*), лишь недавно. Она, однако, за это время нисколько не утратила своего жизненнаго интереса и значенія. И если мы выражаемъ сожалѣніе по поводу ея поздняго появленія въ печати, то только потому, что полгода тому назадъ она явилась бы отчасти какъ бы непосредственнымъ комментаріемъ къ „Манифесту Россійской Социалдемократической Рабочей Партіи", выдвигающему на первый планъ тѣ же практическія задачи, какія ставитъ передъ нею авторъ печатаемаго произведенія. Авторъ сильно и настойчиво подчеркиваетъ неразрывную связь социалистическихъ и демократическихъ задачъ нашего движенія. „Пропагандируя среди рабочихъ, социалдемократы *не могутъ* обходить вопросы политическіе и сочли бы всякую попытку обойти ихъ, или даже отодвинуть, глубокой ошибкой и *отступленіемъ* (курсивъ нашъ) отъ основныхъ положеній всемірнаго социалдемократизма". И не только въ пропагандѣ, но и въ *агитаціи* вопросы эти, по убѣжденію автора, не могутъ быть отодвигаемы на задній планъ. Да не подумаетъ какой-нибудь наивный читатель, что онъ предлагаетъ звать рабочихъ на баррикады или подстрекать ихъ на устройство заговоровъ. Ничуть не бывало. Рѣшить вопросъ о средствахъ „для нанесенія рѣшительнаго удара абсолютизму" онъ предоставляетъ самой рабочей партіи, когда она настолько разростется и укрѣпится, что почувствуетъ себя достаточно сильной для вступленія въ окончательный бой съ этимъ врагомъ. Но, заявляетъ онъ, и теперь уже, „*агитируя* среди рабочихъ на почвѣ ближайшихъ *экономическихъ* требованій, социалдемократы неразрывно связываютъ съ этимъ и агитацію на почвѣ ближайшихъ политическихъ нуждъ, бѣдствій и требованій рабочаго класса".

Такими же существенными и важными мы считаемъ замѣчанія автора по вопросу объ отношеніи промышленнаго городского пролетаріата и социалдемократіи къ другимъ слоямъ угнетенныхъ массъ и къ другимъ революціоннымъ фракціямъ. Онъ

---

*) «О законѣ 2-го іюня».

рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ того, „чтобы русская соціалдемократія игнорировала остальные слои русскаго пролетаріата и рабочаго класса“, кустарей, сельскихъ батраковъ и массы разореннаго крестьянства. Но какъ революціонеръ, счастливо соединяющій въ себѣ опытъ хорошаго практика съ теоретическимъ образованіемъ и широкимъ политическимъ кругозоромъ, нашъ авторъ прекрасно сознаетъ необходимость сосредоточенія всѣхъ активныхъ силъ нашей партіи на дѣятельности среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. И несмотря на это, наши передовые рабочіе и дѣятели не только должны, но и имѣютъ полную возможность обращать серьезное вниманіе и на положеніе и интересы вышеуказанныхъ народныхъ массъ. Какимъ образомъ? Читайте внимательно стр. 9—12, и вы увидите, какъ просто разрѣшается это кажущееся противорѣчіе.

Для эмигрантовъ, давно уже оставившихъ родину, чрезвычайно пріятно чувствовать и сознавать себя вполнѣ солидарными съ наиболѣе мыслящими и иниціативными руководителями революціоннаго движенія въ Россіи. Не могу поэтому отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить, что и въ вопросѣ объ отношеніи русской соціалдемократіи къ народнымъ массамъ, стоящимъ внѣ городского промышленнаго пролетаріата, и къ другимъ оппозиціонно-прогрессивнымъ слоямъ, мы вполнѣ солидарны съ авторомъ. „Задача пріобрѣтенія русскими соціалдемократами приверженцевъ, прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди пролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ пропагандистской дѣятельности въ средѣ самого пролетаріата“*). Эти строки, написанныя мною осенью прошлаго года, какъ мнѣ кажется, совпадаютъ по духу и тенденціи съ тѣмъ, что говоритъ нашъ авторъ по тому же предмету.

Въ брошюрѣ своей нашъ авторъ обращается главнымъ образомъ къ противникамъ изъ лагеря революціонной интеллигенціи. Онъ старается разсѣять укоренившіеся въ нихъ предразсудки и предубѣжденія противъ соціалдемократіи. Это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на его произведеніе. Въ немъ, какъ бы помимо воли автора, отождествляется то, что *должно* быть, съ тѣмъ, что *есть*: задачи и тактика, которыя русская соціалдемократія *должна* преслѣдовать, чтобы остаться вѣрной духу своихъ ученій, изображаются авторомъ какъ бы уже безусловно господствующими въ дѣйствительности. Мы слишкомъ давно живемъ внѣ Россіи и слишкомъ далеки отъ поля борьбы, чтобы съ полной увѣренностью судить о фактическомъ состояніи нашего движенія. Мы можемъ судить о немъ, главнымъ образомъ, по заявленіямъ болѣе молодыхъ товарищей, сравнительно недавно попавшихъ за границу. А эти товарищи, за рѣдкими исключеніями, довольно далеки еще отъ тѣхъ практическихъ воззрѣній, на почвѣ которыхъ стоитъ авторъ настоящей брошюры, и увѣряютъ, что такъ же, какъ они, смотритъ

*) «Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ».

на практику русской соціалдемократіи большинство активныхъ группъ. Очень можетъ быть, что дѣйствительное настроеніе умовъ далеко не таково, какимъ оно представляется сквозь очки, окрашенныя ихъ субъективными симпатіями и антипатіями; фактическія проявленія этого настроенія въ прокламаціяхъ и дѣятельности товарищей въ главныхъ центрахъ движенія отчасти даже прямо противорѣчатъ заявленіямъ упомянутыхъ товарищей. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, какъ кажется, движеніе наше еще только стремится къ той ступени развитія, которой вполнѣ соотвѣтствуетъ тактическая точка зрѣнія автора. По всей вѣроятности, онъ и самъ такъ думаетъ. И если изъ его брошюры выносится другое впечатлѣніе, то это, нужно думать, объясняется ея главной цѣлью: устранить господствующія въ лагерѣ нашихъ революціонныхъ противниковъ недоразумѣнія насчетъ практическихъ задачъ, вытекающихъ изъ ученій соціалдемократіи. Преслѣдуя эту цѣль, авторъ естественно долженъ былъ особенно подчеркивать тѣ стороны и тѣ моменты нашего движенія, въ которыхъ тенденція къ постановкѣ и осуществленію этихъ задачъ проявляется, такъ сказать, стихійно, хотя пока еще въ зачаточныхъ формахъ.

Считаю не лишнимъ отмѣтить тотъ фактъ, что около того времени, когда предлагаемое произведеніе писалось, готовился къ печати № 2 „Рабочей Газеты", вышедшій въ свѣтъ, если не ошибаюсь, въ декабрѣ прошлаго или въ январѣ настоящаго года. Этотъ номеръ газеты, по самому своему содержанію, по подбору фактовъ и явленій русской жизни, по извѣстіямъ, сообщаемымъ въ немъ, и по задачамъ, которыя редакція выдвинула на первый планъ, представляетъ собою практическое примѣненіе въ области литературной пропаганды тактики, указываемой нашимъ авторомъ. Напечатанная нами недавно брошюра „Современная Россія", также написана была въ прошломъ году. Авторъ ея, замѣтимъ мимоходомъ, участвовалъ, какъ передавали, въ составленіи извѣстной брошюры „Объ агитаціи", сослужившей въ свое время такую огромную службу нашему движенію, и вмѣстѣ съ авторомъ печатаемаго произведенія принадлежитъ не только къ самымъ талантливымъ, но и къ наиболѣе вліятельнымъ среди основателей нашихъ главныхъ рабочихъ организацій. Наконецъ, въ своемъ „Манифестѣ" съѣздъ нашихъ товарищей, состоявшійся послѣдней весной, далъ какъ бы оффиціальное выраженіе и санкцію тѣмъ взглядамъ на положеніе, задачи и тактику нашей партіи, которыя высказаны въ упомянутыхъ произведеніяхъ. Все это даетъ основаніе надѣяться, что не далеко то время, когда она въ самомъ дѣлѣ будетъ вполнѣ сознательно и послѣдовательно проводить на практикѣ ту программу дѣйствій, которую указываетъ печатаемая брошюра.

П. Аксельродъ.

Осень 1898 года.

Задачи русскихъ соціалдемократовъ.

Вторая половина 90-хъ годовъ характеризуется замѣчательнымъ оживленіемъ въ постановкѣ и разрѣшеніи русскихъ революціонныхъ вопросовъ. Появленіе новой революціонной партіи народоправцевъ, растущее вліяніе и успѣхи соціалдемократовъ, внутренняя эволюція народничества—все это вызвало оживленное обсужденіе програмныхъ вопросовъ какъ въ кружкахъ соціалистовъ, интеллигентовъ и рабочихъ, такъ и въ нелегальной литературѣ. Стоитъ указать въ послѣдней области на „Насущный вопросъ" и „Манифестъ" (1894) партіи „Народнаго права", на „Летучій листокъ группы Народной воли", на заграничный „Работникъ" издаваемый „Союзомъ русскихъ Соціалдемократовъ", на усиливающуюся дѣятельность по изданію революціонныхъ брошюръ, главнымъ образомъ для рабочихъ, въ Россіи, на агитаціонную дѣятельность соц.-демократическаго „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса" въ СПБ. въ связи съ знаменательными петербургскими стачками 1896 г. и т. д.

Въ настоящее время (конецъ 1897 г.) наиболѣе животрепещущимъ вопросомъ является, съ нашей точки зрѣнія, вопросъ о *практической* дѣятельности соціалдемократовъ. Мы подчеркиваемъ *практическую* сторону соціалдемократизма, ибо теоретическая сторона его пережила уже, повидимому, наиболѣе острый періодъ упорнаго непониманія противниковъ, усиленныхъ стремленій подавить новое направленіе при самомъ его появленіи, съ одной стороны, и горячей защиты основаній соціалдемократизма—съ другой. Теперь теоретическія воззрѣнія соціалдемократовъ представляются въ *главныхъ и основныхъ своихъ чертахъ* достаточно выясненными. Нельзя сказать того же о *практической* сторонѣ соц.-демократизма, о его политической *программѣ*, о его пріемахъ дѣятельности, его тактикѣ. Именно въ этой области господствуетъ, кажется намъ, больше всего недоразумѣній и взаимнаго непониманія, препятствующаго полному сближенію съ соціалдемократизмомъ тѣхъ революціонеровъ, которые въ теоріи отрѣшились вполнѣ отъ народничества, а на практикѣ—либо приходятъ самой силой вещей къ пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ, даже болѣе: къ постановкѣ своей дѣятельности среди рабочихъ на почву *классовой борьбы*; либо стремятся выдѣлить *демократическія* задачи въ основу всей программы и всей революціонной дѣятельности. Если мы не ошибаемся, послѣдняя характеристика

подходитъ къ тѣмъ двумъ революціоннымъ группамъ, которыя дѣйствуютъ въ настоящее время въ Россіи наряду съ социалдемократами, именно: къ народовольцамъ и народоправцамъ.

Поэтому намъ кажется особенно своевременной попытка разъяснить *практическія* задачи соціалдемократовъ и изложить тѣ основанія, по которымъ мы считаемъ ихъ грограмму наиболѣе раціональной изъ трехъ наличныхъ программъ, а возраженія противъ нея основанными въ значительной степени на недоразумѣніи.

Практическая дѣятельность соціалдемократовъ ставитъ себѣ, какъ извѣстно, задачей руководить классовой борьбой пролетаріата и организовать эту борьбу въ ея обѣихъ проявленіяхъ: соціалистическомъ (борьба противъ класса капиталистовъ, стремящаяся къ разрушенію классоваго строя и организаціи соціалистическаго общества) и демократическомъ (борьба противъ абсолютизма, стремящаяся къ завоеванію въ Россіи политической свободы и демократизаціи политическаго и общественнаго строя Россіи). Мы сказали: *какъ извѣстно.* И дѣйствительно, съ самаго своего появленія въ качествѣ особаго соціально-революціоннаго направленія русскіе соціалдемократы всегда съ полной опредѣленностью указывали на такую задачу своей дѣятельности, всегда подчеркивали двоякое проявленіе и содержаніе классовой борьбы пролетаріата, всегда настаивали на неразрывной связи своихъ соціалистическихъ и демократическихъ задачъ,—связи, наглядно выраженной въ названіи, принятомъ ими. Тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ вы встрѣчаете зачастую соціалистовъ, которые имѣютъ самыя превратныя представленія о соціалдемократахъ, обвиняя ихъ въ игнорированіи политической борьбы и т. п. Остановимся же нѣсколько на характеристикѣ обѣихъ сторонъ практической дѣятельности русской соціалдемократіи.

Начнемъ съ соціалистической дѣятельности. Съ тѣхъ поръ, какъ соціалистическій „Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса" въ СПБ. проявилъ свою дѣятельность среди петербургскихъ рабочихъ, характеръ соціалдемократической дѣятельности въ этомъ отношеніи, казалось бы, долженъ быть вполнѣ ясенъ. Соціалистическая работа русскихъ соціалдемократовъ состоитъ въ *пропагандѣ* ученій научнаго соціализма, въ распространеніи среди рабочихъ правильнаго понятія о современномъ общественно-экономическомъ строѣ, его основаніяхъ и его развитіи, о различныхъ *классахъ* русскаго общества, о ихъ взаимноотношеніи, о борьбѣ этихъ классовъ между собой, о роли рабочаго класса въ этой борьбѣ, его отношеніи къ падающимъ и развивающимся классамъ, къ прошлому и будущему капитализма, объ исторической задачѣ международной соціалдемократіи и русскаго рабочаго класса. Въ неразрывной связи съ пропагандой стоитъ *агитація* среди рабочихъ, выдвигаясь естественно на первый планъ при современныхъ политическихъ условіяхъ Россіи и при уровнѣ развитія рабочихъ массъ. Агитація среди рабочихъ состоитъ въ томъ, что соціалдемократы принимаютъ участіе во всѣхъ стихійныхъ проявленіяхъ борьбы рабочаго класса, во всѣхъ

столкновеніяхъ рабочихъ съ капиталистами изъ-за рабочаго дня, рабочей платы, условій труда и проч. и проч. Наша задача— слить свою дѣятельность съ практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочимъ разбираться въ этихъ вопросахъ, обращать вниманіе рабочихъ на важнѣйшія злоупотребленія, помогать имъ формулировать точнѣе и практичнѣе свои требованія къ хозяевамъ, развивать въ рабочихъ сознаніе своей солидарности, сознаніе общихъ интересовъ и общаго дѣла всѣхъ русскихъ рабочихъ, какъ единаго рабочаго класса, составляющаго часть всемірной арміи пролетаріата. Организація кружковъ среди рабочихъ, устройство правильныхъ и конспиративныхъ сношеній между ними и центральной группой соціалдемократовъ, изданіе и распространеніе рабочей литературы, организація корреспонденцій изъ всѣхъ центровъ рабочаго движенія, изданіе агитаціонныхъ листковъ и прокламацій и распространеніе ихъ, подготовленіе контингента опытныхъ агитаторовъ, — таковы въ общихъ чертахъ проявленія соціалистической дѣятельности русской соц.-демократіи.

Наша работа направлена прежде всего и больше всего на фабрично-заводскихъ городскихъ рабочихъ. Русская соціалдемократія не должна раздроблять свои силы, она должна сосредоточиться на дѣятельности среди промышленнаго пролетаріата, наиболѣе воспріимчиваго для соціалдемократическихъ идей, наиболѣе развитого интеллектуально и политически, наиболѣе важнаго по своей численности и по концентрированности въ крупныхъ политическихъ центрахъ страны. Созданіе прочной революціонной организаціи среди фабрично-заводскихъ городскихъ рабочихъ является поэтому первой и насущной задачей соціалдемократіи, задачей, отвлекаться отъ которой въ настоящее время было бы въ высшей степени неразумно. Но, признавая необходимость сосредоточить свои силы на фабрично-заводскихъ рабочихъ, осуждая раздробленіе силъ, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы русская соціалдемократія игнорировала остальные слои русскаго пролетаріата и рабочаго класса. Ничего подобнаго. Русскій фабричный рабочій по самымъ условіямъ своей жизни вынужденъ сплошь да рядомъ становиться въ самыя тѣсныя отношенія къ кустарямъ — этому промышленному пролетаріату, разлитому внѣ фабрики въ городахъ и деревняхъ и поставленному въ гораздо худшія условія. Русскій фабричный рабочій приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе и съ сельскимъ населеніемъ (нерѣдко фабричный рабочій имѣетъ семью въ деревнѣ) и, слѣдовательно, не можетъ не сближаться и съ сельскимъ пролетаріатомъ, съ многомилліонной массой профессіональныхъ батраковъ и поденщиковъ, а также съ тѣмъ разореннымъ крестьянствомъ, которое, держась за мизерные клочки земли, занято отработками и всякими случайными „заработками“, т.-е. той же работой по найму. Русскіе соціалдемократы считаютъ несвоевременнымъ *направлять* свои силы въ среду кустарей и сельскихъ рабочихъ, но они вовсе не намѣрены оставлять безъ вниманія эту среду и будутъ стараться просвѣщать передовыхъ

рабочихъ и по вопросамъ быта кустарей и сельскихъ рабочихъ, чтобы эти рабочіе, приходя въ соприкосновеніе съ болѣе отсталыми слоями пролетаріата, заносили и въ нихъ идеи классовой борьбы, соціализма и политическихъ задачъ русской демократіи вообще и русскаго пролетаріата въ частности. Непрактично посылать агитаторовъ къ кустарямъ и сельскихъ рабочимъ, покуда остается такая масса работы среди фабрично-заводскихъ городскихъ рабочихъ, но въ массѣ случаевъ соціалистъ-рабочій, помимо своей воли, соприкасается съ этой средой и онъ долженъ умѣть пользоваться этими случаями и понимать общія задачи соц.-демократіи въ Россіи. Поэтому глубоко заблуждаются тѣ, кто обвиняетъ русскую соціалдемократію въ узости, стремленіи игнорировать массу трудящагося населенія изъ-за однихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Напротивъ, агитація среди передовыхъ слоевъ пролетаріата есть вѣрнѣйшій и единственный путь къ пробужденію (по мѣрѣ расширенія движенія) и всего русскаго пролетаріата. Распространеніе соціализма и идеи классовой борьбы среди городскихъ рабочихъ неминуемо разольетъ эти идеи и по болѣе мелкимъ, болѣе раздробленнымъ каналамъ; необходимо для этого, чтобы указанныя идеи пустили болѣе глубокіе корни въ болѣе подготовленной средѣ и насытили этотъ авангардъ русскаго рабочаго движенія и русской революціи. Направляя всѣ свои силы на дѣятельность среди фабрично-заводскихъ рабочихъ, русская соціалдемократія готова поддерживать тѣхъ русскихъ революціонеровъ, которые приходятъ на практикѣ къ постановкѣ соціалистической работы на почву классовой борьбы пролетаріата, не скрывая при этомъ нисколько, что никакіе практическіе союзы съ другими фракціями революціонеровъ не могутъ и не должны вести къ компромиссамъ или уступкамъ въ теоріи, въ программѣ, въ знамени. Убѣжденные въ томъ, что революціонной теоріей, служащей знаменемъ для революціоннаго движенія, можетъ быть въ настоящее время только ученіе научнаго соціализма и классовой борьбы, русскіе соціалдемократы будутъ всѣми силами распространять его, охранять отъ лжетолкованій, возставать противъ всякихъ попытокъ связать еще молодое рабочее движеніе въ Россіи съ менѣе опредѣленными доктринами. Теоретическія соображенія доказываютъ, а практическая дѣятельность соціалдемократовъ показываетъ, что всѣ *соціалисты* въ Россіи должны стать *соціалдемократами*.

Переходимъ къ *демократическимъ* задачамъ и къ демократической работѣ соціалдемократовъ. Повторяемъ еще разъ, что эта работа *неразрывно* связывается съ соціалистической. *Пропагандируя* среди рабочихъ, соціалдемократы *не могутъ* обходить вопросы политическіе и сочли бы всякую попытку обойти ихъ или даже отодвинуть — глубокой ошибкой и отступленіемъ отъ основныхъ положеній всемірнаго соціалдемократизма. Наряду съ пропагандой научнаго соціализма, русскіе соціалдемократы ставятъ своей задачей пропаганду въ рабочихъ массахъ и *демократическихъ идей*, они стараются распространять понятіе объ абсолютизмѣ во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ, о его классовомъ

содержаніи, о необходимости сверженія его, о невозможности успѣшной борьбы за рабочее дѣло безъ достиженія политической свободы и демократизаціи политическаго и общественнаго строя Россіи. *Агитируя* среди рабочихъ на почвѣ ближайшихъ *экономическихъ* требованій, социалдемократы неразрывно связываютъ съ этимъ и агитацію на почвѣ ближайшихъ политическихъ нуждъ, бѣдствій и требованій рабочаго класса,—агитацію противъ полицейскаго гнета, проявляющагося въ каждой стачкѣ, въ каждомъ столкновеніи рабочихъ съ капиталистами; агитацію противъ стѣсненія правъ рабочихъ, какъ русскихъ гражданъ вообще и какъ наиболѣе угнетеннаго и наиболѣе безправнаго класса въ частности; агитацію противъ каждаго выдающагося представителя и лакея абсолютизма, приходящаго въ ближайшее соприкосновеніе съ рабочими и наглядно показывающаго рабочему классу его политическое рабство. Если нѣтъ такого вопроса въ рабочей жизни въ области экономической, который не подлежалъ бы утилизаціи его для экономической агитаціи, то точно такъ же нѣтъ и такого вопроса въ области политической, который бы не служилъ предметомъ политической агитаціи. Эти два рода агитаціи неразрывно связаны въ дѣятельности социалдемократовъ, какъ двѣ стороны одной медали. И экономическая, и политическая агитація равно необходимы для развитія классового самосознанія пролетаріата, и экономическая, и политическая агитація равно необходимы, какъ руководство классовой борьбы русскихъ рабочихъ, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая. И та, и другая агитація, пробуждая сознаніе рабочихъ, организуя, дисциплинируя ихъ, воспитывая ихъ для солидарной дѣятельности и для борьбы за социалдемократическіе идеалы, дастъ возможность пробовать свои силы на ближайшихъ вопросахъ, ближайшихъ нуждахъ, дастъ возможность имъ добиваться частныхъ уступокъ у своего врага, улучшая свое экономическое положеніе, заставляя капиталистовъ считаться съ организованной силой рабочихъ, заставляя правительство расширять права рабочихъ, прислушиваться къ ихъ требованіямъ, держа правительство въ постоянномъ страхѣ передъ враждебно настроенными рабочими массами, руководимыми прочной социалдемократической организаціей.

Мы указали на нераздѣльную близость *социалистической и демократической* пропаганды и агитаціи, на полную параллельность революціонной работы въ той и другой сферѣ. Но есть и крупная разница между обоими видами дѣятельности и борьбы. Эта разница состоитъ въ томъ, что въ борьбѣ экономической пролетаріатъ стоитъ совершенно одиноко, имѣя противъ себя и землевладѣльцевъ-дворянъ, и буржуазію, пользуясь развѣ (и то далеко не всегда) помощью тѣхъ элементовъ мелкой буржуазіи, которые тяготѣютъ къ пролетаріату. Между тѣмъ, въ демократической, *политической* борьбѣ русскій рабочій классъ стоитъ не одиноко, на ряду съ нимъ становятся всѣ политически оппозиціонные элементы, слои населенія и классы, поскольку они враждебны абсолютизму и ведутъ противъ него борьбу въ тѣхъ или иныхъ формахъ. *Рядомъ* съ пролетаріатомъ стоятъ здѣсь и оппо-

зиціонно настроенные элементы буржуазіи, или образованныхъ классовъ, или мелкой буржуазіи, или преслѣдуемыхъ абсолютизмомъ народностей, или религій и сектъ и т. д., и т. д. Является естественно вопросъ, въ какія отношенія долженъ стать рабочій классъ къ этимъ элементамъ? И затѣмъ, не долженъ ли онъ соединиться съ ними для общей борьбы противъ абсолютизма? Вѣдь соціалдемократы всѣ признаютъ, что политическая революція въ Россіи должна предшествовать соціалистической; не слѣдуетъ ли, соединившись со всѣми политически оппозиціонными элементами для борьбы противъ абсолютизма, отодвинуть пока соціализмъ, не обязательно ли это для усиленія борьбы противъ абсолютизма?

Разберемся въ обоихъ вопросахъ.

Что касается до отношенія рабочаго класса, какъ борца противъ абсолютизма, ко всѣмъ остальнымъ политически оппозиціоннымъ общественнымъ классамъ и группамъ, то оно вполнѣ точно опредѣлено основными принципами соціалдемократизма, изложенными въ знаменитомъ „Коммунистическомъ Манифестѣ". Соціалдемократы поддерживаютъ прогрессивные общественные классы противъ реакціонныхъ, буржуазію противъ привилегированнаго и сословнаго землевладѣнія и противъ чиновничества, крупную буржуазію противъ реакціонныхъ вожделѣній мелкой буржуазіи. Эта поддержка не предполагаетъ и не требуетъ никакого компромисса съ несоціалдемократическими программами и принципами, это — поддержка союзника противъ *даннаго* врага, причемъ соціалдемократы оказываютъ эту поддержку, чтобы ускорить паденіе общаго врага, но они ничего не ждутъ *для себя* отъ этихъ временныхъ союзниковъ и ничего не уступаютъ имъ. Соціалдемократы поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ современнаго общественнаго строя, всякую угнетенную народность, преслѣдуемую религію, приниженное сословіе и т. п. въ ихъ борьбѣ за равноправность.

Поддержка всѣхъ политически оппозиціонныхъ элементовъ выразится въ пропагандѣ соціалдемократовъ тѣмъ, что, доказывая враждебность рабочему дѣлу абсолютизма, соціалдемократы будутъ указывать на солидарность рабочаго класса съ этими группами въ *тѣхъ или другихъ вопросахъ, въ тѣхъ или иныхъ задачахъ* и т. п. Въ агитаціи эта поддержка выразится тѣмъ, что соціалдемократы будутъ пользоваться каждымъ проявленіемъ полицейскаго гнета абсолютизма и указывать рабочимъ, какъ падаетъ этотъ гнетъ на всѣхъ гражданъ *вообще*, на представителей особо угнетенныхъ сословій, народностей, религій, сектъ и т. д. въ частности и какъ отражается этотъ гнетъ на *рабочемъ классѣ* въ особенности. Наконецъ, на практикѣ эта поддержка выражается тѣмъ, что русскіе соціалдемократы готовы заключать союзы съ революціонерами другихъ направленій ради достиженія тѣхъ или другихъ частныхъ цѣлей, и эта готовность не разъ была доказана на дѣлѣ.

Тутъ мы подходимъ и ко второму вопросу. Указывая на солидарность съ рабочими тѣхъ или другихъ оппозиціонныхъ

группъ, соціалдемократы всегда будутъ выдѣлять рабочихъ, всегда будутъ разъяснять временный и условный характеръ этой солидарности, всегда будутъ подчеркивать классовую обособленность пролетаріата, который завтра можетъ оказаться противъ своихъ сегодняшнихъ союзниковъ. Намъ скажутъ: „такое указаніе *ослабитъ* всѣхъ борцовъ за политическую свободу въ настоящее время". Такое указаніе *усилитъ* всѣхъ борцовъ за политическую свободу, — отвѣтимъ мы. Сильны только тѣ борцы, которые опираются на *сознанные* реальные интересы извѣстныхъ *классовъ*, и всякое затушевываніе этихъ классовыхъ интересовъ, играющихъ уже доминирующую роль въ современномъ обществѣ, только ослабитъ борцовъ. Это во-первыхъ. А во вторыхъ, въ борьбѣ противъ абсолютизма рабочій классъ долженъ выдѣлить себя, ибо *только* онъ является до конца послѣдовательнымъ и безусловнымъ врагомъ абсолютизма, *только* между нимъ и абсолютизмомъ невозможны компромиссы, *только* въ рабочемъ классѣ демократизмъ можетъ найти сторонника безъ оговорокъ, безъ нерѣшительности, безъ оглядки назадъ. Во всѣхъ другихъ классахъ, группахъ, слояхъ населенія вражда къ абсолютизму *не безусловна,* демократизмъ ихъ всегда оглядывается назадъ. Буржуазія не можетъ не сознавать задержку промышленнаго и общественнаго развитія абсолютизмомъ, но она боится полной демократизаціи политическаго и общественнаго строя и всегда можетъ вступить въ союзъ съ абсолютизмомъ противъ пролетаріата. Мелкая буржуазія двулична по самой своей природѣ, и тяготѣя, съ одной стороны, къ пролетаріату и къ демократизму, она, съ другой стороны, тяготѣетъ къ реакціоннымъ классамъ, пытается задержать исторію, способна поддаться на эксперименты и заигрыванія абсолютизма (хотя бы въ формѣ „народной политики" Александра III), способна заключить союзъ съ правящими классами противъ пролетаріата *ради* укрѣпленія своего положенія, какъ *мелкихъ собственниковъ.* Образованные люди, вообще „интеллигенція" не можетъ не возставать противъ дикаго полицейскаго гнета абсолютизма, травящаго мысль и знаніе, но матеріальные интересы этой интеллигенціи привязываютъ ее къ абсолютизму, къ буржуазіи, заставляютъ ее быть непослѣдовательной, заключать компромиссы, продавать свой революціонный и оппозиціонный пылъ за казенное жалованье или за участіе въ прибыляхъ или дивидендахъ. Что касается до демократическихъ элементовъ въ угнетенныхъ народностяхъ и въ преслѣдуемыхъ вѣроученіяхъ, то всякій знаетъ и видитъ, что классовыя противорѣчія внутри этихъ категорій населенія гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ солидарность всѣхъ классовъ подобной категоріи противъ абсолютизма и за демократическія учрежденія. Только одинъ пролетаріатъ можетъ быть — и, по своему классовому положенію, не можетъ не быть — послѣдовательнымъ до конца демократомъ, рѣшительнымъ врагомъ абсолютизма, неспособнымъ ни на какія уступки, компромиссы. Только одинъ пролетаріатъ можетъ быть *передовымъ борцомъ* за политическую свободу и за демократическія учрежденія; ибо, во-пер-

выхъ, на пролетаріатѣ политическій гнетъ отражается всего сильнѣе, не находя никакихъ коррективовъ въ положеніи этого класса, не имѣющаго ни доступа къ верховной власти, ни даже доступа къ чиновникамъ, ни вліянія на общественное мнѣніе. А во-вторыхъ, только пролетаріатъ способенъ *до конца* довести демократизацію политическаго и общественнаго строя, ибо такая демократизація отдала бы этотъ строй въ руки рабочихъ. Вотъ почему *сліяніе* демократической дѣятельности рабочаго класса съ демократизмомъ остальныхъ группъ *ослабило* бы политическую борьбу, сдѣлало бы ее менѣе рѣшительной, менѣе послѣдовательной, болѣе способной на компромиссы. Наоборотъ, *выдѣленіе* рабочаго класса, какъ передового борца за демократическія учрежденія, *усилитъ* демократическое движеніе, *усилитъ* борьбу за политическую свободу, ибо рабочій классъ будетъ *подталкивать* всѣ остальные демократическіе и политически оппозиціонные элементы, будетъ толкать либераловъ къ политическимъ радикаламъ, будетъ толкать радикаловъ на безповоротный разрывъ со всѣмъ политическимъ и соціальнымъ строемъ современнаго общества. Мы сказали выше, что всѣ *соціалисты* въ Россіи должны стать *соціалдемократами*. Мы добавляемъ теперь: всѣ истинные и послѣдовательные *демократы* въ Россіи должны стать *соціалдемократами*.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Возьмемъ учрежденіе чиновничества, бюрократіи, какъ особаго слоя лицъ, спеціализировавшагося на управленіи и поставленнаго въ привилегированное положеніе передъ народомъ. Начиная отъ абсолютистской, полуазіатской Россіи до культурной, свободной и цивилизованной Англіи мы вездѣ видимъ это учрежденіе, составляющее необходимый органъ буржуазнаго общества. Отсталости Россіи и ея абсолютизму соотвѣтствуетъ *полное безправіе* народа передъ чиновничествомъ, *полная* безконтрольность привилегированной бюрократіи. Въ Англіи есть могучій контроль народа надъ управленіемъ, но и тамъ этотъ контроль *далеко не полонъ*, и тамъ бюрократія сохраняетъ не мало привилегій, является нерѣдко господиномъ, а не слугой народа. И въ Англіи мы видимъ, что сильныя общественныя группы поддерживаютъ привилегированное положеніе бюрократіи, препятствуютъ полной демократизаціи этого учрежденія. Отчего это? Оттого, что *полная* демократизація его лежитъ въ интересахъ одного лишь пролетаріата: самые передовые слои буржуазіи защищаютъ нѣкоторыя прерогативы чиновничества, возстаютъ противъ выборности всѣхъ чиновниковъ, противъ совершенной отмѣны ценза, противъ непосредственной отвѣтственности чиновниковъ передъ народомъ и т. п., ибо эти слои чувствуютъ, что подобной окончательной демократизаціей воспользуется пролетаріатъ *противъ* буржуазіи. Такъ и въ Россіи. Противъ всевластнаго, безотвѣтственнаго, подкупнаго, дикаго, невѣжественнаго и тунеядствующаго русскаго чиновничества возстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русскаго народа. Но, кромѣ пролетаріата, *ни одинъ* изъ этихъ слоевъ не допустилъ бы полной демократизаціи чиновни-

чества, потому что у всѣхъ другихъ слоевъ (буржуазіи, „интеллигенціи“ вообще) есть нити, связывающія его съ чиновничествомъ, потому что всѣ эти слои—*родня* русскому чиновничеству. Кто не знаетъ, какъ легко совершается на святой Руси превращеніе интеллигента-радикала, интеллигента-соціалиста въ чиновника императорскаго правительства,—чиновника, утѣшающагося тѣмъ, что онъ приноситъ „пользу“ въ предѣлахъ канцелярской рутины; чиновника, оправдывающаго этой „пользой“ свой политическій индифферентизмъ, свое лакейство передъ правительствомъ кнута и нагайки? Только *пролетаріатъ* безусловно враждебенъ абсолютизму и русскому чиновничеству, только у *пролетаріата* нѣтъ никакихъ *нитей*, связывающихъ его съ этими органами дворянско-буржуазнаго общества, только пролетаріатъ способенъ на непримиримую вражду и рѣшительную борьбу съ ними.

Доказывая, что пролетаріатъ, руководимый въ его классовой борьбѣ соціалдемократіей, является передовымъ борцомъ русской демократіи, мы встрѣчаемъ тутъ крайне распространенное и крайне странное мнѣніе, будто русская соціалдемократія отодвигаетъ назадъ политическія задачи и политическую борьбу. Какъ видимъ, это мнѣніе діаметрально противоположно истинѣ. Чѣмъ же объяснить такое поразительное непониманіе принциповъ соціалдемократіи, излагавшихся много разъ и изложенныхъ уже въ первыхъ русскихъ соціалдемократическихъ изданіяхъ, — въ заграничныхъ брошюрахъ и книгахъ группы „Освобожденіе труда“? Намъ кажется, что объясненіе этого изумительнаго факта заключается въ слѣдующихъ трехъ обстоятельствахъ.

Во-первыхъ, въ общемъ непониманіи принциповъ соціалдемократизма представителями старыхъ революціонныхъ теорій, привыкшими къ построенію программъ и плановъ дѣятельности на основаніи абстрактныхъ идей, а не на основаніи учета дѣйствующихъ въ странѣ реальныхъ классовъ, поставленныхъ исторіей въ такое-то взаимотношеніе. Именно отсутствіе этого реалистическаго обсужденія тѣхъ *интересовъ*, которые поддерживаютъ русскую демократію, и могло лишь вызвать мнѣніе, будто русская соціалдемократія оставляетъ въ тѣни демократическія задачи русскихъ революціонеровъ.

Во-вторыхъ, въ непониманіи того, что соединеніе экономическихъ и политическихъ вопросовъ, соціалистической и демократической дѣятельности въ одно цѣлое, во единую *классовую борьбу пролетаріата* не ослабляетъ, а усиливаетъ демократическое движеніе и политическую борьбу, приближая ее къ реальнымъ интересамъ народныхъ массъ, вытаскивая политическіе вопросы изъ „тѣсныхъ кабинетовъ интеллигенціи“ на улицу, въ среду рабочихъ и трудящихся классовъ, размѣнивая абстрактныя идеи политическаго гнета на тѣ реальныя проявленія его, отъ которыхъ страдаетъ всего больше пролетаріатъ и на почвѣ которыхъ ведетъ свою агитацію соціалдемократія. Русскому радикалу нерѣдко кажется, что соціалдемократъ, который вмѣсто того, чтобы прямо и непосредственно звать передовыхъ рабочихъ

на политическую борьбу, указываетъ на задачу развитія рабочаго движенія, организацію классовой борьбы пролетаріата, — что соціалдемократъ такимъ образомъ *отступаетъ* отъ своего демократизма, отодвигаетъ назадъ политическую борьбу. Но если здѣсь и есть *отступленіе*, то развѣ такое, о которомъ говоритъ французская поговорка: „il faut reculer pour mieux sauter"! (Нужно отступить, чтобы сильнѣе прыгнуть).

Въ-третьихъ, недоразумѣніе вызвано тѣмъ, что самое понятіе „политическая борьба" имѣетъ различное значеніе для народовольца и народоправца, съ одной стороны, и для соціалдемократа,—съ другой. Соціалдемократы иначе понимаютъ политическую борьбу, они понимаютъ ее *гораздо шире*, чѣмъ представители старыхъ революціонныхъ теорій. Наглядную иллюстрацію къ этому положенію, которое можетъ показаться парадоксомъ, даетъ намъ „Летучій Листокъ группы Народной Воли", № 4, отъ 9-го декабря 1895 г. Привѣтствуя отъ всей души это изданіе, свидѣтельствующее о глубокой и плодотворной работѣ мысли, которая идетъ въ средѣ современныхъ народовольцевъ, мы не можемъ не отмѣтить статьи П. Л. Лаврова „О программныхъ вопросахъ" (стр. 19—22), которая рельефно показываетъ иное пониманіе политической борьбы народовольцами стараго толка*). „...Здѣсь, — пишетъ П. Л. Лавровъ, говоря объ отношеніи программы народовольческой къ программѣ соціалдемократической,— существенно одно и только одно: возможна ли организація сильной рабочей партіи при абсолютизмѣ и помимо организаціи революціонной партіи, направленной противъ абсолютизма?" (стр. 21, столб. 2). То же самое нѣсколько выше: ...„организовать русскую рабочую партію при господствѣ абсолютизма, не организуя въ то же время революціонной партіи противъ этого абсолютизма". Намъ совершенно непонятны эти различія, для П. Л. Лаврова столь кардинально существенныя. Какъ это? „Рабочая партія *помимо* революціонной партіи, направленной противъ абсолютизма"? Да развѣ сама рабочая партія не есть революціонная партія? Развѣ она не направлена противъ абсолютизма? Разъясненіе этой странности даетъ слѣдующее мѣсто статьи П. Л. Лаврова: „Организацію русской рабочей партіи приходится создавать при условіи существованія абсолютизма со всѣми его прелестями. Если соціалдемократамъ удалось бы сдѣлать это, не организуя въ то же время политическаго *заговора* **) противъ абсолютизма со всѣми условіями подобнаго *заговора*, то, конечно, ихъ политическая программа была бы надлежащей программой русскихъ соціалистовъ, такъ какъ освобожденіе рабочихъ силами

*) Статья П. Л. Лаврова, напечатанная въ № 4, есть лишь «выдержка» изъ обширнаго письма П. Л. Лаврова, предназначеннаго для «Матеріаловъ». Мы слышали, что нынѣшнимъ лѣтомъ (1897) вышло за границей и это письмо П. Л. Лаврова въ полномъ видѣ и отвѣтъ Плеханова, но мы не могли видѣть ни того, ни другого. Точно такъ же неизвѣстно намъ, вышелъ ли № 5 «Лет. Л. Н. В.», въ которомъ редакція обѣщала редакціонную статью по поводу письма П. Л. Лаврова. См. № 4, стр. 22, столбецъ 1, примѣчаніе.

**) Курсивъ нашъ.

самихъ рабочихъ совершалось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно". (Стр. 21, ст. 1). Вотъ въ чемъ суть-то! Для народовольца понятіе политической борьбы тождественно съ понятіемъ политическаго *заговора*. Надо сознаться, что въ этихъ словахъ П. Л. Лаврову удалось дѣйствительно съ полной рельефностью указать основное различіе въ тактикѣ политической борьбы у народовольцевъ и соціалдемократовъ. Традиціи бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцевъ, до того сильны, что они не могутъ себѣ представить политической борьбы иначе, какъ въ формѣ политическаго заговора. Соціалдемократы же въ подобной узости воззрѣній не повинны; въ заговоры они не вѣрятъ; думаютъ, что время заговоровъ давно миновало, что сводить политическую борьбу къ заговору— значитъ непомѣрно ее суживать, съ одной стороны, а съ другой — выбирать самые неудачные пріемы борьбы. Всякій понимаетъ, что слова П. Л. Лаврова, будто „дѣятельность Запада служитъ для русскихъ соціалдемократовъ безусловно образцомъ" (стр. 21, ст. 1), являются не больше, какъ полемической выходкой, а что на самомъ дѣлѣ русскіе соціалдемократы не забывали о нашихъ политическихъ условіяхъ, никогда не мечтали о возможности создать въ Россіи открыто рабочую партію, никогда не отдѣляли борьбы за соціализмъ отъ задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжаютъ думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революціонная партія, опирающаяся на рабочее движеніе. Они думаютъ, что борьба противъ абсолютизма должна состоять не въ устройствѣ заговоровъ, а въ воспитаніи, дисциплинированіи и организаціи пролетаріата, въ политической агитаціи среди рабочихъ, клеймящей всякое проявленіе абсолютизма, прибивающей къ позорному столбу всѣхъ рыцарей полицейскаго правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Развѣ не такова именно дѣятельность С.-Петербургскаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса"? Развѣ эта организація не представляетъ изъ себя именно зачатка революціонной партіи, которая опирается на рабочее движеніе, руководитъ классовой борьбой пролетаріата, борьбой противъ капитала и противъ абсолютнаго правительства, не устраивая никакихъ заговоровъ и почерпая свои силы именно изъ *соединенія* соціалистической и демократической борьбы въ одну нераздѣльную классовую борьбу петербургскаго пролетаріата? Развѣ дѣятельность „Союза", при всей ея краткости, не доказала уже, что руководимый соціалдемократіей пролетаріатъ представляетъ изъ себя крупную политическую силу, съ которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спѣшитъ дѣлать уступки? Зак. 2 іюня 1897 г. какъ торопливостью его проведенія, такъ и своимъ содержаніемъ наглядно показываетъ свое значеніе какъ вынужденной уступки пролетаріату, какъ отвоеванной позиціи у врага русскаго народа. Эта уступка весьма миніатюрна, позиція очень незначительна, но вѣдь и та организація рабочаго класса, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни широтой, ни дав-

ностью, ни богатствомъ опыта или средствъ: „Союзъ Борьбы“ основался, какъ извѣстно, лишь въ 1895—96 году, и его обращенія къ рабочимъ ограничивались лишь гектографированными и литографированными листками. Возможно ли отрицать, что подобная организація, объединяющая, по крайней мѣрѣ, крупнѣйшіе центры рабочаго движенія въ Россіи (округа спб., моск.-владимірскій, южный и важнѣйшіе города, какъ Одесса, Кіевъ, Саратовъ и т. д.), располагающая революціоннымъ органомъ и пользующаяся такимъ же авторитетомъ въ средѣ русскихъ рабочихъ, какимъ пользуется „Союзъ Борьбы“ среди с.-петербургскихъ рабочихъ, — что подобная организація была бы крупнѣйшимъ политическимъ факторомъ въ современной Россіи — факторомъ, съ которымъ правительство не могло бы не считаться во всей своей внутренней политикѣ? Руководя классовой борьбой пролетаріата, развивая организацію и дисциплину среди рабочихъ, помогая имъ бороться за свои экономическія нужды и отвоевывать у капитала одну позицію за другой, политически воспитывая рабочихъ и систематически, неуклонно преслѣдуя абсолютизмъ, травя каждаго царскаго башибузука, дающаго почувствовать пролетаріату тяжелую лапу полицейскаго правительства, — подобная организація была бы, въ одно и то же время, и приспособленной къ нашимъ условіямъ организаціей рабочей партіи и могучей революціонной партіей, направленной противъ абсолютизма. Разсуждать же напередъ о томъ, къ какому средству прибѣгнетъ эта организація для нанесенія рѣшительнаго удара абсолютизму, предпочтетъ ли она, напримѣръ, возстаніе или массовую политическую стачку или другой пріемъ атаки, — разсуждать объ этомъ напередъ и рѣшать этотъ вопросъ въ настоящее время было бы пустымъ доктринерствомъ. Это было бы похоже на то, какъ если бы генералы устроили военный совѣтъ раньше, чѣмъ они собрали войско, мобилизовали его, повели въ походъ на непріятеля. А когда армія пролетаріата будетъ неуклонно и подъ руководствомъ крѣпкой социалдемократической организаціи бороться за свое экономическое и политическое освобожденіе, — тогда эта армія сама укажетъ генераламъ пріемы и средства дѣйствія. Тогда, и только тогда, можно будетъ рѣшить вопросъ о нанесеніи окончательнаго удара абсолютизму, ибо рѣшеніе вопроса зависитъ именно отъ состоянія рабочаго движенія, отъ широты его, отъ выработанныхъ движеніемъ пріемовъ борьбы, отъ свойствъ руководящей движеніемъ революціонной организаціи, отъ отношенія къ пролетаріату и къ абсолютизму другихъ общественныхъ элементовъ, отъ условій внѣшней и внутренней политики, — однимъ словомъ, отъ тысячи условій, предугадывать которыя напередъ и невозможно и безполезно.

Поэтому въ высшей степени несправедливо также и слѣдующее сужденіе П. Л. Лаврова:

„Если же имъ (соціалдемократамъ) придется, такъ или иначе, группировать не только рабочія силы для борьбы съ капиталомъ, но сплачивать революціонныя личности и группы для борьбы съ абсолютизмомъ, то русскіе соціалдемократы *фактически* при-

мутъ програмку своихъ противниковъ—народовольцевъ, какъ бы они себя ни называли. Разница во взглядахъ на общину, на судьбы капитализма въ Россіи, на экономическій матеріализмъ суть частности, весьма маловажныя для дѣйствительнаго дѣла и способствующія или мѣшающія рѣшенію частныхъ задачъ, частныхъ пріемовъ подготовленія основныхъ пунктовъ,—но не болѣе" (стр. 21).

Странно даже оспаривать это послѣднее положеніе, будто разница во взглядахъ на основные вопросы русской жизни и развитія русскаго общества, на основные вопросы пониманія исторіи могутъ касаться лишь „частностей"! Давно уже сказано, что безъ революціонной теоріи не можетъ быть и революціоннаго движенія, и въ *настоящее время* врядъ ли есть надобность доказывать подобную истину. Теорія классовой борьбы, матеріалистическое пониманіе русской исторіи и матеріалистическая оцѣнка современнаго экономическаго и политическаго положенія Россіи; признаніе необходимости сводить революціонную работу къ опредѣленнымъ интересамъ опредѣленнаго класса, анализируя его отношенія къ другимъ классамъ,—называть эти крупнѣйшіе революціонные вопросы „частностями" до такой степени колоссально невѣрно и неожиданно со стороны ветерана революціонной *теоріи*, что мы почти готовы считать это мѣсто просто lapsus'омъ. Что же касается до первой половины выписанной тирады, то ея несправедливость еще поразительнѣе. Заявлять печатно, что русскіе соціалдемократы только группируютъ рабочія силы для борьбы съ капиталомъ (т.-е. для одной экономической борьбы!), не сплачивая революціонныхъ личностей и группъ для борьбы съ абсолютизмомъ, это значитъ либо не знать, либо не хотѣть знать общеизвѣстныхъ фактовъ о дѣятельности русскихъ соціалдемократовъ. Или, можетъ быть, П. Л. Лавровъ не считаетъ тѣхъ, кто практически работаетъ въ рядахъ соціалдемократовъ, „революціонными личностями" и „революціонными группами"?! Или (это, пожалуй, вѣрнѣе) подъ „борьбой" съ абсолютизмомъ онъ разумѣетъ только заговоры противъ абсолютизма? (Ср. стр. 21, столбецъ 2: „...дѣло идетъ объ... организаціи революціоннаго *заговора*";—курсивъ нашъ). Можетъ быть, по мнѣнію П. Л. Лаврова, тотъ, кто не устраиваетъ политическихъ заговоровъ, не ведетъ и политической борьбы? Повторяемъ еще разъ: такое воззрѣніе вполнѣ соотвѣтствуетъ стариннымъ традиціямъ стариннаго народовольчества, но оно совершенно не соотвѣтствуетъ ни современнымъ представленіямъ о политической борьбѣ, ни современной дѣйствительности.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о народоправцахъ. П. Л. Лавровъ вполнѣ правъ, по нашему мнѣнію, говоря, что соціалдемократы рекомендуютъ народоправцевъ, какъ болѣе откровенныхъ, и готовы ихъ поддерживать, впрочемъ не сливаясь съ ними (стр. 19, ст. 2); надо бы только добавить: какъ болѣе откровенныхъ *демократовъ и поскольку* народоправцы выступаютъ, какъ послѣдовательные демократы. Къ сожалѣнію, это условіе—скорѣе, желательное будущее, чѣмъ дѣйствительное

настоящее. Народоправцы выразили желаніе освободить демократическія задачи отъ народничества и вообще отъ связи съ устарѣлыми формами „русскаго соціализма“, но они оказались сами далеко не освободившимися отъ старыхъ предразсудковъ и далеко непослѣдовательными, когда назвали свою партію исключительно политическихъ преобразованій партіею „соціально (??)-революціонной“ (см. „манифестъ“ ихъ отъ 19 февраля 1894 года) и заявили въ своемъ „манифестѣ“, что „въ понятіе народнаго права входитъ организація народнаго производства“ (мы вынуждены цитировать на память), вводя такимъ образомъ подъ сурдинкой тѣ же предразсудки народничества. Поэтому, пожалуй, П. Л. Лавровъ былъ не совсѣмъ не правъ, назвавъ ихъ „маскарадными политиками“ (стр. 20, ст. 2). Но, можетъ быть, болѣе справедливо смотрѣть на народоправство, какъ на переходное ученіе, которому нельзя не поставить въ заслугу того, что оно устыдилось самобытности народническихъ доктринъ и открыто вступило въ полемику съ тѣми отвратительнѣйшими реакціонерами народничества, которые передъ лицомъ полицейскаго классоваго абсолютизма позволяютъ себѣ говорить о желательности экономическихъ, а не политическихъ преобразованій. (См. „Насущный вопросъ“, изданіе партіи народнаго права). Если въ партіи народоправцевъ нѣтъ дѣйствительно никого, кромѣ бывшихъ соціалистовъ, прячущихъ свое соціалистическое знамя въ видахъ тактическихъ, надѣвающихъ только маску политиковъ не соціалистовъ (какъ предполагаетъ П. Л. Лавровъ,—стр. 20, ст. 2),—тогда, конечно, эта партія не имѣетъ никакой будущности. Но если въ этой партіи есть и немаскарадные, а настоящіе политики не-соціалисты, демократы не-соціалисты,—тогда эта партія можетъ принести не малую пользу, стараясь сблизиться съ политически оппозиціонными элементами нашей буржуазіи, стараясь пробудить политическое самосознаніе класса нашей мелкой буржуазіи, мелкихъ торговцевъ, мелкихъ ремесленниковъ и т. д.,—того класса, который вездѣ въ Западной Европѣ сыгралъ свою роль въ демократическомъ движеніи, который у насъ въ Россіи сдѣлалъ особенно быстрые успѣхи въ культурномъ и другихъ отношеніяхъ за пореформенную эпоху и который не можетъ не чувствовать гнета полицейскаго правительства съ его циничной поддержкой крупныхъ заводчиковъ, финансовыхъ и промышленныхъ тузовъ-монополистовъ. Для этого необходимо только, чтобы народоправцы поставили своей задачей именно сближеніе съ различными слоями населенія, а не ограничивались все той же „интеллигенціей“, безсиліе которой при оторванности отъ реальныхъ интересовъ массъ признаетъ и „Насущный вопросъ“. Для этого необходимо, чтобы народоправцы оставили всякія претензіи на сліяніе разнородныхъ общественныхъ элементовъ и отстраненіе соціализма передъ политическими задачами, чтобы они оставили ложный стыдъ, препятствующій сближенію съ буржуазными слоями народа, т.-е., чтобы они не только говорили о программѣ политиковъ не-соціалистовъ, но и поступали сообразно съ этой программой, пробуждая и развивая классовое самосознаніе тѣхъ общественныхъ группъ и классовъ,

для которыхъ соціализмъ вовсе не нуженъ, но которые чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ гнетъ абсолютизма и необходимость политической свободы.

- -

Русская соціалдемократія еще очень молода. Она только-только выходитъ изъ того зародышеваго состоянія, когда преобладающее мѣсто занимали вопросы теоретическіе. Она только начинаетъ развивать свою практическую дѣятельность. На мѣсто критики соціалдемократическихъ теорій и программъ революціонеры другихъ фракцій должны, въ силу необходимости, выступить съ критикой *практической дѣятельности* русскихъ соціалдемократовъ. И надо признать, что эта послѣдняя критика отличается самымъ рѣзкимъ образомъ отъ критики теоретической, отличается до того, что оказалось возможнымъ сочинить комическій слухъ, будто спб-ій „Союзъ Борьбы" есть организація не соціалдемократическая. Самая возможность подобнаго слуха показываетъ уже неправильность ходячихъ обвиненій соціалдемократовъ въ игнорированіи политической борьбы. Самая возможность такого слуха свидѣтельствуетъ уже о томъ, что многіе революціонеры, которыхъ не могла убѣдить *теорія* соціалдемократовъ, начинаютъ убѣждаться ихъ *практикой*.

Передъ русской соц.-демократіей еще громадное, едва начатое поле работы. Пробужденіе русскаго рабочаго класса, его стихійное стремленіе къ знанію, къ объединенію, къ соціализму, къ борьбѣ противъ своихъ эксплоататоровъ и угнетателей проявляется съ каждымъ днемъ все ярче и шире. Гигантскіе успѣхи, которые дѣлаетъ русскій капитализмъ въ послѣднее время, ручаются за то, что рабочее движеніе будетъ безостановочно расти въ ширь и въ глубь. Въ настоящее время мы переживаемъ, видимо, тотъ періодъ капиталистическаго цикла, когда промышленность „процвѣтаетъ", торговля идетъ бойко, фабрики работаютъ во всю и, какъ грибы послѣ дождя, появляются безчисленные заводы, новыя предпріятія, акціонерныя общества, желѣзнодорожныя сооруженія и т. д., и т. д. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать неизбѣжность краха (болѣе или менѣе крутого), который долженъ послѣдовать за этимъ „процвѣтаніемъ" промышленности. Такой крахъ разоритъ массу мелкихъ хозяйчиковъ, броситъ массу рабочихъ въ ряды безработныхъ и поставитъ, такимъ образомъ, передъ всѣми рабочими массами въ острой формѣ тѣ вопросы соціализма и демократизма, которые давно уже встали передъ каждымъ сознательнымъ, каждымъ думающимъ рабочимъ. Русскіе соціалдемократы должны позаботиться о томъ, чтобы этотъ крахъ засталъ русскій пролетаріатъ болѣе сознательнымъ, болѣе объединеннымъ, понимающимъ задачи русскаго рабочаго класса, способнымъ дать отпоръ классу капиталистовъ, пожинающихъ нынче гигантскіе барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочихъ,—способнымъ вступить во главѣ русской демократіи въ рѣшительную борьбу противъ полицейскаго абсолютизма, связывающаго по рукамъ и ногамъ русскихъ рабочихъ и весь русскій народъ.

Итакъ, за работу же, товарищи! Не будемъ терять дорогого времени! Русскимъ социалдемократамъ предстоитъ масса дѣла по удовлетворенію запросовъ пробуждающагося пролетаріата, по организаціи рабочаго движенія, по укрѣпленію революціонныхъ группъ и ихъ взаимной связи, по снабженію рабочихъ пропагандистской и агитаціонной литературой, по объединенію разбросанныхъ по всѣмъ концамъ Россіи рабочихъ кружковъ и социалдемократическихъ группъ въ единую *социалдемократическую рабочую партію!*

Гонители земства и Аннибалы либерализма.

Первоначально помѣщено въ издававшемся за границей журналѣ „Заря“, № 2—3. Декабрь 1901 г.

Гонители земства и Аннибалы либерализма.

Если про русскаго крестьянина было сказано, что онъ всего более бѣденъ сознаніемъ своей бѣдности, то про русскаго обывателя или подданнаго можно сказать, что онъ, будучи бѣденъ гражданскими правами, особенно бѣденъ сознаніемъ своего безправія. Какъ мужикъ привыкъ къ своей безысходной нищетѣ, привыкъ жить, не задумываясь надъ ея причинами и возможностью ея устраненія, такъ русскій обыватель вообще привыкъ къ всевластью правительства, привыкъ жить, не задумываясь надъ тѣмъ, можетъ ли дальше держаться это всевластье и нѣтъ ли рядомъ съ нимъ такихъ явленій, которыя подтачиваютъ застарѣлый политическій строй. Особенно хорошимъ „противоядіемъ“ противъ этой политической безсознательности и спячки являются обыкновенно „секретные документы“ *), показывающіе, что не только какіе-нибудь отчаянные головорѣзы или завзятые враги правительства, но и сами члены правительства, до министровъ и царя включительно, сознаютъ шаткость самодержавной формы правленія и изыскиваютъ всяческіе способы улучшить свое положеніе, совершенно ихъ не удовлетворяющее. Къ такимъ документамъ принадлежитъ записка Витте, который, повздоривъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинымъ, изъ-за вопроса о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ, рѣшилъ особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавію составленіемъ обвинительнаго акта противъ земства **).

Обвиняется земство въ томъ, что оно не совмѣстимо съ самодержавіемъ, что оно конституціонно по самому своему характеру, что существованіе его неизбѣжно порождаетъ тренія и столкновенія между представителями общества и правительства. Обвинительный актъ составленъ на основаніи очень (сравнительно) обширнаго и очень недурно обработаннаго матеріала, а такъ какъ это обвинительный актъ по политическому дѣлу (и притомъ довольно своеобразному), то можно быть увѣреннымъ, что его будутъ читать съ неменьшимъ интересомъ и съ неменьшей пользой, чѣмъ печатавшіеся нѣкогда въ нашихъ газетахъ обвинительные акты по политическимъ процессамъ.

*) Я говорю, разумѣется, только о томъ—далеко не единственномъ и далеко не особенно «сильно дѣйствующемъ»—родѣ «противоядій», который состоитъ изъ произведеній печати.

**) *„Самодержавіе и земство“*. Конфиденціальная записка министра финансовъ С. Ю. Витте, съ предисловіемъ и примѣчаніями Р. Н. С. Печатано «Зарей». Stutthart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. 1901. Стр. XLIV и 212.

I.

Попробуемъ же разсмотрѣть, оправдывается ли фактами утвержденіе, что наше земство конституціонно, и если да, то въ какой мѣрѣ и въ какомъ именно смыслѣ.

Въ этомъ вопросѣ особенно важное значеніе имѣетъ эпоха введенія земства. Паденіе крѣпостного права было такимъ крупнымъ историческимъ переломомъ, который не могъ не надорвать и полицейской завѣсы, прикрывающей противорѣчія между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболѣе привыкшій къ политической власти классъ — дворянство — обнаружилъ съ полной опредѣленностью стремленіе ограничить самодержавную власть посредствомъ представительныхъ учреждений. Напоминаніе объ этомъ фактѣ въ запискѣ Витте чрезвычайно поучительно. „Заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства“, о „правѣ земли русской имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти“ дѣлались уже въ дворянскихъ собраніяхъ 1859—1860 годовъ“. „Произносилось даже слово „конституція“ *). „На необходимость призыва общества къ участію въ управленіи указывали и нѣкоторые губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, и члены комитетовъ, вызванные въ редакціонныя комиссіи. „Депутаты явно стремятся къ конституціи“,— писалъ въ 1859 г. въ дневникѣ своемъ Никитенко

«Когда, послѣ обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 г., эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и вдобавокъ отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе «красные» элементы изъ самой администраціи (какъ Н. Милютинъ), то движеніе въ пользу «представительства» стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 г. и въ цѣлыхъ адресахъ этихъ собраній въ Новгородѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери. Изъ адресовъ болѣе замѣчательный—московскій, который просилъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проекта реформъ. Рѣзче всѣхъ были постановленія и адресъ тверского дворянства отъ 2-го февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (напримѣръ, уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель) и созванія выборныхъ всей земли русской, какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19-го февраля» **).

«Несмотря на административныя и судебныя наказанія, которымъ подверглись инціаторы тверского адреса ***), — продолжаетъ Драгома-

---

*) Драгомановъ, «Земскій либерализмъ въ Россіи», стр. 4. Авторъ записки г-на Витте частенько не указываетъ, что онъ списываетъ Драгоманова (ср., напр., «Записку», стр. 36—37, и назв. статью, стр. 55—6), хотя въ другихъ мѣстахъ онъ на него ссылается.

**) Драгомановъ, 5. Сокращенный пересказъ въ „Запискѣ“, стр. 64, съ ссылкой не на Драгоманова, а на цитируемые Драгомановымъ „Колоколъ“, № 126, и „Revue de deux mondes“, 1862, 15-го іюня.

***) Кстати. Недавно (19-го апрѣля н. г., т.-е. 1901 г.) скончался въ своемъ родномъ имѣніи Тверской губерніи одинъ изъ этихъ инціаторовъ, Николай Александровичъ Бакунинъ, младшій братъ знаменитаго М. А. Бакунина. Н. А. вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Алексѣемъ и другими посредниками подписалъ адресъ 1862 г. Этотъ адресъ — сообщаетъ авторъ замѣтки о Н. А. Бакунинѣ въ одной изъ нашихъ газетъ—навлекъ кару на подписавшихся. Послѣ годового ареста въ Петро-

новъ—(впрочемъ, не прямо за адресъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности мировыхъ посредниковъ) заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 г., въ которыхъ въ то же время вырабатывались и проекты мѣстнаго самоуправленія».

«Въ это время конституціонное движеніе шло и среди «разночинцевъ» и выразилось здѣсь тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: «Великоруссъ» (съ августа по ноябрь 1861 г.; въ изданіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), «Земская Дума» (1862 г.), «Земля и Воля» (1862—63 гг.)... Пущенъ былъ при «Великоруссѣ» и проектъ адреса, который долженъ быть представленъ государю, какъ говорилось многими, къ празднованію 1000-лѣтія Россіи въ августѣ 1862 г.» Въ этомъ проектѣ адреса, м. пр., говорилось: «Благоволите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи» *)...

Если мы припомнимъ еще прокламацію „Молодой Россіи", многочисленные аресты и драконовскія наказанія „политическихъ" преступниковъ (Обручева, Михайлова и др.), увѣнчавшіяся беззаконнымъ и подтасованнымъ осужденіемъ на каторгу Чернышевскаго, то для насъ ясна будетъ та общественная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что „мысль при созданіи земскихъ учрежденій была несомнѣнно политическая", что съ либеральнымъ и конституціоналистическимъ настроеніемъ общества въ правящихъ сферахъ „несомнѣнно считались", „Записка" Витте говоритъ лишь *половину* правды. Тотъ казенный, чиновническій взглядъ на общественныя явленія, который обнаруживаетъ вездѣ авторъ „Записки", сказывается и здѣсь, сказывается въ игнорированіи *революціоннаго* движенія, въ затушевываніи тѣхъ драконовскихъ мѣръ репрессіи, которыми правительство *защищалось* отъ натиска революціонной „партіи". Правда, на нашъ современный взглядъ кажется страннымъ говорить о рнволюціонной „партіи" и ея натискѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Сорокалѣтній историческій опытъ сильно повысилъ нашу требовательность насчетъ того, что можно назвать революціоннымъ движеніемъ и революціоннымъ натискомъ. Но не надо забывать, что въ то время, послѣ тридцатилѣтія николаевскаго режима, никто не могъ опредѣлить дѣйствительной силы сопротивленія у правительства, дѣйствительной силы народнаго возмущенія. Оживленіе демократическаго движенія въ Европѣ, польское броженіе, недовольство въ Финляндіи, требованіе политическихъ реформъ всей печатью и всѣмъ дворянствомъ, распространеніе по всей Россіи „Колокола", могучая проповѣдь Чернышевскаго, умѣвшаго и подцензурными статьями воспитывать настоящихъ

павловской крѣпости заключенные были освобождены, причемъ Н. А. и братъ его Алексѣй остались непрощенными (они не подписали просьбы о помилованіи), вслѣдствіе чего имъ болѣе не разрѣшили занимать общественныхъ должностей. Послѣ этого Н. А. никогда болѣе не выступалъ, да и не могъ болѣе выступать на общественное поприще... Вотъ какъ расправлялось во время самыхъ „великихъ реформъ" наше правительство съ легально дѣйствовавшими дворянами-помѣщиками! И это было въ 1862 г., до польскаго возстанія, когда даже Катковъ предлагалъ созваніе всероссійскаго земскаго собора.

*) Ср. „За сто лѣтъ" В. Бурцева, стр. 39.

революціонеровъ, появленіе прокламацій, возбужденіе крестьянъ, которыхъ „очень часто“ *) приходилось съ помощью военной силы и съ пролитіемъ крови *заставлять* принять „Положеніе“, обдирающее ихъ, какъ липку, коллективные отказы дворянъ — мировыхъ посредниковъ—примѣнять *такое* „Положеніе“, студенческіе безпорядки, — при такихъ условіяхъ самый осторожный и трезвый политикъ долженъ былъ бы признать революціонный взрывъ вполнѣ возможнымъ и крестьянское возстаніе—опасностью весьма серьезной. При такихъ условіяхъ самодержавное правительство, которое свое высшее назначеніе видѣло въ томъ, чтобы, съ одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластіе и безотвѣтственность придворной камарильи и арміи чиновныхъ піявокъ, а съ другой стороны, въ томъ, чтобы поддерживать худшихъ представителей эксплоататорскихъ классовъ,—подобное правительство *не могло поступать иначе,* какъ безпощадно истребляя отдѣльныхъ лицъ, сознательныхъ и непреклонныхъ враговъ тираніи и эксплоатаціи (т.-е. „коноводовъ“ „революціонной партіи“), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольныхъ. Каторга—тому, кто предпочиталъ молчать, чѣмъ извергать тупоумныя или лицемѣрныя хвалы „великому освобожденію“; реформы *(безвредныя для самодержавія и для эксплоататорскихъ классовъ реформы)* — тѣмъ, кто захлебывался либерализмомъ правительства и восторгался эрой прогресса.

---

*) *А. Пантелѣевъ:* „Изъ воспоминаній 60-хъ годовъ“, стр. 315 сборника „На славномъ посту“. Въ этой статейкѣ сгруппированы нѣкоторые очень интересные факты о революціонномъ возбужденіи 61—62 гг. и полицейской реакціи... „Къ началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малѣйшее обстоятельство могло рѣзко толкнуть ходъ жизни въ ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майскіе пожары 1862 г. въ Петербургѣ“. Начались они 16-го мая, особенно выдѣлялись 22-го и 23-го мая—въ этотъ послѣдній день было пять пожаровъ, 28-го мая запылалъ Апраксинъ дворъ и выгорѣло громадное пространство вокругъ него. Въ народѣ стали обвинять въ поджогахъ студентовъ, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацію „Молодой Россіи“, которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякія средства, разсматривали какъ подтвержденіе слуховъ объ умышленныхъ поджогахъ. „Вслѣдъ за 28-мъ мая въ Петербургѣ было объявлено нѣчто въ родѣ военнаго положенія“. Учрежденному особому комитету было поручено принятіе *чрезвычайныхъ* мѣръ къ охранѣ столицы. Городъ былъ раздѣленъ на три участка, съ военными губернаторами во главѣ. По дѣламъ о поджогѣ введенъ военно-полевой судъ. Пріостановлены на 8 мѣсяцевъ „Современникъ“ и „Русское Слово“, прекращенъ „День“ Аксакова, объявлены суровыя временныя правила о печати (утвержденныя еще 12-го мая, *т.-е. до пожаровъ.* Слѣд., *„ходъ жизни“* рѣзко направлялся въ сторону реакціи и независимо отъ пожаровъ, вопреки мнѣнію г. Пантелѣева), правила о надзорѣ за типографіями, послѣдовали многочисленные аресты политическаго характера (Чернышевскаго, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресныя школы и народныя читальни, затруднено разрѣшеніе публичныхъ лекцій въ Петербургѣ, закрыто 2-е отдѣленіе при Литер. Фондѣ, закрытъ даже Шахматный клубъ.

Слѣдственная комиссія не открыла никакой связи пожаровъ съ политикой. Членъ комиссіи, Столбовскій, разсказывалъ г. Пантелѣеву, „какъ удалось ему въ комиссіи вывести на свѣжую воду главныхъ лжесвидѣтелей, которые, кажется, были простымъ орудіемъ полицейскихъ агентовъ“ (325—6). Итакъ, есть очень вѣское основаніе думать, что *слухи о студентахъ-поджигателяхъ распускала полиція.* Гнуснѣйшее эксплоатированіе народной темноты для клеветы на революціонеровъ и протестантовъ было, значитъ, въ ходу и въ самый разгаръ „эпохи великихъ реформъ“.

Мы не хотимъ сказать, что эта разсчитанная полицейско-реакціонная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преслѣдуема всѣми или хотя бы даже нѣсколькими членами правящей клики. Отдѣльные члены ея могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться надъ этой тактикой въ ея цѣломъ и наивно восторгаться „либерализмомъ", не замѣчая его полицейскаго футляра. Но въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно, что коллективный опытъ и коллективный разумъ правящихъ заставлялъ ихъ неуклонно преслѣдовать эту тактику. Не даромъ же большинство вельможъ и сановниковъ прошло длинный курсъ николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и мѣдныя трубы. Они помнили, какъ монархи то заигрывали съ либерализмомъ, то являлись палачами Радищевыхъ и „спускали" на вѣрноподданныхъ Аракчеевыхъ; они помнили 14-е декабря 1825 г. и продѣлывали ту функцію европейской жандармеріи, которую (функцію) исполнило русское правительство въ 1848—49 годахъ. Историческій опытъ самодержавія не только заставлялъ правительство слѣдовать тактикѣ запугиванія и развращенія, но и многихъ независимыхъ либераловъ побуждалъ рекомендовать эту тактику. Вотъ въ доказательство правильности этого послѣдняго мнѣнія разсужденія Кошелева и Кавелина. Въ своей брошюрѣ „Конституція, самодержавіе и земская дума" (Лейпцигъ, 1862 г.) А. Кошелевъ высказывается *противъ* конституціи за совѣщательную земскую думу и предвидитъ такое возраженіе:

„Созывать земскую думу—значитъ вести Россію къ революціи, т.-е. къ повторенію у насъ Etats géneraux, превратившихся въ конвентъ и заключившихъ свои дѣйствія событіями 1792 года, съ проскрипціями, гильотиной, noyades и пр." „Нѣтъ! господа—отвѣчаетъ Кошелевъ—не созваніе земской думы, открываетъ, подготовляетъ поприще для революціи, какъ вы ее понимаете, а скорѣе и вѣрнѣе ее производятъ дѣйствія со стороны правительства, нерѣшительныя и противорѣчащія, шагъ впередъ и шагъ назадъ, повелѣнія и законы неудобоисполнимые, оковы, налагаемыя на мысль и слово; полицейское (явное и тѣмъ еще хуже тайное) наблюденіе за дѣйствіями сословій и частныхъ людей, мелочныя преслѣдованія нѣкоторыхъ личностей, расхищенія казны, чрезмѣрные и неразумные ея расходы и награды, неспособность государственныхъ людей и ихъ отчужденность отъ Россіи и пр., и пр. Еще вѣрнѣе могутъ довести до революціи (опять въ вашемъ смыслѣ) въ странѣ, только очнувшейся отъ многолѣтняго гнета, военныя экзекуціи, казематы и ссылки: ибо раны наболѣвшія несравненно чувствительнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ раны новыя. Но не опасайтесь: революціи, произведенной во Франціи, какъ вы полагаете, журналистами и другими писателями, у насъ не будетъ. Надѣемся также, что въ Россіи не составится (хоть за это отвѣчать труднѣе) общество горячихъ, отчаянныхъ головъ, которыя изберутъ убійство средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей. Но гораздо вѣроятнѣе и опаснѣе то, что возникаетъ, незамѣтно для земской, городской и тайной полиціи, подъ вліяніемъ раскола, согласіе между крестьянами и мѣщанами, къ которымъ присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы „Великорусса", „Молодой Россіи" и пр. Такое согласіе все уничтожающее и проповѣдующее равенство не передъ закономъ, а вопреки ему (какой безподобный либерализмъ! Мы, разумѣется, за равенство, но за равенство *не вопреки* закону,—закону, разрушающему равенство!), не народную историческую общину, а болѣзненное ея исчадіе и власть не разума, которой такъ боятся нѣкоторые государственные дѣльцы, а власть грубой силы, къ которой они сами такъ охотно прибѣгаютъ,—такое согласіе, говорю, у

насъ гораздо возможнѣе и оно можетъ быть гораздо сильнѣе, чѣмъ умѣренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиція правительству, которая такъ противна нашимъ бюрократамъ и которую они всячески тѣснятъ и стараются удушить. Не думайте, что партія внутренней, тайной, безыменной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ея вѣтви и корни; нѣтъ! воспрещеніемъ молодежи доучиться, возведеніемъ шалостей въ чинъ государственныхъ преступленій, всякими мелочными преслѣдованіями и наблюденіями вы удесятерили силу этой партіи, разсѣяли и размножили ее по имперіи. При взрывѣ такого согласія къ чему прибѣгнутъ наши государственные люди?— Къ военной силѣ. Но можно ли будетъ на нее навѣрное разсчитывать?" (стр. 49—51).

Развѣ изъ пышныхъ фразъ этой тирады не вытекаетъ съ очевидностью тактика: истребить „отчаянныя головы" и приверженцевъ „согласія между крестьянами и мѣщанами", а „благомыслящую умѣренную оппозицію" удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнѣе и ловчѣе, чѣмъ воображали гг. Кошелевы, и отдѣлалось меньшими уступками, чѣмъ „совѣщательная" земская дума.

А вотъ частное письмо К. Д. Кавелина къ Герцену отъ 6-го августа 1862 года: „...Вѣсти изъ Россіи, на мой взглядъ, не такъ плохи. Арестованъ не Николай, а Александръ Соловьевичъ. Аресты меня не удивляютъ и, признаюсь, не кажутся мнѣ возмутительными. Революціонная партія считаетъ пригодными всѣ средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всѣми средствами. Другое дѣло были аресты и ссылки при подломъ Николаѣ. Люди гибли за свои мысли, убѣжденія, вѣру и слова. Я хотѣлъ бы, чтобы ты былъ на мѣстѣ правительства, и посмотрѣлъ бы я тогда, какъ сталъ бы ты поступать противъ партій, которыя и тайно и открыто работаютъ противъ тебя. Я люблю Чернышевскаго, очень, очень люблю, но такого „brouillon" (задиру, сварливаго, неуживчиваго человѣка, сѣящаго раздоры), „такого безтактнаго, самоувѣреннаго человѣка я еще никогда не видалъ. Погибать изъ-за ничего, ровно таки изъ-за ничего! Что пожары находятся въ связи съ прокламаціями, это не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію" *). Вотъ образчикъ профессорски-лакейскаго глубокомыслія! Виноваты во всемъ эти революціонеры, которые такъ самоувѣренны, что освистываютъ фразерствующихъ либераловъ, такъ задорны, что тайно и явно работаютъ противъ правительства, такъ безтактны, что попадаютъ въ Петропавловку. Съ подобными людьми и онъ, либеральный профессоръ, расправлялся бы „всѣми средствами", если бы былъ у власти.

II.

Итакъ, земская реформа была одной изъ тѣхъ уступокъ, которыя отбила у самодержавнаго правительства волна общественнаго возбужденія и революціоннаго натиска. Мы остановились особенно подробно на характеристикѣ этого натиска, чтобы

---

*) Цитируемъ по нѣмецкому переводу Драгомановскаго изданія переписки К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ: Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten, herausgegeben von Th. Schimann. Bd. 4, S. 65—66, Stuttgart, 1894.

дополнить и исправить изложеніе „Записки", бюрократическій авторъ которой затушевалъ борьбу, породившую эту уступку. Но половинчатый, трусливый характеръ этой уступки довольно ясно обрисованъ и „Запиской":

„Въ началѣ, когда только что приступлено было къ земской реформѣ, несомнѣнно, имѣлось въ виду сдѣлать первый шагъ на пути къ введенію представительныхъ учрежденій; *) но потомъ, когда графа Ланского и Н. А. Милютина смѣнилъ графъ Валуевъ, проявилось весьма ясно желаніе, которое не отрицалъ и самъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовать въ духѣ „примирительномъ", „мягко и уклончиво". „Правительство само не выяснило себѣ своихъ видовъ, говорилъ онъ въ это время. Словомъ, была сдѣлана попытка, которая, къ сожалѣнію, весьма часто повторяется государственными людьми и всегда даетъ отрицательные для всѣхъ результаты, — попытка дѣйствовать уклончиво между двумя противоположными мнѣніями и, удовлетворяя либеральнымъ стремленіямъ, сохранить существующій порядокъ"...

Презабавно здѣсь это фарисейское „къ сожалѣнію!" Министръ полицейскаго правительства выставляетъ здѣсь случайностью тактику, которой это правительство *не можетъ не слѣдовать*, которую оно проводило при созданіи законовъ о фабричной инспекціи, закона о сокращеніи рабочаго дня (2-го іюня 1897 г.), которую оно проводитъ и теперь (1901 г.) посредствомъ заигрыванія генерала Ванновскаго съ „обществомъ".

„Съ одной стороны, въ объяснительной запискѣ къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ говорилось, что задача проектируемаго закона — по возможности полное и послѣдовательное развитіе началъ мѣстнаго самоуправленія, что „земское управленіе есть только особый органъ одной и той же государственной власти"... Тогдашній органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, „Сѣверная Почта", въ своихъ статьяхъ дѣлалъ весьма ясные намеки, что создаваемыя учрежденія являются школой учрежденій представительныхъ.

„Съ другой стороны... земскія учрежденія называются въ объяснительной запискѣ частными и общественными, подчиняющимися общимъ законамъ на томъ же основаніи, какъ отдѣльныя общества и частныя лица"...

„Какъ самыя постановленія Положенія 1864 г., такъ, въ особенности, всѣ послѣдующія мѣропріятія министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ довольно ясно свидѣтельствуютъ, что „самостоятельности" земскихъ учрежденій весьма опасались и боялись давать надлежащее развитіе этимъ учрежденіямъ, *вполнѣ понимая, къ чему оно поведетъ*". (Курсивъ вездѣ нашъ).... „Несомнѣнно, что тѣ, кому пришлось завершить земскую реформу, проводили эту реформу *лишь въ уступку общественному мнѣнію*, чтобы, какъ значилось въ объяснительной запискѣ, „положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій*;" въ то же время лица эти ясно понимали ее (реформу?) *и стремились не давать земству надлежащаго развитія*, придать ему частный характеръ, ограничить его въ компетенціи и проч. Успокаивая либераловъ обѣщаніями, что первый шагъ не будетъ послѣднимъ, говоря или, вѣрнѣе, повторяя сторонникамъ либеральнаго направленія о необходимости сообщить земскимъ учрежденіямъ дѣйствительную и самостоятельную власть, графъ Валуевъ *уже при самой выработкѣ Положенія 1864 г. всячески старался*

*) „Несомнѣнно", что авторъ „Записки", говорящій со словъ Леруа-Болье, впадаетъ въ обычное бюрократическое преувеличеніе. „Несомнѣнно", что ни Ланской, ни Милютинъ ничего дѣйствительно опредѣленнаго въ виду не имѣли, и принимать за „первый шагъ" уклончивыя фразы Милютина („въ принципѣ сторонникъ конституціи, но считаетъ введеніе ея преждевременнымъ") смѣшно.

ограничить эту власть и поставить земскія учрежденія подъ строгую административную опеку....

„Не проникнутыя одной руководящей мыслью, будучи компромиссомъ двухъ противоположныхъ направленій, земскія учрежденія въ той формѣ, въ какой создало ихъ Положеніе 1864 г., когда началось ихъ примѣненіе, оказались не отвѣчающими ни основной идеѣ самоуправленія, положенной въ ихъ основаніе, ни тому административному строю, въ который они были механически вставлены и который, къ тому же, остался нереформированнымъ и неприспособленнымъ къ новымъ условіямъ жизни. Положеніе 1864 г. пыталось совмѣстить несогласимыя вещи и тѣмъ одновременно удовлетворить сторонниковъ и противниковъ земскаго самоуправленія. *Первымъ предлагалась внѣшность и надежды на будущее, въ угоду вторымъ компетенція земскихъ учрежденій была опредѣлена крайне эластично*“.

Какія иногда мѣткія слова бросаютъ нечаянно наши министры, когда они хотятъ подставить ножку какому-нибудь коллегѣ и выказать свое глубокомысліе, и какъ полезно было бы всѣмъ прекраснодушнымъ русскимъ обывателямъ и всѣмъ поклонникамъ „великихъ“ реформъ повѣсить себѣ на стѣну въ золотой рамкѣ великіе завѣты полицейской мудрости: „успокаивать либераловъ обѣщаніями, что первый шагъ не будетъ послѣднимъ“, „предлагать“ имъ „внѣшность и надежды на будущее!“ Особенно въ настоящее время полезно было бы справляться съ этими заповѣдями при чтеніи каждой газетной статьи или замѣтки о „сердечномъ попеченіи“ генерала Ванновскаго.

Итакъ, земство съ самаго начала было осуждено на то, чтобы быть пятымъ колесомъ въ телѣгѣ русскаго государственнаго управленія, колесомъ, *допускаемымъ* бюрократіей лишь постольку, поскольку ея всевластіе не нарушалось, а роль депутатовъ отъ населенія ограничивалась голой практикой, простымъ техническимъ исполненіемъ круга задачъ, очерченныхъ все тѣмъ же чиновничествомъ. Земства не имѣли своихъ исполнительныхъ органовъ, они должны были дѣйствовать черезъ полицію, земства не были связаны другъ съ другомъ, земства были сразу поставлены подъ контроль администраціи. И сдѣлавъ такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день послѣ введенія земства принялось систематически стѣснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться съ выборнымъ всесословнымъ представительствомъ и принялась всячески травить его. Сводъ данныхъ объ этой травлѣ, несмотря на явную неполноту его, представляетъ собой очень интересную часть „Записки“.

Мы видѣли, какъ трусливо и какъ неразумно поступали либералы по отношенію къ революціонному движенію начала 60-хъ годовъ. Вмѣсто того, чтобы поддерживать „согласіе мѣщанъ и крестьянъ съ приверженцами „*Великорусса*“, они боялись этого „согласія“ и стращали имъ правительство. Вмѣсто того, чтобы подняться на защиту преслѣдуемыхъ правительствомъ коноводовъ демократическаго движенія, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказаніе за эту предательскую политику широковѣщательнаго краснобайства и позорной дряблости. Расправившись съ людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, пра-

вительство почувствовало себя достаточно крѣпкимъ, чтобы вытѣснять либераловъ и изъ тѣхъ скромныхъ и второстепенныхъ позицій, которыя ими были заняты „съ разрѣшенія начальства". Пока серьезно грозило „согласіе мѣщанъ и крестьянъ" съ революціонерами, само министерство внутреннихъ дѣлъ бормотало о „школѣ представительныхъ учрежденій", а когда „безтактные и самоувѣренные" свистуны и „задиры" были удалены,—„школяровъ" безъ церемоніи взяли въ ежовыя руковицы. Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствуетъ о расширеніи правъ, а у земства неуклонно *отбираютъ* одно право за другимъ и на ходатайства отвѣчаютъ „отеческими" поученіями. Но пусть говорятъ историческія даты, хотя бы даже только приведенныя въ „Запискѣ".

12-го октября 1866 г. циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ ставитъ служащихъ земства въ полную зависимость отъ правительственныхъ учрежденій. 21-го октября 1866 г. выходитъ законъ, ограничивающій право земствъ облагать сборами торговыя и промышленныя заведенія. Въ Петербургскомъ земскомъ собраніи 1867 г. рѣзко критикуютъ этотъ законъ и принимаютъ (по предложенію графа А. П. Шувалова) рѣшеніе ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы вопросы, затронутые этимъ закономъ, обсуждались „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и земства". На это ходатайство правительство отвѣчаетъ закрытіемъ петербургскихъ земскихъ учрежденій и репрессіями: предсѣдатель С.-Петербург. земской управы Крузе сосланъ въ Оренбургъ, графъ Шуваловъ—въ Парижъ, сенатору Любощинскому велѣно подавать въ отставку. Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, „Сѣверная Почта", выступаетъ съ статьей, въ которой „такая строгая карательная мѣра была объяснена тѣмъ, что и земскія собранія съ самаго открытія своихъ засѣданій дѣйствовали несогласно съ закономъ" (съ какимъ закономъ? и почему нарушителей закона не преслѣдовали *по суду*? вѣдь только что былъ введенъ судъ скорый, правый и милостивый?) „и вмѣсто того, чтобы поддерживать земскія собранія другихъ губерній, пользуясь Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ" (т.-е. вмѣсто того, чтобы покорно повиноваться и слѣдовать „видамъ" чиновничества), „непрерывно обнаруживали стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣла и неправильнымъ толкованіемъ законовъ *возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству*". Неудивительно, что послѣ такого назиданія „другія земства не оказали поддержки петербургскому, хотя повсюду законъ 21-го ноября 1866 г. вызвалъ сильное неудовольствіе; многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ".

16-го декабря 1866 г. является „разъясненіе" сената, предоставляющее губернаторамъ право отказывать въ утвержденіи всякаго избраннаго земскимъ собраніемъ лица, признаваемаго имъ—губернаторомъ—неблагонадежнымъ. 4-го мая 1867 г.—дру-

гое разъясненіе сената: несогласно съ закономъ сообщеніе земскихъ предположеній во всѣ другія губерніи, ибо земскія учрежденія должны вѣдать дѣла мѣстныя. 13-го іюня 1867 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, запрещающее безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства печатать состоявшіяся въ земскихъ, городскихъ и сословныхъ общественныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, пренія въ засѣданіяхъ и проч. Далѣе, тотъ же законъ расширяетъ власть предсѣдателей земскихъ собраній, предоставляетъ имъ право закрывать собранія и обязываетъ ихъ *подъ угрозой наказанія* закрывать собранія, въ которыхъ ставятся на обсужденіе вопросы, несогласные съ закономъ. Эту мѣру общество встрѣтило весьма недружелюбно и взглянуло на нее, какъ на серьезное ограниченіе земской дѣятельности. „Всѣ знаютъ,—писалъ въ дневникѣ своемъ Никитенко,—что земство связано по рукамъ и по ногамъ новымъ узаконеніемъ, въ силу котораго предсѣдатели собраній и губернаторы получили почти неограниченную власть надъ земствомъ“. Циркуляръ 8-го октября 1868 г. подчиняетъ разрѣшенію губернаторовъ печатаніе отчетовъ даже земскихъ управъ и ограничиваетъ взаимныя сношенія земствъ. Въ 1869 г. учреждаются инспектора народныхъ училищъ въ видахъ оттѣсненія земства отъ дѣйствительнаго завѣдыванія народнымъ образованіемъ. Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положеніе комитета министровъ признаетъ, что „земскія учрежденія ни по своему составу, ни по основнымъ началамъ не суть власти правительственныя“. Законъ 4-го іюля 1870 г. и циркуляръ 22-го октября 1870 г. подтверждаютъ и усиливаютъ зависимость земскихъ служащихъ отъ губернаторовъ. Въ 1871 г. инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ предоставляетъ имъ устранять отъ должности учителей, признаваемыхъ неблагонадежными, и останавливать всякое рѣшеніе училищнаго совѣта съ предоставленіемъ дѣла на разрѣшеніе попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александръ II въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія выражаетъ опасеніе, что народная школа *при недостаткѣ попечительнаго наблюденія* можетъ быть обращаема *„въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже и обнаружены нѣкоторыя попытки“*, и повелѣваетъ предводителямъ дворянства способствовать ближайшимъ своимъ участіемъ обезпеченію нравственнаго вліянія этихъ школъ. Затѣмъ въ 1874 г. выходитъ новое Положеніе о народныхъ училищахъ, отдающее всю силу завѣдыванія школами въ руки директоровъ народныхъ училищъ. Земство „протестуетъ“, если можно безъ ироніи назвать протестомъ ходатайство о пересмотрѣ закона при участіи земскихъ представителей (ходатайство Казанскаго земства въ 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д., и т. д.

III.

Таковъ былъ первый курсъ наукъ, преподанный россійскимъ гражданамъ въ устроенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ

„школѣ представительныхъ учрежденій“. Къ счастью, кромѣ политическихъ школяровъ, которые по поводу конституціонныхъ заявленій 60-хъ годовъ писали: „Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше“, *) были въ Россіи и не удовлетворявшіеся такой „тактичностью“ „задиры“, которые шли съ революціонной проповѣдью въ народъ. Несмотря на то, что они шли подъ знаменемъ теоріи, которая была, въ сущности, не-революціонна,—ихъ проповѣдь будила все же чувство недовольства и протеста въ широкихъ слояхъ образованной молодежи. Вопреки утопической теоріи, отрицавшей политическую борьбу, движеніе привело къ отчаянной схваткѣ съ правительствомъ горсти героевъ, къ борьбѣ за политическую свободу. Благодаря этой борьбѣ и только благодаря ей, положеніе дѣлъ еще разъ измѣнилось, правительство еще разъ вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще разъ доказало свою политическую незрѣлость, неспособность поддержать борцовъ и оказать настоящее давленіе на правительство. Конституціонныя стремленія земства обнаружились явственно, но оказались безсильнымъ „порывомъ“. И это несмотря на то, что самъ по себѣ земскій либерализмъ сдѣлалъ замѣтный шагъ впередъ въ политическомъ отношеніи. Особенно замѣчательна попытка его образовать нелегальную партію и создать свой собственный политическій органъ. „Записка“ Витте сводитъ данныя нѣсколькихъ нелегальныхъ произведеній (Кеннана, Драгоманова, Тихомірова), чтобы охарактеризовать тотъ „скользкій путь“ (стр. 98), на который вступили земства. Въ концѣ 70-хъ годовъ было нѣсколько съѣздовъ земскихъ либераловъ. Либералы рѣшили „принять мѣры хотя бы къ временному прекращенію разрушительной дѣятельности крайней революціонной партіи, ибо они были убѣждены, что нельзя ничего будетъ достигнуть мирными средствами, если террористы будутъ продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія“ (99). Итакъ, вмѣсто заботы о расширеніи борьбы, о поддержкѣ отдѣльныхъ революціонеровъ болѣе или менѣе широкимъ общественнымъ слоемъ, объ организаціи какого-либо общаго натиска (въ формѣ демонстраціи, отказа земствъ отъ исполненія обязательныхъ расходовъ и т. п.) либералы опять начинаютъ все съ той же „тактичности“: „не раздражать“ правительство! добиваться „мирными средствами“, каковыя мирныя средства такъ блистательно доказали свое ничтожество въ 60-е годы! **). Понятно, что ни на какое прекращеніе или пріостановку

*) Письмо Кавелина 1865 г. къ роднымъ по поводу ходатайства московскаго дворянства о „созваніи общаго собранія людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству“.

**) Справедливо говорилъ Драгомановъ: „Собственно вполнѣ „мирныхъ способовъ“ у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое заявленіе объ измѣненіи высшаго управленія у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно переступить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожить до намѣренія правительства уничтожить даже обрѣзанныя уже земскія учрежденія“ (п. з., 41—2)

военныхъ дѣйствій революціонеры не пошли. Земцы образовали тогда „лигу оппозиціонныхъ элементовъ“, превратившуюся затѣмъ въ „Общество земскаго союза и самоуправленія“ или „Земскій Союзъ“. Программа Земскаго Союза требовала: 1) свободы слова и печати; 2) гарантій личности, и 3) созыва учредительныхъ собраній. Попытка издавать нелегальныя брошюры въ Галиціи не удалась (австрійская полиція арестовала и рукописи, и лицъ, намѣревавшихся печатать ихъ), и органомъ „Земскаго Союза“ сталъ съ августа 1881 г. журналъ „Вольное Слово“, выходившій подъ редакціей Драгоманова (бывшій профессоръ кіевскаго университета) въ Женевѣ. „Въ концѣ концовъ,—писалъ самъ Драгомановъ въ 1888 г.,—... опытъ изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ маѣ 1883 г. изданіе было уже прекращено“ (назв. соч., стр. 40). Неудача либеральнаго органа явилась естественнымъ результатомъ слабости либеральнаго движенія. 20-го ноября 1878 г. Александръ II обратился въ Москвѣ къ представителямъ сословій съ рѣчью, въ которой выражалъ надежду на ихъ „содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь“. Затѣмъ и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (1878 г., № 168) появился призывъ къ содѣйствію общества. Въ отвѣтъ на это пять земскихъ собраній (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Самарское и Тверское) заявили о необходимости созвать земскій соборъ. „Можно думать“,—пишетъ авторъ „Записки“ Витте, изложивъ подробно содержаніе этихъ адресовъ, изъ которыхъ только 3 проникли въ печать цѣликомъ,—„что заявленія о созывѣ земскаго собора были бы гораздо болѣе многочисленны, если бы министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно не приняло мѣръ къ недопущенію такихъ заявленій: предводителямъ дворянства, предсѣдательствующимъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, разосланъ былъ циркуляръ, чтобы они не допускали даже чтенія въ собраніяхъ подобныхъ адресовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены аресты и высылки гласныхъ, а въ Черниговѣ въ залъ засѣданія даже введены были жандармы, которые силой его очистили“ (104).

Либеральные журналы и газеты поддерживали это движеніе, петиція „25-ти именитыхъ московскихъ гражданъ“ Лорисъ-Меликову указывала на созваніе независимаго собранія изъ представителей земствъ и предложеніе этому собранію участія въ управленіи націей. И назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Лорисъ-Меликова правительство, *повидимому*, дѣлало уступку. Но именно *повидимому*, ибо не только никакихъ рѣшительныхъ шаговъ, но даже и никакихъ положительныхъ и не допускавшихъ перетолкованія заявленій не было сдѣлано, Лорисъ-Меликовъ созвалъ редакторовъ петербургскихъ періодическихъ изданій и изложилъ имъ „программу“: дознать желаніе, нужды и пр. населенія, дать возможность земству и пр. воспользоваться закон-

ными правами (либеральная программа гарантируетъ земствамъ тѣ „права“, которыя законъ у нихъ систематически урѣзываетъ!) и т. п. Авторъ „Записки“ пишетъ:

„Черезъ его собесѣдниковъ — для того они и были приглашены — программа министра оповѣщена была всей Россіи. Въ сущности она не обѣщала ничего опредѣленнаго. Всякій могъ вычитать изъ нея что угодно, т.-е. все или ничего. Правъ былъ по-своему (только „по-своему“, а не безусловно „по-всякому“ правъ?) одинъ изъ подпольныхъ листковъ того времени, выразившись объ этой программѣ, что въ ней одновременно мелькаетъ „лисій хвостъ“ и стучитъ зубами „волчья пасть“. Такая выходка по адресу программы и ея автора тѣмъ понятнѣе, что сообщая ее представителямъ печати, графъ настойчиво рекомендовалъ имъ „не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзіями“. Но либеральные земцы не послушались этой *правды* подпольнаго листка и сочли помахиваніе „лисьимъ хвостомъ“ за „новый курсъ“, которому позволительно довѣриться. „Земство вѣрило и сочувствовало правительству“,—повторяетъ „Записка“ Витте слова нелегальной брошюры „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи“,—„какъ бы боялось забѣгать впередъ, обращаться къ нему съ чрезмѣрными просьбами“. Характерное признаніе свободно высказывающихся сторонниковъ земства: Земскій Союзъ на съѣздѣ 1880 г. только что рѣшилъ „добиться центральнаго народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія“, и вотъ это рѣшеніе *добиваться* осуществляется тактикой *„не забѣгать впередъ“*, *„вѣрить и сочувствовать“* двусмысленнымъ и ровно ни къ чему не обязывающимъ заявленіямъ! Съ какой-то непростительной наивностью земцы воображали, что подавать петиціи—это значитъ „добиваться“, и петиціи „посыпались отъ земства въ изобиліи“. Лорисъ-Меликовъ 28-го января 1881 г. вошелъ съ всепод. докладомъ объ образованіи комиссіи изъ выборныхъ отъ земствъ для разработки законопроектовъ, указанныхъ „высочайшей волей“—съ правомъ только совѣщательнаго голоса. Особое совѣщаніе, назначенное Александромъ II, одобрило эту мѣру; заключеніе совѣщанія 17-го февраля 1881 г. было утверждено царемъ, который одобрилъ и предложенный Лорисъ-Меликовымъ текстъ правительственнаго сообщенія.

„Несомнѣнно,—пишетъ авторъ „Записки“ Витте,—что учрежденіе такой чисто совѣщательной комиссіи не создавало еще конституціи“ „Но — продолжаетъ онъ — едва ли можно отрицать, что это было дальнѣйшимъ (послѣ реформъ 60-хъ годовъ) шагомъ къ конституціи и ни къ чему другому“. И авторъ повторяетъ сообщеніе заграничной печати, что Александръ II выразился по поводу доклада Лорисъ-Меликова: „Да вѣдь это états généraux“... „Намъ предлагаютъ не что иное, какъ собраніе нотаблей Людовика XVI“.

Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что осуществленіе Лорисъ-Меликовскаго проекта *могло бы* при извѣстныхъ условіяхъ быть

шагомъ къ конституціи, но могло бы и не быть таковымъ: все зависѣло отъ того, что пересилитъ—давленіе ли революціонной партіи и либеральнаго общества или противодѣйствіе очень могущественной, сплоченной и неразборчивой въ средствахъ партіи непреклонныхъ сторонниковъ самодержавія. Если говорить не о томъ, что могло бы быть, а о томъ, что было, то придется констатировать несомнѣнный фактъ *колебанія* правительства. Одни стояли за рѣшительную борьбу съ либерализмомъ, другіе — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти послѣдніе колебались, не имѣя никакой вполнѣ опредѣленной программы и не возвышаясь надъ уровнемъ бюрократовъ-дѣльцовъ.

„Графъ Лорисъ-Меликовъ,—говоритъ авторъ „Записки“ Витте,—какъ бы боялся прямо взглянуть на дѣло, боялся вполнѣ точно опредѣлить свою программу, а продолжалъ—въ другомъ, правда, направленіи—прежнюю уклончивую политику, которая по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ была принята еще графомъ Валуевымъ“.

„Какъ справедливо было замѣчено и въ тогдашней легальной печати, самая программа, заявленная Лорисъ-Меликовымъ, отличалась большой неопредѣленностью. Эта неопредѣленность видна и во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и словахъ графа. Съ одной стороны, онъ заявляетъ, что самодержавіе „разобщено съ населеніемъ“, что „на поддержку общества онъ смотритъ, какъ на главную силу“... на проектированную реформу „не смотрѣлъ, какъ на нѣчто окончательное, а видѣлъ въ ней только первый шагъ“ и т. д. Въ то же время, съ другой стороны, графъ заявлялъ представителямъ печати, что... „возбужденныя въ обществѣ надежды суть не что иное, какъ мечтательная иллюзія... а во всеподданнѣйшемъ докладѣ государю категорически заявлялъ, что земскій соборъ былъ бы „опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему“... что проектируемая имъ мѣра никакого значенія въ смыслѣ ограниченія самодержавія имѣть не будетъ, ибо не имѣетъ ничего общаго съ западными конституціонными формами. Вообще, по справедливому замѣчанію Л. Тихомірова, самый докладъ этотъ отличается замѣчательно запутанной формой“ (стр. 117).

А по отношенію къ *борцамъ* за свободу этотъ пресловутый герой „диктатуры сердца“, Лорисъ-Меликовъ, довелъ „жестокосты до не бывавшихъ ни раньше, ни позже фактовъ смертной казни 17-ти лѣтняго мальчика за найденный у него печатный листокъ. Лорисъ-Меликовъ не забылъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Сибири, чтобы ухудшить тамъ положеніе людей, страдавшихъ за пропаганду“ (В. Засуличъ, въ № 1 „Соціалдемократа“, стр. 84). При такомъ колебаніи правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституціи, а этой силы не было: революціонеры исчерпали себя 1-мъ марта; въ рабочемъ классѣ не было ни широкаго движенія, ни твердой организаціи; либеральное общество оказалось и на этотъ разъ настолько еще политически неразвитымъ, что оно ограничилось и послѣ убійства Александра II одними ходатайствами. Ходатайствовали земства и города, ходатайствовала либеральная печать („Порядокъ“, „Страна“, „Голосъ“), ходатайствовали — въ особенно благонамѣренной, хитросплетенной и затуманенной формѣ — либеральные авторы докладныхъ записокъ (маркизъ Велепольскій, проф. Чичеринъ и проф. Градовскій—„Записка“ Витте излагаетъ ихъ со-

держаніе по лондонской брошюрѣ *): „Конституція графа Лорисъ-Меликова“, изд. фонда в. р. пр., Л. 1893 г.), выдумывая „остроумныя попытки перевести монарха черезъ завѣтную черту такъ, чтобы самъ онъ этого не замѣтилъ“. Всѣ эти осторожныя ходатайства и хитроумныя выдумки оказались, разумѣется, безъ революціонной силы — полемъ, и партія самодержавія побѣдила, побѣдила, несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на совѣтѣ министровъ большинство (7 противъ 5) высказалось *за* проектъ Лорисъ-Меликова. (Такъ сообщается въ той же брошюрѣ, но усердно списывающій ее авторъ „Записки“, Витте, тутъ почему-то заявляетъ: „Что происходило на этомъ—8-го марта—совѣщаніи и къ чему оно пришло, достовѣрно неизвѣстно; полагаться же на слухи, проникшіе въ иностранную печать, было бы неосторожно“.— 124). 29-го апрѣля 1881 г. вышелъ манифестъ, названный Катковымъ „манной небесной“,—объ утвержденіи и охранѣ самодержавія.

Второй разъ, послѣ освобожденія крестьянъ, волна революціоннаго прибоя была отбита, и либеральное движеніе вслѣдъ за этимъ и вслѣдствіе этого второй разъ смѣнилось *реакціей*, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать. Мы такіе мастера оплакиванья: мы оплакиваемъ бестактность и самоувѣренность революціонеровъ, когда они задираютъ правительство; мы оплакиваемъ нерѣшительность правительства, когда оно, не видя предъ собой настоящей силы, дѣлаетъ лже-уступки и, давая одной рукой, отнимаетъ другой; мы оплакиваемъ „время безыдейности и безъидеальности“, когда правительство, расправившись съ неподдержанными народомъ революціонерами, старается наверстать потерянное и укрѣпляется для новой борьбы.

IV.

Эпоха диктатуры сердца, какъ прозвали министерство Лорисъ-Меликова, показала нашимъ либераламъ, что даже „конституціонализмъ“ одного министра, даже министра-премьера, при полномъ колебаніи правительства, при одобреніи „перваго шага къ реформѣ“ большинствомъ въ совѣтѣ министровъ не гарантируетъ ровно ничего, если нѣтъ серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться. Интересно также, что и правительство Александра III, даже послѣ выступленія съ манифестомъ объ утвержденіи самодержавія, не сразу еще стало показывать всѣ свои когти, а сочло необходимымъ попробовать нѣкоторое время подурачить „общество“. Говоря „подурачить“, мы не думаемъ приписать политику правительства какому-либо маккіавелистическому плану того или другого министра, санов-

*) Авторъ „Записки“ вообще самымъ тщательнымъ образомъ списываетъ, какъ мы видѣли, нелегальныя брошюры и признаетъ, что „подпольная пресса и иностранная литература съ своихъ точекъ зрѣнія давали довольно вѣрную оцѣнку положенію вопроса“ (стр. 91). У русскаго ученаго „государствовѣда“ оказывается оригинальнымъ только кое-какой сырой матеріалъ, а всѣ основныя точки зрѣнія на политическіе вопросы въ Россіи онъ долженъ заимствовать изъ подпольной литературы.

ника и т. п. Нельзя достаточно настаивать на томъ, что система лже-уступокъ и нѣкоторыхъ, кажущихся важными шаговъ „навстрѣчу“ общественному мнѣнію вошла въ плоть и кровь всякаго современнаго правительства и русскаго въ томъ числѣ, ибо и русское правительство въ теченіе уже многихъ поколѣній сознало необходимость считаться съ общественнымъ мнѣніемъ такъ или иначе, въ теченіе уже многихъ поколѣній воспитывало государственныхъ дѣятелей, изощренныхъ въ искусствѣ внутренней дипломатіи. Такимъ дипломатомъ, имѣвшимъ назначеніе прикрыть отступленіе правительства къ прямой реакціи, явился смѣнившій Лорисъ-Меликова министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ. Игнатьевъ выступалъ не разъ какъ чистѣйшій демагогъ и обманщикъ, такъ что авторъ „Записки“ Витте проявляетъ не мало „полицейскаго благодушія“, называя періодъ его министерства „неудавшейся попыткой создать самоуправляющуюся мѣстно землю съ самодержавнымъ царемъ во главѣ“. Правда, именно такая „формула“ была выдвинута въ то время И. С. Аксаковымъ, ею пользовалось для своихъ заигрываній правительство, ее разносилъ Катковъ, основательно доказывая необходимую связь между мѣстнымъ самоуправленіемъ и конституціей. Но было бы близорукостью *объяснять* извѣстную тактику полицейскаго правительства (тактику, необходимо присущую ему по самой его природѣ) преобладаніемъ въ данный моментъ того или другого политическаго воззрѣнія.

Игнатьевъ выступилъ съ циркуляромъ, обѣщая, что правительство „приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній“. Земства отвѣтили на этотъ „призывъ“ ходатайствами о „созывѣ выборныхъ отъ народа“ (изъ записки гласнаго Череповецкаго земства; мнѣніе гласнаго Кирилловскаго земства губернаторъ не разрѣшилъ даже напечатать). Правительство предложило губернаторамъ оставлять такія ходатайства „безъ дальнѣйшаго производства“, „и въ то же время были, повидимому, приняты мѣры, чтобы подобныя ходатайства не были возбуждаемы въ другихъ собраніяхъ“. Дѣлается пресловутая попытка созывать по выбору министровъ „свѣдущихъ людей“ (для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, объ упорядоченіи переселеній, о реформѣ мѣстнаго управленія и пр.). „Работы экспертныхъ комиссій не вызвали сочувствія въ обществѣ, а со стороны земствъ, *несмотря на всѣ предупредительныя мѣры,* вызвали даже прямой протестъ. Двѣнадцать земскихъ собраній заявили ходатайства, чтобы къ участію въ законодательной дѣятельности земскіе люди приглашались не въ отдѣльныхъ случаяхъ и не по назначенію отъ правительства, а постоянно и по выбору земствъ“. Въ Самарскомъ земствѣ подобное предложеніе было остановлено предсѣдателемъ, „послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разъѣхалось“ (Драгомановъ, н. с., стр. 29. Записка, стр. 131). Что графъ Игнатьевъ *надувалъ* земцевъ, это видно изъ такого, напримѣръ, факта: „Полтавскій предводитель

дворянства, г. Устимовичъ, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 г., заявилъ открыто въ губ. двор. собраніи, что онъ получилъ отъ графа Игнатьева *положительное увѣреніе* (sic!), что правительство призоветъ представителей страны къ участію въ законодательной работѣ". (Драгомановъ, тамъ же).

Прикрытіе правительственнаго перехода на рѣшительно новый курсъ этими продѣлками Игнатьева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстой недаромъ заслужилъ себѣ прозвище „министра борьбы". Ходатайства земствъ даже объ устройствѣ какихъ-нибудь частныхъ съѣздовъ отклонялись безъ церемоній, и даже по жалобѣ губернатора на „систематическую оппозицію" земства (Череповецкаго) былъ случай замѣны управы правительственной комиссіей и административной ссылки членовъ управы. Д. А. Толстой, вѣрный ученикъ и послѣдователь Каткова, рѣшилъ предпринять прямо уже „реформу" земскихъ учрежденій, исходя изъ той основной мысли (дѣйствительно подтверждаемой, какъ мы видѣли, исторіей), что „оппозиція правительству свила себѣ прочное гнѣздо въ земствѣ" (стр. 139 „Записки": изъ первоначальнаго проекта земской реформы). Д. А. Толстой проектировалъ замѣнить земскія управы подчиненными губернатору присутствіями, и всѣ постановленія земскихъ собраній признать подлежащими губернаторскому утвержденію. Это была бы, дѣйствительно, „радикальная" реформа, но интересно въ высшей степени, что даже и этотъ ученикъ Каткова, „министръ борьбы" „не отступилъ — по выраженію самого автора „Записки" — отъ привычной политики министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ. Свою мысль—упразднить, въ сущности, земство—онъ не выразилъ въ своемъ проектѣ прямо; подъ видомъ правильнаго развитія началъ самоуправленія онъ желалъ оставить внѣшнюю форму послѣдняго, но лишивъ ее всякаго внутренняго содержанія". Въ Государственномъ Совѣтѣ эта мудрая государственная политика „лисьяго хвоста" была еще дополнена и развита, и въ результатѣ земское положеніе 1890 г. „оказалось новой полумѣрой въ исторіи земскихъ учрежденій. Оно не упразднило земства, но обезличило и обезцвѣтило его; не уничтожило и всесословнаго начала, но придало ему сословную окраску... не сдѣлало изъ земскихъ учрежденій дѣйствительныхъ органовъ власти... но увеличило надъ ними опеку губернаторовъ... усилило право губернскаго протеста". „Положеніе 12-го іюля 1890 г. было, въ намѣреніи его составителя, шагомъ по пути къ упраздненію земскихъ учрежденій, но никакъ не кореннымъ преобразованіемъ земскаго самоуправленія".

Новая „полумѣра" — какъ излагаетъ дальше „Записка" — оппозиціи правительству не уничтожила (оппозицію реакціонному правительству и невозможно было бы, разумѣется, уничтожить усиленіемъ этой реакціонности), а только сдѣлала *нѣкоторыя* проявленія ея скрытыми. Оппозиція проявилась, во-первыхъ, въ томъ, что нѣкоторые анти-земскіе, если можно такъ выразиться, законы встрѣчали отпоръ и de facto не осуще-

ствлялись; во-вторыхъ, опять-таки въ конституціонныхъ (или, по крайней мѣрѣ, имѣющихъ запахъ конституціонализма) ходатайствахъ. Перваго рода оппозицію встрѣтилъ, напримѣръ, законъ 10-го іюня 1893 г., подчинившій подробной регламентаціи земскую организацію врачебнаго дѣла. „Земскія учрежденія дали дружный отпоръ министерству внутреннихъ дѣлъ, которое и отступило. Пришлось пріостановить введеніе уже готоваго устава въ дѣйствіе, отложить его въ сторону для полнаго собранія законовъ и выработать новый проектъ, построенный на началахъ совершенно противоположныхъ (т.-е. болѣе угодныхъ земствамъ)." Законъ 19-го іюля 1893 г. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, вводившій, равнымъ образомъ, принципъ регламентаціи и стѣсняющій права земства въ дѣлѣ обложенія, тоже встрѣченъ несочувственно и въ массѣ случаевъ „на практикѣ вовсе не примѣняется". Сила созданныхъ земствомъ и принесшихъ значительную (сравнительно съ бюрократіей, конечно) пользу населенію врачебныхъ и статическихъ учрежденій оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные въ петербургскихъ канцеляріяхъ уставы.

Второго рода оппозиція выразилась и въ новомъ земствѣ въ 1894 г., когда адреса земствъ Николаю II снова намекнули совершенно опредѣленно на ихъ требованія расширить самоуправленіе и вызвали „знаменитыя" слова о безсмысленныхъ мечтаніяхъ.

„Политическія тенденціи" земства не исчезли, къ ужасу гг. министровъ. Авторъ „Записки" приводитъ горькія жалобы тверского губернатора (изъ отчета его за 1898 г.) на „тѣсно сплоченный кружокъ людей либеральнаго направленія", сосредоточивающій въ своихъ рукахъ все веденіе дѣла губернскаго земства. „Изъ отчета того же губернатора за 1895 г. видно, что борьба съ земской оппозиціей составляетъ тяжелую задачу мѣстной администраціи и что отъ предсѣдательствующихъ въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства требуется иногда даже „гражданское мужество" (вотъ какъ!) для выполненія конфиденціальныхъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ о предметахъ, которыхъ земскія учрежденія не должны касаться". И дальше идетъ разсказъ о томъ, какъ губернскій предводитель дворянства сдалъ передъ собраніемъ должность уѣздному (тверскому), тверской — новоторжскому, новоторжскій тоже заболѣлъ и сдалъ предсѣдательство старицкому. Итакъ, даже предводители дворянства обращаются въ бѣгство, не желая исполнять полицейскихъ обязанностей! „Закономъ 1890 г.,—сѣтуетъ авторъ „Записки",—земству дана сословная окраска, усиленъ въ собраніяхъ правительственный элементъ, въ составъ губернскихъ земскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства и земскіе начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжаетъ, тѣмъ не менѣе, проявлять политическую тенденцію, то надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься"... „Противодѣйствіе не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиція живутъ несомнѣнно и будутъ жить до тѣхъ

поръ, пока не умретъ всесословное земство“. Таково послѣднее слово бюрократической мудрости: если урѣзанное представительство порождаетъ недовольство, то уничтоженіе всякаго представительства—по простой человѣческой логикѣ—еще усилитъ это недовольство и оппозицію. Г. Витте воображаетъ, что если закрыть одно изъ учрежденій, выносящихъ наружу хоть частичку недовольства, то недовольство исчезнетъ! Но думаете ли вы, что Витте предлагаетъ поэтому что-либо рѣшительное въ—родѣ упраздненія земства? Нѣтъ, ничуть не бывало. Разнося уклончивую политику ради краснаго словца, Витте самъ не предлагаетъ ничего кромѣ нея же,—да и не можетъ предлагать, не вылѣзая изъ своей шкуры министра самодержавнаго правительства. Витте бормочетъ что-то совершенно пустяковинное о „третьемъ пути“: не господство бюрократіи и не самоуправленіе, а административная реформа, „правильно организующая“ „участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ“. Сказать такой вздоръ легко, но только ровно уже никого теперь — послѣ всякихъ опытовъ со „свѣдущими людьми“ — не обманетъ эта выдумка: слишкомъ очевидно, что *безъ конституціи* всякое „участіе общественныхъ элементовъ“ будетъ фикціей, будетъ подчиненіемъ общества (или тѣхъ или другихъ „призванныхъ“ отъ общества) бюрократіи. Критикуя частную мѣру министерства внутреннихъ дѣлъ—введеніе земства на окраинахъ,—Витте по общему вопросу, имъ самимъ выдвинутому, не можетъ дать ровно ничего новаго, подогрѣвая только старые пріемы полумѣръ, лжеуступокъ, обѣщанія всякихъ благъ и неисполненія никакихъ обѣщаній. Нельзя съ достаточной силой подчеркнуть, что по общему вопросу о „направленіи внутренней политики“ Витте и Горемыкинъ едино суть, и споръ между ними есть споръ своихъ людей, домашняя ссора въ предѣлахъ одной шайки. Съ одной стороны, и Витте спѣшитъ заявить, что „ни упраздненія земскихъ учрежденій, ни какой-либо ломки существующаго порядка я не предлагалъ и не предлагаю... объ упраздненіи ихъ (существующихъ земствъ) при настоящихъ условіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь“. Витте „съ своей стороны думаетъ, что съ созданіемъ на мѣстахъ сильной правительственной власти возможно будетъ съ бо̀льшимъ довѣріемъ отнестись къ земствамъ“ и т. д. Создавши сильный бюрократическій противовѣсъ самоуправленію (т.-е. обезсиливъ самоуправленіе), можно больше „довѣрить“ ему. Старая это пѣсенка! Г. Витте боится только „всесословныхъ учрежденій“, онъ „вовсе не имѣлъ въ виду и не считалъ для самодержавія опасной дѣятельность разнаго рода корпорацій, обществъ, сословныхъ или профессіональныхъ союзовъ“. Напримѣръ, относительно „сельскихъ общинъ“ г. Витте ни мало не сомнѣвается въ ихъ безопасности для самодержавія вслѣдствіе ихъ „косности“. „Преобладаніе отношеній по землѣ и связанныхъ съ ними интересовъ придаютъ сельскому населенію такія духовныя особенности, которыя дѣлаютъ его безразличнымъ ко всему, что выходитъ за предѣлы политики своей колокольни... Нашъ крестьянинъ занятъ на сходахъ раскладкой податей... рас-

предѣленіемъ поземельныхъ участковъ и т. п. Кромѣ того, онъ неграмотенъ или полуграмотенъ,—*какая же тутъ можетъ быть политика?*" Г. Витте очень трезвъ, какъ видите. По отношенію къ сословнымъ союзамъ онъ заявляетъ, что въ отношеніи ихъ опасности для центральной власти „существенное значеніе имѣетъ разобщенность ихъ интересовъ. Пользуясь этой разобщенностью, правительство противъ политическихъ притязаній одного сословія всегда можетъ находить опору и противовѣсъ въ другихъ". Не что иное, какъ одну изъ безконечныхъ попытокъ полицейскаго государства „разобщить" населеніе, представляетъ собой и „программа" Витте: „правильно организованное участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ".

Съ другой стороны, и г. Горемыкинъ, съ которымъ г. Витте такъ яростно полемизируетъ, ведетъ и самъ ту же систематическую политику разобщенія и притѣсненія. Онъ доказываетъ (въ своей запискѣ, на которую отвѣчаетъ Витте) необходимость созданія новыхъ должностей чиновниковъ для надзора за земствомъ; онъ—противъ разрѣшенія даже простыхъ мѣстныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей; онъ горой стоитъ за положеніе 1890 г., этотъ шагъ къ упраздненію земства; онъ боится включенія земствами въ програмы оцѣночныхъ работъ „тенденціозныхъ вопросовъ", боится земской статистики вообще; онъ стоитъ за то, что народную школу надо изъять изъ рукъ земства и передать въ вѣдѣніе учрежденій правительственныхъ; онъ доказываетъ, что земства неспособны вести продовольственное дѣло (земскіе дѣятели вызываютъ—видите ли—„преувеличенныя представленія о размѣрахъ бѣдствія и потребностяхъ пострадавшаго отъ неурожая населенія"!!); онъ отстаивалъ правила о предѣльности земскаго обложенія „въ цѣляхъ огражденія землевладѣнія отъ чрезмѣрнаго увеличенія земскихъ сборовъ". Такимъ образомъ, Витте совершенно правъ, когда онъ заявляетъ: „Вся политика министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земству заключается въ медленномъ, но неуклонномъ подтачиваніи его органовъ, постепенномъ ослабленіи ихъ значенія и постепенномъ же сосредоточеніи ихъ функцій въ вѣдѣніи правительственныхъ установленій. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что, когда указываемыя въ запискѣ (Горемыкина) „мѣропріятія, принятыя за послѣднее время въ цѣляхъ упорядоченія отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства и управленія", будутъ приведены къ благополучному концу, то въ дѣйствительности у насъ не будетъ никакого самоуправленія, — отъ земскихъ учрежденій останется одна идея да внѣшняя оболочка, безъ всякаго дѣлового содержанія". Политика Горемыкина (и еще болѣе Сипягина) и политика Витте идетъ, слѣдовательно, къ одному и тому же, и состязаніе по вопросу о земствѣ и конституціонализмѣ есть, повторяемъ, не болѣе, какъ домашняя ссора. Милые бранятся — только тѣшатся. Таковъ итогъ „борьбы" гг. Витте и Горемыкина. Что же касается до нашихъ итоговъ по общему вопросу о самодержавіи и земствѣ, то

ихъ удобнѣе подвести въ связи съ разборомъ предисловія г-на Р. Н. С.*).

V.

Предисловіе г-на Р. Н. С. представляетъ много интереснаго. Въ немъ затронуты самые широкіе вопросы о политическомъ переобразованіи Россіи, о разнообразныхъ способахъ этого преобразованія, о значеніи тѣхъ и другихъ силъ, ведущихъ къ преобразованію. Съ другой стороны, г. Р. Н. С., стоящій, очевидно, въ близкихъ отношеніяхъ къ либеральнымъ кругамъ вообще и земско-либеральнымъ кругамъ въ особенности, представляетъ изъ себя, несомнѣнно, нѣчто новое въ хорѣ нашей „подпольной" литературы. Поэтому и для выясненія принципіальнаго вопроса о политическомъ значеніи земства и для ознакомленія съ вѣяніями и—не скажу: направленіями, а настроеніями въ кругахъ, близкихъ къ либераламъ, очень стоитъ остановиться подробнѣе на этомъ предисловіи, разобрать, плюсъ или минусъ, насколько плюсъ, насколько и въ чемъ минусъ это новое?

Основная особенность воззрѣній г. Р. Н. С. состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ видно изъ очень многихъ цитируемыхъ нами ниже мѣстъ его статьи, онъ поклонникъ мирнаго, постепеннаго, строго-легальнаго развитія. Съ другой стороны, онъ всей душой возстаетъ противъ самодержавія и жаждетъ политической свободы. Но самодержавіе потому и есть самодержавіе, что оно запрещаетъ и преслѣдуетъ *всякое* „развитіе" къ свободѣ. Это противорѣчіе проникаетъ собой всю статью г. Р. Н. С., дѣлая его разсужденія крайне непослѣдовательными, нетвердыми, шаткими. Совмѣстить конституціонализмъ съ заботой о строго легальномъ развитіи самодержавной Россіи можно только посредствомъ предположенія или хотя бы допущенія того, что самодержавное правительство *само* пойметъ, утомится, уступитъ и т. п. И г-ну Р. Н. С. съ высоты его гражданскаго негодованія дѣйствительно случается падать и до этой вульгарной точки зрѣнія самаго неразвитаго либерализма. Вотъ примѣръ. Г. Р. Н. С. говоритъ о себѣ: „...мы, видящіе въ борьбѣ за политическую свободу для сознательныхъ современныхъ людей Россіи ихъ Аннибалову клятву, столь же святую, какъ нѣкогда борьба за освобожденіе крестьянъ для людей сороковыхъ годовъ"... И еще: „...какъ ни тяжело намъ, людямъ, давшимъ „Аннибалову клятву" борьбы съ самодержавіемъ", и т. д. Хорошо сказано, сильно сказано! Эти сильныя слова служили бы украшеніемъ статьи, если бы всю ее проникалъ тотъ же духъ непреклонной, непримиримой борьбы („Аннибалова клятва"!). Эти сильныя слова—именно потому, что они такъ сильны,—будутъ звучать чѣмъ-то фальшивымъ, если рядомъ съ ними промелькнетъ нотка искусственнаго примиренія и успокоенія, попытка провести, хотя бы цѣною всяческихъ натяжекъ, концепцію мирнаго, строго легальнаго развитія. А у г. Р. Н. С. такихъ нотокъ и такихъ попытокъ, къ сожалѣнію, слишкомъ достаточно. Онъ

*) Этимъ псевдонимомъ подписывался г. Струве (прим. къ настоящ. изд.).

удѣляетъ, напримѣръ, цѣлыхъ полторы страницы подробному „обоснованію“ той мысли, что „государственная политика въ царствованіе Николая II заслуживаетъ *еще болѣе* (курсивъ нашъ) суроваго осужденія съ нравственной и политической точки зрѣнія, чѣмъ черный передѣлъ реформъ Александра II при Александрѣ III“. Почему же *болѣе* суроваго осужденія? Оказывается, потому что Александръ III боролся съ революціей, а Николай II—съ „легальными стремленіями русскаго общества“, первый—съ политически сознательными, второй—„съ вполнѣ мирными и подчасъ даже дѣйствующими безъ всякой ясной политической мысли общественными силами“ („плохо даже сознающими, что ихъ сознательная культурная работа подтачиваетъ государственный строй“). Это въ очень значительной степени невѣрно фактически,—о чемъ рѣчь ниже. Но и помимо того нельзя не отмѣтить странности самаго хода разсужденій автора. Онъ осуждаетъ самодержавіе, и изъ двухъ самодержцевъ онъ *болѣе* осуждаетъ одного не по характеру политики, которая осталась прежней, а потому, что передъ нимъ нѣтъ (будто бы) „задиръ“, вызывающихъ, „естественно“, рѣзкій отпоръ, нѣтъ, слѣдовательно, повода къ преслѣдованіямъ. Не сквозитъ ли въ самомъ уже употребленіи подобнаго аргумента явной уступки тому вѣрноподданному доводу, что-де нашему батюшкѣ-царю нечего бояться созвать излюбленныхъ людей, ибо всѣ эти излюбленные люди и не помышляли никогда о чемъ-либо, выходящемъ изъ рамокъ мирныхъ стремленій и строгой легальности? Насъ не удивляетъ, если мы читаемъ такой „ходъ мыслей“ (или такой ходъ лжи) у г. Витте, который пишетъ въ своей запискѣ: „Казалось бы, что тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти,—тамъ нельзя противопоставлять администрацію народу или обществу“...*) и т. д. Насъ не удивляетъ такое разсужденіе у г. Чичерина, который въ запискѣ, поданной графу Милютину послѣ 1-го марта 1881 г., заявилъ, что „власти необходимо прежде всего показать свою энергію, доказать, что она не свернула своего знамени предъ угрозою“, что „монархическій порядокъ совмѣстенъ съ свободными учрежденіями лишь тогда, когда они являются плодомъ мирнаго развитія, спокойной иниціативы самой верховной власти“, и совѣтовалъ создать „сильную и либеральную“ власть, дѣйствующую при помощи „законодательнаго органа, усиленнаго и обновленнаго выборнымъ элементомъ“ **). Со стороны вотъ этакого г. Чичерина было бы совершенно естественно признавать заслуживающей большого осужденія политику Николая II *потому*, что въ его царствованіе мирное развитіе и спокойная иниціатива самой верховной власти *могли бы* привести къ свободнымъ учрежде-

*) Стр. 205. „Это даже неумно“, замѣчаетъ г. Р. Н. С. въ примѣчаніи къ этому мѣсту. Совершенно справедливо. Но развѣ не изъ той же глины слѣплены вышеуказанныя разсужденія г. Р. Н. С. на стр. XI—XII его предисловія?

**) „Записка“ Витте, стр. 122—123. „Конституція графа Лорисъ-Меликова“, стр. 24.

ніямъ. Но естественно ли, прилично ли такого рода разсужденіе въ устахъ человѣка, давшаго Аннибалову клятву борьбы?

И фактически г. Р. Н. С. не правъ. „Теперь,—говоритъ онъ, сравнивая настоящее царствованіе съ предыдущимъ,—... о томъ насильственномъ переворотѣ, который превозносился дѣятелемъ „Народной воли“, никто серьезно не помышляетъ“. Parlez pour vous, monsieur! Говорите только за себя! Намъ же доподлинно извѣстно, что революціонное движеніе въ Россіи за послѣднее царствованіе не только не умерло и не ослабѣло по сравненію съ прошлымъ царствованіемъ, а напротивъ, воскресло и возросло во много разъ. И какое же это было бы „революціонное“ движеніе, если бы изъ его участниковъ никто серьезно не помышлялъ о насильственномъ переворотѣ? Намъ, можетъ быть, возразятъ, что въ приведенныхъ строкахъ г. Р. Н. С. имѣетъ въ виду не насильственный переворотъ вообще, а переворотъ специфически „народовольческій“, т.-е. переворотъ и политическій и соціальный въ одно и то же время, переворотъ, ведущій не только къ низверженію самодержавія, но и къ захвату власти. Такое возраженіе было бы не основательно, ибо, во-первыхъ, для самодержавія, какъ таковаго (т.-е. для самодержавнаго правительства, а не для „буржуазіи“ или „общества“), важно вовсе не то, *для чего* его хотятъ свергнуть, *а то, что* его хотятъ свергнуть. А во-вторыхъ, и дѣятели „Народной воли“ въ самомъ началѣ царствованія Александра III „преподнесли“ правительству альтернативу именно такую, какую ставитъ передъ Николаемъ II соціалдемократія: или революціонная борьба или отреченіе отъ самодержавія. (См. письмо Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Александру III отъ 10-го марта 1881 г., гдѣ поставлены два условія: 1) общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ и 2) созывъ представителей отъ всего русскаго народа при всеобщемъ избирательномъ правѣ и свободѣ печати, слова и сходокъ). Да г. Р. Н. С. и самъ отлично знаетъ, что о насильственномъ переворотѣ „серьезно помышляютъ“ многіе не только изъ среды интеллигенціи, но и изъ среды рабочаго класса: загляните на стр. XXXIX и слѣд. его ст., гдѣ говорится о „революціонной соціалдемократіи“, которой обезпечены и „массовая основа и умственныя силы“, которая идетъ къ „рѣшительной политической борьбѣ“, къ „кровавой борьбѣ революціонной Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ“ (XLI). Не подлежитъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію, что „благонамѣренныя рѣчи“ г. Р. Н. С. представляютъ собой лишь особый пріемъ, попытку повліять на правительство (или на „общественное мнѣніе“) посредствомъ увѣреній въ своей (или въ чужой) скромности.

Г. Р. Н. С. думаетъ, впрочемъ, что понятіе борьбы можно истолковать очень широко. „Упраздненіе земства—пишетъ онъ—дастъ революціонной пропагандѣ огромный козырь,—мы говоримъ это вполнѣ объективно (sic!), не испытывая никакого отвращенія къ тому, что обычно зовется революціонной дѣятельностью, но и не восхищаясь и не увлекаясь именно этой формой (sic!) борьбы

за политическій и общественный прогрессъ". Эта тирада очень знаменательна. Если приподнять quasi-ученую формулировку, щеголяющую совершенно некстати „объективностью" (разъ авторъ самъ ставитъ вопросъ о предпочтительности для него той или другой формы дѣятельности, или формы борьбы, то говорить при этомъ объ объективности его отношенія то же самое, что приравнивать дважды два къ стеариновой свѣчкѣ), то получится старая, престарая аргументація; мнѣ вы, господа правители, можете повѣрить, если я васъ пугаю революціей, ибо у меня къ ней душа совсѣмъ не лежитъ. Ссылка на обективность есть не что иное, какъ фиговый листочекъ, прикрывающій субъективную антипатію къ революціи и революціонной дѣятельности. А въ прикрытіи нуждается г. Р. Н. С. потому, что съ Аннибаловой клятвой борьбы подобная антипатія никакъ не совмѣстима.

Впрочемъ, не ошибаемся ли мы насчетъ этого самаго Аннибала? Давалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ клятву борьбы съ римлянами, или только борьбы за прогрессъ Карѳагена, каковой прогрессъ, конечно, въ послѣднемъ счетѣ повредилъ бы Риму? Нельзя ли понимать слово борьба не такъ „узко"? Г. Р. Н. С. думаетъ, что можно. Борьба съ самодержавіемъ—такъ слѣдуетъ изъ сопоставленія Аннибаловой клятвы съ текстомъ приведенной тирады—проявляется въ разныхъ „формахъ": одна форма, это—борьба революціонная, нелегальная, другая форма, это—вообще „борьба за политическій и общественный прогрессъ", т.-е., другими словами, мирная, легальная дѣятельность, насаждающая культуру въ рамкахъ, дозволенныхъ самодержавіемъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что и при самодержавіи возможна легальная дѣятельность, двигающая впередъ россійскій прогрессъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно быстро двигающая прогрессъ техническій, въ немногихъ случаяхъ весьма незначительно—прогрессъ общественный, въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и въ совершенно миніатюрныхъ размѣрахъ—прогрессъ политическій. Можно спорить о томъ, насколько именно великъ и насколько возможенъ этотъ миніатюрный прогрессъ, насколько единичные случаи такого прогресса способны парализо ать то массовое политическое развращеніе населенія, которое производится самодержавіемъ повсюду и постоянно. Но подводить хотя бы и косвенно мирную легальную дѣятельность подъ понятіе борьбы съ самодержавіемъ, значитъ содѣйствовать этому развращенію, значитъ ослаблять и безъ того безконечно слабое въ русскомъ обывателѣ сознаніе своей отвѣтственности, какъ гражданина, за *все*, что дѣлаетъ правительство.

Къ сожалѣнію, г. Р. Н. С. не одинокъ среди нелегальныхъ писателей, пытающихся стереть разницу между революціонной борьбой и мирнымъ культурничествомъ. У него есть предшественникъ, г. Р. М., авторъ статьи „Наша дѣйствительность" въ знаменитомъ „Отдѣльномъ приложеніи къ Рабочей Мысли" (сентябрь 1899 г.). Возражая соціалдемократамъ-революціонерамъ, онъ писалъ: „Вѣдь и борьба за земское и городское общественное самоуправленіе, и борьба за общественную школу, и борьба за

общественный судъ, и борьба за общественную помощь голодающему населенію и т. д. есть борьба съ самодержавіемъ... Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумѣнію не обращающая на себя благосклоннаго вниманія многихъ русскихъ революціонныхъ писателей, какъ мы видѣли, уже ведется русскимъ обществомъ и не со вчерашняго дня... Настоящій вопросъ въ томъ, какъ этимъ отдѣльнымъ общественнымъ слоямъ... вести эту борьбу съ самодержавіемъ возможно успѣшнѣе... А главный для насъ вопросъ: какъ должны вести эту общественную борьбу съ самодержавіемъ наши рабочіе, на движеніе которыхъ наши революціонеры смотрятъ какъ на лучшее средство ниспроверженія самодержавія" (стр. 8—9). Какъ видите, г. Р. М. не считаетъ нужнымъ и прикрывать свою антипатію къ революціонерамъ; легальную оппозицію и мирную работу онъ прямо объявляетъ борьбой съ самодержавіемъ и даже главнымъ считаетъ вопросъ, какъ должны рабочіе вести „*эту*" борьбу. Г. Р. Н. С. далеко не такъ примитивенъ и не такъ откровененъ, но родственность политическихъ тенденцій у нашего либерала и у крайняго поклонника чисто рабочаго движенія проглядываетъ довольно ясно *).

Что касается до „объективизма" г. Р. Н. С., то мы должны замѣтить, что онъ иногда и прямикомъ отбрасываетъ его. Онъ остается „объективнымъ", когда говоритъ о рабочемъ движеніи, объ его органическомъ ростѣ, о грядущей неизбѣжной борьбѣ революціонной соціалдемократіи съ самодержавіемъ, о томъ, что организація либераловъ въ нелегальную партію будетъ неизбѣжнымъ результатомъ упраздненія земства. Все это изложено очень дѣловито и очень трезво, настолько трезво, что можно радоваться распространенію въ либеральныхъ кругахъ правильнаго пониманія рабочаго движенія въ Россіи. Но когда г. Р. Н. С. начинаетъ говорить не о борьбѣ съ врагомъ, а о возможномъ „смиреніи" врага,—онъ сразу теряетъ свой „объективизмъ", выражаетъ свои чувства, переходитъ даже отъ изъявительнаго наклоненія къ повелительному.

„Только въ томъ случаѣ дѣло не дойдетъ до конечной и кровавой борьбы революціонной Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ, если среди власть имущихъ окажутся лица, у которыхъ найдется мужество смириться предъ исторіей и смирить предъ ней самодержца... Несомнѣнно, что среди высшей бюрократіи есть лица, не сочувствующія реакціонной политикѣ... Они, единственныя лица, имѣющія доступъ къ престолу, никогда не рѣшаются громко высказывать свои убѣжденія... Быть можетъ, однако, огромная тѣнь неизбѣжной исторической расплаты, тѣнь великихъ событій внесетъ колебанія въ правительственную среду и

*) Хозяйственныя организаціи рабочихъ — говоритъ г. Р. Н. С. въ другомъ мѣстѣ—„явятся школой реальнаго политическаго воспитанія рабочихъ массъ". Мы бы посовѣтовали автору поосторожнѣе употреблять это истасканное рыцарями оппортунизма словечко „реальный". Нельзя отрицать, что при извѣстныхъ условіяхъ и хозяйственныя организаціи рабочихъ могутъ много дать для ихъ политическаго воспитанія (какъ нельзя отрицать, что при другихъ условіяхъ онѣ могутъ дать кое-что и для ихъ политическаго развращенія). Но *реальное* политическое воспитаніе рабочимъ массамъ можетъ дать только всестороннее участіе ихъ въ революціонномъ движеніи, вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть до гражданской войны съ защитниками политическаго и экономическаго рабства.

во-время разрушить желѣзный строй реакціонной политики. Для этого теперь нужно сравнительно немного... Быть можетъ, оно (правительство) не слишкомъ поздно пойметъ также фатальную опасность охраненія самодержавнаго режима всѣми средствами. Быть можетъ, оно, еще не встрѣтившись съ революціей, само утомится своей борьбой съ естественнымъ, исторически необходимымъ развитіемъ свободы и поколеблется въ своей „непримиримой“ политикѣ. Переставъ быть послѣдовательнымъ въ борьбѣ со свободой, оно будетъ вынуждено все шире и шире раскрывать ей двери. Быть можетъ... нѣтъ, не только можетъ быть, но *да будетъ такъ!*“ (Курсивъ автора).

Аминь! остается намъ только сказать по поводу этого благонамѣреннаго и возвышеннаго монолога. Нашъ Аннибалъ такъ быстро прогрессируетъ, что выступаетъ уже передъ нами въ третьей формѣ: первая форма — борьба съ самодержавіемъ, вторая — насажденіе культуры, третья — призывы къ смиренію врага и попытки запугать его „тѣнью“. Какія страсти! Мы вполнѣ согласны съ почтеннымъ г. Р. Н. С. въ томъ, что „тѣней“-то святоши русскаго правительства скорѣе всего на свѣтѣ испугаются. И непосредственно предъ этимъ заклинаніемъ тѣней нашъ авторъ, указавши на ростъ революціонныхъ силъ и на грядущій революціонный взрывъ, восклицалъ: „Съ глубокой скорбью мы предвидимъ тѣ ужасныя жертвы и людьми и культурными силами, которыхъ будетъ стоить эта безумная агрессивно консервативная политика, не имѣющая ни политическаго смысла, ни тѣни нравственнаго оправданія“. Какую бездонную пропасть доктринерства и елейности пріоткрываетъ такой конецъ разсужденія о революціонномъ взрывѣ! У автора нѣтъ ни капельки пониманія того, какое бы это имѣло гигантское историческое значеніе, если бы народъ въ Россіи хоть разъ хорошенько проучилъ правительство. Вмѣсто того, чтобы, указывая на „ужасныя жертвы“, принесенныя и приносимыя народомъ абсолютизму, будить ненависть и возмущеніе, разжигать готовность и страсть къ борьбѣ,—вмѣсто этого вы ссылаетесь на *будущія* жертвы, чтобы отпугнуть отъ борьбы. Эхъ, господа! Лучше ужъ вовсе не разсуждать о „революціонномъ взрывѣ“, чѣмъ портить это разсужденіе подобнымъ финаломъ. *Дѣлать* „великія событія“ вы, очевидно, не хотите, а хотите только разговаривать о „тѣни великихъ событій“, да и разговаривать-то съ одними „лицами, имѣющими доступъ къ престолу“.

Подобнаго рода разговорами съ тѣнями и о тѣняхъ полнымъ-полна, какъ извѣстно, и наша легальная пресса. А чтобы придать тѣнямъ реальность, принято ссылаться въ видѣ примѣра на „великія реформы“ и пѣть имъ полное условной лжи аллилуйа. Подцензурному писателю нельзя иногда не простить этой лжи, ибо иначе онъ не можетъ выразить своего стремленія къ политическимъ преобразованіямъ. Но надъ г. Р. Н. С. цензуры не было. „Великія реформы, — пишетъ онъ, — были задуманы не для вящшаго торжества бюрократіи“. Посмотрите, до какой степени уклончива эта апологетическая фраза. *Кѣмъ* „задуманы“? Герценомъ, Чернышевскимъ, Унковскимъ и тѣми, кто шелъ съ ними? Но эти люди требовали несравненно большаго, чѣмъ то, что осуществляли „реформы“, и за свои требованія они подвер-

гались преслѣдованіямъ со стороны правительства, проводившаго „великія“ реформы.—Правительствомъ и тѣми, кто, слѣпо славословя, шелъ за нимъ, огрызаясь на „задиръ“? Но правительство сдѣлало все возможное и невозможное, чтобы уступить какъ можно меньше, чтобы обкарнать демократическія требованія и обкарнать *именно* „для вящшаго торжества бюрократіи“. Г. Р. Н. С. прекрасно знаетъ всѣ эти историческіе факты и затушевываетъ ихъ только потому, что они всецѣло опровергаютъ его благодушную теорію о возможномъ „смиреніи“ самодержца. Въ политикѣ нѣтъ мѣста смиренію, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) можетъ принимать за смиреніе исконный полицейскій пріемъ: „divide et impera, раздѣляй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай лѣвой рукой и отними правой“... Правительство Александра II, задумывая и проводя „великія реформы“, не ставило себѣ въ то же время сознательной цѣли—во что бы то ни стало отрѣзать русскому народу всякій легальный путь къ политической свободѣ, не взвѣшивало съ этой точки зрѣнія всякій свой шагъ, всякую статью закона. Это **неправда**. Правительство Александра II, и „задумывая“ реформы, и проводя ихъ, ставило себѣ съ самаго начала совершенно сознательную цѣль: не уступать тогда же заявленному требованію политической свободы. Оно съ самаго начала и до самаго конца отрѣзывало всякій легальный путь къ свободѣ, ибо отвѣчало репрессіями даже на простыя ходатайства, ибо не разрѣшало никогда даже говорить свободно о свободѣ. Въ опроверженіе славословія г. Р. Н. С. достаточно сослаться хотя бы на приведенные нами выше факты, изложенные въ „Запискѣ“ Витте. О лицахъ же, составлявшихъ правительство Александра II, самъ Витте выражается, напримѣръ, такъ: „Необходимо отмѣтить, что выдающіеся государственные дѣятели эпохи 60-хъ годовъ, славныя имена которыхъ сохранятся и въ благодарномъ потомствѣ, сдѣлали въ свое время столь много великаго, сколько едва ли сдѣлали ихъ преемники, и трудились надъ обновленіемъ нашего государственнаго и общественнаго строя по искреннимъ своимъ убѣжденіямъ съ беззавѣтной преданностью своему государю и не вопреки его стремленіямъ“ (стр. 67 „Записки“). Вотъ что правда — то правда: по искреннимъ убѣжденіямъ, съ беззавѣтной преданностью стоящему во главѣ полицейскаго государства государю...

Послѣ вышеизложеннаго насъ уже не должно удивлять, что г. Р. Н. С. даетъ крайне мало по самому важному вопросу о роли земства въ борьбѣ за политическую свободу. Кромѣ обычныхъ ссылокъ на „практическое“ и „культурное“ дѣло земства, онъ указываетъ бѣгло на его „воспитательно-политическое значеніе“, говоритъ, что „земство имѣетъ политическое значеніе“, что земство, какъ ясно видитъ г. Витте, „опасно (для существующаго порядка) только въ силу исторической тенденціи своего развитія—какъ зародышъ конституціи“. И въ заключеніе этихъ, точно случайно оброненныхъ замѣчаній выходка противъ революціонеровъ: „Мы цѣнимъ произведеніе г. Витте не только за

его правду о самодержавіи, но также и какъ драгоцѣнный политическій аттестатъ, выданный земству самой бюрократіей. Этотъ аттестатъ служитъ превосходнымъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой (sic!) не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія русскаго земства и его легальной культурной дѣятельности". Кто же это обнаружилъ недостатокъ образованія или увлеченіе фразой? гдѣ и когда? Съ кѣмъ и почему несогласенъ г. Р. Н. С.? На это нѣтъ отвѣта, и выходка автора не говоритъ ничего, кромѣ, развѣ, заявленія объ антипатіи его къ революціонерамъ, знакомой намъ и по другимъ мѣстамъ статьи. Нисколько не разъясняетъ дѣла еще болѣе странное примѣчаніе: „Этими словами мы вовсе не хотимъ (?!) задѣть революціонныхъ дѣятелей, въ которыхъ нельзя не цѣнить прежде всего нравственнаго мужества въ борьбѣ съ произволомъ". Зачѣмъ это? къ чему это? Какая есть связь между нравственнымъ мужествомъ и неумѣніемъ оцѣнить земство? Г. Р. Н. С. поправился по истинѣ изъ кулька въ рогожку: сначала онъ „задѣлъ" революціонеровъ голословнымъ и „анонимнымъ" (т.-е. неизвѣстно, противъ кого направленнымъ) обвиненіемъ въ невѣжествѣ и фразѣ, а теперь еще „задѣваетъ" ихъ предположеніемъ, что пилюлю обвиненія въ невѣжествѣ ихъ можно заставить проглотить, если позолотить ее признаніемъ ихъ нравственнаго мужества. Въ довершеніе неясности г. Р. Н. С. самъ себѣ противорѣчитъ, заявляя—какъ бы въ одинъ голосъ съ „увлекающимися революціонной фразой",— что „современное русское земство... не есть политическая величина, которая своей непосредственной силой могла бы кому-либо импонировать, могла бы кого-либо устрашать... Оно еле-еле отстаиваетъ свою скромную позицію"... „Такія учрежденія (какъ земство)... сами по себѣ могутъ грозить этому (самодержавному) строю только въ отдаленномъ будущемъ и лишь въ связи съ развитіемъ всей культуры страны".

VI.

Попытаемся же разобраться въ этомъ вопросѣ, о которомъ г. Р. Н. С. говоритъ такъ сердито и такъ безсодержательно. Факты, приведенные нами выше, показываютъ, что „политическое значеніе", т.-е. значеніе его, какъ фактора въ борьбѣ за политическую свободу, состоитъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, эта организація представителей нашихъ имущихъ классовъ (и въ особенности земельнаго дворянства) постоянно противопоставляетъ выборныя учрежденія бюрократіи, вызываетъ постоянные конфликты между ними, показываетъ на каждомъ шагу реакціонный характеръ безотвѣтственнаго царскаго чиновничества, поддерживаетъ недовольство и питаетъ оппозицію самодержавному правительству *). Во-вторыхъ, земства,

*) См. чрезвычайно обстоятельное разъясненіе этой стороны вопроса въ брошюрѣ П. Б. Аксельрода: „Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи" (Женева, 1898), особенно стр. 5, 8, 11—12, 17—19.

втиснутыя какъ пятое колесо въ бюрократической повозкѣ, стремятся упрочить свое положеніе, расширить свое значеніе, стремятся—и даже, по выраженію Витте, „безсознательно идутъ“—къ конституціи, предъявляя ходатайства о ней. Они оказываются поэтому негоднымъ союзникомъ правительства въ борьбѣ его съ революціонерами, они хранятъ дружественный нейтралитетъ по отношенію къ революціонерамъ и оказываютъ имъ хотя и косвенную, но несомнѣнную услугу, внося въ критическіе моменты колебанія въ репрессивныя мѣры правительства. Разумѣется, ни „крупнаго“, ни вообще сколько-нибудь самосостоятельнаго фактора политической борьбы нельзя видѣть въ учрежденіи, которое въ лучшемъ случаѣ способно было до сихъ поръ лишь на либеральныя ходатайства и на дружественный нейтралитетъ, но роль одного изъ *вспомогательныхъ* факторовъ за земствомъ отрицать нельзя. Въ этомъ смыслѣ мы готовы даже, если хотите, признать, что земство—кусочекъ конституціи. Читатель скажетъ, пожалуй: значитъ, вы соглашаетесь съ г. Р. Н. С., который большаго и не утверждаетъ. Нисколько. Тутъ только наше разногласіе и начинается.

Земство—кусочекъ конституціи. Пусть такъ. Но это именно такой кусочекъ, посредствомъ котораго русское „общество“ *отманивали* отъ конституціи. Это—именно такая, сравнительно очень маловажная, позиція, которую самодержавіе уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главныя позиціи, чтобы раздѣлить и разъединить тѣхъ, кто требовалъ преобразованій политическихъ. Мы видѣли, какъ это разъединеніе на почвѣ „довѣрія“ къ земству („зародышу конституціи“) удавалось и въ 60-хъ годахъ и 80—81 гг. Вопросъ объ отношеніи земства къ политической свободѣ есть частный случай общаго вопроса объ отношеніи реформъ къ революціи. И мы можемъ видѣть на этомъ частномъ случаѣ всю узость и нелѣпость модной бернштейніанской теоріи, которая замѣняетъ революціонную борьбу борьбой за реформы, которая объявляетъ (устами, напр., г-на Бердяева), что „принципъ прогресса—чѣмъ лучше, тѣмъ лучше“. Этотъ принципъ, въ общей формѣ, такъ же невѣренъ, какъ и обратный—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Революціонеры никогда не откажутся; конечно, отъ борьбы за реформы, отъ захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиціи, *если* эта позиція усилитъ ихъ натискъ и облегчитъ полную побѣду. Но они никогда не забудутъ также, что бываютъ случаи, когда уступка извѣстной позиціи дѣлается самимъ непріятелемъ, чтобы разъединить нападающихъ и легче разбить ихъ. Они никогда не забудутъ, что только имѣя всегда въ виду „конечную цѣль“, только оцѣнивая каждый шагъ „движенія“ и каждую отдѣльную реформу съ точки зрѣнія общей революціонной борьбы, можно гарантировать движеніе отъ ложныхъ шаговъ и позорныхъ ошибокъ.

Вотъ этой-то стороны вопроса—значенія земства, какъ орудія *укрѣпленія* самодержавія посредствомъ половинчатой уступки, какъ орудія привлеченія къ самодержавію извѣстной части либе-

реальнаго общества,—г. Р. Н. С. совершенно не понялъ. Онъ предпочелъ сочинить себѣ доктринерскую схему, прямолинейно связывающую земство и конституцію по „формулѣ“: чѣмъ лучше, тѣмъ лучше. „Если вы раньше упраздните земство въ Россіи,—говоритъ онъ, обращаясь къ Витте,—а потомъ расширите права личности, то вы окажетесь лишеннымъ лучшаго случая дать странѣ умѣренную конституцію, исторически выросшую на основѣ мѣстнаго самоуправленія съ сословной окраской. Дѣлу консерватизма вы во всякомъ случаѣ окажете очень плохую услугу“. Какая стройная и красивая концепція! Мѣстное самоуправленіе съ сословной окраской—мудрый консерваторъ, имѣющій доступъ къ престолу,—умѣренная конституція. Жаль только, что въ дѣйствительности мудрые консерваторы находили не разъ, благодаря земству, „лучшій случай“ *не* „давать“ странѣ конституціи.

Мирная „концепція“ г-на Р. Н. С. сказалась и на формулировкѣ его лозунга, которымъ онъ заканчиваетъ статью и который напечатанъ—именно какъ лозунгъ—на особой строкѣ и жирнымъ шрифтомъ: „Права и властное всероссійское земство!“ Надо открыто признать, что это—такое же недостойное заигрыванье съ политическими предразсудками широкой массы либераловъ, какъ у „Рабочей Мысли“ мы видимъ заигрыванье съ политическими предразсудками широкой массы рабочихъ. Мы обязаны возстать противъ этого заигрыванья и въ первомъ и во второмъ случаѣ. Это предразсудокъ, будто правительство Александра II не отрѣзывало легальнаго пути къ свободѣ, будто существованіе земства представляетъ лучшій случай дать странѣ умѣренную конституцію, будто знаменемъ—не говорю уже революціоннаго, но хотя бы конституціоннаго движенія—можетъ служить лозунгъ: „права и властное земство“. Это не знамя, помогающее отдѣлять враговъ отъ союзниковъ, способное направлять движеніе и руководить имъ, это—тряпка, которая поможетъ только примазаться къ движенію самымъ ненадежнымъ людямъ, которая облегчитъ правительству еще разъ попытку отдѣлаться громкими обѣщаніями и половинчатыми реформами. Да, не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать это: достигнетъ наше революціонное движеніе своего апогея, удесятерится либеральное броженіе въ обществѣ, появятся въ правительствѣ новые Лорисъ-Меликовы и Игнатьевы, которые напишутъ на своемъ знамени: „права и властное земство“. По крайней мѣрѣ, это было бы для Россіи самымъ невыгоднымъ, для правительства—самымъ выгоднымъ исходомъ. Если сколько-нибудь значительная часть либераловъ повѣритъ этому знамени и, увлекшись имъ, съ тылу нападетъ на „задиръ“-революціонеровъ, то послѣдніе могутъ оказаться изолированными, и правительство попытается обезпечить себѣ минимальныя, какой-нибудь совѣщательной и дворянско-аристократической конституціей ограничивающіяся уступки. Удастся ли такая попытка,—это будетъ зависѣть отъ исхода рѣшительной схватки между революціоннымъ пролетаріатомъ и правительствомъ, но что либералы окажутся обманутыми, за это можно вполнѣ поручиться. Посредствомъ лозунга, въ родѣ

того, который выставленъ г. Р. Н. С. („властное земство“ или „земщина“ и т. п.), правительство отманитъ ихъ, какъ щенятъ, отъ революціонеровъ и, отманивши, схватитъ за шиворотъ и будетъ пороть розгами такъ называемой реакціи. А мы, господа, не преминемъ тогда сказать: *такъ вамъ и надо!*

И ради чего вмѣсто требованія уничтоженія абсолютизма выставляется, какъ заключительный лозунгъ, подобное умѣренное и аккуратное пожеланіе? Во-первыхъ, ради филистерскаго доктринерства, желающаго оказать „услугу и консерватизму“ и вѣрующаго, что правительство умилится такой умѣренностью и „смирится“ передъ ней. Во-вторыхъ, ради того, чтобы „объединить либераловъ“. Дѣйствительно, лозунгъ: „права и властное земство“ объединитъ, пожалуй, *всѣхъ* либераловъ, — точно такъ же, какъ лозунгъ „копейка на рубль“ объединитъ (по мнѣнію „экономистовъ“) *всѣхъ* рабочихъ. Только не будетъ ли *такое* объединеніе проигрышемъ вмѣсто выигрыша? Объединеніе есть плюсъ, когда оно поднимаетъ объединяемыхъ на уровень сознательной и рѣшительной программы объединяющихъ до уровня предразсудковъ массы. А среди массы русскихъ либераловъ, несомнѣнно, очень и очень распространенъ тотъ предразсудокъ, что земство есть воистину „зародышъ конституціи“ *), только случайно, происками какихъ-нибудь безнравственныхъ временщиковъ задерживаемый въ своемъ „естественномъ“, мирномъ и постепенномъ ростѣ; что достаточно нѣсколькихъ ходатайствъ для „смиренія“ самодержца; что легальная культурная работа вообще и земская въ частности имѣетъ „крупное политическое значеніе“, избавляя тѣхъ, кто на словахъ враждебенъ самодержавію, отъ обязанности активно поддерживать, въ той или другой формѣ, революціонную борьбу съ самодержавіемъ, и пр., и т. п., и т. д. Объединеніе либераловъ—дѣло безусловно полезное и желательное, но только такое объединеніе, которое ставитъ своей цѣлью борьбу съ застарѣлыми предразсудками, а не за-

---

*) Къ вопросу о томъ, чего можно ждать отъ земства, небез-интересны слѣдующіе отзывы князя П. В. Долгорукова изъ его „Листка“, издававшагося въ 60-хъ годахъ (Бурцевъ, н. с., стр. 63—66): „Разсматривая основныя положенія земскихъ учрежденій, мы опять встрѣчаемъ ту же самую, тайную, но постоянно на свѣтъ пробивающуюся мысль правительства — оглушать своимъ великодушіемъ; громогласно провозглашать: „вотъ, де, сколько я вамъ дарую!“ Но, въ сущности, дать какъ можно менѣе и, давая какъ можно менѣе, стараться еще положить преграды, чтобы не могли вполнѣ воспользоваться даже тѣмъ, что даровано... Въ настоящее время, при самодержавномъ порядкѣ вещей, земскія учрежденія не принесутъ пользы и не могутъ ея принести, не будутъ имѣть значенія и не могутъ его имѣть, но они богаты зародышами плодотворнаго развитія въ будущемъ... Новыя земскія учрежденія вѣроятно судьбой предназначены служить основою будущему конституціонному порядку въ Россіи... Но до времени введенія въ Россіи образа правленія конституціоннаго, на время существованія самодержавія, на время отсутствія свободы печатнаго слова земскимъ учрежденіямъ суждено остаться политическимъ призракомъ, *безгласными* сходками гласныхъ земскихъ“. Такимъ образомъ Долгоруковъ даже тогда, въ разгарѣ 60-хъ годовъ, не предавался чрезмѣрному оптимизму. А съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ многому насъ научили и показали, что земства предназначены были „судьбой“ (а отчасти и правительствомъ) служить основою цѣлаго ряда мѣропріятій, *оглушающихъ* конституціоналистовъ.

игрыванье съ ними, повышеніе средняго уровня нашей политической развитости (вѣрнѣе: неразвитости), а не санкціонированіе его, однимъ словомъ, объединеніе для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистическаго фразерства о крупномъ политическомъ значеніи легальной дѣятельности. Если не можетъ быть оправдано выставленіе передъ рабочими политическаго лозунга: „свобода стачекъ" и т. п., то точно такъ же не можетъ быть оправдано и выставленіе предъ либералами лозунга: „властное земство". *При самодержавіи* всякое земство, хоть бы и распренаи-„властное", неизбѣжно будетъ уродикомъ, неспособнымъ къ развитію, а *при конституціи* земство сразу потеряетъ свое современное „политическое" значеніе.

Объединеніе либераловъ возможно въ двухъ формахъ: посредствомъ образованія самосостоятельной либеральной (нелегальной, разумѣется) партіи и посредствомъ организаціи содѣйствія либераловъ революціонерамъ. Г. Р. Н. С. самъ указываетъ на первую возможность, но ... если признать эти указанія за дѣйствительное выраженіе видовъ и шансовъ либерализма, то къ особенному оптимизму они не располагаютъ. „Безъ земства— пишетъ онъ—земскіе либералы должны будутъ образовать либеральную партію или сойти съ исторической сцены, какъ организованная сила. Мы убѣждены, что организація либераловъ въ нелегальную, хотя и очень умѣренную по всей программѣ и пріемамъ партію будетъ неизбѣжнымъ результатомъ упраздненія земства". Если только „упраздненія", то этого долго еще ждать, ибо даже Витте упразднять земства не желаетъ, а русское правительство вообще очень заботится о сохраненіи внѣшности даже при полномъ вытравленіи содержанія. Что партія либераловъ будетъ очень умѣренна, — это вполнѣ естественно, и отъ движенія въ средѣ буржуазіи (только на такомъ движеніи можетъ держаться либеральная партія) другого нельзя и ждать. Но въ чемъ же все-таки должна бы состоять дѣятельность этой партіи, ея „пріемы"? Г. Р. Н. С. не разъясняетъ этого. „Сама по себѣ—говоритъ онъ—нелегальная либеральная партія, какъ организація, состоящая изъ наиболѣе умѣренныхъ и наименѣе подвижныхъ оппозиціонныхъ элементовъ, не можетъ развивать ни особенно широкой, ни особенно интенсивной дѣятельности"... Мы думаемъ, что въ извѣстной сферѣ, хотя бы даже и ограниченной предѣлами мѣстныхъ и, главнымъ образомъ, земскихъ интересовъ, либеральная партія вполнѣ могла бы развить и широкую и интенсивную дѣятельность; укажемъ, напр., на организацію политическихъ обличеній ... „Но при наличности такой дѣятельности со стороны другихъ партій, въ особенности партіи соціалдемократической или рабочей, либеральная партія — даже не вступая въ прямое соглашеніе съ соціалдемократами—можетъ оказаться очень серьезнымъ факторомъ"... Совершенно справедливо, и читатель ждетъ, естественно, чтобы авторъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтилъ работу этого „фактора". Но г. Р. Н. С. вмѣсто этого обрисовываетъ ростъ революціонной соціалдемократіи и заканчиваетъ: „При наличности яркаго поли-

тическаго движенія... хоть сколько нибудь организованная либеральная оппозиція можетъ сыграть крупную политическую роль: умѣренныя партіи при умѣлой тактикѣ всегда выигрываютъ отъ обостряющейся борьбы между крайними общественными „элементами“... И только! „Роль“ „фактора“ (который уже успѣлъ превратиться изъ партіи въ „оппозицію“) состоитъ въ томъ, чтобы „выигрывать“ отъ обостренія борьбы. Объ участіи либераловъ въ борьбѣ—ни слова, а о выигрышѣ либераловъ упомянуто. Обмолвка, можно сказать, провиденціальная...

Русскіе социалдемократы никогда не закрывали глаза на то, что политическая свобода, за которую они прежде всего борются, принесетъ пользу *прежде всего* буржуазіи. Возставать на этомъ основаніи противъ борьбы съ самодержавіемъ могъ бы только соціалистъ, погрязающій въ худшихъ предразсудкахъ утопизма или реакціоннаго народничества. Буржуазія воспользуется свободой, чтобы почить на лаврахъ,—пролетаріату необходимо нужна свобода, чтобы развернуть во всю ширь свою борьбу за соціализмъ. И соціалдемократія будетъ неуклонно вести освободительную борьбу, каково бы ни было отношеніе къ этой борьбѣ тѣхъ или другихъ слоевъ буржуазіи. Въ интересахъ политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицію гнету самодержавія, по какому бы поводу и въ какомъ бы общественномъ слоѣ она не проявлялась. Для насъ далеко не безразлична поэтому оппозиція нашей либеральной буржуазіи вообще и нашихъ земцевъ въ частности. Сумѣютъ либералы сорганизоваться въ нелегальную партію, — тѣмъ лучше, мы будемъ привѣтствовать ростъ политическаго самосознанія въ имущихъ классахъ, мы будемъ поддерживать ихъ требованія, мы постараемся, чтобы дѣятельность либераловъ и соціалдемократовъ взаимно пополняла другъ друга *). Не сумѣютъ—мы и въ этомъ (болѣе вѣроятномъ) случаѣ не „махнемъ рукой“ на либераловъ, мы постараемся укрѣпить связи съ отдѣльными личностями, познакомить ихъ съ нашимъ движеніемъ, поддержать ихъ посредствомъ разоблаченія въ рабочей прессѣ всѣхъ и всякихъ гадостей правительства и продѣлокъ мѣстныхъ властей, привлечь ихъ къ поддержкѣ революціонеровъ. Обмѣнъ услугъ подобнаго рода между либералами и соціалдемократами происходитъ и теперь, онъ долженъ быть только расширенъ и закрѣпленъ. Но, будучи всегда готовы на этотъ обмѣнъ услугъ, мы никогда и ни въ какомъ случаѣ не откажемся отъ рѣшительной борьбы съ тѣми иллюзіями, которыхъ такъ много въ неразвитомъ политически русскомъ обществѣ вообще и русскомъ либеральномъ обществѣ въ частности. Въ сущности, мы можемъ, видоизмѣняя извѣстное изреченіе Маркса о революціи 48-го года, и о русскомъ революціонномъ движеніи

---

*) Пишущему эти строки приходилось указывать на пользу либеральной партіи четыре года тому назадъ, по поводу партіи „Народнаго Права“. См. „Задачи русскихъ соціалдемократовъ“ (Женева. 1898): . . . „Но если въ этой партіи (народнаго Права) есть и не маскарадные, а настоящіе политики не-соціалисты, демократы не-соціалисты,—тогда эта партія можетъ принести не малую пользу, стараясь сблизиться съ политически оппозиціонными элементами нашей буржуазіи“ . . . (стр. 26).

сказать, что его прогрессъ состоитъ не въ завоеваніи какихъ-либо положительныхъ пріобрѣтеній, а въ освобожденіи отъ вредныхъ иллюзій. Мы освободились отъ иллюзій анархизма и народническаго соціализма, отъ пренебреженія къ политикѣ, отъ вѣры въ самобытное развитіе Россіи, отъ убѣжденія, что народъ готовъ для революціи, отъ теоріи захвата власти и единоборства съ самодержавіемъ геройской интеллигенціи.

Пора бы и либераламъ нашимъ освободиться отъ самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзіи, будто возможно еще парламентарство съ русскимъ самодержавіемъ, будто какое-нибудь земство есть зародышъ конституціи, будто искреннимъ сторонникамъ этой послѣдней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредствомъ терпѣливой легальной дѣятельности и терпѣливыхъ призывовъ къ смиренію врага.

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія.

..."Партійная борьба придаетъ партіи силу и жизненность; величайшимъ доказательствомъ слабости партіи является ея расплывчатость и притупленіе рѣзко обозначенныхъ границъ; партія укрѣпляется тѣмъ, что очищаетъ себя"... (Изъ письма Лассаля къ Марксу отъ 24 іюня 1852 года).

Предисловіе къ І-му изданію.

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитію тѣхъ мыслей, которыя высказаны въ статьѣ „Съ чего начать?“ („Искра“, № 4, май 1901 г.). И мы должны прежде всего принести извиненіе читателю за позднее исполненіе даннаго тамъ (и повтореннаго въ отвѣтъ на многіе частые запросы и письма) обѣщанія. Одной изъ причинъ такого запозданія явилась попытка объединенія всѣхъ заграничныхъ социалдемократическихъ организацій, предпринятая въ іюнѣ истекшаго 1901 года. Естественно было дождаться результатовъ этой попытки, ибо при удачѣ ея пришлось бы, можетъ быть, излагать организаціонные взгляды Искры подъ нѣсколько инымъ угломъ зрѣнія, и, во всякомъ случаѣ, такая удача обѣщала бы положить очень быстро конецъ существованію двухъ теченій въ русской социалдемократіи. Какъ извѣстно читателю, попытка окончилась неудачей и, какъ мы постараемся, доказать ниже, не могла не окончиться такъ послѣ новаго поворота „Рабочаго Дѣла“, № 10, къ экономизму. Оказалось безусловно необходимымъ вступить въ рѣшительную борьбу съ этимъ расплывчатымъ и мало опредѣленнымъ, но зато тѣмъ болѣе устойчивымъ и способнымъ возрождаться въ разнообразныхъ формахъ направленіемъ. Сообразно этому видоизмѣнился и весьма значительно расширился первоначальный планъ брошюры.

Главной темой ея должны были быть три вопроса, поставленные въ статьѣ „Съ чего начать?“. Именно: вопросы о характерѣ и главномъ седержаніи нашей политической агитаціи, о нашихъ организаціонныхъ задачахъ, о планѣ построенія одновременно и съ разныхъ концовъ боевой общерусской организаціи. Вопросы эти давно уже интересуютъ автора, пытавшагося поднять ихъ еще въ „Рабочей Газетѣ“ при одной изъ неудавшихся попытокъ ея возобновленія (см. гл. V). Но первоначальное предположеніе ограничиться въ брошюрѣ разборомъ только трехъ этихъ вопросовъ и изложить свои воззрѣнія по возможности въ положительной формѣ, не прибѣгая или почти не прибѣгая къ полемикѣ, оказалось совершенно неосуществимымъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, экономизмъ оказался гораздо болѣе живучимъ, чѣмъ мы предполагали (мы употребляемъ слово экономизмъ въ широкомъ смыслѣ, какъ оно было пояснено въ № 12 „Искры“ (декабрь 1901 г.) въ статьѣ „Бесѣда съ защитниками экономизма“, намѣтившей, такъ сказать, конспектъ предлагаемой читателю брошюры). Стало несомнѣннымъ, что различные взгляды на рѣшеніе этихъ трехъ вопросовъ объясняются въ гораздо большей степени коренной противоположностью двухъ направленій въ русской социалдемократіи, чѣмъ расхожденіемъ

въ частностяхъ. Съ другой стороны, недоумѣніе экономистовъ по поводу фактическаго проведенія въ „Искрѣ" нашихъ воззрѣній показывало съ очевидностью, что мы часто говоримъ буквально на разныхъ языкахъ, что мы *не можемъ* поэтому ни до чего договориться, если не будемъ начинать ab ovo, что необходимо сдѣлать попытку возможно болѣе популярнаго, поясняемаго самыми многочисленными и конкретными примѣрами *систематическаго „объясненія"* со *всѣми* экономистами по *всѣмъ* кореннымъ пунктамъ нашихъ разногласій. И я рѣшилъ сдѣлать такую попытку „объясниться", вполнѣ сознавая, что это очень сильно увеличитъ размѣры брошюры и замедлитъ ея выходъ, но, не видя въ то же время никакой возможности *иначе* исполнить данное мной въ статьѣ „Съ чего начать?" обѣщаніе. Къ извиненію по поводу опозданія мнѣ приходится, такимъ образомъ, прибавить еще извиненіе по поводу громадныхъ недостатковъ въ литературной отдѣлкѣ брошюры: я долженъ былъ работать *до послѣдней степени наспѣхъ*, отрываемый при томъ всякими другими работами.

Разборъ указанныхъ выше трехъ вопросовъ составляетъ, по прежнему, главную тему брошюры, но начать мнѣ пришлось съ двухъ болѣе общихъ вопросовъ: почему такой „невинный" и „естественный" лозунгъ, какъ „свобода критики", является для насъ настоящимъ боевымъ сигналомъ? почему мы не можемъ столковаться даже по основному вопросу о роли соціалдемократіи по отношенію къ стихійному массовому движенію? Далѣе, изложеніе взглядовъ на характеръ и содержаніе политической агитаціи превратилось въ объясненіе разницы между трэдъ-юніонистской и соціалдемократической политикой, а изложеніе взглядовъ на организаціонныя задачи — въ объясненіе разницы между удовлетворяющимъ экономистовъ кустарничествомъ и необходимой, на нашъ взглядъ, организаціей революціонеровъ. Затѣмъ, на „планѣ" общерусской политической газеты я тѣмъ болѣе настаиваю, чѣмъ несостоятельнѣе были сдѣланныя противъ него возраженія и чѣмъ менѣе отвѣтили мнѣ по существу на поставленный въ статьѣ „Съ чего начать?" вопросъ о томъ, какъ могли бы мы одновременно со всѣхъ концовъ приняться за возведеніе необходимой намъ организаціи. Наконецъ, въ заключительной части брошюры я надѣюсь показать, что мы сдѣлали все отъ насъ зависѣвшее, чтобы предупредить рѣшительный разрывъ съ экономистами, который оказался, однако, неизбѣжнымъ; что „Раб. Дѣло" пріобрѣло особое, „историческое", если хотите, значеніе тѣмъ, что всего полнѣе, всего рельефнѣе выразило не послѣдовательный экономизмъ, а тотъ разбродъ и тѣ шатанія, которыя составили отличительную черту *цѣлаго періода* въ исторіи русской соціалдемократіи; что, поэтому, пріобрѣтаетъ значеніе и чрезмѣрно подробная, на первый взглядъ, полемика съ „Раб. Дѣломъ", ибо мы не можемъ идти впередъ, если мы окончательно не ликвидируемъ этого періода.

Февраль 1902 г. *В. Ильинъ.*

I.

Догматизмъ и «свобода критики».

а) Что значитъ „свобода критики“?

„Свобода критики“, это,—несомнѣнно, самый модный лозунгъ въ настоящее время, всего чаще употребляемый въ спорахъ между соціалистами и демократами всѣхъ странъ. На первый взглядъ, трудно себѣ представить что-либо болѣе странное, чѣмъ эти торжественныя ссылки одной изъ спорящихъ сторонъ на свободу критики. Неужели изъ среды передовыхъ партій раздались голоса противъ того конституціоннаго закона большинства европейскихъ странъ, который обезпечиваетъ свободу науки и научнаго изслѣдованія? „Тутъ что-то не такъ!“—долженъ будетъ сказать себѣ всякій сторонній человѣкъ, который услыхалъ повторяемый на всѣхъ перекресткахъ модный лозунгъ, но не вникъ еще въ сущность разногласія между спорящими,—„этотъ лозунгъ, очевидно, одно изъ тѣхъ условныхъ словечекъ, которыя, какъ клички, узакониются употребленіемъ и становятся почти нарицательными именами“.

Въ самомъ дѣлѣ, ни для кого не тайна, что въ современной международной *) соціалдемократіи образовались два направленія, борьба между которыми то разгорается и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, то затихаетъ и тлѣетъ подъ пепломъ внушительныхъ „резолюцій о перемиріи“. Въ чемъ состоитъ „новое“ направленіе, которое „критически“ относится къ „старому, догматическому“ марксизму, это съ достаточной опредѣленностью *сказалъ* Бернштейнъ и *показалъ* Мильеранъ.

Соціалдемократія должна изъ партіи соціальной революціи превратиться въ демократическую партію соціальныхъ реформъ.

---

*) Кстати. Въ исторіи новѣйшаго соціализма это едва ли не единичное и, въ своемъ родѣ, чрезвычайно утѣшительное явленіе, что распря различныхъ направленій внутри соціализма изъ національной впервые превратилась въ интернаціональную. Въ прежнія времена споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гэдистами и поссибилистами, между фабіанцами и соціалдемократами, между народовольцами и соціалдемократами оставались чисто національными спорами, отражали чисто національныя особенности, происходили, такъ сказать, въ разныхъ плоскостяхъ. Въ настоящее время (теперь это уже явственно видно) англійскіе фабіанцы, французскіе министеріалисты, нѣмецкіе бернштейніанцы, русскіе критики,—все это одна семья, всѣ они другъ друга хвалятъ, другъ у друга учатся и сообща ополчаются противъ „догматическаго“ марксизма. Можетъ быть, въ этой первой, дѣйствительно, международной, схваткѣ съ соціалистическимъ оппортунизмомъ международная революціонная соціалдемократія достаточно окрѣпнетъ, чтобы положить конецъ давно уже царящей въ Европѣ политической реакціи?

Это политическое требованіе Бернштейнъ обставилъ цѣлой батареей довольно стройно согласованныхъ „новыхъ“ аргументовъ и соображеній. Отрицалась возможность научно обосновать соціализмъ и доказать, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, его необходимость и неизбѣжность; отрицался фактъ растущей нищеты, пролетаризаціи и обостренія капиталистическихъ противорѣчій; объявлялось несостоятельнымъ самое понятіе о *„конечной цѣли“* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетаріата; отрицалась принципіальная противоположность либерализма и соціализма; отрицалась *теорія классовой борьбы*, неприложимая будто бы къ строго демократическому обществу, управляемому согласно волѣ большинства, и т. д.

Такимъ образомъ, требованіе рѣшительнаго поворота отъ революціонной соціалдемократіи къ буржуазному соціалъ-реформаторству сопровождалось не менѣе рѣшительнымъ поворотомъ къ буржуазной критикѣ всѣхъ основныхъ идей марксизма. А такъ какъ эта послѣдняя критика велась уже издавна противъ марксизма и съ политической трибуны, и съ университетской каѳедры, и въ массѣ брошюръ, и въ рядѣ ученыхъ трактатовъ, такъ какъ вся подрастающая молодежь образованныхъ классовъ въ теченіе десятилѣтій систематически воспитывалась на этой критикѣ,—то неудивительно, что „новое критическое“ направленіе въ соціалдемократіи вышло какъ-то сразу вполнѣ законченнымъ, точно Минерва изъ головы Юпитера. По своему содержанію, этому направленію не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено изъ буржуазной литературы въ соціалистическую.

Далѣе. Если теоретическая критика Бернштейна и его политическія вожделѣнія оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстраціи „новой методы“. Франція и на этотъ разъ оправдала свою старинную репутацію „страны, въ исторіи которой борьба классовъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, доводилась до рѣшительнаго конца“ (Энгельсъ, изъ предисловія къ сочиненію Маркса: „Der 18. Brumaire“). Французскіе соціалисты стали не теоретизировать, а прямо дѣйствовать; болѣе развитыя въ демократическомъ отношеніи политическія условія Франціи позволили имъ сразу перейти къ „практическому бернштейніанству“ во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Мильеранъ далъ блестящій образчикъ этого практическаго бернштейніанства, — не даромъ Мильерана такъ усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейнъ, и Фольмаръ! Въ самомъ дѣлѣ: если соціалдемократія, въ сущности, есть просто партія реформъ и должна имѣть смѣлость открыто признать это, тогда соціалистъ не только въ правѣ вступить въ буржуазное министерство, но долженъ даже всегда стремиться къ этому. Если демократія, въ сущности, означаетъ уничтоженіе классоваго господства, то отчего же соціалистическому министру не плѣнять весь буржуазный міръ рѣчами о сотрудничествѣ классовъ? Отчего не оставаться ему въ министерствѣ даже послѣ того,

какъ убійства рабочихъ жандармами показали въ сотый и тысячный разъ истинный характеръ демократическаго сотрудничества классовъ?.. А возмездіемъ за это безконечное униженіе и самооплеваніе соціализма передъ всѣмъ міромъ, за развращеніе соціалистическаго сознанія рабочихъ массъ—этого единственнаго базиса, который можетъ обезпечить намъ побѣду,—въ возмездіе за это громкіе *проекты* мизерныхъ реформъ, мизерныхъ до того, что у буржуазныхъ правительствъ удавалось добиться большаго!

Кто не закрываетъ себѣ намѣренно глазъ, тотъ не можетъ не видѣть, что новое „критическое" направленіе въ соціализмѣ есть не что иное, какъ новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людяхъ не по тому блестящему мундиру, который они сами себѣ надѣли, не по той эффектной кличкѣ, которую они сами себѣ взяли, а по тому, какъ они поступаютъ и что они на самомъ дѣлѣ пропагандируютъ, то станетъ ясно, что „свобода критики" есть свобода оппортунистическаго направленія въ соціалдемократіи, свобода превращать соціалдемократію въ демократическую партію реформъ, свобода внѣдренія въ соціализмъ буржуазныхъ идей и буржуазныхъ элементовъ.

Свобода — великое слово, но подъ знаменемъ свободы промышленности велись самыя разбойническія войны, подъ знаменемъ свободы труда грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается въ современномъ употребленіи слова: свобода критики. Люди, дѣйствительно убѣжденные въ томъ, что они двинули впередъ науку, требовали бы не свободы новыхъ воззрѣній наряду со старыми, а замѣны послѣднихъ первыми. А современныя выкрикиванія—„Да здравствуетъ свобода критики!" слишкомъ напоминаютъ басню о пустой бочкѣ.

Мы идемъ тѣсной кучкой по обрывистому и трудному пути, крѣпко взявшись за руки. Мы окружены со всѣхъ сторонъ врагами, и намъ приходится почти всегда идти подъ ихъ огнемъ. Мы соединились, по свободно принятому рѣшенію, именно для того, чтобы бороться съ врагами и не оступаться въ сосѣднее болото, обитатели котораго съ самаго начала порицали насъ за то, что мы выдѣлились въ особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примиренія. И вотъ нѣкоторые изъ насъ принимаются кричать: пойдемте въ это болото! А когда ихъ начинаютъ стыдить, они возражаютъ: какіе вы отсталые люди! и какъ вамъ не совѣстно отрицать за нами свободу звать васъ на лучшую дорогу! — О, да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вамъ угодно, хотя бы въ болото; мы находимъ даже, что ваше настоящее мѣсто именно въ болотѣ, и мы готовы оказать вамъ посильное содѣйствіе къ *вашему* переселенію туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за насъ и не пачкайте великаго слова свобода, потому что мы вѣдь тоже „свободны" идти куда мы хотимъ, свободны бороться не только съ болотомъ, но и съ тѣми, кто поворачиваетъ къ болоту!

б) Новые защитники „свободы критики“.

И вотъ этотъ-то лозунгъ („свобода критики“) торжественно выдвинутъ въ самое послѣднее время „Раб. Дѣломъ“ (№ 10), органомъ заграничнаго „союза русскихъ социалдемократовъ“, выдвинутъ не какъ теоретическій постулатъ, а какъ политическое требованіе, какъ отвѣтъ на вопросъ: „возможно ли объединеніе дѣйствующихъ за границей соціалдемократическихъ организацій?“ — „Для прочнаго объединенія необходима свобода критики“ (стр. 36).

Изъ этого заявленія вытекаютъ два совершенно опредѣленные вывода: 1) „Рабоч. Дѣло“ беретъ подъ свою защиту оппортунистическое направленіе въ международной соціалдемократіи вообще; 2) „Р. Дѣло“ требуетъ свободы оппортунизма въ русской соціалдемократіи. Разсмотримъ эти выводы.

„Раб. Дѣлу“ „въ особенности“ не нравится „склонность „Искры“ и „Зари“ пророчить разрывъ между *Горой* и *Жирондой* международной соціалдемократіи“ *).

„Намъ вообще,—пишетъ редакторъ „Р. Д.“ Б. Кричевскій,—разговоръ о *Горѣ* и *Жирондѣ* въ рядахъ соціалдемократіи представляется поверхностной исторической аналогіей, странной подъ перомъ марксиста: Гора и Жиронда представляли не разные темпераменты или умственныя теченія, какъ это можетъ казаться историкамъ-идеологамъ, а разные классы или слои—среднюю буржуазію, съ одной стороны, и мелкое мѣщанство съ пролетаріатомъ, съ другой. Въ современномъ же соціалистическомъ движеніи нѣтъ столкновенія классовыхъ интересовъ, оно все цѣликомъ, во *всѣхъ* (курс. Б. Кр.) своихъ разновидностяхъ, включая и самыхъ отъявленныхъ бернштейніанцевъ, стоитъ на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобожденіе“ (стр. 32—33).

Смѣлое утвержденіе! Не слыхалъ ли Б. Кричевскій о томъ давно уже подмѣченномъ фактѣ, что именно широкое участіе въ соціалистическомъ движеніи послѣднихъ лѣтъ *слоя* „академиковъ“ обезпечило такое быстрое распространеніе бернштейніанства? А главное, на чемъ основываетъ нашъ авторъ свое мнѣніе, что и „самые отъявленные бернштейніанцы“ стоятъ на почвѣ классовой борьбы за политическое и экономическое освобожденіе пролетаріата? Неизвѣстно. Рѣшительная защита самыхъ отъявленныхъ бернштейніанцевъ ровно никакими ни доводами, ни соображеніями не подкрѣпляется. Авторъ думаетъ, очевидно, что разъ онъ повторяетъ то, что говорятъ про себя и самые отъявленные бернштейніанцы, то его утвержденіе и не нуждается въ доказательствахъ. Но можно ли представить себѣ что-либо

---

*) Сравненіе двухъ теченій въ революціонномъ пролетаріатѣ (революціонное и оппортунистическое) съ двумя теченіями въ революціонной буржуазіи XVIII вѣка (якобинское—„Гора“ и жирондистское) было сдѣлано въ передовой статьѣ № 2 „Искры“ (февраль 1901 г.). Авторъ этой статьи—Плехановъ. Говорить о „якобинствѣ“ въ русской соціалдемократіи до сихъ поръ очень любятъ и кадеты, и „беззаглавцы“, и меньшевики. Но о томъ, какъ Плехановъ впервые выдвинулъ это понятіе противъ праваго крыла с.-д.,—объ этомъ нынѣ предпочитаютъ молчать или... забывать.

болѣе „поверхностное“, какъ это сужденіе о цѣломъ направленіи на основаніи того, что говорятъ сами про себя представители этого направленія? Можно ли представить себѣ что-либо болѣе поверхностное, какъ дальнѣйшая „мораль“ о двухъ различныхъ и даже діаметрально противоположныхъ типахъ или дорогахъ партійнаго развитія (стр. 34—35 „Р. Д.“)? Нѣмецкіе соціалдемократы, видите ли, признаютъ полную свободу критики, французы же нѣтъ, и именно ихъ примѣръ показываетъ весь „вредъ нетерпимости“.

Именно примѣръ Б. Кричевскаго, — отвѣтимъ мы на это,— показываетъ, что иногда называютъ себя марксистами люди, которые смотрятъ на исторію буквально „по Иловайскому“. Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской соціалистической партіи, вовсе нѣтъ надобности копаться въ особенностяхъ исторіи той и другой страны, сопоставлять условія военнаго полу-абсолютизма и республиканскаго парламентаризма, разбирать послѣдствія коммуны и исключительнаго закона о соціалистахъ, сравнивать экономическій бытъ и экономическое развитіе, вспоминать о томъ, какъ „безпримѣрный ростъ германской соціалдемократіи“ сопровождался безпримѣрной въ исторіи соціализма энергіей борьбы не только съ теоретическими (Мюльбергеръ, Дюрингъ*), катедеръ-соціалисты), но и съ тактическими (Лассаль) заблужденіями и проч., и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, нѣмцы едины, потому что они пай-мальчики.

И замѣтьте, что посредствомъ этого безподобнаго глубокомыслія „отводится“ фактъ, всецѣло опровергающій защиту бернштейніанцевъ. *Стоятъ* ли они на почвѣ классовой борьбы пролетаріата, это вопросъ окончательно и безповоротно можетъ быть рѣшенъ только историческимъ опытомъ. Слѣдовательно, наиболѣе важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи именно примѣръ Франціи, какъ единственной страны, въ которой бернштейніанцы попробовали *встать* самостоятельно на ноги, при горячемъ одобреніи своихъ нѣмецкихъ коллегъ (а отчасти и русскихъ оппортунистовъ: ср. *С.-Д.*, № 2—3, стр. 83—84). Ссылка на „непримиримость“ французовъ—помимо своего „историческаго“ (въ ноздревскомъ смыслѣ) значенія—оказывается просто попыткой замять сердитыми словами очень непріятные факты.

---

*) Когда Энгельсъ обрушился на Дюринга, ко взглядамъ послѣдняго склонялись довольно многіе представители германской соціалдемократіи, и обвиненія въ рѣзкости, нетерпимости, нетоварищеской полемикѣ и проч. сыпались на Энгельса даже публично на съѣздѣ партіи. Мостъ съ товарищами внесъ (на съѣздѣ 1877 года) предложеніе объ устраненіи статей Энгельса изъ Vorwärts'а, какъ „не представляющихъ интереса для громаднаго большинства читателей“, а Вальтейхъ (Vahlteich) заявилъ, что помѣщеніе этихъ статей принесло большой вредъ партіи, что Дюрингъ тоже оказалъ услуги соціалдемократіи: „мы должны пользоваться всѣми въ интересахъ партіи, а если профессора спорятъ, то Vorwärts вовсе не мѣсто для веденія такихъ споровъ“ („Vorwärts“, 1877, № 65 отъ 6-го іюня). Какъ видите, это—тоже примѣръ защиты „свободы критики“, и надъ этимъ примѣромъ не мѣшало бы подумать нашимъ легальнымъ критикамъ и нелегальнымъ оппортунистамъ, которые такъ любятъ ссылаться на примѣръ нѣмцевъ!

Да и нѣмцевъ мы вовсе еще не намѣрены подарить Б. Кричевскому и прочимъ многочисленнымъ защитникамъ „свободы критики“. Если „самые отъявленные бернштейніанцы“ терпимы еще въ рядахъ германской партіи, то лишь постольку, поскольку они *подчиняются* и ганноверской резолюціи, рѣшительно отвергнувшій „поправки“ Бернштейна, и любекской, содержащей въ себѣ (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостереженіе Бернштейну. Можно спорить, съ точки зрѣнія интересовъ нѣмецкой партіи, о томъ, насколько умѣстна была дипломатичность, лучше ли въ данномъ случаѣ худой миръ, чѣмъ добрая ссора, можно расходиться, однимъ словомъ, въ оцѣнкѣ цѣлесообразности того или другого *способа* отклонить бернштейніанство, по нельзя не видѣть факта, что германская партія дважды *отклонила* бернштейніанство. Поэтому думать, что примѣръ нѣмцевъ подтверждаетъ тезисъ: „самые отъявленные бернштейніанцы стоятъ на почвѣ классовой борьбы пролетаріата за его экономическое и политическое освобожденіе“,—значитъ совершенно не понимать происходящаго у всѣхъ передъ глазами.

Мало того, „Раб. Дѣло“ выступаетъ, какъ мы уже замѣтили, передъ *русской* социалдемократіей съ требованіемъ „свободы критики“ и съ защитой бернштейніанства. Очевидно, ему пришлось убѣдиться въ томъ, что у насъ несправедливо обижали нашихъ „критиковъ“ и бернштейніанцевъ. Какихъ же именно? кто? гдѣ? когда? въ чемъ именно состояла несправедливость? Объ этомъ „Р. Дѣло“ молчитъ, не упоминая не единаго раза ни объ одномъ русскомъ критикѣ и бернштейніанцѣ! Намъ остается только сдѣлать одно изъ двухъ возможныхъ предположеній. *Или* несправедливо обиженной стороной является некто иной, какъ само „Р. Дѣло“ (это подтверждается тѣмъ, что въ обѣихъ статьяхъ десятаго номера рѣчь идетъ только объ обидахъ, нанесенныхъ „Зарей“ и „Искрой“ „Р. Дѣлу“). Тогда чѣмъ объяснить такую странность, что „Р. Дѣло“, столь упорно отрекавшееся всегда отъ всякой солидарности съ бернштейніанствомъ, не могло защитить себя, не замолвивъ словечко за „самыхъ отъявленныхъ бернштейніанцевъ“ и за свободу критики? *Или* несправедливо обижены какія-то третьи лица. Тогда каковы могутъ быть мотивы умолчанія о нихъ?

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „Р. Дѣло“ продолжаетъ ту игру въ прятки, которой оно занималось (какъ мы покажемъ ниже) съ самаго своего возникновенія. А затѣмъ обратите вниманіе на это *первое* фактическое примѣненіе хваленой „свободы критики“. На дѣлѣ она сейчасъ же свелась не только къ отсутствію всякой критики, но и къ отсутствію самостоятельнаго сужденія вообще. То самое „Р. Дѣло“, которое умалчиваетъ точно о секретной болѣзни (по мѣткому выраженію Старовѣра) о русскомъ бернштейніанствѣ, предлагаетъ для лѣченія этой болѣзни *просто на просто списать* послѣдній нѣмецкій рецептъ противъ нѣмецкой разновидности болѣзни! Вмѣсто свободы критики— рабская . . . хуже — обезьянья подражательность! Одинаковое соціально-политическое содержаніе современнаго интернаціональ-

наго оппортунизма проявляется въ тѣхъ или иныхъ разновидностяхъ, сообразно національнымъ особенностямъ. Въ одной странѣ группа оппортунистовъ выступала издавна подъ особымъ флагомъ, въ другой оппортунисты пренебрегали теоріей, ведя практически политику радикаловъ-соціалистовъ, въ третьей — нѣсколько членовъ революціонной партіи перебѣжали въ лагерь оппортунизма и стараются добиться своихъ цѣлей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепеннымъ, незамѣтнымъ и, если можно такъ выразиться, ненаказуемымъ развращеніемъ своей партіи, въ четвертой—такіе же перебѣжчики употребляютъ тѣ же пріемы въ потемкахъ политическаго рабства и при совершенно оригинальномъ взаимоотношеніи „легальной“ и „нелегальной“ дѣятельности и проч. Браться же говорить о свободѣ критики и бернштейніанства, какъ условіи объединенія *русскихъ* соціалдемократовъ, и при этомъ не давать разбора того, въ чемъ именно проявилось и какіе особенные плоды принесло *русское* бернштейніанство,—это значитъ браться говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуемъ же мы сами сказать, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, то, чего не пожелало сказать (или, можетъ быть, не сумѣло и понять) „Р. Дѣло“.

в) Критика въ Россіи.

Основная особенность Россіи въ разсматриваемомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что уже *самое начало* стихійнаго рабочаго движенія, съ одной стороны, и поворота передового общественнаго мнѣнія къ марксизму, съ другой, ознаменовалось соединеніемъ завѣдомо разнородныхъ элементовъ подъ общимъ флагомъ и для борьбы съ общимъ противникомъ (устарѣлымъ соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ). Мы говоримъ о медовомъ мѣсяцѣ „легальнаго марксизма“. Это было вообще чрезвычайно оригинальное явленіе, въ самую возможность котораго не могъ бы даже повѣрить никто въ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ. Въ странѣ самодержавной, съ полнымъ порабощеніемъ печати, въ эпоху отчаянной политической реакціи, преслѣдовавшей самомалѣйшіе ростки политическаго недовольства и протеста, внезапно пробиваетъ себѣ дорогу въ *подцензурную* литературу теорія революціоннаго марксизма, излагаемая эзоповскимъ, но для всѣхъ „интересующихся“ понятнымъ языкомъ. Правительство привыкло считать опасной только теорію (революціоннаго) народовольчества, не замѣчая, какъ водится, ея внутренней эволюціи, радуясь *всякой* направленной противъ нея критикѣ. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловѣсная армія цензоровъ и жандармовъ разыскала новаго врага и обрушилась на него,—до тѣхъ поръ прошло не мало (на нашъ русскій счетъ) времени. А въ это время выходили одна за другой марксистскія книги, открывались марксистскіе журналы и газеты, марксистами становились повально всѣ, марксистамъ льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходкимъ сбытомъ

марксистскихъ книгъ. Вполнѣ понятно, что среди окруженныхъ этимъ чадомъ начинающихъ марксистовъ оказался не одинъ „писатель, который зазнался“...

Въ настоящее время объ этой полосѣ можно говорить спокойно, какъ о прошломъ. Ни для кого не тайна, что кратковременное процвѣтаніе марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзомъ людей крайнихъ съ людьми весьма умѣренными. Въ сущности, эти послѣдніе были буржуазными демократами, и этотъ выводъ (до очевидности подкрѣпленный ихъ дальнѣйшимъ „критическимъ“ развитіемъ) напрашивался кое передъ кѣмъ еще во времена цѣлости „союза“ *).

Но если такъ, то не падаетъ ли наибольшая отвѣтственность за послѣдующую „смуту“ именно на революціонныхъ соціалдемократовъ, которые вошли въ этотъ союзъ съ будущими „критиками“? Такой вопросъ, вмѣстѣ съ утвердительнымъ отвѣтомъ на него, приходится слышать иногда отъ людей, черезчуръ прямолинейно смотрящихъ на дѣло. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временныхъ союзовъ хотя бы и съ ненадежными людьми можетъ только тотъ, кто самъ на себя не надѣется, и ни одна политическая партія безъ такихъ союзовъ не могла бы существовать. А соединеніе съ легальными марксистами было своего рода первымъ дѣйствительно политическимъ союзомъ русской соціалдемократіи. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая побѣда надъ народничествомъ и громадное распространеніе вширь идей марксизма (хотя и въ вульгаризированномъ видѣ). Притомъ союзъ заключенъ былъ не совсѣмъ безъ всякихъ „условій“. Доказательство: сожженный въ 1895 г. цензурой марксистскій сборникъ „Матеріалы къ вопросу о хозяйственномъ развитіи Россіи“. Если литературное соглашеніе съ легальными марксистами можно сравнить съ политическимъ союзомъ, то эту книгу можно сравнить съ политическимъ договоромъ.

Разрывъ вызванъ былъ, конечно, не тѣмъ, что „союзники“ оказались буржуазными демократами. Напротивъ, представители этого послѣдняго направленія — естественные и желательные союзники соціалдемократіи, поскольку дѣло идетъ о ея демократическихъ задачахъ, выдвигаемыхъ на первый планъ современнымъ положеніемъ Россіи. Но необходимымъ условіемъ такого союза является полная возможность для соціалистовъ раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересовъ и интересовъ буржуазіи. А то бернштейніанство и „критическое“ направленіе, къ которому повально обратилось большинство легальныхъ марксистовъ, отнимало эту возможность и развращало соціалистическое сознаніе, опошляя марксизмъ, проповѣдуя теорію притупленія соціальныхъ противорѣчій, объявляя нелѣпостью идею соціальной революціи и диктатуры пролетаріата, сводя рабочее движеніе и классовую борьбу къ уз-

*) Здѣсь имѣется въ виду вышенапечатанная статья К. Тулина противъ Струве, составленная изъ реферата, который носилъ заглавіе „Отраженіе марксизма въ буржуазной литературѣ“. См. предисловіе.

кому трэдъ-юніонизму и „реалистической“ борьбѣ за мелкія, постепенныя реформы. Это вполнѣ равносильно было отрицанію со стороны буржуазной демократіи права на самостоятельность соціализма, а, слѣдовательно, и права на его существованіе; это означало на практикѣ стремленіе превратить начинающееся рабочее движеніе въ хвостъ либераловъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ разрывъ былъ необходимъ. Но „оригинальная“ особенность Россіи сказалась въ томъ, что этотъ разрывъ означалъ простое удаленіе соціалдемократовъ изъ наиболѣе всѣмъ доступной и широко распространенной „легальной“ литературы. Въ ней укрѣпились „бывшіе марксисты“, вставшіе „подъ знакъ критики“ и получившіе почти что монополію на „разносъ“ марксизма. Клики: „противъ ортодоксіи“ и „да здравствуетъ свобода критики“ (повторяемые теперь „Р. Дѣломъ“) сдѣлались сразу модными словечками, и что противъ этой моды не устояли и цензора съ жандармами, это видно изъ такихъ фактовъ, какъ появленіе *трехъ* русскихъ изданій книги знаменитаго (геростратовски знаменитаго) Бернштейна, или какъ рекомендація Зубатовымъ книгъ Бернштейна, г. Прокоповича и проч. („Искра“, № 10). На соціалдемократовъ легла теперь трудная сама по себѣ и невѣроятно затрудненная еще чисто внѣшними препятствіями задача борьбы съ новымъ теченіемъ. А это теченіе не ограничилось областью литературы. Поворотъ къ „критикѣ“ сопровождался встрѣчнымъ влеченіемъ практиковъ-соціалдемократовъ къ „экономизму“.

Какъ возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегальнаго экономизма,—этотъ интересный вопросъ могъ бы послужить предметомъ особой статьи. Намъ достаточно отмѣтить здѣсь несомнѣнное существованіе этой связи. Пресловутое „credo“ потому и пріобрѣло такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцію „экономизма“: рабочіе пусть ведутъ экономическую борьбу (точнѣе было бы сказать: трэдъ-юніонистскую борьбу, ибо послѣдняя объемлетъ и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенція пусть сливается съ либералами для „борьбы“ политической. Трэдъ-юніонистская работа „въ народѣ“ оказывалась исполненіемъ первой,—легальная критика второй половины этой задачи. Это заявленіе было такимъ прекраснымъ оружіемъ противъ экономизма, что если бы не было „credo“,—его стоило бы выдумать.

„Credo“ не было выдумано, но оно было опубликовано помимо воли и, можетъ быть, даже противъ воли его авторовъ. По крайней мѣрѣ, пишущему эти строки, который принималъ участіе въ извлеченіи на свѣтъ божій новой „программы“ *), при-

---

*) Рѣчь идетъ о *протестѣ 17-ти* противъ „Credo“. Пишущій эти строки участвовалъ въ составленіи этого протеста (конецъ 1899 года). Протестъ вмѣстѣ съ „credo“ былъ напечатанъ за границей весной 1900 года). Въ настоящее время изъ статьи г-жи Кусковой (кажется, въ „*Быломъ*“) уже извѣстно, что авторомъ „Credo“ была она, а среди заграничныхъ „экономистовъ“ того времени виднѣйшую роль игралъ г. Прокоповичъ.

ходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме ихъ взглядовъ было распространено въ копіяхъ, получило ярлыкъ „credo“ и попало даже въ печать вмѣстѣ съ протестомъ! Мы касаемся этого эпизода потому, что онъ вскрываетъ очень любопытную черту нашего экономизма: боязнь гласности. Это именно черта экономизма вообще, а не однихъ только авторовъ „credo“: ее проявляли и „Р. Мысль“, самый прямой и самый честный сторонникъ экономизма, и „Р. Дѣло“ (возмущаясь опубликованіемъ „экономическихъ“ документовъ въ „Vademecum'ѣ“), и Кіевскій комитетъ, не пожелавшій года два тому назадъ дать разрѣшеніе на опубликованіе своего profession de foi, вмѣстѣ съ написаннымъ противъ него опроверженіемъ, и многіе, многіе отдѣльные представители экономизма.

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не можетъ быть объяснена однимъ лукавствомъ (хотя коекогда, несомнѣнно, не обходится и безъ лукавства: неразсчетливо открывать для натиска противниковъ неокрѣпшіе еще ростки новаго направленія!). Нѣтъ, большинство экономистовъ совершенно искренно смотритъ (и, по самому существу экономизма, должны смотрѣть) съ недоброжелательствомъ на всякіе теоретическіе споры, фракціонныя разногласія, широкіе политическіе вопросы, проекты сорганизовывать революціонеровъ и т. п. „Сдать бы все это за границу!“—сказалъ мнѣ однажды одинъ изъ довольно послѣдовательныхъ экономистовъ, и онъ выразилъ этимъ очень распространенное (и опять-таки чисто трэдъ-юніонистское) воззрѣніе: наше дѣло—рабочее движеніе, рабочія организаціи здѣсь, въ нашей мѣстности, а остальное—выдумки доктринеровъ, „переоцѣнка идеологіи“, какъ выразились авторы письма въ № 12 „Искры“ въ унисонъ съ № 10 „Р. Дѣла“.

Спрашивается теперь: въ виду такихъ особенностей русской „критики“ и русскаго бернштейніанства, въ чемъ должна была бы состоять задача тѣхъ, кто на дѣлѣ, а не на словахъ только хотѣлъ быть противникомъ оппортунизма? Во-первыхъ, надо было позаботиться о возобновленіи той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легальнаго марксизма и которая падала теперь опять на нелегальныхъ дѣятелей; безъ такой работы невозможенъ былъ успѣшный ростъ движенія. Во-вторыхъ, необходимо было активно выступить на борьбу съ легальной „критикой“, вносившей сугубый развратъ въ умы. Въ третьихъ, надо было активно выступить противъ разброда и шатанія въ практическомъ движеніи, разоблачая и опровергая всякія попытки сознательно или безсознательно принижать нашу программу и нашу тактику.

Что „Р. Дѣло“ не дѣлало ни того, ни другого, ни третьяго, это извѣстно, и ниже намъ придется подробно выяснить эту извѣстную истину съ самыхъ различныхъ сторонъ. Теперь же мы хотимъ только показать, въ какомъ вопіющемъ противорѣчіи находится требованіе „свободы критики“ съ особенностями нашей отечественной критики и русскаго экономизма. Взгляните, въ са-

момъ дѣлѣ, на текстъ той резолюціи, которой „союзъ р. с.-д. за границей“ подтвердилъ точку зрѣнія „Р. Дѣла“:

„Въ интересахъ дальнѣйшаго идейнаго развитія соціалдемократіи мы признаемъ свободу критики соціалдемократической теоріи въ партійной литературѣ безусловно необходимой, поскольку критика не идетъ вразрѣзъ съ классовымъ и революціоннымъ характеромъ этой теоріи“ („Два съѣзда“, стр. 10).

И мотивировка: резолюція „въ первой своей части совпадаетъ съ резолюціей любекскаго партейтага по поводу Бернштейна“. ... — Въ простотѣ душевной „союзники“ и не замѣчаютъ, какое testimonium paupertatis (свидѣтельство о бѣдности) подписываютъ они себѣ этимъ копированіемъ! — ... „но... во второй части болѣе тѣсно ограничиваетъ свободу критики, чѣмъ это сдѣлалъ любекскій партейтагъ“.

Итакъ, резолюція „Союза“ направлена противъ русскихъ бернштейніанцевъ? Иначе было бы полнымъ абсурдомъ ссылаться на Любекъ! Но это невѣрно, что она „тѣсно ограничиваетъ свободу критики“. Нѣмцы своей ганноверской резолюціей отклонили пунктъ за пунктомъ *именно тѣ* поправки, которыя дѣлалъ Бернштейнъ, а любекской — объявили предостереженіе *Бернштейну лично*, назвавъ его въ резолюціи. Между тѣмъ наши „свободные“ подражатели *ни единымъ звукомъ* не намекаютъ *ни на одно* проявленіе спеціально русской „критики“ и русскаго экономизма; при этомъ умолчаніи голая ссылка на классовый и революціонный характеръ теоріи оставляетъ гораздо больше простора лжетолкованіямъ, особенно если „Союзъ“ отказывается отнести къ оппортунизму „такъ называемый экономизмъ“ („Два съѣзда“, стр. 8, къ п. I). Это, однако, мимоходомъ. Главное же то, что позиціи оппортунистовъ по отношенію къ революціонерамъ соціалдемократамъ діаметрально противоположны въ Германіи и въ Россіи. Въ Германіи революціонные соціалдемократы стоятъ, какъ извѣстно, за сохраненіе того, что есть: за старую программу и тактику, всѣмъ извѣстную и опытомъ многихъ десятилѣтій разъясненную во всѣхъ деталяхъ. „Критики“ же хотятъ внести измѣненія, и такъ какъ этихъ критиковъ ничтожное меньшинство, а ревизіонистскія стремленія ихъ очень робки, то можно понять мотивы, по которымъ большинство ограничивается сухимъ отклоненіемъ „новшества“. У насъ же въ Россіи критики и экономисты стоятъ за сохраненіе того, что есть: „критики“ хотятъ, чтобы ихъ продолжали считать марксистами и обезпечили имъ ту „свободу критики“, которой они во всѣхъ смыслахъ пользовались (ибо никакой *партійной* связи они, въ сущности, никогда не признавали *)), да и не было у насъ такого общепризнаннаго

*) Уже одно это отсутствіе открытой партійной связи и партійной традиціи составляетъ такое кардинальное отличіе Россіи отъ Германіи, которое должно бы было предостеречь всякаго разумнаго соціалиста отъ слѣпого подражанія. А вотъ образецъ того, до чего доходитъ „свобода критики“ въ Россіи. Русскій критикъ г. Булгаковъ дѣлаетъ такой выговоръ австрійскому критику Герцу: „При всей независимости своихъ выводовъ Герцъ въ этомъ пунктѣ (о кооперативахъ), повидимому, все-таки остается слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи и, расходясь въ под-

партійнаго органа, который могъ бы „ограничить“ свободу критики хотя бы совѣтомъ); экономисты хотятъ, чтобы революціонеры признавали „полноправность движенія въ настоящемъ“ („Р. Д.“, № 10, стр. 25), т.-е. „законность“ существованія того, что существуетъ; чтобы „идеологи“ не пытались „совлечь“ движеніе съ того пути, который „опредѣляется взаимодѣйствіемъ матеріальныхъ элементовъ и матеріальной среды“ („письмо“ въ № 12 „Искры“); чтобы признали желательнымъ вести ту борьбу, „какую только возможно вести рабочимъ при данныхъ обстоятельствахъ“, а возможной признали ту борьбу, „которую они ведутъ въ дѣйствительности въ данную минуту“ (отд. прил. къ „Р. Мысли“, стр. 14). Наоборотъ, мы, революціонные соціалдемократы, недовольны этимъ преклоненіемъ предъ стихійностью, т.-е. передъ тѣмъ, что есть въ „данную минуту“; мы требуемъ измѣненія господствующей въ послѣдніе годы тактики, мы заявляемъ, что „прежде, чѣмъ объединиться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала рѣшительно и опредѣленно размежеваться“ (изъ объявленія объ изданіи „Искры“). Однимъ словомъ, нѣмцы остаются при данномъ, отклоняя измѣненія; мы требуемъ измѣненія даннаго, отвергая преклоненіе предъ этимъ даннымъ и примиреніе съ нимъ.

Этой „маленькой“ разницы и не замѣтили наши „свободные“ копировальщики нѣмецкихъ резолюцій!

г) Энгельсъ о значеніи теоретической борьбы.

„Догматизмъ, доктринерство“, „окостенѣніе партіи — неизбѣжное наказаніе за насильственное зашнуровываніе мысли“,— таковы тѣ враги, противъ которыхъ рыцарски ополчаются поборники „свободы критики“ въ „Раб. Дѣлѣ“. Мы очень рады постановкѣ на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другимъ вопросомъ:

А судьи кто?

Передъ нами два объявленія о литературномъ издательствѣ. Одно — „Программа періодическаго органа союза рус. с.-д. „Раб. Дѣло“ (оттискъ изъ № 1 „Р. Д.“). Другое—„Объявленіе о возобновленіи изданій Группы Освобожденіе Труда“. Оба помѣчены 1899 годомъ, когда „кризисъ марксизма“ давно уже стоялъ на очереди дня. И что же? Въ первомъ произведеніи вы напрасно стали бы искать указанія на это явленіе и опредѣленнаго изложенія той позиціи, которую намѣренъ занять по этому вопросу новый органъ. О теоретической работѣ и ея насущныхъ задачахъ въ данное время—ни слова ни въ этой программѣ, ни

робностяхъ, не рѣшается разстаться съ общимъ принципомъ“ („Капитализмъ и земледѣліе“, т. II, стр. 287). Подданный порабощеннаго политически государства, въ которомъ 999/1000 населенія до мозга костей развращены политическимъ холопствомъ и полнымъ непониманіемъ партійной чести и партійной связи, высокомѣрно выговариваетъ гражданину конституціоннаго государства за чрезмѣрную „связанность мнѣніями партіи“! Только и остается нелегальнымъ организаціямъ нашимъ, какъ приняться за составленіе резолюцій о свободѣ критики...

въ тѣхъ дополненіяхъ къ ней, которыя принялъ третій съѣздъ Союза 1901 года („Два съѣзда“, стр. 15—18). За все это время редакція „Р. Дѣла“ оставляла въ сторонѣ теоретическіе вопросы, несмотря на то, что они волновали всѣхъ соціалдемократовъ всего міра.

Другое объявленіе, наоборотъ, прежде всего указываетъ на ослабленіе въ послѣдніе годы интереса къ теоріи, настоятельно требуетъ „зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата“ и призываетъ къ безпощадной критики бернштейновскихъ и другихъ антиреволюціонныхъ тенденцій“ въ нашемъ движеніи. Вышедшіе номера „Зари“ показываютъ, какъ выполнялась эта программа.

Итакъ, мы видимъ, что громкія фразы противъ окостенѣнія мысли и проч. прикрываютъ собой беззаботность и безпомощность въ развитіи теоретической мысли. Примѣръ русскихъ соціалдемократовъ особенно наглядно иллюстрируетъ то общеевропейское явленіе (давно уже отмѣченное и нѣмецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означаетъ не замѣну одной теоріи другою, а свободу отъ всякой цѣлостной и продуманной теоріи, означаетъ эклектизмъ и безпринципность. Кто сколько-нибудь знакомъ съ фактическимъ состояніемъ нашего движенія, тотъ не можетъ не видѣть, что широкое распространеніе марксизма сопровождалось нѣкоторымъ приниженіемъ теоретическаго уровня. Къ движенію, ради его практическаго значенія и практическихъ успѣховъ, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленныхъ теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствіе такта проявляетъ „Раб. Дѣло“, когда выдвигаетъ съ побѣдоноснымъ видомъ изреченіе Маркса: „каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ“. Повторять эти слова въ эпоху теоретическаго разброда, это все равно что кричать: „таскать вамъ не перетаскать!“ при видѣ похоронной процессіи. Да и взяты эти слова Маркса изъ его письма о готской программѣ, въ которомъ онъ *рѣзко порицаетъ* допущенный эклектизмъ въ формулировкѣ принциповъ: если уже надо было соединяться, — писалъ Марксъ вожакамъ партіи, — то заключайте договоры ради удовлетворенія практическихъ цѣлей движенія, но не допускайте торгашества принципами, не дѣлайте теоретическихъ „уступокъ“. Вотъ какова была мысль Маркса, а у насъ находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значеніе теоріи!

Безъ революціонной теоріи не можетъ быть и революціоннаго движенія. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли въ такое время, когда съ модной проповѣдью оппортунизма обнимается увлеченіе самыми узкими формами практической дѣятельности. А для русской соціалдемократіи значеніе теоріи усиливается еще тремя обстоятельствами, о которыхъ часто забываютъ, именно: во-первыхъ, тѣмъ, что наша партія только еще складывается, только еще вырабатываетъ свою физіономію и далеко еще не закончила счетовъ съ другими направленіями революціонной мысли, грозящими совлечь движеніе съ правильнаго

пути. Напротивъ, именно самое послѣднее время ознаменовалось (какъ давно уже предсказывалъ экономистамъ Аксельродъ) оживленіемъ несоціалдемократическихъ революціонныхъ направленій. При такихъ условіяхъ „неважная“ на первый взглядъ ошибка можетъ вызвать самыя печальныя послѣдствія, и только близорукіе люди могутъ находить несвоевременными или излишними фракціонные споры и строгое различеніе оттѣнковъ. Отъ упроченія того или другого „оттѣнка“ можетъ зависѣть будущее русской соціалдемократіи на много и много лѣтъ.

Во-вторыхъ, соціалдемократическое движеніе международно по самому своему существу. Это означаетъ не только то, что мы должны бороться съ національнымъ шовинизмомъ. Это означаетъ также, что начинающееся въ молодой странѣ движеніе можетъ быть успѣшно лишь при условіи претворенія имъ опыта другихъ странъ. А для такого претворенія недостаточно простого знакомства съ этимъ опытомъ или простого переписыванья послѣднихъ резолюцій. Для этого необходимо умѣнье критически относиться къ этому опыту и самостоятельно провѣрять его. Кто только представитъ себѣ, какъ гигантски разрослось и развѣтвилось современное рабочее движеніе, тотъ пойметъ, какой запасъ теоретическихъ силъ и политическаго (а также революціоннаго) опыта необходимъ для выполненія этой задачи.

Въ третьихъ, національныя задачи русской соціалдемократіи таковы, какихъ не было еще ни передъ одной соціалистической партіей въ мірѣ. Намъ придется ниже говорить о тѣхъ политическихъ и организаціонныхъ обязанностяхъ, которыя возлагаетъ на насъ эта задача освобожденія всего народа отъ ига самодержавія. Теперь же мы хотимъ лишь указать, что *роль передового борца можетъ выполнить только партія, руководимая передовой теоріей.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себѣ, что это означаетъ, пусть читатель вспомнитъ о такихъ предшественникахъ русской соціалдемократіи, какъ Герценъ, Бѣлинскій, Чернышевскій и блестящая плеяда революціонеровъ 70-хъ годовъ; пусть подумаетъ о томъ всемірномъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ теперь русская литература; пусть . . . да довольно и этого!

Приведемъ замѣчанія Энгельса по вопросу о значеніи теоріи въ соціалдемократическомъ движеніи, относящіяся къ 1874 году. Энгельсъ признаетъ *не двѣ* формы великой борьбы соціалдемократіи (политическую и экономическую), — какъ это принято дѣлать у насъ,— *а три, ставя наряду съ ними и теоретическую борьбу.* Его напутствіе практически и политически окрѣпшему нѣмецкому рабочему движенію такъ поучительно съ точки зрѣнія современныхъ вопросовъ и споровъ, что читатель не посѣтуетъ на насъ, надѣемся, за длинную выписку изъ предисловія къ брошюрѣ „Der deutsche Bauernkrieg“ *), которая давно уже стала величайшей библіографической рѣдкостью:

---

*) Dritter Abdruck. Leipzig, 1875. Verlag der Genossenschaftsbuchdruckere.

„Нѣмецкіе рабочіе имѣютъ два существенныхъ преимущества предъ рабочими остальной Европы. Первое—то, что они принадлежатъ къ наиболѣе теоретическому народу Европы и что они сохранили въ себѣ тотъ теоретическій смыслъ, который почти совершенно утраченъ такъ называемыми „образованными“ классами въ Германіи. Безъ предшествующей ему нѣмецкой философіи, въ особенности философіи Гегеля, никогда не создался бы нѣмецкій научный соціализмъ,—единственный научный соціализмъ, который когда либо существовалъ. Безъ теоретическаго смысла у рабочихъ этотъ научный соціализмъ никогда не вошелъ бы до такой степени въ ихъ плоть и кровь, какъ это мы видимъ теперь. А какъ необъятно велико это преимущество, это показываетъ, съ одной стороны, то равнодушіе ко всякой теоріи, которое является одно изъ главныхъ причинъ того, почему англійское рабочее движеніе такъ медленно двигается впередъ, несмотря на великолѣпную организацію отдѣльныхъ ремеслъ, а съ другой стороны, это показываетъ та смута и тѣ шатанія, которыя посѣялъ прудонизмъ, въ его первоначальной формѣ, у французовъ и бельгійцевъ, въ его карикатурной, Бакунинымъ приданной формѣ — у испанцевъ и итальянцевъ.

„Второе преимущество состоитъ въ томъ, что нѣмцы приняли участіе въ рабочемъ движеніи почти-что позже всѣхъ. Какъ нѣмецкій теоретическій соціализмъ никогда не забудетъ, что онъ стоитъ на плечахъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна—трехъ мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизмъ ихъ ученій, принадлежатъ къ величайшимъ умамъ всѣхъ временъ и которые геніально предвосхитили безчисленное множество такихъ истинъ, правильность которыхъ мы доказываемъ теперь научно,—такъ нѣмецкое практическое рабочее движеніе не должно никогда забывать, что оно развилось на плечахъ англійскаго и французскаго движенія, что оно имѣло возможность просто обратить себѣ на пользу ихъ дорого купленный опытъ, избѣжать теперь ихъ ошибокъ, которыхъ тогда въ большинствѣ случаевъ нельзя было избѣжать. Гдѣ были бы мы теперь безъ образца англійскихъ трэдъ-юніоновъ и французской политической борьбы рабочихъ, безъ того колоссальнаго толчка, который дала, въ особенности, парижская коммуна?

„Надо отдать справедливость нѣмецкимъ рабочимъ, что они съ рѣдкимъ умѣньемъ воспользовались выгодами своего положенія. Впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ рабочее движеніе, борьба ведется планомѣрно во всѣхъ трехъ ея направленіяхъ, согласованныхъ и связанныхъ между собой: въ теоретическомъ, политическомъ и практически-экономическомъ (сопротивленіе капиталистамъ). Въ этомъ, такъ сказать, концентрическомъ нападеніи и заключается сила и непобѣдимость нѣмецкаго движенія.

„Съ одной стороны, вслѣдствіе этого выгоднаго ихъ положенія, съ другой стороны, вслѣдствіе островныхъ особенностей англійскаго движенія и насильственнаго подавленія французскаго, нѣмецкіе рабочіе поставлены въ данный моментъ во главѣ

пролетарской борьбы. Какъ долго событія позволятъ имъ занимать этотъ почетный постъ, этого нельзя предсказать. Но, пока они будутъ занимать его, они исполнятъ, надо надѣяться, какъ подобаетъ возлагаемыя имъ на нихъ обязанности. Для этого требуется удвоенное напряженіе силъ во всѣхъ областяхъ борьбы и агитаціи. Въ особенности обязанность вождей будетъ состоять въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе просвѣщать себя по всѣмъ теоретическимъ вопросамъ, все болѣе и болѣе освобождаться отъ вліянія традиціонныхъ, принадлежащихъ старому міросозерцанію фразъ и всегда имѣть въ виду, что соціализмъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ наукой, требуетъ, чтобы съ нимъ и обращались какъ съ наукой, т.-е. чтобы изучали. Пріобрѣтенное такимъ образомъ все болѣе проясняющееся сознаніе необходимо распространять среди рабочихъ массъ, съ все большимъ усердіемъ и все крѣпче сплачивать организацію партіи и организацію профессіональныхъ союзовъ...

„...Если нѣмецкіе рабочіе будутъ такъ же идти впередъ, то они будутъ не то что маршировать во главѣ движенія — это вовсе не въ интересахъ движенія, чтобы рабочіе одной какой-либо націи маршировали во главѣ его,—но будутъ занимать почетное мѣсто въ линіи борцовъ; и они будутъ стоять во всеоружіи, если неожиданно тяжелыя испытанія или великія событія потребуютъ отъ нихъ болѣе высокаго мужества, болѣе высокой рѣшимости и энергіи".

Слова Энгельса оказались пророческими. Черезъ нѣсколько лѣтъ нѣмецкихъ рабочихъ постигли неожиданно тяжелыя испытанія въ видѣ исключительнаго закона о соціалистахъ. И нѣмецкіе рабочіе, дѣйствительно, встрѣтили ихъ во всеоружіи и сумѣли побѣдоносно выйти изъ нихъ.

Русскому пролетаріату предстоятъ испытанія еще неизмѣримо болѣе тяжкія, предстоитъ борьба съ чудовищемъ, по сравненію съ которымъ исключительный законъ въ конституціонной странѣ кажется настоящимъ пигмеемъ. Исторія поставила теперь передъ нами ближайшую задачу, которая является *наиболѣе революціонной* изъ всѣхъ *ближайшихъ* задачъ пролетаріата какой бы то ни было другой страны. Осуществленіе этой задачи, разрушеніе самаго могучаго оплота не только европейской, но также (можемъ мы сказать теперь) и азіатской реакціи сдѣлало бы русскій пролетаріатъ авангардомъ международнаго революціоннаго пролетаріата. И мы въ правѣ разсчитывать, что добьемся этого почетнаго званія, заслуженнаго уже нашими предшественниками, революціонерами 70-хъ годовъ, если мы сумѣемъ воодушевить наше въ тысячу разъ болѣе широкое и глубокое движеніе такой же беззавѣтной рѣшимостью и энергіей.

II.

Стихійность массъ и сознательность соціалдемократіи.

Мы сказали, что наше движеніе, гораздо болѣе широкое и глубокое, чѣмъ движеніе 70-хъ годовъ, необходимо воодушевить такою же, какъ тогда, беззавѣтной рѣшимостью и энергіей. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ, кажется, еще никто не сомнѣвался въ томъ, что сила современнаго движенія — пробужденіе массъ (и, главнымъ образомъ, промышленнаго пролетаріата), а слабость его—недостатокъ сознательности и иниціативности руководителей-революціеровъ.

Однако, въ самое послѣднее время сдѣлано съ ногъ сшибательное открытіе, грозящее перевернуть всѣ господствовавшіе до сихъ поръ взгляды по данному вопросу. Это открытіе сдѣлано „Р. Дѣломъ", которое, полемизируя съ „Искрой" и „Зарей", не ограничилось одними частными возраженіями, а попыталось свести „общее разногласіе" къ болѣе глубокому корню—къ „различной оцѣнкѣ *сравнительнаго* значенія стихійнаго и сознательно-планомѣрнаго элемента". Обвинительный тезисъ „Рабоч. Дѣла" гласитъ: *преуменьшеніе значенія объективнаго или стихійнаго элемента развитія*" *). Мы скажемъ на это: если бы полемика „Искры" и „Зари" не дала даже ровно никакихъ другихъ результатовъ кромѣ того, что побудила „Р. Дѣло" додуматься до этого „общаго разногласія", то и одинъ этотъ результатъ далъ бы намъ большое удовлетвореніе: до такой степени многозначителенъ этотъ тезисъ, до такой степени ярко освѣщаетъ онъ всю суть современныхъ теоретическихъ и политическихъ разногласій между русскими соціалдемократами.

Вотъ почему вопросъ объ отношеніи сознательности къ стихійности представляетъ громадный общій интересъ, и на этомъ вопросѣ слѣдуетъ остановиться со всей подробностью.

а) Начало стихійнаго подъема.

Мы отмѣтили въ предыдущей главѣ *повальное* увлеченіе теоріей марксизма русской образованной молодежи въ половинѣ 90-хъ годовъ. Такой же повальный характеръ приняли около

*) „Раб. Дѣло", № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсивъ „Раб. Дѣла".

того же времени рабочія стачки послѣ знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года. Ихъ распространеніе по всей Россіи явно свидѣтельствовало о глубинѣ вновь поднимающагося народнаго движенія, и если уже говорить о „стихійномъ элементѣ“, то, конечно, именно это стачечное движеніе придется признать прежде всего стихійнымъ. Но вѣдь и стихійность стихійности—рознь. Стачки бывали въ Россіи и въ 70-хъ и въ 60-хъ годахъ (и даже въ первой половинѣ XIX вѣка), сопровождаясь „стихійнымъ“ разрушеніемъ машинъ и т. п. По сравненію съ этими „бунтами“ стачки 90-хъ годовъ можно даже назвать „сознательными“—до такой степени значителенъ тотъ шагъ впередъ, который сдѣлало за это время рабочее движеніе. Это показываетъ намъ, что „стихійный элементъ“ представляетъ изъ себя, въ сущности, не что иное, какъ *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой нѣкоторое пробужденіе сознательности: рабочіе теряли исконную вѣру въ незыблемость давящихъ ихъ порядковъ, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективнаго отпора, и рѣшительно порывали съ рабской покорностью передъ начальствомъ. Но это было все же гораздо болѣе проявленіемъ отчаянія и мести, чѣмъ *борьбой*. Стачки 90-хъ годовъ показываютъ намъ гораздо болѣе проблесковъ сознательности: выставляются опредѣленныя требованія, разсчитывается напередъ, какой моментъ удобнѣе, обсуждаются извѣстные случаи и примѣры въ другихъ мѣстахъ и т. д. Если бунты были просто возстаніемъ просто угнетенныхъ людей, то систематическія стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятыя сами по себѣ, эти стачки были борьбой трэдъ-юніонистской, но еще не соціалдемократической, онѣ знаменовали пробужденіе антагонизма рабочихъ и хозяевъ, но у рабочихъ не было, да и быть не могло сознанія непримиримой противоположности ихъ интересовъ всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознанія соціалдемократическаго. Въ этомъ смыслѣ, стачки 90-хъ годовъ, несмотря на громадный прогрессъ по сравненію съ „бунтами“, оставались движеніемъ чисто стихійнымъ.

Мы сказали, что соціалдемократическаго сознанія у рабочихъ и *не могло быть*. Оно могло быть принесено только извнѣ. Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское, т.-е. убѣжденіе въ необходимости объединиться въ союзы, вести борьбу съ хозяевами, добиваться отъ правительства изданія тѣхъ или иныхъ необходимыхъ для рабочихъ законовъ и т. п. *). Ученіе же соціализма выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ

---

*) Трэдъ-юніонизмъ вовсе не исключаетъ всякую „политику“, какъ иногда думаютъ. Трэдъ-юніоны всегда вели извѣстную (но не соціалдемократическую) политическую агитацію и борьбу. О различіи трэдъ-юніонистской и соціалдемократической политики мы скажемъ въ слѣд. главѣ.

теорій, которыя разрабатывались образованными представителями имущихъ классовъ, интеллигенціей. Основатели современнаго научнаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, принадлежали и сами, по своему соціальному положенію, къ буржуазной интеллигенціи. Точно такъ же и въ Россіи теоретическое ученіе соціалдемократіи возникло совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія, возникло какъ естественный и неизбѣжный результатъ развитія мысли у революціонно-соціалистической интеллигенціи. Къ тому времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, т.-е. къ половинѣ 90-хъ годовъ, это ученіе не только не было уже вполнѣ сложившейся программой Группы Освобожденія Труда, но и завоевало на свою сторону большинство революціонной молодежи въ Россіи.

Такимъ образомъ, налицо было и стихійное пробужденіе рабочихъ массъ, пробужденіе къ сознательной жизни и сознательной борьбѣ, и наличность вооруженной соціалдемократическою теоріею революціонной молодежи, которая рвалась къ рабочимъ. При этомъ особенно важно установить тотъ часто забываемый (и сравнительно мало извѣстный) фактъ, что *первые* соціалдемократы этого періода, *усердно занимаясь экономической агитаціей* (и вполнѣ считаясь въ этомъ отношеніи съ дѣйствительно полезными указаніями тогда еще рукописной брошюры „Объ агитаціи"), не только не считали ее единственной своей задачей, а напротивъ, *съ самаго начала* выдвигали и самыя широкія историческія задачи русской соціалдемократіи вообще и задачу ниспроверженія самодержавія въ особенности. Такъ, напримѣръ, той группой петербургскихъ соціалдемократовъ, которая основала „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса", былъ составленъ еще въ концѣ 1895 г. первый номеръ газеты подъ названіемъ „Рабочее Дѣло". Вполнѣ готовый къ печати этотъ номеръ былъ схваченъ жандармами въ набѣгѣ съ 8-го на 9-е декабря 1895 г. у одного изъ членовъ группы, Анат. Алекс. Ванѣева *), и „Раб. Дѣлу" первой формаціи не суждено было увидѣть свѣта. Передовая статья этой газеты (которую, можетъ быть, лѣтъ черезъ 30 извлечетъ какая-нибудь „Русская Старина" изъ архивовъ департамента полиціи) обрисовывала историческія задачи рабочаго класса въ Россіи и во главѣ этихъ задачъ ставила завоеваніе политической свободы. Затѣмъ была статья „О чемъ думаютъ наши министры", посвященная полицейскому разгрому Комитетовъ Грамотности, и рядъ корреспонденцій не только изъ Петербурга, но и изъ другихъ мѣстностей Россіи (напр., о побоищѣ рабочихъ въ Ярославской губ.). Такимъ образомъ, этотъ, если не ошибаемся, „первый опытъ" русскихъ соціалдемократовъ 90-хъ годовъ представлялъ изъ себя газету не узко-мѣстнаго, тѣмъ болѣе, не „экономическаго" характера, стре-

*) А. А. Ванѣевъ скончался въ 1899 году въ Восточной Сибири отъ чахотки, которую онъ вынесъ изъ одиночнаго заключенія въ предварилкѣ. Поэтому мы и сочли возможнымъ опубликовать приводимыя въ текстѣ свѣдѣнія, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся, ибо они исходятъ отъ лицъ, непосредственно и близкимъ образомъ знавшихъ А. А. Ванѣева.

мившуюся соединить стачечную борьбу съ революціоннымъ движеніемъ противъ самодержавія и привлечь къ поддержкѣ соціалдемократіи всѣхъ угнетенныхъ политикой реакціоннаго мракобѣсія. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый съ состояніемъ движенія въ то время, не усомнится, что подобная газета встрѣтила бы полное сочувствіе и рабочихъ столицы, и революціонной интеллигенціи и получила бы самое широкое распространеніе. Неуспѣхъ же предпріятія доказалъ лишь, что тогдашніе соціалдемократы оказались не въ силахъ удовлетворить насущный запросъ момента вслѣдствіе недостатка у нихъ революціоннаго опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про „СПБ. Рабочій Листокъ“ и въ особенности про „Рабочую Газету“ и про „Манифестъ“, выпущенный весною 1898 г. Р. С.-Д. Р. П. Само собою разумѣется, что намъ и въ голову не приходитъ ставить эту неподготовленность въ вину тогдашнимъ дѣятелямъ. Но для того, чтобы воспользоваться опытомъ движенія и извлечь изъ этого опыта практическіе уроки, необходимо дать себѣ полный отчетъ о причинахъ и значеніи того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (можетъ быть, даже большинство) дѣйствовавшихъ въ 1895—1898 гг. соціалдемократовъ вполнѣ справедливо считали возможнымъ тогда же, въ самомъ началѣ „стихійнаго“ движенія, выступать съ самой широкой программой и боевой тактикой *). Неподготовленность же большинства революціонеровъ, будучи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, никакихъ особенныхъ опасеній возбуждать не могла. Разъ постановка задачъ была правильная, разъ была энергія на повторныя попытки осуществить эти задачи, — временныя неудачи представляли изъ себя полбѣды. Революціонная опытность и организаторская ловкость—вещи наживныя. Была бы только охота вырабатывать въ себѣ требуемыя качества! Было бы только сознаніе недостатковъ, равносильное въ революціонномъ дѣлѣ больше чѣмъ половинѣ исправленія!

Но полбѣды сдѣлалось настоящей бѣдой, когда это сознаніе стало меркнуть (а оно было очень живо у дѣятелей названныхъ выше группъ), когда появились люди, — и даже соціалдемократическіе органы,—которые недостатокъ готовы были возвести въ добродѣтель, которые попытались даже *теоретически* обосновать свое *рабольпство и преклоненіе передъ стихійностью*. Этому направленію, содержаніе котораго очень неточно характеризуется

---

*) „Отрицательно относясь къ дѣятельности с.-дем. конца 90-хъ годовъ, „Искра“ игнорируетъ отсутствіе въ то время условій для иной работы, кромѣ борьбы за мелкія требованія“ — заявляютъ экономисты въ своемъ „письмѣ въ русск. с.-д. органы“ („Искра“, № 12). Приведенные въ текстѣ факты доказываютъ, что это утвержденіе объ „отсутствіи условій“ *діаметрально противоположно истинѣ*. Не только въ концѣ, но и въ половинѣ 90-хъ годовъ вполнѣ были налицо всѣ условія для *иной* работы, кромѣ борьбы за мелкія требованія, всѣ условія, кромѣ достаточной подготовки руководителей. И вотъ, вмѣсто того, чтобы открыто признать этотъ недостатокъ подготовки со стороны насъ, идеологовъ, руководителей,—„экономисты“ хотятъ свалить все на „отсутствіе условій“, на вліяніе матеріальной среды, опредѣляющей путь, съ котораго не совлечь движенія никакимъ идеологамъ. Что это такое, какъ не раболѣпство передъ стихійностью? какъ не влюбленность „идеологовъ“ въ свои недостатки?

слишкомъ узкимъ для его выраженія понятіемъ „экономизма“. пора подвести итоги.

б) Преклоненіе предъ стихійностью—„Рабочая Мысль“.

Прежде, чѣмъ переходить къ литературнымъ проявленіямъ этого преклоненія, отмѣтимъ слѣдующій характерный фактъ (сообщенный намъ изъ упомянутаго выше источника), который бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ въ средѣ дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ товарищей возникла и росла рознь будущихъ двухъ направленій русской соціалдемократіи. Въ началѣ 1897 г. А. А. Ванѣеву и нѣкоторымъ изъ его товарищей пришлось участвовать, передъ отправкой ихъ въ ссылку, на одномъ частномъ собраніи, гдѣ сошлись „старые“ и „молодые“ члены „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. Бесѣда велась, главнымъ образомъ, объ организаціи и, въ частности, о томъ самомъ „уставѣ рабочей кассы“, который въ окончательномъ своемъ видѣ напечатанъ въ № 9—10 „Листка Работника“ (стр. 46). Между „стариками“ („декабристами“, какъ ихъ звали тогда въ шутку петербургскіе соціалдемократы) и нѣкоторыми изъ „молодыхъ“ (принимавшими впослѣдствіи близкое участіе въ „Раб. Мысли“) сразу обнаружилось рѣзкое разногласіе и разгорѣлась горячая полемика. „Молодые“ защищали главныя основанія устава въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ. „Старики“ говорили, что намъ нужно, прежде всего, вовсе не это, а упроченіе „Союза борьбы“ въ организацію революціонеровъ, которой должны быть соподчинены различныя рабочія кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. под. Само собою разумѣется, что спорившіе далеки были отъ мысли видѣть въ этомъ разногласіи начало расхожденія, считая его, наоборотъ, единичнымъ и случайнымъ. Но этотъ фактъ показываетъ, что возникновеніе и распространеніе „экономизма“ шло и въ Россіи отнюдь не безъ борьбы со „старыми“ соціалдемократами (это часто забываютъ нынѣшніе экономисты). И если эта борьба не оставила, по большей части, „документальныхъ“ слѣдовъ, то причина этого *единственно* та, что составъ работающихъ кружковъ мѣнялся невѣроятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласія не фиксировались никакими документами.

Возникновеніе „Раб. Мысли“ вывело экономизмъ на свѣтъ божій, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себѣ условія работы и кратковременность жизни массы русскихъ кружковъ (а конкретно представляетъ себѣ это только тотъ, кто это пережилъ), чтобы понять, какъ много случайнаго было въ успѣхѣ или неуспѣхѣ новаго направленія въ разныхъ городахъ и какъ долго ни сторонники, ни противники этого „новаго“ не могли, буквально-таки не имѣли никакой возможности опредѣлить, дѣйствительно ли это особое направленіе или просто выраженіе неподготовленности отдѣльныхъ лицъ. Напримѣръ, первые гектографированные номера „Раб. Мысли“ остались даже совершенно неизвѣстны громадному большинству соціалдемократовъ, и если

мы теперь можемъ ссылаться на передовицу перваго ея номера, то только благодаря перепечаткѣ ея въ статьѣ В. И—а („Листокъ Работника“, № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминулъ, разумѣется, усердно—не по разуму усердно—расхвалить новую газету, столь рѣзко отличившуюся отъ названныхъ нами выше газетъ и проектовъ газетъ *). А на передовицѣ этой стоитъ остановиться—настолько рельефно выразила она *весь духъ* „Раб. Мысли“ и экономизма вообще.

Указавъ на то, что рукѣ въ синемъ обшлагѣ не удержать развитія рабочаго движенія, передовица продолжаетъ:... „Такой живучестью рабочее движеніе обязано тому, что рабочій самъ берется, наконецъ, за свою судьбу, вырвавъ ее изъ рукъ руководителей“, и этотъ основной тезисъ подробно развивается дальше. На самомъ дѣлѣ, руководители (т.-е. соціалдемократы, организаторы союза борьбы) были вырваны полиціей изъ рукъ, можно сказать, рабочихъ **), а дѣло представляется такъ, будто рабочіе вели борьбу съ этими руководителями и освободились отъ ихъ ига! Вмѣсто того, чтобы звать впередъ, къ упроченію революціонной организаціи и расширенію политической дѣятельности, стали звать *назадъ*, къ одной трэдъ-юніонистской борьбѣ. Провозгласили, что „экономическая основа движенія затемняется стремленіемъ постоянно не забывать политическій идеалъ“, что девизъ рабочаго движенія — „борьба за экономическое положеніе“ (!) или, еще лучше, „рабочіе для рабочихъ“; объявлялось, что стачечныя кассы „дороже для движенія, чѣмъ сотня другихъ организацій“ (сравните это, относящееся къ октябрю 1897 года утвержденіе съ споромъ „декабристовъ“ съ молодыми въ началѣ 1897 года) и т. п. Словечки въ томъ родѣ, что во главу угла надо ставить не „сливки“ рабочихъ, а „средняго“ рабочаго, массоваго рабочаго, что „политика всегда послушно слѣдуетъ за экономикой“ ***) и т. д., и т. д., сдѣлались модой и пріобрѣли неотразимое вліяніе на массу привлекаемой къ движенію молодежи, знакомой въ большинствѣ случаевъ только съ обрывками марксизма въ легальномъ его изложеніи.

Это было полнымъ подавленіемъ сознательности стихійностью—стихійностью тѣхъ „соціалдемократовъ“, которые повто-

---

*) Кстати, эта похвала „Р. Мысли“ въ ноябрѣ 1898 г., когда экономизмъ, особенно за границей, вполнѣ опредѣлился, исходила отъ того самого В. И—а, который вскорѣ сдѣлался однимъ изъ редакторовъ „Раб. Дѣла“. И „Раб. Дѣло“ отрицало еще существованіе двухъ направленій въ русской соціалдемократіи, какъ продолжаетъ отрицать и теперь!

**) Что это сравненіе правильно, можно видѣть изъ слѣдующаго характернаго факта. Когда послѣ ареста „декабристовъ“ среди рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта распространилось извѣстіе, что провалу посодѣйствовалъ близкій къ одной изъ соприкасавшихся съ „декабристами“ группъ провокаторъ Н. Н. Михайловъ (зубной врачъ), то эти рабочіе были такъ возмущены, что рѣшили убить Михайлова.

***) Изъ той же передовицы перваго номера „Рабочей Мысли“. Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этихъ „В. В. русской соціалдемократіи“, которые повторяли грубое опошленіе „экономическаго матеріализма“ въ то самое время, когда въ литературѣ шла война марксистовъ противъ настоящаго г. В. В., давно уже прозваннаго „реакціонныхъ дѣлъ мастеромъ“ за *такое же* пониманіе отношенія политики и экономики!

ряли „идеи“ г-на В. В., стихійностью тѣхъ рабочихъ, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чѣмъ всякій соціализмъ и всякая политика, что должны вести „борьбу, зная, что борются они не для какихъ-то будущихъ поколѣній, а для себя и своихъ дѣтей“ (передовая № 1 „Р. Мысли“). Подобныя фразы составляли всегда излюбленное оружіе тѣхъ западно-европейскихъ буржуа, которые, ненавидя соціализмъ, сами работали (въ родѣ нѣмецкаго „соціалъ-политика“ Гирша) надъ пересаживаніемъ англійскаго трэдъ-юніонизма на родную почву, говоря рабочимъ, что только профессіональная борьба *) есть именно борьба для самихъ себя и своихъ дѣтей, а не для какихъ-то будущихъ поколѣній съ какимъ-то будущимъ соціализмомъ,— и теперь „В. В. русской соціалдемократіи“ принялись повторять эти буржуазныя фразы. Важно отмѣтить здѣсь три обстоятельства, которыя намъ очень пригодятся при дальнѣйшемъ разборѣ *современныхъ* разногласій **).

Во-первыхъ, указанное нами подавленіе сознательности стихійностью произошло тоже *стихійнымъ путемъ*. Это кажется каламбуромъ, но это—увы!—горькая правда. Оно произошло не путемъ открытой борьбы двухъ совершенно противоположныхъ воззрѣній и побѣды одного надъ другимъ, а путемъ „вырыванія“ жандармами все большаго и большаго числа революціонеровъ-„стариковъ“ и путемъ все большаго и большаго выступленія на сцену „молодыхъ“ „В. В. русской соціалдемократіи“. Всякій, кто—не скажу, участвовалъ въ *современномъ* русскомъ движеніи, а хотя бы только нюхалъ его воздухъ, превосходно знаетъ, что дѣло обстоитъ именно такъ. И если мы, тѣмъ не менѣе, особенно настаиваемъ на томъ, чтобы читатель вполнѣ уяснилъ себѣ этотъ общественный фактъ, если мы для наглядности, такъ сказать, приводимъ данныя о „Рабочемъ Дѣлѣ“ первой формаціи и о спорѣ между „стариками“ и „молодыми“ въ началѣ 1897 г.,— то это потому, что на незнаніи широкой публикой (или совсѣмъ юной молодежью) этого факта спекулируютъ люди, хвастающіеся своимъ „демократизмомъ“. Мы вернемся еще къ этому ниже.

Во-вторыхъ, уже на первомъ литературномъ проявленіи экономизма мы можемъ наблюдать то въ высшей степени своеобразное и крайне характерное для пониманія всѣхъ разногласій въ средѣ современныхъ соціалдемократовъ явленіе, что сторонники „чисто-рабочаго движенія“, поклонники самой тесной и самой „органической“ (выраженіе „Раб. Дѣла“) связи съ пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенціи (хотя бы это была соціалистическая интеллигенція) вынуждены прибѣгать для защиты своей позиціи къ доводамъ *буржуазныхъ* „только трэдъ-юніонистовъ“. Это показываетъ намъ, что „Р. Мысль“,

---

*) У нѣмцевъ есть даже особое слово: „Nur-Gewerkschaftler“, означающее сторонниковъ „только профессіональной“ борьбы.

**) Мы подчеркиваемъ *современныхъ* по адресу тѣхъ, кто фарисейски пожметъ плечами и скажетъ: теперь легко разносить „Рабочую Мысль“, но только это всё архаизмъ! Mutato nomine de te fabula narratur—отвѣтимъ мы такимъ современнымъ фарисеямъ, полное порабощеніе которыхъ идеями „Раб. Мысли“ будетъ *доказано* ниже.

съ самаго своего начала, принялась—безсознательно для самой себя — осуществлять Credo. Это показываетъ (чего никакъ не можетъ понять „Р. Дѣло"), что *всякое* преклоненіе предъ стихійностью рабочаго движенія, всякое умаленіе роли „сознательнаго элемента", роли соціалдемократіи *означаетъ* тѣмъ самымъ,— *совершенно независимо отъ того, желаетъ ли этого умаляющій или нѣтъ,—усиленіе вліянія буржуазной идеологіи на рабочихъ*. Всѣ, кто толкуетъ о „переоцѣнкѣ идеологіи" *), о преувеличеніи роли сознательнаго элемента **) и т. п., воображаютъ, что чисто-рабочее движеніе само по себѣ можетъ выработать и выработаетъ себѣ самостоятельную идеологію, лишь бы только рабочіе „вырвали изъ рукъ руководителей свою судьбу". Но это глубокая ошибка. Въ дополненіе къ сказанному выше приведемъ еще слѣдующія глубоко справедливыя и важныя слова К. Каутскаго, сказанныя имъ по поводу проекта новой программы австрійской соціалдемократической партіи ***):

„Многіе изъ нашихъ ревизіонистскихъ критиковъ полагаютъ, будто
Марксъ утверждалъ, что экономическое развитіе и классовая борьба соз-
даютъ не только условія соціалистическаго производства, но также и не-
посредственно порождаютъ *сознаніе* (курсивъ К. К.) его необходимости. И
вотъ эти критики возражаютъ, что страна наиболѣе высокаго капи-
талистическаго развитія, Англія, всего болѣе чужда этому сознанію.
На основаніи проекта можно было бы думать, что этотъ якобы ортодо-
ксально-марксистскій взглядъ, опровергаемый указаннымъ способомъ, раз-
дѣляетъ и комиссія, выработавшая австрійскую программу. Въ проектѣ
значится: „чѣмъ болѣе капиталистическое развитіе увеличиваетъ проле-
таріатъ, тѣмъ болѣе онъ вынуждается и получаетъ возможность вести
борьбу противъ капитализма. Пролетаріатъ приходитъ къ сознанію" воз-
можности и необходимости соціализма. Въ такой связи, соціалистическое
сознаніе представляется необходимымъ непосредственнымъ результатомъ
пролетарской классовой борьбы. А это совершенно невѣрно. Разумѣется,
соціализмъ, какъ ученіе, столь же коренится въ современныхъ экономи-
ческихъ отношеніяхъ, какъ и классовая борьба пролетаріата, столь же,
какъ и эта послѣдняя, вытекаетъ изъ борьбы противъ порождаемой капи-
тализмомъ бѣдноты и нищеты массъ, но соціализмъ и классовая борьба
возникаютъ рядомъ одно съ другимъ, а не одно изъ другого, возникаютъ
при различныхъ предпосылкахъ. Современное соціалистическое сознаніе
можетъ возникнуть только на основаніи глубокаго научнаго знанія. Въ
самомъ дѣлѣ, современная экономическая наука настолько же является
условіемъ соціалистическаго производства, какъ и современная, скажемъ,
техника, а пролетаріатъ при всемъ своемъ желаніи не можетъ создать ни
той ни другой; обѣ онѣ возникаютъ изъ современнаго общественнаго про-
цесса. Носителемъ же науки является не пролетаріатъ, а *буржуазная ин-
теллигенція* (курсивъ К. К.): въ головахъ отдѣльныхъ членовъ этого слоя
возникъ вѣдь и современный соціализмъ, и ими уже былъ сообщенъ выдаю-
щимся по своему умственному развитію пролетаріямъ, которые затѣмъ вно-
сятъ его въ классовую борьбу пролетаріата тамъ, гдѣ это допускаютъ условія.
Такимъ образомъ, соціалистическое сознаніе есть нѣчто извнѣ внесенное
(von Aussen hineingetragenhs) въ классовую борьбу пролетаріата, а не нѣчто
стихійно (urwüchsig) изъ нея возникшее. Соотвѣтственно этому старая
гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что за-

*) Письмо „экономистовъ" въ № 12 „Искры".

**) „Р. Дѣло", № 10.

***) „Neue Zeit", 1901—1902, XX, 1; № 3, стр. 97. Проектъ комиссіи, о которомъ говоритъ К. Каутскій, принятъ Вѣнскимъ съѣздомъ (въ концѣ прошлаго года) въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

дачей соціалдемократіи является внесеніе въ пролетаріатъ (буквально: наполненіе пролетаріата) *сознанія* его положенія и сознанія его задачи. Въ этомъ не было бы надобности, если бы это сознаніе само собой проистекало изъ классовой борьбы. Новый же проектъ перенялъ это положеніе изъ старой программы и пришилъ его къ вышеприведенному положенію. Но это совершенно перервало ходъ мысли"...

Разъ о самостоятельной, самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи *), то вопросъ стоитъ *только такъ*: буржуазная или соціалистическая идеологія. Середины тутъ нѣтъ (ибо никакой „третьей" идеологіи не выработало человѣчество, да и вообще въ обществѣ, раздираемомъ классовыми противорѣчіями, и не можетъ быть никогда внѣ-классовой или надъ-классовой идеологіи). Поэтому *всякое* умаленіе соціалистической идеологіи, *всякое отстраненіе* отъ нея означаетъ тѣмъ самымъ усиленіе идеологіи буржуазной. Толкуютъ о стихійности. Но *стихійное* развитіе рабочего движенія идетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіи, *идетъ именно по программѣ* credo, ибо стихійное рабочее движеніе есть трэдъ-юніонизмъ, есть Nur-Gewerkschaftlerei, а трэдъ-юніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей. Поэтому наша задача, задача соціалдемократіи состоитъ въ *борьбѣ со стихійностью*, состоитъ въ томъ, чтобы *совлечь* рабочее движеніе съ этого стихійнаго стремленія трэдъ-юніонизма подъ крылышко буржуазіи и привлечь его подъ крылышко революціонной соціалдемократіи. Фраза авторовъ „экономическаго" письма въ № 12 „Искры", что никакія усилія самыхъ вдохновенныхъ идеологовъ не могутъ совлечь рабочаго движенія съ пути, опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ матеріальныхъ элементовъ и матеріальной среды, *совершенно равносильна* поэтому *отказу отъ соціализма*, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорятъ, до конца безстрашно и послѣдовательно, какъ долженъ продумывать свои мысли всякій, кто выступаетъ на арену литературной и общественной дѣятельности, то имъ ничего не осталось бы, какъ „сложить на пустой груди ненужныя руки" и... и предоставить поле дѣйствія гг. Струве и Прокоповичамъ, которые тянутъ рабочее движеніе „по линіи наименьшаго сопротивленія", т.-е. по линіи буржуазнаго трэдъ-юніонизма, или гг. Зубатовыхъ, которые тянутъ его по линіи поповско-жандармской „идеологіи".

---

*) Это не значитъ, конечно, что рабочіе не участвуютъ въ этой выработкѣ. Но они участвуютъ не въ качествѣ рабочихъ, а въ качествѣ теоретиковъ соціализма, въ качествѣ Прудоновъ и Вейтлинговъ, участвуютъ, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку имъ въ большей или меньшей степени удается овладѣвать знаніемъ своего вѣка и двигать впередъ это знаніе. А чтобы рабочимъ *чаще удавалось это*, для этого необходимо какъ можно больше заботиться о повышеніи уровня сознательности рабочихъ вообще, для этого необходимо, чтобы рабочіе не замыкались въ искусственно суженныя рамки *„литературы для рабочихъ"*, а учились бы овладѣвать все больше и больше *общей литературой*. Вѣрнѣе даже было бы сказать вмѣсто „замыкались" —были замыкаемы, потому что рабочіе-то сами читаютъ и хотятъ читать все что пишутъ и для интеллигенціи, и только нѣкоторые (плохіе) интеллигенты думаютъ, что „для рабочихъ" достаточно разсказывать о фабричныхъ порядкахъ и пережевывать давно извѣстное.

Вспомните примѣръ Германіи. Въ чемъ состояла историческая заслуга Лассаля предъ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ? Въ томъ, что онъ *совлекъ* то движеніе съ того пути прогрессистскаго трэдъ-юніонизма и кооперативизма, на который оно стихійно направлялось (*при благосклонномъ участіи Шульце-Деличей и имъ подобныхъ*). Для исполненія этой задачи нужно было нѣчто, совсѣмъ не похожее на разговоры о преуменьшеніи стихійнаго элемента, о тактикѣ-процессѣ, о взаимодѣйствіи элементовъ и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба со стихійностью*, и только въ результатѣ такой, долгіе-долгіе годы ведшейся борьбы достигнуто было, напримѣръ, то, что рабочее населеніе Берлина изъ опоры прогрессистской партіи сдѣлалось одной изъ лучшихъ крѣпостей соціалдемократіи. И борьба эта отнюдь не закончена и посейчасъ (какъ могло бы показаться людямъ, изучающимъ исторію нѣмецкаго движенія по Прокоповичу, а философію его по Струве). И сейчасъ нѣмецкій рабочій классъ, если можно такъ выразиться, раздробленъ между нѣсколькими идеологами: часть рабочихъ объединена въ католическіе и монархическіе рабочіе союзы, другая — въ гиршъ-дункеровскіе, основанные буржуазными поклонниками англійскаго трэдъ-юніонизма, третья — въ союзы соціалдемократическіе. Послѣдняя часть неизмѣримо больше всѣхъ остальныхъ, но этого главенства соціалдемократическая идеологія могла добиться, и это главенство она сможетъ сохранить только путемъ неуклонной борьбы со всѣми остальными идеологіями.

Но почему же, — спроситъ читатель, — стихійное движеніе, движеніе по линіи наименьшаго сопротивленія идетъ именно къ господству буржуазной идеологіи? По той простой причинѣ, что буржуазная идеологія по происхожденію своему гораздо старше, чѣмъ соціалистическая, что она болѣе всесторонне разработана, что она обладаетъ *неизмѣримо* большими средствами распространенія *). И чѣмъ моложе соціалистическое движеніе въ какой-либо странѣ, тѣмъ энергичнѣе должна быть поэтому борьба противъ всѣхъ попытокъ упрочить несоціалистическую идеологію, тѣмъ рѣшительнѣе надо предостерегать рабочихъ отъ тѣхъ плохихъ совѣтчиковъ, которые кричатъ противъ „преувеличенія сознательнаго элемента“ и т. п. Авторы экономическаго письма громятъ, въ унисонъ съ „Раб. Дѣломъ“, нетерпимость, свойственную младенческому періоду движенія. Мы отвѣтимъ на это: да, наше движеніе дѣйствительно находится въ младенческомъ состояніи, и для того, чтобы скорѣе возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношенію къ людямъ,

*) Часто говорятъ: рабочій классъ *стихійно* влечется къ соціализму. Это совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что соціалистическая теорія всѣхъ глубже и всѣхъ вѣрнѣе опредѣляетъ причины бѣдствій рабочаго класса, а потому рабочіе и усваиваютъ ее такъ легко, *если* только эта теорія сама не пасуетъ предъ стихійностью, *если* только она подчиняетъ себѣ стихійность. Обыкновенно это подразумѣвается само собою, но „*Раб. Дѣло*“ какъ разъ забываетъ и извращаетъ это подразумѣваемое. Рабочій классъ стихійно влечется къ соціализму, но наиболѣе распространенная (и постоянно воскрешаемая въ самыхъ разнообразныхъ формахъ) буржуазная идеологія тѣмъ не менѣе стихійно всего болѣе навязывается рабочему.

задерживающимъ его ростъ своимъ преклоненіемъ предъ стихійностью. Нѣтъ ничего смѣшнѣе и ничего вреднѣе, какъ корчить изъ себя стариковъ, давно уже пережившихъ всѣ рѣшительные эпизоды борьбы!

Въ третьихъ, первый номеръ „Раб. Мысли" показываетъ намъ, что названіе „экономизмъ" (отъ котораго мы не думаемъ, разумѣется, отказываться, ибо такъ или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передаетъ сущность новаго направленія. „Раб. Мысль" не отрицаетъ совершенно политической борьбы: въ томъ уставѣ кассы, который напечатанъ въ № 1 „Раб. Мысли", говорится о борьбѣ съ правительствомъ. „Рабочая Мысль" полагаетъ лишь, что „политика всегда послушно слѣдуетъ за экономикой" (а „Рабочее Дѣло" варіируетъ этотъ тезисъ, увѣряя въ своей программѣ, что „въ Россіи болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, экономическая борьба *неразрывна* съ политической"). Эти положенія „Рабочей Мысли" и „Рабочаго Дѣла" совершенно невѣрны, *если понимать подъ политикой социалдемократическую политику.* Очень часто экономическая борьба рабочихъ бываетъ связана (хотя и не неразрывно) съ политикой буржуазной, клерикальной и проч., какъ мы уже видѣли. Положенія „Р. Дѣла" вѣрны, если понимать подъ политикой политику трэдъ-юніонистскую, т.-е. общее стремленіе всѣхъ рабочихъ добиваться себѣ отъ государства тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ бѣдствій, свойственныхъ ихъ положенію, но еще не устраняющихъ этого положенія, т.-е. не уничтожающихъ подчиненія труда капиталу. Это стремленіе дѣйствительно обще и англійскимъ трэдъ-юніонистамъ, враждебно относящимся къ соціализму, и католическимъ рабочимъ, и „зубатовскимъ" рабочимъ, и проч. Есть политика и политика. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и по отношенію къ политической борьбѣ „Раб. Мысль" проявляетъ не столько отрицаніе ея, сколько преклоненіе предъ ея *стихійностью*, предъ ея безсознательностью. Вполнѣ признавая стихійно вырастающую изъ самого рабочаго движенія политическую борьбу (вѣрнѣе: политическія пожеланія и требованія рабочихъ), она совершенно отказывается отъ *самостоятельной выработки* специфической *соціалдемократической политики*, отвѣчающей общимъ задачамъ соціализма и современнымъ русскимъ условіямъ. Ниже мы покажемъ, что такова же ошибка и „Раб. Дѣла".

в) „Группа самоосвобожденія" и „Рабочее Дѣло".

Мы разобрали такъ подробно мало извѣстную и почти забытую въ настоящее время передовицу перваго номера „Раб. Мысли", потому что она всѣхъ раньше и всѣхъ рельефнѣе выразила ту общую струю, которая потомъ выплывала на свѣтъ божій безчисленными мелкими струйками. В. И—ъ былъ совершенно правъ, когда, расхваливая первый номеръ и передовицу „Раб. Мысли", сказалъ, что она написана „рѣзко, съ задоромъ" („Лист. Раб.", № 9—10, стр. 49). Всякій убѣжденный въ своемъ

мнѣнія человѣкъ, думающій, что онъ даетъ нѣчто новое, пишетъ „съ задоромъ“ и пишетъ такъ, что рельефно выражаетъ свои взгляды. Только у людей, привыкшихъ сидѣть между двухъ стульевъ, нѣтъ никакого „задора“, только такіе люди способны, похваливъ вчера задоръ „Раб. Мысли“, нападать сегодня за „полемическій задоръ“ на ея противниковъ.

Не останавливаясь на „Отдѣльномъ Приложеніи“ къ „Раб. Мысли“ (намъ придется ниже по различнымъ поводамъ ссылаться на это произведеніе, всего послѣдовательнѣе выражающее идеи экономистовъ), мы отмѣтимъ только вкратцѣ „воззваніе группы самоосвобожденія рабочихъ“ (мартъ 1899 г., перепечатано въ лондонскомъ „Наканунѣ“, № 7, іюнь 1899 г.). Авторы этого воззванія очень справедливо говорятъ, что „рабочая Россія *еще только просыпается*, только осматривается кругомъ и *инстинктивно хватается за первыя попавшіяся* средства борьбы“, но дѣлаютъ изъ этого тотъ же неправильный выводъ, какъ и „Р. Мысль“, забывая, что инстинктивность и есть безсознательность (стихійность), которой должны придти на помощь соціалисты, что „первыми попавшимися“ средствами борьбы всегда будутъ въ современномъ обществѣ трэдъ-юніонистскія средства борьбы, а „первой попавшейся“ идеологіей—буржуазная (трэдъ-юніонистская) идеологія. Точно такъ же не „отрицаютъ“ эти авторы и политики, а говорятъ только (только!), вслѣдъ за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому „политическая агитація должна быть надстройкой надъ агитаціей въ пользу борьбы экономической, должна выростать на почвѣ этой борьбы и идти за нею“.

Что касается до „Р. Дѣла“, то оно прямо начало свою дѣятельность съ „защиты“ экономистовъ. Сказавъ *прямую неправду* въ первомъ же своемъ номерѣ (№ 1, стр. 141—142), будто оно „не знаетъ, о какихъ молодыхъ товарищахъ говорилъ Аксельродъ“, предостерегавшій экономистовъ въ своей извѣстной брошюрѣ *), „Р. Дѣло“ въ разгорѣвшейся по поводу этой неправды полемикѣ съ Аксельродомъ и Плехановымъ должно было признать, что оно „въ формѣ недоумѣнія хотѣло *защищать* всѣхъ болѣе молодыхъ заграничныхъ соціалдемократовъ отъ этого несправедливаго обвиненія“ (обвиненія экономистовъ Аксельродомъ въ узости). На самомъ дѣлѣ, обвиненіе это было вполнѣ справедливо, и „Р. Дѣло“ прекрасно знало, что оно нападало между прочимъ и на члена его редакціи В. И—на. Замѣчу кстати, что въ указанной полемикѣ Аксельродъ былъ совершенно правъ и „Р. Дѣло“ совершенно не право въ толкованіи моей брошюры: „Задачи русскихъ соціалдемократовъ“. Эта брошюра писана въ 1879 г., еще до появленія „Раб. Мысли“, когда я считалъ и въ правѣ былъ считать господствующимъ *первоначальное* направленіе СПБ. Союза Борьбы, охарактеризованное мной выше. И по крайней мѣрѣ до половины 1898 года это направленіе дѣйствительно было господствующимъ. Поэтому ссылаться въ опроверженіе существованія

---

*) „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ“. Ж. 1898. Два письма въ „Рабочую Газету“, писанныя въ 1897 году.

и опасности экономизма на брошюру, излагавшую взгляды, которые были *вытѣснены* въ С.-Петербургѣ въ 1897—1898 г. „экономическими“ взглядами, „Р. Дѣло“ не имѣло ни малѣйшаго права.

Но „Р. Дѣло“ не только „защищало“ экономистовъ, а также и само сбивалось постоянно на ихъ основныя заблужденія. Источникъ этой сбивчивости лежалъ въ двусмысленномъ пониманіи слѣдующаго тезиса программы „Р. Дѣла“: „важнѣйшимъ явленіемъ русской жизни, которое главнымъ образомъ *будетъ опредѣлять задачи* (курс. нашъ) и характеръ литературной дѣятельности Союза, мы считаемъ возникшее за послѣдніе годы *массовое рабочее движеніе*“ (курс. „Р. Д.“). Что массовое движеніе есть явленіе важнѣйшее, объ этомъ не можетъ быть спора. Но весь вопросъ въ томъ, какъ понимать „опредѣленіе задачъ“ этимъ массовымъ движеніемъ. Понимать это можно двояко: *или* въ смыслѣ преклоненія предъ стихійностью этого движенія, т.-е. сведенія роли соціалдемократіи до простого прислужничества рабочему движенію какъ таковому (пониманіе „Раб. Мысли“, „группы самоосвобожденія“ и прочихъ экономистовъ); *или* же въ томъ смыслѣ, что массовое движеніе ставитъ передъ нами *новыя* теоретическія, политическія, организаціонныя задачи, гораздо болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, которыми можно было удовлетворяться въ періодъ до возникновенія массоваго движенія. „Раб. Дѣло“ склонялось и склоняется именно къ первому пониманію, потому что оно ни о какихъ новыхъ задачахъ ничего опредѣленнаго не говорило, а разсуждало все время именно такъ, какъ будто бы это „массовое движеніе“ *избавляетъ* насъ отъ необходимости ясно сознать и рѣшить выдвигаемыя имъ задачи. Достаточно сослаться на то, что „Р. Дѣло“ считало невозможнымъ ставить массовому рабочему движенію *первой* задачей—низверженіе самодержавія, принижая эту задачу (во имя массоваго движенія) до задачи борьбы за ближайшія политическія требованія („Отвѣтъ“, стр. 25).

Минуя статью редактора „Раб. Дѣла“, Б. Кричевскаго въ № 7 „Экономическая и политическая борьба въ русскомъ движеніи“, статью, повторяющую тѣ же самыя ошибки *), перейдемъ прямо къ № 10 „Р. Дѣла“. Мы не станемъ, конечно, входить въ разборъ отдѣльныхъ возраженій Б. Кричевскаго и Мартынова противъ „Зари“ и „Искры“. Насъ интересуетъ здѣсь только та принципіальная позиція, которую заняло въ № 10 „Рабочее Дѣло“. Мы не будемъ, напримѣръ, разбирать того курьеза, что „Р. Дѣло“ усмотрѣло „діаметральное противорѣчіе“ между положеніемъ:

„Соціалдемократія не связываетъ себѣ рукъ, не суживаетъ своей дѣятельности однимъ какимъ-нибудь заранѣе придуманнымъ планомъ или пріемомъ политической борьбы,—она признаетъ всѣ средства борьбы, лишь бы они соотвѣтствовали наличнымъ силамъ партіи“ и т. д. (№ 1 „Искры“).

---

*) „Теорія стадій“ или теорія „робкаго зигзага“ въ политической борьбѣ выражается, напримѣръ, въ этой статьѣ такъ: „Политическія требованія, по своему характеру общія для всей Россіи, должны однако на первыхъ порахъ“ (это писано въ августѣ 1900 г.!) „соотвѣтствовать опыту, извлеченному даннымъ слоемъ (sic!)

и положеніемъ:

„Если нѣтъ крѣпкой организаціи, искушенной въ политической борьбѣ при всякой обстановкѣ и во всякіе періоды, то не можетъ быть и рѣчи о томъ систематическомъ, освѣщенномъ твердыми принципами и неуклонно проводимомъ планѣ дѣятельности, который только и заслуживаетъ названія тактики“ (№ 4 „Искры“).

Смѣшать *принципіальное* признаніе всѣхъ средствъ борьбы, всѣхъ плановъ и пріемовъ, лишь бы они были цѣлесообразны, съ требованіемъ *въ данный политическій моментъ* руководиться неуклонно проводимымъ планомъ, если хочешь толковать о тактикѣ, это значило все равно что смѣшать признаніе медициной всякихъ системъ лѣченія съ требованіемъ держаться одной опредѣленной системы при лѣченіи данной болѣзни. Но въ томъ-то и дѣло, что „Раб. Дѣло“, само страдая болѣзнью, которую мы назвали преклоненіемъ предъ стихійностью, не хочетъ признать никакихъ „системъ лѣченія“ *этой* болѣзни. Оно сдѣлало поэтому замѣчательное открытіе, что „тактика-планъ противорѣчитъ основному духу марксизма“ (№ 10, стр. 18), что тактика есть *„процессъ роста партійныхъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей“* (стр. 11, курс. „Р. Д.“). Это послѣднее изреченіе имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться знаменитымъ изреченіемъ, неразрушимымъ памятникомъ „направленія“ „Раб. Дѣла“. На вопросъ: „*куда идти?*“ руководящій органъ даетъ отвѣтъ: движеніе есть процессъ измѣненія разстоянія между исходнымъ и послѣдующимъ пунктами движенія. Это несравненное глубокомысліе представляетъ собой однако не только курьезъ (тогда бы на немъ не стоило особенно останавливаться), но и *програму цѣлаго направленія*, именно: ту самую програму, которую Р. М. (въ „Отдѣльномъ Приложеніи къ „Раб. Мысли“) выразилъ словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идетъ въ данную минуту. Это какъ разъ направленіе безграничнаго оппортунизма, пассивно приспособляющагося къ стихійности.

„Тактика-планъ противорѣчитъ основному духу марксизма!“ Да это клевета на марксизмъ, превращеніе его въ ту самую кар-

---

рабочихъ изъ экономической борьбы. Только (!) на почвѣ этого опыта можно и должно приступать къ политической агитаціи“ и т. д. (стр. 11). На стр. 4 авторъ, возставая противъ совершенно неосновательныхъ, по его мнѣнію, обвиненій въ экономической ереси, патетически восклицаетъ: „Какой же соціалдемократъ не знаетъ, что по ученію Маркса и Энгельса экономическіе интересы отдѣльныхъ классовъ играютъ рѣшающую роль въ исторіи и, *слѣдовательно*, въ частности борьба пролетаріата за свои экономическіе интересы должна имѣть первостепенное значеніе для его классоваго развитія и освободительной борьбы?“ (курс. нашъ). Это „слѣдовательно“ совершенно неумѣстно. Изъ того, что экономическіе интересы играютъ рѣшающую роль, *отнюдь не слѣдуетъ* никакого вывода о первостепенномъ значеніи экономической (= профессіональной), борьбы, ибо самые существенные, „рѣшающіе интересы классовъ могутъ быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованіями вообще; въ частности, основной экономическій интересъ пролетаріата можетъ быть удовлетворенъ только посредствомъ политической революціи, замѣняющей диктатуру буржуазіи диктатурой пролетаріата. Б. Кричевскій повторяетъ разсужденіе „В. В. русской соціалдемократіи“ (— политика слѣдуетъ за экономикой и т. п.) и бернштейніанцевъ нѣмецкой (напр., Вольтманъ именно такимъ разсужденіемъ доказывалъ, что рабочіе должны сначала пріобрѣсти „экономическую силу“, прежде чѣмъ думать о политической революціи).

рикатуру, которую противопоставляли намъ въ войнѣ съ нами народники. Это именно приниженіе иниціативы и энергіи сознательныхъ дѣятелей, тогда какъ марксизмъ даетъ, напротивъ, гигантскій толчокъ иниціативѣ и энергіи соціалдемократа, открывая ему самыя широкія перспективы, отдавая (если можно такъ выразиться) въ его распоряженіе могучія силы милліоновъ и милліоновъ „стихійно“ поднимающагося на борьбу рабочаго класса! Вся исторія международной соціалдемократіи кишитъ планами, которые выдвигались то однимъ, то другимъ политическимъ вождемъ, оправдывая дальновидность и вѣрность политическихъ, организаціонныхъ взглядовъ одного, обнаруживая близорукость и политическія ошибки другого. Когда Германія испытала одинъ изъ величайшихъ историческихъ переломовъ—образованіе имперіи, открытіе рейхстага, дарованіе всеобщаго избирательнаго права,—одинъ планъ соціалдемократической политики и работы вообще былъ у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германскихъ соціалистовъ обрушился исключительный законъ,—одинъ планъ былъ у Моста и Гассельмана, готовыхъ просто звать къ насилію и террору; другой—у Хехберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповѣдывать соціалдемократамъ, что они своей неразумной рѣзкостью и революціонностью вызвали законъ и должны теперь заслужить примѣрнымъ поведеніемъ прощеніе; третій планъ—у тѣхъ, кто подготовлялъ и осуществлялъ изданіе нелегальнаго органа. Глядя назадъ много лѣтъ спустя послѣ того, какъ борьба изъ-за вопроса о выборѣ пути закончилась и исторія сказала свое послѣднее рѣшеніе о пригодности выбраннаго пути,—нетрудно, конечно, проявить глубокомысліе изреченіемъ о ростѣ партійныхъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей. Но въ моментъ смуты *), когда русскіе „критики“ и экономисты принижаютъ соціалдемократію до трэдъ-юніонизма, а террористы усиленно проповѣдуютъ принятіе „тактики-плана“, повторяющаго старыя ошибки, въ такой моментъ ограничиваться подобнымъ глубокомысліемъ значитъ выдавать себѣ „свидѣтельство о бѣдности“. Въ моментъ, когда многіе русскіе соціалдемократы страдаютъ именно недостаткомъ иниціативы и энергіи, недостаткомъ „размаха политической пропаганды, агитаціи и организаціи“ **), недостаткомъ „плановъ“ болѣе широкой постановки революціонной работы,—въ такой моментъ говорить: „тактика-планъ противорѣчитъ основному духу марксизма“, значитъ не только теоретически опошлять марксизмъ, но и практически *тащить партію назадъ*.

„Революціонеръ-соціалдемократъ имѣетъ задачей,—поучаетъ насъ далѣе „Р. Дѣло“,—своей сознательной работой только ускорить объективное развитіе, а не отмѣнять его или замѣнять его субъективными планами. „Искра“ въ теоріи все это знаетъ. Но огромное значеніе, справедливо при-

*) Ein Jahr der Verwirrung (годъ смуты)—такъ озаглавилъ Мерингъ тотъ параграфъ своей исторіи германской соціалдемократіи, въ которомъ онъ описываетъ колебанія и нерѣшительность, проявленныя сначала соціалистами при выборѣ „тактики-плана“, соотвѣтствующаго новымъ условіямъ.

**) Изъ передовой статьи № 1 „Искры“.

даваемое марксизмомъ сознательной революціонной работѣ, увлекаетъ ее на практикѣ, благодаря ея доктринерскому взгляду на тактику, къ *преуменьшенію значенія объективнаго или стихійнаго элемента развитія*" (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. съ братіею. Мы спросили бы нашего философа: въ чемъ можетъ выразиться „преуменьшеніе" объективнаго развитія со стороны составителя субъективныхъ плановъ? Очевидно въ томъ, что онъ упуститъ изъ виду, что это объективное развитіе создаетъ или укрѣпляетъ, губитъ или ослабляетъ такіе-то классы, слои, группы, такія-то націи, группы націй и т. п., обусловливая этимъ такую-то и такую-то международную и политическую группировку силъ, позицію революціонныхъ партій и проч. Но вина такого составителя будетъ состоять тогда не въ преуменьшеніи стихійнаго элемента, а въ преуменьшеніи, наоборотъ, *сознательнаго* элемента, ибо у него не хватитъ „сознательности" для правильнаго пониманія объективнаго развитія. Поэтому одинъ уже разговоръ объ „оцѣнкѣ *сравнительнаго* (курс. „Рабочаго Дѣла") значенія" стихійности и сознательности обнаруживаетъ полное отсутствіе „сознательности". Если извѣстные „стихійные элементы развитія" доступны вообще человѣческому сознанію, то неправильная оцѣнка ихъ будетъ равносильна „преуменьшенію сознательнаго элемента". А если они недоступны сознанію, то мы ихъ не знаемъ и говорить о нихъ не можемъ. О чемъ же толкуетъ Б. Кричевскій? Если онъ находитъ ошибочными „субъективные планы" „Искры" (а онъ ихъ именно объявляетъ ошибочными), то онъ долженъ былъ бы показать, какіе именно объективные факты игнорируются этими планами и обвинить Искру за это игнорированіе *въ недостаткѣ сознательности*, въ „преуменьшеніи сознательнаго элемента", выражаясь его языкомъ. Если же онъ, недовольный субъективными планами, не имѣетъ другихъ аргументовъ кромѣ ссылки на „преуменьшеніе стихійнаго элемента" (!!), то онъ доказываетъ этимъ лишь, что онъ (1) теоретически — понимаетъ марксизмъ à la Карѣевы и Михайловскіе, достаточно осмѣянные Бельтовымъ, (2) практически — вполнѣ доволенъ тѣми „стихійными элементами развитія", которые увлекали нашихъ легальныхъ марксистовъ въ бернштейніанство, а нашихъ социалдемократовъ въ экономизмъ, и что онъ „зѣло сердитъ" на людей, рѣшившихся во что бы то ни стало *совлечь* русскую социалдемократію съ пути „стихійнаго" развитія.

„Раб. Дѣло" обвиняетъ „Искру" и „Зарю" въ „противопоставленіи своей программы движенію какъ духа, витающаго надъ безформеннымъ хаосомъ" (стр. 29). Въ чемъ же состоитъ роль соціалдемократіи, какъ не въ томъ, чтобы быть „духомъ", не только витающимъ надъ стихійнымъ движеніемъ, но и *поднимающимъ* это послѣднее „*до своей программы*"? Не въ томъ же вѣдь, чтобы тащиться въ *хвостѣ* движенія: въ лучшемъ случаѣ это безполезно для движенія, въ худшемъ — очень и очень вредно. „Рабочее же Дѣло" не только слѣдуетъ этой „тактикѣ-процессу", но и возводитъ ее въ принципъ, такъ что и направленіе его вѣрнѣе было бы назвать не оппортунизмъ, а (отъ слова: хвостъ)

хвостизмомъ. И нельзя не признаться, что люди, твердо рѣшившіе всегда идти за движеніемъ въ качествѣ его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы отъ „преуменьшенія стихійнаго элемента развитія".

* * *

Итакъ, мы убѣдились, что основная ошибка „новаго направленія" въ русской соціалдемократіи состоитъ въ преклоненіи предъ стихійностью, въ непониманіи того, что стихійность массы требуетъ отъ насъ, соціалдемократовъ, массы сознательности. Чѣмъ больше стихійный подъемъ массъ, чѣмъ шире становится движеніе, тѣмъ еще несравненно быстрѣе возрастаетъ требованіе на массу сознательности и въ теоретической, и въ политической, и въ организаціанной работѣ соціалдемократіи.

Стихійный подъемъ массъ въ Россіи произошелъ (и продолжаетъ происходить) съ такой быстротой, что соціалдемократическая молодежь оказалась неподготовленной къ исполненію этихъ гигантскихъ задачъ. Эта неподготовленность—наша общая бѣда, бѣда *всѣхъ* русскихъ соціалдемократовъ. Подъемъ массъ шелъ и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь тамъ, гдѣ онъ начался, но и захватывая новыя мѣстности и новые слои населенія (подъ вліяніемъ рабочаго движенія оживилось броженіе учащейся молодежи, интеллигенціи вообще, даже и крестьянства). Революціонеры же *отставали* отъ этого подъема. и въ своихъ „теоріяхъ" и въ своей дѣятельности имъ не удавалось создать непрерывной и преемственной организаціи, способной *руководить* всѣмъ движеніемъ.

Въ первой главѣ мы констатировали принижепіе „Рабоч. Дѣломъ" нашихъ теоретическихъ задачъ и „стихійное" повтореніе имъ моднаго клича „свобода критики": у повторявшихъ не хватило „сознательности" понять діаметральную противоположность позицій „критиковъ"-оппортунистовъ и революціонеровъ въ Германіи и въ Россіи.

Въ слѣдующихъ главахъ мы разсмотримъ, какъ выражалось это преклоненіе предъ стихійностью въ области политическихъ задачъ и въ организаціонной работѣ соціалдемократіи.

III.

Трэдъ-юніонистская и соціалдемократическая политика.

Начнемъ опять-таки съ похвалы „Раб. Дѣлу“. „Обличительная литература и пролетарская борьба“ — такъ озаглавилъ Мартыновъ свою статью въ № 10 „Рабочаго Дѣла“ о разногласіяхъ съ „Искрой“. „Мы не можемъ ограничиться однимъ обличеніемъ порядковъ, стоящихъ на пути ея (рабочей партіи) развитія. Мы должны также откликаться на ближайшіе и текущіе интересы пролетаріата“ (стр. 63) — такъ формулировалъ онъ суть этихъ разногласій... „Искра“... фактически есть органъ революціонной оппозиціи, обличающій наши порядки и преимущественно политическіе порядки... Мы же работаемъ и будемъ работать для рабочаго дѣла въ тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой“ (тамъ же). Нельзя не быть благодарнымъ Мартынову за эту формулировку. Она пріобрѣтаетъ выдающійся общій интересъ, ибо охватываетъ, въ сущности, вовсе не одни только разногласія наши съ „Р. Дѣломъ“, но и всѣ вообще разногласія между нами и „экономистами“ по вопросу о политической борьбѣ. Мы показали уже, что „экономисты“ не отрицаютъ безусловно „политики“, а только сбиваются постоянно съ соціалдемократическаго на трэдъ-юніонистское пониманіе политики. Совершенно такъ же сбивается и Мартыновъ, и мы согласны поэтому взять его именно за *образецъ* экономическихъ заблужденій по данному вопросу. За такой выборъ — мы постараемся показать это — на насъ не въ правѣ будутъ претендовать ни авторы „Отдѣльнаго Приложенія къ „Раб. Мысли“, ни авторы прокламаціи „группы самоосвобожденія“, ни авторы экономическаго письма въ № 12 „Искры“.

а) Политическая агитація и ея суженіе экономистами.

Всѣмъ извѣстно, что широкое распространеніе и упроченіе экономической *) борьбы русскихъ рабочихъ шло рука объ руку съ созданіемъ „литературы“ экономическихъ (фабричныхъ и про-

*) Замѣтимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что въ дальнѣйшемъ изложеніи мы понимаемъ вездѣ подъ экономической борьбой (согласно установившемуся у насъ слово-употребленію) ту „практически-экономическую борьбу“, которую Энгельсъ назвалъ, въ приведенной выше цитатѣ, „сопротивленіемъ капиталистамъ“ и которая въ свободныхъ странахъ называется профессіональной, синдикальной или трэдъ-юніонистской борьбой.

фессіональныхъ) обличеній. Главнымъ содержаніемъ „листковъ“ были обличенія фабричныхъ порядковъ, и среди рабочихъ скоро вспыхнула настоящая страсть къ обличеніямъ. Какъ только рабочіе увидали, что кружки соціалдемократовъ хотятъ и могутъ доставлять имъ новаго рода листовки, говорящія всю правду о нищенской жизни, непомѣрно тяжеломъ трудѣ и безправномъ положеніи ихъ,—они стали, можно сказать, засыпать корреспонденціями съ фабрикъ и заводовъ. Эта „обличительная литература“ производила громадную сенсацію не только на той фабрикѣ, порядки которой бичевалъ данный листокъ, но и на всѣхъ фабрикахъ, гдѣ что-нибудь слышали о разоблаченныхъ фактахъ. А такъ какъ нужды и бѣдствія рабочихъ разныхъ заведеній и разныхъ профессій имѣютъ много общаго, то „правда про рабочую жизнь“ восхищала *всѣхъ*. Среди самыхъ отсталыхъ рабочихъ развилась настоящая страсть „печататься“ — благородная страсть къ этой зачаточной формѣ войны со всѣмъ современнымъ общественнымъ порядкомъ, построеннымъ на грабежѣ и угнетенія. И „листки“ въ громадномъ большинствѣ случаевъ были дѣйствительно объявленіемъ войны, потому что разоблаченіе оказывало страшно возбуждающее дѣйствіе, вызывало со стороны рабочихъ общее требованіе устранить самыя вопіющія безобразія и готовность поддержать эти требованія стачками. Сами фабриканты въ концѣ концовъ до такой степени должны были признать значеніе этихъ листковъ, какъ объявленія войны, что сплошь да рядомъ не хотѣли и дожидаться самой войны. Обличенія, какъ и всегда, сдѣлались сильны однимъ уже фактомъ своего появленія, пріобрѣли значеніе могучаго нравственнаго давленія. Случалось не разъ, что одного появленія листка оказывалось достаточно для удовлетворенія всѣхъ или части требованій. Однимъ словомъ, экономическія (фабричныя) обличенія были и теперь остаются важнымъ рычагомъ экономической борьбы. И это значеніе сохранится за ними, пока будетъ существовать капитализмъ, порождающій необходимо самозащиту рабочихъ. Въ самыхъ передовыхъ европейскихъ странахъ можно наблюдать и теперь, какъ обличеніе безобразій какого-нибудь захолустнаго „промысла“ или какой-нибудь всѣми забытой отрасли домашней работы служитъ исходнымъ пунктомъ къ пробужденію классоваго сознанія, къ началу профессіональной борьбы и распространенія соціализма *).

---

*) Въ настоящей главѣ мы говоримъ только о *политической* борьбѣ, о болѣе широкомъ или болѣе узкомъ ея пониманіи. Поэтому лишь мимоходомъ отмѣтимъ, просто какъ курьезъ, обвиненіе „Раб. Дѣломъ“ „Искры“ въ „излишнемъ воздержаніи“ по отношенію къ экономической борьбѣ („Два съѣзда“, стр. 27, разжевано Мартыновымъ въ его брошюрѣ: „Соціалдемократія и рабочій классъ“). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы въ пудахъ или печатныхъ листахъ (какъ они любятъ это дѣлать) отдѣлъ экономической борьбы въ „Искрѣ“ за годъ и сравнили съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ „Р. Дѣла“ и „Р. Мысли“, вмѣстѣ взятыхъ, то они легко увидѣли бы, что они отстаютъ даже и въ этомъ отношеніи. Очевидно, сознаніе этой простой истины заставляетъ ихъ прибѣгать къ доводамъ, ясно показывающимъ ихъ смущеніе. „Искры“— пишутъ они, — „волей-неволей (!) приходится (!) считаться съ властными запросами жизни и хотя бы (!!) помѣщать корреспонденціи о рабочемъ движеніи“ (Два съѣзда, стр. 27). Вотъ уже подлинно уничтожающій насъ аргументъ!

Преобладающее большинство русскихъ соціалдемократовъ послѣдняго времени было почти всецѣло поглощено этой работой по организаціи фабричныхъ обличеній. Достаточно вспомнить „Раб. Мысль“, чтобы видѣть, до какой степени доходило это поглощеніе, какъ при этомъ забывалось, что *сама по себѣ* это, въ сущности, еще не соціалдемократическая, а только трэдъ-юніонистская дѣятельность. Обличенія захватывали, въ сущности, только отношенія рабочихъ *данной профессіи* къ ихъ хозяевамъ и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднѣе продавать этотъ „товаръ“ и бороться съ покупателемъ на почвѣ чисто коммерческой сдѣлки. Эти обличенія могли сдѣлаться (при условіи извѣстнаго использованія ихъ организаціей революціонеровъ) началомъ и составной частью соціалдемократической дѣятельности, но могли также (а при условіи преклоненія предъ стихійностью должны были) вести къ „только профессіональной“ борьбѣ и къ не-соціалдемократическому рабочему движенію. Соціалдемократія руководитъ борьбой рабочаго класса не только за выгодныя условія продажи рабочей силы, а и за уничтоженіе того общественнаго строя, который заставляетъ неимущихъ продаваться богачамъ. Соціалдемократія представляетъ рабочій классъ не въ его отношеніи къ данной только группѣ предпринимателей, а въ его отношеніи ко всѣмъ классамъ современнаго общества, къ государству, какъ организованной политической силѣ. Понятно отсюда, что соціалдемократы не только не могутъ ограничиться экономической борьбой, но и не могутъ допустить, чтобы организація экономическихъ обличеній составляла ихъ преобладающую дѣятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитаніе рабочаго класса, за развитіе его политическаго сознанія. Съ этимъ *теперь*, послѣ перваго натиска на экономизмъ со стороны „Зари“ съ „Искрой“, „всѣ согласны“ (хотя нѣкоторые только на словахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ).

Спрашивается, въ чемъ же должно состоять политическое воспитаніе? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочаго класса самодержавію? Конечно, нѣтъ. Недостаточно *объяснять* политическое угнетеніе рабочихъ (какъ недостаточно было *объяснять* имъ противоположность ихъ интересовъ интересамъ хозяевъ). Необходимо агитировать по поводу каждаго конкретнаго проявленія этого угнетенія (какъ мы стали агитировать по поводу конкретныхъ проявленій экономическаго гнета). А такъ какъ *это* угнетеніе падаетъ на самые различные классы общества, такъ какъ оно проявляется въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни и дѣятельности, и профессіональной, и обще-гражданской, и личной, и семейной, и религіозной, и научной и проч., и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполнимъ своей задачи* развивать политическое сознаніе рабочихъ, если мы не *возьмемъ на себя* организацію *всесторонняго политическаго обличенія* самодержавія? Вѣдь для того, чтобы агитировать по поводу конкретныхъ проявленій гнета, надо обличить эти проявленія (какъ надо было обличать фабричныя злоупотребленія, чтобы вести экономическую агитацію)?

Казалось бы, это ясно? Но именно тутъ-то и оказывается, что съ необходимостью *всесторонне* развивать политическое сознаніе „всѣ" согласны только на словахъ. Тутъ-то и оказывается, что „Раб. Дѣло", напримѣръ, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почипъ организаціи) всестороннихъ политическихъ обличеній, но стало *тащить назадъ* и „Искру", которая взялась за эту задачу. Слушайте: „Политическая борьба рабочаго класса есть лишь" (именно не лишь) „наиболѣе развитая, широкая и дѣйствительная форма экономической борьбы" (программа „Раб. Дѣла", Р. Д., № 1, стр. 3). „Теперь передъ соціалдемократами стоитъ задача—какъ придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ" (Мартыновъ въ № 10, стр. 42). „Экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство для вовлеченія массы въ активную политическую борьбу" (резолюція съѣзда Союза и „поправки": „Два съѣзда", стр. 11 и 17). Всѣ эти положенія проникаютъ собой „Раб. Дѣло", какъ видитъ читатель, съ самаго его возникновенія и вплоть до послѣднихъ „инструкцій редакціи", и всѣ они выражаютъ, очевидно, одинъ взглядъ на политическую агитацію и борьбу. Присмотритесь же къ этому взгляду съ точки зрѣнія господствующаго у всѣхъ экономистовъ мнѣнія, что политическая агитація должна *слѣдовать* за экономической. Вѣрно ли это, что экономическая борьба есть вообще *) „наиболѣе широко примѣнимое средство" для вовлеченія массы въ политическую борьбу? Совершенно невѣрно. Нисколько не менѣе „широко примѣнимымъ" средствомъ такого „вовлеченія" являются *всѣ и всяческія* проявленія полицейскаго гнета и самодержавнаго безчинства, а отнюдь не такія только проявленія, которыя связаны съ экономической борьбой. Земскіе начальники и тѣлесное наказаніе крестьянъ, взяточничество чиновниковъ и обращеніе полиціи съ городскимъ „простонародьемъ", борьба съ голодающими и травля народнаго стремленія къ свѣту и знанію, выколачиваніе податей и преслѣдованіе сектантовъ, муштровка солдатъ и солдатское обращеніе со студентами и либеральной интеллигенціей,—почему всѣ эти и тысячи другихъ подобныхъ проявленій гнета, непосредственно не связанныхъ съ „экономической" борьбой, представляютъ собой вообще *менѣе* „широко примѣнимыя" средства и поводы политической агитаціи, вовлеченія массы въ политическую борьбу? Какъ разъ напротивъ: въ общей суммѣ тѣхъ жизненныхъ случаевъ, когда рабочій страдаетъ (за себя или за близкихъ ему людей) отъ безправія, произвола и насилія, лишь

*) Мы говоримъ: „вообще", ибо рѣчь идетъ въ „Раб. Дѣлѣ" именно объ общихъ принципахъ и общихъ задачахъ всей партіи. Несомнѣнно, что бываютъ случаи на практикѣ, когда политика дѣйствительно *должна* слѣдовать за экономикой, но объ этомъ говорить въ резолюціи, предназначенной для всей Россіи, могутъ только экономисты. Бываютъ вѣдь и такіе случаи, когда „съ самаго начала *можно* вести политическую агитацію „только на экономической почвѣ", и тѣмъ не менѣе „Рабоч. Дѣло" додумалось наконецъ до того, что въ этомъ „нѣтъ никакой необходимости" „Два съѣзда", стр. 11). Въ слѣдующей главѣ мы покажемъ, что тактика „политиковъ" и революціонеровъ не только не игнорируетъ трэдъ-юніонистскихъ задачъ соціалдемократіи, а напротивъ одна только и *обезпечиваетъ* послѣдовательное ихъ выполненіе.

небольшое меньшинство составляетъ, несомнѣнно, случаи полицейскаго гнета именно въ профессіональной борьбѣ. Къ чему же заранѣе *суживать* размахъ политической агитаціи, объявляя „наиболѣе широко примѣнимымъ" лишь *одно* изъ средствъ, наряду съ которыми для соціалдемократа должны стоять другія, вообще говоря, не менѣе „широко примѣнимыя"?

Союзъ придаетъ значеніе тому, что онъ замѣнилъ выраженіемъ „наиболѣе широко примѣнимое средство" выраженіе „лучшее средство", стоящее въ соотвѣтственной резолюціи 4-го съѣзда Еврейскаго Рабочаго Союза (Бунда). Мы, право, затруднились бы сказать, какая изъ этихъ резолюцій лучше: по нашему мнѣнію, *обѣ хуже*. И Союзъ, и Бундъ сбиваются тутъ (отчасти, можетъ быть, даже безсознательно, подъ вліяніемъ традиціи) на экономическое, трэдъ-юніонистское толкованіе политики. Дѣло нисколько, въ сущности, не мѣняется отъ того, производится ли это посредствомъ словечка: „лучшій" или посредствомъ словечка: „наиболѣе широко примѣнимый". Если бы Союзъ сказалъ, что „политическая агитація на экономической почвѣ" есть наиболѣе широко примѣняемое (а не „примѣнимое") средство, то онъ былъ бы правъ по отношенію къ извѣстному періоду въ развитіи нашего соціалдемократическаго движенія. Именно онъ былъ бы правъ по отношенію къ *экономистамъ*, по отношенію къ многимъ практикамъ (если не къ большинству ихъ) 1898—1901 годовъ, ибо эти практики-экономисты, дѣйствительно, политическую агитацію *примѣняли* (поскольку они вообще ее примѣняли!) *почти исключительно на экономической почвѣ. Такую* политическую агитацію признавали и даже рекомендовали, какъ мы видѣли, и „Раб. Мысль" и „группа самоосвобожденія"! „Раб. Дѣло" должно было *рѣшительно осудить* то, что полезное дѣло экономической агитаціи сопровождалось вреднымъ суженіемъ политической борьбы, а оно вмѣсто того объявляетъ наиболѣе широко примѣ*няемое (экономистами)* средство наиболѣе широко примѣ*нимымъ!*

Какой конкретный, реальный смыслъ имѣетъ въ устахъ Мартынова постановка соціалдемократіи задачи: „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ"? Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочихъ съ хозяевами за выгодныя условія *продажи рабочей силы*, за улучшеніе условій труда и жизни рабочихъ. Эта борьба по необходимости является борьбой профессіональной, потому что условія труда крайне разнообразны въ разныхъ профессіяхъ и, слѣдов., борьба за *улучшеніе* этихъ условій не можетъ не вестись по профессіямъ (профессіональными союзами на Западѣ, профессіональными временными соединеніями и листками въ Россіи и т. п.). Придать „самой экономической борьбѣ политическій характеръ" значитъ, слѣдовательно, добиваться осуществленія тѣхъ же профессіональныхъ требованій, того же профессіональнаго улучшенія условій труда посредствомъ „законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій" (какъ выражается Мартыновъ на слѣдующей, 43. страницѣ своей статьи). Это именно дѣлаютъ и всегда дѣлали

всѣ профессіональные рабочіе союзы. Загляните въ сочиненіе основательныхъ ученыхъ (и „основательныхъ“ оппортунистовъ) супруговъ Веббъ, и вы увидите, что англійскіе рабочіе союзы давнымъ давно уже сознали и осуществляютъ задачу „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ“, давнымъ-давно борются за свободу стачекъ, за устраненіе всѣхъ и всяческихъ юридическихъ препятствій кооперативному и профессіональному движенію, за изданіе законовъ въ защиту женщинъ и дѣтей, за улучшеніе условій труда посредствомъ санитарнаго и фабричнаго законодательства и пр.

Такимъ образомъ за пышной фразой: „придать *самой* экономической борьбѣ политическій характеръ“, которая звучитъ „ужасно“ глубокомысленно и революціонно, прячется, въ сущности, традиціонное стремленіе *принизить* соціалдемократическую политику до политики трэдъ-юніонистской! Подъ видомъ исправленія односторонности „Искры“, которая ставитъ—видите ли—„революціонизированіе догмы выше революціонизированія жизни“ *), намъ преподносятъ, какъ нѣчто новое, *борьбу за экономическія реформы*. Въ самомъ дѣлѣ, ровно ничего другого, кромѣ борьбы за экономическія реформы не содержится въ фразѣ: „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ“. И Мартыновъ самъ бы могъ додуматься до этого нехитраго вывода, если бы хорошенько вникъ въ значеніе своихъ собственныхъ словъ. „Наша партія,—говоритъ онъ, выдвигая свое самое тяжелое орудіе противъ „Искры“,—могла бы и должна была бы ставить правительству конкретныя требованія законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій противъ экономической эксплуатаціи, противъ безработицы, противъ голода и т. д.“ (стр. 42—43 въ № 10 „Р. Д.“). Конкретныя требованія мѣропріятій—развѣ это не есть требованіе соціальныхъ реформъ? И мы спрашиваемъ еще разъ безпристрастныхъ читателей, клевещемъ ли мы на рабочедѣленцевъ (да простятъ мнѣ это неуклюжее ходячее словечко!), называя ихъ скрытыми бернштейніанцами, когда они выдвигаютъ, какъ свое *разногласіе* съ „Искрой“, тезисъ о необходимости борьбы за экономическія реформы?

Революціонная соціалдемократія всегда включала и включаетъ въ свою дѣятельность борьбу за реформы. Но „экономической“ агитаціей она пользуется для предъявленія правительству не только требованія всякихъ мѣропріятій, а также (и прежде всего) требованія перестать быть самодержавнымъ правительствомъ. Кромѣ того, она считаетъ своей обязанностью предъявлять правительству это требованіе *не только* на почвѣ экономической борьбы, а и на почвѣ всѣхъ вообще проявленій общественно-политической жизни. Однимъ словомъ, она подчи-

*) „Р. Д.“, № 10, стр. 60. Это—Мартыновскій варіантъ того примѣненія къ современному, хаотическому состоянію нашего движенія тезиса: „каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ“, которое мы уже охарактеризовали выше. Въ сущности, это только переводъ на русскій языкъ пресловутой бернштейновской фразы: „движеніе—все, конечная цѣль—ничто“.

вляетъ борьбу за реформы, какъ часть цѣлому, революціонной борьбѣ за свободу и за соціализмъ. Мартыновъ же воскрешаетъ въ иной формѣ теорію стадій, стараясь предписать непремѣнно экономическій, такъ сказать, путь развитія политической борьбы. Выступая въ моментъ революціоннаго подъема съ особой якобы „задачей“ борьбы за реформы, онъ этимъ тащитъ партію назадъ и играетъ на руку и „экономическому“, и либеральному оппортунизму.

Далѣе. Стыдливо спрятавъ борьбу за реформы подъ напыщенный тезисъ: „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ“, Мартыновъ выставилъ, какъ нѣчто особое, *однѣ только экономическія* (и даже однѣ только фабричныя) *реформы*. Почему онъ это сдѣлалъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, по недосмотру? Но если бы онъ имѣлъ въ виду не только „фабричныя“ реформы, то тогда весь его тезисъ, только что нами приведенный, потерялъ бы всякій смыслъ. Можетъ быть, потому, что онъ считаетъ возможными и вѣроятными со стороны правительства „уступки“ только въ области экономической? *). Если да, то это странное заблужденіе: уступки возможны и бываютъ въ области законодательства о розгѣ, о паспортахъ, о выкупныхъ платежахъ, о сектантствѣ, о цензурѣ и проч., и проч. „Экономическія“ уступки (или лже-уступки) для правительства, разумѣется, всего дешевле и всего выгоднѣе, ибо оно надѣется внушить этимъ довѣріе рабочимъ массамъ къ себѣ. Но именно потому мы, соціалдемократы, и *не должны* никоимъ образомъ и абсолютно ничѣмъ давать мѣсто мнѣнію (или недоразумѣнію), будто для насъ дороже экономическія реформы, будто мы именно ихъ считаемъ особо важными и т. п. „Такія требованія, — говоритъ Мартыновъ о выдвинутыхъ имъ выше конкретныхъ требованіяхъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій, — не были бы пустымъ звукомъ, потому, что суля извѣстные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой“... Мы не экономисты, о нѣтъ! Мы только пресмыкаемся такъ же рабски предъ „осязательностью“ конкретныхъ результатовъ, какъ господа Бернштейны, Прокоповичи, Струве, Р. М. и tutti quanti! Мы только даемъ понять (вмѣстѣ съ Нарцисомъ Тупорыловымъ), что все, что, не „сулитъ осязательныхъ результатовъ“, есть „пустой звукъ“! Мы только выражаемся такъ, какъ будто рабочая масса неспособна (и не доказала уже вопреки тѣмъ, кто сваливаетъ на нее свое филистерство, свою способность) активно поддерживать *всякій* протестъ противъ самодержавія, даже *абсолютно никакихъ осязательныхъ результатовъ ей не сулящій!*

„Экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и съ правительствомъ („*экономическая* борьба съ правительствомъ“!!), кромѣ

---

*) Стр 43: „Конечно, если мы рекомендуемъ рабочимъ предъявлять извѣстныя экономическія требованія правительству, мы это дѣлаемъ потому, что въ области *экономической* самодержавное правительство по нуждѣ готово идти на извѣстныя уступки“.

своего непосредственнаго революціоннаго значенія, имѣетъ еще то значеніе, что она наталкиваетъ рабочихъ непрерывно на вопросъ объ ихъ политическомъ безправіи" (Мартыновъ, стр. 44). Мы выписали эту цитату не для того, чтобы повторять въ сотый и тысячный разъ сказанное уже выше, а для того, чтобы особо поблагодарить Мартынова за эту новую и превосходную формулировку: „Экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и съ правительствомъ". Какая прелесть! Съ какимъ неподражаемымъ талантомъ, съ какимъ мастерскимъ элиминированіемъ всѣхъ частныхъ разногласій и различій въ оттѣнкахъ между экономистами выражена здѣсь въ краткомъ и ясномъ положеніи *вся суть* экономизма, начиная съ призыва рабочихъ къ „политической борьбѣ, которую они ведутъ въ интересахъ общихъ, имѣя въ виду улучшеніе положенія всѣхъ рабочихъ" *), продолжая теоріей стадій и кончая резолюціей съѣзда о „наиболѣе широкой примѣнимости" и проч. „Экономическая борьба съ правительствомъ" есть именно трэдъ-юніонистская политика, отъ которой до соціалдемократической политики еще очень и очень далеко.

б) Повѣсть о томъ, какъ Мартыновъ углубилъ Плеханова.

„Съ тѣхъ поръ, какъ Плехановъ писалъ названную книжку (О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи), много воды утекло"— разсказываетъ Мартыновъ. „Соціалдемократы, которые руководили въ теченіе 10 лѣтъ экономической борьбой рабочаго класса,... не успѣли еще дать широкое теоретическое обоснованіе партійной тактики. Теперь этотъ вопросъ назрѣлъ, и если бы мы захотѣли дать такое теоретическое обоснованіе, мы несомнѣнно должны были бы значительно углубить тѣ принципы тактики, которые развивалъ нѣкогда Плехановъ... Мы должны были бы теперь опредѣлить разницу между пропагандой и агитаціей иначе, чѣмъ это сдѣлалъ Плехановъ" (Мартыновъ только-что привелъ слова Плеханова: „пропагандистъ даетъ много идей одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ, а агитаторъ даетъ только одну или только нѣсколько идей, за то онъ даетъ ихъ цѣлой массѣ лицъ"). „Подъ пропагандой мы понимали бы революціонное освѣщеніе всего настоящаго строя или частичныхъ его проявленій, безразлично,—дѣлается ли это въ формѣ доступной для единицъ или для широкой массы. Подъ агитаціей, въ строгомъ смыслѣ слова (sic!), мы понимали бы призывъ массы къ извѣстнымъ конкретнымъ дѣйствіямъ, способствованіе непосредственному революціонному вмѣшательству пролетаріата въ общественную жизнь".

Поздравляемъ русскую—да и международную—соціалдемократію съ новой, Мартыновской, терминологіей, болѣе строгой и болѣе глубокой. До сихъ поръ мы думали (вмѣстѣ съ Плехановымъ, да и со всѣми вожаками международнаго рабочаго движенія), что пропагандистъ, если онъ беретъ, напримѣръ, тотъ же вопросъ о безработицѣ, долженъ разъяснить капиталистическую природу кризисовъ, показать причину ихъ неизбѣжности въ современномъ обществѣ, обрисовать необходимость его преобразованія въ соціалистическое общество и т. д. Однимъ словомъ, онъ долженъ дать „много идей", настолько много, что сразу всѣ эти идеи, во всей ихъ совокупности, будутъ усвои-

*) „Раб. Мысль", „Отд. Прилож.", стр. 14.

ваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитаторъ же, говоря о томъ же вопросѣ, возьметъ самый извѣстный всѣмъ его слушателямъ и самый выдающійся примѣръ, — скажемъ, смерть отъ голоданія безработной семьи; усиленіе нищенства и т. п. — и направитъ всѣ свои усилія на то, чтобы, пользуясь этимъ, всѣмъ и каждому знакомымъ фактомъ, дать „массѣ" *одну идею*: идею о безсмысленности противорѣчія между ростомъ богатства и ростомъ нищеты, постарается *возбудить* въ массѣ недовольство и возмущеніе этой вопіющей несправедливостью, предоставляя полное объясненіе этого противорѣчія пропагандисту. Пропагандистъ дѣйствуетъ поэтому главнымъ образомъ *печатнымъ*, агитаторъ — *живымъ* словомъ. Отъ пропагандиста требуются не тѣ качества, что отъ агитатора. Каутскаго и Лафарга мы назовемъ, напримѣръ, пропагандистами, Бебеля и Гэда агитаторами. Выдѣлять же третью область или третью функцію практической дѣятельности, относя къ этой функціи „призывъ массы къ извѣстнымъ конкретнымъ дѣйствіямъ", есть величайшая несуразица, ибо „призывъ", какъ единичный фактъ, либо естественно и неизбѣжно дополняетъ собой и теоретическій трактатъ и пропагандистскую брошюру и агитаціонную рѣчь, либо составляетъ чисто исполнительную функцію. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите, напримѣръ, теперешнюю борьбу германскихъ соціалдемократовъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Теоретики пишутъ изслѣдованія о таможенной политикѣ, „призывая", скажемъ, бороться за торговые договоры и за свободу торговли; пропагандистъ дѣлаетъ то же въ журналѣ, агитаторъ — въ публичныхъ рѣчахъ. „Конкретныя дѣйствія" массы — въ данный моментъ представляютъ собой подпись петиціи рейхстагу о неповышеніи хлѣбныхъ пошлинъ. Призывъ къ этимъ дѣйствіямъ исходитъ посредственно отъ теоретиковъ, пропагандистовъ и агитаторовъ, непосредственно—отъ тѣхъ рабочихъ, которые разносятъ по фабрикамъ и по всяческимъ частнымъ квартирамъ подписные листы. По „Мартыновской терминологіи" выходитъ, что Каутскій и Бебель — оба пропагандисты, а разносчики подписныхъ листовъ — агитаторы, не такъ ли?

Примѣръ нѣмцевъ напомнилъ мнѣ нѣмецкое слово Verballhornung, по-русски буквально: обалгорниваніе. Иванъ Балгорнъ былъ лейпцигскій издатель въ 16 вѣкѣ; издалъ онъ букварь, причемъ помѣстилъ, по обычаю, и рисунокъ, изображающій пѣтуха; но только вмѣсто обычнаго изображенія пѣтуха со шпорами на ногахъ онъ изобразилъ пѣтуха безъ шпоръ, но съ парой яицъ около него. А на обложкѣ букваря добавилъ: „*исправленное* изданіе Ивана Балгорна". Вотъ съ тѣхъ поръ нѣмцы и говорятъ Verballhornung про такое „исправленіе", которое на дѣлѣ есть ухудшеніе. И невольно вспоминаешь про Балгорна, когда видишь, какъ Мартыновы „углубляютъ" Плеханова...

Къ чему „изобрѣлъ" Мартыновъ эту путаницу? Къ иллюстраціи того, что „Искра" „обращаетъ вниманіе только на одну сторону дѣла, такъ же, какъ Плехановъ это дѣлалъ еще полтора десятка лѣтъ тому назадъ" (39). „У „Искры", по крайней мѣрѣ

для настоящаго времени, задачи пропаганды отодвигаютъ на заднiй планъ задачи агитацiи“ (52). Если перевести это послѣднее положенiе съ Мартыновскаго языка на общечеловѣческiй языкъ (ибо человѣчество еще не успѣло принять вновь открытой терминологiи), то мы получимъ слѣдующее: у „Искры“ задачи политической пропаганды и политической агитацiи отодвигаютъ на заднiй планъ задачу „ставить правительству конкретныя требованiя законодательныхъ и административныхъ мѣропрiятiй“, „сулящiя извѣстные осязательные результаты“ (или требованiя соцiальныхъ реформъ, если позволительно еще хоть разочекъ употребить старую терминологiю стараго человѣчества, которое еще не доросло до Мартынова). Предлагаемъ читателю сравнить съ этимъ тезисомъ слѣдующую тираду:

„Поражаетъ насъ въ этихъ программахъ“ (программахъ революцiонныхъ соцiалдемократовъ) „и вѣчное выставленiе ими на первый планъ преимуществъ дѣятельности рабочихъ въ (несуществующемъ у насъ) парламентѣ при полномъ игнорированiи ими (благодаря ихъ революцiонному нигилизму) важности участiя рабочихъ въ существующихъ у насъ законодательныхъ собранiяхъ фабрикантовъ по фабричнымъ дѣламъ... или хотя бы участiя рабочихъ въ городскомъ самоуправленiи“...

Авторъ этой тирады выражаетъ немного прямѣе, яснѣе и откровеннѣе ту самую мысль, до которой дошелъ своимъ умомъ Мартыновъ. Авторъ же этотъ — Р. М. въ „Отдѣльномъ приложенiи“ къ „Раб. Мысли“ (стр. 15).

в) Политическiя обличенiя и „воспитанiе революцiонной активности“.

Выдвигая противъ „Искры“ свою „теорiю“ „повышенiя активности рабочей массы“, Мартыновъ на самомъ дѣлѣ обнаружилъ стремленiе *принизить* эту активность, ибо предпочтительнымъ, особо важнымъ, „наиболѣе широко примѣнимымъ“ средствомъ пробужденiя и поприщемъ этой активности онъ объявилъ ту же экономическую борьбу, предъ которой пресмыкались и всѣ экономисты. Поэтому и характерно это заблужденiе, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самомъ же дѣлѣ „повышенiе активности рабочей массы“ можетъ быть достигнуто *только* при томъ условiи, если мы *не будемъ ограничиваться* „политической агитацiей на экономической почвѣ“. А однимъ изъ основныхъ условiй необходимаго расширенiя политической агитацiи является организацiя *всесторонних*ъ политическихъ обличенiй. Иначе, какъ на этихъ обличенiяхъ, *не можетъ* воспитаться политическое сознанiе и революцiонная активность массъ. Поэтому дѣятельность такого рода составляетъ одну изъ важнѣйшихъ функцiй всей международной соцiалдемократiи, ибо и политическая свобода нисколько не устраняетъ, а только нѣсколько передвигаетъ сферу направленiя этихъ обличенiй. Напримѣръ, германская партiя особенно укрѣпляетъ свои позицiи и расширяетъ свое влiянiе именно благодаря неослабной энергiи ея политически-обличительной кампанiи. Сознанiе рабочаго класса не можетъ быть истинно-политическимъ сознанiемъ, если

рабочіе не пріучены откликаться на *всѣ* и *всяческіе* случаи произвола и угнетенія, насилія и злоупотребленія, *къ какимъ бы классамъ* ни относились эти случаи, и притомъ откликаться именно съ соціалдемократической, а не съ иной какой-либо точки зрѣнія. Сознаніе рабочихъ массъ не можетъ быть истинно-классовымъ сознаніемъ, если рабочіе на конкретныхъ и притомъ непремѣнно злободневныхъ (актуальныхъ) политическихъ фактахъ и событіяхъ не научатся наблюдать *каждый* изъ другихъ общественныхъ классовъ во *всѣхъ* проявленіяхъ умственной, нравственной и политической жизни этихъ классовъ,—не научатся примѣнять на практикѣ матеріалистическій анализъ и матеріалистическую оцѣнку *всѣхъ* сторонъ дѣятельности и жизни *всѣхъ* классовъ, слоевъ и группъ населенія. Кто обращаетъ вниманіе, наблюдательность и сознаніе рабочаго класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тотъ не соціалдемократъ, ибо самопознаніе рабочаго класса неразрывно связано съ полной отчетливостью не только теоретическихъ... вѣрнѣе даже сказать: не только теоретическихъ, сколько на опытѣ политической жизни выработанныхъ представленій о взаимоотношеніи *всѣхъ* классовъ современнаго общества. Вотъ почему такъ глубоко вредна и такъ глубоко реакціонна по своему практическому значенію проповѣдь нашихъ экономистовъ, что экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство вовлеченія массъ въ политическое движеніе. Чтобы стать соціалдемократомъ, рабочій долженъ ясно представлять себѣ экономическую природу и соціально-политическій обликъ помѣщика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать ихъ сильныя и слабыя стороны, умѣть разбираться въ тѣхъ ходячихъ фразахъ и всевозможныхъ софизмахъ, которыми *прикрываетъ* каждый классъ и каждый слой свои эгоистическія поползновенія и свое настоящее „нутро", умѣть разбираться въ томъ, какія учрежденія и законы отражаютъ и какъ именно отражаютъ тѣ или другіе интересы. А это „ясное представленіе" не почерпнешь ни изъ какой книжки: его могутъ дать только живыя картины и по горячимъ слѣдамъ составленныя обличенія того, что происходитъ въ данный моментъ вокругъ насъ, о чемъ говорятъ по своему или хотя бы перешептываются всѣ и каждый, что выражается въ такихъ-то событіяхъ, въ такихъ-то цифрахъ, въ такихъ-то судебныхъ приговорахъ и проч. и проч. и проч. Эти всестороннія политическія обличенія представляютъ собой необходимое и *основное* условіе воспитанія революціонной активности массъ.

Почему русскій рабочій мало еще проявляетъ свою революціонную активность по поводу звѣрскаго обращенія полиціи съ народомъ, по поводу травли сектантовъ, битья крестьянъ, по поводу безобразій цензуры, истязаній солдатъ, травли самыхъ невинныхъ культурныхъ начинаній и т. п.? Не потому ли, что его не „наталкиваетъ" на это „экономическая борьба", что ему мало „сулитъ" это „осязательныхъ результатовъ", мало даетъ „положительнаго"? Нѣтъ, подобное мнѣніе есть, повторяемъ, не

что иное, какъ попытка свалить съ больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейніанство то-жъ) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость отъ движенія массъ, что мы не сумѣли еще организовать достаточно широкихъ, яркихъ, быстрыхъ обличеній всѣхъ этихъ гнусностей. Сдѣлай мы это (а мы должны сдѣлать и можемъ сдѣлать это) — и самый сѣрый рабочій пойметъ *или почувствуетъ*, что надъ студентомъ и сектантомъ, мужикомъ и писателемъ ругается и безчинствуетъ та самая темная сила, которая такъ гнететъ и давитъ его на каждомъ шагу его жизни, а почувствовавъ это, онъ захочетъ, неудержимо захочетъ отозваться и самъ, онъ сумѣетъ тогда — сегодня устроить кошачій концертъ цензорамъ, завтра демонстрировать предъ домомъ усмирившаго крестьянскій бунтъ губернатора, послѣзавтра проучить тѣхъ жандармовъ въ рясѣ, что дѣлаютъ работу святой инквизиціи и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сдѣлали для того, чтобы *бросать* въ рабочія массы всестороннія и свѣжія обличенія. Многіе изъ насъ и не сознаютъ еще этой своей *обязанности*, а стихійно волочатся за „сѣрой текущей борьбой" въ узкихъ рамкахъ фабричнаго быта. При такомъ положеніи дѣлъ говорить: „Искра" имѣетъ тенденцію умалять значеніе поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы по сравненію съ пропагандой блестящихъ и законченныхъ идей" (Мартыновъ, стр. 61) — значитъ тащить партію назадъ, значитъ защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы къ дѣйствію, то это выйдетъ само собой, разъ только есть налицо энергичная политическая агитація, живыя и яркія обличенія. Поймать кого-либо на мѣстѣ преступленія и заклеймить передъ всѣми и повсюду тотчасъ же — это дѣйствуетъ само по себѣ лучше всякаго „призыва", это дѣйствуетъ зачастую такъ, что потомъ и нельзя будетъ опредѣлить, кто собственно „призывалъ" толпу и кто собственно выдвинулъ тотъ или иной планъ демонстраціи и т. п. Призвать — не въ общемъ, а въ конкретномъ смыслѣ слова — можно только на мѣстѣ дѣйствія, призвать можетъ только тотъ, кто самъ и сейчасъ идетъ. А наше дѣло, дѣло соціалдемократическихъ публицистовъ, углублять, расширять и усиливать политическія обличенія и политическую агитацію.

Кстати о „призывахъ". *Единственнымъ органомъ*, который *до* весеннихъ событій *призвалъ* рабочихъ активно вмѣшаться въ такой, не *сулящій* рѣшительно никакихъ *осязательныхъ результатовъ* рабочему, вопросъ, какъ отдача студентовъ въ солдаты, — *была „Искра"*. Тотчасъ же послѣ опубликованія распоряженія 11 января объ „отдачѣ 183 студентовъ въ солдаты" „Искра" помѣстила статью объ этомъ (№ 2, февраль) и, *до* какого бы то ни было начала демонстрацій, прямо *звала* „рабочаго идти на помощь студенту", звала „народъ" открыто отвѣтить правительству на его дерзкій вызовъ. Мы спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: какъ и чѣмъ объяснить то выдающееся обстоятельство, что говоря такъ много о „призывахъ", выдѣляя „призывы" даже въ особый

видъ дѣятельности, Мартыновъ ни словечкомъ не упомянулъ объ *этомъ* призывѣ?

Наши экономисты, въ томъ числѣ „Рабочее Дѣло", имѣли успѣхъ благодаря тому, что поддѣлывались подъ неразвитыхъ рабочихъ. Но рабочій - социалдемократъ, рабочій - революціонеръ (а число такихъ рабочихъ все ростетъ) отвергнетъ съ негодованіемъ всѣ эти разсужденія о борьбѣ за требованія, „сулящія осязательные результаты", и проч., ибо онъ пойметъ, что это только варіанты старой пѣсенки о копейкѣ на рубль. Такой рабочій скажетъ своимъ совѣтчикамъ изъ „Р. Мысли" и изъ „Раб. Дѣла": зря вы суетитесь, господа, вмѣшиваясь черезчуръ усердно въ то дѣло, съ которымъ мы и сами справляемся, и отлынивая отъ исполненія вашихъ настоящихъ обязанностей. Совсѣмъ вѣдь это неумно, когда вы говорите, что задача социалдемократовъ, придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ, это только начало, и не въ этомъ главная задача социалдемократовъ, ибо во всемъ мірѣ, и въ Россіи въ томъ числѣ, *полиція нерѣдко сама начинаетъ придавать* экономической борьбѣ политическій характеръ, рабочіе сами научаются понимать, за кого стоитъ правительство *). Вѣдь та „экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и правительствомъ", съ которой вы носитесь, точно съ открытой вами Америкой, ведется въ массѣ русскихъ захолустій самими рабочими, слышавшими о стачкахъ, но о социализмѣ почитай-что ничего и не слыхавшими. Вѣдь та „активность" насъ, рабочихъ, которую вы все хотите поддерживать, выставляя конкретныя требованія, сулящія осязательные результаты, въ насъ уже есть, и мы сами, въ нашей будничной, профессіональной, мелкой работѣ, выставляемъ эти конкретныя требованія зачастую безъ всякой помощи интеллигентовъ. Но намъ мало *такой* активности; мы не дѣти, которыхъ можно накормить кашицей одной „экономической" политики; мы хотимъ знать все то, что знаютъ и другіе, мы хотимъ подробно познакомиться со *всѣми* сторонами политической жизни и *активно* участвовать во всякомъ и каждомъ политическомъ событіи. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что мы и сами

---

*) Требованіе „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ" самымъ рельефнымъ образомъ выражаетъ *преклоненіе предъ стихійностью* въ области политической дѣятельности. Политическій характеръ экономическая борьба принимаетъ сплошь да рядомъ *стихійно* т.-е. безъ вмѣшательства „революціонной бациллы—интеллигенція", безъ вмѣшательства сознательныхъ социалдемократовъ. Политическій характеръ пріобрѣла, напримѣръ, и экономическая борьба рабочихъ въ Англіи безъ всякаго участія социалистовъ. Задача же социалдемократовъ не исчерпывается политической агитаціей на экономической почвѣ, задача ихъ *превратить* эту трэдъ-юніонистскую политику въ социалдемократическую политическую борьбу,—*воспользоваться* тѣми проблесками политическаго сознанія, которые заронила въ рабочихъ экономическая борьба, для того, чтобы *поднять* рабочихъ до *социалдемократическаго* политическаго сознанія. А Мартыновы, вмѣсто того, чтобы поднимать и толкать впередъ стихійно пробуждающееся политическое сознаніе, *падаютъ ницъ передъ стихійностью* и твердятъ, до тошноты часто твердятъ, что экономическая борьба „наталкиваетъ" рабочихъ на вопросъ объ ихъ политическомъ безправіи. Плохо то, господа, что васъ-то это стихійное пробужденіе трэдъ-юніонистскаго политическаго сознанія не „*наталкиваетъ*" на вопросъ о вашихъ социалдемократическихъ задачахъ!

знаемъ*), а побольше дали намъ того, чего мы еще не знаемъ, чего мы сами изъ своего фабричнаго и „экономическаго“ опыта и узнать никогда не можемъ, именно: политическаго знанія. Это знаніе можете пріобрѣсти себѣ вы, интеллигенты, и вы *обязаны* доставлять намъ его во сто и тысячу разъ больше, чѣмъ вы это дѣлали до сихъ поръ, и притомъ доставлять не въ видѣ только разсужденій, брошюръ и статей (которыя часто бываютъ — простите за откровенность! — скучноваты), а непремѣнно въ видѣ живыхъ *обличеній* того, что именно въ данное время дѣлаетъ наше правительство и наши командующіе классы во всѣхъ областяхъ жизни. Исполняйте-ка поусерднѣе эту свою обязанность и *поменьше толкуйте о „повышеніи активности рабочей массы“*. У насъ активности гораздо больше, чѣмъ вы думаете, и мы умѣемъ поддерживать открытой, уличной борьбой даже требованія, никакихъ „осязательныхъ результатовъ“ не сулящія! И не вамъ „повышать“ нашу активность, ибо *у васъ самихъ какъ разъ активности-то и не хватаетъ*. Поменьше преклоняйтесь предъ стихійностью и побольше думайте о повышеніи *своей* активности, господа!

г) Что общаго между экономизмомъ и терроризмомъ?

Выше, въ примѣчаніи, мы сопоставили экономиста и не социалдемократа-террориста, случайно оказавшихся солидарными. Но, вообще говоря, между тѣми и другими есть не случайная, а необходимая внутренняя связь, о которой намъ еще ниже придется говорить и коснуться которой необходимо именно по вопросу о воспитаніи революціонной активности. У экономистовъ и современныхъ террористовъ есть одинъ общій корень; это именно то *преклоненіе предъ стихійностью*, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ, какъ о явленіи общемъ, и которое мы разсматриваемъ теперь въ его вліяніи на область политической дѣятельности и политической борьбы. На первый взглядъ

*) Въ подтвержденіе того, что всю эту рѣчь рабочихъ къ экономистамъ мы не зря выдумали, сошлемся на двухъ свидѣтелей, несомнѣнно знакомыхъ съ рабочимъ движеніемъ непосредственно и всего менѣе склонныхъ быть пристрастными къ намъ „догматикамъ“, ибо одинъ свидѣтель—экономистъ (считающій даже „Рабочее Дѣло“ органомъ политическимъ!), другой—террористъ. Первый свидѣтель, авторъ замѣчательной по своей правдивости и живости статьи; Петербургское рабочее движеніе и практическія задачи социалдемократіи“ въ № 6 „Раб. Д.“ Онъ дѣлитъ рабочихъ на 1) сознательныхъ; 2) промежуточный слой и 3) остальную массу. И вотъ промежуточный слой „часто интересуется больше вопросами политической жизни, чѣмъ своими ближайшими экономическими интересами, связь которыхъ съ общими соціальными условіями давно понята“. . . „Раб. Мысль“ „рѣзко критикуютъ“; „все одно и то же, давно извѣстно, давно читали“, „въ политическомъ-то обозрѣніи опять ничего нѣтъ“ (стр. 30—31). Но даже и третій слой: „болѣе чуткая, болѣе молодая, менѣе развращенная кабакомъ и церковью рабочая масса, почти никогда не имѣя возможности достать книгу политическаго содержанія, толкуетъ вкривь и вкось явленія политической жизни, задумываясь надъ отрывочными свѣдѣніями о бунтѣ студентовъ“ и т. д. А террористъ пишетъ: . . . „Разъ-два прочтутъ о мелочахъ фабричной жизни въ разныхъ, не своихъ городахъ, а потомъ и перестанутъ. . . Скучно. . . Не говорить въ рабочей газетѣ о государствѣ . . . значитъ смотрѣть на рабочаго какъ на дитятко малое. . . Рабочій не дитятко“ („Свобода“, изд. революціонно-социалистической группы, стр. 69 и 70).

наше утвержденіе можетъ показаться парадоксомъ: до такой степени велика, повидимому, разница между людьми, подчеркивающими „сѣрую текущую борьбу", и людьми, зовущими къ наиболѣе самоотверженной борьбѣ отдѣльныхъ лицъ. Но это не парадоксъ. Экономисты и террористы преклоняются передъ разными полюсами стихійнаго теченія: экономисты — передъ стихійностью „чисто-рабочаго движенія", террористы — предъ стихійностью самаго горячаго возмущенія интеллигентовъ, не умѣющихъ или не имѣющихъ возможности связать революціонную работу въ одно цѣлое съ рабочимъ движеніемъ. Кто извѣрился или никогда не вѣрилъ въ эту возможность, тому дѣйствительно трудно найти иной выходъ своему возмущенному чувству и своей революціонной энергіи, кромѣ террора. Такимъ образомъ, преклоненіе предъ стихійностью въ обоихъ указанныхъ нами направленіяхъ есть не что иное, какъ *начало осуществленія* знаменитой программы — credo: рабочіе ведутъ себѣ свою „экономическую борьбу съ хозяевами и правительствомъ" (да проститъ намъ авторъ credo, что мы выражаемъ его мысли Мартыновскими словами? Мы находимъ, что въ правѣ дѣлать это, ибо и въ credo говорится о томъ, какъ рабочіе въ экономической борьбѣ „наталкиваются на политическій режимъ"), а интеллигенты ведутъ себѣ своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора! Это совершенно логичный и неизбѣжный *выводъ*, на которомъ нельзя не настаивать, *хотя бы тѣ*, кто начинаетъ осуществлять эту программу, *сами и не сознавали* его неизбѣжности. Политическая дѣятельность имѣетъ свою логику, не зависящую отъ сознанія тѣхъ, кто въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ взываетъ либо къ террору, либо къ приданію политическаго характера самой экономической борьбѣ. Благими намѣреніями вымощенъ адъ, и въ данномъ случаѣ благія намѣренія не спасаютъ еще отъ стихійнаго влеченія по „линіи наименьшаго сопротивленія", по линіи *чисто буржуазной* программы credo. Не случайно вѣдь также и то обстоятельство, что многіе русскіе либералы — и явные либералы и носящіе марксистскую маску — всей душой сочувствуютъ террору и стараются поддержать подъемъ террористическихъ настроеній въ данный моментъ.

И вотъ, когда возникла „революціонно-соціалистическая группа Свобода", поставившая себѣ задачей именно всестороннее содѣйствіе рабочему движенію, но съ включеніемъ *въ программу* террора и съ эмансипированіемъ, такъ сказать, себя отъ соціалдемократіи, — то этотъ фактъ далъ еще и еще подтвержденіе замѣчательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который *буквально предсказалъ* эти результаты соціалдемократическихъ шатаній *еще въ концѣ 1897 года* („Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ") и набросалъ свои знаменитыя „Двѣ перспективы". Всѣ послѣдующіе споры и разногласія между русскими соціалдемократами заключаются уже, какъ растеніе въ сѣмячкѣ, въ этихъ двухъ перспективахъ *).

---

*) Мартыновъ „представляетъ себѣ другую, болѣе реальную (?) дилемму" (Соц.

Съ указанной точки зрѣнія становится понятно и то, что „Раб. Дѣло“, не устоявшее противъ стихійности экономизма, не устояло также и противъ стихійности терроризма. Очень интересно здѣсь отмѣтить ту особенную аргументацію въ защиту террора, которую выдвинула „Свобода“. Устрашающую роль террора она „совершенно отрицаетъ“ („Возрожденіе революціонизма“, стр. 64), но зато выдвигаетъ его „экситативное (возбуждающее) значеніе“. Это характерно, во-первыхъ, какъ одна изъ стадій разложенія и упадка того традиціоннаго (до-соціалдемократическаго) круга идей, который заставлялъ держаться за терроръ. Признать, что правительство теперь „устрашить“—а слѣдовательно и дезорганизовать—терроромъ нельзя,—значитъ, въ сущности, совершенно осудить терроръ какъ систему борьбы, какъ программой освящаемую сферу дѣятельности. Во-вторыхъ, это еще болѣе характерно, какъ образецъ непониманія нашихъ насущныхъ задачъ въ дѣлѣ „воспитанія революціонной активности массъ“. „Свобода“ пропагандируетъ терроръ какъ средство „возбуждать“ рабочее движеніе, дать ему „сильный толчокъ“. Трудно себѣ представить аргументацію, которая бы болѣе наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, въ русской жизни мало такихъ безобразій, что нужно выдумывать особыя „возбуждающія“ средства? И, съ другой стороны, если кто не возбуждается и невозбудимъ даже русскимъ произволомъ, то не очевидно ли, что на единоборство правительства съ горсткой террористовъ онъ тоже будетъ смотрѣть „ковыряя въ носу“? Въ томъ-то и дѣло, что рабочія массы очень возбуждаются гнусностями русской жизни, но мы не умѣемъ собирать, если можно такъ выразиться, и концентрировать всѣ тѣ капли и струйки народнаго возбужденія, которыя высачиваются русской жизнью въ количествѣ неизмѣримо большемъ, чѣмъ всѣ мы себѣ представляемъ и думаемъ, но которыя надо именно соединить въ *одинъ* гигантскій потокъ. Что это осуществимая задача, это неопровержимо доказываетъ громадный ростъ рабочаго движенія и отмѣченная уже выше жадность рабочихъ къ политической литературѣ. Призывы же къ террору, равно какъ и призывы къ тому, чтобы придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ, представляютъ собой разныя формы *отлынивація* отъ самой настоятельной обязанности русскихъ революціонеровъ: организовать

дем. и р. классъ“, 19): „Либо соціалдемократія беретъ на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетаріата и этимъ (!) превращаетъ ее въ революціонную классовую борьбу“... „Этимъ“, т.-е. очевидно, непосредственнымъ руководствомъ экономической борьбой. Пусть укажетъ намъ Мартыновъ, гдѣ это видано, чтобы *однимъ только* руководствомъ профессіональной борьбой удавалось превратить трэдъ-юніонистское движеніе въ революціонное классовое? Не сообразитъ ли онъ, что для этого „превращенія“ мы должны активно взяться за „непосредственное руководство“ *всесторонней* политической агитаціей?... „Либо другая перспектива: соціалдемократія устраняется отъ руководства экономической борьбой рабочихъ и тѣмъ... подсѣкаетъ себѣ крылья“... „Устраняется“, по приведенному выше мнѣнію „Раб. Дѣла“, „Искра“. Но мы видѣли, что она дѣлаетъ для руководства экономической борьбой *гораздо больше, чѣмъ „Раб. Дѣло“*, причемъ она не ограничивается этимъ и *не суживаетъ* во имя этого своихъ политическихъ задачъ.

веденіе всесторонней политической агитаціи. „Свобода“ хочетъ *замѣнить* агитацію терроромъ, признаваясь прямо, что „разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ, его экситативная (возбуждающая) роль сыграна“ (стр. 68 „Возр. рев.“). Это какъ разъ и показываетъ, что и террористы, и экономисты *не дооцѣниваютъ* революціонную активность массъ, вопреки явному свидѣтельству весеннихъ событій *), причемъ одни бросаются искать искусственныхъ „возбудителей“, другіе говорятъ о „конкретныхъ требованіяхъ“. И тѣ и другіе недостаточно обращаютъ вниманіе на развитіе *своей собственной активности* въ дѣлѣ политической агитаціи и организаціи политическихъ обличеній. А *замѣнить* этого дѣла невозможно ничѣмъ другимъ ни теперь, ни когда бы то ни было въ иное время.

д) Рабочій классъ какъ передовой борецъ за демократію.

Мы видѣли, что веденіе самой широкой политической агитаціи, а слѣдовательно, и организація всестороннихъ политическихъ обличеній есть безусловно необходимая и *настоятельнѣе всего* необходимая задача дѣятельности, если эта дѣятельность истинно-соціалдемократическая. Но мы сдѣлали этотъ выводъ, исходя *только* изъ самой насущной потребности рабочаго класса въ политическомъ знаніи и политическомъ воспитаніи. Между тѣмъ только такая постановка вопроса была бы слишкомъ узка, игнорировала бы обще-демократическія задачи всякой соціалдемократіи вообще и современной русской соціалдемократіи въ особенности. Чтобы возможно конкретнѣе пояснить это положеніе, попробуемъ подойти къ дѣлу съ самой „близкой“ для экономиста, именно съ практической стороны. „Всѣ согласны“, что необходимо развивать политическое сознаніе рабочаго класса. Спрашивается, *какъ* это сдѣлать и что надо для того, чтобы это сдѣлать? Экономическая борьба „наталкиваетъ“ рабочихъ только на вопросы объ отношеніи правительства къ рабочему классу и поэтому, *сколько бы мы ни трудились* надъ задачей „придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ“, мы *никогда не сможемъ* развить политическое сознаніе рабочихъ (до ступени соціалдемократическаго политическаго сознанія) въ рамкахъ этой задачи, ибо *самыя эти рамки узки*. Мартыновская формула цѣнна для насъ вовсе не потому, что она иллюстрируетъ способность Мартынова путать, а потому, что она рельефно выражаетъ основную ошибку всѣхъ экономистовъ, именно убѣжденіе, что можно развить классовое политическое сознаніе рабочихъ *извнутри*, такъ сказать, ихъ экономической борьбы, т.-е. исходя только (или хотя бы главнымъ образомъ) изъ этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главнымъ образомъ) на этой борьбѣ. Такой взглядъ въ корнѣ ошибоченъ, и именно потому,

*) Рѣчь идетъ о веснѣ *1901* года, когда начались крупныя уличныя демонстраціи (Прим. къ настоящ. изд.).

что экономисты, сердясь на насъ за полемику противъ нихъ, не хотятъ подумать хорошенько объ источникѣ разногласій, и получается такая вещь, что мы буквально не понимаемъ другъ друга, говоримъ на разныхъ языкахъ.

Классовое политическое сознаніе можетъ быть принесено рабочему *только извнѣ*, то-есть извнѣ экономической борьбы, извнѣ сферы отношеній рабочихъ къ хозяевамъ. Область, изъ которой только и можно почерпнуть это знаніе, есть область отношеній *всѣхъ* классовъ и слоевъ къ государству и правительству, область взаимоотношеній между *всѣми* классами. Поэтому на вопросъ: что дѣлать, чтобы принести рабочимъ политическое знаніе, нельзя давать одинъ только тотъ отвѣтъ, которымъ въ большинствѣ случаевъ довольствуются практики, не говоря уже о практикахъ, склонныхъ къ экономизму, именно отвѣтъ: „идти къ рабочимъ". Чтобы принести *рабочимъ* политическое знаніе, соціалдемократы должны *идти во всѣ классы населенія*, должны разсылать *во всѣ стороны* отряды своей арміи.

Мы нарочно выбираемъ такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно рѣзко—вовсе не изъ желанія говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько „натолкнуть" экономистовъ на тѣ задачи, которыми они непростительно пренебрегаютъ, на то различіе между трэдъ-юніонистской и соціалдемократической политикой, котораго они не хотятъ понять. И потому мы просимъ читателя не горячиться, а внимательно дослушать насъ до конца.

Возьмите наиболѣе распространенный въ послѣдніе годы типъ кружка соціалдемократовъ и присмотритесь къ его работѣ. Онъ имѣетъ „связи съ рабочими" и удовлетворяется этимъ, издавая листки, въ которыхъ бичуются фабричныя злоупотребленія, пристрастное къ капиталистамъ поведеніе правительства и полицейскія насилія; на собраніяхъ съ рабочими бесѣда не выходитъ обыкновенно или почти не выходитъ за предѣлы тѣхъ же темъ; рефераты и бесѣды по исторіи революціоннаго движенія, по вопросамъ внутренней и внѣшней политики нашего правительства, по вопросамъ экономической эволюціи Россіи и Европы и положенія въ современномъ обществѣ тѣхъ или иныхъ классовъ и т. п. представляютъ собой величайшую рѣдкость, о систематическомъ пріобрѣтеніи и расширеніи связей въ другихъ классахъ общества никто и не помышляетъ. Въ сущности, идеаломъ дѣятеля рисуется въ большинствѣ случаевъ для членовъ такого кружка нѣчто гораздо болѣе похожее на секретаря трэдъ-юніона, чѣмъ на соціалиста—политическаго вождя. Ибо секретарь любого, напримѣръ, англійскаго трэдъ-юніона всегда помогаетъ рабочимъ вести экономическую борьбу, организуетъ фабричныя обличенія, разъясняетъ несправедливость законовъ и мѣропріятій, стѣсняющихъ свободу стачекъ, свободу выставленія сторожевыхъ постовъ (для предупрежденія всѣхъ и каждаго, что на данномъ заводѣ стачка), разъясняетъ пристрастность третейскаго судьи, принадлежащаго къ буржуазнымъ классамъ народа и пр. и пр. Однимъ словомъ всякій секретарь трэдъ-юніона ве-

детъ и помогаетъ вести „экономическую борьбу съ хозяевами и съ правительствомъ“. И нельзя достаточно настаивать на томъ, что *это еще не* соціалдемократизмъ, что идеаломъ соціалдемократа долженъ быть не секретарь трэдъ-юніона, а *народный трибунъ*, умѣющій откликаться на всѣ и всякія проявленія произвола и гнета, гдѣ бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умѣющій обобщать всѣ эти проявленія въ одну картину полицейскаго насилія и капиталистической эксплуатаціи, умѣющій пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *предъ всѣми* свои соціалистическія убѣжденія и свои демократическія требованія, чтобы разъяснять *всѣмъ* и каждому всемірно-историческое значеніе освободительной борьбы пролетаріата. Сравните, напримѣръ, такихъ дѣятелей, какъ Робертъ Найтъ (извѣстный секретарь и вождь общества котельщиковъ, одного изъ самыхъ могущественныхъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ) и Вильгельмъ Либкнехтъ, и попробуйте примѣнить къ нимъ тѣ противоположенія, въ которыя укладываетъ Мартыновъ свои разногласія съ „Искрой“. Вы увидите,—я начинаю перелистывать статью Мартынова,—что Р. Найтъ гораздо больше „призывалъ массы къ извѣстнымъ конкретнымъ дѣйствіямъ“ (39), а В. Либкнехтъ больше занимался „революціоннымъ освѣщеніемъ всего настоящаго строя или частичныхъ его проявленій“ (38—39); что Р. Найтъ „формулировалъ ближайшія требованія пролетаріата и указывалъ па средства къ ихъ осуществленію“ (41), а В. Либкнехтъ, дѣлая и это, не отказывался также „одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ“, „диктовать для нихъ положительную программу дѣйствій“ *) (41); что Р. Найтъ старался именно „придать по возможности самой экономической борьбѣ политическій характеръ“ (42) и прекрасно умѣлъ „ставить правительству конкретныя требованія, сулящія извѣстные осязательные результаты“ (43), тогда какъ В. Либкнехтъ гораздо болѣе занимался „односторонними“ „обличеніями“ (40); что Р. Найтъ больше придавалъ значенія „поступательному ходу сѣрой текущей борьбы“ (61), а В. Либкнехтъ „пропагандѣ блестящихъ и законченныхъ идей“ (61); что В. Либкнехтъ создавалъ изъ руководимой имъ газеты именно „органъ революціонной оппозиціи, обличающій наши порядки, и преимущественно политическіе порядки, поскольку они сталкиваются съ интересами самыхъ различныхъ слоевъ населенія“ (63), тогда какъ Р. Найтъ „работалъ для рабочаго дѣла въ тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой“ (63)—если понимать „тѣсную и органическую связь“ въ смыслѣ того преклоненія предъ стихійностью, которое мы изучали выше на примѣрахъ Кричевскаго и Мартынова—и „суживалъ сферу своего воздѣйствія“, увѣренный, конечно, какъ и Мартыновъ, въ томъ, что онъ „тѣмъ самымъ осложнялъ самое воздѣйствіе“ (63). Однимъ словомъ, вы увидите,

*) Напримѣръ, во время франко-русской войны Либкнехтъ диктовалъ программу дѣйствій *всей демократіи*, и еще больше это дѣлали Марксъ съ Энгельсомъ въ 1848 году.

что de facto Мартыновъ принижаетъ соціалдемократію до трэдъ-юніонизма, хотя дѣлаетъ онъ это, разумѣется, отнюдь не потому, чтобы онъ не желалъ добра соціалдемократіи, а просто потому, что онъ немножечко поспѣшилъ углублять Плеханова вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ понять Плеханова.

Но вернемся къ нашему изложенію. Мы сказали, что соціалдемократъ, если онъ не на словахъ только стоитъ за необходимость всесторонняго развитія политическаго сознанія пролетаріата, долженъ „идти во всѣ классы населенія". Являются вопросы: какъ это сдѣлать? есть ли у насъ силы для этого? есть ли почва для такой работы во всѣхъ другихъ классахъ? не будетъ ли это означать отступленіе или вести къ отступленію отъ классовой точки зрѣнія? Остановимся на этихъ вопросахъ.

„Идти во всѣ классы населенія" мы должны и въ качествѣ теоретиковъ, и въ качествѣ пропагандистовъ, и въ качествѣ агитаторовъ, и въ качествѣ организаторовъ. Что теоретическая работа соціалдемократовъ должна направляться на изученіе всѣхъ особенностей соціальнаго и политическаго положенія отдѣльныхъ классовъ, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но дѣлается въ этомъ отношеніи очень и очень мало, непропорціональнаго мало сравнительно съ работой, направленной на изученіе особенностей фабричнаго быта. Въ комитетахъ и кружкахъ вы встрѣтите людей, углубляющихся даже въ спеціальное ознакомленіе съ какимъ-нибудь желѣзодѣлательнымъ производствомъ, но почти не найдете примѣровъ, чтобы члены организацій (вынужденные, какъ это часто бываетъ, отойти по тѣмъ или инымъ причинамъ отъ практической работы) спеціально занимались собираніемъ матеріаловъ по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической жизни, могущему дать поводъ для соціалдемократической работы въ другихъ слояхъ населенія. Говоря о малой подготовленности большинства современныхъ руководителей рабочаго движенія, нельзя не упомянуть и о подготовкѣ въ этомъ отношеніи, ибо это тоже связано съ „экономическимъ" пониманіемъ „тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой". Но главное, разумѣется,—*пропаганда* и *агитація* во всѣхъ слояхъ народа. Западно-европейскому соціалдемократу облегчаютъ эту задачу народныя собранія и сходки, на которыя приходитъ *всякій* желающій; облегчаетъ парламентъ, въ которомъ онъ говоритъ предъ депутатами отъ *всѣхъ* классовъ. У насъ нѣтъ ни парламента, ни свободы сходокъ, но мы умѣемъ тѣмъ не менѣе устраивать собранія съ рабочими, которые хотятъ слушать *соціалдемократа*. Мы должны также умѣть устраивать собранія съ представителями всѣхъ и всяческихъ классовъ населенія, какіе только хотятъ слушать *демократа*. Ибо тотъ не соціалдемократъ, кто забываетъ на дѣлѣ, что „коммунисты поддерживаютъ всякое революціонное движеніе", что мы обязаны поэтому *предъ всѣмъ народомъ* излагать и подчеркивать *обще-демократическія задачи*, не скрывая ни на минуту своихъ соціалистическихъ убѣжденій. Тотъ не соціалдемократъ, кто забываетъ на дѣлѣ о своей обязанности быть *впереди всѣхъ* въ по-

становкѣ, обостреніи и разрѣшеніи *всякаго* обще-демократическаго вопроса.

„Съ этимъ рѣшительно всѣ согласны!"—перебиваетъ насъ нетерпѣливый читатель,—и новая инструкція для редакціи „Раб. Дѣла", принятая на послѣднемъ союзномъ съѣздѣ, прямо говоритъ: „Поводами къ политической пропагандѣ и агитаціи должны служить всѣ явленія и событія общественной и политической жизни, которыя затрагиваютъ пролетаріатъ либо непосредственно какъ особый классъ, либо какъ *авангардъ всѣхъ революціонныхъ силъ въ борьбѣ за свободу*" („Два съѣзда", стр. 17, курсивъ нашъ). Да, это очень вѣрныя и очень хорошія слова, и мы были бы вполнѣ довольны, если „Р. Дѣло" *понимало* ихъ, *если бы оно не говорило наряду съ этими словами того, что идетъ въ разрѣзъ съ ними.*

Вдумайтесь, въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующее разсужденіе Мартынова. Онъ говоритъ на стр. 42, что обличительная тактика „Искры" односторонняя, что сколько бы мы ни сѣяли недовѣрія и ненависти къ правительству, мы цѣли не достигнемъ, покуда намъ не удастся развить достаточную активную общественную энергію для его низверженія". Это, въ скобкахъ сказать, знакомая уже намъ забота о повышеніи активности массы при стремленіи принизить свою активность. Но дѣло теперь не въ этомъ. Мартыновъ говоритъ здѣсь, слѣдовательно, о *революціонной* энергіи („для низверженія"). И къ какому же онъ приходитъ выводу? Такъ какъ въ обычное время разные общественные слои неизбѣжно идутъ вразбродъ, то „въ виду этого ясно, что мы, соціалдемократы, не можемъ одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ, не можемъ для нихъ диктовать положительную программу дѣйствій, не можемъ имъ указывать, какими способами слѣдуетъ изо дня въ день бороться за свои интересы... Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбѣ за свои ближайшіе интересы, которая ихъ столкнетъ лицомъ къ лицу съ нашимъ политическимъ режимомъ" (41). Такимъ образомъ, начавъ говорить о революціонной энергіи, объ активной борьбѣ за низверженіе абсолютизма, Мартыновъ сейчасъ же сбился на профессіональную энергію, на активную борьбу за ближайшіе интересы! Понятно само собой, что мы не можемъ руководить борьбой студентовъ, либераловъ и проч. за ихъ „ближайшіе интересы", но вѣдь не объ этомъ же была рѣчь, почтеннѣйшій экономистъ! Рѣчь шла о возможномъ и необходимомъ участіи разныхъ общественныхъ слоевъ въ низверженіи абсолютизма, а *этой* „активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ" мы не только *можемъ*, но и непремѣнно должны руководить, если мы хотимъ быть „авангардомъ". О томъ, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. „сталкивались лицомъ къ лицу съ нашимъ политическимъ режимомъ" позаботятся не только они сами,—объ этомъ прежде всего и больше всего позаботится сама полиція и сами чиновники самодержавнаго правительства. Но „мы", если мы хотимъ быть передовыми демократами, должны позаботиться о томъ, чтобы *наталкивать*

людей, недовольныхъ собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политическаго порядка. *Мы* должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу подъ руководствомъ *нашей* партіи, чтобы посильную помощь этой борьбѣ и этой партіи могли оказывать и дѣйствительно стали оказывать всѣ и всякіе оппозиціонные слои. *Мы* должны вырабатывать изъ практиковъ-соціалдемократовъ такихъ политическихъ вождей, которые бы умѣли руководить всѣми проявленіями этой всесторонней борьбы, умѣли въ нужную минуту „продиктовать положительную программу дѣйствій" и волнующимся студентамъ, и недовольнымъ земцамъ, и возмущеннымъ сектантамъ, и обиженнымъ народнымъ учителямъ, и проч. и проч. Поэтому *совершенно невѣрно* утвержденіе Мартынова, что „по отношенію къ нимъ мы можемъ выступать *лишь въ отрицательной* роли обличителя порядковъ . . . Мы можемъ *только* разсѣивать ихъ надежды на разныя правительственныя комиссіи" (курсивъ нашъ). Говоря это, Мартыновъ показываетъ тѣмъ самымъ, что онъ *ровнехонько ничего не понимаетъ* въ вопросѣ о дѣйствительной роли революціоннаго „авангарда". И если читатель приметъ это во вниманіе, то ему станетъ понятенъ *истинный смыслъ* слѣдующихъ заключительныхъ словъ Мартынова: „Искра" есть органъ революціонной оппозиціи, обличающій наши порядки и преимущественно политическіе порядки, поскольку они сталкиваются съ интересами самыхъ различныхъ слоевъ населенія. Мы же работаемъ и будемъ работать для рабочаго дѣла въ тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздѣйствія, мы тѣмъ самымъ осложняемъ самое воздѣйствіе" (63). Истинный смыслъ этого вывода такой: „Искра" хочетъ *поднимать* трэдъюніонистскую политику рабочаго класса (которой по недоразумѣнію, неподготовленности или по убѣжденію ограничиваются у насъ такъ часто практики) до соціалдемократической политики. А „Раб. Дѣло" хочетъ *принижать* соціалдемократическую политику до трэдъ-юніонистской. И при этомъ еще оно увѣряетъ всѣхъ и каждаго, что это „вполнѣ совмѣстимыя позиціи въ общемъ дѣлѣ" (63). O sancta simplicitas!

Пойдемъ дальше. Есть ли у насъ силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацію во *всѣ* классы населенія? Конечно, да. Наши экономисты, склонные нерѣдко отрицать это, упускаютъ изъ виду тотъ гигантскій шагъ впередъ, который сдѣлало наше движеніе съ 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные „хвостисты", они живутъ зачастую въ представленіяхъ давно миновавшаго періода начала движенія. Тогда у насъ дѣйствительно было поразительно мало силъ, тогда была естественна и законна рѣшимость всецѣло уйти въ работу среди рабочихъ и сурово осуждать всякія отклоненія отъ нея, тогда вся задача состояла въ томъ, чтобы упрочиться въ рабочемъ классѣ. Теперь въ движеніе втянута гигантская масса силъ, къ намъ идутъ всѣ лучшіе представители молодого поколѣнія образованныхъ классовъ, вездѣ и повсюду по всей провинціи вынуждены сидѣть

люди, принимавшіе уже или желающіе принять участіе въ движеніи, люди, тяготѣющіе къ соціалдемократіи (тогда какъ въ 1894 г. по пальцамъ можно было пересчитать русскихъ соціалдемократовъ). Одинъ изъ основныхъ политическихъ и организаціонныхъ недостатковъ нашего движенія,—что мы *не умѣемъ* занять всѣ эти силы, дать всѣмъ подходящую работу (подробнѣе мы скажемъ объ этомъ въ слѣдующей главѣ). Громадное большинство этихъ силъ совершенно лишено возможности „идти къ рабочимъ", такъ что объ опасности отвлечь силы отъ нашего основного дѣла не можетъ быть и рѣчи. А для доставленія рабочимъ настоящаго, всесторонняго и живого политическаго знанія необходимы „свои люди", соціалдемократы, вездѣ и повсюду, во всѣхъ общественныхъ слояхъ, на всякихъ позиціяхъ, дающихъ возможность знать внутреннія пружины нашего государственнаго механизма. И необходимы такіе люди не только въ пропагандистскомъ и агитаціонномъ, но еще болѣе въ организаціонномъ отношеніи.

Есть ли почва для дѣятельности во всѣхъ классахъ населенія? Кто не видитъ этого, тотъ опять-таки отстаетъ своей сознательностью отъ стихійнаго подъема массъ. Рабочее движеніе вызвало и продолжаетъ вызывать недовольство въ однихъ, надежды на поддержку оппозиціи въ другихъ, сознаніе невозможности самодержавія и неизбѣжности его краха въ третьихъ. Мы были бы только на словахъ „политиками" и соціалдемократами (какъ очень и очень часто бываетъ въ дѣйствительности), если бы не сознавали своей задачи использовать всѣ и всякія проявленія недовольства, собрать и подвергнуть обработкѣ всѣ крупицы хотя бы зародышеваго протеста. Не говоримъ уже о томъ, что вся многомилліонная масса трудящагося крестьянства, кустарей, мелкихъ ремесленниковъ и проч. всегда жадно стала бы слушать проповѣдь сколько-нибудь умѣлаго соціалдемократа. Но развѣ можно указать хотя бы одинъ классъ населенія, въ которомъ не было бы людей, группъ и кружковъ, недовольныхъ безправіемъ и произволомъ, а потому доступныхъ проповѣди соціалдемократа, какъ выразителя самыхъ наболѣвшихъ общедемократическихъ нуждъ? А кто хочетъ конкретно представить себѣ эту политическую агитацію соціалдемократа во *всѣхъ* классахъ и слояхъ населенія, тому мы укажемъ на *политическія обличенія* въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ на главное (но, разумѣется, не единственное) средство этой агитаціи.

„Мы должны,—писалъ я въ статьѣ „Съ чего начать?" („Искра" № 4, май 1901 г.), о которой намъ придется подробно бесѣдовать ниже,— пробудить во всѣхъ сколько-нибудь сознательныхъ слояхъ народа страсть *политическихъ* обличеній. Не надо смущаться тѣмъ, что политически обличительные голоса такъ слабы, рѣдки и робки въ настоящее время. Причина этого—отнюдь не повальное примиреніе съ полицейскимъ произволомъ. Причина та, что у людей, способныхъ и готовыхъ обличать, нѣтъ трибуны, съ которой бы они могли говорить, нѣтъ аудиторіи, страстно слушающей и ободряющей ораторовъ, что они не видятъ нигдѣ въ народѣ такой силы, къ которой бы стоило труда обращаться съ жалобой на „всемогущее" русское правительство... Мы въ состояніи теперь и мы

обязаны создать трибуну для всенароднаго обличенія царскаго правительства, — такой трибуной должна быть соціалдемократическая газета".

Именно такой идеальной аудиторіей для политическихъ обличеній является рабочій классъ, которому всестороннее и живое политическое знаніе нужно прежде всего и больше всего, который наиболѣе способенъ претворять это знаніе въ активную борьбу, хотя бы она никакихъ „осязательныхъ результатовъ" и не сулила. А трибуной для *всенародныхъ* обличеній можетъ быть только общерусская газета. „Безъ политическаго органа немыслимо въ современной Европѣ движеніе, заслуживающее названіе политическаго", а Россія въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, относится также къ современной Европѣ. Печать давно стала уже у насъ силой—иначе бы правительство не тратило десятковъ тысячъ рублей на подкупъ ея и на субсидированіе разныхъ Катковыхъ и Мещерскихъ. И не новость въ самодержавной Россіи, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и *заставляла* открыто говорить о себѣ легальные и консервативные органы. Такъ было и въ 70-хъ и даже въ 50-хъ годахъ. А во сколько разъ шире и глубже теперь тѣ народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней, „какъ жить и какъ умереть", употребляя выраженіе рабочаго, обратившагося съ письмомъ въ „Искру" (№ 7). Политическія обличенія являются именно такимъ объявленіемъ войны *правительству*, какъ экономическія обличенія объявляютъ войну фабриканту. И это объявленіе войны имѣетъ тѣмъ большее нравственное значеніе, чѣмъ шире и сильнѣе эта обличительная кампанія, чѣмъ многочисленнѣе и рѣшительнѣе тотъ общественный *классъ*, который *объявляетъ войну, чтобы начать войну*. Политическія обличенія являются поэтому уже сами по себѣ однимъ изъ могучихъ средствъ *разложенія* враждебнаго строя, средствъ отвлеченія отъ врага его случайныхъ или временныхъ союзниковъ, средствъ посѣять вражду и недовѣріе между постоянными участниками самодержавной власти.

Авангардомъ революціонныхъ силъ сумѣетъ стать въ наше время только партія, которая *соорганизуетъ* дѣйствительно *всенародныя* обличенія. А это слово: „всенародныя" имѣетъ очень большое содержаніе. Громадное большинство обличителей изъ не-рабочаго класса (а чтобы стать авангардомъ, надо именно привлечь другіе классы)—трезвые политики и хладнокровные дѣловые люди. Они прекрасно знаютъ, какъ небезопасно „жаловаться" даже на низшаго чиновника, а не то, что на „всемогущее" русское правительство. И они обратятся *къ намъ* съ жалобой только тогда, когда увидятъ, что эта жалоба дѣйствительно способна оказать дѣйствіе, что мы представляемъ собой *политическую силу*. Чтобы стать таковой въ глазахъ постороннихъ лицъ, надо много и упорно работать надъ *повышеніемъ* нашей сознательности, инціативности и энергіи; для этого недостаточно повѣсить ярлыкъ „авангардъ" на теорію и практику арьергарда.

Но если мы должны взять на себя организацію дѣйствительно всенародныхъ обличеній правительства, то въ чемъ же

выразится тогда классовый характеръ нашего движенія?— спроситъ и спрашиваетъ уже насъ усердный не по разуму поклонникъ „тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой“.— Да вотъ именно въ томъ, что организуемъ эти всенародныя обличенія мы, социалдемократы; въ томъ, что освѣщеніе всѣхъ поднимаемыхъ агитаціей вопросовъ будетъ даваться въ неуклонно социалдемократическомъ духѣ безъ всякихъ потачекъ умышленнымъ и неумышленнымъ искаженіямъ марксизма; въ томъ, что вести эту всестороннюю политическую агитацію будетъ партія, соединяющая въ одно неразрывное цѣлое и натискъ на правительство отъ имени всего народа, и революціонное воспитаніе пролетаріата, наряду съ охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочаго класса, утилизацію тѣхъ стихійныхъ столкновеній его съ его эксплуататорами, которыя поднимаютъ и привлекаютъ въ нашъ лагерь новые и новые слои пролетаріата!

Но одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ экономизма является именно непониманіе этой связи—болѣе того: этого совпаденія самой насущной потребности пролетаріата (всестороннее политическое воспитаніе посредствомъ политической агитаціи и политическихъ обличеній) и потребности общедемократическаго движенія. Непониманіе выражается не только въ „Мартыновскихъ“ фразахъ, но также и въ тождественныхъ по смыслу съ этими фразами ссылкахъ на классовую якобы точку зрѣнія. Вотъ, напр., какъ выражаются объ этомъ авторы „экономическаго“ письма въ № 12 „Искры“ *): „Тотъ же основной недостатокъ „Искры“ (переоцѣнка идеологіи) является причиной ея непослѣдовательности въ вопросахъ объ отношеніи социалдемократіи къ различнымъ общественнымъ классамъ и направленіямъ. Рѣшивъ посредствомъ теоретическихъ выкладокъ“... (а не посредствомъ „роста партійныхъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей“...) „задачу о немедленномъ переходѣ къ борьбѣ противъ абсолютизма и чувствуя, вѣроятно, всю трудность этой задачи для рабочихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ“ . . . (и не только чувствуя, но прекрасно зная, что рабочимъ эта задача кажется менѣе трудной, чѣмъ заботящимся о малыхъ дѣтяхъ „экономическимъ“ интеллигентамъ, ибо рабочіе готовы драться даже за требованія, не сулящія, говоря языкомъ незабвеннаго Мартынова, никакихъ „осязательныхъ результатовъ“ . . . „но не имѣя терпѣнія ждать дальнѣйшаго накопленія ими силъ для этой борьбы, „Искра“ начинаетъ искать союзниковъ въ рядахъ либераловъ и интеллигенціи“ . . .

---

*) Недостатокъ мѣста не позволилъ намъ въ „Искрѣ“ съ полной обстоятельностью отвѣтить на это крайне характерное для экономистовъ письмо. Мы были очень рады его появленію, ибо толки о невыдержанности классовой точки зрѣнія въ „Искрѣ“ доходили до насъ уже давно и съ самыхъ различныхъ сторонъ, и мы искали только удобнаго случая или оформленнаго выраженія ходячаго обвиненія, чтобы отвѣтить на него. А отвѣчать на нападенія мы привыкли не защитой, а контръ-нападеніемъ.

Да, да, мы дѣйствительно потеряли уже всякое „терпѣніе" „ждать" того блаженнаго давнымъ давно уже намъ всякими „примирителями" обѣщаннаго времени, когда наши экономисты перестанутъ сваливать *свою* отсталость на рабочихъ, оправдывать недостатокъ своей энергіи недостаткомъ будто бы силъ у рабочихъ. Мы спросимъ нашихъ экономистовъ, въ чемъ должно состоять „накопленіе рабочими силъ для этой борьбы"? Не очевидно ли, что въ политическомъ воспитаніи рабочихъ, въ изобличеніи передъ ними *всѣхъ* сторонъ нашихъ самодержавныхъ порядковъ? И не ясно ли, что *какъ разъ для этой работы* намъ и нужны „союзники въ рядахъ либераловъ и интеллигенціи", готовые дѣлиться съ нами обличеніями политическаго похода на земцевъ, учителей, статистиковъ, студентовъ и проч.? Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ уже трудно понять эту удивительно „хитрую механику"? Неужели П. Б. Аксельродъ не твердитъ уже вамъ съ 1897 года: „Задача пріобрѣтенія русскими соціалдемократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ пропагандистской дѣятельности въ средѣ самого пролетаріата"? А Мартыновы и прочіе экономисты все-таки продолжаютъ представлять себѣ дѣло такъ, что рабочіе *сначала* должны „экономической борьбой съ хозяевами и съ правительствомъ" накопить себѣ силы (для трэдъ-юніонистской политики), а *потомъ* уже „перейти", должно быть, отъ трэдъ-юніонистскаго „воспитанія активности" къ соціалдемократической активности!

„. . . Въ своихъ поискахъ, — продолжаютъ экономисты, — „Искра" нерѣдко сходитъ съ классовой точки зрѣнія, затушевывая классовыя противорѣчія и выдвигая на первый планъ общность недовольства правительствомъ, хотя причины и степень этого недовольства у „союзниковъ" весьма различны. Таковы, напр., отношенія „Искры" къ земству"... „Искра" будто бы „обѣщаетъ неудовлетвореннымъ правительственными подачками дворянамъ помощь рабочаго класса, ни словомъ при этомъ не обмолвившись о классовой розни этихъ слоевъ населенія". Если читатель обратится къ статьямъ „Самодержавіе и Земство" (№ 2 и 4 „Искры"), о которыхъ, *вѣроятно*, говорятъ авторы письма, то увидитъ, что эти статьи*) посвящены отношенію *правительства* къ „мягкой агитаціи сословно-бюрократическаго земства", къ „самодѣятельности даже имущихъ классовъ". Въ статьѣ говорится, что рабочему нельзя смотрѣть равнодушно на борьбу правительства противъ земства, и земцы приглашаются бросить мягкія рѣчи и сказать твердое и рѣзкое слово, когда передъ правительствомъ встанетъ во весь ростъ революціонная соціалдемократія. Съ чѣмъ несогласны тутъ авторы письма?—неизвѣстно. Думаютъ ли они, что рабочій „не пойметъ" словъ: „имущіе классы" и „сословно-бюрократическое земство"?—что *подталкиваніе* земцевъ къ пере-

*) А *между* этими статьями (№ 3 „Искры") была помѣщена статья спеціально о классовыхъ антагонизмахъ въ нашей деревнѣ.

ходу отъ мягкихъ къ рѣзкимъ словамъ есть „переоцѣнка идеологіи“? Воображаютъ ли они, что рабочіе могутъ „накопить въ себѣ силы“ для борьбы съ абсолютизмомъ, если они не будутъ знать объ отношеніи абсолютизма *и* къ земству? Все это опять-таки остается неизвѣстнымъ. Ясно только одно: что авторы очень смутно представляютъ себѣ политическія задачи соціалдемократіи. Еще яснѣе это изъ ихъ фразы: „Таково же“ (т.-е. тоже „затемняющее классовые антагонизмы“) „отношеніе „Искры“ и къ студенческому движенію“. Вмѣсто призыва рабочихъ публичной демонстраціей заявить, что настоящимъ очагомъ насилія, безчинства и разнузданности является не студенчество, а русское правительство (№ 2 „Искры“)—мы должны были, вѣроятно, помѣстить разсужденіе въ духѣ „Р. Мысли“! И подобныя мысли высказываются соціалдемократами осенью 1901 года, послѣ февральскихъ и мартовскихъ событій, наканунѣ новаго студенческаго подъема, обнаруживающаго, что и въ этой области „стихійность“ протеста противъ самодержавія *обгоняетъ* сознательное руководство движеніемъ со стороны соціалдемократіи. Стихійное стремленіе рабочихъ заступиться за избиваемыхъ полиціей и казаками студентовъ обгоняетъ сознательную дѣятельность соціалдемократической организаціи!

„Между тѣмъ въ другихъ статьяхъ,—продолжаютъ авторы письма,—„Искра“ рѣзко осуждаетъ всякіе компромиссы и выступаетъ, напримѣръ, на защиту нетерпимаго поведенія гедистовъ“. Мы совѣтуемъ людямъ, которые такъ самоувѣренно и такъ легкомысленно заявляютъ обыкновенно по поводу разногласій въ средѣ современныхъ соціалдемократовъ, что-де эти разногласія не существенны и раскола не оправдываютъ, пораздумать хорошенько надъ этими словами. Возможна ли успѣшная работа въ одной организаціи людей, которые говорятъ, что въ дѣлѣ выясненія враждебности самодержавія самымъ различнымъ классамъ, въ дѣлѣ ознакомленія рабочихъ съ оппозиціей самодержавію самыхъ различныхъ слоевъ мы сдѣлали еще поразительно мало, и людей, которые видятъ въ этомъ дѣлѣ „компромиссъ“, очевидно компромиссъ съ теоріей „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“?

Мы говорили о необходимости внести классовую борьбу въ деревню по поводу сорокалѣтія освобожденія крестьянъ (№ 3) и о непримиримости самоуправленія и самодержавія по поводу тайной записки Витте (№ 4); мы нападали на крѣпостничество землевладѣльцевъ и служащаго имъ правительства по поводу новаго закона (№ 8) и привѣтствовали нелегальный земскій съѣздъ, поощряя земцевъ перейти къ борьбѣ отъ униженныхъ ходатайствъ (№ 8); мы поощряли студентовъ, начинавшихъ понимать необходимость политической борьбы и переходившихъ къ таковой (№ 3), и въ то же время бичевали „дикое непониманіе“, обнаруженное сторонниками „только студенческаго“ движенія, приглашавшими студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ (№ 3, по поводу воззванія Исполнительнаго Комитета московскаго студенчества отъ 25 февраля); мы разоблачали

„безсмысленныя мечтанія“ и „лживое лицемѣріе“ либеральныхъ лукавцевъ газеты „Россія“ (№ 5) и въ то же время отмѣчали бѣшенство правительственнаго застѣнка, который „творилъ расправу надъ мирными литераторами, надъ старыми профессорами и учеными, надъ извѣстными либеральными земцами“ (№ 5, „Полицейскій набѣгъ на литературу“); мы разоблачали настоящее значеніе программы „государственной попечительности о благоустройствѣ быта рабочихъ“ и привѣтствовали „цѣнное признаніе“, что „лучше преобразованіями сверху предупредить требованія таковыхъ снизу, чѣмъ дожидаться послѣдняго“ (№ 6); мы поощряли статистиковъ-протестантовъ (№ 7) и порицали статистиковъ-штрейкбрехеровъ (№ 9). Кто усматриваетъ въ этой тактикѣ затемненіе классоваго сознанія пролетаріата и *компромиссъ съ либерализмомъ*, тотъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что онъ совершенно не понимаетъ истиннаго значенія программы credo и de facto *проводитъ именно эту программу*, сколько бы онъ отъ нея ни отрекался! Потому что онъ *тѣмъ самымъ* тащитъ соціалдемократію къ „экономической борьбѣ съ хозяевами и съ правительствомъ“ и *пасуетъ предъ либерализмомъ*, отказываясь отъ задачи активно вмѣшиваться въ *каждый* „либеральный“ вопросъ и опредѣлять *свое*, соціалдемократическое, отношеніе къ этому вопросу.

е) Еще разъ «клеветники», еще разъ «мистификаторы».

Эти любезныя слова принадлежатъ „Раб. Дѣлу“, которое отвѣчаетъ такимъ образомъ на наше обвиненіе его въ „косвенномъ подготовленіи почвы для превращенія рабочаго движенія въ орудіе буржуазной демократіи“. Въ простотѣ душевной „Раб. Дѣло“ рѣшило, что это обвиненіе есть ни что иное, какъ полемическая выходка; порѣшили, дескать, эти злые догматики наговорить намъ всякихъ непріятностей: ну, а что же можетъ быть болѣе непріятнаго, какъ явиться орудіемъ буржуазной демократіи? И вотъ печатается жирнымъ шрифтомъ „опроверженіе“: „ничѣмъ не прикрашенная клевета („Два съѣзда“, стр. 30), „мистификація“ (31), „маскарадъ“ (33), Подобно Юпитеру, „Р. Дѣло“ (хотя оно и мало похоже на Юпитера) сердится именно потому, что оно неправо, доказывая своими торопливыми ругательствами неспособность вдуматься въ ходъ мысли своихъ противниковъ. А вѣдь немного надо бы подумать, чтобы понять, почему *всякое* преклоненіе предъ стихійностью массоваго движенія, *всякое* приниженіе соціалдемократической политики до трэдъ-юніонистской есть именно подготовленіе почвы для превращенія рабочаго движенія въ орудіе буржуазной демократіи, Стихійное рабочее движеніе само по себѣ способно создать (и неизбѣжно создаетъ) только трэдъ-юніонизмъ, а трэдъ-юніонистская политика рабочаго класса есть именно буржуазная политика рабочаго класса. Участіе рабочаго класса въ политической борьбѣ и даже въ политической революціи нисколько еще не дѣлаетъ его политики соціалдемократической политикой.

„Раб. Дѣлу“ кажется, что вообще буржуазная демократія въ Россіи есть „фантомъ“ („Два съѣзда“, с. 32 *). Счастливые люди! Подобно страусу, прячутъ они голову подъ крыло и воображаютъ, что отъ этого исчезаетъ все окружающее. Рядъ либеральныхъ публицистовъ, ежемѣсячно оповѣщающихъ всѣхъ о своемъ торжествѣ по поводу распаденія и даже исчезновенія марксизма; рядъ либеральныхъ газетъ („СПБ. Вѣдомости“, и „Русскія Вѣд.“ и мн. др.), поощряющихъ тѣхъ либераловъ, которые несутъ рабочимъ брентановское пониманіе классовой борьбы и трэдъюніонистское пониманіе политики; плеяда критиковъ марксизма, истинныя тенденціи которыхъ такъ хорошо раскрыло credo и литературные товары которыхъ одни только безданно-безпошлинно гуляютъ по Россіи; оживленіе революціонныхъ *не*-соціалдемократическихъ направленій, особенно послѣ февральскихъ и мартовскихъ событій; все это, должно быть, фантомъ! Все это не имѣетъ ровно никакого отношенія къ буржуазной демократіи!

„Раб. Дѣлу“, какъ и авторамъ экономическаго письма въ № 12 „Искры“, слѣдовало бы „пораздумать надъ тѣмъ, почему это весеннія событія вызвали такое оживленіе революціонныхъ не соціалдемократическихъ направленій, вмѣсто того, чтобы вызвать усиленіе авторитета и престижа соціалдемократіи“?— Потому, что мы оказались не на высотѣ задачи, активность рабочихъ массъ оказалась выше нашей активности, у насъ не нашлось налицо достаточно подготовленныхъ революціонныхъ руководителей и организаторовъ, которые бы прекрасно знали настроеніе во всѣхъ оппозиціонныхъ слояхъ и умѣли стать во главѣ движенія, превратить стихійную демонстрацію въ политическую, расширить ея политическій характеръ и т. д. При такихъ условіяхъ нашей отсталостью неизбѣжно будутъ пользоваться болѣе подвижные, болѣе энергичные революціонеры не-соціалдемократы, и рабочіе, какъ бы они самоотверженно и энергично ни дрались съ полиціей и войскомъ, какъ бы они революціонно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этихъ революціонеровъ, окажутся арьергардомъ буржуазной демократіи, а не соціалдемократическимъ авангардомъ. Возьмите германскую соціалдемократію, у которой наши экономисты хотятъ перенять только ея слабыя стороны. Отчего *ни одно* политическое событіе въ Германіи не проходитъ безъ того, чтобы не повліять на большее и большее усиленіе авторитета и престижа соціалдемократіи? Оттого, что соціалдемократія всегда оказывается впереди всѣхъ въ наиболѣе революціонной оцѣнкѣ этого событія, въ защитѣ всякаго протеста противъ произвола. Она не убаюкиваетъ себя

---

*) Здѣсь же ссылка на „конкретныя русскія условія, фатально толкающія рабочее движеніе на революціонный путь“. Не хотятъ люди понять того, что революціонный путь рабочаго движенія можетъ еще быть и не соціалдемократическимъ путемъ! Вѣдь вся западно-европейская буржуазія при абсолютизмѣ „толкала“, сознательно толкала рабочихъ на революціонный путь. Мы же, соціалдемократы, не можемъ удовлетвориться этимъ. И если мы чѣмъ бы то ни было принижаемъ соціалдемократическую политику до стихійной, трэдъ-юніонистской политики, то мы именно этимъ и играемъ на руку буржуазной демократіи.

разсужденіями, что экономическая борьба натолкнетъ рабочихъ на вопросъ объ ихъ безправіи и что конкретныя условія фатально толкаютъ рабочее движеніе на революціонный путь. Она вмѣшивается во всѣ области и всѣ вопросы общественной и политической жизни: и въ вопросъ о неутвержденіи Вильгельмомъ городского головы изъ буржуазныхъ прогрессистовъ (нѣмцевъ еще не успѣли просвѣтить наши экономисты, что это есть, въ сущности, компромиссъ съ либерализмомъ!), и въ вопросъ объ изданіи закона противъ „безнравственныхъ“ сочиненій и изображеній, и въ вопросъ о правительственномъ вліяніи на выборъ профессоровъ и проч. и т. под. Вездѣ они оказываются впереди всѣхъ, возбуждая политическое недовольство во всѣхъ классахъ, расталкивая сонныхъ, подтягивая отсталыхъ, давая всесторонній матеріалъ для развитія политическаго сознанія и политической активности пролетаріата. И въ результатѣ получается то, что къ передовому политическому борцу проникаются уваженіемъ даже сознательные враги соціализма, и нерѣдко важный документъ не только изъ буржуазныхъ, но даже и бюрократическихъ и придворныхъ сферъ какимъ-то чудомъ попадаетъ въ редакціонный кабинетъ „Vorwärts'a“.

IV.

Кустарничество экономистовъ и организація революціонеровъ.

Разобранныя нами выше утвержденія „Раб. Дѣла“, что экономическая борьба есть наиболѣе широко примѣнимое средство политической агитаціи, что наша задача теперь—придать самой экономической борьбѣ политическій характеръ и т. п., выражаютъ собою узкое пониманіе не только нашихъ политическихъ, но и нашихъ *организаціонныхъ* задачъ. Для „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“ совершенно не нужна,—а потому на такой борьбѣ не можетъ и выработаться,—общерусская централизованная организація, объединяющая въ одинъ общій натискъ всѣ и всяческія проявленія политической оппозиціи, протеста и возмущенія, организація, состоящая изъ революціонеровъ по профессіи и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Да это и понятно. Характеръ организаціи всякаго учрежденія естественно и неизбѣжно опредѣляется содержаніемъ дѣятельности этого учрежденія. Поэтому „Раб. Дѣло“ своими вышеразобранными утвержденіями освящаетъ и узаконяетъ не только узость политической дѣятельности, но и узость организаціонной работы. И въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, оно является органомъ, сознательность котораго пасуетъ предъ стихійностью. А между тѣмъ преклоненіе предъ стихійно складывающимися формами организаціи, отсутствіе сознанія того, насколько узка и примитивна наша организаціонная работа, какіе еще мы „кустари“ въ этой важной области, отсутствіе этого сознанія, говорю я, представляетъ собою настоящую болѣзнь нашего движенія. Это не болѣзнь упадка, а болѣзнь роста, само собою разумѣется. Но именно теперь, когда волна стихійнаго возмущенія захлестываетъ, можно сказать, насъ, какъ руководителей и организаторовъ движенія, особенно необходима самая непримиримая борьба противъ всякой защиты отсталости, противъ всякаго узаконенія узости въ этомъ дѣлѣ, особенно необходимо пробудить въ каждомъ, кто участвуетъ въ практической работѣ или только собирается взяться за нее, недовольство господствующимъ у насъ *кустарничествомъ* и непреклонную рѣшимость избавиться отъ него.

а) Что такое кустарничество?

Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ маленькой картинкой дѣятельности типичнаго соціалдемократическаго кружка 1894—1901 годовъ. Мы уже указали на повальное увлеченіе марксизмомъ учащейся молодежи этого періода. Это увлеченіе относилось, разумѣется, не только и даже не столько къ марксизму какъ къ теоріи, а какъ къ отвѣту на вопросъ: „что дѣлать?“, какъ къ призыву идти въ походъ на врага. И новые ратники шли въ походъ съ удивительно первобытнымъ снаряженіемъ и подготовкой. Въ массѣ случаевъ не было даже почти никакого снаряженія и ровно никакой подготовки. Шли на войну, какъ мужики отъ сохи, захвативъ одну только дубину. Кружокъ студентовъ, безъ всякой связи съ кружками въ другихъ мѣстностяхъ или даже въ другихъ частяхъ города (или въ иныхъ учебныхъ заведеніяхъ), безъ всякой организаціи отдѣльныхъ частей революціонной работы, безъ всякаго систематическаго плана дѣятельности на сколько-нибудь значительный періодъ, заводитъ связи съ рабочими и берется за дѣло. Кружокъ развертываетъ постепенно болѣе и болѣе широкую пропаганду и агитацію, привлекаетъ фактомъ своего выступленія сочувствіе довольно широкихъ слоевъ рабочихъ, сочувствіе нѣкоторой части образованнаго общества, доставляющаго деньги и отдающаго въ распоряженіе „Комитету“ новыя и новыя группы молодежи. Растетъ обаяніе комитета (или союза борьбы), растетъ размахъ его дѣятельности, и онъ расширяетъ эту дѣятельность совершенно стихійно: тѣ же люди, которые годъ или нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выступали въ студенческихъ кружкахъ и рѣшали вопросъ: „куда идти?“, которые заводили и поддерживали сношенія съ рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводятъ связи съ другими группами революціонеровъ, раздобываютъ литературу, берутся за изданіе мѣстной газеты, начинаютъ говорить объ устройствѣ демонстраціи, переходятъ наконецъ къ открытымъ военнымъ дѣйствіямъ (причемъ этимъ открытымъ военнымъ дѣйствіемъ можетъ явиться, смотря по обстоятельствамъ, и первый агитаціонный листокъ, и первый номеръ газеты, и первая демонстрація). И обыкновенно первое же начало этихъ дѣйствій ведетъ за собою немедленно полный провалъ. Немедленно и полный именно потому, что эти военныя дѣйствія являлись не результатомъ систематическаго, заранѣе обдуманнаго и исподволь подготовленнаго плана длинной и упорной борьбы, а просто стихійнымъ ростомъ традиціонно ведущейся кружковой работы; потому, что полиція, естественно, почти всегда знала всѣхъ главныхъ дѣятелей мѣстнаго движенія, „зарекомендовавшихъ“ себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самаго удобнаго для нея момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разростись и развернуться, чтобы имѣть осязательный corpus delicti, и нарочно оставляя всегда нѣсколькихъ извѣстныхъ ей лицъ „на разводку“ (какъ гласитъ техническое выраженіе, употребляе-

мое, насколько мнѣ извѣстно, и нашимъ братомъ и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить съ походомъ вооруженныхъ дубинами шаекъ крестьянъ противъ современнаго войска. И надо только удивляться жизненности движенія, которое ширилось, росло и одерживало побѣды, несмотря на это полное отсутствіе подготовки у сражавшихся. Правда, съ исторической точки зрѣнія, примитивность снаряженія была не только неизбѣжна вначалѣ, но *даже законна*, какъ одно изъ условій широкаго привлеченія ратниковъ. Но какъ только начались серьезныя военныя дѣйствія (а они начались уже, въ сущности, съ лѣтнихъ стачекъ 1896 года), недостатки нашей военной организаціи стали все сильнѣе и сильнѣе давать себя чувствовать. Опѣшивъ на первыхъ порахъ и надѣлавъ рядъ ошибокъ (въ родѣ обращенія къ обществу съ описаніемъ злодѣйствъ соціалистовъ или ссылки рабочихъ изъ столицъ въ промышленные центры провинціи), правительство вскорѣ приспособилось къ новымъ условіямъ борьбы и сумѣло поставить на подлежащія мѣста свои вооруженные всѣми усовершенствованіями, отряды провокаторовъ, шпіоновъ и жандармовъ. Погромы стали такъ часто повторяться, захватывать такую массу лицъ, выметать до такой степени начисто мѣстные кружки, что рабочая масса теряла буквально всѣхъ руководителей, движеніе пріобрѣтало невѣроятно скачкообразный характеръ, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность мѣстныхъ дѣятелей, случайность состава кружковъ, неподготовленность и узкій кругозоръ въ области теоретическихъ, политическихъ и организаціонныхъ вопросовъ были неизбѣжнымъ результатомъ описанныхъ условій. Дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе въ силу недостатка у насъ выдержки и конспиративности проникаются недовѣріемъ къ интеллигенціи и сторонятся отъ нея: интеллигенты, говорятъ они, слишкомъ необдуманно приводятъ къ проваламъ!

Что это кустарничество стало наконецъ ощущаться всѣми мыслящими соціалдемократами, какъ болѣзнь,—это знаетъ каждый, сколько-нибудь знакомый съ движеніемъ. А чтобы читатель незнакомый съ нимъ не думалъ, что мы „конструируемъ“ искусственно особую стадію или особую болѣзнь движенія, мы сошлемся на упомянутаго уже разъ свидѣтеля. Пусть не посѣтуютъ на насъ за длинную выписку.

„Если постепенный переходъ къ болѣе широкой дѣятельности,—пишетъ Б—въ въ № 6 „Раб. Дѣла“,—переходъ, находящійся въ прямой зависимости отъ общаго переходнаго времени, переживаемаго русскимъ рабочимъ движеніемъ, является характерной чертой... то есть еще другая не менѣе интересная черта въ общемъ механизмѣ русской рабочей революціи. Мы говоримъ о томъ *общемъ недостаткѣ годныхъ къ дѣйствію революціонныхъ силъ* *), который ощущается не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Съ общимъ оживленіемъ рабочаго движенія, съ общимъ развитіемъ рабочей массы, съ все учащающимися случаями стачекъ, съ все болѣе открытой массовой борьбой рабочихъ, усиливающей правительственныя преслѣдованія, аресты, сылку и высылку, этотъ *недостатокъ въ каче-*

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

ственно высокихъ революціонныхъ силахъ становится все замѣтнѣе и, несомнѣнно, остается *не безъ вліянія на глубину и общій характеръ движенія.* Многія стачки проходятъ безъ сильнаго и непосредственнаго воздѣйствія революціонныхъ организацій... чувствуется недостатокъ въ агитаціонныхъ листкахъ и нелегальной литературѣ... рабочіе кружки остаются безъ агитаторовъ... Рядомъ съ этимъ замѣчается постоянная нужда въ денежныхъ средствахъ. Словомъ, *ростъ рабочаго движенія опережаетъ ростъ и развитіе революціонныхъ организацій.* Наличный составъ дѣйствующихъ революціонеровъ оказывается слишкомъ незначительнымъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ вліяніе на всю волнующуюся рабочую массу, чтобы придать всѣмъ волненіямъ хотя бы оттѣнокъ стройности и организованности.. Отдѣльные кружки, отдѣльные революціонеры не собраны, не объединены, не составляютъ единой, сильной и дисциплинированной организац и съ планомѣрно развитыми частями"... И, оговорившись, что немедленное появленіе новыхъ кружковъ на мѣсто разбитыхъ, „доказываетъ только жизненность движенія,... но не показываетъ еще наличности достаточнаго количества вполнѣ пригодныхъ революціонныхъ дѣятелей", авторъ заключаетъ: „Практическая неподготовленность петербургскихъ революціонеровъ сказывается и въ результатахъ ихъ работы. Послѣдніе процессы, особенно группъ „Самоосвобожденіе" и „Борьбы труда съ капиталомъ" ясно показали, что молодой агитаторъ, незнакомый детально съ условіями труда, а слѣдовательно и агитаціи на данномъ заводѣ, не знающій принциповъ конспираціи и усвоившій" (усвоившій ли?) „только общіе взгляды соціалдемократіи, можетъ проработать какихъ-нибудь 4, 5, 6 мѣсяцевъ. Затѣмъ наступаетъ арестъ, часто влекущій за собою разгромъ всей организаціи или, по крайней мѣрѣ, части ея. Спрашивается, возможна ли успѣшная и плодотворная дѣятельность группы, если время существованія этой группы опредѣляется мѣсяцами? Очевидно, недостатки существующихъ организацій нельзя цѣликомъ относить насчетъ переходнаго времени... очевидно, количественный и, главное, качественный составъ дѣйствующихъ организацій играетъ здѣсь немаловажную роль, и первой задачей нашихъ соціалдемократовъ... должно быть *реальное объединеніе организацій при строгомъ выборѣ членовъ*".

б) Кустарничество и экономизмъ.

Мы должны теперь остановиться на вопросѣ, который навѣрное напрашивается уже у всякаго читателя. Можно ли ставить въ связь это кустарничество, какъ болѣзнь роста, свойственную *всему* движенію, съ экономизмомъ, какъ съ *однимъ* изъ теченій въ русской соціалдемократіи? Мы думаемъ, что да. Практическая неподготовленность, неумѣлость организаціонной работы обща дѣйствительно *всѣмъ намъ*, въ томъ числѣ и тѣмъ, кто съ самого начала неуклонно стоялъ на точкѣ зрѣнія революціоннаго марксизма. И за неподготовленность само по себѣ никто не могъ бы, конечно, и винить практиковъ. Но кромѣ неподготовленности въ понятіе „кустарничества" входитъ еще нѣчто другое: узкій размахъ всей революціонной работы вообще, непониманіе того, что на этой узкой работѣ и не можетъ сложиться хорошая организація революціонеровъ, наконецъ — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести въ особую „теорію", т.-е. преклоненіе предъ стихійностью и въ этой области. Разъ только обнаружились такія попытки, — стало уже несомнѣннымъ, что кустарничество связано съ экономизмомъ и что мы не избавимся отъ узости нашей организаціонной дѣятельности, не избавившись отъ экономизма вообще (т.-е. узкаго пониманія и теоріи марк-

сизма и роли соціалдемократіи и политическихъ задачъ ея). А попытки эти обнаружились въ двоякомъ направленіи. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама такихъ широкихъ и боевыхъ политическихъ задачъ, которыя ей „навязываютъ" революціонеры, она должна еще бороться за *ближайшія* политическія требованія, вести „экономическую борьбу съ хозяевами и съ правительствомъ" *) (а этой „доступной" массовому движенію борьбѣ естественно соотвѣтствуетъ и „доступная" даже самой неподготовленной молодежи организація). Другіе, далекіе отъ всякой „постепеновщины", стали говорить: возможно и должно „совершить политическую революцію, но для этого нѣтъ никакой надобности въ созданіи крѣпкой организаціи революціонеровъ, воспитывающей пролетаріатъ стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы всѣ схватились за „доступную" и знакомую уже дубину. Говоря безъ аллегорій—чтобы мы устроили всеобщую стачку **) или чтобы мы возбудили „вялый" ходъ рабочаго движенія посредствомъ „эксцитативнаго террора" ***). Оба эти направленія, и оппортунисты и „революціонисты", пасуютъ предъ господствующимъ кустарничествомъ, не вѣрятъ въ возможность избавленія отъ него, не понимаютъ нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацію революціонеровъ*, способную обезпечить энергію, устойчивость и преемственность политической борьбы.

Мы сейчасъ привели слова Б—ва: „ростъ рабочаго движенія опережаетъ ростъ и развитіе революціонныхъ организацій". Это „цѣнное сообщеніе близкаго наблюдателя" (отзывы редакціи „Рабочаго Дѣла" о статьѣ Б—ва) имѣетъ для насъ двойную цѣнность. Оно показываетъ, что мы были правы, усматривая основную причину современнаго кризиса въ русской соціалдемократіи въ *отсталости руководителей* („идеологовъ", революціонеровъ, соціалдемократовъ) отъ *стихійнаго подъема массъ*. Оно показываетъ, что именно прославленіемъ и защитой кустарничества являются всѣ эти разсужденія авторовъ экономическаго письма (въ № 12 „Искры"), Б. Кричевскаго и Мартынова объ опасности преуменьшать значеніе стихійнаго элемента, сѣрой текущей борьбы, о тактикѣ-процессѣ и проч. Эти люди, которые безъ пренебрежительной гримасы не могутъ произносить слово: „теоретикъ", которые называютъ „чутьемъ къ жизни" свое колѣнопреклоненіе передъ житейской неподготовленностью, обнаруживаютъ на дѣлѣ непониманіе самыхъ настоятельныхъ нашихъ *практическихъ* задачъ. Людямъ отставшимъ кричать: идите въ ногу! не опережайте! Людямъ, страдающимъ отъ недостатка энергіи и иниціативы въ организаціонной работѣ, отъ недостатка „плановъ" широкой и смѣлой постановки дѣла, кричать о „тактикѣ-процессѣ! Основной нашъ грѣхъ состоитъ въ *приниженіи*

---

*) „Раб. Мысль" и „Раб. Дѣло", особ. „Отвѣтъ" Плеханову.

**) Брошюра: „Кто совершитъ политическую революцію"? — въ изданномъ въ Россіи сборникѣ „Пролетарская борьба". Была также переиздана кіевскимъ комитетомъ.

***) „Возрожденіе революціонизма" и „Свобода".

нашихъ политическихъ *и организаціонныхъ* задачъ до ближайшихъ, „осязательныхъ", „конкретныхъ" интересовъ текущей экономической борьбы,—а намъ продолжаютъ напѣвать: самой экономической борьбѣ надо придать политическій характеръ! Еще разъ: это буквально такое же „чутье къ жизни", которое обнаруживалъ герой народнаго эпоса, кричавшій: „таскать вамъ не перетаскать!" при видѣ похоронной процессіи.

Вспомните, съ какимъ несравненнымъ, по-истинѣ „Нарцисовскимъ" высокомѣріемъ поучали эти мудрецы Плеханова: „рабочимъ *кружкамъ* вообще (sic!) недоступны политическія задачи въ дѣйствительномъ *практическомъ* смыслѣ этого слова, т.-е. въ смыслѣ цѣлесообразной и успѣшной *практической* борьбы за политическія требованія" (Отвѣтъ ред. „Р. Д.", стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку „кустарей", конечно, недоступны политическія задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились отъ него. Если же эти кустари, кромѣ того, влюблены въ свое кустарничество, если они пишутъ слово „практическій" непремѣнно курсивомъ и воображаютъ, что практичность требуетъ принижения своихъ задачъ до уровня пониманія самыхъ отсталыхъ слоевъ массы, — то тогда, разумѣется, эти кустари безнадежны, и имъ, дѣйствительно, *вообще недоступны политическія задачи*. Но кружку корифеевъ, въ родѣ Алексѣева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійно пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса. Плехановъ былъ тысячу разъ правъ, когда онъ не только указалъ этотъ революціонный классъ, не только доказалъ неизбѣжность и неминуемость его стихійнаго пробужденія, но и поставилъ даже передъ „рабочими кружками" высокую и великую политическую задачу. А вы ссылаетесь на возникшее съ тѣхъ поръ массовое движеніе для того, чтобы *принизить* эту задачу, для того, чтобы *сузить* энергію и размахъ дѣятельности „рабочихъ кружковъ". Что это такое, какъ не влюбленность кустаря въ свое кустарничество? Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомаго всякому русскому практику факта, какія чудеса способна совершить въ революціонномъ дѣлѣ энергія не только кружка, но даже отдѣльной личности. Или вы думаете, что въ нашемъ движеніи не можетъ быть такихъ корифеевъ, которые были въ 70-хъ годахъ? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы подготовляемся, будемъ подготовляться и подготовимся! Правда, на стоячей водѣ „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ" образовалась у насъ, къ несчастью, плѣсень, появились люди, которые становятся на колѣни и молятся на стихійность, благоговѣйно созерцая (по выраженію Плеханова) „заднюю" русскаго пролетаріата. Но мы сумѣемъ избавиться отъ этой плѣсени. Именно теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно-революціонной теоріей, опираясь на

истинно-революціонный и стихійно пробуждающійся классъ можетъ наконецъ—наконецъ!—выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиковъ, среди еще большей массы людей, мечтающихъ о практической работѣ уже со школьной скамьи, всякое поползновеніе принизить наши политическія задачи и размахъ нашей организаціонной работы встрѣчало насмѣшку и презрѣніе. И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!...

Но если читатель хочетъ видѣть перлы „экономической“ влюбленности въ кустарничество, то онъ, разумѣется, долженъ обратиться отъ эклектическаго и неустойчиваго „Раб. Дѣла“ къ послѣдовательной и рѣшительной „Раб. Мысли“. „Теперь два слова о собственно такъ называемой революціонной интеллигенціи“,— писалъ Р. М. въ „Отдѣльномъ Приложеніи“, стр. 13, — она, правда, не разъ показала на дѣлѣ свою полную готовность „вступить въ рѣшительную схватку съ царизмомъ“. Вся бѣда только въ томъ, что безпощадно преслѣдуемая политической полиціею, наша революціонная интеллигенція принимала борьбу съ этой политической полиціей за политическую борьбу съ самодержавіемъ. Поэтому-то для нея до сихъ поръ и остается не выясненнымъ вопросъ, „откуда взять силы для борьбы съ самодержавіемъ?“

Неправда ли, какъ безподобно это великолѣпное пренебреженіе къ борьбѣ съ полиціей со стороны поклонника (въ худомъ смыслѣ поклонника) *стихійнаго* движенія? Нашу конспиративную неумѣлость онъ готовъ *оправдать* тѣмъ, что намъ, при стихійномъ массовомъ движеніи, и не важна, въ сущности, борьба съ политической полиціей!! Подъ этимъ чудовищнымъ выводомъ подпишутся очень и очень немногіе: до такой степени наболѣлъ у всѣхъ вопросъ о недостаткахъ нашихъ революціонныхъ организацій. Но если подъ нимъ не подпишется, напримѣръ, Мартыновъ, то только потому, что не умѣетъ или не имѣетъ смѣлости додумывать до конца своихъ положеній. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ такая „задача“, какъ выставленіе массой конкретныхъ требованій, сулящихъ осязательные результаты, требуетъ особенной заботливости о созданіи прочной, централизованной боевой организаціи революціонеровъ? Развѣ эту „задачу“ не выполняетъ и такая масса, которая вовсе не „борется съ политической полиціей“? Больше того: развѣ эта задача была бы выполнима, если бы кромѣ многихъ руководителей за нее не брались также (въ громадномъ большинствѣ) такіе рабочіе, которые вовсе *неспособны* „бороться съ политической полиціей“? Такіе рабочіе, средніе люди массы, способны проявить гигантскую энергію и самоотверженіе въ стачкѣ, въ уличной борьбѣ съ полиціей и войскомъ, способны (и одни только могутъ) *рѣшить* исходъ всего нашего движенія; но именно борьба съ *политической* полиціей требуетъ особыхъ качествъ, требуетъ революціонеровъ *по профессіи.* И мы должны заботиться не только о томъ чтобы масса „выставляла“ конкретныя требованія, но и о томъ, чтобы масса рабочихъ „выставляла“ все въ большемъ числѣ такихъ революціонеровъ по

профессіи. Мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу о соотношеніи между организаціей профессіональныхъ революціонеровъ и чисто-рабочимъ движеніемъ. Мало отразившійся въ литературѣ, этотъ вопросъ много занималъ насъ, „политиковъ", въ разговорахъ и спорахъ съ болѣе или менѣе тяготѣющими къ экономизму товарищами. На немъ стоитъ остановиться. Но сначала закончимъ еще одной цитатой иллюстрацію нашего положенія о связи кустарничества съ экономизмомъ.

„Группа Осв. Труда, — писалъ NN въ своемъ „отвѣтѣ", — требуетъ прямой борьбы съ правительствомъ, не взвѣсивъ, гдѣ матеріальная сила для этой борьбы, не указавъ, *гдѣ пути для нея*". И, подчеркнувъ послѣднія слова, авторъ дѣлаетъ къ слову „пути" такое примѣчаніе: „Это обстоятельство не можетъ быть объяснено конспиративными цѣлями, такъ какъ въ программѣ рѣчь идетъ не о заговорѣ, а о *массовомъ движеніи*. Масса же не можетъ идти тайными путями. Развѣ возможна тайная стачка? Развѣ возможна тайная манифестація и петиція?" (Vademecum, стр. 59). Авторъ вплотную подошелъ и къ этой „матеріальной силѣ" (устроители стачекъ и манифестацій), и къ „путямъ" для борьбы, но оказался все-таки въ растерянномъ недоумѣніи, ибо онъ „преклоняется" предъ массовымъ движеніемъ, т.-е. смотритъ на него, какъ на нѣчто, *избавляющее* насъ отъ нашей, революціонной активности, а не какъ на нѣчто, долженствующее ободрять и *подталкивать* нашу революціонную активность. Тайная стачка невозможна — для участниковъ ея и непосредственно соприкасающихся съ ней лицъ. Но для массы русскихъ рабочихъ эта стачка можетъ остаться (и большею частью остается) „тайной", ибо правительство позаботится отрѣзать всякое сношеніе съ стачечниками, позаботиться сдѣлать невозможнымъ всякое распространеніе свѣдѣній о стачкѣ. Вотъ тутъ уже нужна специальная „борьба съ политической полиціей", борьба, которую никогда не можетъ активно вести столь же широкая масса, какая участвуетъ въ стачкахъ. Эту борьбу должны организовать „по всѣмъ правиламъ искусства" люди, профессіонально занятые революціонной дѣятельностью. Организація этой борьбы не стала *менѣе нужной* оттого, что въ движеніе стихійно втягивается масса. Напротивъ, отъ этого организація становится *болѣе нужной*, ибо мы, соціалисты, не исполнили бы своихъ прямыхъ обязанностей передъ массой, если бы не сумѣли помѣшать полиціи дѣлать тайной (а иногда и сами не подготовляли тайно) всякую стачку и всякую манифестацію. *Сумѣть* же это мы въ состояніи именно потому, что стихійно пробуждающаяся масса будетъ *выдвигать также изъ своей среды* все большее и большее число „революціонеровъ по профессіи" (если мы не вздумаемъ на всякіе лады приглашать рабочихъ топтаться на одномъ мѣстѣ).

в) Организація рабочихъ и организація революціонеровъ.

Если понятіе политической борьбы для соціалдемократа покрывается понятіемъ „экономической борьбы съ хозяевами и

правительствомъ", то естественно ожидать, что понятіе „организація революціонеровъ" будетъ для него болѣе или менѣе покрываться понятіемъ: „организація рабочихъ". И это дѣйствительно случается, такъ что, разговаривая объ организаціи, мы оказываемся буквально говорящими на разныхъ языкахъ. Какъ сейчасъ помню, напримѣръ, разговоръ съ однимъ довольно послѣдовательнымъ экономистомъ, котораго мнѣ не доводилось знать раньше. Рѣчь зашла о брошюрѣ: „Кто совершитъ политическую революцію?" и мы быстро сошлись на томъ, что ея основной недостатокъ — игнорированіе вопроса объ организаціи. Мы воображали уже, что мы солидарны другъ съ другомъ — но... разговоръ идетъ дальше, и оказывается, что мы говоримъ про разное. Мой собесѣдникъ обвиняетъ автора за игнорированіе стачечныхъ кассъ, обществъ взаимопомощи и т. п., я же имѣлъ въ виду организацію революціонеровъ, необходимую для „совершенія" политической революціи. И какъ только обнаружилось это разногласіе, — я не запомню уже, чтобы мнѣ приходилось вообще по какому бы то ни было принципіальному вопросу соглашаться съ этимъ экономистомъ!

Въ чёмъ же состоялъ источникъ нашихъ разногласій? Да именно въ томъ, что экономисты постоянно сбиваются съ соціалдемократизма на трэдъ-юніонизмъ и въ организаціонныхъ, какъ и въ политическихъ, задачахъ. Политическая борьба соціалдемократіи гораздо шире и сложнѣе, чѣмъ экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами и правительствомъ. Точно такъ же (и вслѣдствіе этого) организація революціонной соціалдемократической партіи неизбѣжно должна быть *иного рода*, чѣмъ организація рабочихъ для такой борьбы. Организація рабочихъ должна быть, во-первыхъ, профессіональной; во-вторыхъ, она должна быть возможно болѣе широкой; въ-третьихъ, она должна быть возможно менѣе конспиративной (я говорю, разумѣется, здѣсь и ниже, имѣя въ виду только самодержавную Россію). Наоборотъ, организація революціонеровъ должна обнимать прежде всего и главнымъ образомъ людей, которыхъ профессія состоитъ изъ революціонной дѣятельности (потому я и говорю объ организаціи *революціонеровъ*, имѣя въ виду революціонеровъ-соціалдемократовъ). Предъ этимъ общимъ признакомъ членовъ такой организаціи *должно совершенно стираться всякое различіе рабочихъ и интеллигентовъ*, не говоря уже о различіи отдѣльныхъ профессій тѣхъ и другихъ. Эта организація необходимо должна быть не очень широкой и возможно болѣе конспиративной. Остановимся на этомъ троякомъ различіи.

Въ странахъ съ политической свободой различіе профессіональной и политической организаціи совершенно ясно, какъ ясно и различіе трэдъ-юніоновъ и соціалдемократіи. Отношенія послѣдней къ первымъ неизбѣжно видоизмѣняются, конечно, въ разныхъ странахъ смотря по историческимъ, юридическимъ и другимъ условіямъ, — они могутъ быть болѣе или менѣе тѣсными, сложными и проч. (они должны быть, съ нашей точки зрѣнія, возможно болѣе тѣсными и возможно менѣе сложными),

но о совпаденіи организаціи профессіональныхъ союзовъ съ организаціей соціалдемократической партіи въ свободныхъ странахъ нѣтъ и рѣчи. Въ Россіи же гнетъ самодержавія стираетъ, на первый взглядъ, всякое различіе между соціалдемократической организаціей и рабочимъ союзомъ, ибо *всякіе* рабочіе союзы и *всякіе* кружки запрещены, ибо главное проявленіе и орудіе экономической борьбы рабочихъ — стачка — является вообще уголовнымъ (а иногда даже политическимъ!) проступкомъ. Такимъ образомъ наши условія, съ одной стороны, очень „наталкиваютъ ведущихъ экономическую борьбу рабочихъ на политическіе вопросы, а съ другой стороны, „наталкиваютъ" соціалдемократовъ на смѣшеніе трэдъ-юніонизма и соціалдемократизма (и наши Кричевскіе, Мартыновы и Ко., усердно толкуя о „наталкиваніи" перваго рода, не замѣчаютъ „наталкиванія" второго рода). Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ людей, на 99 сотыхъ поглощенныхъ экономической борьбой съ хозяевами и правительствомъ". Одни изъ нихъ въ теченіе *всего* періода ихъ дѣятельности (4—6 мѣс.) ни разу не натолкнутся на вопросъ о необходимости болѣе сложной организаціи революціонеровъ; другіе „натолкнутся", пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейніанскую литературу, изъ которой почерпнутъ убѣжденіе въ сугубой важности „поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы". Третьи, наконецъ, увлекутся, можетъ быть, соблазнительной идеей явить міру новый образецъ „тѣсной и органической связи съ пролетарской борьбой", связи профессіональнаго и соціалдемократическаго движенія. Чѣмъ позже выступаетъ страна на арену капитализма, а, слѣдовательно, и рабочаго движенія, — могутъ разсуждать такіе люди, — тѣмъ больше могутъ соціалисты принимать участія въ профессіональномъ движеніи и оказывать ему поддержку, тѣмъ меньше можетъ и должно быть не-соціалдемократическихъ профессіональныхъ союзовъ. До сихъ поръ такое разсужденіе вполнѣ правильно, но бѣда въ томъ, что идутъ еще дальше и мечтаютъ о полномъ сліяніи соціалдемократизма и трэдъ-юніонизма. Мы сейчасъ увидимъ на примѣрѣ устава СПБ. Союза Борьбы, какъ вредно отражаются эти мечты на нашихъ организаціонныхъ планахъ.

Организаціи рабочихъ для экономической борьбы должны быть профессіональными организаціями. Всякій соціалдемократъ-рабочій долженъ по мѣрѣ возможности оказывать содѣйствіе и активно работать въ этихъ организаціяхъ. Это такъ. Но вовсе не въ нашихъ интересахъ требовать, чтобы членами „цеховыхъ" союзовъ могли быть только соціалдемократы: это сузило бы размѣры нашего вліянія на массу. Пусть въ цеховомъ союзѣ участвуетъ всякій рабочій, понимающій необходимость объединенія для борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ. Самая цѣль цеховыхъ союзовъ была бы недостижима, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организаціями. И чѣмъ шире эти организаціи, тѣмъ шире будетъ и наше вліяніе на нихъ, вліяніе, оказываемое не только „стихійнымъ" развитіемъ экономической борьбы, но и прямымъ сознательнымъ воздѣйствіемъ

соціалистическихъ членовъ союза на товарищей. Но при широкомъ составѣ организаціи невозможна строгая конспирація (требующая гораздо большей подготовки, чѣмъ необходимо для участія въ экономической борьбѣ). Какъ примирить это противорѣчіе между необходимостью широкаго состава и строгой конспираціи? Какъ достигнуть того, чтобы цеховыя организаціи были возможно менѣе конспиративны? Для этого можетъ быть, вообще говоря, только два пути: либо легализація цеховыхъ союзовъ (въ нѣкоторыхъ странахъ предшествовавшая легализаціи соціалистическихъ и политическихъ союзовъ), либо сохраненіе организаціи тайной, настолько „свободной", мало-оформленной, lose, какъ говорятъ нѣмцы, чтобы конспирація для массы членовъ сводилась почти къ нулю.

Легализація не-соціалистическихъ и не-политическихъ рабочихъ союзовъ въ Россіи уже началась, и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что каждый шагъ нашего быстро растущаго соціалдемократическаго рабочаго движенія будетъ умножать и поощрять попытки этой легализаціи,—попытки, исходящія главнымъ образомъ отъ сторонниковъ существующаго строя, но отчасти и отъ самихъ рабочихъ и отъ либеральной интеллигенціи. Знамя легализаціи уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содѣйствіе ей уже обѣщано и дано гг. Озеровыми и Вормсами, среди рабочихъ есть уже послѣдователи новаго теченія. И мы не можемъ отнынѣ не считаться съ этимъ теченіемъ. Какъ считаться,—объ этомъ среди соціалдемократовъ врядъ ли можетъ быть два мнѣнія. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участіе Зубатовыхъ и Васильевыхъ, жандармовъ и поповъ въ этомъ теченіи и разъяснять рабочимъ истинныя намѣренія этихъ участниковъ. Мы обязаны разоблачать также всякія примирительныя, „гармоническія" нотки, которыя будутъ проскальзывать въ рѣчахъ либеральныхъ дѣятелей на открытыхъ собраніяхъ рабочихъ,—все равно берутъ ли они эти ноты въ силу искренняго своего убѣжденія въ желательности мирнаго сотрудничества классовъ, въ силу ли желанія подслужиться начальству или наконецъ просто по неловкости. Мы обязаны, наконецъ, предостерегать рабочихъ отъ той ловушки, которую имъ ставитъ зачастую полиція, высматривая „людей съ огонькомъ" на этихъ открытыхъ собраніяхъ и въ дозволенныхъ обществахъ, пытаясь чрезъ посредство легальныхъ организацій ввести провокаторовъ и въ нелегальныя.

Но дѣлать все это—вовсе не значитъ забывать о томъ, что *въ концѣ концовъ* легализація рабочаго движенія принесетъ пользу именно намъ, а отнюдь не Зубатовымъ. Напротивъ, какъ разъ своей обличительной кампаніей мы и отдѣляемъ плевелы отъ пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это—привлеченіе вниманія еще болѣе широкихъ и самыхъ отсталыхъ слоевъ рабочихъ къ соціальнымъ и политическимъ вопросамъ, это—освобожденіе насъ, революціонеровъ, отъ такихъ функцій, которыя по существу легальны (распространеніе легальныхъ книгъ, взаимопомощь и т. п.) и развитіе которыхъ неизбѣжно будетъ

давать намъ все большій и большій матеріалъ для агитаціи. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ и должны сказать Зубатовымъ и Озеровымъ: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочимъ ловушку (въ смыслѣ ли прямого провокаторства или въ смыслѣ „честнаго“ развращенія рабочихъ „струвизмомъ“)— мы уже позаботимся о вашемъ разоблаченіи. Поскольку вы дѣлаете дѣйствительный шагъ впередъ,—хотя бы въ формѣ самаго „робкаго зигзага“, но шагъ впередъ, — мы скажемъ: сдѣлайте одолженіе! Дѣйствительнымъ шагомъ впередъ можетъ быть только дѣйствительное, хотя бы миніатюрное, расширеніе простора для рабочихъ. А всякое такое расширеніе послужитъ на пользу намъ и ускоритъ появленіе такихъ легальныхъ обществъ, на которыхъ не провокаторы будутъ ловить соціалистовъ, а соціалисты, будутъ ловить себѣ адептовъ. Однимъ словомъ, наше дѣло теперь бороться съ плевелами. Не наше дѣло растить въ комнатныхъ горшкахъ пшеницу. Вырывая плевелы, мы тѣмъ самымъ очищаемъ почву для возможнаго проростанія сѣмянъ пшеницы. И покуда Афанасіи Иванычи съ Пульхеріями Ивановнами занимаются комнатнымъ растеніеводствомъ, мы должны готовить жнецовъ, которые сумѣли бы и косить сегодняшніе плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу.

Итакъ, посредствомъ легализаціи *рѣшить* вопросъ о созданіи возможно менѣе конспиративной и возможно болѣе широкой профессіональной организаціи *мы* не можемъ (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли намъ хотя частичную возможность такого рѣшенія, для чего намъ слѣдуетъ какъ можно энергичнѣе воевать съ ними!). Остается путь тайныхъ профессіональныхъ организацій, и *мы должны* оказать всяческое содѣйствіе рабочимъ, которые уже вступаютъ (какъ намъ доподлинно извѣстно) на этотъ путь. Профессіональныя организаціи не только могутъ принести громадную пользу въ дѣлѣ развитія и упроченія экономической борьбы, но и стать весьма важнымъ пособникомъ политической агитаціи и революціонной организаціи. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того, чтобы направить начинающееся профессіональное движеніе въ желательное для соціалдемократіи русло, необходимо прежде всего ясно представить себѣ нелѣпость того плана организаціи, съ которымъ вотъ уже почти пять лѣтъ носятся петербургскіе экономисты. Планъ этотъ изложенъ и въ „Уставѣ рабочей кассы“ іюля 1897 года („Лист. Раб.“, № 9 — 10, стр. 46, — изъ № 1 „Раб. Мысли“) и въ „Уставѣ союзной рабочей организаціи“ октября 1900 года (особый листокъ, печатанный въ С.-Петербургѣ и упомянутый въ № 1 „Искры“). Основной недостатокъ обоихъ уставовъ — детальное оформленіе широкой рабочей организаціи и смѣшеніе съ этой послѣднею организаціи революціонеровъ. Возьмемъ второй уставъ, какъ болѣе разработанный. Корпусъ его состоитъ изъ *пятидесяти двухъ* параграфовъ: 23 пар. излагаютъ устройство, порядокъ веденія дѣлъ и предѣлы вѣдомства „рабочихъ кружковъ“, устраиваемыхъ на каждой фабрикѣ („не болѣе 10 человѣкъ“) и выбирающихъ „центральныя (фабричныя) группы“.

„Центральная группа—гласитъ § 2—слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ на ея фабрикѣ или заводѣ и ведетъ хронику событій на немъ". „Центральная группа ежемѣсячно даетъ отчетъ всѣмъ плательщикамъ о состояніи кассы" (§ 17) и т. п. 10 параг. посвященъ „районной организаціи" и 19—крайне сложному сплетенію „Комитета рабочей организаціи" и „Комитета СПБ. Союза Борьбы" (выборные отъ каждаго района и отъ „исполнительныхъ группъ" — „группъ пропагандистовъ, для сношенія съ провинціей, для сношенія съ заграницей, для завѣдыванія складами, издательской, кассовой").

Соціалдемократія = „исполнительныя группы" по отношенію къ экономической борьбѣ рабочихъ! Трудно было бы рельефнѣе демонстрировать, какъ сбивается мысль экономиста съ соціалдемократизма на трэдъ-юніонизмъ, какъ чуждо ему всякое представленіе о томъ, что соціалдемократъ долженъ прежде всего думать объ организаціи революціонеровъ, способныхъ руководить *всей* освободительной борьбой пролетаріата. Говорить о „политическомъ освобожденіи рабочаго класса", о борьбѣ съ „царскимъ произволомъ" — и писать такіе уставы организаціи значитъ не имѣть ровно никакого понятія о настоящихъ политическихъ задачахъ соціалдемократіи. Ни единый изъ полусотни параграфовъ не обнаруживаетъ и проблеска пониманія того, что необходима самая широкая политическая агитація въ массахъ, освѣщающая всѣ стороны русскаго абсолютизма, весь обликъ разныхъ общественныхъ классовъ въ Россіи. Да и не только политическія, даже трэдъ-юніонистскія цѣли неосуществимы при такомъ уставѣ, ибо онѣ требуютъ организаціи *по профессіямъ*, о которой вовсе и не упоминается.

Но едва ли не всего болѣе характерна поразительная тяжеловѣстность всей этой „системы", пытающейся связать каждую отдѣльную фабрику съ „комитетомъ" постоянной нитью единообразныхъ и до смѣшного мелочныхъ правилъ, при трехстепенной системѣ выборовъ. Сдавленная узкимъ кругозоромъ экономизма, мысль ударяется здѣсь въ детали, отъ которыхъ такъ и отдаетъ волокитой и канцелярщиной. На дѣлѣ, конечно, три четверти всѣхъ этихъ параграфовъ никогда не примѣняются, но зато жандармамъ такая „конспиративная" организація съ центральной группой на каждой фабрикѣ облегчаетъ устройство неимовѣрно широкихъ проваловъ. Польскіе товарищи пережили уже такую полосу движенія, когда всѣ увлекались широкимъ основаніемъ рабочихъ кассъ; но они очень скоро отказались отъ этой мысли, убѣдившись, что доставляютъ только обильную жатву жандармамъ. Если мы хотимъ широкихъ рабочихъ организацій и не хотимъ широкихъ проваловъ, не хотимъ доставлять удовольствія жандармамъ, то мы должны стремиться къ тому, чтобы эти организаціи были совершенно не оформлены. — Возможно ли будетъ тогда функціонированіе ихъ? — А вотъ посмотрите на эти функціи: „...слѣдить за всѣмъ, что происходитъ на фабрикѣ и вести хронику событій на ней" (§ 2 устава). Неужели это непремѣнно нужно оформливать? Неужели это не можетъ

быть еще лучше достигнуто корреспонденціями въ нелегальныя газеты безъ всякаго образованія для этого особыхъ группъ? ..."Руководить борьбой рабочихъ за улучшеніе ихъ положенія на заводѣ" (§ 3 устава). Опять не къ чему оформливать. Какія требованія хотятъ выдвинуть рабочіе, это всякій мало-мальски толковый агитаторъ вывѣдаетъ досконально изъ простой бесѣды, а, вывѣдавъ, сумѣетъ передать въ узкую уже, а не широкую, организацію революціонеровъ для доставки соотвѣтствующаго листка. "...Организовать кассу... со взносомъ по 2 коп. съ рубля" (§ 9) — и затѣмъ ежемѣсячно давать всѣмъ отчетъ о кассѣ (§ 17), исключать не платящихъ членовъ (§ 10) и т. п. Вотъ это для полиціи прямо рай, потому что ничего нѣтъ легче проникнуть во всю эту конспирацію "центральной фабричной кассы" и деньги конфисковать и всѣхъ лучшихъ людей убрать. Не проще ли пускать копеечныя или двухкопеечныя марки со штемпелемъ извѣстной (очень узкой и очень конспиративной) организаціи, или безъ всякихъ марокъ дѣлать сборы, отчеты по которымъ печатаетъ, съ извѣстнымъ условнымъ паролемъ, нелегальная газета? Цѣль будетъ достигнута та же, а жандармы во сто разъ труднѣе доберутся тогда до нитей.

Я могъ бы продолжать свой примѣрный разборъ устава, но думаю, что и сказаннаго довольно. Маленькое, тѣсно сплоченное ядро самыхъ надежныхъ, опытныхъ и закаленныхъ рабочихъ, имѣющее довѣренныхъ людей въ главныхъ районахъ и связанное, по всѣмъ правиламъ строжайшей конспираціи, съ организаціей революціонеровъ, вполнѣ сможетъ выполнить, при самомъ широкомъ содѣйствіи массы и безъ всякаго оформленія, *всѣ* функціи, которыя лежатъ на профессіональной организаціи, и кромѣ того выполнить именно такъ, какъ это желательно для соціалдемократіи. Только такимъ путемъ и можно достигнуть *упроченія* и развитія, вопреки всѣмъ жандармамъ, *соціалдемократическаго* профессіональнаго движенія.

Мнѣ возразятъ: организація, до такой степени lose, что она и вовсе не оформлена, что въ ней и членовъ-то даже, завѣдомыхъ и зарегистрованныхъ, никакихъ нѣтъ, не можетъ быть и названа организаціей.—Можетъ быть. Я за названіемъ не гонюсь. Но все, что нужно, эта организація безъ членовъ" сдѣлаетъ и обезпечитъ съ самаго начала прочную связь нашихъ будущихъ трэдъ-юніоновъ съ соціализмомъ. А кто хочетъ *широкой* организаціи рабочихъ съ выборами, отчетами, всеобщими голосованіями и пр. при абсолютизмѣ, — тотъ просто неисправимый утописть.

Мораль отсюда простая: если мы начнемъ съ прочной постановки крѣпкой организаціи революціонеровъ, то мы сможемъ обезпечить устойчивость движенія въ его цѣломъ, осуществить и соціалдемократическія и собственно трэдъ-юніонистскія цѣли. Если же мы начнемъ съ наиболѣе якобы "доступной" массѣ (а на дѣлѣ съ наиболѣе доступной жандармамъ и дѣлающей революціонеровъ наиболѣе доступными полиціи) широкой рабочей организаціи, то мы ни тѣхъ, ни другихъ цѣлей не осуществимъ, отъ кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей

вѣчной разгромленностью будемъ только дѣлать наиболѣе доступными массѣ трэдъ-юніоны Зубатовскаго или Озеровскаго типа.

Въ чемъ же собственно должны состоять функціи этой организаціи революціонеровъ?—Объ этомъ мы сейчасъ подробно побесѣдуемъ. Но сначала разберемъ еще одно весьма типичное разсужденіе нашего террориста, который опять-таки оказывается (печальная его судьба!) въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ экономистомъ. Въ журналѣ для рабочихъ „Свобода" (№ 1) есть статья: „Организація", авторъ которой хочетъ защитить своихъ знакомыхъ, иваново-вознесенскихъ рабочихъ-экономистовъ.

„Плохо,—пишетъ онъ,—когда толпа безмолвна, безсознательна, когда движеніе идетъ съ низовъ. Вотъ посмотрите: студенты изъ университетскаго города разъѣзжаются на праздники или на лѣто по домамъ—и рабочее движеніе пріостанавливается. Развѣ такое рабочее движеніе, подталкиваемое со стороны, можетъ быть дѣйствительной силой? Куда тамъ... Оно еще не выучилось ходить своими ногами, и его водятъ на помочахъ. И такъ во всемъ: студенты разъѣхались—остановка; выхватили наиболѣе способныхъ изъ сливокъ—молоко закисло; арестовали „Комитетъ"—пока-то устроится новый, опять затишье; да неизвѣстно еще, какой устроится—можетъ быть, совсѣмъ непохожій на прежній: тотъ говорилъ одно, а этотъ скажетъ обратное, связь между вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ теряется, опытъ прошлаго не въ поученье будущему. И все оттого, что нѣтъ корней въ глубинѣ, въ толпѣ, работаетъ не сотня дураковъ, а десятокъ умниковъ. Десятокъ всегда можно выловить щучьимъ хайломъ, но разъ организація охватываетъ толпу, все идетъ отъ толпы,—ничье усердіе не въ состояніи погубить дѣла" (63 стр.).

Факты описаны вѣрно. Картинка нашего кустарничества недурная. Но выводы—достойные „Рабочей Мысли" и по ихъ неразумности, и по ихъ политической безтактности. Это—верхъ неразумія, ибо авторъ смѣшиваетъ философскій и соціально-историческій вопросъ о „корняхъ" движенія въ „глубинѣ" съ технически-организаціоннымъ вопросомъ о лучшей борьбѣ съ жандармами. Это—верхъ политической безтактности, ибо вмѣсто того, чтобы апеллировать отъ плохихъ руководителей къ хорошимъ руководителямъ, авторъ апеллируетъ отъ руководителей вообще къ „толпѣ". Это—такая же попытка тащить насъ назадъ въ организаціонномъ отношеніи, какъ въ политическомъ отношеніи тащить назадъ мысль о замѣнѣ политической агитаціи эксцитативнымъ терроромъ. Я, право, испытываю настоящій embarras de richesses, не зная, съ чего начать разборъ преподносимой намъ „Свободою" путаницы. Попробую начать, для наглядности, съ примѣра. Возьмите нѣмцевъ. Надѣюсь, вы не станете отрицать, что у нихъ организація охватываетъ толпу, все идетъ отъ толпы, рабочее движеніе научилось ходить своими ногами? А между тѣмъ какъ умѣетъ эта милліонная толпа цѣнить „десятокъ" своихъ испытанныхъ политическихъ вождей, какъ крѣпко держится она за нихъ! Въ парламентѣ бывало не разъ, что депутаты враждебныхъ партій дразнили соціалистовъ: „хороши демократы! на словахъ только у васъ движеніе рабочаго класса,—а на дѣлѣ выступаетъ все та же компанія вожаковъ. Все тотъ же Бебель, все тотъ же Либкнехтъ изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе. Да ваши якобы-выборные делегаты отъ ра-

бочихъ болѣе несмѣняемы, чѣмъ назначаемые императоромъ чиновники!“ Но нѣмцы встрѣчали только презрительной усмѣшкой эти демагогическія попытки противопоставить „вожакамъ“ „толпу“, разжечь въ послѣдней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движенія его прочность и его устойчивость посредствомъ подрыва довѣрія массы къ „десятку умниковъ“. У нѣмцевъ достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политическаго опыта, чтобы понимать, что безъ „десятка“ талантливыхъ (а таланты не рождаются сотнями), испытанныхъ, профессіонально подготовленныхъ и долгой школой обученныхъ вождей, превосходно спѣвшихся другъ съ другомъ, невозможна въ современномъ обществѣ стойкая борьба ни одного класса. Нѣмцы видывали и въ своей средѣ демагоговъ, которые льстили „сотнямъ дураковъ“, превознося ихъ надъ „десятками умниковъ“, льстили „мускулистому кулаку“ массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно „революціонныя“ дѣйствія и поселяя недовѣріе къ выдержаннымъ и стойкимъ вождямъ. И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбѣ со всѣми и всяческими демагогическими элементами внутри соціализма такъ выросъ и окрѣпъ нѣмецкій соціализмъ. А наши мудрецы въ такой періодъ, когда весь кризисъ русской соціалдемократіи объясняется тѣмъ, что у стихійно пробужденныхъ массъ не оказывается налицо достаточно подготовленныхъ, развитыхъ и опытныхъ руководителей, вѣщаютъ съ глубокомысліемъ Иванушки: „плохо, когда движеніе идетъ не съ низовъ“!

„Комитетъ изъ студентовъ не годится, онъ неустойчивъ“.— Совершенно справедливо. Но отсюда выводъ тотъ, что нуженъ комитетъ изъ профессіональныхъ *революціонеровъ*, все равно, студентъ ли или рабочій сумѣетъ выработать изъ себя профессіональнаго революціонера. А вы дѣлаете выводъ тотъ, что не слѣдъ подталкивать рабочее движеніе со стороны! По своей политической наивности, вы и не замѣчаете, что играете этимъ на руку нашимъ экономистамъ и нашему кустарничеству. Въ чемъ это выражалось, позвольте спросить, „подталкиваніе“ нашихъ рабочихъ нашими студентами? *Единственно* въ томъ, что студентъ несъ рабочему тѣ обрывки политическаго знанія, которые у него были, тѣ крохи соціалистическихъ идей, которыя ему перепали (ибо главная умственная пища современнаго студента, легальный марксизмъ, и не могъ дать ничего кромѣ азбуки, кромѣ крохъ). *Этакого-то* „подталкиванія со стороны“ не слишкомъ много, а наоборотъ, слишкомъ мало, безбожно и безсовѣстно мало было въ нашемъ движеніи, ибо мы черезчуръ усердно варились въ собственномъ соку, черезчуръ рабски преклонялись предъ элементарной „экономической борьбой рабочихъ съ хозяевами и съ правительствомъ“. *Этакимъ-то* „подталкиваніемъ“ во сто разъ больше должны заниматься и будемъ заниматься мы, революціонеры по профессіи. Но именно тѣмъ, что вы выбираете такое гнусное слово, какъ „подталкиваніе со стороны“, которое неизбѣжно вызываетъ у рабочаго (по крайней мѣрѣ, у рабочаго, столь же неразвитого, какъ неразвиты вы) недовѣріе ко *всѣмъ*, кто

несетъ ему со стороны политическое знаніе и революціонный опытъ, вызываетъ инстинктивное желаніе дать отпоръ *всѣмъ* такимъ людямъ,—вы оказываетесь *демагогомъ*, а демагоги худшіе враги рабочаго класса.

Да, да! Не спѣшите поднимать вопль по поводу „нетоварищескихъ пріемовъ“ моей полемики! Я и не думаю заподазривать чистоту вашихъ намѣреній, я уже сказалъ, что демагогомъ можно сдѣлаться и въ силу одной только политической наивности. Но я показалъ, что вы опустились до демагогіи. И я никогда не устану повторять, что демагоги худшіе враги рабочаго класса. Худшіе именно потому, что они разжигаютъ дурные инстинкты толпы, что неразвитымъ рабочимъ невозможно распознать этихъ враговъ, выступающихъ иногда искренне выступающихъ въ качествѣ ихъ друзей. Худшіе—потому, въ періодъ разброда и шатанія, въ періодъ, когда только еще складывается физіономія нашего движенія, нѣтъ ничего легче, какъ демагогически увлечь толпу, которую потомъ только самыя горькія испытанія смогутъ убѣдить въ ея ошибкѣ. Вотъ почему лозунгомъ момента для современнаго русскаго соціалдемократа должна быть рѣшительная борьба и противъ опускающейся до демагогіи „Свободы“, и противъ опускающагося до демагогіи „Рабочаго Дѣла“ (о чемъ еще подробно будетъ говорено *) ниже).

„Десятокъ умниковъ легче выловить, чѣмъ сотню дураковъ“. Эта великолѣпная истина (за преподнесеніе которой вамъ всегда будетъ аплодировать сотня дураковъ) кажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода разсужденія перескочили съ одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливаніи „комитета“, о вылавливаніи „организаціи“, а теперь перескочили на вопросъ о вылавливаніи „корней“ движенія „въ глубинѣ“. Конечно, наше движеніе неуловимо только потому, что оно имѣетъ сотни и сотни тысячъ корней въ глубинѣ, но рѣчь-то вѣдь идетъ совсѣмъ не объ этомъ. Въ смыслѣ „корней въ глубинѣ“ насъ не могутъ „выловить“ и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и тѣмъ не менѣе всѣ мы жалуемся и не можемъ не жаловаться на вылавливаніе „*организацій*“, разрушающее всякую преемственность движенія. А разъ вы поставите вопросъ о вылавливаніи *организацій* и не будете сбиваться съ него, то я вамъ скажу, что десятокъ умниковъ выловить горадо труднѣе, чѣмъ сотню дураковъ. И я буду защищать это положеніе, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой „антидемократизмъ“ и т. п. Подъ „умниками“ въ отношеніи организаціонномъ надо разумѣть только, какъ я уже не разъ указывалъ, *профессіональныхъ революціонеровъ*, все равно—изъ студентовъ или изъ рабочихъ они выработаются. И вотъ я утверждаю: 1) что ни одно революціонное движеніе не

*) Здѣсь же замѣтимъ только, что все сказанное нами по поводу «подталкиванія со стороны» и всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій «Свободы» объ организаціи—*цѣликомъ* относится ко *всѣмъ* экономистамъ и «рабочедѣленцамъ» въ томъ смыслѣ, ибо они частью активно проповѣдывали и защищали тѣ же взгляды на вопросы организаціи, частью сбивались на нихъ.

можетъ быть прочно безъ устойчивой и хранящей преемственность организаціи руководителей; 2) что чѣмъ шире масса, стихійно вовлекаемая въ борьбу, составляющая базисъ движенія и участвующая въ немъ, тѣмъ настоятельнѣе необходимость въ такой организаціи и тѣмъ прочнѣе должна быть эта организація (ибо тѣмъ легче всякимъ демагогамъ увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организація должна состоять главнымъ образомъ изъ людей, профессіонально занимающихся революціонной дѣятельностью; 4) что въ самодержавной странѣ чѣмъ болѣе мы *сузимъ* составъ членовъ такой организаціи до участія въ ней такихъ только членовъ, которые профессіонально занимаются революціонной дѣятельностью и получили профессіональную подготовку въ искусствѣ борьбы съ политической полиціей, тѣмъ труднѣе будетъ „выловить" такую организацію, и 5) тѣмъ *шире* будетъ составъ лицъ и изъ рабочаго класса и изъ остальныхъ классовъ общества, которыя будутъ имѣть возможность участвовать въ движеніи и активно работать въ немъ.

Предлагаю нашимъ экономистамъ, террористамъ и „экономистамъ-террористамъ" *) опровергнуть эти положенія, изъ которыхъ я остановлюсь сейчасъ на двухъ послѣднихъ. Вопросъ о легкости выловить „десятокъ умниковъ" и „сотню дураковъ" сводится къ разобранному выше вопросу о томъ, возможна ли массовая *организація* при необходимости строжайшей конспираціи. Широкую организацію мы никогда не сможемъ поставить на ту конспиративную высоту, безъ которой не можетъ быть и рѣчи объ устойчивой и хранящей преемственность борьбы съ правительствомъ. И сосредоточеніе всѣхъ конспиративныхъ функцій въ рукахъ возможно небольшого числа профессіональныхъ революціонеровъ вовсе не означаетъ, что эти послѣдніе будутъ „думать за всѣхъ", что толпа не будетъ принимать дѣятельнаго участія въ *движеніи*. Напротивъ, эти профессіональные революціонеры будутъ выдвигаться толпой все въ большемъ числѣ, ибо толпа будетъ тогда знать, что недостаточно собраться нѣсколькимъ студентамъ и ведущимъ экономическую борьбу рабочимъ, чтобы составить „комитетъ", а что необходимо годами вырабатывать изъ себя профессіональнаго революціонера, и толпа будетъ „думать" не объ одномъ только кустарничествѣ, а именно о такой выработкѣ. Централизація конспиративныхъ функцій *организаціи* вовсе не означаетъ централизаціи всѣхъ функцій *движенія*. Активное участіе самой широкой массы въ нелегальной литературѣ не умень-

*) Этотъ терминъ, можетъ быть, болѣе правиленъ по отношенію къ «Свободѣ», чѣмъ предыдущій, ибо въ «Возрожденіи революціонизма» защищается терроризмъ, а въ разбираемой статьѣ—экономизмъ. Охота смертная, да участь горькая!—можно вообще сказать про «Свободу». Самые хорошіе задатки и самыя лучшія намѣренія—и путаница въ результатѣ, путаница главнымъ образомъ благодаря тому, что, защищая преемственность организаціи, «Свобода» не хочетъ знать преемственности революціонной мысли и соціалдемократической теоріи. Стараться опять вызвать къ жизни профессіональнаго революціонера («Возр. рев.») и предлагать для этого, во-первыхъ, эксцитативный терроръ, а, во-вторыхъ, «организацію рабочихъ-середняковъ» («Свобода», № 1, стр. 66 и слѣд.), поменьше «подталкиваемыхъ со стороны»,—это значитъ, по истинѣ, для согрѣванія своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

шится, а вдесятеро *усилится* оттого, что „десятокъ" профессіональныхъ революціонеровъ централизуетъ конспиративныя функціи этого дѣла. Такъ и только такъ мы добьемся того, что чтеніе нелегальной литературы, сотрудничество въ ней, отчасти даже и распространеніе ея *почти перестанутъ быть конспиративнымъ дѣломъ*, ибо полиція скоро пойметъ нелѣпость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждаго экземпляра изъ разбрасываемыхъ тысячами изданій. И это относится не только къ печати, а и ко всѣмъ функціямъ движенія, вплоть до демонстраціи. Самое активное и самое широкое участіе въ ней массы не только не пострадаетъ, а напротивъ много выиграетъ отъ того, что „десятокъ" испытанныхъ, профессіонально вышколенныхъ не менѣе нашей полиціи, революціонеровъ централизуетъ всѣ конспиративныя стороны дѣла, подготовленіе листковъ, выработку приблизительнаго плана, назначеніе отряда руководителей для каждаго района города, для каждаго фабричнаго квартала, для каждаго учебнаго заведенія и т. п. (я знаю, мнѣ возразятъ о „недемократичности" моихъ воззрѣній, но я отвѣчу на это, совсѣмъ неумное, возраженіе подробно ниже). Централизація наиболѣе конспиративныхъ функцій организаціей революціонеровъ не обезсилитъ, а обогатитъ широту и содержательность дѣятельности цѣлой массы другихъ организацій, разсчитанныхъ на широкую публику и потому возможно менѣе оформленныхъ и возможно менѣе конспиративныхъ: и рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, и рабочихъ кружковъ самообразованія и чтенія нелегальной литературы, и соціалистическихъ, а также демократическихъ кружковъ во *всѣхъ* другихъ слояхъ населенія и проч. и проч. Такіе кружки, союзы и организаціи необходимы повсюду въ *самомъ широкомъ* числѣ, съ самыми разнообразными функціями, но нелѣпо и вредно *смѣшивать* ихъ съ организаціей *революціонеровъ*, стирать грань между ними, угашать въ массѣ и безъ того невѣроятно потускнѣвшее сознаніе того, что для „обслуживанія" массоваго движенія нужны люди, спеціально посвящающіе себя цѣликомъ соціалдемократической дѣятельности, и что такіе люди должны съ терпѣніемъ и упорствомъ *вырабатывать* изъ себя профессіональныхъ революціонеровъ.

Да, это сознаніе невѣроятно потускнѣло. Основной нашъ грѣхъ въ организаціонномъ отношеніи—что *мы своимъ кустарничествомъ уронили престижъ революціонеровъ на Руси*. Дряблый и шаткій въ вопросахъ теоретическихъ съ узкимъ кругозоромъ, ссылающійся на стихійность массы въ оправданіе своей вялости, болѣе похожій на секретаря трэдъ-юніона, чѣмъ на народнаго трибуна, не умѣющій выдвинуть широкаго и смѣлаго плана, который бы внушилъ уваженіе и противникамъ, неопытный и неловкій въ своемъ профессіональномъ искусствѣ,—борьбѣ съ политичеткой полиціей,—помилуйте! это—не революціонеръ, а какой-то жалкій кустарь.

Пусть не обижается на меня за это рѣзкое слово ни одинъ практикъ, ибо, поскольку рѣчь идетъ о неподготовленности, я

отношу его прежде всего къ самому себѣ. Я работалъ въ кружкѣ, который ставилъ себѣ очень широкія, всеобъемлющія задачи,— и всѣмъ намъ, членамъ этого кружка, приходилось мучительно до боли страдать отъ сознанія того, что мы оказываемся кустарями въ такой историческій моментъ, когда можно было бы, видоизмѣняя извѣстное изреченіе, сказать: дайте намъ организацію революціонеровъ—и мы перевернемъ Россію! И чѣмъ чаще мнѣ съ тѣхъ поръ приходилось вспоминать о томъ жгучемъ чувствѣ стыда, которое я тогда испытывалъ, тѣмъ больше у меня накоплялось горечи противъ тѣхъ лже-соціалдемократовъ, которые своей проповѣдью „позорятъ революціонера санъ", которые не понимаютъ того, что наша задача—не защищать приниженіе революціонера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революціонеровъ.

г) Размахъ организаціонной работы.

Мы слышали выше отъ Б—ва „о томъ недостаткѣ годныхъ къ дѣйствію революціонныхъ силъ, который ощущается не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи". И врядъ-ли кто станетъ оспаривать этотъ фактъ. Но вопросъ въ томъ, какъ объяснить его, Б—въ пишетъ:

„Мы не будемъ вдаваться въ выясненіе историческихъ причинъ этого явленія; скажемъ только, что общество, деморализованное продолжительной политической реакціей и разрозненное совершившимися и совершающимися экономическими измѣненіями, выдѣляетъ изъ своей среды *крайне малое число лицъ, годныхъ къ революціонной работѣ*; что рабочій классъ, выдѣляя революціонеровъ-рабочихъ, отчасти пополняетъ ряды нелегальныхъ организацій,—но что число такихъ революціонеровъ не отвѣчаетъ потребностямъ времени. Тѣмъ болѣе, что рабочій, занятый на фабрикѣ 11½ часовъ, по своему положенію можетъ исполнять преимущественно функціи агитатора; пропаганда же и организація, доставка и воспроизведеніе нелегальной литературы, выпускъ прокламацій и т. д. поневолѣ главной тяжестью ложатся на крайне незначительныя интеллигентныя силы". („Р. Дѣло", № 6, ст. 38—39).

Мы во многомъ несогласны съ этимъ мнѣніемъ Б—ва и особенно несогласны съ подчеркнутыми нами словами, которыя особенно рельефно показываютъ, что пострадавшись (какъ и всякій сколько-нибудь думавшій практикъ) отъ нашего кустарничества, Б—въ не можетъ, вслѣдствіе его придавленности экономизмомъ, нащупать выходъ изъ невыносимаго положенія. Нѣтъ, общество выдѣляетъ крайне *много* лицъ, годныхъ для „дѣла", но мы не умѣемъ утилизировать всѣхъ ихъ. Критическое, переходное состояніе нашего движенія въ разсматриваемомъ отношеніи можно формулировать словами: *людей нѣтъ и — людей масса.* Людей масса, потому что и рабочій классъ, и все болѣе и болѣе разнообразные слои общества выдѣляютъ съ каждымъ годомъ все больше и больше недовольныхъ, желающихъ протестовать, готовыхъ оказать посильное содѣйствіе борьбѣ съ абсолютизмомъ, невыносимость котораго еще не всѣми сознается, но все болѣе широкой массой и все острѣе ощущается. И въ то же время людей нѣтъ, потому что нѣтъ руководителей, нѣтъ поли-

тическихъ вождей, нѣтъ организаторскихъ талантовъ, способныхъ поставить такую широкую и въ то же время единую и стройную работу, которая бы давала примѣненіе каждой, хотя бы самой незначительной силѣ. „Ростъ и развитіе революціонныхъ организацій“ отстаетъ не только отъ роста рабочаго движенія, что признаетъ и Б—въ, но и отъ роста общедемократическаго движенія во всѣхъ слояхъ народа. (Впрочемъ, въ настоящее время вѣроятно, Б—въ призналъ бы и это дополненіемъ къ его выводу). Размахъ революціонной работы слишкомъ узокъ сравнительно съ широкимъ стихійнымъ базисомъ движенія, слишкомъ придавленъ убогой теоріей „экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ“. А между тѣмъ въ настоящее время не только политическіе агитаторы, но и организаторы-соціалдемократы должны „идти во всѣ классы населенія“ *). И врядъ ли хоть одинъ практикъ усомнится въ томъ, что соціалдемократы могли бы раздѣлить тысячи дробныхъ функцій своей организаціонной работы между отдѣльными представителями самыхъ различныхъ классовъ. Недостатокъ спеціализаціи—одинъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ нашей техники, на который такъ горько и такъ справедливо жалуется Б—въ. Чѣмъ мельче будутъ отдѣльныя „операціи“ общаго дѣла, тѣмъ больше можно найти лицъ, способныхъ къ выполненію такихъ операцій (и совершенно неспособныхъ въ большинствѣ случаевъ къ тому, чтобы стать профессіональными революціонерами), и тѣмъ труднѣе для полиціи „выловить“ всѣхъ этихъ „детальныхъ работниковъ“, тѣмъ труднѣе для нея смастерить изъ поимки человѣка на какой-либо мелочи „дѣло“, окупающее расходы казны на „охрану“. А что касается числа готовыхъ оказывать намъ содѣйствіе лицъ, то мы уже и въ предыдущей главѣ указывали на гигантскую перемѣну, происшедшую въ этомъ отношеніи за какихъ-нибудь пять лѣтъ. Но, съ другой стороны, для того, чтобы собрать во-едино всѣ эти мелкія дроби, и для того, чтобы не раздробить вмѣстѣ съ функціями движенія самаго движенія, и для того, чтобы внушить исполнителю мелкихъ функцій ту вѣру въ необходимость и значеніе его работы, безъ которой онъ никогда и не будетъ работать **),—для всего этого необходима именно крѣпкая организа-

*) Напримѣръ, въ военной средѣ въ послѣднее время замѣчается несомнѣнное оживленіе демократическаго духа, отчасти вслѣдствіе учащающихся случаевъ уличной борьбы противъ такихъ «враговъ», какъ рабочіе и студенты. И, какъ только позволятъ наличныя силы, мы непремѣнно должны обратить самое серьезное вниманіе на пропаганду и агитацію среди солдатъ и офицеровъ, на созданіе «военныхъ организацій», входящихъ въ нашу партію.

**) Я помню, одинъ товарищъ передавалъ мнѣ, какъ горько жаловался готовый помогать и помогавшій соціалдемократіи фабричный инспекторъ на то, что онъ не знаетъ, доходитъ ли его «информація» до настоящаго революціоннаго центра, насколько нужна его помощь и насколько имѣется возможность утилизировать его маленькія и мелкія услуги. Всякій практикъ знаетъ, конечно, не одинъ подобный случай, когда наше кустарничество отнимало у насъ союзниковъ. А «мелкія» въ отдѣльности и неоцѣнимыя въ суммѣ услуги могли бы и стали бы намъ оказывать служащіе и чиновники не только по фабричной, но и по почтовой, желѣзнодорожной, таможенной, дворянской, поповской и *всякой* другой части, вплоть даже до полицейской и придворной! Если бы у насъ была уже настоящая партія, дѣйствительно бое-

ція испытанныхъ революціонеровъ. При такой организаціи вѣра въ силу партіи укрѣпится тѣмъ болѣе и распространится тѣмъ шире, чѣмъ конспиративнѣе будетъ эта организація,—а вѣдь на войнѣ, извѣстное дѣло, важнѣе всего внушить вѣру въ свои силы не только своей арміи, но и непріятелю и всѣмъ *нейтральнымъ* элементамъ; дружественный нейтралитетъ можетъ иногда рѣшить дѣло. При такой организаціи, стоящей на твердомъ теоретическомъ базисѣ и располагающей социалдемократическимъ органомъ, нечего будетъ бояться того, что движеніе собьютъ съ пути многочисленные, привлеченные къ нему, „сторонніе“ элементы (напротивъ, именно теперь, при господствующемъ кустарничествѣ мы наблюдаемъ, какъ многіе социалдемократы тянутъ по линіи „credo“, воображая только себя социалдемократами). Однимъ словомъ, спеціализація необходимо предполагаетъ централизацію и, въ свою очередь, безусловно требуетъ ея.

Но самъ же Б—въ, такъ прекрасно обрисовавшій всю необходимость спеціализаціи, недостаточно оцѣниваетъ ее, по нашему мнѣнію, во второй части приведеннаго разсужденія. Число революціонеровъ изъ рабочихъ недостаточно, говоритъ онъ. Это совершенно справедливо, и мы опять-таки подчеркиваемъ, что „цѣнное сообщеніе близкаго наблюдателя“ вполнѣ подтверждаетъ нашъ взглядъ на причины современнаго кризиса въ социалдемократіи, а, слѣдовательно, и на средства исцѣленія отъ него. Не только вообще отстаютъ революціонеры отъ стихійнаго подъема массъ, но даже и рабочіе революціонеры отстаютъ отъ стихійнаго подъема рабочихъ массъ. А этотъ *фактъ* самымъ нагляднымъ образомъ подтверждаетъ, даже съ „практической“ точки зрѣнія, не только нелѣпость, но и *политическую реакціонность* той „педагогіи“, которою насъ такъ часто угощаютъ при обсужденіи вопроса о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ рабочимъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что самая первая, самая настоятельная наша обязанность—содѣйствіе выработкѣ рабочихъ революціонеровъ, стоящихъ на такомъ же уровнѣ *въ отношеніи партійной дѣятельности*, какъ и интеллигенты-революціонеры (мы подчеркиваемъ слова: въ отношеніи партійной дѣятельности, ибо въ другихъ отношеніяхъ достиженіе такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не такъ легко и не такъ настоятельно). Поэтому *главное* вниманіе должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочихъ до революціонеровъ, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самимъ непремѣнно до „рабочей массы“, какъ хотятъ экономисты, непремѣнно до „рабочихъ-середняковъ“, какъ хочетъ „Свобода“ (поднимающаяся въ этомъ отношеніи на вторую сту-

---

вая организація революціонеровъ, мы не ставили бы ребромъ всѣхъ такихъ «пособниковъ», не торопились бы всегда и безусловно втягивать ихъ въ самую сердцевину «нелегальщины», а, напротивъ, особенно берегли бы ихъ, и даже спеціально подготовляли бы людей на такія функціи, памятуя, что многіе студенты могли бы больше пользы принести партіи въ качествѣ «пособниковъ»—чиновниковъ, чѣмъ въ качествѣ «краткосрочныхъ» революціонеровъ. Но—повторяю еще разъ—примѣнять эту тактику въ правѣ только вполнѣ уже прочная организація, не испытывающая недостатка въ активныхъ силахъ.

пеньку экономической „педагогіи“). Я далекъ отъ мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочихъ и особо-популярной (только конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталыхъ рабочихъ. Но меня возмущаетъ это постоянное припутываніе педагогіи къ вопросамъ политики, къ вопросамъ организаціи. Вѣдь вы, господа радѣтели о „рабочемъ-середнякѣ“, въ сущности, скорѣе оскорбляете рабочихъ своимъ желаніемъ непремѣнно *нагнуться*, прежде чѣмъ заговорить о рабочей политикѣ или о рабочей организаціи. Да говорите же вы о серьезныхъ вещахъ, выпрямившись, и предоставьте педагогію педагогамъ, а не политикамъ и не организаторамъ! Развѣ среди интеллигенціи нѣтъ тоже передовиковъ, „середняковъ“ и „массы“? Развѣ для интеллигенціи не признается также всѣми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература? Но представьте только себѣ, что въ статьѣ объ организаціи студентовъ или гимназистовъ авторъ станетъ, какъ открытіе какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организація „студентовъ-середняковъ“. Такого автора навѣрное осмѣютъ—и по дѣломъ. Да вы дайте намъ, скажутъ ему, организаціонныя идейки, ежели онѣ у васъ есть, а ужъ тамъ мы сами разберемъ, кто изъ насъ „середнякъ“, кто выше и кто ниже. А ежели у васъ *своихъ* организаціонныхъ идеекъ нѣтъ,—всѣ ваши потуги насчетъ „массы“ и „середняковъ“ окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о „политикѣ“, объ „организаціи“ настолько серьезны, что о нихъ нельзя говорить иначе, какъ вполнѣ серьезно: можно и должно *подготовлять* рабочихъ (и студентовъ и гимназистовъ) къ тому, чтобы съ ними *можно было заговорить* объ этихъ вопросахъ, но разъ уже вы заговорили о нихъ, давайте настоящіе отвѣты, не пятьтесь назадъ, къ „середнякамъ“ или къ „массѣ“, не отдѣлывайтесь прибаутками или фразами *).

Рабочій-революціонеръ для полной подготовки къ своему дѣлу тоже долженъ становиться профессіональнымъ революціонеромъ. Поэтому неправъ Б—въ, когда онъ говоритъ, что такъ какъ рабочій занятъ на фабрикѣ по 11½ часовъ, то остальныя революціонныя функціи (кромѣ агитаціи) „*по-неволѣ* главной тяжестью ложатся на крайне незначительныя интеллигентныя силы“. Вовсе это не „по-неволѣ“ такъ дѣлается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаемъ своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своимъ способностямъ рабочему превращаться въ *профессіональнаго* агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика и пр. и пр. Въ этомъ отношеніи мы прямо позорно расхищаемъ свои силы, не умѣя беречь то, что надо особенно

---

*) Свобода, № 1, статья «Организація», стр. 36: «Тяжелой поступью рабочая громада будетъ крѣпить всѣ требованія, которыя выставятся отъ лица россійскаго Труда»,—непремѣнно съ большой буквы! И этотъ же авторъ восклицаетъ: «Я вовсе не отношусь враждебно къ интеллигенціи, но»... (это то самое *но*, которое Щедринъ переводилъ словами: выше лба уши не растутъ!)... «но меня всегда страшно сердитъ, когда придетъ человѣкъ и наговоритъ очень красивыхъ и прекрасныхъ вещей и требуетъ, чтобы онѣ были приняты за свою (его?) красоту и иныя достоинства» (62). Да, меня это тоже «всегда страшно сердитъ»...

заботливо ростить и выращивать. Посмотрите на нѣмцевъ: у нихъ во сто разъ больше силъ, чѣмъ у насъ, но они прекрасно понимаютъ, что дѣйствительно способные агитаторы и пр. выдѣляются „середняками" вовсе не слишкомъ часто. Поэтому они тотчасъ же стараются поставить всякаго способнаго рабочаго въ такія условія, при которыхъ его способности могли бы получить полное развитіе и полное примѣненіе: его дѣлаютъ профессіональнымъ агитаторомъ, его побуждаютъ расширить поприще его дѣятельности, распространяя ее съ одной фабрики на все ремесло, съ одной мѣстности на всю страну. Онъ пріобрѣтаетъ опытность и ловкость въ своей профессіи, онъ расширяетъ свой кругозоръ и свои знанія, онъ наблюдаетъ бокъ-о-бокъ выдающихся политическихъ вождей другихъ мѣстностей и другихъ партій, онъ старается подняться самъ на такую же высоту и соединить въ себѣ знаніе рабочей среды и свѣжесть соціалистическихъ убѣжденій съ той профессіональной выучкой, безъ которой пролетаріатъ *не можетъ* вести упорную борьбу съ великолѣпно обученными рядами его враговъ. Такъ и только такъ выдвигаются изъ рабочей массы Бебели и Ауэры. Но то, что въ политически свободной странѣ дѣлается въ значительной степени само собою, то у насъ должны систематически проводить наши организаціи. Сколько-нибудь талантливый и „подающій надежды" агитаторъ изъ рабочихъ *не долженъ* работать на фабрикѣ по 11 часовъ. Мы должны заботиться о томъ, чтобы онъ жилъ на средства партіи, чтобы онъ умѣлъ во-время перейти на нелегальное положеніе, чтобы онъ перемѣнялъ мѣста своей дѣятельности, ибо иначе онъ не выработаетъ большой опытности, не расширитъ своего кругозора, не сумѣетъ продержаться нѣсколько, по крайней мѣрѣ, лѣтъ въ борьбѣ съ жандармами. Чѣмъ шире и глубже становится стихійный подъемъ рабочихъ массъ, тѣмъ больше выдвигаютъ онѣ не только талантливыхъ агитаторовъ, но и талантливыхъ организаторовъ и пропагандистовъ и „практиковъ" въ хорошемъ смыслѣ (которыхъ такъ мало среди нашей интеллигенціи, большею частью немножко по-россійски халатной и неповоротливой). Когда у насъ будутъ отряды спеціально подготовленныхъ и прошедшихъ длинную школу рабочихъ-революціонеровъ (и притомъ, разумѣется, революціонеровъ „всѣхъ родовъ оружія"), тогда съ этими отрядами не совладаетъ никакая политическая полиція въ мірѣ, ибо эти отряды людей, беззавѣтно преданныхъ революціи, будутъ пользоваться также беззавѣтнымъ довѣріемъ самыхъ широкихъ рабочихъ массъ. И это—наша прямая *вина*, что мы слишкомъ мало „подталкиваемъ" рабочихъ на эту общую имъ съ „интеллигентами" дорогу профессіонально-революціонной выучки, слишкомъ часто тащимъ ихъ назадъ своими глупыми рѣчами о томъ, что „доступно" рабочей массѣ, „рабочимъ-середнякамъ" и т. п.

Въ этихъ, какъ и въ другихъ, отношеніяхъ узкій размахъ организаціонной работы стоитъ въ несомнѣнной и неразрывной (хотя громаднымъ большинствомъ „эк мистовъ" и начинающихъ практиковъ несознаваемой) связи съ суженіемъ нашей теоріи и нашихъ политическихъ задачъ. Преклоненіе предъ стихій-

ностью вызываетъ какую-то боязнь хотя на шагъ отойти отъ „доступнаго“ массъ, боязнь подняться слишкомъ высоко надъ простымъ прислуживаніемъ ближайшимъ и непосредственнымъ запросамъ массы. Не бойтесь, господа! Помните что мы стоимъ въ организаціонномъ отношеніи такъ низко, что нелѣпа даже самая мысль о томъ, чтобы мы *могли* поднятся *слишкомъ* высоко!

д) „Заговорщическая“ организація и „демократизмъ“.

А есть среди насъ очень много людей, которые такъ чутки къ „голосу жизни“, что всего больше боятся именно этого, обвиняя тѣхъ, кто держится излагаемыхъ здѣсь взглядовъ, въ „народовольчествѣ“, въ непониманіи „демократизма“ и проч. Приходится остановиться на этихъ обвиненіяхъ, которыя подхватило, разумѣется, и „Рабочее Дѣло“.

Пишущему эти строки очень хорошо извѣстно, что петербургскіе экономисты обвиняли въ народовольчествѣ еще „Рабочую Газету“ (что и понятно, если сравнить ее съ „Раб. Мыслью“). Насъ нисколько не удивило поэтому, когда, вскорѣ послѣ возникновенія „Искры“, одинъ товарищъ сообщилъ намъ, что социалдемократы города X называютъ „Искру“ „народовольческимъ“ органомъ. Намъ это обвиненіе, разумѣется, было только лестно, ибо какого же порядочнаго соціалдемократа не обвиняли экономисты въ народовольчествѣ.

Вызываются эти обвиненія недоразумѣніями двоякаго рода. Во-первыхъ, у насъ такъ плохо знаютъ исторію революціоннаго движенія, что называютъ „народовольчествомъ“ всякую идею о боевой централизованной организаціи, объявляющей рѣшительную войну царизму. Но та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ и которая намъ всѣмъ должна бы была служить образцомъ, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопередѣльцевъ и народовольцевъ. Такимъ образомъ видѣть въ боевой революціонной организаціи что-либо специфически народовольческое нелѣпо и исторически, и логически, ибо *всякое* революціонное направленіе, если оно только дѣйствительно думаетъ о серьезной борьбѣ, не можетъ обойтись безъ такой организаціи. Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи *всѣхъ* недовольныхъ и направить эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ. Въ этомъ состоитъ, наоборотъ, ихъ великая историческая заслуга. Ошибка же ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣли или не могли неразрывно связать своего движенія съ классовой борьбой внутри развивающагося капиталистическаго общества. И только самое грубое непониманіе марксизма (или „пониманіе“ его въ духѣ „струвизма“) могло породить мнѣніе, что возникновеніе массоваго, стихійнаго рабочаго движенія *избавляетъ* насъ отъ обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцевъ,

создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно *возлагаетъ* на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и не сдѣлается настоящей „классовой борьбой“ его до тѣхъ поръ, пока эта борьба не будетъ руководима крѣпкой организаціей революціонеровъ.

Во-вторыхъ, многіе—и въ томъ числѣ, повидимому, Б. Кричевскій („Р. Д.“ № 10, ст. 18)—неправильно понимаютъ ту полемику противъ „заговорщическаго“ взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда соціалдемократы. Мы возставали и всегда будемъ, конечно, возставать противъ *суженія* политической борьбы до заговора*), но это, разумѣется, вовсе не означало отрицанія необходимости крѣпкой революціонной организаціи. И, напр., въ брошюрѣ, названной въ примѣчаніи, наряду съ полемикой противъ сведенія политической борьбы къ заговору, обрисовывается (какъ соціалдемократическій идеалъ) организація, настолько крѣпкая, чтобы она могла „прибѣгнуть для нанесенія рѣшительнаго удара абсолютизму“ и къ „возстанію“, и ко всякому „другому пріему атаки“**). По своей *формѣ*, такая крѣпкая революціонная организація въ самодержавной странѣ можетъ быть названа и „заговорщической“ организаціей, ибо французское слово „конспирація“ равносильно русскому „заговоръ“, а конспиративность необходима для такой организаціи въ максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условіе такой организаціи, что всѣ остальныя условія (число членовъ, подборъ ихъ, функціи и проч.) должны быть сообразованы съ нимъ. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвиненія въ томъ, что мы, соціалдемократы, хотимъ создать заговорщическую организацію. Эти обвиненія должны быть такъ же лестны для каждаго врага экономизма, какъ и обвиненія въ „народовольчествѣ“.

Намъ возразятъ: такая могучая и строго тайная организація, концентрирующая въ своихъ рукахъ всѣ нити конспиративной дѣятельности, организація по необходимости централистическая, можетъ слишкомъ легко броситься въ преждевременную атаку, можетъ необдуманно обострить движеніе раньше, чѣмъ это можно и нужно по росту политическаго недовольства, по силѣ броженія и озлобленія въ рабочемъ классѣ и проч. Мы отвѣтимъ на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организація *можетъ* повести на необдуманный бой, который *можетъ* кончиться вовсе не необходимымъ при другихъ условіяхъ пораженіемъ. Но ограничиваться абстрактными соображеніями въ та-

---

*) Ср. «Задачи русскихъ соціалдемократовъ», полемика противъ П. Л. Лаврова.

**) «Задачи русск. соц.-дем.». Кстати, вотъ еще одна иллюстрація того, что «Раб. Дѣло» либо не понимаетъ того, что оно говоритъ, либо мѣняетъ свои взгляды «по вѣтру». Въ № 1 «Р. Дѣла» напечатано курсивомъ: *«Изложенная суть брошюры совпадаетъ цѣликомъ съ редакціонной программой «Рабочаго Дѣла»* (стр. 142). Въ самомъ дѣлѣ? Съ «Задачами» совпадаетъ воззрѣніе, что массовому движенію нельзя ставить первой задачей низверженіе самодержавія? со вадаетъ теорія «экономической борьбы съ хозяевами и съ правительствомъ»? совпадаетъ теорія стадій? Предлагаемъ читателю судить, можетъ ли быть рѣчь о принципіальной устойчивости органа, такъ оригинально понимающаго «совпаденіе».

комъ вопросѣ невозможно, ибо всякое сраженіе включаетъ въ себя абстрактную возможность пораженія, и нѣтъ другого средства *уменьшить* эту возможность, какъ организованная подготовка сраженія. Если же мы поставимъ вопросъ на конкретную почву современныхъ русскихъ условій, то придется сдѣлать положительный выводъ, что крѣпкая революціонная организація безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движенію и *предохранить* его отъ возможности необдуманныхъ атакъ. Именно теперь, при отсутствіи такой организаціи и при быстромъ стихійномъ ростѣ революціоннаго движенія *наблюдаются уже* двѣ противоположныя крайности (которыя, какъ имъ и полагается, „сходятся"): то совершенно несостоятельный экономизмъ и проповѣдь умѣренности, то столь же несостоятельный „эксцитативный терроръ", стремящійся „въ развивающемся и укрѣпляющемся, но еще находящемся ближе къ началу, чѣмъ къ концу, движеніи искусственно вызвать симптомы его конца" (В. З. въ „Зарѣ", № 2—3, ст. 353). И примѣръ „Раб. Дѣла" показываетъ, что *есть уже* соціалдемократы, пасующіе предъ обѣими крайностями. Такое явленіе неудивительно, помимо остальныхъ причинъ, и потому, что „экономическая борьба съ хозяевами и съ правительствомъ" *никогда* не удовлетворитъ революціонера, а противоположныя крайности всегда будутъ возникать то здѣсь, то тамъ. Только централизованная боевая организація, выдержанно проводящая соціалдемократическую политику и удовлетворяющая, такъ сказать, всѣ революціонные инстинкты и стремленія, въ состояніи предохранить движеніе отъ необдуманной атаки и подготовить обѣщающую успѣхъ атаку.

Намъ возразятъ далѣе, что излагаемый взглядъ на организацію противорѣчитъ „демократическому принципу". Насколько предыдущее обвиненіе специфически русскаго происхожденія, настолько это — *специфически заграничнаго* характера. И только заграничная организація („союзъ" русскихъ с.-д.) могла дать своей редакціи, въ числѣ прочихъ инструкцій, слѣдующее:

„*Организаціонный принципъ.* Въ интересахъ успѣшнаго развитія и объединенія соціалдемократіи слѣдуетъ подчеркивать, развивать, бороться за широкій демократическій принципъ ея партійной организаціи, что особенно необходимо въ виду обнаружившихся въ рядахъ нашей партіи антидемократическихъ тенденцій" („Два съѣзда", стр. 18).

Какъ именно борется „Раб. Дѣло" съ „антидемократическими тенденціями" „Искры", это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ. А теперь присмотримся поближе къ этому „принципу", выдвигаемому экономистами. Всякій согласится, вѣроятно, что „широкій демократическій принципъ" включаетъ въ себя два слѣдующія необходимыя условія: во-первыхъ, полную гласность и, во-вторыхъ, выборность всѣхъ функцій. Безъ гласности смѣшно было бы говорить о демократизмѣ, и притомъ такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организаціи. Мы назовемъ демократической организацію нѣмецкой соціалистической партіи, ибо въ ней все дѣлается открыто, вплоть до засѣданій партійнаго съѣзда; но никто не назоветъ демократической—такую, ко-

торая закрыта отъ всѣхъ не-членовъ покровомъ тайны. Спрашивается, какой же смыслъ имѣетъ выставленіе „*широкаго* демократическаго принципа“, когда основное условіе этого принципа *неисполнимо* для тайной организаціи? „Широкій принципъ“ оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи насущныхъ задачъ момента въ организаціонномъ отношеніи. Всѣ знаютъ, какъ велика господствующая у насъ неконспиративность „широкой“ массы революціонеровъ. Мы видѣли, какъ горько жалуется на это Б—въ, требующій совершенно справедливо „строгаго выбора членовъ“ („Р. Д.“ № 6, стр. 42). И вотъ являются люди, хвастающіеся своимъ „чутьемъ къ жизни“, которые при такомъ положеніи дѣлъ *подчеркиваютъ* не необходимость строжайшей конспираціи и строжайшаго (а, слѣд., болѣе тѣснаго) выбора членовъ, а—„*широкій* демократическій принципъ“! Это называется попасть пальцемъ въ небо.

Не лучше обстоитъ дѣло и со вторымъ признакомъ демократизма, съ выборностью. Въ странахъ съ политической свободой это условіе подразумѣвается само собою. „Членомъ партіи считается всякій, кто признаетъ принципы партійной программы и поддерживаетъ партію по мѣрѣ своихъ силъ“—гласитъ первый параграфъ организаціоннаго устава нѣмецкой соціалдемократической партіи. И такъ какъ вся политическая арена открыта передъ всѣми, какъ подмостки сцены передъ зрителями театра, то это признаніе или непризнаніе, поддержка или противодѣйствіе извѣстны всѣмъ и каждому и изъ газетъ, и изъ народныхъ собраній. Всѣ знаютъ, что такой-то политическій дѣятель началъ съ того-то, пережилъ такую-то эволюцію, проявилъ себя въ минуту жизни трудную такъ-то, отличается вообще такими-то качествами,—и потому, естественно, такого дѣятеля могутъ съ знаніемъ дѣла выбирать или не выбирать на извѣстную партійную должность *всѣ* члены партіи. Всеобщій (въ буквальномъ смыслѣ слова) контроль за каждымъ шагомъ человѣка партіи на его политическомъ поприщѣ создаетъ автоматически дѣйствующій механизмъ, дающій то, что называется въ біологіи „выживаніемъ наиболѣе приспособленныхъ“. „Естественный отборъ“ полной гласности, выборности и всеобщаго контроля обезпечиваетъ то, что каждый дѣятель оказывается въ концѣ концовъ „на своей палочкѣ“, берется за наиболѣе подходящее его силамъ и способностямъ дѣло, испытываетъ на себѣ самомъ всѣ послѣдствія своихъ ошибокъ и доказываетъ передъ глазами всѣхъ свою способность сознавать ошибки и избѣгать ихъ.

Попробуйте-ка вставить эту картину въ рамки нашего самодержавія! Мыслимо ли у насъ, чтобы всѣ, „кто признаетъ принципы партійной программы и поддерживаетъ партію по мѣрѣ своихъ силъ“, контролировали каждый шагъ революціонера-конспиратора? Чтобы всѣ они выбирали изъ числа послѣднихъ того или другого, когда революціонеръ *обязанъ* въ интересахъ работы скрывать отъ девяти десятыхъ этихъ „всѣхъ“, кто онъ такой? Вдумайтесь хоть немного въ настоящее значеніе тѣхъ громкихъ

словъ, съ которыми выступаетъ „Раб. Дѣло“, и вы увидите, что „широкій демократизмъ“ партійной организаціи въ потемкахъ самодержавія, при господствѣ жандармскаго подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка.* Это — пустая игрушка, ибо на дѣлѣ никогда никакая революціонная организація *широкаго* демократизма не проводила и не можетъ проводить даже при всемъ своемъ желаніи. Это—вредная игрушка, ибо попытки проводить на дѣлѣ „широкій демократическій принципъ“ облегчаютъ только полиціи широкіе провалы и увѣковѣчиваютъ царящее кустарничество, отвлекаютъ мысль практиковъ отъ серьезной, настоятельной задачи вырабатывать изъ себя профессіональныхъ революціонеровъ къ составленію подробныхъ „бумажныхъ“ уставовъ о системахъ выборовъ. Только за границей, гдѣ нерѣдко собираются люди, не имѣющіе возможности найти себѣ настоящаго, живого дѣла, могла кое-гдѣ и особенно въ разныхъ мелкихъ группахъ развиться эта „игра въ демократизмъ“.

Чтобы показать читателю всю неблаговидность излюбленнаго пріема „Раб. Дѣла“ выдвигать такой неблаговидный „принципъ“, какъ демократизмъ въ революціонномъ дѣлѣ, мы сошлемся опять-таки на свидѣтеля. Свидѣтель этотъ—Е. Серебряковъ, редакторъ лондонскаго журнала „Наканунѣ“,—питаетъ большую слабость къ „Раб. Дѣлу“ и большую ненависть къ Плеханову и „плехановцамъ“; въ статьяхъ по поводу раскола заграничнаго „союза русскихъ соціалдемократовъ“ „Наканунѣ“ рѣшительно взяло сторону „Р. Дѣла“ и обрушилось цѣлой тучей жалкихъ словъ на Плеханова. Тѣмъ цѣннѣе для насъ этотъ свидѣтель по данному вопросу. Въ № 7 „Наканунѣ“ (іюль 1899 г.) въ статьѣ: „По поводу воззванія группы самоосвобожденія рабочихъ“ Е. Серебряковъ указывалъ на „неприличіе“ поднимать вопросы „о самообольщеніи, о главенствѣ, о такъ называемомъ ареопагѣ въ серьезномъ революціонномъ движеніи“ и писалъ, между прочимъ:

„Мышкинъ, Рогачевъ, Желябовъ, Михайловъ, Перовская, Фигнеръ и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто ихъ не выбиралъ и не назначалъ, хотя въ дѣйствительности они были таковыми, ибо какъ въ періодъ пропаганды, такъ и въ періодъ борьбы съ правительствомъ они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли въ наиболѣе опасныя мѣста, и ихъ дѣятельность была наиболѣе продуктивна. И главенство являлось не результатомъ ихъ желаній, а довѣрія къ ихъ уму, къ ихъ энергіи и преданности со стороны окружающихъ товарищей. Бояться же какого-то ареопага (а если не бояться, то зачѣмъ писать о немъ?), который можетъ самовластно управлять движеніемъ, уже слишкомъ наивно. Кто же его будетъ слушать?

Мы спрашиваемъ читателя, чѣмъ отличается „ареопагъ“ отъ „антидемократическихъ тенденцій“? И не очевидно ли, что „благовидный“ организаціонный принципъ „Р. Дѣла“ точно такъ же и наивенъ и неприличенъ,—наивенъ, потому что „ареопага“, или людей съ „антидемократическими тенденціями“ никто просто не станетъ слушаться, разъ не будетъ „довѣрія къ ихъ уму, энергіи и преданности со стороны окружающихъ товарищей“. Неприличенъ, — какъ демагогическая выходка, спекулирующая на тщеславіе однихъ, на незнакомство съ дѣйствительнымъ состояніемъ

нашего движенія другихъ, на неподготовленность и незнакомство съ исторіей революціоннаго движенія третьихъ. Единственнымъ серьезнымъ организаціоннымъ принципомъ для дѣятелей нашего движенія должна быть: строжайшая конспирація, строжайшій выборъ членовъ, подготовка профессіональныхъ революціонеровъ. Разъ есть налицо эти качества, — обезпечено и нѣчто большее, чѣмъ „демократизмъ“, именно: полное товарищеское довѣріе между революціонерами. А это безусловно необходимо для насъ, ибо о замѣнѣ его демократическимъ всеобщимъ контролемъ у насъ въ Россіи не можетъ быть и рѣчи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность дѣйствительно „демократическаго“ контроля дѣлаетъ членовъ революціонной организаціи безконтрольными: имъ некогда думать объ игрушечныхъ формахъ демократизма (демократизма внутри тѣснаго ядра пользующихся полнымъ взаимнымъ довѣріемъ товарищей), но свою *отвѣтственность* чувствуютъ они очень живо, зная при томъ по опыту, что для избавленія отъ негоднаго члена организація настоящихъ революціонеровъ не остановится ни предъ какими средствами. Да и есть у насъ довольно развитое, имѣющее за собой цѣлую исторію, общественное мнѣніе русской (и международной) революціонной среды, карающее съ безпощадной суровостью всякое отступленіе отъ обязанностей товарищества (а вѣдь „демократизмъ“, настоящій, не игрушечный демократизмъ входитъ, какъ часть въ цѣлое, въ это понятіе товарищества!). Примите все это во вниманіе—и вы поймете, какой затхлый запахъ заграничной игры въ генеральство поднимается отъ этихъ разговоровъ и резолюцій объ „антидемократическихъ тенденціяхъ!“

Надо замѣтить еще, что другой источникъ такихъ разговоровъ, т.-е. наивность, питается также смутностью представленій о томъ, что такое демократія. Въ книгѣ супруговъ Веббъ объ англійскихъ трэдъ-юніонахъ есть любопытная глава: „Примитивная демократія“. Авторы разсказываютъ тамъ, какъ англійскіе рабочіе въ первый періодъ существованія ихъ союзовъ считали необходимымъ признакомъ демократіи, чтобы всѣ дѣлали все по части управленія союзами: не только всѣ вопросы рѣшались голосованіями всѣхъ членовъ, но и должности отправлялись всѣми членами по очереди. Нуженъ былъ долгій историческій опытъ чтобы рабочіе поняли нелѣпость такого представленія о демократіи и необходимость представительныхъ учрежденій, съ одной стороны, профессіональныхъ должностныхъ лицъ—съ другой. Нужно было нѣсколько случаевъ финансоваго краха союзныхъ кассъ, чтобы рабочіе поняли, что вопросъ о пропорціональномъ отношеніи платимыхъ взносовъ и получаемыхъ пособій не можетъ быть рѣшенъ однимъ только демократическимъ голосованіемъ, а требуетъ также голоса спеціалиста по страховому дѣлу. Возьмите, далѣе, книгу Каутскаго о парламентаризмѣ и народномъ законодательствѣ,—и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадаютъ съ урокомъ многолѣтней практики „стихійно“ объединившихся рабочихъ. Каутскій рѣшительно возстаетъ противъ примитивнаго пониманія демократіи Риттингаузеномъ, высмѣиваетъ

людей, готовыхъ во имя ея требовать, чтобы „народныя газеты прямо редактировались народомъ“, доказываетъ необходимость *профессіональныхъ* журналистовъ, парламентаріевъ и пр. для соціалдемократическаго руководства классовой борьбой пролетаріата, нападаетъ на „соціализмъ анархистовъ и литераторовъ“, въ „погонѣ за эффектами“ превозносящихъ прямое народное законодательство и не понимающихъ весьма условной примѣнимости его въ современномъ обществѣ.

Кто работалъ практически въ нашемъ движеніи, тотъ знаетъ, какъ широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочихъ „примитивное“ воззрѣніе на демократію. Неудивительно, что это воззрѣніе проникаетъ и въ уставы, и въ литературу. Экономисты бернштейніанскаго толка писали въ своемъ уставѣ: „§ 10. Всѣ дѣла, касающіяся интересовъ всей союзной организаціи, рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣхъ членовъ ея“. Экономисты террористическаго толка вторятъ имъ: „Необходимо, чтобы комитетскія рѣшенія обходили всѣ кружки, и только тогда становились дѣйствительными рѣшеніями“ („Свобода“, № 1, с. 67). Замѣтьте, что это требованіе широко примѣнять референдумъ выдвигается *сверхъ* требованія построить на выборномъ началѣ *всю* организацію! Мы далеки отъ мысли, конечно, осуждать за это практиковъ, имѣвшихъ слишкомъ мало возможности познакомиться съ теоріей и практикой дѣйствительно демократическихъ организацій. Но когда „Раб. Дѣло“, которое претендуетъ на руководящую роль, ограничивается при такихъ условіяхъ резолюціей о широкомъ демократическомъ принципѣ, то какъ же не назвать это простой „погоней за эффектомъ“?

e) Мѣстная и общерусская работа.

Если возраженія противъ излагаемаго здѣсь плана организаціи съ точки зрѣнія ея демократизма и заговорщическаго характера совершенно неосновательны, то остается еще вопросъ, очень часто выдвигаемый и заслуживающій подробнаго разсмотрѣнія. Это вопросъ о соотношеніи мѣстной и общерусской работы. Высказывается опасеніе, не поведетъ ли образованіе централистической организаціи къ перемѣщенію центра тяжести съ первой на вторую? Не повредитъ ли это движенію, ослабивъ прочность нашихъ связей съ рабочей массой и вообще устойчивость мѣстной агитаціи? Мы отвѣтимъ на это, что наше движеніе послѣднихъ лѣтъ страдаетъ какъ разъ отъ того, что мѣстные дѣятели черезчуръ поглощены мѣстной работой; что поэтому нѣсколько передвинуть центръ тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо; что такое передвиженіе не ослабитъ, а укрѣпитъ и прочность нашихъ связей, и устойчивость нашей мѣстной агитаціи. Возьмемъ вопросъ о центральномъ и мѣстныхъ органахъ и попросимъ читателя не забывать, что газетное дѣло является для насъ не болѣе какъ *примѣромъ*, иллюстрирующимъ неизмѣримо болѣе широкое и разностороннее революціонное дѣло вообще.

Въ первый періодъ массоваго движенія (1896 — 1898 гг.) дѣлается мѣстными дѣятелями попытка поставить общерусскій органъ — „Рабочую Газету“, въ слѣдующій періодъ (1898—1900) движеніе дѣлаетъ громадный шагъ впередъ, но вниманіе руководителей всецѣло поглощается мѣстными органами. Если подсчитать вмѣстѣ всѣ эти мѣстные органы, то окажется *), что приходится круглымъ счетомъ по одному номеру газеты въ мѣсяцъ. Развѣ это не наглядная иллюстрація нашего кустарничества? Развѣ это не показываетъ съ очевидностью отсталость нашей революціонной организаціи отъ стихійнаго подъема движенія? Если бы *то же число* померовъ газетъ было выпущено не раздробленными мѣстными группами, а единой организаціей,— мы не только сберегли бы массу силъ, но и обезпечили бы неизмѣримо большую устойчивость и преемственность нашей работы. Это простое соображеніе слишкомъ часто упускаютъ изъ виду и тѣ практики, которые *активно* работаютъ почти исключительно надъ мѣстными органами (къ сожалѣнію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ это и сейчасъ обстоитъ такъ), и тѣ публицисты, которые проявляютъ въ данномъ вопросѣ удивительное донъ-кихотство. Практикъ довольствуется обыкновенно тѣмъ соображеніемъ, что мѣстнымъ дѣятелямъ „трудно“ **) заняться постановкой общерусской газеты и что лучше мѣстныя газеты, чѣмъ никакихъ газетъ. Послѣднее, конечно, вполнѣ справедливо, и мы не уступимъ никакому практику въ признаніи громаднаго значенія и громадной пользы мѣстныхъ газетъ *вообще*. Но вѣдь рѣчь идетъ не объ этомъ, а о томъ, нельзя ли избавиться отъ раздробленности и кустарничества, такъ наглядно выражающихся въ 30 номерахъ мѣстныхъ газетъ по всей Россіи за 2½ г. Не ограничивайтесь же безспорнымъ, но слишкомъ общимъ положеніемъ о пользѣ мѣстныхъ газетъ вообще, а имѣйте также мужество открыто признать ихъ отрицательныя стороны, обнаруженныя опытомъ двухъ съ половиной лѣтъ. Этотъ опытъ свидѣтельствуетъ, что мѣстныя газеты при нашихъ условіяхъ оказываются въ большинствѣ случаевъ принципіально неустойчивыми, политически лишенными значенія, въ отношеніи расхода революціонныхъ силъ — непомѣрно дорогими, въ отношеніи техническомъ — совершенно неудовлетворительными (я имѣю въ виду, разумѣется, не технику печатанія, а частоту и регулярность выхода). И всѣ указанные недостатки — не случайность, а неизбѣжный результатъ той раздробленности, которая, съ одной стороны, объясняетъ преобладаніе мѣстныхъ газетъ въ разсматриваемый періодъ, а, съ другой стороны, *поддерживается* этимъ преобладаніемъ. Отдѣльной мѣстной организаціи прямо-таки *не подъ силу* обезпечить принципіальную устойчивость своей газеты

---

*) См. Докладъ парижскому конгрессу, стр. 14: «Съ того времени (1897 г.) до весны 1900 года вышли въ разныхъ мѣстахъ 30 номеровъ разныхъ газетъ... Въ среднемъ появилось больше одного номера въ мѣсяцъ».

**) Трудность эта только кажущаяся. На самомъ дѣлѣ *нѣтъ* такого мѣстнаго кружка, который не имѣлъ бы возможности активно взяться за ту или иную функцію общерусскаго дѣла. «Не говори: не могу, а говори: не хочу».

и поставить ее на высоту политическаго органа, *не подъ силу* собрать и использовать достаточный матеріалъ для освѣщенія всей нашей политической жизни. А тотъ доводъ, которымъ защищаютъ обыкновенно необходимость многочисленныхъ мѣстныхъ газетъ въ свободныхъ странахъ — дешевизна ихъ при печатаніи мѣстными рабочими и большая полнота и быстрота информаціи мѣстнаго населенія—этотъ *доводъ* обращается у насъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, *противъ* мѣстныхъ газетъ. Онѣ оказываются непомѣрно дорогими, въ смыслѣ расхода революціонныхъ силъ, и *особенно* рѣдко выходящими по той простой причинѣ, что для *нелегальной* газеты, какъ бы она мала ни была, необходимъ такой громадной конспиративный аппаратъ, который требуетъ фабричной крупной промышленности, ибо въ кустарной мастерской и не изготовить этого аппарата. Примитивность же конспиративнаго аппарата ведетъ сплошь и рядомъ къ тому (всякій практикъ знаетъ массу примѣровъ такого рода), что полиція пользуется выходомъ и распространеніемъ одного—двухъ номеровъ для *массоваго* провала, сметающаго все настолько чисто, что приходится начинать опять сначала. Хорошій конспиративный аппаратъ требуетъ хорошей профессіональной подготовки революціонеровъ и послѣдовательнѣйшимъ образомъ проведеннаго раздѣленія труда, а оба эти требованія совершенно непосильны для отдѣльной мѣстной организаціи, какъ бы сильна она въ данную минуту ни была. Не говоря уже объ общихъ интересахъ всего нашего движенія (принципіально выдержанное соціалистическое и политическое воспитаніе рабочихъ), но и спеціально мѣстные интересы *лучше обслуживаются не мѣстными органами:* это кажется парадоксомъ только на первый взглядъ, а на дѣлѣ указанный нами опытъ двухъ съ половиной лѣтъ неопровержимо доказываетъ это. Всякій согласится, что если бы всѣ тѣ мѣстныя силы, которыя выпустили 30 номеровъ газетъ, работали надъ одной газетой, то эта послѣдняя легко дала бы 60, если не сто, номеровъ, а слѣдовательно, и полнѣе отразила бы всѣ особенности движенія чисто мѣстнаго характера. Несомнѣнно, что такая сорганизованность нелегка, но надо же, чтобы мы сознали ея необходимость, чтобы каждый мѣстный кружокъ думалъ и *активно работалъ* надъ ней, не ожидая толчка извнѣ, не обольщаясь той доступностью, той близостью мѣстнаго органа, которая — на основаніи данныхъ нашего революціоннаго опыта — оказывается въ значительной степени призрачной.

И плохую услугу оказываютъ практической работѣ тѣ, мнящіе себя особенно близкими къ практикамъ, публицисты, которые не видятъ этой призрачности и отдѣлываются удивительно дешевымъ и удивительно пустымъ разсужденіемъ: нужны мѣстныя газеты, нужны районныя газеты, нужны общерусскія газеты. Конечно, все это, вообще говоря, нужно, но нужно вѣдь тоже и думать объ условіяхъ среды и момента, разъ берешься за конкретный организаціонный вопросъ. Развѣ это не донъ-кихотство въ самомъ дѣлѣ, когда „Свобода“ (№ 1, стр. 68), спе-

ціально „останавливаясь на *вопросѣ о газетѣ*", пишетъ: „Намъ кажется, что во всякомъ мало-мальски значительномъ мѣстѣ скопленія рабочихъ должна быть своя собственная рабочая газета. Не привозная откуда-нибудь, а именно своя собственная". Если этотъ публицистъ не хочетъ думать о значеніи своихъ словъ, то подумайте хоть вы за него, читатель: сколько въ Россіи десятковъ, если не сотенъ, „мало-мальски значительныхъ мѣстъ скопленія рабочихъ", и какимъ бы это было увѣковѣченіемъ нашего кустарничества, если бы дѣйствительно всякая мѣстная организація принялась за свою собственную газету! Какъ бы облегчила эта раздробленность задачу нашихъ жандармовъ вылавливать — и притомъ безъ „мало-мальски значительнаго" труда — мѣстныхъ дѣятелей въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, не давая развиться изъ нихъ настоящимъ революціонерамъ! „Въ общероссійской газетѣ — продолжаетъ авторъ — не интересны были бы описанія продѣлокъ фабрикантовъ и „мелочей фабричной жизни въ разныхъ, не своихъ городахъ", а „орловцу о своихъ орловскихъ дѣлахъ вовсе не скучно читать. Каждый разъ онъ знаетъ, кого „прохватили", кого „пробрали", и духъ его играетъ" (стр. 69). Да, да, духъ орловца играетъ, но слишкомъ „играетъ" также и мысль нашего публициста. Тактична ли эта защита крохоборства?—вотъ о чемъ слѣдовало бы ему подумать. Мы никому не уступимъ въ признаніи необходимости и важности фрбричныхъ обличеній, но надо же помнить, что мы дошли уже до того, что петербуржцамъ стало скучно читать петербургскія корреспонденціи петербургской газеты „Рабочая Мысль". Для фабричныхъ обличеній на мѣстахъ у насъ всегда были, *всегда должны будутъ остаться* листки,—но типъ *газеты* мы должны поднимать, а не принижать до фабричнаго листка. Для „газеты" намъ нужны обличенія не столько „мелочей", сколько крупныхъ, типичныхъ недостатковъ фабричной жизни, обличенія, сдѣланныя на примѣрахъ особенно рельефныхъ и способныя потому заинтересовать *всѣхъ* рабочихъ и всѣхъ руководителей движенія, способныя дѣйствительно обогатить ихъ знанія, расширить ихъ кругозоръ, положить начало пробужденію новаго района, новаго профессіональнаго слоя рабочихъ.

„Затѣмъ, въ мѣстной газетѣ всѣ продѣлки фабричнаго начальства, другихъ ли властей можно схватывать сейчасъ же на горячемъ мѣстѣ. До газеты общей, далекой, пока-то дойдетъ извѣстіе — на мѣстѣ уже и позабыть успѣли о томъ, что случилось: Когда, бишь, это—дай богъ памяти!" Изданные въ 2½ года 30 номеровъ приходятся, какъ мы узнаемъ изъ того же источника, на 6 городовъ. Это даетъ на одинъ городъ въ среднемъ *по номеру газеты въ полгода!* И если даже нашъ легкомысленный публицистъ *утроитъ* въ своемъ предположеніи производительность мѣстной работы (что было бы безусловно неправильно по отношенію къ среднему городу, ибо въ рамкахъ кустарничества невозможно значительное расширеніе производительности), — то все-таки получимъ только по номеру въ два мѣсяца, т.-е. нѣчто вовсе непохожее на „схватываніе на горячемъ мѣстѣ". А между

тѣмъ достаточно объединиться десяти мѣстнымъ организаціямъ и отрядить своихъ делегатовъ на активныя функціи по оборудованію общей газеты, — и тогда можно было бы *по всей Россіи* „схватывать“ не мелочи, а дѣйствительно выдающіеся и типичныя безобразія разъ въ двѣ недѣли. Въ этомъ не усомнится никто, знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ нашихъ организаціяхъ. О поимкѣ же врага на мѣстѣ преступленія, если понимать это серьезно, а не въ смыслѣ только краснаго словца, нечего и думать нелегальной газетѣ вообще: это доступно только подметному листку, ибо предѣльный срокъ для такой поимки не превышаетъ большею частью одного—двухъ дней (возьмите, напримѣръ, обычную кратковременную стачку или фабричное побоище или демонстрацію и т. п.).

„Рабочій живетъ не только на фабрикѣ, но и въ городѣ“ — продолжаетъ нашъ авторъ, поднимаясь отъ частнаго къ общему съ такой строгой послѣдовательностью, которая сдѣлала бы честь самому Борису Кричевскому. Онъ указываетъ на вопросы о городскихъ думахъ, городскихъ больницахъ, городскихъ школахъ, требуя, чтобы рабочая газета не обходила молчаніемъ городскія дѣла вообще. — Требованіе само по себѣ прекрасное, но иллюстрирующее особенно наглядно ту безсодержательную абстрактность, которой слишкомъ часто ограничиваются при разсужденіи о мѣстныхъ газетахъ. Во-первыхъ, если бы дѣйствительно „во всякомъ мало-мальски значительномъ мѣстѣ скопленія рабочихъ“ появились газеты съ такимъ подробнымъ городскимъ отдѣломъ, какъ хочетъ „Свобода“, то это неминуемо выродилось бы, при нашихъ русскихъ условіяхъ, въ настоящее крохоборство, повело бы къ ослабленію сознанія о важности общерусскаго революціоннаго натиска на царское самодержавіе, усилило бы очень живучіе и скорѣе притаившіеся или придавленные, чѣмъ вырванные съ корнемъ, ростки того направленія, которое уже прославилось знаменитымъ изреченіемъ о революціонерахъ, слишкомъ много говорящимъ о несуществующемъ парламентѣ и слишкомъ мало о существующихъ городскихъ думахъ. Мы говоримъ: неминуемо, подчеркивая этимъ, что „Свобода“ завѣдомо не хочетъ этого, а хочетъ обратнаго. Но однихъ благихъ намѣреній недостаточно. Для того, чтобы поставить освѣщеніе городскихъ дѣлъ въ надлежащую перспективу ко всей нашей работѣ, нужно *сначала*, чтобы эта перспектива была вполнѣ выработана, твердо установлена не одними только разсужденіями, но и массой примѣровъ, чтобы она пріобрѣла уже прочность *традиціи*. Этого у насъ далеко еще нѣтъ, а нужно это именно *сначала*, прежде чѣмъ позволительно будетъ думать и толковать о широкой мѣстной прессѣ.

Во-вторыхъ, чтобы дѣйствительно хорошо и интересно написать о городскихъ дѣлахъ, надо хорошо и не по книжкѣ только знать эти дѣла. А социалдемократовъ, обладающихъ этимъ знаніемъ, почти совершенно нѣтъ *во всей Россіи*. Чтобы писать въ газетѣ (а не въ популярной брошюрѣ) о городскихъ и государственныхъ дѣлахъ, надо имѣть свѣжій, разносторонній, умѣ-

лымъ человѣкомъ собранный и обработанный матеріалъ. А для того, чтобы собирать и обработывать такой матеріалъ, недостаточна „примитивная демократія“ примитивнаго кружка, въ которомъ всѣ дѣлаютъ все и забавляются игрой въ референдумы. Для этого необходимъ штабъ спеціалистовъ - писателей, спеціалистовъ-корреспондентовъ, армія репортеровъ-соціалдемократовъ, заводящихъ связи вездѣ и повсюду, умѣющихъ проникнуть во всѣ и всяческія „государственныя тайны“ (которыми россійскій чиновникъ такъ важничаетъ и которыя онъ такъ легко разбалтываетъ), пролѣзть во всякія „закулисы“, армія людей, обязанныхъ „по должности“ быть вездѣсущими и всезнающими. И мы, партія борьбы противъ *всякаго* экономическаго, политическаго, соціальнаго, національнаго гнета, можемъ и должны найти, собрать, обучить, мобилизовать и двинуть въ походъ такую армію всезнающихъ людей,—но вѣдь это надо еще сдѣлать! А у насъ не только еще не сдѣлано въ громадномъ большинствѣ мѣстностей ни шагу въ этомъ направленіи, но нѣтъ даже сплошь да рядомъ и *сознанія* необходимости сдѣлать это. Поищите-ка въ нашей соціалдемократической прессѣ живыхъ и интересныхъ статей, корреспонденцій и обличеній нашихъ дипломатическихъ, военныхъ, церковныхъ, городскихъ, финансовыхъ и пр. и пр. дѣлъ и дѣлишекъ: вы не найдете *почти ничего* или совсѣмъ мало *). Вотъ почему „меня всегда страшно сердитъ, когда придетъ человѣкъ и наговоритъ очень красивыхъ и прекрасныхъ вещей“ о необходимости „во всякомъ мало-мальски значительномъ мѣстѣ скопленія рабочихъ“ газетъ, обличающихъ и фабричныя, и городскія, и государственныя безобразія!

Преобладаніе мѣстной прессы надъ центральною есть признакъ либо скудости, либо роскоши. Скудости — когда движеніе не выработало еще силъ для крупнаго производства, когда оно прозябаетъ еще въ кустарничествѣ и почти тонетъ въ „мелочахъ фабричной жизни“. Роскоши — когда движеніе *вполнѣ осилило уже* задачи всестороннихъ обличеній и всесторонней агитаціи, такъ что кромѣ центральнаго органа становятся необходимы многочисленные мѣстные. Пусть рѣшаетъ уже каждый для себя, о чемъ свидѣтельствуетъ преобладаніе мѣстныхъ газетъ у насъ въ настоящее время. Я же ограничусь точной формулировкой своего вывода, чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ. До сихъ поръ у насъ большинство мѣстныхъ организацій думаетъ почти исключительно о мѣстныхъ органахъ и почти только надъ

*) Вотъ почему даже примѣръ исключительно хорошихъ мѣстныхъ органовъ вполнѣ подтверждаетъ нашу точку зрѣнія. Напримѣръ, „Южный Рабочій“—прекрасная газета, совсѣмъ неповинная въ принципіальной неустойчивости. Но то, что она хотѣла дать для мѣстнаго движенія, было не достигнуто благодаря рѣдкому выходу и широкимъ проваламъ. То, что всего болѣе настоятельно для партіи въ данный моментъ,—принципіальная постановка коренныхъ вопросовъ движенія и всесторонняя политическая агитація,—оказалось не подъ силу мѣстному органу. А то, что она давала особенно хорошаго, въ родѣ статей о съѣздѣ горнопромышленниковъ, о безработицѣ и т п. — не представляло собой строго мѣстнаго матеріала *и требовалось для всей Россіи*, а не для одного юга. Такихъ статей не было и во всей нашей соціалдемократической прессѣ.

ними активно работаетъ. Это ненормально. Должно быть наоборотъ: чтобы большинство мѣстныхъ организацій думало главнымъ образомъ объ общерусскомъ органѣ и главнымъ образомъ надъ нимъ работало. До тѣхъ поръ, пока не будетъ этого, мы не сумѣемъ поставить *ни одной* газеты, сколько-нибудь способной дѣйствительно обслуживать движеніе *всесторонней* агитаціей въ печати. А когда это будетъ, тогда нормальное отношеніе между необходимымъ центральнымъ и необходимыми мѣстными органами установится само собой.

* * *

На первый взглядъ можетъ показаться, что къ области спеціально-экономической борьбы непримѣнимъ выводъ о необходимости передвинуть центръ тяжести съ мѣстной на общерусскую работу: непосредственнымъ врагомъ рабочихъ являются здѣсь отдѣльные предприниматели или группы ихъ, не связанные организаціей, хотя бы отдаленно напоминающей чисто военную, строго централистическую, руководимую до самыхъ мелочей единой волей организацію русскаго правительства, нашего непосредственнаго врага въ политической борьбѣ.

Но это не такъ. Экономическая борьба—мы уже много разъ указывали на это—есть профессіональная борьба, и потому она требуетъ объединенія по профессіямъ рабочихъ, а не только по мѣсту работы ихъ. И это профессіональное объединеніе становится тѣмъ болѣе настоятельно необходимымъ, чѣмъ быстрѣе идетъ впередъ объединеніе нашихъ предпринимателей во всякаго рода общества и синдикаты. Наша раздробленность и наше кустарничество прямо мѣшаютъ этому объединенію, для котораго необходима единая общерусская организація революціонеровъ, способная взять на себя руководство общерусскими профессіональными союзами рабочихъ. Мы уже говорили выше о желательномъ типѣ организаціи для этой цѣли и теперь добавимъ только нѣсколько словъ въ связи съ вопросомъ о нашей прессѣ.

Что въ каждой соціалдемократической газетѣ долженъ быть *отдѣлъ* профессіональной (экономической) борьбы,—это едва ли кѣмъ-нибудь подвергается сомнѣнію. Но ростъ профессіональнаго движенія заставляетъ думать и о профессіональной прессѣ. Намъ кажется однако, что о профессіональныхъ газетахъ въ Россіи, за рѣдкими исключеніями, пока не можетъ быть и рѣчи: это — роскошь, а у насъ нѣтъ сплошь да рядомъ и хлѣба насущнаго. Подходящей къ условіямъ нелегальной работы и необходимой теперь уже формой профессіональной прессы должны были бы быть у насъ *профессіональныя брошюры*. Въ нихъ слѣдовало бы собирать и систематически группировать *легальный* *) и нелегальный матеріалъ по вопросу объ условіяхъ труда въ данномъ промыслѣ, о различіи въ этомъ отношеніи разныхъ мѣстностей въ Россіи, о главныхъ требованіяхъ рабочихъ данной

---

*) Легальный матеріалъ особенно важенъ въ этомъ отношеніи, и мы особенно отстали въ умѣньи систематически собирать и утилизировать его. Не будетъ преувели-

профессіи, о недостаткахъ относящагося къ ней законодательства, о выдающихся случаяхъ экономической борьбы рабочихъ этого цеха, о зачаткахъ, современномъ состояніи и нуждахъ ихъ профессіональной организаціи и т. п. Такія брошюры, во-первыхъ, избавили бы нашу соціалдемократическую прессу отъ массы такихъ профессіональныхъ подробностей, которыя спеціально интересуютъ только рабочихъ даннаго ремесла; во-вторыхъ, онѣ фиксировали бы результаты нашего опыта въ профессіональной борьбѣ, сохраняли бы собираемый матеріалъ, который теперь буквально теряется въ массѣ листковъ и отрывочныхъ корреспонденцій, и обобщали этотъ матеріалъ; въ третьихъ, онѣ могли бы служить своего рода руководствомъ для агитаторовъ, ибо условія труда измѣняются сравнительно медленно, основныя требованія рабочихъ даннаго ремесла чрезвычайно устойчивы (ср. требованія ткачей московскаго района въ 1885 г. и петербургскаго въ 1896 г.), и сводъ этихъ требованій и нуждъ могъ бы годами служить прекраснымъ пособіемъ для экономической агитаціи въ отсталыхъ мѣстностяхъ или среди отсталыхъ слоевъ рабочихъ; примѣры успѣшныхъ стачекъ въ одномъ районѣ, данныя о болѣе высокомъ уровнѣ жизни, о лучшихъ условіяхъ труда въ одной мѣстности поощряли бы и рабочихъ другихъ мѣстностей къ новой и новой борьбѣ; въ четвертыхъ, взявъ на себя починъ обобщенія профессіональной борьбы и закрѣпивъ такимъ образомъ связь русскаго профессіональнаго движенія съ соціализмомъ, соціалдемократія позаботилась бы въ то же время о томъ, чтобы наша трэдъ-юніонистская работа занимала не слишкомъ малую и не слишкомъ большую долю въ общей суммѣ нашей соціалдемократической работы. Мѣстной организаціи, если она оторвана отъ организацій въ другихъ городахъ, очень трудно, иногда даже почти невозможно бываетъ соблюсти при этомъ правильную пропорцію (и примѣръ „Рабочей Мысли" показываетъ, до какого чудовищнаго преувеличенія въ сторону

ченіемъ сказать, что по одному легальному матеріалу можно еще кое-какъ написать профессіональную брошюру, а по одному нелегальному—невозможно. Собирая нелегальный матеріалъ отъ рабочихъ по вопросамъ въ родѣ изданныхъ «Раб. Мыслью», мы понапрасну тратимъ массу силъ революціонера (котораго въ этомъ легко замѣнилъ бы легальный дѣятель) и все-таки никогда не получаемъ хорошаго матеріала, ибо рабочимъ, знающимъ сплошь да рядомъ только одно отдѣленіе большой фабрики и почти всегда знающимъ экономическіе результаты, а не общія условія и норм. своей работы, невозможно и пріобрѣсти такихъ знаній, какія есть у фабричныхъ служащихъ, инспекторовъ, врачей и т. п. и какія въ массѣ разсѣяны въ мелкихъ газетныхъ корреспонденціяхъ и въ спеціальныхъ промышленныхъ, санитарныхъ, земскихъ и пр. изданіяхъ.

Какъ сейчасъ помню свой «первый опытъ», котораго бы я никогда не повторилъ. Я возился много недѣль, допрашивая «съ пристрастіемъ» одного ходившаго ко мнѣ рабочаго о всѣхъ и всяческихъ порядкахъ на громадномъ заводѣ, гдѣ онъ работалъ. Правда, описаніе (одного только завода!) я, хотя и съ громаднымъ трудомъ, все же кое-какъ составилъ, но за то рабочій, бывало, вытирая потъ, говорилъ подъ конецъ занятій съ улыбкой: «мнѣ легче экстру проработать, чѣмъ вамъ на вопросы отвѣчать!»

Чѣмъ энергичнѣе будемъ мы вести революціонную борьбу, тѣмъ больше вынуждено будетъ правительство легализировать часть «профессіональной» работы, снимая тѣмъ съ насъ часть нашего бремени.

трэдъ-юніонизма можно при этомъ доходить). Но общерусская организація революціонеровъ, стоящая на неуклонной точкѣ зрѣнія марксизма, руководящая всей политической борьбой и располагающая штабомъ профессіональныхъ агитаторовъ, никогда не затруднится въ опредѣленіи этой правильной пропорціи.

V.

„Планъ“ общерусской политической газеты.

„Самый крупный промахъ „Искры“ въ этомъ отношеніи,—пишетъ Б. Кричевскій („Р. Д.“, № 10, с. 30), обвиняя насъ въ тенденціи „превратить теорію, путемъ ея изолированія отъ практики, въ мертвую доктрину“, — „ея „планъ“ общепартійной организаціи“ (т.-е. статья „Съ чего начать“). И Мартыновъ вторитъ ему, заявляя, что „тенденція „Искры“ умалять значеніе поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы по сравненію съ пропагандой блестящихъ и законченныхъ идей... увѣнчалась планомъ организаціи партіи, который она предлагаетъ въ № 4 въ статьѣ „Съ чего начать“?“ (тамъ же, с. 61). Наконецъ, въ самое послѣднее время къ людямъ, возмущеннымъ этимъ „планомъ“ (кавычки должны выражать ироническое къ нему отношеніе), присоединился и Л. Надеждинъ въ только что полученной нами брошюрѣ „Канунъ революціи“ (изданіе знакомой уже намъ „революціонно-соціалистической группы“ *Свобода*), гдѣ заявляется, что „говорить теперь объ организаціи, тянущейся нитками отъ общерусской газеты — это плодить кабинетныя мысли и кабинетную работу“ (стр. 126), это — проявленіе „литературщины“ и т. п.

Что нашъ террористъ оказался солидарнымъ съ защитниками „поступательнаго хода сѣрой текущей борьбы“, это не можетъ насъ удивить послѣ того, какъ мы прослѣдили корни этой близости въ главахъ о политикѣ и объ организаціи. Но мы должны замѣтить теперь же, что Л. Надеждинъ, и одинъ только онъ, попытался добросовѣстно вникнуть въ ходъ мысли не понравившейся ему статьи, попытался отвѣчать на нее по существу, — а „Раб. Дѣло“ постаралось только запутать вопросъ посредствомъ цѣлой кучи непристойныхъ демагогическихъ выходокъ. И, какъ это ни непріятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгіевой конюшни *).

*) Параграфъ: а) Кто обидѣлся за статью «Съ чего начать»—опускается въ настоящемъ изданіи, ибо онъ содержитъ исключительно полемику съ „Раб. Дѣломъ“ и Бундомъ по вопросу о попыткахъ „Искры“ «командовать» и т. п. Въ этомъ параграфѣ между прочимъ говорилось, что самъ же Бундъ приглашалъ (въ 1898—1899 гг.) членовъ „Искры“ возобновить Ц. О. партіи и организовать «литературную лабораторію».

б) Можетъ ли газета быть коллективнымъ организаторомъ?

Весь гвоздь статьи „Съ чего начать“ состоитъ въ постановкѣ *именно* этого вопроса и въ утвердительномъ его рѣшеніи. Единственную, извѣстную намъ, попытку разобрать этотъ вопросъ по существу и доказать необходимость отрицательнаго его рѣшенія дѣлаетъ Л. Надеждинъ, доводы котораго мы и воспроизведемъ цѣликомъ:

...„Намъ очень нравится постановка въ „Искрѣ“ (№ 4) вопроса о необходимости общерусской газеты, но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы эта постановка подходила подъ заглавіе статьи: „Съ чего начать“ Это одно изъ дѣлъ, несомнѣнно крайне важныхъ, но не имъ, не цѣлой серіей популярныхъ листковъ, не горою прокламацій можетъ быть положено начало боевой организаціи для революціоннаго момента. Необходимо приступить къ сильнымъ политическимъ организаціямъ на мѣстахъ. У насъ ихъ нѣтъ, у насъ шла главнымъ образомъ работа среди интеллигентныхъ рабочихъ, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу. *Если не воспитаются сильныя политическія организаціи на мѣстахъ, что значитъ хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета?* Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая! Вокругъ нея, въ дѣлѣ для нея соберется народъ, сорганизуется — думаетъ „Искра“. *Да ему гораздо ближе собраться и сорганизоваться вокругъ дѣла болѣе конкретнаго!* Такимъ можетъ и должна явиться широкая постановка мѣстныхъ газетъ, приготовленіе теперь же рабочихъ силъ къ демонстраціямъ, постоянная работа мѣстныхъ организацій среди безработныхъ (неотступно распространять между ними листки и листовки, созывать ихъ на собранія, на отпоръ правительству и т. п.). Надо на мѣстахъ завязать живую политическую работу, и когда явится необходимымъ объединеніе на этой реальной почвѣ, — оно будетъ не искусственнымъ, не бумажнымъ — не газетами достигается такое объединеніе мѣстныхъ работъ въ общерусское дѣло“ („Канунъ рев.“, с. 54).

Мы подчеркивали тѣ мѣста этой краснорѣчивой тирады, которыя наиболѣе рельефно показываютъ и неправильность оцѣнки авторомъ нашего плана, и неправильность его точки зрѣнія вообще, противопоставляемой здѣсь „Искрѣ“. Если не воспитаются сильныя политическія организаціи на мѣстахъ, — ничего не будетъ значить и превосходнѣйшая общерусская газета. — Совершенно справедливо. Но въ томъ-то и суть, что *нѣтъ иного средства* **воспитать** сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты. Авторъ просмотрѣлъ самое существенное заявленіе „Искры“, сдѣланное ею *до перехода* къ изложенію ея „плана“: необходимъ „призывъ къ выработкѣ революціонной организаціи, способной объединить всѣ силы и руководить движеніемъ *не только по названію*, но и на самомъ дѣлѣ, т.-е. быть *всегда готовой къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки*, пользуясь ими для умноженія и укрѣпленія военныхъ силъ, годныхъ для рѣшительнаго боя“. Но принципіально-то съ этимъ теперь, послѣ февраля и марта, всѣ согласятся, — продолжаетъ „Искра“, — а намъ нужно не принципіальное, а *практическое рѣшеніе вопроса*, нужно немедленно выставить такой опредѣленный планъ постройки, чтобы сейчасъ же *съ разныхъ сторонъ* всѣ могли приняться за постройку. А насъ опять отъ практическаго рѣшенія тащатъ назадъ—къ принципіально вѣрной, безспорной,

великой, но совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающихъ истинѣ: „воспитывать сильныя политическія организаціи"! Не объ этомъ уже идетъ рѣчь, почтенный авторъ, а о томъ, *какъ именно* воспитывать и воспитать надо!

Невѣрно, что „у насъ шла главнымъ образомъ работа среди интеллигентныхъ рабочихъ, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу". Въ такой формѣ это положеніе сбивается на обычное для „Свободы" и ошибочное въ корнѣ противопоставленіе интеллигентныхъ рабочихъ „массѣ". У насъ и интеллигентные-то рабочіе въ послѣдніе годы „почти что исключительно вели экономическую борьбу". Это съ одной стороны. А съ другой стороны, никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможемъ *воспитаться* руководителямъ этой борьбы и изъ интеллигентныхъ рабочихъ, и изъ интеллигентовъ; воспитаться же такіе руководители могутъ *исключительно* на систематической, текущей оцѣнкѣ *всѣхъ* сторонъ нашей политической жизни, *всѣхъ попытокъ* протеста и борьбы различныхъ классовъ и по различнымъ поводамъ. Поэтому говорить о „воспитаніи политическихъ организацій" и въ то же время *противопоставлять* „бумажное дѣло" политической газеты „живой политической работѣ на мѣстахъ" просто смѣшно! Да вѣдь „Искра" и подводитъ свой „планъ" газеты къ „плану" выработать такую „боевую готовность", чтобы поддерживать и движеніе безработныхъ, и крестьянскіе бунты, и недовольство земцевъ, и „возмущеніе населенія противъ зарвавшагося царскаго башибузука" и проч. Вѣдь всякій знакомый съ движеніемъ знаетъ досконально, что объ этомъ *даже и не думаетъ* громадное большинство мѣстныхъ организацій, что многія изъ намѣчаемыхъ здѣсь перспективъ „живой политической работы" *ни разу еще* не проводились въ жизни ни единой организаціей, что попытка, напр., обратить вниманіе на ростъ недовольства и протеста въ земской интеллигенціи вызываетъ чувство растеряннаго недоумѣнія и у Надеждина („господи, да не для земцевъ и этотъ органъ?", „Канунъ", с. 129), и у экономистовъ (№ 12 „Искры", письмо), и у многихъ практиковъ. При этихъ условіяхъ „начать" можно *только* съ того, чтобы побудить людей *думать* обо всемъ этомъ, побудить ихъ суммировать и обобщать всѣ и всяческіе проблески броженія и активной борьбы. „Живую политическую работу" можно *начать* въ наше время приниженія соціалдемократическихъ задачъ *исключительно* съ живой политической агитаціи, невозможной безъ общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Люди, усматривающіе въ „планѣ" „Искры" проявленіе „литературщины", не поняли совершенно самой сути плана, увидѣвъ цѣль въ томъ, что выдвигается какъ наиболѣе подходящее въ настоящій моментъ средство. Эти люди не дали себѣ труда подумать о двухъ сравненіяхъ, которыми наглядно иллюстрировался предполагаемый планъ. Постановка общерусской политической газеты—говорилось въ „Искрѣ"—должна быть *основной нитью*, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и

расширять эту организацію (т.-е. революціонную организацію, всегда готовую къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки). Скажите пожалуйста: когда каменщики кладутъ въ разныхъ мѣстахъ камни громадной и совершенно невиданной постройки,— не „бумажное" ли это дѣло проведеніе нитки, помогающей находить правильное мѣсто для кладки, указывающей на конечную цѣль общей работы, дающей возможность пустить въ ходъ не только каждый камень, но и каждый кусокъ камня, который съ предыдущими и послѣдующими возводитъ законченную и всеобъемлющую линію? И развѣ мы не переживаемъ какъ разъ такого момента въ нашей партійной жизни, когда у насъ есть и камни и каменщики, а не хватаетъ именно видимой для всѣхъ нити, за которую всѣ могли бы взяться? Пусть кричатъ, что, притягивая нить, мы хотимъ командовать: если бы мы хотѣли командовать, господа, мы бы написали вмѣсто „Искра" № 1— „Рабочая Газета" № 3, какъ намъ предлагали нѣкоторые товарищи и какъ мы *имѣли бы полное право сдѣлать.* Но мы не сдѣлали этого: мы хотѣли оставить себѣ свободныя руки для непримиримой борьбы со всякими лжесоціалдемократами; мы хотѣли, чтобы нашу нитку, ежели она проведена правильно, стали уважать за ея правильность, а не за то, что она проведена оффиціальнымъ органомъ.

„Вопросъ объединенія мѣстной дѣятельности въ центральныхъ органахъ вертится въ заколдованномъ кругу, — поучаетъ насъ Л. Надеждинъ, — для объединенія требуется однородность элементовъ, а эта однородность сама можетъ быть создана только чѣмъ-нибудь объединяющимъ, но это объединяющее можетъ явиться продуктомъ сильныхъ мѣстныхъ организацій, которыя теперь отнюдь не отличаются однороднымъ характеромъ". Истина столь же почтенная и столь же безспорная, какъ и та, что надо воспитывать сильныя политическія организаціи. Истина столь же, какъ и та, безплодная. *Всякій* вопросъ „вертится въ заколдованномъ кругу", ибо вся политическая жизнь есть безконечная цѣпь изъ безконечнаго ряда звеньевъ. Все искусство политика въ томъ и состоитъ, чтобы найти и крѣпко-крѣпко уцѣпиться за такое именно звенышко, которое все меньше можетъ быть выбито изъ рукъ, которое всего важнѣе въ данный моментъ, которое всего болѣе гарантируетъ обладателю звенышка обладаніе всей цѣпью. Будь у насъ отрядъ опытныхъ каменщиковъ, настолько спѣвшихся, чтобы они и безъ нитки могли класть камни именно тамъ, гдѣ нужно (это вовсе не невозможно, если говорить абстрактно), тогда мы могли бы, пожалуй, взяться за другое звенышко. Но въ томъ-то и бѣда, что опытныхъ и спѣвшихся каменщиковъ у насъ еще нѣтъ, что камни сплошь да рядомъ кладутся совсѣмъ зря, кладутся не по общей ниткѣ, а до того раздробленно, что непріятель сдуваетъ ихъ, какъ будто бы это были не камни, а песчинки.

Другое сравненіе: „Газета—не только коллективный пропагандистъ и коллективный агитаторъ, но также и коллективный организаторъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *ее можно сравнить съ лѣсами,* которые строятся вокругъ возводимаго зданія, намѣ-

чаютъ контуры постройки, облегчаютъ сношенія между отдѣльными строителями, помогаютъ имъ распредѣлять работу и обозрѣвать общіе результаты, достигнутые организованнымъ трудомъ“ *). Неправда ли, какъ это похоже на преувеличеніе своей роли литераторомъ, человѣкомъ кабинетной работы? Лѣса для самаго жилища вовсе не требуются, лѣса строются изъ худшаго матеріала, лѣса возводятся на небольшой срокъ и выкидываются въ печку, разъ только зданіе хотя бы вчернѣ закончено. Относительно построекъ революціонныхъ организацій опытъ свидѣтельствуетъ, что ихъ и безъ лѣсовъ удается иногда построить — возьмите семидесятые годы. Но теперь у насъ и представить себѣ нельзя возможности возвести безъ лѣсовъ необходимую для насъ постройку.

Надеждинъ не соглашается съ этимъ и говоритъ: „вокругъ газеты, въ дѣлѣ для нея соберется народъ, сорганизуется — думаетъ „Искра“. *Да ему гораздо ближе* собраться и сорганизоваться вокругъ дѣла *болѣе конкретнаго*!“ Такъ, такъ: „гораздо ближе вокругъ болѣе конкретнаго“... Русская пословица говоритъ: не плюй въ колодецъ,—пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и изъ такого колодца, въ который уже наплевано. До какихъ только гадостей не договорились наши великолѣпные легальные „критики марксизма“ и нелегальные поклонники „Рабочей Мысли“ во имя этой большей конкретности! Какъ придавлено все наше движеніе нашей узостью, безынициативностью и робостью, оправдываемой традиціонными доводами „гораздо ближе вокругъ болѣе конкретнаго“! И Надеждинъ,—считающій себя особенно чуткимъ къ „жизни“, осуждающій особенно строго „кабинетныхъ“ людей, обвиняющій (съ претензіей на остроуміе) „Искру“ въ слабости вездѣ видѣть экономизмъ, воображающій, что онъ стоитъ гораздо выше этого дѣленія на ортодоксовъ и критиковъ,—не замѣчаетъ того, что онъ играетъ своими доводами на-руку возмущающей его узости, что онъ пьетъ изъ самого что-ни-на-есть проплеваннаго колодца! Да, самаго искренняго возмущенія узостью, самаго горячаго желанья поднять преклоняющихся передъ ней людей еще не достаточно, если возмущающійся носится безъ руля и безъ вѣтрилъ и такъ же „стихійно“, какъ и революціонеры 70-хъ годовъ, хватается за „эксцитативный терроръ“, за „аграрный терроръ“, за „набатъ“ и т. под. Посмотрите на это „болѣе конкретное“, вокругъ чего,—онъ думаетъ,— „гораздо ближе будетъ собраться и сорганизоваться: 1) мѣстныя газеты; 2) приготовленіе къ демонстраціямъ; 3) работа среди безработныхъ. Съ перваго же взгляда видно, что всѣ эти дѣла выхвачены совершенно случайно, на удачу, чтобы сказать что-нибудь, ибо какъ бы мы ни смотрѣли на нихъ, видѣть въ нихъ что-либо спеціально пригодное „собрать и сорганизовать“ совсѣмъ уже несуразно. Вѣдь тотъ же самый Надеждинъ парой страницъ

---

*) Мартыновъ, приведя въ «Р. Дѣлѣ» первую фразу этой цитаты (№ 10, с. 62), опустилъ именно вторую фразу, какъ бы подчеркивая этимъ свое нежеланіе касаться существа вопроса или свою неспособность понять это существо.

ниже говоритъ: „пора бы намъ просто констатировать фактъ: на мѣстахъ ведется крайне жалкая работа, комитеты не дѣлаютъ и десятой части того, что могли бы дѣлать... тѣ объединяющіе центры, какіе у насъ есть теперь, это—фикція, это—революціонная канцелярщина, взаимное пожалованіе другъ друга въ генералы, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не выростутъ мѣстныя сильныя организаціи". Въ этихъ словахъ, несомнѣнно, на ряду съ преувеличеніями заключается много горькой истины, и неужели Надеждинъ не видитъ связи между жалкой работой на мѣстахъ и той узостью кругозора дѣятелей, узостью размаха ихъ дѣятельности, которыя неизбѣжны при неподготовленности замыкающихся въ рамки мѣстныхъ организацій дѣятелей? Неужели онъ, подобно автору статьи объ организаціи въ „Свободѣ", забылъ о томъ, какъ переходъ къ широкой мѣстной прессѣ (съ 1898 года) сопровождался особеннымъ усиліемъ экономизма и „кустарничества"? Да если бы даже и возможна была сколько нибудь удовлетворительная постановка „широкой мѣстной прессы" (а мы показали выше, что она невозможна, за исключеніемъ совершенно особенныхъ случаевъ), то и тогда мѣстные органы не могли бы „собрать, сорганизовать" *всѣ* силы революціонеровъ для *общаго* натиска на самодержавіе, для руководства *единой* борьбы. Не забудьте, что рѣчь идетъ здѣсь *только* о „собирающемъ", объ организаторскомъ значеніи газеты, и мы могли бы предложить защищающему раздробленность Надеждину имъ же поставленный ироническій вопросъ: „не получили ли мы откуда нибудь въ наслѣдство 200.000 революціонныхъ организаторскихъ силъ?" Далѣе, „приготовленіе къ демонстраціямъ" нельзя *противопоставлять* плану „Искры" уже потому, что этотъ планъ какъ разъ самыя широкія демонстраціи и предусматриваетъ *какъ одну изъ цѣлей*; рѣчь же идетъ о выборѣ практическаго *средства*. Надеждинъ опять запутался здѣсь, упустивъ изъ виду, что „приготовлять" демонстраціи (до сихъ поръ происходившія въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно стихійно) можетъ только уже „собранное и сорганизованное" войско, а мы именно *не умѣемъ* собрать и сорганизовать. „Работа среди безработныхъ". Опять та же путаница, ибо это тоже представляетъ изъ себя одно изъ военныхъ дѣйствій мобилизованнаго войска, а не планъ мобилизовать войско. До какой степени и тутъ недооцѣниваетъ Надеждинъ вреда нашей раздробленности, отсутствія у насъ „200.000 силъ", видно изъ слѣдующаго. „Искру" упрекали многіе (въ томъ числѣ и Надеждинъ) за бѣдность свѣдѣній о безработицѣ, за случайность корреспонденцій о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ деревенской жизни. Упрекъ справедливъ, но „Искра" тутъ „безъ вины виновата". Мы стараемся „провести ниточку" и черезъ деревню, но каменщиковъ тамъ почти нигдѣ нѣтъ, и *приходится* поощрять *всякаго*, сообщающаго даже обыденный фактъ, — въ надеждѣ, что это умножитъ число сотрудниковъ по этой области и *научитъ всѣхъ насъ* выбирать, наконецъ, и дѣйствительно выпуклые факты. Но матеріала-то для учебы такъ мало, что безъ обобщенія его по всей Россіи учиться рѣшительно не на чемъ.

Несомнѣнно, что человѣкъ, обладающій хотя приблизительно такими же агитаторскими способностями и такимъ знаніемъ жизни босяка, какія видны у Надеждина, могъ бы оказать агитаціей среди безработныхъ неоцѣнимыя услуги движенію, — но такой человѣкъ зарылъ бы въ землю свой талантъ, если бы не позаботился оповѣщать *всѣхъ* русскихъ товарищей о каждомъ шагѣ своей работы на поученье и примѣръ людямъ, которые, въ массѣ своей, и не умѣютъ еще взяться за новое дѣло.

О важности объединенія, о необходимости „собрать и сорганизовать“ говорятъ теперь рѣшительно всѣ, но нѣтъ въ большинствѣ случаевъ никакого опредѣленнаго представленія о томъ, съ чего начать и какъ вести это дѣло объединенія. Всѣ согласятся, навѣрное, что если мы „объединяемъ“ отдѣльные — скажемъ, районные—кружки одного города, то для этого необходимы *общія учрежденія*, т.-е. не одно только общее званье „союза“, а дѣйствительно *общая* работа, обмѣнъ матеріаломъ, опытомъ и силами, распредѣленіе функцій уже не только по районамъ, а по спеціальностямъ всей городской дѣятельности. Всякій согласится, что солидный конспиративный аппаратъ не окупится (если можно употребить коммерческое выраженіе) „средствами“ (и матеріальными и личными, разумѣется) одного района, что на этомъ узкомъ поприщѣ не развернуться таланту спеціалиста. То же самое относится однако и къ объединенію разныхъ городовъ, ибо и такое поприще, какъ отдѣльная мѣстность, *оказывается* и оказалось уже въ исторіи нашего соціалдемократическаго движенія непомѣрно узкимъ: мы это подробно доказывали выше на примѣрѣ и политической агитаціи, и организаціонной работы. Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать *фактическую* связь между городами на *регулярной общей* работѣ, ибо раздробленность придавливаетъ людей, которые „сидятъ какъ въ ямѣ“ (по выраженію автора одного письма въ „Искру“), не зная, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, у кого имъ поучиться, какъ добыть себѣ опытъ, какъ удовлетворить желаніе широкой дѣятельности. И я продолжаю настаивать, что эту *фактическую* связь можно *начать* создавать только на общей газетѣ, какъ единственномъ регулярномъ общерусскомъ предпріятіи, суммирующемъ итоги самыхъ разнообразныхъ видовъ дѣятельности и тѣмъ *подталкивающемъ* людей идти неустанно впередъ по *всѣмъ* многочисленнымъ путямъ, ведущимъ къ революціи, какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Если мы не на словахъ только хотимъ объединенія, то надо, чтобы каждый мѣстный кружокъ *тотчасъ же удѣлилъ*, скажемъ, четверть своихъ силъ *активной* работѣ надъ *общимъ* дѣломъ, и газета сразу показываетъ ему общій абрисъ, размѣры и характеръ этого дѣла, показываетъ, какіе именно пробѣлы всего сильнѣе ощущаются во всей общерусской дѣятельности, гдѣ нѣтъ агитаціи, гдѣ слабы связи, какія колесики громаднаго общаго механизма могъ бы данный кружокъ подправить или замѣнить лучшими. Кружокъ, не работавшій еще, а только ищущій работы, могъ бы начинать уже не какъ кустарь въ отдѣльной маленькой мастерской, не вѣдающій

ни развитія „промышленности“ до него, ни общаго состоянія данныхъ промышленныхъ способовъ производства, а какъ участникъ широкаго предпріятія, *отражающаго* весь общ. революціонный натискъ на самодержавіе. И чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика, чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія въ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы.

Фактическую связь начала бы создавать уже одна функція распространенія газеты (если бы таковая заслуживала названія газеты, т.-е. выходила регулярно и не разъ въ мѣсяцъ, какъ выходятъ толстые журналы, а раза четыре въ мѣсяцъ). Теперь сношенія между городами по надобностямъ революціоннаго дѣла являются величайшей рѣдкостью и, во всякомъ случаѣ, исключеніемъ; тогда эти сношенія стали бы правиломъ и обезпечивали, разумѣется, не только распространеніе газеты, а также (что гораздо важнѣе) обмѣнъ опытомъ, матеріалами, силами и средствами. Размахъ организаціонной работы сразу сталъ бы во много разъ шире, и успѣхъ одной мѣстности поощрялъ бы постоянно къ дальнѣйшему усовершенствованію, къ желанію воспользоваться готовымъ уже опытомъ дѣйствующаго въ другомъ концѣ страны товарища. Мѣстная работа стала бы гораздо богаче и разностороннѣе, чѣмъ теперь: политическія и экономическія обличенія, собираемыя по всей Россіи, давали бы умственную пищу рабочимъ всѣхъ профессій и *всѣхъ ступеней развитія*, давали бы матеріалъ и поводъ для бесѣдъ и чтеній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, поднятымъ, къ тому же, и намеками легальной печати, и разговорами въ обществѣ, и „стыдливыми“ правительственными сообщеніями. Каждая вспышка, каждая демонстрація оцѣнивалась и обсуждалась бы со всѣхъ сторонъ во всѣхъ концахъ Россіи, вызывая желаніе не отстать отъ другихъ, сдѣлать лучше другихъ (мы, соціалисты, вовсе не отвергаемъ вообще всякаго соревнованія, всякой „конкуренціи“!), подготовить сознательно то, что въ первый разъ вышло какъ - то стихійно, воспользоваться благопріятными условіями данной мѣстности или даннаго момента для видоизмѣненія плана атаки и проч. Въ то же время это оживленіе мѣстной работы не приводило бы къ тому отчаянному „предсмертному“ напряженію *всѣхъ* силъ и постановкѣ ребромъ *всѣхъ* людей, каковымъ является зачастую теперь всякая демонстрація или всякій номеръ мѣстной газеты: съ одной стороны, полиціи гораздо труднѣе добраться до „корней“, разъ неизвѣстно, въ какой мѣстности надо искать ихъ; съ другой стороны, регулярная общая работа пріучала бы людей сообразовать силу *данной* атаки съ даннымъ состояніемъ силъ такого-то отряда общей арміи (сейчасъ о такомъ сообразованіи почти никто никогда и не думаетъ, ибо атаки случаются на девять десятыхъ стихійно) и облегчала бы „перевозку“ изъ другого мѣста не только литературы, но и революціонныхъ силъ.

Теперь эти силы истекаютъ въ массѣ случаевъ кровью на узкой мѣстной работѣ, а тогда являлась бы возможность и по-

стоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способнаго агитатора или организатора изъ конца въ конецъ страны. Начиная съ маленькой поѣздки по дѣламъ партіи на счетъ партіи, люди привыкли бы переходить цѣликомъ на содержаніе партіи, дѣлаться профессіональными революціонерами, вырабатывать изъ себя настоящихъ политическихъ вождей.

И если бы намъ дѣйствительно удалось достигнуть того, чтобы всѣ или значительное большинство мѣстныхъ комитетовъ, мѣстныхъ группъ и кружковъ активно взялись за общее дѣло, мы могли бы въ самомъ недалекомъ будущемъ поставить еженедѣльную газету, регулярно распространяемую въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всей Россіи. Эта газета стала бы частичкой громаднаго кузнечнаго мѣха, раздувающаго каждую искру классовой борьбы и народнаго возмущенія въ общій пожаръ. Вокругъ этого, самого по себѣ очень еще невиннаго и очень еще небольшого, но регулярнаго и въ полномъ значеніи слова *общаго* дѣла систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армія испытанныхъ борцовъ. По лѣсамъ или подмосткамъ этой общей организаціонной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы изъ нашихъ революціонеровъ соціалдемократическіе Желябовы, изъ нашихъ рабочихъ русскіе Бебели, которые встали бы во главѣ мобилизованной арміи и подняли весь народъ на расправу съ позоромъ и проклятьемъ Россіи.

Вотъ о чемъ намъ надо мечтать!

* * *

„Надо мечтать!“ Написалъ я эти слова и испугался. Мнѣ представилось, что я сижу на „объединительномъ съѣздѣ“, противъ меня сидятъ редакторы и сотрудники „Рабочаго Дѣла“. И вотъ встаетъ товарищъ Мартыновъ и грозно обращается ко мнѣ: „А позвольте васъ спросить, имѣетъ ли еще автономная редакція право мечтать безъ предварительнаго опроса комитетовъ партіи?“ А за нимъ встаетъ товарищъ Кричевскій и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубилъ товарища Плеханова) еще болѣе грозно продолжаетъ: „Я иду дальше. Я спрашиваю, имѣетъ ли вообще право мечтать марксистъ, если онъ не забываетъ, что, по Марксу, человѣчество всегда ставитъ себѣ осуществимыя задачи и что тактика есть процессъ роста задачъ, растущихъ вмѣстѣ съ партіей?“

Отъ одной мысли объ этихъ грозныхъ вопросахъ у меня морозъ подираетъ по кожѣ, и я думаю только — куда бы мнѣ спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

„Разладъ разладу рознь“—писалъ по поводу вопроса о разладѣ между мечтой и дѣйствительностью Писаревъ.—„Моя мечта можетъ обгонять естественный ходъ событій, или же она можетъ хватать совершенно въ сторону, туда, куда никакой естественный ходъ событій никогда не можетъ придти. Въ первомъ случаѣ мечта не приноситъ никакого вреда; она можетъ даже поддерживать и усиливать энергію трудящагося человѣка... Въ подобныхъ мечтахъ нѣтъ ничего такого, что извращало или парали-

зовало бы рабочую силу. Даже совсѣмъ напротивъ. Если бы человѣкъ былъ совершенно лишенъ способности мечтать такимъ образомъ, если бы онъ не могъ изрѣдка забѣгать впередъ и созерцать воображеніемъ своимъ въ цѣльной и законченной картинѣ то самое твореніе, которое только что начинаетъ складываться подъ его руками, — тогда я рѣшительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человѣка предпринимать и доводить до конца обширныя и утомительныя работы въ области искусства, науки и практической жизни... Разладъ между мечтой и дѣйствительностью не приноситъ никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно вѣритъ въ свою мечту, внимательно вглядываясь въ жизнь, сравниваетъ свои наблюденія съ своими воздушными замками и вообще добросовѣстно работаетъ надъ осуществленіемъ своей фантазіи. Когда есть какое-нибудь соприкосновеніе между мечтой и жизнью, тогда все обстоитъ благополучно".

Вотъ такого-то рода мечтаній, къ несчастью, слишкомъ мало въ нашемъ движеніи. И виноваты въ этомъ больше всего кичащіеся своей трезвенностью, своей „близостью" къ „конкретному" представители легальной критики и нелегальнаго „хвостизма".

в) Какого типа организація намъ нужна?

Изъ предыдущаго читатель видитъ, что наша „тактика-планъ" состоитъ въ отрицаніи немедленнаго *призыва* къ штурму, въ требованіи устроить „правильную осаду непріятельской крѣпости", или, иначе, въ требованіи направить всѣ усилія на то, чтобы собрать, сорганизовать и *мобилизовать* постоянное войско. Когда мы осмѣяли „Рабочее Дѣло" за его прыжокъ отъ экономизма къ воплямъ о штурмѣ (раздавшимся въ *апрѣлѣ* 1901 г. въ № 6 „Листка Р. Дѣла"), оно обрушилось, разумѣется, на насъ съ обвиненіемъ въ „доктринерствѣ", непониманіи революціоннаго долга, въ призывѣ къ осторожности и т. п. Насъ нисколько не удивили, конечно, эти обвиненія въ устахъ людей, не имѣющихъ никакихъ устоевъ и отдѣлывающихся глубокомысленной „тактикой-процессомъ", какъ не удивило и то, что такія обвиненія повторилъ Надеждинъ, питающій вообще самое величественное презрѣніе къ прочнымъ программнымъ и тактическимъ устоямъ.

Говорятъ, что исторія не повторяется. Но Надеждинъ изо всѣхъ силъ старается повторить ее и усердно копируетъ Ткачева, разнося „революціонное культурничество", крича о „набатѣ вѣчевого колокола", объ особой „точкѣ зрѣнія кануна революціи" и т. п. Онъ забываетъ, повидимому, извѣстное изреченіе, что, если оригиналъ историческаго событія представляетъ изъ себя трагедію, то копія съ него является лишь фарсомъ. Подготовленная проповѣдью Ткачева и осуществленная посредствомъ „устрашающаго" и дѣйствительно устрашавшаго террора попытка захватить власть была величественна, а „экспитативный" тер-

роръ маленькаго Ткачева просто смѣшонъ и особенно смѣшонъ, когда дополняется идеей организаціи середняковъ.

„Если бы „Искра",—пишетъ Надеждинъ,—вышла изъ своей сферы литературщины, она увидѣла бы, что это (такія явленія, какъ письмо рабочаго въ „Искрѣ", № 7, и т. п.) симптомы того, что очень-очень скоро начнется „штурмъ", и говорить теперь (sic!) объ организаціи, тянущейся нитками отъ общерусской газеты, это — плодить кабинетныя мысли и кабинетную работу". Посмотрите же, какая это невообразимая путаница: съ одной стороны, эксцитативный терроръ и „организація середняковъ" на ряду съ мнѣніемъ, что „гораздо ближе" собраться вокругъ „болѣе конкретнаго", въ родѣ мѣстныхъ газетъ, а съ другой стороны, „теперь" говорить объ общерусской организаціи значитъ плодить кабинетныя мысли, т.-е., говоря прямѣе и проще, „теперь" уже поздно! А „широкая постановка мѣстныхъ газетъ",— это не поздно, почтеннѣйшій Л. Надеждинъ? И сравните съ этимъ точку зрѣнія и тактику „Искры": эксцитативный терроръ— пустяки, говорить объ организаціи именно середняковъ и о *широкой* постановкѣ мѣстныхъ газетъ значитъ открывать настежь дверь экономизму. Надо говорить о единой общерусской организаціи революціонеровъ, и говорить о ней не поздно до тѣхъ самыхъ поръ, когда начнется настоящій, а не бумажный штурмъ.

„Да, насчетъ организаціи у насъ обстоятъ дѣла крайне не блестяще",—продолжаетъ Надеждинъ;—„да, „Искра" совершенно права, говоря, что главная масса нашихъ военныхъ силъ — добровольцы и повстанцы... Это хорошо, что вы трезво представляете себѣ положеніе нашихъ силъ, но зачѣмъ же при этомъ забывать, что *толпа вовсе не наша* и что поэтому *она у насъ не спроситъ,* когда открывать военныя дѣйствія, и пойдетъ „бунтоваться"... Когда выступитъ сама толпа съ ея стихійной разрушительной силой, вѣдь она *можетъ* смять, оттереть „постоянное войско", въ которое все собирались, да не *поспѣли* вносить чрезвычайно систематическую организацію". (Курсивъ нашъ).

Удивительная логика! *Именно потому,* что „толпа не наша", неразумно и неприлично кричать о „штурмѣ" сію минуту, ибо штурмъ есть атака постояннаго войска, а не стихійный взрывъ толпы. Именно потому, что толпа *можетъ* смять и оттереть постоянное войско, намъ обязательно необходимо „поспѣвать" за стихійнымъ подъемомъ со своей работой „внесенія чрезвычайно систематической организаціи" въ постоянное войско, ибо чѣмъ больше „поспѣемъ" мы внести такой организованности, тѣмъ болѣе вѣроятно, что постоянное войско не будетъ смято толпой, а встанетъ впереди и во главѣ толпы. Надеждинъ путается потому, что воображаетъ, будто это систематически организуемое войско занято чѣмъ-либо отрывающимъ его отъ толпы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно занято исключительно всесторонней и всеобъемлющей политической агитаціей, т.-е. именно работой *сближающей и сливающей во-едино* стихійно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организаціи революціонеровъ. Вѣдь вы, господа, валите съ больной головы на здоровую, ибо именно группа „Свобода", внося *въ программу* терроръ, тѣмъ самымъ зоветъ къ организаціи террористовъ, а

такая организація дѣйствительно отвлекла бы наше войско отъ сближенія его съ толпой, которая еще, къ сожалѣнію, не наша, которая еще, къ сожалѣнію, не спрашиваетъ или мало спрашиваетъ насъ о томъ, когда и какъ открывать военныя дѣйствія.

„Мы проглядимъ самое революцію,—продолжаетъ Надеждинъ пугать „Искру“,—какъ проглядѣли нынѣшнія событія, свалившіяся намъ словно снѣгъ на голову“. Эта фраза, въ связи съ приведенными выше, наглядно показываетъ намъ нелѣпость сочиненной „Свободою“ особой „точки зрѣнія кануна революціи“ *). Особая „точка зрѣнія“ сводится, если прямо говорить, къ тому, что „теперь“ поздно уже разсуждать и готовиться. Если такъ, о почтеннѣйшій врагъ „литературщины“, то къ чему же было писать на 132 печатныхъ страницахъ „о вопросахъ теоріи **) и тактики“? Не находите ли вы, что „точкѣ зрѣнія кануна революціи“ болѣе приличествовало бы изданіе 132 тысячъ листковъ съ краткимъ воззваніемъ „бей ихъ“?

Проглядѣть революцію всего менѣе рискуетъ именно тотъ, кто ставитъ во главу угла всей своей и программы, и *тактики, и организаціонной работы* всенародную политическую агитацію, какъ дѣлаетъ „Искра“. Люди, занятые по всей Россіи витьемъ нитей организаціи, тянущейся отъ общерусской газеты, не только не проглядѣли весеннихъ событій, а дали намъ, наоборотъ, возможность предсказать ихъ. Не проглядѣли они и тѣхъ демонстрацій, которыя описаны въ №№ 13 и 14 „Искры“; напротивъ, они участвовали въ нихъ, живо сознавая свою обязанность идти на помощь стихійному подъему толпы и помогая въ то же время, черезъ посредство газеты, знакомиться съ этими демонстраціями и утилизировать ихъ опытъ всѣмъ русскимъ товарищамъ. Не проглядятъ они, если живы будутъ, и революціи, которая потребуетъ отъ насъ прежде всего и больше всего опытности въ агитаціи, умѣнья поддерживать (по-соціалдемократически поддерживать) всякій протестъ, умѣнья направлять стихійное движеніе, оберегая его и отъ ошибокъ друзей, и отъ ловушекъ враговъ!

Мы подошли, такимъ образомъ, къ послѣднему соображенію, которое заставляетъ насъ особенно настаивать на планѣ организаціи вокругъ общерусской газеты, посредствомъ совмѣстной работы надъ общей газетой. Только такая организація обезпечитъ

---

*) Стр. 62. «Канунъ революціи».

**) Впрочемъ, по вопросамъ теоріи въ своемъ «Обозрѣніи вопросовъ теоріи» Л. Надеждинъ почти что ничего не далъ, если не считать слѣдующаго, весьма любопытнаго съ «точки зрѣнія кануна революціи» пассажа: «Бернштейніада въ ея цѣломъ теряетъ для нашего момента свой острый характеръ точно такъ же, какъ докажетъ ли г. Адамовичъ, что г. Струве уже заслужилъ пряжку, или, наоборотъ, г. Струве опровергнетъ г. Адамовича и не согласится на выходъ въ отставку,—это рѣшительно все равно, ибо настаетъ слушный часъ революціи» (стр. 110). Трудно было бы рельефнѣе изобразить безконечную беззаботность Л. Надеждина насчетъ теоріи. Мы провозгласили «канунъ революціи»—*поэтому* «рѣшительно все равно», удастся ли ортодоксамъ окончательно сбить съ позиціи критиковъ!! И не замѣчаетъ намъ мудрецъ, что именно во время революціи понадобятся намъ результаты теоретической борьбы съ критиками для рѣшительной борьбы съ ихъ *практическими* позиціями!

необходимую для соціалдемократической боевой организаціи *гибкость*, т.-е. способность приспособляться немедленно къ самымъ разнообразнымъ и быстро мѣняющимся условіямъ борьбы, умѣнье „съ одной стороны, уклониться отъ сраженія въ открытомъ полѣ съ подавляющимъ своей силою непріятелемъ, когда онъ собралъ на одномъ пунктѣ всѣ силы, а съ другой стороны, пользоваться неповоротливостью этого непріятеля и нападать на него тамъ и тогда, гдѣ всего менѣе ожидаютъ нападенія“ *). Было бы величайшей ошибкой строить партійную организацію въ расчетѣ только на взрывъ и уличную борьбу или только на „поступательный ходъ сѣрой текущей борьбы“. Мы должны *всегда* вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему, потому что предвидѣть заранѣе смѣну періодовъ взрыва періодами затишья очень часто бываетъ почти невозможно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этимъ предвидѣніемъ для перестройки организаціи, ибо смѣна эта въ самодержавной странѣ происходитъ поразительно быстро, будучи иногда связана съ однимъ ночнымъ набѣгомъ царскихъ янычаръ. И самое революцію надо представлять себѣ отнюдь не въ формѣ единичнаго акта (какъ мерещится, повидимому, Надеждинымъ), а въ формѣ нѣсколькихъ быстрыхъ смѣнъ болѣе или менѣе сильнаго взрыва и болѣе или менѣе сильнаго затишья. Поэтому основнымъ содержаніемъ дѣятельности нашей партійной организаціи, фокусомъ этой дѣятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна какъ въ періодъ самаго сильнаго взрыва, такъ и въ періодъ полнѣйшаго затишья, именно: работа политической агитаціи, объединенной по всей Россіи, освѣщающей всѣ стороны жизни и направленной въ самыя широкія массы. А эта работа *немыслима* въ современной Россіи безъ общерусской очень часто выходящей газеты. Организація, складывающаяся сама собою вокругъ этой газеты, организація ея *сотрудниковъ* (въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. всѣхъ трудящихся надъ ней) будетъ именно готова *на все*, начиная отъ спасенья чести, престижа и преемственности партіи въ моментъ наибольшаго революціоннаго „угнетенія“ и кончая подготовкой, назначеніемъ и проведеніемъ *всенароднаго вооруженнаго возстанія.*

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ очень обычный у насъ случай полнаго провала въ одной или нѣсколькихъ мѣстностяхъ.

*) «Искра», № 1. «Съ чего начать?»—«Революціонныхъ культурниковъ, не стоящихъ на точкѣ зрѣнія кануна революціи, долгота работы ничуть не смущаетъ»—пишетъ Надеждинъ (с. 62). Мы замѣтимъ по поводу этого: если мы не сумѣемъ выработать такой политической тактики, такого организаціоннаго плана, которые были бы непремѣнно разсчитаны на *весьма долгую работу* и въ то же время обезпечивали бы *самымъ процессомъ этой работы* готовность нашей партіи оказаться на своемъ посту и выполнить свой долгъ при всякой неожиданности, при всякомъ ускореніи хода событій, — то мы окажемся просто жалкими политическими авантюристами. Только Надеждинъ, со вчерашняго дня начавшій себя называть соціалдемократомъ, можетъ забывать о томъ, что цѣль соціалдемократіи—коренное преобразованіе условій жизни всего человѣчества, что поэтому соціалдемократу непозволительно «смущаться» вопросомъ о долготѣ работы.

При отсутствіи у *всѣхъ* мѣстныхъ организацій *одного* общаго регулярнаго дѣла такіе провалы сопровождаются часто перерывомъ работы на много мѣсяцевъ. При наличіи же общаго дѣла у всѣхъ,—достаточно было бы, при самомъ сильномъ провалѣ, нѣсколькихъ недѣль работы двухъ-трехъ энергичныхъ людей, чтобы связать съ общимъ центромъ новые кружки молодежи, возникающіе, какъ извѣстно, весьма быстро даже теперь; а когда это общее дѣло, страдающее отъ провала, у всѣхъ на виду, то новые кружки могутъ возникать и связываться съ нимъ еще быстрѣе.

Съ другой стороны, представьте себѣ народное возстаніе. Въ настоящее время, вѣроятно, всѣ согласятся, что мы должны думать о немъ и готовиться къ нему. Но *какъ* готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентовъ по всѣмъ мѣстамъ для подготовки возстанія! Если бы у насъ и былъ Ц. К., онъ такимъ назначеніемъ ровно ничего не достигъ бы при современныхъ русскихъ условіяхъ. Наоборотъ, сѣть агентовъ, складывающаяся сама собой на работѣ по постановкѣ и распространенію общей газеты, не должна была бы „сидѣть и ждать“ лозунга къ возстанію, а дѣлала бы именно такое регулярное дѣло, которое гарантировало бы ей наибольшую вѣроятность успѣха въ случаѣ возстанія. Именно такое дѣло закрѣпляло бы связи и съ самыми широкими массами рабочихъ и со всѣми недовольными самодержавіемъ слоями, что такъ важно для возстанія. Именно на такомъ дѣлѣ вырабатывалась бы способность вѣрно оцѣнивать общее политическое положеніе и, слѣдовательно, способность выбрать подходящій моментъ для возстанія. Именно такое дѣло пріучало бы *всѣ* мѣстныя организаціи откликаться одновременно на одни и тѣ же волнующіе всю Россію политическіе вопросы, случаи и происшествія, отвѣчать на эти „происшествія“ возможно энергичнѣе, возможно единообразнѣе и цѣлесообразнѣе,— а вѣдь возстаніе есть, въ сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый цѣлесообразный „отвѣтъ“ всего народа правительству. Именно такое дѣло, наконецъ, пріучало бы всѣ революціонныя организаціи во всѣхъ концахъ Россіи вести самыя постоянныя и въ то же время самыя конспиративныя сношенія, создающія *фактическое* единство партіи; а безъ такихъ сношеній невозможно коллективно обсудить планъ возстанія и принять тѣ необходимыя подготовительныя мѣры наканунѣ его, которыя должны быть сохранены въ строжайшей тайнѣ.

Однимъ словомъ, „планъ общерусской политической газеты“ не только не представляетъ собой плода кабинетной работы лицъ, зараженныхъ доктринерствомъ и литературщиной (какъ это показалось плохо вдумавшимся въ него людямъ), а, наоборотъ, онъ является самымъ практичнымъ планомъ начать со всѣхъ сторонъ и сейчасъ же готовиться къ возстанію, не забывая въ то же время ни на минуту своей будничной, насущной работы.

Заключеніе.

Исторія русской соціалдемократіи явственно распадается на три періода.

Первый періодъ обнимаетъ около десяти лѣтъ, приблизительно 1884—1894 гг. Это былъ періодъ возникновенія и упроченія теоріи и программы соціалдемократіи. Число сторонниковъ новаго направленія въ Россіи измѣрялось единицами. Соціалдемократія существовала безъ рабочаго движенія, переживая, какъ политическая партія, процессъ утробнаго развитія.

Второй періодъ обнимаетъ три-четыре года, 1894—1898 гг. Соціалдемократія появляется на свѣтъ божій, какъ общественное движеніе, какъ подъемъ народныхъ массъ, какъ политическая партія. Это — періодъ дѣтства и отрочества. Съ быстротой эпидеміи распространяется повальное увлеченіе интеллигенціи борьбой съ народничествомъ и хожденіемъ къ рабочимъ, повальное увлеченіе рабочихъ стачками. Движеніе дѣлаетъ громадные успѣхи. Большинство руководителей — совсѣмъ молодые люди, далеко не достигшіе того „тридцатипятилѣтняго возраста“, который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными къ практической работѣ и поразительно быстро сходятъ со сцены. Но размахъ работы у нихъ большей частью былъ очень широкій. Многіе изъ нихъ начинали революціонно мыслить какъ народовольцы. Почти всѣ въ ранней юности восторженно преклонялись передъ героями террора. Отказъ отъ обаятельнаго впечатлѣнія этой геройской традиціи стоилъ борьбы, сопровождался разрывомъ съ людьми, которые во что бы то ни стало хотѣли остаться вѣрными Народ. Волѣ и которыхъ молодые соціалдемократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальныя произведенія всякихъ направленій, заниматься усиленно вопросами легальнаго народничества. Воспитанные на этой борьбѣ соціалдемократы шли въ рабочее движеніе, „ни на минуту“ не забывая ни о теоріи марксизма, озарившей ихъ яркимъ свѣтомъ, ни о задачѣ низверженія самодержавія. Образованіе партіи весной 1898 года было самымъ рельефнымъ и въ то же время *послѣднимъ* дѣломъ соціалдемократовъ этой полосы.

Третій періодъ подготовляется, какъ мы видѣли, въ 1897 году и окончательно выступаетъ на смѣну второго періода въ 1898 году

(1898—?). Это — періодъ разброда, распада, шатанія. Въ отрочествѣ бываетъ такъ, что голосъ у человѣка ломается. Вотъ и у русской соціалдемократіи этого періода сталъ ломаться голосъ, сталъ звучать фальшью,—съ одной стороны, въ произведеніяхъ гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, съ другой стороны—у В. И—на и Р. М., у Б. Кричевскаго и Мартынова. Но брели розно и шли назадъ только руководители: само движеніе продолжало расти и дѣлать громадные шаги впередъ. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочихъ и распространялась по всей Россіи, вліяя въ то же время косвенно и на оживленіе демократическаго духа въ студенчествѣ и въ другихъ слояхъ населенія. Сознательность же руководителей спассовала передъ широтой и силой стихійнаго подъема; среди соціалдемократовъ преобладала уже другая полоса—полоса дѣятелей, воспитавшихся почти только на одной „легальной" марксистской литературѣ, а ея было тѣмъ болѣе недостаточно, чѣмъ большей сознательности требовала отъ нихъ стихійность массы. Руководители не только оказывались позади и въ теоретическомъ отношеніи („свобода критики") и въ практическомъ („кустарничество"), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренними доводами. Соціалдемократизмъ принижался до трэдъ-юніонизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа „credo" начинала осуществляться, особенно когда „кустарничество" соціалдемократовъ вызвало оживленіе революціонныхъ несоціалдемократическихъ направленій.

И вотъ если читатель упрекнетъ меня за то, что я черезчуръ подробно занимался какимъ-то „Раб. Дѣломъ", я отвѣчу на это: „Р. Дѣло" пріобрѣло „историческое" значеніе потому, что всего рельефнѣе отразило въ себѣ „духъ" этого третьяго періода *). Не послѣдовательный Р. М., а именно флюгерствующіе Кричевскіе и Мартыновы могли настоящимъ образомъ выразить разбродъ и шатанія, готовность идти на уступки и передъ „критикой", и предъ „экономизмомъ", и передъ терроризмомъ. Не величественное пренебреженіе къ практикѣ со стороны какого-нибудь поклонника „абсолюта" характерно для этого періода, а именно соединеніе мелкаго практицизма съ полнѣйшей теоретической беззаботностью. Не столько прямымъ отрицаніемъ „великихъ словъ" занимались герои этого періода, сколько ихъ опошленіемъ: научный соціализмъ пересталъ быть цѣлостной революціонной теоріей, а превращался въ мѣшанину, къ которой „свободно" добавляли жидкости изъ всякаго новаго нѣмецкаго учебника; лозунгъ „классовая борьба" не толкалъ впередъ къ все болѣе широкой, все болѣе энергичной дѣятельности, а служилъ средствомъ успокоенія, такъ какъ вѣдь „экономическая борьба неразрывно связана съ политической"; идея партіи не служила

*) Я могъ бы также отвѣтить нѣмецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьютъ, невѣсткѣ повѣтки даютъ. Не одно «Раб. Дѣло», а *широкая масса* практиковъ и *теоретиковъ* увлекалась модной «практикой», путалась въ вопросѣ о стихійности, сбивалась съ соціалдемократическаго на трэдъ-юніонистское пониманіе нашихъ политическихъ и организаціонныхъ задачъ.

призывомъ къ созданію боевой организаціи революціонеровъ, а оправдывала какую-то „революціонную канцелярщину“ и ребяческую игру въ „демократическія“ формы.

Когда кончается третій и начинается четвертый періодъ (во всякомъ случаѣ предвѣщаемый уже многими признаками), — мы не знаемъ. Изъ области исторіи мы переходимъ здѣсь въ область настоящаго, отчасти будущаго. Но мы твердо вѣримъ, что четвертый періодъ поведетъ къ упроченію воинствующаго марксизма, что изъ кризиса русская соціалдемократія выйдетъ окрѣпшей и возмужавшей, что „на смѣну“ арьергарда оппортунистовъ выступитъ дѣйствительный передовой отрядъ самаго революціоннаго класса.

Въ смыслѣ призыва къ такой „смѣнѣ“ и сводя вмѣстѣ все изложенное выше, мы можемъ на вопросъ: что дѣлать? — дать краткій отвѣтъ:

Ликвидировать третій періодъ.

Шагъ впередъ, два шага назадъ.

(Кризисъ въ нашей партіи).

Первоначально вышло за границей
въ маѣ 1904 г.

Предисловіе къ первому изданію.

Когда идетъ продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истеченіи нѣкотораго времени начинаютъ обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ окончательный исходъ кампаніи и по сравненію съ которыми все болѣе и болѣе отодвигается на задній планъ всѣ и всяческіе мелкіе и мелочные эпизоды борьбы.

Такъ обстоитъ дѣло и съ нашей внутрипартійной борьбой, которая вотъ уже полгода приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ членовъ партіи. И именно потому, что мнѣ пришлось въ предлагаемомъ читателю очеркѣ всей борьбы касаться многихъ мелочей*), имѣющихъ ничтожный интересъ, многихъ дрязгъ*), не имѣющихъ, въ сущности, никакого интереса, именно поэтому мнѣ хотѣлось бы съ самаго начала обратить вниманіе читателя на два дѣйствительно центральныхъ, основныхъ пункта, которые представляютъ громадный интересъ, которые имѣютъ несомнѣнное историческое значеніе и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня въ нашей партіи.

Первый такой вопросъ—вопросъ о политическомъ значеніи того дѣленія нашей партіи на „большинство“ и „меньшинство“, которое сложилось на второмъ съѣздѣ партіи и отодвинуло далеко назадъ всѣ прежнія дѣленія русскихъ соціалдемократовъ.

Второй вопросъ—вопросъ о принципіальномъ значеніи позиціи новой „Искры“ по организаціоннымъ вопросамъ, поскольку эта позиція является дѣйствительно принципіальной.

Первый вопросъ есть вопросъ объ исходномъ пунктѣ нашей партійной борьбы, объ ея источникѣ, объ ея причинахъ, объ ея основномъ политическомъ характерѣ. Второй вопросъ есть вопросъ о конечныхъ результатахъ этой борьбы, объ ея финалѣ, о томъ принципіальномъ итогѣ, который получается по сложеніи всего, что относится къ области принциповъ, и по вычитаніи всего, что относится къ области дрязгъ. Первый вопросъ рѣшается анализомъ борьбы на партійномъ съѣздѣ, второй — анализомъ новаго принципіальнаго содержанія новой „Искры“. Тотъ и другой анализъ, составляющій содержаніе девяти десятыхъ моей

---

*) Опущены въ настоящемъ изданіи.

брошюры, приводитъ къ выводу, что „большинство“ есть революціонное, а „меньшинство“—оппортунистическое крыло нашей партіи; разногласія, раздѣляющія то и другое крыло въ настоящее время, сводятся, главнымъ образомъ, не къ программнымъ и не къ тактическимъ, а лишь къ организаціоннымъ вопросамъ; та новая система воззрѣній, которая тѣмъ яснѣе вырисовывается въ новой „Искрѣ“, чѣмъ больше старается она углубить свою позицію и чѣмъ чище становится эта позиція отъ дрязгъ изъ-за кооптаціи, есть оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ.

Главнымъ недостаткомъ наличной литературы о нашемъ партійномъ кризисѣ является, въ области изученія и освѣщенія фактовъ, почти полное отсутствіе анализа протоколовъ партійнаго съѣзда, а въ области выясненія основныхъ принциповъ организаціоннаго вопроса—отсутствіе анализа той связи, которая, несомнѣнно, существуетъ между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода въ формулировкѣ параграфа перваго устава и въ защитѣ этой формулировки, съ одной стороны, и всей „системой“ (поскольку тутъ можетъ быть рѣчь о системѣ) теперешнихъ принципіальныхъ взглядовъ „Искры“ по организаціонному вопросу. Нынѣшняя редакція „Искры“, повидимому, даже не замѣчаетъ этой связи, хотя значеніе споровъ о параграфѣ первомъ отмѣчалось уже много и много разъ въ литературѣ „большинства“. Въ сущности, тов. Аксельродъ и тов. Мартовъ только углубляютъ теперь, развиваютъ и расширяютъ свою первоначальную ошибку по параграфу первому. Въ сущности, уже въ спорахъ о параграфѣ первомъ стала намѣчаться вся позиція оппортунистовъ въ организаціонномъ вопросѣ: и ихъ защита расплывчатой, не сплоченной крѣпко партійной организаціи, и ихъ вражда къ идеѣ („бюрократической“ идеѣ) построенія партіи сверху внизъ, исходя изъ партійнаго съѣзда и изъ созданныхъ имъ учрежденій, и ихъ стремленіе идти снизу вверхъ, предоставляя зачислять себя въ члены партіи всякому профессору, всякому гимназисту и „каждому стачечнику“, и ихъ вражда къ „формализму“, требующему отъ члена партіи принадлежности къ одной изъ признанныхъ партіей организацій, и ихъ наклонность къ психологіи буржуазнаго интеллигента, готоваго лишь „платонически признавать организованныя отношенія“, и ихъ податливость къ оппортунистическому глубокомыслію и къ анархическимъ фразамъ, и ихъ тенденція къ автономизму противъ централизма,—однимъ словомъ, все то, что расцвѣтаетъ теперь пышнымъ цвѣтомъ въ новой „Искрѣ“, все болѣе и болѣе содѣйствуя полному и наглядному выясненію сдѣланной первоначально ошибки.

Что касается до протоколовъ партійнаго съѣзда, то поистинѣ незаслуженное невниманіе къ нимъ можетъ быть объяснено только засореніемъ нашихъ споровъ дрязгами, да еще, пожалуй, слишкомъ большимъ количествомъ слишкомъ горькой правды въ этихъ протоколахъ. Протоколы партійнаго съѣзда даютъ единственную въ своемъ родѣ, незамѣнимую по точности, полнотѣ, всесторонности, богатству и аутентичности картину дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ нашей партіи, картину воззрѣній, на-

строеній и плановъ, нарисованную самими участниками движенія, картину существующихъ политическихъ оттѣнковъ внутри партіи, показывающую ихъ сравнительную силу, ихъ взаимоотношеніе и ихъ борьбу. Именно протоколы партійнаго съѣзда и только эти протоколы показываютъ намъ, насколько намъ удалось въ дѣйствительности смести всѣ остатки старыхъ, чисто кружковщинскихъ связей и замѣнить ихъ единой великой партійной связью. Каждый членъ партіи, если онъ хочетъ сознательно участвовать въ дѣлахъ своей партіи, обязанъ тщательно изучать нашъ партійный съѣздъ,—именно: изучать, потому что одно чтеніе груды сырого матеріала, составляющей протоколы, еще не даетъ картины съѣзда. Лишь путемъ тщательнаго и самостоятельнаго изученія можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткіе конспекты рѣчей, сухіе экстракты изъ преній, мелкія стычки по мелкимъ (повидимому, мелкимъ) вопросамъ слились въ нѣчто цѣльное, чтобы передъ членами партіи встала, какъ живая, фигура каждаго выдающагося оратора, выяснилась вся политическая физіономія каждой группы делегатовъ партійнаго съѣзда. Пишущій эти строки будетъ считать свою работу не пропавшей даромъ, если ему удастся дать хотя бы толчокъ къ широкому и самостоятельному изученію протоколовъ партійнаго съѣзда.

Еще одно слово по адресу противниковъ соціалдемократіи. Они злорадствуютъ и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своихъ цѣлей отдѣльныя мѣста моей брошюры, посвященной недостаткамъ и недочетамъ нашей партіи. Русскіе соціалдемократы уже достаточно обстрѣляны въ сраженіяхъ, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки имъ, свою работу самокритики и безпощаднаго разоблаченія собственныхъ минусовъ, которые непремѣнно и неизбѣжно будутъ превзойдены ростомъ рабочаго движенія. А господа противники пусть попробуютъ представить намъ картину *дѣйствительнаго* положенія дѣлъ въ ихъ „партіяхъ", хоть отдаленно приближающуюся къ той, которую даютъ протоколы нашего второго съѣзда!

Май 1904 года.

Шагъ впередъ, два шага назадъ.

а) Подготовка съѣзда.

„Искра“ съ самаго начала, въ своемъ анонсѣ 1900 г., предшествовавшемъ выпуску газеты, объявила, что прежде, чѣмъ объединяться, намъ надо размежеваться. „Искра“ постаралась превратить конференцію 1902 года въ частное совѣщаніе, а не въ партійный съѣздъ *). „Искра“ чрезвычайно осторожно дѣйствовала лѣтомъ и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференціи Организаціонный Комитетъ. Наконецъ, дѣло размежеванія кончилось, — кончилось по нашему общему признанію. Орг. Ком. конституировался въ самомъ концѣ 1902 г. „Искра“ привѣтствуетъ его упроченіе и заявляетъ,—въ *редакціонной* статьѣ № 32,—что созывъ партійнаго съѣзда дѣло *самой настоятельной*, неотложной надобности. Такимъ образомъ, насъ всего уже меньше можно упрекнуть въ торопливости по отношенію къ созыву второго съѣзда. Мы дѣйствовали именно по правилу: семь разъ отмѣрь, одинъ отрѣжь.

б) Значеніе группировокъ на съѣздѣ.

Въ чемъ же состояла главная задача съѣзда? Въ созданіи *дѣйствительной* партіи на тѣхъ принципіальныхъ и организаціонныхъ началахъ, которыя были выдвинуты и разработаны „Искрой“. Что именно въ этомъ направленіи съѣздъ долженъ былъ работать, это было предрѣшено трехлѣтней дѣятельностью „Искры“ и ея признаніемъ со стороны большинства комитетовъ. Искровская программа и направленіе должны были стать программой и направленіемъ партіи, искровскіе организаціонные планы должны были получить закрѣпленіе въ организаціонномъ уставѣ партіи. Но само собою разумѣется, что такой результатъ не могъ быть достигнутъ безъ борьбы: полнота представительства на съѣздѣ обезпечила присутствіе на немъ и такихъ организацій, которыя вели рѣшительную борьбу съ „Искрой“ (Бундъ и „Рабочее Дѣло“), и такихъ, которыя, признавая „Искру“ руководящимъ

*) См. протоколы второго съѣзда, стр. 20.

органомъ на словахъ, на дѣлѣ прислѣдовали свои особые планы и отличались неустойчивостью въ принципіальномъ отношеніи (группа „Южнаго Рабочаго" и примыкающіе къ ней делегаты нѣкоторыхъ комитетовъ). При такихъ условіяхъ съѣздъ не могъ не превратиться въ *арену борьбы за побѣду искровскаго направленія.* Что съѣздъ и былъ на самомъ дѣлѣ такой борьбой,—это сразу станетъ ясно для всякаго, кто сколько-нибудь внимательно прочтетъ его протоколы. Наша же задача теперь состоитъ въ томъ, чтобы детально прослѣдить главнѣйшія группировки, обнаружившіяся по разнымъ вопросамъ на съѣздѣ, и возстановить, по точнымъ даннымъ протоколовъ, политическую физіономію каждой изъ основныхъ группъ съѣзда. Что именно представляли изъ себя тѣ группы, тѣ направленія и тѣ оттѣнки, которымъ предстояло на съѣздѣ слиться, подъ руководствомъ „Искры", въ единую партію,—вотъ что должны мы показать анализомъ преній и голосованій. Выясненіе этого обстоятельства имѣетъ кардинальную важность и для изученія того, чѣмъ являются на дѣлѣ наши соціалдемократы, и для пониманія причинъ расхожденія.

в) Начало съѣзда.—Инцидентъ съ Организаціоннымъ Комитетомъ.

Анализъ преній и голосованій на съѣздѣ всего удобнѣе вести въ порядкѣ засѣданій съѣзда, чтобы послѣдовательно отмѣчать все болѣе и болѣе обрисовывающіеся политическіе оттѣнки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будутъ дѣлаться отступленія отъ хронологическаго порядка для совмѣстнаго разсмотрѣнія тѣсно связанныхъ вопросовъ или однородныхъ группировокъ. Въ интересахъ безпристрастія мы будемъ стараться отмѣчать *всѣ* главнѣйшія голосованія, опуская, конечно, массу вотировокъ по мелочамъ, которыя заняли у нашего съѣзда непомѣрное количество времени (отчасти вслѣдствіе нашей неопытности и неумѣнія распредѣлить матеріалъ между комиссіонными и пленарными засѣданіями, отчасти вслѣдствіе проволочекъ, граничившихъ съ обструкціей).

Первымъ вопросомъ, который вызвалъ дебаты, начинающіе обнаруживать различіе оттѣнковъ, былъ вопросъ о постановкѣ на первое мѣсто (въ „порядкѣ дня" съѣзда) пункта: „положеніе Бунда въ партіи" (стр. 29—33 протоколовъ). Съ точки зрѣнія искровской, которую защищали Плехановъ, Мартовъ, Троцкій и я, не могло быть никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Уходъ Бунда изъ партіи показалъ воочію правильность нашихъ соображеній: если Бундъ не хотѣлъ идти вмѣстѣ съ нами и признать тѣ организаціонныя начала, которыя раздѣляло, вмѣстѣ съ „Искрой", большинство партіи,—то было безполезно и безсмысленно „дѣлать видъ", что мы идемъ вмѣстѣ, и только затягивать съѣздъ (какъ затягивали его бундовцы). Вопросъ былъ уже выясненъ вполнѣ въ литературѣ, и для всякаго сколько-нибудь вдумчиваго члена партіи было очевидно, что остается только открыто поставить вопросъ и прямо, честно сдѣлать выборъ: автономія (идемъ вмѣстѣ) или федерація (расходимся).

Уклончивые во всей своей политикѣ, бундовцы пожелали уклониться и тутъ, оттягивая вопросъ. Къ нимъ присоединяется тов. Акимовъ, выдвигающій сразу, видимо отъ лица всѣхъ сторонниковъ „Рабочаго Дѣла“, организаціонныя разногласія съ „Искрой“ (стр. 31 протокол.). На сторону Бунда и „Рабочаго Дѣла“ становится тов. Маховъ (два голоса Николаевскаго Комитета, незадолго передъ тѣмъ выражавшаго свою солидарность съ „Искрой“). Для товарища Махова вопросъ совершенно не: сенъ, а „больнымъ мѣстомъ“ онъ считаетъ и „вопросъ о дем‹ кратическомъ устройствѣ или, наоборотъ (это замѣтьте), о централизмѣ“.

Итакъ, противъ искровцевъ выступаютъ Бундъ, „Рабочее Дѣло“ и тов. Маховъ, имѣющіе вмѣстѣ какъ разъ тѣ десять голосовъ, которые и поданы были противъ насъ (стр. 33). *За* подано *30 голосовъ* — цифра, около которой, какъ увидимъ ниже, часто колеблются голоса искровцевъ. Одиннадцать голосовъ, оказывается, воздержались—видимо, не становясь на сторону ни той, ни другой изъ борющихся „партій“. Интересно отмѣтить, что, когда мы голосовали § 2 устава Бунда (отклоненіе этого § 2 вызвало уходъ Бунда изъ партіи), то вотировавшихъ за § 2 и воздержавшихся оказалось тоже десять голосовъ (стр. 289 протоколовъ), при емъ воздерживались именно трое рабочедѣльцевъ (Брукэръ, Мартыновъ и Акимовъ) и тов. Маховъ. Очевидно, что голосованіе по вопросу о *мѣстѣ* вопроса о Бундѣ дало *не случайную* группировку. Очевидно, что не только по техническому вопросу о порядкѣ обсужденія, а *и по существу* расходились съ „Искрой“ всѣ эти товарищи.

Вслѣдъ за голосованіемъ по вопросу о мѣстѣ вопроса о Бундѣ на съѣздѣ выплылъ вопросъ о группѣ „Борьба“, приведшій тоже къ чрезвычайно интересной группировкѣ, и тѣсно связанный съ самымъ „больнымъ“ вопросомъ съѣзда, вопросомъ о личномъ составѣ центровъ. Комиссія по опредѣленію состава съѣзда высказывается противъ приглашенія группы „Борьба“, согласно *двукратному* рѣшенію Орг. Ком. (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу *его представителей въ комиссіи* (стр. 35).

Тов. Егоровъ, *членъ О. К.*, заявляетъ, что „вопросъ о „Борьбѣ“ (замѣтьте: о „Борьбѣ“, а не о томъ или иномъ ея членѣ) для него новый“, и проситъ перерыва. Какимъ образомъ для члена О. К. могъ быть новымъ вопросъ, дважды рѣшенный О. К., остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Во время перерыва происходитъ засѣданіе О. К. (стр. 40 прот.) въ томъ его составѣ, который случайно находился на съѣздѣ (нѣсколько членовъ О. К. изъ старыхъ членовъ организаціи „Искры“ на съѣздѣ отсутствовали). Начинаются пренія о „Борьбѣ“. Рабочедѣльцы высказываются за (Мартыновъ, Акимовъ и Брукэръ, стр. 36 — 38), Искровцы (Павловичъ, Сорокинъ, Ланге, Троцкій, Мартовъ и др.)— противъ. Съѣздъ раздѣляется опять въ знакомой уже намъ группировкѣ. Борьба изъ-за „Борьбы“ завязывается упорная, и тов. Мартовъ выступаетъ съ особенно обстоятельной (стр. 38) и „боевой“ рѣчью, въ которой указываетъ справедливо на „неравномѣрность представительства“ русскихъ и заграничныхъ группъ,

на то, что едва ли „хорошо“ было бы давать заграничной группѣ „привилегію“ (золотыя слова, особенно поучительныя теперь, съ точки зрѣнія событій, бывшихъ послѣ съѣзда!), что не слѣдуетъ поощрять „организаціоннаго хаоса въ партіи, который характеризовался дробленіемъ, не вызываемымъ никакими принципіальными соображеніями“. Кромѣ сторонниковъ „Рабочаго Дѣла“, *никто* открыто и мотивированно не выступаетъ за „Борьбу“ вплоть до закрытія списка ораторовъ (стр. 40).

Послѣ закрытія списка ораторовъ, когда *по существу* высказываться уже нельзя, тов. Егоровъ „настоятельно требуетъ, чтобы было выслушано постановленіе О. К., принятое только что“. Неудивительно, что члены съѣзда возмущены такимъ пріемомъ, и тов. Плехановъ, какъ предсѣдатель, выражаетъ свое „недоумѣніе, какъ можетъ тов. Егоровъ настаивать на своемъ требованіи“. Казалось бы, одно изъ двухъ: или высказываться открыто и опредѣленно по существу вопроса передъ всѣмъ съѣздомъ, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть списокъ ораторовъ и затѣмъ подъ видомъ „заключительнаго слова“ преподнести съѣзду *новое* постановленіе О. К.—именно по обсуждавшемуся вопросу— это равносильно удару изъ-за угла!

Засѣданіе возобновляется послѣ обѣда, и бюро, продолжающее недоумѣвать, рѣшаетъ отступить отъ „формальности“ и прибѣгнуть къ послѣднему, на съѣздахъ лишь въ крайнихъ случаяхъ употребительному, средству—„товарищескаго объясненія“. Представитель О. К., Поповъ, сообщаетъ постановленіе О. К., принятое всѣми его членами противъ одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съѣзду пригласить Рязанова.

Павловичъ заявляетъ, что онъ отрицаетъ законность собранія О. К., что новое постановленіе О. К. „*противорѣчитъ его прежнему рѣшенію*“. Заявленіе производитъ бурю. Тов. Егоровъ, тоже членъ О. К. и членъ группы „Южнаго Рабочаго“, уклоняется отъ отвѣта по существу и хочетъ перенести центръ тяжести на вопросъ о дисциплинѣ. Тов. Павловичъ будто бы нарушилъ партійную дисциплину (!), ибо О. К., обсудивъ протестъ Павловича, рѣшилъ „не доводить до свѣдѣнія съѣзда отдѣльное мнѣніе Павловича“. Дебаты переносятся на вопросъ о партійной дисциплинѣ, и Плехановъ назидательно разъясняетъ тов. Егорову, при шумныхъ аплодисментахъ съѣзда, что „*императивныхъ мандатовъ у насъ нѣтъ*“ (стр. 42, сравни стр. 379, уставъ съѣзда, § 7: „делегаты не должны быть ограничены въ своихъ полномочіяхъ императивными мандатами. Въ отправленіи своихъ полномочій они совершенно свободны и, независимы“). „Съѣздъ есть самая высшая партійная инстанція“, и, слѣдовательно, нарушаетъ партійную дисциплину и уставъ съѣзда именно тотъ, кто стѣсняетъ чѣмъ бы то ни было обращеніе любого делегата *прямо* къ съѣзду по *всѣмъ*, безъ исключенія и изъятія, вопросамъ партійной жизни. Спорный вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ дилеммѣ: кружковщина или партійность. Ограниченіе правъ делегатовъ на съѣздѣ во имя воображаемыхъ правъ или уставовъ разныхъ коллегій и кружковъ, или *полное*, не на словахъ только

а на дѣлѣ, распущеніе *всѣхъ* низшихъ инстанцій и старыхъ группокъ передъ съѣздомъ впредь до созданія дѣйствительно партійныхъ должностныхъ учрежденій. Читатель видитъ уже отсюда, какую громадную принципіальную важность имѣлъ этотъ споръ въ самомъ началѣ съѣзда (третье засѣданіе), поставившаго себѣ цѣлью фактически возстановить партію. На этомъ спорѣ сконцентрировался, такъ сказать, конфликтъ старыхъ кружковъ и группокъ (въ родѣ „Южнаго Рабочаго") съ возрождающейся партіей. И анти-искровскія группы сейчасъ же обнаруживаютъ себя: и бундовецъ Абрамсонъ, и тов. Мартыновъ, горячій союзникъ нынѣшней редакціи „Искры", и нашъ знакомый тов. Маховъ—всѣ они высказываются за Егорова и группу „Южнаго Рабочаго" противъ Павловича. Тов. Мартыновъ, щеголяющій теперь, наперерывъ съ Мартовымъ и Аксельродомъ, организаціоннымъ „демократизмомъ", вспоминаетъ даже... армію, гдѣ можно апеллировать къ высшей инстанціи только черезъ посредство низшей!! Истинный смыслъ этой „компактной" анти-искровской оппозиціи былъ совершенно ясенъ для всякаго, кто былъ на съѣздѣ или кто слѣдилъ внимательно за внутренней исторіей нашей партіи до съѣзда. Задача оппозиціи (можетъ быть, даже не всегда всѣми ея представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерціи) состояла въ томъ, чтобы оградить независимость, особность, приходскіе интересы мелкихъ группокъ отъ поглощенія ихъ широкой партіей, созидаемой на искровскихъ началахъ.

Именно съ этой точки зрѣнія подошелъ къ вопросу и тов. Мартовъ, тогда еще не успѣвшій объединиться съ Мартыновымъ. Тов. Мартовъ рѣшительно ополчается, и справедливо ополчается, противъ тѣхъ, кто „въ представленіи о партійной дисциплинѣ не идетъ дальше обязанностей революціонера къ той группѣ *низшаго* порядка, въ которую онъ входитъ". „Никакая *принудительная* (курс. Мартова) группировка внутри единой партіи недопустима", разъясняетъ Мартовъ поборникамъ кружковщины, не предвидя того, какъ бичуетъ онъ этими словами свое собственное политическое поведеніе въ концѣ съѣзда и послѣ него...

г) Распущеніе группы „Южнаго Рабочаго".

Распредѣленіе делегатовъ въ вопросѣ объ О. К. могло бы показаться, пожалуй, случайнымъ. Но такое мнѣніе было бы ошибочнымъ, и чтобы устранить его, мы отступимъ отъ хронологическаго порядка и разсмотримъ сейчасъ же инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ съѣзда, но самымъ тѣснымъ образомъ связанный съ предыдущимъ. Инцидентъ этотъ — распущеніе группы „Южнаго Рабочаго". Противъ искровскихъ организаціонныхъ тенденцій—полнаго сплоченія партійныхъ силъ и устраненія дробящаго силы хаоса—выступили здѣсь интересы *одной* изъ группъ, которая дѣлала полезное дѣло при отсутствіи настоящей партіи и которая стала излишней при централистической постановкѣ работы. Во имя интересовъ кружка группа „Южнаго Рабочаго" съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ старая редакція „Искры", могла

претендовать на сохраненіе „преемственности" и на свою неприкосновенность. Во имя интересовъ партіи группа эта должна была подчиниться перемѣщенію ея силъ въ „соотвѣтствующія партійныя организаціи" (стр. 313, конецъ резолюціи, принятой съѣздомъ). Съ точки зрѣнія интересовъ кружка и „обывательщины" не могло не казаться „щекотливымъ" (выраженіе тов. Русова и тов. Дейча) распущеніе полезной группы, которая такъ же не хотѣла этого, какъ не хотѣла и старая редакція „Искры". Съ точки зрѣнія интересовъ партіи являлось необходимымъ распущеніе, „раствореніе" (выраженіе Гусева) въ партіи. Группа „Южнаго Рабочаго" прямо заявила, что она „не находитъ нужнымъ" объявить себя распущенной и требуетъ, чтобы „съѣздъ рѣшительно заявилъ свое мнѣніе" и при томъ „немедленно: да или нѣтъ". Группа „Южнаго Рабочаго" прямо ссылалась на ту самую „преемственность", къ которой стала апеллировать старая редакція „Искры"... послѣ ея распущенія! „Хотя всѣ мы по одиночкѣ составляемъ единую партію,—сказалъ тов. Егоровъ,—но она все-таки состоитъ изъ цѣлаго ряда организацій, съ которыми приходится считаться, *какъ съ историческими величинами*... Если подобная организація *не вредна партіи, то ее не къ чему распускать*".

Такимъ образомъ, важный *принципіальный* вопросъ былъ поставленъ совершенно опредѣленно, и всѣ искровцы—покуда еще интересы ихъ собственной кружковщины не выплывали впередъ—рѣшительно встали противъ неустойчивыхъ элементовъ (бундовцы и двое изъ рабочедѣльцевъ въ это время уже не были на съѣздѣ; они, несомнѣнно, стояли бы горой за необходимость „считаться съ историческими величинами"). Голосованіе дало *31 за*, пять противъ и пять воздержавшихся (четыре голоса членовъ группы „Южнаго Рабочаго" и еще одинъ, вѣроятно, Бѣлова, судя по его прежнимъ заявленіямъ,—стр. 308). Группа въ *девять голосовъ*, относящаяся рѣзко отрицательно къ послѣдовательному организаціонному плану „Искры" и отстаивающая кружковщину противъ партійности, обрисовывается съ полной опредѣленностью. Въ дебатахъ искровцы ставятъ этотъ вопросъ именно принципіально (см. рѣчь Ланге, стр. 315), высказываясь противъ кустарничества и разброда, отказываясь считаться съ „симпатіями" отдѣльныхъ организацій, говоря прямо, что, „если бы товарищи изъ „Южнаго Рабочаго" держались болѣе принципіальной точки зрѣнія раньше, еще годъ или два тому назадъ, то дѣло объединенія партіи и торжество тѣхъ началъ программы, которыя мы здѣсь санкціонировали, было бы достигнуто раньше". Въ этомъ духѣ высказываются и Орловъ, и Гусевъ, и Лядовъ, и Муравьевъ, и Русовъ, и Павловичъ, и Глѣбовъ, и Горинъ. Искровцы изъ „меньшинства" не только не возстаютъ противъ этихъ, неоднократно подымавшихся на съѣздѣ опредѣленныхъ указаній на недостаточно принципіальную политику и „линію" „Южнаго Рабочаго", Махова и другихъ, не только не дѣлаютъ какихъ-либо оговорокъ на этотъ счетъ, а, напротивъ, въ лицѣ Дейча, рѣшительно присоединяются къ нимъ, осуждая „хаосъ" и привѣтствуя „прямую постановку вопроса" (стр. 315) тов. Русова.

Со стороны группы „Южнаго Рабочаго“ вопросъ объ ея распущеніи вызвалъ страшное возмущеніе, слѣды котораго есть и въ протоколахъ (надо не забывать, что протоколы даютъ лишь блѣдную картину преній, ибо, вмѣсто полныхъ рѣчей, они приводятъ самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоровъ называлъ даже „ложью“ простое упоминаніе имени группы „Рабочая мысль“ на ряду съ „Южнымъ Рабочимъ“—характерный образчикъ того, какое отношеніе къ послѣдовательному экономизму господствовало на съѣздѣ. Егоровъ даже гораздо позже, въ 37-омъ засѣданіи, говоритъ о распущеніи „Южнаго Рабочаго“ съ величайшимъ раздраженіемъ (стр. 356), прося занести въ протоколъ, что при обсужденіи вопроса объ „Южномъ Рабочемъ“ членовъ этой группы не спрашивали ни о средствахъ на изданіе, ни о контролѣ Ц. О. и Ц. К. Тов. Поповъ намекаетъ во время преній о „Южномъ Рабочемъ“ на компактное большинство, какъ бы предрѣшившее вопросъ объ этой группѣ. „*Теперь*,—говоритъ онъ (стр. 316),—*все, послѣ рѣчей тов. Гусева и Орлова, ясно*“. Смыслъ этихъ словъ несомнѣненъ: теперь, когда искровцы высказались и предложили резолюцію, все ясно, т.-е. ясно, что „Южный Рабочій“ будетъ распущенъ вопреки его волѣ.

д) Инцидентъ съ равноправіемъ языковъ.

Вернемся къ порядку засѣданій съѣзда.

Мы убѣдились теперь, что еще до перехода къ обсужденію вопросовъ по существу на съѣздѣ ясно обнаружилась не только совершенно опредѣленная группа анти-искровцевъ (8 голосовъ), но и группа промежуточныхъ, неустойчивыхъ элементовъ, готовыхъ поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16—18 голосовъ.

Вопросъ о мѣстѣ Бунда въ партіи, обсуждавшійся на съѣздѣ чрезвычайно, черезчуръ подробно, свелся къ рѣшенію принципіальнаго тезиса, практическое же рѣшеніе было отложено до обсужденія организаціонныхъ отношеній. Въ виду того, что въ литературѣ до съѣзда довольно много мѣста было удѣлено разъясненію относящихся сюда темъ, на съѣздѣ обсужденіе дало мало сравнительно новаго. Нельзя не замѣтить только, что сторонники „Раб. Дѣла“ (Мартыновъ, Акимовъ и Брукэръ), соглашаясь съ резолюціей Мартова, оговаривали, что признаютъ ея недостаточность и расходятся въ выводахъ изъ нея (стр. 69, 73, 83, 86).

Отъ вопроса о мѣстѣ Бунда съѣздъ перешелъ къ программѣ. Пренія вращались здѣсь большей частью около частныхъ поправокъ, представляющихъ мало интереса. Принципіально оппозиція анти-искровцевъ выразилась лишь въ походѣ тов. Мартынова противъ пресловутой постановки вопроса о стихійности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедѣльцы цѣликомъ. Неосновательность его возраженій показали, между прочимъ, Мартовъ и Плехановъ. Какъ курьезъ надо от-

мѣтить, что теперь редакція „Искры“ перешла на сторону Мартынова и говоритъ обратное тому, что говорила на съѣздѣ!

Минуя споры о признаніи „Искры“ центр. органомъ и начало дебатовъ объ уставѣ (ихъ удобнѣе будетъ разсмотрѣть въ связи со всѣмъ обсужденіемъ устава), перейдемъ къ обнаружившимся при обсужденіи программы принципіальнымъ оттѣнкамъ. Отмѣтимъ, прежде всего, одну деталь чрезвычайно характернаго свойства: пренія по вопросу о пропорціональномъ представительствѣ. Тов. Егоровъ изъ „Южн. Раб.“ защищалъ внесеніе его въ программу и защищалъ такъ, что вызвалъ справедливое замѣчаніе Посадовскаго (искровецъ изъ меньшинства) о „серьезномъ разногласіи“. „Несомнѣнно,—сказалъ тов. Посадовскій,—что мы не сходимся по слѣдующему основному вопросу: *нужно ли подчинить нашу будущую политику тѣмъ или другимъ основнымъ демократическимъ принципамъ, признавъ за ними абсолютную цѣнность,* или же всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей партіи? Я рѣшительно высказываюсь за послѣднее“. Плехановъ „вполнѣ присоединяется“ къ Посадовскому, возставая въ еще болѣе опредѣленныхъ и болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ противъ „абсолютной цѣнности демократическихъ принциповъ“, противъ „отвлеченнаго“ разсматриванія ихъ. „Гипотетически мыслимъ случай,—говоритъ онъ,—когда мы, соціалдемократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права. Буржуазія итальянскихъ республикъ лишала когда-то политическихъ правъ лицъ, принадлежавшихъ къ дворянству. Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда-то его политическія права“. Рѣчь Плеханова встрѣчена рукоплесканьями и *шиканьемъ*, и когда Плехановъ опротестовываетъ Zwischenruf „вы не должны шикать“ и проситъ товарищей не стѣсняться, то тов. Егоровъ встаетъ и говоритъ: „разъ такія рѣчи вызываютъ рукоплесканья, то я обязанъ шикать“. Вмѣстѣ съ тов. Гольдблатомъ (делегатомъ Бунда) тов. Егоровъ высказывается противъ взглядовъ Посадовскаго и Плеханова. Къ сожалѣнію, дебаты были закрыты, и выплывшій по поводу нихъ вопросъ сошелъ тотчасъ со сцены.

Разногласіе обнаружилось еще рельефнѣе по вопросу о „равноправіи языковъ“ (стр. 171 и слѣд. прот.). По этому пункту краснорѣчивы не столько пренія, сколько голосованія: подсчитывая сумму ихъ, получаемъ невѣроятное число—*шестнадцать*. Изъ-за чего? Изъ-за того, достаточно ли въ программѣ оговорить равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ пола и т. д. *и языка,* или же необходимо сказать: „свобода языка“ или „равноправіе языковъ“. Тов. Мартовъ на съѣздѣ Лиги довольно вѣрно охарактеризовалъ этотъ эпизодъ, сказавши, что „ничтожный споръ о редакціи одного пункта программы принялъ принципіальное значеніе, потому что половина съѣзда готова была свергнуть программную комиссію“. Именно такъ. Поводъ къ столкновенію былъ именно ничтожный, и, тѣмъ не менѣе, столкновеніе приняло дѣйствительно *принципіальный* характеръ, а потому и

страшно ожесточенныя формы вплоть до попытки *„свергнуть“* программную комиссію, вплоть до подозрѣнія въ желаніи *„подвести съѣздъ“* (въ этомъ заподозрилъ Егоровъ Мартова!), вплоть до обмѣна личными замѣчаніями самаго... ругательнаго свойства (ст. 178). Даже тов. Поповъ „выражалъ сожалѣніе, что по поводу пустяковъ создается *такая атмосфера*“ (курсивъ мой, ст. 182), которая царила въ теченіе трехъ засѣданій (16, 17 и 18).

Всѣ эти выраженія въ высшей степени опредѣленны и категорически указываютъ на тотъ выразительный фактъ, что атмосфера „подозрѣній“ и самыхъ ожесточенныхъ формъ борьбы („сверженіе“),—въ созданіи которой обвинялось потомъ на съѣздѣ Лиги большинство искровцевъ!—на самомъ дѣлѣ создалась *гораздо раньше, чѣмъ мы раскололись на большинство и меньшинство.* Не рѣзкости, не остроты создали конфликтъ,—онѣ были только *симптомомъ* того, что въ самой политической группировкѣ съѣзда есть „противорѣчіе“, есть всѣ залоги конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая съ имманентной силой прорывается при каждомъ, *даже ничтожномъ* поводѣ.

Съ той точки зрѣнія, съ которой я смотрю на съѣздъ, вполнѣ объяснимъ и неизбѣженъ отчаянно-рѣзкій конфликтъ *принципіальнаго* характера по „ничтожному“ поводу. Разъ у насъ на съѣздѣ *все время* шла борьба искровцевъ съ анти-искровцами, разъ между ними стояли неустойчивые элементы, разъ эти послѣдніе вмѣстѣ съ анти-искровцами составляли $^1/_3$ голосовъ ($8+10=18$ изъ 51, по моему счету, разумѣется, приблизительному),—то совершенно понятно и естественно, что *всякое отпаденіе отъ искровцевъ хотя бы небольшого меньшинства ихъ* создавало возможность побѣды анти-искровскаго направленія и вызывало, поэтому, „бѣшеную“ борьбу. Это не результатъ неумѣстно рѣзкихъ выходокъ и нападокъ, а результатъ политической комбинаціи. Не рѣзкости создавали политическій конфликтъ, а существованіе политическаго конфликта въ самой группировкѣ съѣзда создавало рѣзкости и нападки,—въ этомъ противопоставленіи заключается основное наше принципіальное расхожденіе съ Мартовымъ въ оцѣнкѣ политическаго значенія съѣзда и результатовъ съѣзда.

Въ теченіе всего съѣзда было три наиболѣе крупныхъ случая отпаденія незначительнаго числа искровцевъ отъ большинства ихъ,—равноправіе языковъ, § 1 устава и выборы,—и во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ получалась ожесточенная борьба, приведшая, въ концѣ концовъ, къ теперешнему тяжелому кризису въ партіи. Чтобы политически осмыслить этотъ кризисъ и эту борьбу, надо разсмотрѣть политическія группировки оттѣнковъ, столкнувшихся на съѣздѣ.

Война началась споромъ тов. Мартова съ лидеромъ бундовцевъ, тов. Либеромъ (стр. 171—172). Мартовъ доказываетъ достаточность требованія „равноправія гражданъ“. „Свобода языка“ отклоняется, но сейчасъ же выдвигается „равноправіе языковъ“, и вмѣстѣ съ Либеромъ ополчается на бой тов. Егоровъ. Мартовъ заявляетъ, что это—*фетишизмъ*, „когда ораторы настаиваютъ на

равноправія національностей и переносятъ неравноправность въ область языка. Между тѣмъ, вопросъ слѣдуетъ разсматривать какъ разъ съ другой стороны: существуетъ неравноправность національностей, которая выражается, между прочимъ, и въ томъ, что люди, принадлежащіе къ извѣстной націи, лишены права пользоваться роднымъ языкомъ“ (стр. 172).

Группировка делегатовъ въ этой борьбѣ особенно ясна, благодаря обилію именныхъ голосованій. Ихъ было цѣлыхъ три. Противъ искровскаго ядра горой стоятъ все время всѣ анти-искровцы (8 голос.) и, съ самыми небольшими колебаніями, весь центръ (Маховъ, Львовъ, Егоровъ, Поповъ, Медвѣдевъ, Ивановъ, Царевъ, Бѣловъ,—только послѣдніе двое колебались вначалѣ, то воздерживаясь, то голосуя съ нами, и опредѣлились вполнѣ лишь къ третьему голосованію). Отъ искровцевъ отпадаетъ часть — главнымъ образомъ, кавказцы (трое съ шестью голосами)—и, благодаря этому перевѣсъ, въ концѣ концовъ, получаетъ направленіе „фатишизма“. При третьемъ голосованіи, когда сторонники обѣихъ тенденцій наиболѣе выяснили свои позиціи, отъ искровцевъ большинства отдѣлились къ противной сторонѣ трое кавказцевъ съ шестью голосами; отъ искровцевъ меньшинства отдѣлились двое съ двумя голосами—Несадовскій и Костичъ; при двухъ первыхъ голосованіяхъ переходили къ противной сторонѣ или воздерживались: Ленскій, Степановъ и Горскій изъ большинства искровцевъ, Дейчъ изъ меньшинства. *Отдѣленіе восьми искровскихъ голосовъ (отъ всего числа 33) дало перевѣсъ коалиціи анти-искровцевъ и неустойчивыхъ элементовъ.* Это—именно тотъ *основной фактъ* съѣздовской группировки, который повторился (при отдѣленіи *другихъ* только искровцевъ) и при голосованіи § перваго устава и при выборахъ.

е) Аграрная программа.

Принципіальная невыдержанность анти-искровцевъ и „центра“ сказалась рельефно и на преніяхъ объ аграрной программѣ, которыя заняли не мало времени у съѣзда (см. стр. 190—226 прот.) и поставили не мало чрезвычайно интересныхъ вопросовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, походъ противъ программы поднимаетъ тов. Мартыновъ (послѣ мелкихъ замѣчаній тов. Либера и Егорова). Онъ выдвигаетъ старый доводъ объ исправленіи „именно данной исторической несправедливости“, чѣмъ будто бы косвенно мы „освящаемъ другія историческія несправедливости“, и т. д. На его сторону становится и тов. Егоровъ, которому даже „не ясно, каково значеніе этой программы. Есть ли это программа для насъ, т.-е. опредѣляетъ ли она требованія, которыя мы выставляемъ, или мы хотимъ сдѣлать ее популярной“ (!?!?). Тов. Либеръ „хотѣлъ бы сдѣлать тѣ же указанія, что и тов. Егоровъ“. Тов. Маховъ выступаетъ со свойственной ему рѣшительностью, заявляя, что „большинство (?) изъ говорившихъ рѣшительно не понимаютъ, что изъ себя представляетъ выставленная программа и какія цѣли она преслѣдуетъ“. Предлагаемую программу, ви-

ците ли, „трудно считать за соц.-дем. аграрную программу“; она... „нѣсколько пахнетъ игрой въ исправленіе историческихъ несправедливостей“, на ней лежитъ „оттѣнокъ демагогіи и авантюризма“. Теоретическимъ подтвержденіемъ этого глубокомыслія является обычная утрировка и упрощеніе вульгарнаго марксизма: искровцы будто бы „съ крестьянами хотятъ оперировать, какъ съ чѣмъ-то единымъ по составу; а такъ какъ крестьянство ужъ давно (?) разслоено на классы, то выставленіе единой программы неизбѣжно ведетъ къ тому, что программа становится въ цѣломъ демагогической и при проведеніи въ жизнь сдѣлается авантюрой“ (202). Тов. Маховъ „выбалтываетъ“ здѣсь истинную причину отрицательнаго отношенія къ нашей аграрной программѣ со стороны многихъ соціалдемократовъ, готовыхъ признавать „Искру“ (какъ призналъ ее и самъ Маховъ), но совершенно не продумавшихъ ея направленія, ея теоретическую и практическую позицію. Именно вульгаризація марксизма въ примѣненіи его къ такому сложному и многостороннему явленію, какъ современный укладъ русскаго крестьянскаго хозяйства, вызывала и вызываетъ непониманіе этой программы, а вовсе не расхожденіе по отдѣльнымъ частностямъ. И на такой вульгарно-марксистской точкѣ зрѣнія быстро сошлись лидеры анти-искровскихъ элементовъ (Либеръ и Мартыновъ) и „центра“—Егоровъ и Маховъ. Тов. Егоровъ откровенно выразилъ также одну изъ характерныхъ чертъ „Южнаго Рабочаго“ и тяготѣющихъ къ нему группъ и кружковъ, именно—непониманіе значенія крестьянскаго движенія, непониманіе того, что не переоцѣнка, а, наоборотъ, скорѣе недооцѣнка этого значенія (и недостатокъ силъ для использованія движенія) составляла слабую сторону нашихъ соціалдемократовъ во время первыхъ знаменитыхъ крестьянскихъ возстаній. „Я далекъ отъ увлеченія редакціи крестьянскимъ движеніемъ,—сказалъ т. Егоровъ, — увлеченія, послѣ крестьянскихъ волненій охватившаго многихъ соціалдемократовъ“. Т. Егоровъ не потрудился только, къ сожалѣнію, познакомить съѣздъ сколько-нибудь точно съ тѣмъ, въ чемъ же выразилось это увлеченіе *редакціи*, не потрудился привести конкретныхъ указаній на литературный матеріалъ, данный „Искрой“. Онъ забылъ, кромѣ того, что *всѣ* основные пункты нашей аграрной программы были развиты „Искрой“ еще въ ея третьемъ номерѣ, т.-е. *задолго* до крестьянскихъ волненій. Кто „признавалъ“ „Искру“ не на словахъ только, тому не грѣхъ было бы проявить немного больше вниманія къ ея теоретическимъ и тактическимъ принципамъ!

„Нѣтъ, въ крестьянствѣ мы много сдѣлать не можемъ!“— восклицаетъ т. Егоровъ и объясняетъ далѣе это восклицаніе не въ смыслѣ протеста противъ того или другого отдѣльнаго „увлеченія“, а въ смыслѣ отрицанія всей нашей позиціи: „Это и значитъ, что нашъ лозунгъ не можетъ конкурировать съ авантюристскимъ лозунгомъ“. Прехарактерная формулировка безпринципнаго отношенія къ дѣлу, сводящаго все къ „конкуренціи“ лозунговъ разныхъ партій! И это говорится послѣ того, какъ ораторъ „объявляетъ себя „удовлетвореннымъ“ теоретическими

объясненіями, въ которыхъ указывалось, что мы стремимся къ прочному успѣху въ агитаціи, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успѣхъ (вопреки шумнымъ крикамъ „конкурентовъ“... на минуту) невозможенъ безъ устойчиваго теоретическаго базиса программы (ст. 196). Какая путаница вскрывается этимъ увѣреніемъ объ „удовлетворенности“ и немедленнымъ повтореніемъ вульгарныхъ положеній, унаслѣдованныхъ отъ стараго экономизма, для котораго „конкуренція лозунговъ“ рѣшала всѣ вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. „Вы не заставите батрака— говорилъ т. Егоровъ — бороться рядомъ съ богатымъ крестьяниномъ за отрѣзки, которые уже въ немалой части находятся въ рукахъ этого богатаго крестьянина“.

Опять то же упрощеніе, несомнѣнно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивалъ, что невозможно „заставить“ пролетарія бороться за то, что въ немалой части находится въ рукахъ буржуазіи и въ еще большей части попадаетъ въ ея руки въ будущемъ. Опять та же вульгаризація, забывающая о русскихъ особенностяхъ обще-капиталистическаго отношенія между батракомъ и богатымъ крестьяниномъ. Отрѣзки давятъ сейчасъ, давятъ на дѣлѣ *и* батрака, котораго нечего „заставлять“ бороться за освобожденіе отъ кабалы. „Заставлять“ приходится нѣкоторыхъ интеллигентовъ— заставлять пошире взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться отъ шаблоновъ при обсужденіи конкретныхъ вопросовъ, заставлять считаться съ исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цѣли. Именно только предразсудокъ, что мужикъ глупъ,—предразсудокъ, проскальзывавшій, по справедливому замѣчанію т. Мартова (ст. 202), въ рѣчахъ т. Махова и другихъ противниковъ аграрной программы,—только предразсудокъ объясняетъ забвеніе этими противниками реальныхъ условій быта нашего батрака.

Упростивъ вопросъ до голаго противоположенія: рабочій и капиталистъ, представители нашего „центра“ старались, какъ водится, свалить свою узость на мужика. „Именно потому,—говорилъ т. Маховъ,—что я считаю мужика въ мѣру его узкой классовой точки зрѣнія умнымъ, я полагаю, что онъ будетъ стоять за мелкобуржуазный идеалъ захвата и раздѣла“. Тутъ смѣшиваются явно двѣ вещи: характеристика классовой точки зрѣнія мужика, какъ мелкаго буржуа, и *суженіе* этой точки зрѣнія, сведеніе *ея* къ „узкой мѣрѣ“. Вотъ въ этомъ-то сведеніи и заключается ошибка Егоровыхъ и Маховыхъ (точно такъ же, какъ въ сведеніи къ „узкой мѣрѣ“ точки зрѣнія пролетарія состояла ошибка Мартыновыхъ и Акимовыхъ). Между тѣмъ, и логика, и исторія учатъ, что мелкобуржуазная классовая точка зрѣнія можетъ быть болѣе или менѣе узкой, болѣе или менѣе прогрессивной именно въ виду двойственности положенія мелкаго буржуа. И наша задача никоимъ образомъ не можетъ состоять въ опусканіи рукъ по поводу узости („глупости“) мужика или господства надъ нимъ „предразсудка“, а, наоборотъ, въ неустанномъ

расширенiи его точки зрѣнія, въ содѣйствiи побѣдѣ его разсудка надъ его предразсудкомъ.

Вульгарно-„марксистская“ точка зрѣнія на русскій аграрный вопросъ нашла свое кульминаціонное выраженіе въ заключительныхъ словахъ принципіальной рѣчи т. Махова, вѣрнаго защитника старой редакціи „Искры“. Недаромъ встрѣчены были эти слова аплодисментами... правда, ироническими. „Я не знаю, конечно, что называть бѣдой“—говоритъ т. Маховъ, возмущенный указаніемъ Плеханова, что движеніе въ пользу чернаго передѣла насъ нисколько не пугаетъ, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движеніе.— „Но революція эта, если ее можно такъ назвать, будетъ не революціонной. Я сказалъ бы правильнѣе, что это будетъ уже не революція, а реакція *(смѣхъ)*, революція въ родѣ бунта... Подобная революція отброситъ насъ назадъ и потребуетъ извѣстное время для того, чтобы вновь придти къ тому положенію, которое мы теперь имѣемъ. А мы теперь имѣемъ гораздо больше, чѣмъ во время Французской революціи *(ироническіе аплодисменты)*, мы имѣемъ соц.-дем. партію“ *(смѣхъ)*...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и по чисто принципіальнымъ вопросамъ, поднятымъ аграрной программой, сейчасъ же сказалась знакомая уже намъ группировка. Анти-искровцы (8 голосовъ) идутъ въ ходъ во имя вульгарнаго марксизма, за ними плетутся вожди „центра“ Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постепенно на ту же узкую точку зрѣнія. Совершенно естественно поэтому, что голосованіе нѣкоторыхъ пунктовъ аграрной программы даетъ цифры 30 и 35 голосовъ за (стр. 225 и 226), т.-е. какъ разъ то приблизительное число, которое мы видѣли и при спорѣ о мѣстѣ обсужденія вопроса о Бундѣ, и на инцидентѣ съ О. К., и на вопросѣ о закрытіи „Южнаго Рабочаго“. Стоитъ подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему изъ рамокъ обычнаго и установленнаго уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельнаго приложенія теоріи Маркса къ своеобразнымъ и новымъ (для нѣмцевъ новымъ) соціально-экономическимъ отношеніямъ, — и тотчасъ же искровцевъ, умѣющихъ стать на высоту задачи, оказывается лишь $^3/_5$ голосовъ, тотчасъ же весь „центръ“ поворачиваетъ за Либерами и Мартыновыми.

Изъ преній по аграрной программѣ ясно видна борьба искровцевъ противъ добрыхъ двухъ пятыхъ съѣзда. Кавказскіе делегаты занимали тутъ совершенно правильную позицію, — въ значительной степени, вѣроятно, благодаря тому, что близкое знакомство съ мѣстными формами многочисленныхъ остатковъ крѣпостничества предостерегало ихъ отъ абстрактно - школьническихъ голыхъ противоположеній, удовлетворявшихъ Маховыхъ. Противъ Мартынова и Либера, Махова и Егорова ополчались и Плехановъ, и Гусевъ (подтверждающій, что „такой пессимистическій взглядъ на нашу работу въ деревнѣ“ ,.. какъ взглядъ тов. Егорова... ему „приходилось встрѣчать нерѣдко среди дѣйствовавшихъ въ Россіи товарищей“), и Костровъ, и Карскій, и Троцкій. Послѣдній правильно указываетъ, что „благожелатель-

ные совѣты“ критиковъ аграрной программы „слишкомъ отдаютъ *филистерствомъ*“.

Говоря о доводахъ, отдающихъ „филистерствомъ“, т. Троцкій указалъ, что „въ наступающій революціонный періодъ мы должны связать себя съ крестьянствомъ“... „Предъ лицомъ этой задачи скептицизмъ и политическая „дальновидность“ Махова и Егорова вреднѣе всякой близорукости“. Тов. Костичъ, другой искровецъ меньшинства, очень мѣтко указалъ на „неувѣренность въ себѣ, въ своей принципіальной устойчивости“ со стороны тов. Махова,— характеристика, попадающая не въ бровь, а въ глазъ нашему „центру“. „Въ пессимизмѣ тов. Маховъ сошелся съ тов. Егоровымъ, хотя между ними есть оттѣнки“, — продолжалъ тов. Костичъ.—„Онъ забываетъ, что уже въ данное время соціалдемократы работаютъ въ крестьянствѣ, уже руководятъ ихъ движеніемъ въ той мѣрѣ, какъ это возможно. И этимъ своимъ пессимизмомъ они суживаютъ размахъ нашей работы“ (стр. 210).

Чтобы покончить съ вопросомъ о програмныхъ преніяхъ на съѣздѣ, стоитъ отмѣтить еще краткіе дебаты о поддержкѣ оппозиціонныхъ теченій. Въ нашей программѣ ясно сказано, что соціалдемократическая партія поддерживаетъ „всякое *оппозиціонное* и революціонное движеніе, *направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка*“. Казалось бы, эта послѣдняя оговорка достаточно точно показываетъ, *какія именно* изъ оппозиціонныхъ теченій мы поддерживаемъ. Тѣмъ не менѣе, различіе оттѣнковъ, давно уже сложившихся въ нашей партіи, сразу обнаружилось *и тутъ*, какъ ни трудно было предположить, что возможны еще „недоумѣнія и недоразумѣнія“ по вопросу, до такой степени разжеванному! Дѣло было, очевидно, именно не въ недоразумѣніяхъ, а въ *оттѣнкахъ*; Маховъ, Либеръ и Мартыновъ сейчасъ же забили тревогу...

Маховъ начинаетъ опять съ вульгарнаго упрощенія марксизма. „У насъ единственный революціонный классъ — пролетаріатъ“, заявляетъ онъ и изъ этого справедливаго положенія дѣлаетъ сейчасъ же несправедливый выводъ: „остальные такъ себѣ, съ боку припека (*общій смѣхъ*)... Да, съ боку припека и хотятъ только воспользоваться. Я противъ того, чтобы ихъ поддерживать“ (ст. 226). Безподобная формулировка своей позиціи тов. Маховымъ многихъ (изъ его сторонниковъ) смутила, но по существу дѣла съ нимъ сошлись и Либеръ и Мартыновъ, предлагая устранить слово оппозиціонное или ограничить его добавленіемъ „демократическое - оппозиціонное“. Противъ этой поправки Мартынова справедливо возсталъ Плехановъ. „Мы должны критиковать либераловъ, — говорилъ онъ, — разоблачать ихъ половинчатость. Это вѣрно... Но, разоблачая узость и ограниченность всѣхъ другихъ движеній, кромѣ соціалдемократическаго, мы обязаны разъяснять пролетаріату, что по сравненію съ абсолютизмомъ даже конституція, не дающая всеобщаго избирательнаго права, есть шагъ впередъ и что поэтому онъ не долженъ предпочитать существующій порядокъ такой конституціи“. Това-

рищи Мартыновъ, Либеръ и Маховъ не соглашаются съ этимъ и отстаиваютъ свою позицію, на которую нападаютъ Аксельродъ, Староверъ, Троцкій и еще разъ Плехановъ. Тов. Маховъ успѣлъ при этомъ еще разъ побить самого себя. Сначала онъ сказалъ, что остальные классы (кромѣ пролетаріата) „такъ себѣ" и онъ „противъ того, чтобы ихъ поддерживать". Потомъ онъ смилостивился и призналъ, что, „будучи реакціонной по существу, буржуазія часто бываетъ революціонной, — когда, напримѣръ, идетъ рѣчь о борьбѣ съ феодализмомъ и его остатками". „Но есть группы,—продолжалъ онъ,—которыя всегда (?) реакціонны; таковы ремесленники". Вотъ до какихъ перловъ въ принципіальномъ отношеніи договаривались тѣ самые лидеры нашего „центра", которые потомъ съ пѣной у рта защищали старую редакцію! Именно ремесленники даже въ Западной Европѣ, гдѣ цеховое устройство было такъ сильно, проявляли, какъ и другіе мелкіе буржуа въ городахъ, особенную революціонность въ эпоху паденія абсолютизма. Именно русскому соціалдемократу особенно нелѣпо повторять, не подумавши, то, что говорятъ западные товарищи про теперешнихъ ремесленниковъ въ эпоху, отстоящую на столѣтіе и полустолѣтіе отъ паденія абсолютизма. Въ Россіи реакціонность ремесленниковъ по сравненію съ буржуазіей въ области политическихъ вопросовъ является не болѣе какъ шаблонно-заученной фразой *).

ж) Уставъ партіи.

Отъ программы съѣздъ перешелъ къ уставу партіи (мы минуемъ вопросъ о ц. о. и делегатскіе доклады, которые, къ сожалѣнію, не могли быть представлены въ удовлетворительномъ видѣ большинствомъ делегатовъ). Нечего и говорить, что вопросъ объ уставѣ имѣлъ для всѣхъ насъ громадное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь „Искра" выступила съ самаго начала не только въ качествѣ литературнаго органа, но и въ качествѣ *организаціонной* ячейки. Въ редакціонной статьѣ четвертаго номера („Съ чего начать?") „Искра" выдвинула цѣлый организаціонный планъ и систематически, неуклонно проводила этотъ планъ въ теченіе *трехъ лѣтъ*. Когда второй съѣздъ партіи призналъ „Искру" центральнымъ органомъ, то въ числѣ трехъ пунктовъ мотивировки соотвѣтствующей резолюціи (стр. 147) два пункта были посвящены *именно этому организаціонному плану и организаціоннымъ идеямъ „Искры"*: роль ея въ дѣлѣ руководства *прак-*

---

*) Другой лидеръ той же группы «центра», тов. Егоровъ, высказался по вопросу о поддержкѣ оппозиціонныхъ теченій въ другомъ мѣстѣ, по поводу резолюціи Аксельрода о соціалистахъ-революціонерахъ (стр. 359). Тов. Егоровъ усмотрѣлъ «противорѣчіе» между требованіемъ программы *поддерживать* всякое оппозиціонное и революціонное движеніе и *отрицательнымъ* отношеніемъ и къ соціалистамъ-революціонерамъ, и къ либераламъ. Въ иной формѣ и нѣсколько съ другой стороны подходя къ вопросу, тов. Егоровъ обнаружилъ здѣсь то же узкое пониманіе марксизма и то же неустойчивое полувраждебное отношеніе къ («признанной имъ») позиціи «Искры», какъ и товарищи Маховъ, Либеръ и Мартыновъ.

тической партійной работой и руководящая роль въ объединительной работѣ. Совершенно естественно поэтому, что работа „Искры" и все дѣло партійной организаціи, все дѣло *фактическаго* возстановленія партіи *не могло* считаться оконченнымъ безъ признанія всей партіей и формальнаго закрѣпленія опредѣленныхъ организаціонныхъ идей. Выполнить эту задачу и долженъ былъ организаціонный уставъ партіи

Основныя идеи, которыя „Искра" стремилась положить въ основу партійной организаціи, сводились, въ сущности, къ слѣдующимъ двумъ. Первая, идея централизма, принципіально опредѣляла способъ рѣшенія всей массы частныхъ и детальныхъ организаціонныхъ вопросовъ. Вторая — особая роль идейно-руководящаго органа, газеты, учитывала временныя и особыя нужды именно русскаго соціалдемократическаго рабочаго движенія въ обстановкѣ политическаго рабства, при условіи созданія *первоначальной* операціонной базы революціоннаго натиска за границей. Первая идея, какъ единственно принципіальная, должна была проникать собой весь уставъ; вторая, какъ частная, порождаемая временными обстоятельствами мѣста и образа дѣйствія, выражалась въ *кажущемся* отступленія отъ централизма, въ созданіи *двухъ центровъ,— ц. о. и Ц. К.* Обѣ эти основныя идеи искровской организаціи партіи были развиты мной и въ редакціонной статьѣ „Искры" (№ 4) „Съ чего начать?", и въ „Что дѣлать?", и, наконецъ, подробно разъяснены въ видѣ почти что устава въ „Письмѣ къ товарищу". Оставалась только, въ сущности, редакціонная работа для того, чтобы сформулировать параграфы устава, который долженъ былъ воплотить въ жизнь именно эти идеи, если признаніе „Искры" не оставалось на бумагѣ, не было только условной фразой.

з) Пренія о централизмѣ до раскола внутри искровцевъ.

Прежде чѣмъ переходить къ дѣйствительно интересному и несомнѣнно вскрывающему различные оттѣнки взглядовъ вопросу о формулировкѣ § 1 устава, остановимся еще немного на тѣхъ краткихъ общихъ преніяхъ объ уставѣ, которыя заняли 14-е засѣданіе съѣзда и часть 15-го. Тов. Мартовъ *присоединился* (стр. 157) къ моимъ организаціоннымъ взглядамъ, оговоривъ только два несогласія по *частностямъ*. Напротивъ, и анти-искровцы, и „центръ" сейчасъ же подняли походъ противъ обѣихъ *основныхъ* идей всего организаціоннаго плана „Искры" (и, слѣдовательно, всего устава): и противъ централизма, и противъ „двухъ центровъ". Тов. Либеръ назвалъ мой уставъ „организованнымъ недовѣріемъ", усмотрѣлъ *децентрализмъ* въ двухъ центрахъ (какъ и тов. Поповъ и Егоровъ). Тов. Акимовъ выразилъ желаніе опредѣлить сферу компетенціи мѣстныхъ комитетовъ шире, въ частности предоставить имъ самимъ „право измѣненія своего состава". „Необходимо предоставить имъ бóльшую свободу дѣятельности... Мѣстные комитеты должны быть избираемы активными работниками данной мѣстности, какъ избирается Ц. К. представителями

всѣхъ активныхъ организацій въ Россіи. Если же нельзя допустить и этого, то пусть будетъ ограничено число членовъ, назначаемыхъ Ц. К. въ мѣстные комитеты...“ (158). Тов. Акимовъ подсказываетъ, какъ видите, доводъ противъ „гипертрофіи централизма“, но тов. Мартовъ остается глухъ къ этимъ авторитетнымъ указаніямъ, пока еще пораженіе по вопросу о составѣ центровъ не побуждаетъ его идти за Акимовымъ. Тогда еще противъ „чудовищнаго централизма“ ратовали только тѣ, кому явно былъ *невыгоденъ* централизмъ „Искры“: ратовали Акимовъ, Либеръ, Гольдблатъ, за ними *шли* осторожно, осмотрительно (такъ, чтобы всегда назадъ повернуть можно было) Егоровъ (см. стр. 156 и 276) и т. д. Тогда еще для громаднаго большинства партіи было ясно, что именно приходскіе, кружковые интересы „Бунда“, „Южнаго Рабочаго“ и т. д. вызываютъ протестъ противъ централизма.

Возьмите, напримѣръ, рѣчь т. Гольдблата (160—1) Онъ ропщетъ противъ моего „чудовищнаго“ централизма, якобы ведущаго къ „уничтоженію“ низшихъ организацій, „проникнутаго насквозь стремленіемъ предоставить центру неограниченную власть, право неограниченнаго вмѣшательства во все“, предоставляющаго организаціямъ „одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будетъ приказано свыше“, и т. д. „Создаваемый проектомъ центръ очутится въ пустомъ пространствѣ, вокругъ него не будетъ никакой периферіи, а лишь нѣкая аморфная масса, въ которой будутъ двигаться его исполнительные агенты“. На съѣздѣ смѣялись надъ „Бундомъ“, который, воюя противъ *нашего* централизма, самъ *у себя* предоставляетъ центру *еще опредѣленнѣе* очерченныя неограниченныя права (хотя бы, напримѣръ, ввода и исключенія членовъ, даже недопущенія делегатовъ на съѣзды).

По вопросу о двухъ центрахъ группировка тоже сказалась ясно: противъ *всѣхъ* искровцевъ стоятъ и Либеръ, и Акимовъ, и Поповъ, и Егоровъ. Изъ тѣхъ организаціонныхъ идей, которыя всегда развивала *старая* „Искра“ (и которыя были одобрены *на словахъ* тов. Поповыми и Егоровыми!), планъ двухъ центровъ вытекалъ самъ собою. Съ планами „Южнаго Рабочаго“, съ планами созданія параллельнаго популярнаго органа и превращенія его въ фактически преобладающій органъ шла вразрѣзъ политика *старой* „Искры“. Вотъ гдѣ лежитъ корень того страннаго на первый взглядъ противорѣчія, что за одинъ центръ, т. е. *за бо́льшій якобы централизмъ*, стоятъ всѣ анти-искровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такіе делегаты, которые едва ли понимали ясно, къ чему приведутъ и должны, въ силу хода вещей, привести организаціонные планы „Южнаго Рабочаго“, но ихъ толкала на сторону анти-искровцевъ самая уже ихъ нерѣшительная и неувѣренная въ себѣ натура.

Изъ рѣчей искровцевъ во время *этихъ* (предшествовавшихъ расколу искровцевъ) дебатовъ объ уставѣ особенно замѣчательны рѣчи тт. Мартова („присоединеніе“ къ моимъ организаціоннымъ идеямъ) и Троцкаго. Послѣдній отвѣтилъ тт. Акимову

я Либеру такъ: „Уставъ, говорилъ онъ (т. Акимовъ), опредѣляетъ сферу компетенціи Ц. К. недостаточно точно. Я не могу согласиться съ нимъ. Наоборотъ, это опредѣленіе точно и означаетъ: поскольку партія есть цѣлое, необходимо обезпечить ее контролемъ надъ мѣстными комитетами. Т. Либеръ говорилъ, что уставъ есть, употребляя мое выраженіе, „организованное недовѣріе". Это вѣрно. Но это выраженіе было употреблено мной по отношенію къ предложенному представителями „Бунда" уставу, который представлялъ организованное недовѣріе со стороны части партіи ко всей партіи. Нашъ же уставъ представляетъ организованное недовѣріе со стороны партіи ко всѣмъ ея частямъ, т.-е. контроль надъ всѣми мѣстными, районными, національными и другими организаціями" (158).

и) Параграфъ первый устава.

Приводимъ въ примѣчаніи *) тѣ различныя формулировки, изъ за которыхъ разгорѣлись интересные дебаты на съѣздѣ. Дебаты эти заняли почти два засѣданія и закончились *двумя именными* голосованіями (въ теченіе всего съѣзда было, если я не ошибаюсь, только восемь именныхъ голосованій, которыя предпринимались лишь въ особо важныхъ случаяхъ вслѣдствіе громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованіями). Вопросъ затронутъ былъ, несомнѣнно, принципіальный. Интересъ съѣзда къ дебатамъ былъ громадный. Въ голосованіи участвовали *всѣ* делегаты — явленіе рѣдкое на нашемъ съѣздѣ (какъ и на всякомъ большомъ съѣздѣ) и свидѣтельствующее, равнымъ образомъ, о заинтересованности споривших.

Въ чемъ же, спрашивается, заключалась суть спорнаго вопроса? Я сказалъ уже на съѣздѣ и повторялъ потомъ не разъ, что „вовсе не считаю наше разногласіе (по § первому) такимъ существеннымъ, чтобы отъ него зависѣла жизнь или смерть партіи. Отъ плохого пунка устава мы далеко еще не погибнемъ!" (250). Само по себѣ это разногласіе, хотя оно и вскрываетъ принципіальные оттѣнки, никоимъ образомъ не могло вызвать того расхожденія (фактически, если говорить безъ условностей, того раскола), которое создалось послѣ съѣзда. Но всякое *маленькое* разногласіе можетъ сдѣлаться *большимъ*, если на немъ настаивать, если выдвинуть его на первый планъ, если *приняться* за розысканіе всѣхъ корней и всѣхъ вѣтвей этого разногласія. Всякое *маленькое* разногласіе можетъ получить *огромное* значеніе, если оно послужитъ исходнымъ пунктомъ *поворота* къ извѣстнымъ ошибочнымъ воззрѣніямъ и если эти оши-

---

*) § 1 въ моемъ проектѣ: «Членомъ Партіи считается всякій, признающій ея программу и поддерживающій Партію какъ матеріальными средствами, такъ и личнымъ участіемъ въ одной изъ партійныхъ организацій».

§ 1 въ формулировкѣ, предложенной Мартовымъ на съѣздѣ и принятой съѣздомъ: «Членомъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи считается всякій, признающій ея программу поддерживающій партію матеріальными средствами и оказывающій ей регулярное личное содѣйствіе подъ руководствомъ одной изъ ея организацій».

бочныя воззрѣнія соединятся, въ силу новыхъ и добавочныхъ расхожденій, съ *анархическими* дѣйствіями, доводящими партію до раскола.

Именно такъ обстояло дѣло въ данномъ случаѣ. *Теперь*, вопросъ *поставленъ* уже такимъ образомъ: отразилась ли на формулировкѣ Мартова, защищавшейся Аксельродомъ, его (или ихъ) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, какъ выражался я на съѣздѣ партіи (333), его (или ихъ) уклоненіе въ жоресизмъ и анархизмъ, какъ полагалъ Плехановъ на съѣздѣ Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировкѣ моей, защищавшейся Плехановымъ, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, несоціалдемократическое пониманіе централизма? *Оппортунизмъ и анархизмъ или бюрократизмъ и формализмъ?* — такъ *поставленъ* вопросъ *теперь*, когда маленькое расхожденіе сдѣлалось большимъ. И мы должны *имѣть въ виду* именно *эту*, — событіями навязанную намъ всѣмъ, — постановку вопроса при обсужденіи *по существу* доводовъ за и противъ моей формулировки.

Начнемъ разборъ этихъ доводовъ съ анализа съѣздовскихъ преній. Первая рѣчь тов. Егорова интересна только тѣмъ, что его отношеніе (non liquet, мнѣ еще не ясно, я еще не знаю, гдѣ правда) очень характерно для отношенія многихъ делегатовъ, которымъ не легко было разобраться въ дѣйствительно новомъ, довольно сложномъ и детальномъ вопросѣ. Слѣдующая рѣчь, тов. Аксельрода, ставитъ уже сразу вопросъ принципіально. Это — первая принципіальная, вѣрнѣе даже сказать, вообще первая рѣчь тов. Аксельрода на съѣздѣ, и трудно признать его дебютъ съ пресловутымъ „профессоромъ" особенно удачнымъ. „Я думаю, что намъ нужно — говорилъ тов. Аксельродъ — разграничить понятія—партія и организація. А здѣсь эти два понятія смѣшиваются. Это смѣшеніе опасно". Таковъ первый доводъ противъ моей формулировки. Присмотритесь къ нему поближе. Если я говорю, что партія должна быть *суммой* (и не простой ариѳметической суммой, а комплексомъ) *организацій* *), то значитъ ли это, что я „смѣшиваю" понятія партіи и организаціи? Конечно нѣтъ. Я выражаю этимъ совершенно ясно и точно свое пожеланіе, свое требованіе, чтобы партія, какъ передовой отрядъ класса,

---

*) Слово «организація» употребляется обыкновенно въ двухъ смыслахъ, широкомъ и узкомъ. Въ узкомъ смыслѣ оно означаетъ отдѣльную ячейку человѣческаго коллектива, хотя бы въ ми[illegible]имальной степени о[illegible]рмленнаго. Въ широкомъ смыслѣ оно означаетъ сумму такихъ ячеекъ, сплоченныхъ въ одно цѣлое. Напр., флотъ, армія, государство представляютъ изъ себя въ одно и то же время сумму организацій (въ узкомъ смыслѣ слова) и разновидность общественной организаціи (въ широкомъ смыслѣ слова). Учебное вѣдомство есть организація (въ широкомъ смыслѣ слова), учебное вѣдомство состоитъ изъ ряда организацій (въ узкомъ смыслѣ слова). Точно такъ же и партія есть организація, *должна б[illegible]ть* организаціей (въ широкомъ смыслѣ слова); въ то же время партія должна состоять изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ ор[illegible]ан[illegible]зацій (въ узкомъ смыслѣ слова). Поэтому тов. Аксельродъ, говорящій о разграни[illegible]еніи понятій партія и организація, во-первыхъ, не принялъ во вниманіе этой разницы въ широкомъ и узкомъ значеніи сл[illegible]ва организація, а во-вторыхъ, не замѣтилъ того, что онъ самъ *смѣшалъ* организованные и неорганизованные элементы въ одну кучу.

представляла собою нѣчто возможно болѣе *организованное*, чтобы партія воспринимала въ себя лишь такіе элементы, которые *допускаютъ хоть минимумъ организованности*. Наоборотъ, мой оппонентъ *смѣшиваетъ* въ партіи организованные элементы съ неорганизованными, поддающіеся руководству и не поддающіеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могутъ войти въ организацію. Вотъ *это смѣшеніе* дѣйствительно *опасно*. Тов. Аксельродъ ссылается дальше на „строго конспиративныя и централистическія организаціи прошлаго“ (Земли и Воли и Народной Воли): вокругъ нихъ-де „группировался цѣлый рядъ лицъ, не входившихъ въ организацію, но такъ или иначе помогавшихъ ей и считавшихся членами партіи... Этотъ принципъ долженъ быть еще болѣе строго проведенъ въ соціалдемократической организаціи“. Вотъ именно тутъ мы и подошли къ одному изъ *гвоздей* вопроса: дѣйствительно ли „этотъ принципъ“ есть соціалдемократическій,—принципъ, разрѣшающій называть себя членами партіи тѣмъ, кто ни въ одну изъ организацій партіи не входитъ, а только „такъ или иначе помогаетъ ей“? И Плехановъ далъ единственно возможный отвѣтъ на этотъ вопросъ: „Аксельродъ былъ не правъ въ своей ссылкѣ на 70-е гг. Тогда существовалъ хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центръ, существовали вокругъ него созданныя имъ организаціи разныхъ разрядовъ, а что было внѣ этихъ организацій, было хаосомъ, анархіей. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партіи, но дѣло не выигрывало, а теряло отъ этого. Намъ нужно не подражать анархіи 70-хъ годовъ, а избѣгать ея“. Такимъ образомъ, „этотъ принципъ“, который тов. Аксельродъ хотѣлъ выдать за соціалдемократическій, на самомъ дѣлѣ есть *принципъ анархическій*. Чтобы опровергнуть это, надо показать *возможность* контроля, руководства и дисциплины внѣ организаціи, надо показать *необходимость* того, чтобы „элементамъ хаоса“ было присваиваемо названіе членовъ партіи. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать *ни того, ни другого*. Тов. Аксельродъ для примѣра взялъ „профессора, который считаетъ себя соціалдемократомъ и заявляетъ объ этомъ“. Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся въ этомъ примѣрѣ, тов. Аксельродъ долженъ былъ бы сказать далѣе: признаютъ ли сами организованные соціалдемократы этого профессора соціалдемократомъ? Не поставивъ этого дальнѣйшаго вопроса, тов. Аксельродъ бросилъ свою аргументацію на половинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ. Или организованные соціалдемократы признаютъ интересующаго насъ профессора соціалдемократомъ,—и тогда почему бы имъ не включить его въ ту или другую соціалдемократическую организацію? Только при условіи такого включенія „заявленія“ профессора будутъ соотвѣтствовать его дѣламъ, будутъ не пустыми фразами (каковыми слишкомъ часто остаются профессорскія заявленія). Или организованные соціалдемократы *не* признаютъ профессора соціалдемократомъ,—и тогда нелѣпо, безсмысленно и *вредно* давать ему право носить почетное и отвѣтственное званіе члена

партіи. Дѣло сводится, такимъ образомъ, именно къ послѣдовательному проведенію принципа организаціи или къ освященію разброда и анархіи. Строимъ ли мы партію, исходя изъ того уже создавшагося и сплотившагося ядра *соціалдемократовъ*, которое создало, скажемъ, партійный съѣздъ и которое должно расширять и умножать всяческія партійныя организаціи, или мы довольствуемся успокоительной *фразой*, что всѣ помогающіе суть члены партіи? „Если мы примемъ формулу Ленина,—продолжалъ тов. Аксельродъ,—то мы выбросимъ за бортъ часть людей, хотя бы и не могущихъ быть принятыми непосредственно въ организацію, но являющихся, тѣмъ не менѣе, членами партіи". Смѣшеніе понятій, въ которомъ хотѣлъ обвинить меня тов. Аксельродъ, выступаетъ тутъ у него самого съ полной ясностью: онъ принимаетъ уже за данное, что всѣ помогающіе *являются* членами партіи, тогда какъ изъ-за этого и идетъ споръ, и оппоненты должны еще *доказать* необходимость и пользу такого толкованія. Какое содержаніе этой страшной, на первый взглядъ, фразы—выбросить за бортъ? Если членами партіи признаются только члены организацій, признанныхъ за партійныя, то люди, не могущіе „непосредственно" войти ни въ одну партійную организацію, могутъ, вѣдь, работать въ организаціи непартійной, но примыкающей къ партіи. О выбрасываніи за бортъ, въ смыслѣ отстраненія отъ работы, отъ участія въ движеніи, не можетъ быть слѣдовательно, и рѣчи. Напротивъ, чѣмъ крѣпче будутъ наши партійныя организаціи, включающія въ себя *дѣйствительныхъ* соціалдемократовъ, чѣмъ меньше шаткости и неустойчивости будетъ *внутри* партіи, тѣмъ шире, разностороннѣе, богаче и плодотворнѣе будетъ вліяніе партіи на окружающіе ее, руководимые ею элементы рабочихъ *массъ*. Вѣдь нельзя же смѣшивать, въ самомъ дѣлѣ, партію, какъ передовой отрядъ рабочаго класса со всѣмъ классомъ. А именно въ такое смѣшеніе (характерное для нашего оппортунистическаго экономизма вообще) впадаетъ тов. Аксельродъ, когда онъ говоритъ: „Мы создаемъ, конечно прежде всего организацію наиболѣе активныхъ элементовъ партіи, организацію революціонеровъ, но мы должны, разъ мы партія класса, подумать о томъ, чтобы не оставить внѣ партіи людей, сознательно, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ активно, примыкающихъ къ этой партіи". Во-первыхъ, въ число активныхъ элементовъ соціалдемократической рабочей партіи войдутъ вовсе не однѣ только организаціи революціонеровъ, а *цѣлый рядъ* рабочихъ организацій, признанныхъ за партійныя. Во-вторыхъ, по какой бы это причинѣ, въ силу какой логики изъ того факта что мы—партія класса, могъ слѣдовать выводъ о ненужности различія между *входящими* въ партію и *примыкающими* къ партіи? Какъ разъ напротивъ, именно въ силу существованія различій по степени сознательности и степени активности необходимо провести различіе по степени близости къ партіи. Мы—партія класса, и потому *почти весь классъ* (а въ военныя времена, въ эпоху гражданской войны, и совершенно весь классъ) долженъ дѣйствовать подъ руководствомъ нашей партіи, дол-

женъ примыкать къ нашей партіи какъ можно плотнѣе; но было бы маниловщиной и „хвостизмомъ" думать, что когда либо почти весь классъ или весь классъ въ состояніи, при капитализмѣ подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей соціалдемократической партіи. Ни одинъ еще разумный соціалдемократъ не сомнѣвался въ томъ, что при капитализмѣ даже профессіональная организація (болѣе примитивная; болѣе доступная сознательности неразвитыхъ слоевъ) не въ состояніи охватить почти весь или весь рабочій классъ. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность нашихъ задачъ, суживать эти задачи — значило бы забывать о различіи между передовыми отрядами и всѣми массами, тяготѣющими къ нему забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все болѣе и болѣе обширные слои до этого передового уровня Именно такимъ закрываніемъ глазъ и забвеніемъ является стираніе разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными—и помогающими.

Ссылаться на то, что мы—партія класса, *въ оправданіе* организаціонной расплывчатости, *въ оправданіе* смѣшенія организаціи и дезорганизаціи—значитъ повторять ошибку Надеждина, который смѣшивалъ „философскій и соціально-историческій вопросъ о корняхъ" движенія въ „глубинѣ" съ технически-организаціоннымъ вопросомъ. Именно это смѣшеніе, съ легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затѣмъ десятки разъ ораторы, защищавшіе формулировку тов. Мартова. „Чѣмъ шире будетъ распространено названіе члена партіи, тѣмъ лучше"—говоритъ Мартовъ, не объясняя, однако, какая же польза отъ широкаго распространенія *названія,* не соотвѣтствующаго содержанію. Можно ли отрицать, что контроль за не входящими въ организацію партіи членами есть фикція? Широкое распространеніе фикціи вредно а не полезно. „Мы можемъ только радоваться, если каждый стачечникъ, каждый демонстрантъ, отвѣчая за свои дѣйствія, сможетъ объявить себя членомъ партіи" (стр. 229). Въ самомъ дѣлѣ? *Каждый стачечникъ* долженъ имѣть право *объявить себя членомъ партіи?* Этимъ положеніемъ тов. Мартовъ сразу доводитъ свою ошибку до абсурда, *принижая* соціалдемократизмъ до стачкизма, повторяя злоключенія Акимовыхъ. Мы можемъ только радоваться, если соціалдемократіи удается руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность соціалдемократіи руководить всѣми проявленіями классовой борьбы пролетаріата, а стачка есть одно изъ глубочайшихъ и наиболѣе могучихъ проявленій этой борьбы. Но мы будемъ хвостистами, если допустимъ *отождествленіе* такой первоначальной, ipso facto не болѣе, какъ трэдъ-юніонистской формы борьбы съ всесторонней и сознательной соціалдемократической борьбой. Мы будемъ оппортунистически *узаконять завѣдомую фальшь,* если дадимъ право каждому стачечнику „объявлять себя членомъ партіи", ибо такое „объявленіе" *въ массѣ случаевъ* будетъ объявленіемъ *ложнымъ* Мы станемъ убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаемъ увѣрять себя и другихъ, что *каждый стачечникъ* можетъ

быть соціалдемократомъ и членомъ соціалдемократической партіи при томъ безконечномъ раздробленіи, угнетеніи и отупленіи, которое при капитализмѣ неизбѣжно будетъ тяготѣть надъ очень и очень широкими слоями „необученныхъ", неквалифицированныхъ рабочихъ. Именно на примѣрѣ *„стачечника"* особенно ясно видна разница между *революціоннымъ стремленіемъ* соціалдемократически руководить каждой стачкой и *оппортунистической фразой*, объявляющей членомъ партіи *каждаго* стачечника. Мы — партія класса, поскольку мы *на дѣлѣ* соціалдемократически руководимъ почти всѣмъ или даже всѣмъ классомъ пролетаріата; но изъ этого только Акимовы могутъ дѣлать выводъ, что мы *на словахъ* должны отождествлять партію и классъ.

„Я не боюсь заговорщической организаціи", говорилъ въ той же рѣчи тов. Мартовъ, но, добавлялъ онъ, „заговорщическая организація для меня имѣетъ смыслъ постольку, поскольку ее облекаетъ широкая соціалдемократическая рабочая партія" (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точнымъ: поскольку ее облекаетъ широкое соціалдемократическое рабочее *движеніе*. И въ такой формѣ положеніе тов. Мартова не только безспорно, оно является прямымъ трюизмомъ. Я останавливаюсь на этомъ пунктѣ лишь потому, что изъ трюизма тов. Мартова послѣдующіе ораторы сдѣлали очень *ходкій и очень вульгарный* доводъ, что-де Ленинъ хочетъ „ограничить всю сумму членовъ партіи суммой заговорщиковъ". Этотъ выводъ, способный вызвать лишь улыбку, дѣлалъ и тов. Посадовскій, и тов. Поповъ, а когда его подхватили Мартыновъ и Акимовъ, то истинный его характеръ обрисовался уже вполнѣ, именно характеръ оппортунистической фразы. Въ настоящее время этотъ же доводъ развиваетъ въ новой „Искрѣ" тов. Аксельродъ для ознакомленія читающей публики съ новыми организаціонными взглядами новой редакціи. Еще па съѣздѣ, въ первомъ же засѣданіи, обсуждавшемъ вопросъ о § 1, я замѣтилъ, что оппоненты хотятъ воспользоваться такимъ дешевымъ оружіемъ и потому предостерегалъ въ своей рѣчи (стр. 240): „Не надо думать, что партійныя организаціи должны быть только изъ профессіональныхъ революціонеровъ. Намъ нужны самыя разнообразныя организаціи всѣхъ видовъ, ранговъ и оттѣнковъ, начиная отъ чрезвычайно узкихъ и конспиративныхъ и кончая весьма широкими, свободными, lose Organisationen". Это до такой степени самоочевидная, само собою разумѣющаяся истина, что на ней останавливаться я считалъ лишнимъ...

Я указывалъ на это еще въ „Что дѣлать?", а въ „Письмѣ къ товарищу" развивалъ эту идею конкретнѣе. „Заводскіе кружки— писалъ я тамъ — для насъ особенно важны: вѣдь вся главная сила движенія — въ организованности рабочихъ на *крупныхъ* заводахъ, ибо крупные заводы (и фабрики) включаютъ въ себя не только преобладающую по численности, но еще болѣе преобладающую по вліянію, развитію, способности ея къ борьбѣ часть рабочаго класса. Каждый заводъ долженъ быть нашей крѣпостью.. Заводской подкомитетъ долженъ стараться охватить весь заводъ, возможно бо̀льшую долю рабочихъ сѣтью всевозможныхъ круж-

ковъ (или агентовъ)... Всѣ группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положеніи комитетскихъ учрежденій или филіальныхъ отдѣленій комитета. Одни изъ нихъ прямо заявятъ о своемъ желаніи войти въ составъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Пар. и, *при условіи утвержденія* комитетомъ, войдутъ въ ея составъ, примутъ на себя (по порученію комитета или по соглашенію съ нимъ) извѣстныя функціи, обяжутся повиноваться распоряженіямъ органовъ партіи, *получатъ права всѣхъ членовъ партіи*, будутъ считаться ближайшими кандидатами въ члены комитета и т. д. Другіе *не войдутъ* въ Р.-С.-Д. Р. П., будутъ на положеніи кружковъ, устроенныхъ членами партіи, или примыкающихъ къ той или иной группѣ партіи и т. д." (стр. 17—18). Изъ подчеркнутыхъ мною словъ особенно ясно видно, что *идея* моей формулировки § 1 вполнѣ выражена уже въ „Письмѣ къ товарищу". Условія вхожденія въ партію прямо указаны здѣсь, именно: 1) извѣстная степень организованности и 2) утвержденіе комитета партіи. Страницей дальше я указываю примѣрно и то, какія группы и организаціи и по какимъ соображеніямъ должны (или не должны) быть вводимы въ партію: „Группа разносчиковъ должна принадлежать къ Р. С.-Д. Р. П. и знать извѣстное число ея членовъ и ея должностныхъ лицъ. Группа, изучающая профессіональныя условія труда и вырабатывающая виды профессіональныхъ требованій, не обязательно должна принадлежать къ Р. С.-Д. Р. П. Группа студентовъ, офицеровъ, служащихъ, занимающихся самообразованіемъ *при участіи* одного-двухъ членовъ партіи, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности къ партіи и т. д." (стр. 18—19).

По степени организованности вообще и конспиративности организаціи въ частности можно различать такіе, примѣрно, разряды: 1) организаціи революціонеровъ; 2) организаціи рабочихъ, возможно болѣе широкія и разнообразныя (я ограничиваюсь однимъ рабочимъ классомъ, предполагая само собою разумѣющимся, что извѣстные элементы другихъ классовъ тоже войдутъ сюда, при извѣстныхъ условіяхъ). Эти два разряда составляютъ партію. Далѣе: 3) организаціи рабочихъ, примыкающія къ партіи; 4) организаціи рабочихъ, не примыкающія къ партіи, но фактически подчиняющіяся ея контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочаго класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мѣрѣ въ случаяхъ крупныхъ проявленій классовой борьбы, руководству соціалдемократіи. Вотъ какъ, приблизительно, представляется дѣло, съ моей точки зрѣнія. Наоборотъ, съ точки зрѣнія тов. Мартова, граница партіи остается совершенно неопредѣленной, ибо „каждый стачечникъ" можетъ „объявлять себя членомъ партіи". Какая польза отъ этой расплывчатости? Широкое распространеніе „названія". Вредъ ея — внесеніе *дезорганизущей* идеи о смѣшеніи класса и партіи.

Для иллюстраціи выставленныхъ нами общихъ положеній бросимъ еще бѣглый взглядъ на дальнѣйшія пренія на съѣздѣ по § 1. Тов. Брукэръ высказывается (къ удовольствію тов. Мартова) за мою формулировку, но *его* союзъ со мною оказывается

въ отличіе отъ союза тов. Акимова съ Мартыновымъ, основаннымъ на недоразумѣніи. Тов. Брукэръ „не согласенъ со всѣмъ уставомъ и всѣмъ его духомъ“ (стр. 239) и защищаетъ мою формулу, *какъ основу демократизма*, желаннаго для сторонниковъ „Рабочаго Дѣла“. Тов. Брукэръ не поднялся еще на ту точку зрѣнія, что въ политической борьбѣ приходится иногда выбирать *меньшее изъ золъ*; т. Брукэръ не замѣтилъ, что защищать демократизмъ на такомъ съѣздѣ, какъ нашъ, безполезно. Т. Акимовъ оказался прозорливѣе. Онъ совѣршенно вѣрно поставилъ вопросъ, признавши, что „тт. Мартовъ и Ленинъ спорятъ, какая (формулировка) лучше достигаетъ ихъ общей цѣли“ (стр. 252). „Я и Брукэръ—продолжаетъ онъ—хотимъ выбрать ту, *которая меньше достигаетъ цѣли*. Въ этомъ отношеніи я выбираю формулировку Мартова“. И т. Акимовъ съ откровенностью пояснилъ, что „самую цѣль ихъ“ (Плеханова, Мартова и мою—созданіе руководящей организаціи революціонеровъ) онъ считаетъ „неосуществимой и вредной“; онъ отстаиваетъ, какъ и тов. Мартыновъ *) идею экономистовъ о ненужности „организаціи революціонеровъ“. Онъ „полонъ вѣры, что жизнь все же ворвется въ нашу партійную организацію, независимо отъ того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина“. На этомъ „хвостистскомъ“ пониманіи „жизни“ не стоило бы останавливаться, если бы мы не встрѣтили его также у т. Мартова. Вторая рѣчь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоитъ разобрать подробно.

Первый доводъ т. Мартова: контроль партійныхъ организацій надъ невходящими въ организаціи членами партіи „осуществимъ, поскольку комитетъ, поручая кому-либо извѣстную функцію имѣетъ возможность слѣдить за ней“ (стр. 245). Этотъ тезисъ замѣчательно характеренъ, ибо онъ „выдаетъ“, если можно такъ выразиться, *кому* нужна и кому будетъ *на дѣлѣ* служить формулировка Мартова: интеллигентнымъ ли одиночкамъ или рабочимъ группамъ и рабочимъ массамъ. Дѣло въ томъ, что возможны два толкованія формулы Мартова: 1) членомъ партіи въ правѣ „*объявлять себя*“ (слова самого тов. Мартова) всякій, кто оказываетъ ей регулярное личное содѣйствіе подъ руководствомъ одной изъ ея организацій; 2) членомъ партіи всякая ея организація *въ правѣ признать* всякаго, кто оказываетъ ей регулярное личное содѣйствіе подъ ея руководствомъ. Только первое толкованіе даетъ дѣйствительно возможность „каждому стачечнику“ назваться членомъ партіи, и *только оно*, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеровъ, Акимовыхъ и Мартыновыхъ. Но это толкованіе является

---

*) Тов. Мартыновъ, впрочемъ, хочетъ отличиться отъ тов. Акимова, хочетъ доказать что заговорщическій будто бы не значитъ конспиративный, что за разницей этихъ словъ скрывается разница понятій. Какая это разница, ни тов. Мартыновъ, ни идущій теперь по его стопамъ тов. Аксельродъ такъ и не объяснили. Тов. Мартыновъ „дѣлаетъ видъ», будто я, напримѣръ, въ «Что дѣлать?», не высказался рѣшительно (какъ и въ «Задачахъ») противъ «*суженія* политической борьбы до заговора». Тов. Мартыновъ хочетъ заставить слушателей *забыть*, что тѣ, съ кѣмъ я воевалъ, *не видѣли* надобности въ *организаціи революціонеровъ*, какъ не видитъ ея и сейчасъ тов. Акимовъ

уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдетъ весь рабочій классъ, и сотрется различіе между партіей и классомъ; о контролѣ и руководствѣ за „каждымъ стачечникомъ" можно говорить только „символически". Вотъ почему т. Мартовъ и сбился во второй своей рѣчи сейчасъ же на второе толкованіе (хотя, въ скобкахъ сказать, *оно прямо отклонено съѣздомъ*, отвергшимъ резолюцію Костича,—стр. 255); комитетъ будетъ поручать функціи и слѣдить за ихъ выполненіемъ. Такія спеціальныя порученія никогда, конечно, не будутъ имѣть мѣста по отношенію къ *массѣ* рабочихъ, къ *тысячамъ* пролетаріевъ (о которыхъ говорятъ Аксельродъ и т. Мартыновъ),—они будутъ даваться зачастую вотъ именно тѣмъ *профессорамъ*, которыхъ поминалъ т. Аксельродъ, тѣмъ *гимназистамъ*, о которыхъ заботились т. Либеръ и т. Поповъ (ст. 241), той *революціонной молодежи*, на которую ссылался т. Аксельродъ въ своей второй рѣчи (стр. 242). Однимъ словомъ, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесетъ пользу главнымъ образомъ и почти исключительно „*интеллигентамъ, насквозь пропитаннымъ буржуазнымъ индивидуализмомъ*" и не желающимъ входить въ организацію. *На словахъ* формула Мартова отстаиваетъ интересы широкихъ слоевъ пролетаріата; *на дѣлѣ* эта формула послужитъ интересамъ *буржуазной интеллигенціи*, чурающейся пролетарской дисциплины и организаціи. Никто не рѣшится отрицать, что *интеллигенція, какъ особый слой* современныхъ капиталистическихъ обществъ, характеризуется, въ общемъ и цѣломъ, *именно индивидуализмомъ* и неспособностью къ дисциплинѣ и организаціи (ср. хотя бы извѣстныя статьи Каутскаго объ интеллигенціи); въ этомъ, между прочемъ, состоитъ невыгодное отличіе этого общественнаго слоя отъ пролетаріата; въ этомъ заключается одно изъ объясненій интеллигентской дряблости и неустойчивости, такъ часто дающей себя чувствовать пролетаріату; и это свойство интеллигенціи стоитъ въ неразрывной связи съ обычными условіями ея жизни, условіями ея заработка, приближающимися въ очень и очень многомъ къ условіямъ *мелкобуржуазнаго существованія* (работа въ одиночку или въ очень мелкихъ коллективахъ и т. д.). Не случайность, наконецъ, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примѣры профессоровъ и гимназистовъ! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, въ спорахъ о § 1, противъ поборниковъ радикально-заговорщической организаціи, какъ думали тт. Мартыновъ и Аксельродъ, а сторонники *буржуазно-интеллигентскаго индивидуализма* столкнулись съ сторонниками *пролетарской организаціи и дисциплины*.

Тов. Поповъ говорилъ: „Всюду въ С.-Петербургѣ, какъ въ Николаевѣ или Одессѣ, по свидѣтельству представителей этихъ городовъ, есть десятки рабочихъ, которые распространяютъ литературу, ведутъ устную агитацію и которые не могутъ быть членами организаціи. Ихъ можно приписать къ организаціи, но считать членами нельзя" (стр. 241). Почему они не могутъ быть членами организаціи?—это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировалъ

выше мѣсто изъ „Письма къ товарищу“, показывающее, что именно включеніе всѣхъ такихъ рабочихъ (сотнями, а не десятками) въ организаціи и возможно и необходимо, причемъ очень и очень многія изъ этихъ организацій могутъ и должны войти въ партію.

Второй доводъ т. Мартова: „Для Ленина нѣтъ иныхъ организацій въ партіи, кромѣ партійныхъ организацій“... Совершенно вѣрно!.. „Для меня, напротивъ, такія организаціи должны существовать. Жизнь создаетъ и плодитъ организаціи скорѣе, чѣмъ мы успѣемъ включить ихъ въ іерархію нашей боевой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“... Это въ двухъ отношеніяхъ невѣрно: 1) „жизнь“ плодитъ гораздо меньше дѣльныхъ организацій революціонеровъ, чѣмъ намъ нужно, чѣмъ требуется рабочимъ движеніемъ; 2) партія наша далжна быть іерархіей не только организацій революціонеровъ, но и массы рабочихъ организацій... „Ленинъ думаетъ, что Ц. К. утвердитъ въ званіи партійныхъ только тѣ организаціи, которыя будутъ вполнѣ надежны въ принципіальномъ отношеніи. Но т. Брукэръ хорошо понимаетъ, что жизнь (sic!) возьметъ свое и что Ц. К., чтобы не оставить внѣ партіи множества организацій, долженъ будетъ ихъ легализировать, несмотря на ихъ вполнѣ ненадежный характеръ; поэтому т. Брукэръ и присоединяется къ Ленину“... Конечно, еслибы Ц. К. *обязательно* состоялъ изъ людей, руководящихся не своимъ мнѣніемъ, а тѣмъ, что другіе скажутъ, тогда „жизнь“ взяла бы „свое“ въ томъ смыслѣ, что наиболѣе осталые элементы партіи взяли бы верхъ. Но ни одной *осмысленной* причины нельзя привести, которая бы заставила *толковый* Ц. К. вводить въ партію „ненадежные“ элементы. Именно этой ссылкой на „жизнь“, которая „плодитъ“ ненадежные элементы, т. Мартовъ и показываетъ воочію оппортунистическій характеръ своего организаціоннаго плана!.. „Я же думаю,—продолжаетъ онъ,—что если такая организація (не вполнѣ надежная) согласна принять партійную программу и партійный контроль, то мы можемъ ввести ее въ партію, не дѣлая ее тѣмъ самымъ партійной организаціей. Я бы считалъ большимъ торжествомъ нашей партіи, если бы, напримѣръ, какой-нибудь союзъ „независимыхъ“ опредѣлилъ, что онъ принимаетъ точку зрѣнія соціалдемократіи и ея программу и вступаетъ въ партію, что не значитъ, однако, что мы включаемъ союзъ въ партійную организацію“... Вотъ до какой путаницы доводитъ формула Мартова: непартійныя организаціи, входящія въ партію! Представьте только себѣ *его* схему: партія = 1) организаціи революціонеровъ + 2) организаціи рабочихъ, признанныя партійными + 3) организаціи рабочихъ, не признанныя партійными (преимущественно изъ „независимыхъ“) + 4) одиночки, исполняющія разныя функціи, профессора, гимназисты и т. д. + 5) „каждый стачечникъ“. Рядомъ съ этимъ замѣчательнымъ планомъ можно поставить лишь слова т. Либера: „Наша задача не только организовать организацію (!!), — мы можемъ и должны организовать партію“ (стр. 241). Да, конечно, мы можемъ и должны сдѣлать это, но для этого нужны не лишенныя смысла слова объ „организаціи организацій“, а *прямое требованіе* отъ членовъ партіи,

чтобы они работали надъ *организаціей* на дѣлѣ. Говорить объ „организаціи партіи“ и защищать прикрытіе словомъ партія всякой неорганизованности и всякаго разброда — значитъ говорить пустыя слова.

„Наша формулировка — говорить т. Мартовъ — выражаетъ стремленіе къ тому, чтобы между организаціей революціонеровъ и массой былъ рядъ организацій“. Именно нѣтъ. Этого-то дѣйствительно обязательнаго стремленія и *не выражаетъ* формула Мартова, ибо она *не даетъ стимула организоваться*, не содержитъ требованія организоваться, не отдѣляетъ организованнаго отъ неорганизованнаго. Она даетъ одно только *званіе*, и по этому поводу нельзя не вспомнить словъ т. Аксельрода: „Никакими декретами нельзя запретить имъ (кружкамъ революціонной молодежи и проч.) и отдѣльнымъ лицамъ называть себя соціалдемократами“ (святая истина!) „и даже считать себя частью партіи“... вотъ это уже *безусловно невѣрно!* Запрещать называться соціалдемократомъ нельзя и *незачѣмъ*, ибо это слово выражаетъ *непосредственно* лишь систему убѣжденій, а не опредѣленныя организаціонныя отношенія. Запрещать отдѣльнымъ кружкамъ и лицамъ „считать себя частью партіи“ можно и должно, когда эти кружки и лица вредятъ дѣлу партіи, развращаютъ или дезорганизуютъ ее. Смѣшно было бы говорить о *партіи*, какъ цѣломъ, какъ политической величинѣ, если бы она не могла „декретомъ запретить“ кружку „считать себя частью“ цѣлаго! И къ чему бы тогда опредѣлять порядокъ и условія исключенія изъ партіи? Тов. Аксельродъ наглядно привелъ къ абсурду основную ошибку т. Мартова: онъ возвелъ даже эту ошибку въ *оппортунистическую теорію*, когда добавилъ: „въ формулировкѣ Ленина § 1 является прямымъ принципіальнымъ противорѣчіемъ съ самой сущностью (!!), съ задачами соціалдемократической партіи пролетаріата“ (стр. 243). Это значитъ не больше и не меньше какъ: предъявленіе болѣе высокихъ требованій къ партіи, чѣмъ къ классу есть принципіальное противорѣчіе съ самой сущностью задачъ пролетаріата. Неудивительно, что Акимовъ горой всталъ за такую *теорію*.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что тов. Аксельродъ *теперь* желающій превратить эту ошибочную, явно клонящую къ оппортунизму формулировку въ зерно *новыхъ* взглядовъ, — на съѣздѣ выразилъ, наоборотъ, готовность „поторговаться“, сказавши: „Но я замѣчаю, что стучусь въ открытую дверь, потому что тов. Ленинъ со своими периферійными кружками, считающимися частями партійной организаціи, идетъ навстрѣчу моему требованію“... (и не только съ периферійными кружками, но и со всякаго рода рабочими союзами: ср. стр. 242 прот., изъ рѣчи тов. Страхова, и цитированныя выше выписки изъ „Письма къ товарищу“)... „Остаются еще отдѣльныя лица, но и тутъ можно бы еще поторговаться“. Я отвѣтилъ тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь, и долженъ пояснить теперь, въ какомъ смыслѣ было сказано это. Именно насчетъ отдѣльныхъ лицъ, всѣхъ этихъ профессоровъ, гимназистовъ и проч

всего менѣе согласился бы я на уступки; но если возбуждено было сомнѣніе насчетъ рабочихъ организацій, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этихъ сомнѣній) добавить къ моему 1 § примѣчаніе въ родѣ такого: „Рабочія организаціи, принимающія программу и уставъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, должны быть въ возможно большемъ числѣ включены въ число партійныхъ организацій“. Конечно, говоря строго, такому пожеланію мѣсто не въ уставѣ, который долженъ ограничиваться юридическими опредѣленіями, а въ пояснительныхъ комментаріяхъ, въ брошюрахъ (и я уже указалъ, что въ своихъ брошюрахъ я задолго до устава приводилъ такія поясненія), но такое примѣчаніе не содержало бы, по крайней мѣрѣ, въ себѣ ни тѣни *невѣрныхъ*, способныхъ вести къ дезорганизаціи мыслей, ни тѣни *оппортунистическихъ* разсужденій *) и „*анархическихъ концепцій*“, несомнѣнно входящихъ въ формулировку тов. Мартова.

Послѣднее, приведенное мною въ кавычкахъ, выраженіе принадлежитъ тов. Павловичу, который очень справедливо отнесъ

*) Къ числу такихъ разсужденій, неизбѣжно всплывающихъ при попыткахъ обо-
снованія Мартовской формулы, принадлежитъ въ особенности фраза тов. Троцкаго
(стр. 243 и 346), что «оппортунизмъ создается болѣе сложными (или: опредѣляется
болѣе глубокими) причинами, чѣмъ тотъ или другой пунктъ устава, — онъ вызывается
относительнымъ уровнемъ развитія буржуазной демократіи и пролетаріата»... Не въ
томъ дѣло, что пункты устава могутъ создавать оппортунизмъ, а въ томъ, чтобы ско-
вать при помощи ихъ болѣе или менѣе острое оружіе противъ оппортунизма. Чѣмъ
глу же его причины, тѣмъ острѣе должно быть это оружіе. Поэтому *оправдывать* «глу-
бокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хво-
стизмъ чистѣйшей воды. Когда тов. Троцкій былъ противъ тов. Либера, онъ понималъ
что уставъ есть «организованное недовѣріе» цѣлаго къ части, передового отряда въ
отсталому отряду; а когда тов. Троцкій оказался на сторонѣ тов. Либера, онъ уже
забылъ это и даже сталъ оправдывать *слабость* и шаткость нашей организаціи этого
недовѣрія (недовѣрія къ оппортунизму), «сложными причинами», «уровнемъ развитія
пролетаріата» и т. п. Другой доводъ тов. Троцкаго: интеллигентной молодежи, так
или иначе сорганизованной, гораздо легче *занести себя* (курс. мои) въ списки партіи»
Именно. Поэтому страдаетъ интеллигентской расплывчатостью та формулировка, въ
силу коей даже неорганизованные элементы *объявляютъ себя* членами партіи, а не моя,
устраняющая право «заносить *себя*» въ списки. Тов. Троцкій говоритъ, что, если Ц. К
«не признаетъ» организаціи оппортунистовъ, то только изъ-за характера лицъ, а разъ
эти лица извѣстны, какъ политическія индивидуальности, то они не опасны, ихъ можно
удалить общепартійнымъ бойкотомъ. Это вѣрно лишь по отношенію къ тѣмъ случаямъ,
когда нужно *удалить изъ партіи* (да и то вѣрно наполовину, ибо организованная
партія *удаляетъ* вотумомъ, а не бойкотомъ) Это совершенно невѣрно по отношенію
къ гораздо болѣе частымъ случаямъ, когда нелѣпо *удалять*, когда надо лишь *контро-
лировать*. Для цѣлей контроля Ц. К. *нарочно* можетъ включить въ партію на извѣ-
стныхъ условіяхъ не совсѣмъ надежную, но работоспособную организацію съ тѣмъ,
чтобы испытать ее, чтобы попытаться *направить ее на путь истины*, чтобы своимъ
руководствомъ парализовать ея частичныя уклоненія и т. д. Такое включеніе не опасно,
если не допускается вообще «*занесеніе себя*» въ списки партіи. Такое включеніе часто
будетъ полезно для открытаго и *отвѣтственнаго*, подконтрольнаго, выраженія (и об-
сужденія) ошибочныхъ взглядовъ и ошибочной тактики. «Но если юридическія опре-
дѣленія должны соотвѣтствовать фактическимъ отношеніямъ, то формула тов. Ленина
должна быть отвергнута» — говоритъ тов. Троцкій и говоритъ опять, какъ оппорту-
нистъ. Фактическія отношенія не мертвы, а живутъ и развиваются. Юридическія опре-
дѣленія могутъ соотвѣтствовать прогрессивному развитію этихъ отношеній, но могутъ
также (если эти опредѣленія плохи) «соотвѣтствовать» регрессу или застою. Этотъ
послѣдній случай и есть «случай» тов. Мартова.

къ *анархизму* признаніе членовъ *„безотвѣтственныхъ* и самихъ себя *зачисляющихъ* въ партію“. „Въ переводѣ на простой языкъ“— разъяснялъ тов. Павловичъ мою формулировку тов. Либеру—она означаетъ: „разъ ты хочешь быть членомъ партіи, ты долженъ не только платонически признавать организаціонныя отношенія“. Не менѣе справедливо указалъ тов. Павловичъ на противорѣчіе между формулой тов. Мартова и тѣмъ безспорнымъ положеніемъ научнаго соціализма, которое цитировалъ такъ неудачно тотъ же тов. Мартовъ. „Наша партія есть сознательная выразительница безсознательнаго процесса“. Именно такъ. И именно поэтому неправильно тянуться за тѣмъ, чтобы „каждый стачечникъ“ могъ называть себя членомъ партіи, ибо если бы „каждая стачка“ была не только стихійнымъ выраженіемъ могучаго классоваго инстинкта и классовой борьбы, неизбѣжно ведущей къ соціальной революціи, а *сознательнымъ выраженіемъ* этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партія сейчасъ же и сразу *покрыла бы собой* весь рабочій классъ, а слѣдовательно, сразу покончила бы и со *всѣмъ буржуазнымъ обществомъ*. Чтобы быть *на дѣлѣ* сознательной выразительницей, партія должна умѣть выработать такія организаціонныя отношенія, которыя бы *обезпечивали извѣстный уровень* сознательности и систематически поднимали этотъ уровень. „Ужъ если идти путемъ Мартова—сказалъ тов. Павловичъ—то прежде всего нужно выкинуть пунктъ о признаніи *програмы*, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признаніе программы обусловливается довольно высокимъ уровнемъ политическаго сознанія“. Мы никогда не допустимъ, чтобы *поддержка* соціалдемократіи, чтобы *участіе* въ руководимой ей борьбѣ искусственно *ограничивалось* какими бы то ни было требованіями (усвоенія, пониманія и проч.), ибо самое это *участіе* однимъ уже фактомъ своего проявленія *поднимаетъ* и сознательность и организаціонные инстинкты, но разъ *мы соединились въ партію* для планомѣрной работы, то мы должны позаботиться объ обезпеченіи этой планомѣрности.

Что предостереженіе тов. Павловича насчетъ программы оказалось не лишнимъ, это обнаружилось *тотчасъ же*, въ теченіе *того же самаго* засѣданія. Тов. Акимовъ и Либеръ, которые провели формулировку тов. Мартова*), *сейчасъ же* обнаружили свою истинную натуру, потребовавъ (стр. 254—5), чтобы и программу надо было (для „членства“ въ партіи) признавать лишь платонически, лишь ея „основныя положенія“. „Предложеніе тов. Акимова вполнѣ логично съ точки зрѣнія тов. Мартова“—отвѣтилъ тов. Павловичъ.

* * *

Группировка голосовъ по § первому устава обнаружила явленіе совершенно того же типа, какъ и въ инцидентѣ съ

---

*) За нее было подано 28 голосовъ, противъ 22. Изъ восьми анти-искровцевъ семь было за Мартова, одинъ за меня. Безъ помощи оппортунистовъ тов. Мартовъ не провелъ бы своей оппортунистической формулы.

24

равноправіемъ языковъ: отпаденіе отъ искровскаго большинства четвертой (приблизительно) его части даетъ возможность побѣды анти-искровцамъ, за которыми идетъ „центръ".

(Параграфы і, к, л, м, выкинуты изъ настоящаго изданія, такъ какъ они содержатъ почти исключительно описаніе мелкихъ споровъ о частностяхъ устава или споровъ о личномъ составѣ центральныхъ учрежденій партіи. Ни то, ни другое не представляетъ интереса для современнаго читателя, ни важности для уясненія разногласій между „меньшинствомъ" и „большинствомъ". Приводимъ только конецъ параграфа *м*, касающійся одного затронутаго еще на второмъ съѣздѣ тактическаго вопроса).

...Интересный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ краткій споръ по существу возникъ по поводу старовѣровской резолюціи о либералахъ. Она была принята съѣздомъ, какъ можно судить по подписямъ надъ ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонниковъ „большинства" (Браунъ, Орловъ, Осиповъ) вотировали и *за нее* и за плехановскую резолюцію, не усматривая непримиримаго противорѣчія между обѣими. Непримиримаго противорѣчія, на первый взглядъ, между ними нѣтъ, ибо плехановская устанавливаетъ общій принципъ, выражаетъ опредѣленное принципіальное и тактическое отношеніе къ *буржуазному либерализму въ Россіи*, а старовѣровская пытается опредѣлить *конкретныя условія допустимости „временныхъ соглашеній"* съ „либеральными или либерально-демократическими теченіями". Темы обѣихъ резолюцій разныя. Но старовѣровская страдаетъ именно *политической расплывчатостью*, будучи въ силу этого мелкой и мелочной. Она *не опредѣляетъ классоваго содержанія русскаго либерализма*, она не указываетъ *опредѣленныхъ* политическихъ теченій, выражающихъ его, она не разъясняетъ пролетаріату его *основныхъ* задачъ пропаганды и агитаціи въ отношеніи къ этимъ опредѣленнымъ теченіямъ, она смѣшиваетъ (въ силу своей расплывчатости) такія различныя вещи, какъ студенческое движеніе и „Освобожденіе", она слишкомъ мелочно, казуистически предписываетъ *три* конкретныхъ условія, при которыхъ допустимы „временныя соглашенія". Политическая расплывчатость и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, ведетъ къ казуистичности. Отсутствіе общаго принципа и попытка перечислить „условія" ведетъ къ мелочному и, строго говоря, *неправильному* указанію этихъ условій. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на эти три старовѣровскихъ условія: 1) „либеральныя или либерально-демократическія теченія" должны „ясно и недвусмысленно заявить, что въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ они становятся рѣшительно на сторону россійской соціалдемократіи". Въ чемъ состоитъ отличіе либеральныхъ и либерально-демократическихъ теченій? Резолюція не даетъ никакого матеріала для отвѣта на этотъ вопросъ. Не въ томъ ли, что либеральныя теченія выражаютъ позицію наименѣе прогрессивныхъ политически слоевъ буржуазіи, а либерально-демократическія — позицію наиболѣе прогрессивныхъ слоевъ буржуазіи и мелкой буржуазіи? Если да, то неужели т. Старовѣръ считаетъ возможнымъ, что наименѣе прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе

нельзя было бы говорить о либерализмѣ) слои буржуазіи „вста нутъ рѣшительно на сторону соціалдемократіи“?? Это абсурдъ и если представители такого теченія даже и *„заявили бы это ясно и недвусмысленно“* (предположеніе совершенно невозможное), то мы, партія пролетаріата, *обязаны были бы не вѣрить* ихъ заявленіямъ. Быть либераломъ и становиться рѣшительно на сторону соціалдемократіи,—одно исключаетъ другое.

Далѣе. Допустимъ такой случай, что „либеральныя или либерально-демократическія теченія“ ясно и недвусмысленно заявятъ, что въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ они становятся рѣшительно на сторону *соціалистовъ-революціонеровъ*. Предположеніе это гораздо менѣе невѣроятно (въ силу буржуазно-демократической сущности направленія соціалистовъ-революціонеровъ), чѣмъ предположеніе тов. Старовѣра. По смыслу его резолюціи, въ силу ея расплывчатости и казуистичности, выходитъ, что *въ такомъ случаѣ временныя соглашенія* съ подобными либералами *недопустимы*. Между тѣмъ, этотъ неизбѣжный выводъ изъ резолюціи т. Старовѣра приводитъ къ положенію *прямо невѣрному*. Временныя соглашенія допустимы и съ соціалистами-революціонерами (см. резолюцію съѣзда о нихъ), а, *слѣдовательно*, и съ либералами, которые встали бы на сторону соціалистовъ-революціонеровъ.

Второе условіе: если эти теченія „не выставятъ въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и демократіи вообще или затемняющихъ ихъ сознаніе“. И тутъ та же ошибка: не бывало и быть не можетъ такихъ либерально-демократическихъ теченій, которыя бы не выставляли въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и не затемняли его (пролетаріата) сознаніе. Даже одна изъ самыхъ демократическихъ фракцій нашего либерально-демократическаго теченія, фракція соціалистовъ-революціонеровъ, выставляетъ въ своей программѣ, запутанной, какъ и всѣ либеральныя программы, требованія, идущія въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и затемняющія его сознаніе. Изъ этого факта слѣдуетъ выводить *необходимость* „разоблачать ограниченность и недостаточность освободительнаго движенія буржуазіи“, но отнюдь не недопустимость временныхъ соглашеній.

Наконецъ, и третье „условіе“ тов. Старовѣра (чтобы „лозунгомъ своей борьбы либералы-демократы сдѣлали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) *неправильно* въ той общей постановкѣ, которая ему придана: временныя и частныя соглашенія *неразумно было бы* объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми съ такими либерально-демократическими теченіями, которыя выставляли бы лозунгъ цензовой конституціи, „куцой“ конституціи вообще. Въ сущности, именно сюда подошло бы „теченіе“ гг. „освобожденцевъ“, но связывать себѣ руки, запрещая напередъ временныя соглашенія“ хотя бы и съ самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовмѣстимой съ принципами марксизма.

Итогъ: резолюція тов. Старовѣра, подписанная также тт. Мартовымъ и Аксельродомъ, *ошибочна*, и третій съѣздъ поступитъ разумно, если отмѣнитъ ее. Она страдаетъ *политической расплывчатостью* теоретической и тактической позиціи, казуистичностью практическихъ „условій", требуемыхъ ею. Она *смѣшиваетъ два вопроса*: 1) разоблаченіе „анти-революціонныхъ и противопролетарскихъ" чертъ *всякаго* либерально-демократическаго теченія и обязательность *борьбы* съ этими чертами, и 2) *условіе* временныхъ и частныхъ *соглашеній* съ любымъ изъ такихъ теченій. Она не даетъ того, что надо (анализа классоваго содержанія либерализма), и даетъ то, чего не надо (предписаніе „условій"). На партійномъ съѣздѣ вообще нелѣпо вырабатывать конкретныя „условія" временныхъ соглашеній, когда нѣтъ налицо даже опредѣленнаго контрагента—субъекта такихъ возможныхъ соглашеній; да если бы и былъ таковой „субъектъ" налицо, то во сто разъ раціональнѣе было бы предоставить опредѣленіе „условій" временнаго соглашенія центральнымъ учрежденіямъ партіи, какъ это и сдѣлано съѣздомъ по отношенію къ „теченію" гг. соціалистовъ-революціонеровъ (см. плехановское видоизмѣненіе конца резолюціи тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколовъ).

Что касается до возраженій „меньшинства" противъ резолюціи Плеханова, то единственный доводъ т. Мартова гласилъ: резолюція Плеханова „кончаетъ мизернымъ выводомъ: надо разоблачать одного литератора. Не будетъ ли это—идти „на муху съ обухомъ?" (стр. 358). Доводъ этотъ, въ которомъ отсутствіе мысли прикрывается хлесткимъ словечкомъ — „мизерный выводъ",—даетъ намъ новый образчикъ претенціозной фразы. Вопервыхъ, резолюція Плеханова говоритъ о „разоблаченіи передъ пролетаріатомъ ограниченности и недостаточности освободительнаго движенія буржуазіи всюду, гдѣ бы не проявилась эта ограниченность и недостаточность". Поэтому чистѣйшими пустяками является утвержденіе тов. Мартова (на съѣздѣ Лиги, стр. 88 протоколовъ), что „все вниманіе должно быть обращено на одного Струве, одного либерала". Во-вторыхъ, сравнивать господина Струве съ „мухой", когда рѣчь идетъ о возможности временныхъ соглашеній съ русскими либералами, значитъ приносить въ жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нѣтъ, г. Струве не муха, а политическая величина, и онъ является таковой не потому, чтобы онъ лично былъ очень крупной фигурой. Значеніе политической величины даетъ ему его позиція, позиція единственнаго представителя русскаго либерализма, хоть сколько-нибудь дѣеспособнаго и организованнаго либерализма, въ нелегальномъ мірѣ. Поэтому говорить о русскихъ либералахъ и объ отношеніи къ нимъ нашей партіи и не имѣть въ виду именно г. Струве, именно „Освобожденія" — значитъ говорить, чтобы ничего не сказать. Или, можетъ быть, тов. Мартовъ попробуетъ указать намъ *хоть одно единственное* „либеральное или либерально-демократическое теченіе" въ Россіи, которое хоть отдаленно могло бы сравниться въ настоящее время съ „освобожденскимъ" теченіемъ? Интересно было бы посмотрѣть на такую попытку!

„Имя Струве ничего не говоритъ рабочимъ",—поддерживалъ т. Костровъ тов. Мартова. Это уже доводъ, не во гнѣвъ будь сказано т. Кострову и т. Мартову, — акимовскій. Это уже въ родѣ пролетаріата въ родительномъ падежѣ.

Какимъ рабочимъ „ничего не говоритъ имя Струве" (и имя „Освобожденія", названнаго въ резолюціи т. Плеханова рядомъ съ именемъ г. Струве)? Такимъ, которые до послѣдней степени мало знакомы, или вовсе незнакомы, съ „либеральными или либерально-демократическими теченіями" въ Россіи. Спрашивается, въ чемъ должно состоять отношеніе нашего партійнаго съѣзда къ такимъ рабочимъ: въ томъ ли, чтобы поручить членамъ партіи знакомить этихъ рабочихъ съ единственнымъ опредѣленнымъ либеральнымъ теченіемъ въ Россіи? или въ томъ, чтобы *умалчивать* о мало знакомомъ для рабочихъ имени по случаю собственнаго ихъ малаго знакомства съ политикой? Если т. Костровъ, сдѣлавъ первый шагъ за т. Акимовымъ, не захочетъ сдѣлать и второго шага за нимъ, то онъ, навѣрное, рѣшитъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. А рѣшивъ его въ первомъ смыслѣ, онъ увидитъ, какъ несостоятеленъ былъ его доводъ. *Во всякомъ случаѣ* слова: „Струве" и „Освобожденіе" въ плехановской резолюціи во много разъ больше *могутъ дать* рабочимъ, чѣмъ слова: „либеральное и либерально-демократическое теченіе" въ резолюціи Староверa.

Русскій рабочій не можетъ въ настоящее время ознакомиться на практикѣ съ сколько-нибудь откровенными политическими тенденціями нашего либерализма иначе, какъ по „Освобожденію". Легальная либеральная литература негодна тутъ именно въ силу ея туманности. И мы должны какъ можно усерднѣе (и передъ возможно болѣе широкими массами рабочихъ) направлять оружіе своей критики противъ освобожденцевъ, чтобы въ моментъ грядущей революціи русскій пролетаріатъ могъ настоящей критикой оружія парализовать неизбѣжныя попытки гг. освобожденцевъ урѣзать демократическій характеръ переворота.

н) Общая картина борьбы на съѣздѣ. Революціонное и оппортунистическое крыло партіи.

Мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основаніи *всего* съѣздовскаго матеріала отвѣтить на вопросъ: изъ какихъ элементовъ, группъ и оттѣнковъ сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которому суждено было на нѣкоторое время стать основнымъ нашимъ партійнымъ дѣленіемъ? Необходимо подвести итоги всему тому матеріалу относительно принципіальныхъ, теоретическихъ и тактическихъ оттѣнковъ, который въ такомъ богатствѣ представленъ протоколами съѣзда. Безъ общей „сводки", безъ общей картины всего съѣзда и всѣхъ главнѣйшихъ группировокъ при голосованіяхъ этотъ матеріалъ остается слишкомъ дробнымъ, разбросаннымъ, такъ что на первый взглядъ тѣ или иныя отдѣльныя группировки кажутся слу-

чайпыми, особенно тому, кто не даетъ себѣ труда самостоятельнаго и всесторонняго *изученія* протоколовъ съѣзда (а много ли такихъ читателей, которые дали себѣ этотъ трудъ?).

Въ англійскихъ парламентскихъ отчетахъ часто встрѣчается характерное слово division—раздѣленіе. Палата „раздѣлилась“ на такое-то большинство и меньшинство,—говорятъ про голосованіе извѣстнаго вопроса. „Раздѣленіе“ нашей соціалдемократической палаты по различнымъ, обсуждавшимся на съѣздѣ вопросамъ даетъ *единственную въ своемъ родѣ, незамѣнимую по полнотѣ и точности* картину внутренней борьбы въ партіи, картину ея оттѣнковъ и группъ. Чтобы сдѣлать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую *картину*, а не груду безсвязныхъ, дробныхъ, изолированныхъ фактовъ и фактиковъ, чтобы положить конецъ безконечнымъ и безтолковымъ спорамъ объ отдѣльныхъ голосованіяхъ (кто за кого голосовалъ и кто кого поддерживалъ?), я рѣшилъ попытаться изобразить *всѣ основные* типы „раздѣленій“ нашего съѣзда въ видѣ *діаграммы*. Такой пріемъ покажется, навѣрное, страннымъ очень и очень многимъ, но я сомнѣваюсь, можно ли найти другой способъ изложенія, дѣйствительно обобщающаго и подводящаго итоги, возможно болѣе полнаго и наиболѣе точнаго. Вотировалъ ли за или противъ извѣстнаго предложенія тотъ или иной делегатъ,—это можно установить при именныхъ голосованіяхъ съ безусловной точностью, а по нѣкоторымъ важнымъ неименнымъ голосованіямъ это можно опредѣлить, на основаніи протоколовъ, съ громадной степенью вѣроятности, съ достаточной степенью приближенія къ истинѣ. Если принять при этомъ во вниманіе *всѣ* именныя голосованія и всѣ тѣ неименныя, въ которыхъ затрагивались сколько-нибудь важные (судя, напримѣръ, по обстоятельности и страстности преній) вопросы, то получится изображеніе нашей внутрипартійной борьбы, отличающееся наиболѣе достижимой, при наличномъ матеріалѣ, объективностью. При этомъ вмѣсто фотографическаго изображенія, т.-е. изображенія каждаго голосованія въ отдѣльности, мы постараемся дать картину, т.-е. привести всѣ главные *типы* голосованій, игнорируя неважныя, сравнительно, отступленія и разновидности, которыя могли бы только запутать дѣло. Во всякомъ случаѣ, на основаніи протоколовъ всякій въ состояніи будетъ провѣрить каждый штрихъ въ нашей картинѣ, дополнить ее какимъ угодно отдѣльнымъ голосованіемъ, однимъ словомъ, критиковать ее не только путемъ соображеній, сомнѣній и указаній на единичные казусы, а путемъ составленія *иной картины* на основаніи того же матеріала.

Нанося на діаграмму каждаго принимавшаго участіе въ голосованіи делегата, мы будемъ отмѣчать особой штриховкой тѣ четыре основныя группы, которыя мы подробно прослѣживали въ теченіе всего хода дебатовъ на съѣздѣ, именно: 1) искровцевъ большинства; 2) искровцевъ меньшинства; 3) „центръ“, и 4) анти-искровцевъ. Различіе принципіальныхъ оттѣнковъ между этими группами мы видѣли *на массѣ примѣровъ*, и если комулибо не нравятся *названія* группъ, слишкомъ напоминающія лю-

бителямъ зигзаговъ объ организаціи „Искры“ и о направленіи „Искры“, то мы замѣтимъ имъ, что дѣло не въ названіи. Теперь, когда оттѣнки прослѣжены нами на *всѣхъ* дебатахъ съѣзда, легко можно замѣнить установившіяся уже и привычныя партійныя клички (рѣжущія кое-кому ухо) характеристикой *существа оттѣнковъ между группами*. При такой замѣнѣ мы получили бы для тѣхъ же четырехъ группъ слѣдующія названія: 1) послѣдовательные революціонные соціалдемократы; 2) оппортунисты маленькіе; 3) оппортунисты средніе, и 4) оппортунисты большіе (на нашъ русскій масштабъ большіе).

Перейдемъ къ подробному изложенію того, какіе типы голосованій „сняты“ на прилагаемой діаграммѣ (см. діаграмму: „Общая картина борьбы на съѣздѣ“).

Первый типъ голосованій (A) охватываетъ тѣ случаи, когда вмѣстѣ съ искровцами шелъ „центръ“ противъ анти-искровцевъ или противъ части ихъ. Сюда относятся: голосованіе программы въ цѣломъ (одинъ только т. Акимовъ воздержался, остальные за), голосованіе принципіальной резолюціи противъ федераціи (всѣ за, кромѣ пяти бундовцевъ), голосованіе § 2 устава Бунда (противъ насъ пять бундовцевъ, воздержались пятеро: Мартыновъ, Акимовъ, Брукэръ и Маховъ съ двумя голосами, остальные съ нами); *это голосованіе и представлено на діаграммѣ A*. Далѣе, того же типа были *три* голосованія по вопросу объ утвержденіи ц. органомъ партіи „Искры“; редакція (пять голосовъ) воздерживалась, противъ были во всѣхъ трехъ голосованіяхъ двое (Акимовъ и Брукэръ) и, кромѣ того, при голосованіи *мотивовъ* утвержденія „Искры“ воздержались пять бундовцевъ и тов. Мартыновъ *).

Разсматриваемый типъ голосованій даетъ отвѣтъ на чрезвычайно интересный и важный вопросъ: когда „центръ“ съѣзда шелъ вмѣстѣ съ искровцами? Либо тогда, когда *и анти-искровцы были съ нами*, за малыми исключеніями (принятіе программы, утвержденіе „Искры“ независимо отъ мотивовъ), либо тогда, когда дѣло шло о такихъ *заявленіяхъ*, которыя еще непосредственно къ опредѣленной политической позиціи не обязываютъ (признаніе организаціонной работы „Искры“ не обязываетъ еще проводить на дѣлѣ ея организаціонную политику въ отношеніи частныхъ группъ; отверженіе федераціи не мѣшаетъ еще воздерживаться по вопросу о конкретномъ проектѣ федераціи, какъ мы видѣли на примѣрѣ т. Махова). Мы видѣли уже выше, говоря о значеніи группировокъ на съѣздѣ вообще, до какой степени невѣрно представляется этотъ вопросъ въ оффиціальномъ изложеніи оффиціальной „Искры“, которая (устами т. Мартынова) *затираетъ и затушевываетъ* разницу между искровцами и „цен-

*) Почему для изображенія на діаграммѣ взято именно голосованіе о § 2 устава Бунда? Потому что голосованія о признаніи «Искры» менѣе полны, а голосованія о программѣ и о федераціи касаются менѣе опредѣленныхъ конкретно политическихъ рѣшеній. Вообще выборъ того или другого изъ ряда *однородныхъ* голосованій нисколько не измѣнитъ основныхъ чертъ картины, какъ въ этомъ легко убѣдится каждый, сдѣлавъ соотвѣтствующія измѣненія.

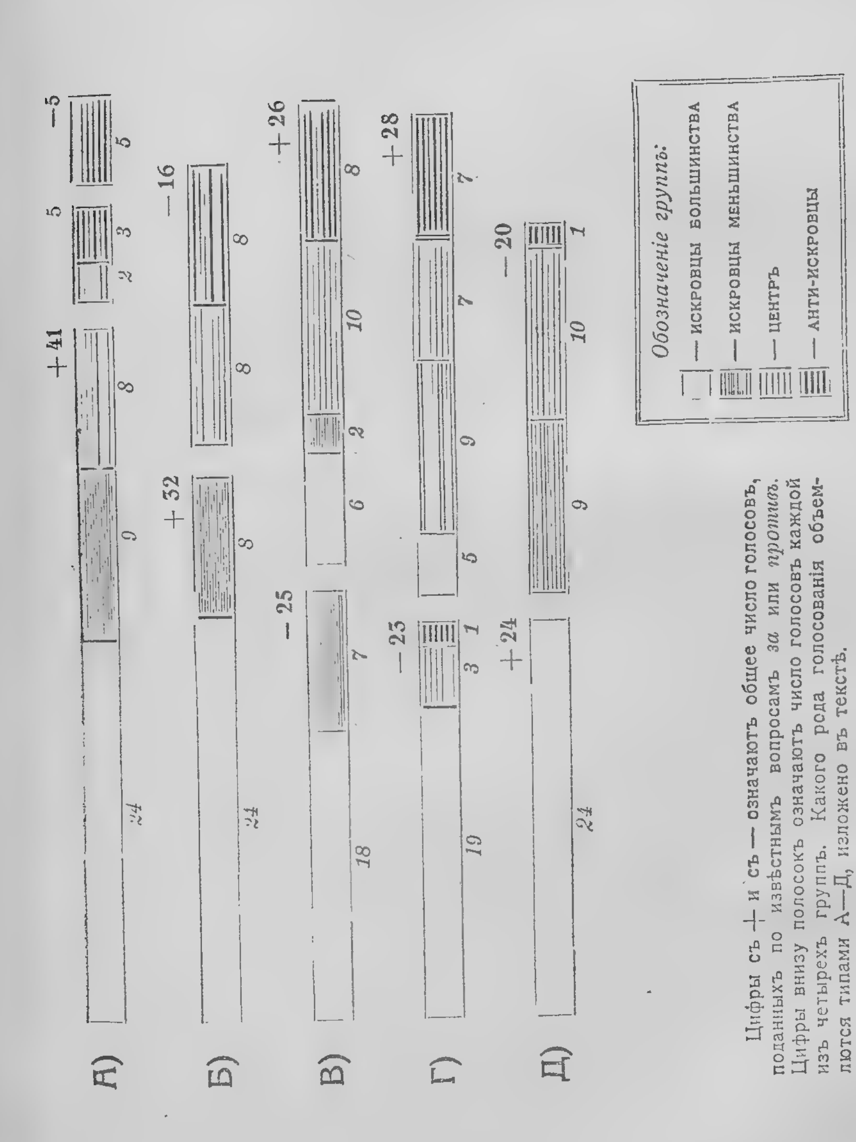
тромъ", между послѣдовательными революціонными соціалдемократами и оппортунистами, посредствомъ ссылки на *такіе случаи, когда и анти-искровцы шли съ нами!* Даже наиболѣе „правые" изъ нѣмецкихъ и французскихъ оппортунистовъ въ соціалдемократическихъ партіяхъ не вотируютъ противъ по такимъ пунктамъ, какъ *признаніе программы въ цѣломъ*.

Второй типъ голосованій (Б) обнимаетъ тѣ случаи, когда искровцы послѣдовательные и непослѣдовательные шли вмѣстѣ противъ всѣхъ анти-искровцевъ и всего „центра". Эти случаи относятся, главнымъ образомъ, къ тѣмъ вопросамъ, когда дѣло шло о проведеніи въ жизнь конкретно-опредѣленныхъ плановъ искровской политики, когда рѣчь шла о признаніи „Искры" *на дѣлѣ, а не на словахъ только.* Сюда относится *инцидентъ съ О. К.* *), постановка вопроса о положеніи Бунда въ партіи на первое мѣсто, распущеніе группы „Южный Рабочій", два голосованія объ аграрной программѣ и, наконецъ, въ-шестыхъ, голосованіе *противъ* заграничнаго Союза Русскихъ Соціалдемократовъ („Рабочаго Дѣла"), т.-е. признаніе Лиги единственной организаціей партіи за границей. Старая, до-партійная кружковщина, интересы оппортунистическихъ организацій или группокъ, узкое пониманіе марксизма боролись здѣсь съ принципіально-выдержанной и послѣдовательной политикой революціонной соціалдемократіи; искровцы меньшинства шли еще съ нами въ цѣломъ рядѣ случаевъ, въ цѣломъ рядѣ крайне важныхъ (съ точки зрѣнія О. К., „Южнаго Рабочаго", „Рабочаго Дѣла") голосованій... пока дѣло не коснулось *ихъ собственной* кружковщины, ихъ собственной непослѣдовательности. „Раздѣленія" разсматриваемаго типа наглядно показываютъ, что въ рядѣ вопросовъ о проведеніи въ жизнь нашихъ принциповъ *центръ шелъ съ анти-искровцами*, оказывался гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ къ намъ, гораздо болѣе склоннымъ *на дѣлѣ* къ *оппортунистическому*, чѣмъ къ *революціонному* крылу соціалдемократіи. „Искровцы" *по названію*, стыдившіеся *быть* искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбѣжная борьба вносила не мало раздраженія, которое заслоняло отъ наименѣе вдумчивыхъ и наиболѣе впечатлительныхъ лицъ значеніе вскрывающихся въ этой борьбѣ принципіальныхъ оттѣнковъ. Но теперь, когда улегся нѣсколько пылъ борьбы и протоколы остались объективнымъ экстрактомъ ряда горячихъ сраженій, теперь только люди, закрывающіе глаза, могутъ не видѣть, что соединеніе Маховыхъ и Егоровыхъ съ Акимовыми

---

*) Именно это голосованіе изображено на діаграммѣ Б: у искровцевъ было 32 голоса, за резолюцію бундовца 16. Замѣтимъ, что изъ голосованій этого типа нѣтъ *ни одного именного* голосованія. На распредѣленіе делегатовъ указываютъ лишь съ громадной степенью вѣроятности двоякаго рода данныя: 1) въ преніяхъ ораторы обѣихъ группъ искровцевъ высказываются за, ораторы анти-искровцевъ и центра — противъ; 2) числа голосовъ «*за*» всегда очень близко подходятъ къ цифрѣ 33. Не надо забывать также, что, анализируя пренія на съѣздѣ, мы отмѣчали, и помимо голосованій, *цѣлый рядъ* случаевъ, когда «центръ» шелъ съ анти-искровцами (съ оппортунистами) противъ насъ. Сюда относятся вопросы объ абсолютной цѣнности демократическихъ требованій, о поддержкѣ оппозиціонныхъ элементовъ, объ ограниченіи централизма и т. д.

Общая картина борьбы на второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. 1903 г.

Цифры съ + и съ — означаютъ общее число голосовъ, поданныхъ по извѣстнымъ вопросамъ *за* или *противъ*. Цифры внизу полосокъ означаютъ число голосовъ каждой изъ четырехъ группъ. Какого рода голосованія объемлются типами А—Д, изложено въ текстѣ.

и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью.

Третій типъ голосованій на съѣздѣ, охватывающій три послѣднія части діаграммы изъ пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тѣмъ, что *небольшая часть искровцевъ отдѣляется и переходитъ на сторону анти-искровцевъ*, которые поэтому и побѣждаютъ (пока остаются на съѣздѣ). Чтобы прослѣдить съ полной точностью развитіе этой *коалиціи* искровскаго меньшинства съ анти-искровцами, приводятся всѣ три основныхъ типа *именныхъ* голосованій этого рода. *В*—это голосованіе по вопросу о равноправіи языковъ (взято послѣднее изъ трехъ именныхъ голосованій по этому пункту, какъ самое полное). Всѣ анти-искровцы и весь центръ стѣной стоятъ противъ насъ, изъ искровцевъ же отдѣлилась часть большинства и часть меньшинства. *Еще не видно, какіе искровцы способны къ окончательной и прочной коалиціи съ оппортунистической „правой" съѣзда.* Далѣе, голосованіе типа *Г*—о первомъ параграфѣ устава (изъ двухъ голосованій взято болѣе опредѣленное, т.-е., когда никто не воздерживался). *Коалиція обрисовывается рельефнѣе и складывается прочнѣе:* искровцы меньшинства *всѣ* уже стоятъ на сторонѣ Акимова и Либера, изъ искровцевъ большинства—очень небольшое число, возмѣщающее перешедшихъ на нашу сторону трехъ изъ „центра" и одного изъ анти-искровцевъ. Достаточно простого взгляда на діаграмму, чтобы убѣдиться въ томъ, какіе элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какіе *шли съ неудержимой силой* къ *прочной коалиціи съ Акимовыми.* На послѣднемъ голосованіи (Д—выборы въ ц. о., въ Ц. К. и въ Совѣтъ партіи), *которое представляетъ именно окончательное дѣленіе на большинство и меньшинство*, ясно видно полное сліяніе искровскаго меньшинства со *всѣмъ* „центромъ" и съ *остатками* анти-искровцевъ. Изъ восьми анти-искровцевъ къ этому времени остался на съѣздѣ *одинъ* тов. Брукэръ (которому тов. Акимовъ разъяснилъ уже его ошибку и который занялъ принадлежащее ему по праву мѣсто въ рядахъ *мартовцевъ).* Уходъ семерки *наиболѣе „правыхъ" оппортунистовъ* рѣшилъ судьбу выборовъ противъ Мартова *).

И вотъ теперь подведемъ итоги съѣзду, опираясь на объективныя данныя о голосованіяхъ *всякаго типа.*

Много толковали о *„случайномъ"* характерѣ большинства на нашемъ съѣздѣ. Изъ діаграммы ясно видно, что въ *одномъ смыслѣ*, но только въ одномъ, можно назвать большинство случайнымъ, именно въ томъ смыслѣ, что-де семерка наиболѣе оппортунистическихъ элементовъ *„правой"* ушла *случайно.* Поскольку случаенъ этотъ уходъ, *постольку* (не болѣе) случайно

---

*) Семь оппортунистовъ, ушедшихъ съ 2-го съѣзда, это пять бундовцевъ (Бундъ вышелъ изъ партіи на второмъ съѣздѣ послѣ отклоненія федеративнаго принципа) и два «рабочедѣльца», тов. Мартыновъ и тов. Акимовъ. Эти послѣдніе ушли со съѣзда послѣ того, какъ заграничной организаціей партіи была признана *только* искровская Лига, то-есть былъ распущенъ рабочедѣльческій заграничный «Союзъ» русскихъ соціалдемократовъ. *(Примѣч. къ настоящему изд.).*

и наше большинство. Простой взглядъ на діаграмму лучше длинныхъ разсужденій показываетъ, на чьей сторонѣ была бы, *должна бы была быть* эта семерка *). Но спрашивается, поскольку дѣйствительно можно считать случайнымъ уходъ этой семерки? Вотъ вопросъ, котораго не любятъ задавать себѣ люди, охотно говорящіе о „случайности" большинства. Непріятный это для нихъ вопросъ. Случайно ли то, что ушли наиболѣе ярые представители *праваго*, а не *лѣваго* крыла нашей партіи? Случайно ли то, что ушли *оппортунисты*, а не послѣдовательные *революціонные социалдемократы?* Не стоитъ ли этотъ „случайный" уходъ въ нѣкоторой связи съ той борьбой противъ оппортунистическаго крыла, которая велась въ теченіе всего съѣзда и которая такъ наглядно выступаетъ на нашей діаграммѣ?

Достаточно поставить эти непріятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себѣ, какой фактъ *прикрывается* толками о случайности большинства. Это — тотъ несомнѣнный и неоспоримый фактъ, что *меньшинство составили наиболѣе тяготѣющіе къ оппортунизму члены нашей партіи.* Меньшинство составили *наименѣе устойчивые* теоретически, *наименѣе выдержанные принципіально* элементы партіи. Меньшинство образовалось именно изъ *праваго крыла* партіи. Раздѣленіе на большинство и меньшинство есть прямое и неизбѣжное продолженіе того раздѣленія социалдемократіи на революціонную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду, которое не вчера только появилось, не въ одной только русской рабочей партіи и которое, навѣрное, не завтра исчезнетъ.

Этотъ фактъ имѣетъ кардинальное значеніе въ дѣлѣ выясненія причинъ и перипетій расхожденій. Пытаться *обойти* этотъ фактъ, посредствомъ отрицанія или затушевыванія борьбы на съѣздѣ и сказавшихся въ ней принципіальныхъ оттѣнковъ, — значитъ выдавать себѣ полнѣйшее свидѣтельство объ умственной и политической бѣдности. А чтобы *опровергнуть* этотъ фактъ, надо, *во-первыхъ*, показать, что общая картина голосованій и „раздѣленія" на нашемъ партійномъ съѣздѣ была не такая, которая приведена мною; надо, *во-вторыхъ*, показать, что *по существу* всѣхъ тѣхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ „раздѣлялся" съѣздъ, *неправы были* тѣ наиболѣе послѣдовательные революціонные социалдемократы, которые связали себя въ Россіи съ именемъ искровцевъ.

Фактъ составленія меньшинства изъ наиболѣе оппортунистическихъ, наименѣе устойчивыхъ и наименѣе выдержанныхъ элементовъ партіи указываетъ, между прочимъ, отвѣтъ на многія недоумѣнія и возраженія, съ которыми обращаются къ большинству люди, плохо знакомые съ дѣломъ или плохо продумавшіе вопросъ. Не мелко ли это, говорятъ намъ, объяснять *расхожденіе* маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа,

*) Мы увидимъ ниже, что *послѣ* съѣзда и т. Акимовъ, и Воронежскій Комитетъ, наиболѣе *родственный* т. Акимову, прямо и выразили свое сочувствіе *«меньшинству»*.

ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще на съѣздѣ, въ пылу борьбы, отмѣтилъ это), но изъ этой маленькой ошибки *могло* получиться *(и получилось)* много вреда въ силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сдѣлавшіе *цѣлый рядъ ошибокъ*, проявившіе на цѣломъ рядѣ вопросовъ тяготѣніе къ оппортунизму и принципіальную невыдержанность. Индивидуальнымъ и неважнымъ фактомъ было проявленіе неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальнымъ, а *партійнымъ* и *несовсѣмъ неважнымъ* фактомъ было образованіе весьма и весьма значительнаго меньшинства изъ *всѣхъ* наименѣе устойчивыхъ элементовъ, *изъ всѣхъ тѣхъ*, кто либо вовсе не признавалъ направленія „Искры" и прямо боролся съ нимъ, либо признавалъ на словахъ, а на дѣлѣ сплошь да рядомъ шелъ съ анти-искровцами.

Не смѣшно ли *объяснять* расхожденіе господствомъ заскорузлой кружковщины и революціонной обывательщины въ маленькомъ кружкѣ старой редакціи „Искры"? Нѣтъ, это не смѣшно, потому что на поддержку *этой индивидуальной* кружковщины *встало все то въ нашей партіи*, что боролось въ теченіе всего съѣзда *за всякую кружковщину*, все то, *что вообще не могло подняться* надъ революціонной обывательщиной, все то, что ссылалось на „историческій" характеръ обывательскаго и кружковщинскаго зла для оправданія и сохраненія этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узко-кружковые интересы одержали верхъ надъ партійностью въ одномъ маленькомъ кружкѣ редакціи „Искры". Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали тт. Акимовы и Брукэры, которымъ не менѣе (если не болѣе) дорога была „историческая преемственность" знаменитаго Воронежскаго Комитета и пресловутой Петербургской „Рабочей" Организаціи, встали тт. Егоровы, которые оплакивали „убійство" „Рабочаго Дѣла" такъ же горько (если не еще болѣе горько), какъ и „убійство" старой редакціи, встали тт. Маховы и пр., и пр. Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты такой, — гласитъ житейская мудрость. Скажи мнѣ, кто твой политическій союзникъ, кто за тебя голосуетъ, — и я тебѣ скажу, какова твоя *политическая физіономія*.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться *мелкой*, покуда она не послужила исходнымъ пунктомъ для *прочнаго союза* ихъ со всѣмъ оппортунистическимъ крыломъ нашей партіи, покуда она не повела, въ силу этого союза, къ *отрыжкѣ* оппортунизма, къ *реваншу* всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ боролась „Искра" и кто готовъ былъ съ величайшей радостью *сорвать теперь сердце* на послѣдовательныхъ сторонникахъ революціонной социалдемократіи. Послѣсъѣздовскія событія какъ разъ и привели къ тому, что въ новой „Искрѣ" мы видимъ именно отрыжку оппортунизма, реваншъ Акимовыхъ и Брукэровъ (см. листокъ Воронежскаго Комитета), восторги Мартыновыхъ, которымъ, наконецъ-то (наконецъ-то!), позволили въ ненавистной „Искрѣ" лягнуть ненавистнаго „врага" за всѣ и всяческія прошлыя обиды.

Самъ по себѣ фактъ раздѣленія съѣзда (и партіи) на лѣвое и правое, революціонное и оппортунистическое крыло не представлялъ еще собой не только ничего страшнаго и ничего критическаго, но даже ровно ничего ненормальнаго. Напротивъ, все послѣднее десятилѣтіе въ исторіи русской (и не только русской) соціалдемократіи неизбѣжно и неминуемо приводило къ такому раздѣленію. Что основаніемъ для раздѣленія былъ рядъ весьма *мелкихъ* ошибокъ праваго крыла, весьма неважныхъ (сравнительно) разногласій,—это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующимъ) означало *большой шагъ впередъ всей нашей партіи въ цѣломъ*. Раньше мы расходились изъ-за крупныхъ вопросовъ, которые могли иногда даже оправдать и расколъ, теперь мы сошлись уже на всемъ крупномъ и важномъ, теперь насъ раздѣляютъ лишь *оттѣнки*, изъ-за которыхъ можно *и должно* спорить, но нелѣпо и ребячески было бы расходиться (какъ и сказалъ уже совершенно справедливо товарищъ Плехановъ въ интересной статьѣ „Чего не дѣлать?“, къ которой мы еще вернемся). *Теперь*, когда *анархическое поведеніе* меньшинства *послѣ съѣзда* почти привело партію къ расколу, часто можно встрѣтить мудрецовъ, которые говорятъ: да стоило ли вообще бороться на съѣздѣ изъ-за такихъ мелочей, какъ инцидентъ съ О. К., распущеніе группы „Южн. Раб.“ или „Раб. Дѣла“, § 1, распущеніе старой редакціи и т. п.? Кто разсуждаетъ такъ, тотъ вноситъ именно кружковую точку зрѣнія въ партійныя дѣла: борьба *оттѣнковъ* въ партіи *неизбѣжна и необходима*, покуда борьба не ведетъ къ анархіи и къ расколу, покуда борьба идетъ *въ рамкахъ*, одобренныхъ сообща всѣми товарищами и членами партіи. И *наша борьба* съ правымъ крыломъ партіи *на съѣздѣ*, съ Акимовымъ и Аксельродомъ, съ Мартыновымъ и Мартовымъ, *отнюдь не выходила изъ этихъ рамокъ*. Достаточно вспомнить хотя бы, что, когда тт. Мартыновъ и Акимовъ уходили со съѣзда, *мы всѣ готовы были* всячески устранить мысль объ „оскорбленіи“, *мы всѣ принимали* (32 голосами) резолюцію тов. Троцкаго, приглашающую этихъ товарищей удовлетвориться разъясненіями и взять назадъ свое заявленіе.

(Параграфы о и п выкинуты въ настоящемъ изданіи, такъ какъ въ нихъ описывается борьба изъ-за личнаго состава центровъ послѣ съѣзда т.-е. нѣчто такое, въ чемъ всего меньше было принципіальнаго, всего больше дрязгъ).

р) Новая „Искра“. Оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ.

За основу разбора принципіальной позиціи новой „Искры“ слѣдуетъ взять, несомнѣнно, два фельетона т. Аксельрода *). Конкретное значеніе цѣлаго ряда излюбленныхъ имъ словечекъ мы уже показали подробно выше **) и должны постараться

*) Эти фельетоны вошли въ сборникъ «Искра за два года», ч. II, стр. 122 и сл. (СПБ. 1906).

**) Это «конкретное значеніе» относится къ съѣздовской и послѣсъѣздовской

теперь отвлечься отъ этого конкретнаго значенія, вникнуть въ тотъ ходъ мысли, который заставилъ „меньшинство“ (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) придти именно къ этимъ, а не къ другимъ какимъ-либо лозунгамъ, разсмотрѣть принципіальное значеніе этихъ лозунговъ, независимо отъ ихъ происхожденія, независимо отъ „кооптаціи“. Мы живемъ теперь подъ знакомъ уступчивости: сдѣлаемъ же уступку товарищу Аксельроду и „возьмемъ всерьезъ“ его теорію.

Основной тезисъ тов. Аксельрода (№ 57 „Искры“) тотъ, что „наше движеніе съ самаго начала скрывало въ себѣ двѣ противоположныя тенденціи, взаимный антагонизмъ которыхъ не могъ не развиваться и не отражаться на немъ параллельно съ его собственнымъ развитіемъ“. Именно: „принципіально, пролетарская цѣль движенія (въ Россіи) та же, что и у западной соціалдемократіи“. Но у насъ воздѣйствіе на рабочія массы исходитъ „со стороны чуждаго имъ соціальнаго элемента“ — радикальной интеллигенціи. Итакъ, тов. Аксельродъ констатируетъ антагонизмъ между пролетарскими и радикально - интеллигентскими тенденціями въ нашей партіи.

Въ этомъ тов. Аксельродъ безусловно правъ. Наличность этого антагонизма (и не въ одной только русской соціалдем. партіи) не подлежитъ сомнѣнію. Мало того. Всѣмъ и каждому извѣстно, что именно этотъ антагонизмъ въ значительной степени и объясняетъ то дѣленіе современной соціалдемократіи на революціонную (ортодоксальную тожъ) и оппортунистическую (ревизіонистскую, министеріалистскую, реформистскую), которое вполнѣ обнаружилось и въ Россіи за послѣднія десять лѣтъ нашего движенія. Всѣмъ извѣстно также, что именно пролетарскія тенденціи движенія выражаетъ ортодоксальная, а демократически - интеллигентскія—оппортунистическая соціалдемократія.

Но тов. Аксельродъ, подойдя вплотную къ этому общеизвѣстному факту, начинаетъ боязливо пятиться. Онъ не дѣлаетъ *ни малѣйшей попытки* проанализировать, какъ проявилось указанное дѣленіе въ исторіи русской соціалдемократіи вообще и на нашемъ партійномъ съѣздѣ въ частности, — хотя пишетъ т. Аксельродъ именно по поводу съѣзда! Какъ и вся редакція новой „Искры“, тов. Аксельродъ проявляетъ *смертельную боязнь* передъ протоколами этого съѣзда. Это не должно насъ удивлять послѣ всего изложеннаго выше, но со стороны „теоретика“, изслѣдующаго якобы разныя тенденціи въ нашемъ движеніи, это является оригинальнымъ случаемъ *правдобоязни*. Отодвинувъ отъ себя, въ силу этого своего свойства, самый новый и самый точный матеріалъ о тенденціяхъ нашего движенія, тов. Аксельродъ ищетъ спасенія въ области пріятныхъ мечтаній. „Вѣдь далъ же легальный или полумарксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ“ — говоритъ онъ. „Почему бы проказницѣ - исторіи

борьбѣ изъ-за личнаго состава центровъ, описаніе которой выкинуто въ настоящемъ изданіи.

(Примѣч. къ настоящему изд.).

не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя изъ школы ортодоксальнаго, революціоннаго марксизма?“ По поводу этого, пріятнаго для тов. Аксельрода мечтанія мы можемъ только сказать, что, если исторіи случается проказничать, то это не оправдываетъ *проказъ мысли* у того, кто берется за анализъ этой исторіи. Когда изъ вождя полумарксизма проглядывалъ либералъ, то люди, желавшіе *(и умѣвшіе)* прослѣдить его „тенденціи“, ссылались не на возможныя проказы исторіи, а на десятки и сотни образчиковъ психологіи и логики этого вождя, на тѣ особенности всей его литературной физіономіи, которыя выдавали отраженіе марксизма въ буржуазной литературѣ. Если же тов. Аксельродъ, взявшійся проанализировать „общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи“, не сумѣлъ *ничѣмъ, ну ровнехонько-таки ничѣмъ*, доказать и показать у такихъ-то и такихъ-то представителей ненавистнаго ему ортодоксальнаго крыла партіи извѣстныя тенденціи, то онъ этимъ выдалъ лишь себѣ *торжественное свидѣтельство о бѣдности.* Должно быть, уже совсѣмъ плохи дѣла тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможныя проказы исторіи!

Другая ссылка т. Аксельрода—на „якобинцевъ“—еще болѣе поучительна. Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что дѣленіе современной соціалдемократіи на революціонную и оппортунистическую давно уже, и не въ одной только Россіи, подало поводъ къ „историческимъ аналогіямъ эпохи Великой французской революціи“. Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что *жирондисты современной соціалдемократіи* вездѣ и всегда прибѣгаютъ къ терминамъ „якобинство“, „бланкизмъ“ и т. п. для характеристики своихъ противниковъ. Не будемъ же подражать правдобоязни тов. Аксельрода и посмотримъ на протоколы нашего съѣзда: нѣтъ ли въ нихъ матеріала для анализа и провѣрки разсматриваемыхъ нами тенденцій и разбираемыхъ нами аналогій.

Первый примѣръ. Споръ о программѣ на партійномъ съѣздѣ. Тов. Акимовъ („вполнѣ согласный“ съ тов. Мартыновымъ) заявляетъ: „абзацъ о завоеваніи политической власти (о диктатурѣ пролетаріата) получилъ, по сравненію со всѣми другими соціалдемократическими программами, такую редакцію, что можетъ быть истолкованъ и дѣйствительно толковался Плехановымъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ роль руководителей организаціи должна будетъ отодвинуть назадъ руководимый ею классъ и обособить первую отъ второго. И формулировка нашихъ политическихъ задачъ, поэтому, совершенно такая же, какъ у Народной Воли“ (стр. 124 пр.). Тов. Акимову возражаетъ т. Плехановъ и другіе искровцы, упрекая его въ оппортунизмѣ. Не находитъ ли т. Аксельродъ, что этотъ споръ показываетъ намъ (на дѣлѣ, а не въ воображаемыхъ проказахъ исторіи) антагонизмъ *современныхъ якобинцевъ* и современныхъ *жирондистовъ* соціалдемократіи? И не потому ли заговорилъ тов. Аксельродъ о якобинцахъ, что онъ оказался (въ силу сдѣланныхъ имъ ошибокъ) въ компаніи *жирондистовъ* соціалдемократіи?

Второй примѣръ. Тов. Посадовскій поднимаетъ вопросъ о „серьезномъ разногласіи“ по „основному вопросу“, объ „абсолютной цѣнности демократическихъ принциповъ“ (стр. 169). Вмѣстѣ съ Плехановымъ онъ отрицаетъ ихъ абсолютную цѣнность. Лидеры „центра“, или болота (Егоровъ), и анти-искровцевъ (Гольдблатъ) рѣшительно возстаютъ противъ этого, видя у Плеханова „подражаніе буржуазной тактикѣ“ (стр. 170)—*это, именно, идея тов. Аксельрода о связи ортодоксіи съ буржуазной тенденціей*, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что у Аксельрода эта идея виситъ въ воздухѣ, а у Гольдблата связана съ опредѣленными дебатами. Мы спрашиваемъ еще разъ: не находитъ ли т. Аксельродъ, что и этотъ споръ показываетъ намъ *воочію*, на нашемъ партійномъ съѣздѣ, антагонизмъ якобинцевъ и жирондистовъ современной соціалдемократіи? Не потому ли кричитъ тов. Аксельводъ противъ якобинцевъ, что онъ оказался въ компаніи жирондистовъ?

Третій примѣръ. Споры о § 1 устава. Кто отстаиваетъ „*пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи*“, кто подчеркиваетъ, что рабочій не боится организаціи, что пролетарій не сочувствуетъ анархіи, что онъ цѣнитъ стимулъ „организуйтесь!“, кто предостерегаетъ отъ буржуазной интелигенціи, насквозь пропитанной оппортунизмомъ?—*Якобинцы соціалдемократіи.* И кто протаскиваетъ въ партію радикальную интеллигенцію, кто заботится о профессорахъ, гимназистахъ, объ одиночкахъ, о радикальной молодежи? — *Жирондистъ Аксельродъ вмѣстѣ съ жирондистомъ Либеромъ.*

Неискусно же защищается т. Аксельродъ отъ „ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ“, которое открыто распространялось на нашемъ партійномъ съѣздѣ противъ большинства „Группы Освобожденія Труда“! Онъ защищается такъ, что подтверждаетъ обвиненіе своимъ перепѣвомъ избитой бернштейніанской мелодіи о якобинствѣ, бланкизмѣ и проч.! Онъ кричитъ объ опасности радикальной интеллигенціи, чтобы заглушить свои собственныя рѣчи на партійномъ съѣздѣ, дышащія заботой объ этой интеллигенціи.

Ровно ничего, кромѣ *оппортунизма*, не выражаютъ эти „страшныя словечки“: якобинство и т. п. Якобинецъ, неразрывно связанный съ *организаціей* пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы, это и есть *революціонный соціалдемократъ.* Жирондистъ, тоскующій о профессорахъ, гимназистахъ, боящійся диктатуры пролетаріата, вздыхающій объ абсолютной цѣнности демократическихъ требованій, это и есть *оппортунистъ.* Только оппортунисты и могутъ еще въ настоящее время видѣть опасность въ заговорщическихъ организаціяхъ, когда мысль о суженіи политической борьбы до заговора опровергнута и вытѣснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитаціи выяснена и разжевана до тошноты. Реальнымъ основаніемъ страха передъ заговорщичествомъ, бланкизмомъ является не та или иная обнаружившаяся черта практическаго движенія (какъ давно и тщетно старается показать Бернштейнъ и Ко), а жирондистская робость буржуазнаго интеллигента, психологія котораго такъ часто прорывается среди современныхъ соціалде-

мократовъ. Нѣтъ ничего комичнѣе, какъ эти потуги новой „Искры“ сказать *новое слово* (сказанное въ свое время сотни разъ) въ видѣ предостереженія отъ тактики французскихъ революціонеровъ-заговорщиковъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ (№ 62, передовая). Въ ближайшемъ номерѣ „Искры“ жирондисты современной соціалдемократіи укажутъ намъ, вѣроятно, такую группу французскихъ заговорщиковъ сороковыхъ годовъ, для которой значеніе политической агитаціи въ рабочихъ массахъ, значеніе рабочихъ газетъ, какъ основы воздѣйствія на классъ со стороны партіи, являлось бы давно заученной и разученной азбукой.

Стремленіе новой „Искры“ подъ видомъ новыхъ словъ твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ оказались Аксельродъ и Мартовъ, попавшіе въ оппортунистическое крыло нашей партіи. Положеніе обязываетъ. Приходится повторять оппортунистическія фразы, приходится *пятиться назадъ*, чтобы въ *далекомъ прошломъ* попытаться найти хоть какое-нибудь оправданіе своей позиціи, незащитимой съ точки зрѣнія съѣздовской борьбы и сложившихся на съѣздѣ оттѣнковъ и дѣленій партіи. Къ акимовскому глубокомыслію насчетъ якобинства и бланкизма товарищъ Аксельродъ присоединяетъ акимовскія же сѣтованія насчетъ того, что не только „экономисты“, но и „политики“ были „односторонни“, черезчуръ „увлекались“ и пр., и пр. Читая выспреннія разсужденія на эту тему въ новой „Искрѣ“, чванливо претендующей на то, что она стоитъ выше всѣхъ этихъ односторонностей и увлеченій, съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: съ кого они портреты пишутъ? гдѣ разговоры эти слышатъ? Да кто же не знаетъ, что дѣленіе русскихъ соціалдемократовъ на экономистовъ и политиковъ ужъ давно отжило свой вѣкъ? Пересмотрите „Искру“ за послѣдніе годъ-два передъ съѣздомъ партіи, и вы увидите, что борьба съ „экономизмомъ“ стихаетъ и прекращается совершенно еще въ 1902 году, вы увидите, что, напримѣръ, въ іюлѣ 1903 года (№ 43) о „временахъ экономизма“ говорятъ, какъ объ „окончательно пережитыхъ“, экономизмъ считаютъ „окончательно похороненнымъ“, увлеченія политиковъ разсматриваютъ какъ очевидный атавизмъ. Съ какой же стати новая редакція „Искры“ возвращается къ этому окончательно похороненному дѣленію? Неужели мы боролись на съѣздѣ съ Акимовыми за тѣ ошибки, которыя они дѣлали два года тому назадъ въ „Рабочемъ Дѣлѣ“? Если бы мы поступали такъ, то мы были бы круглыми идіотами. Но всякій знаетъ, что мы поступали не такъ, что мы боролись съ Акимовыми на съѣздѣ не за ихъ старыя, окончательно похороненныя ошибки „Рабоч. Дѣла“, а за тѣ *новыя ошибки*, которыя они дѣлали въ своихъ разсужденіяхъ и въ своихъ голосованіяхъ на съѣздѣ. Не по ихъ позиціи въ „Рабочемъ Дѣлѣ“, а по ихъ позиціи на съѣздѣ судили мы о томъ, какія ошибки дѣйствительно пережиты и какія еще живутъ и вызываютъ необходимость споровъ. Ко времени съѣзда не существовало уже стараго дѣленія на экономистовъ и политиковъ, но продожали еще существовать разнообразныя оппор-

тунистическія тенденціи, которыя выразились въ преніяхъ и голосованіяхъ по ряду вопросовъ и которыя привели, въ концѣ концовъ, къ новому дѣленію партіи на „большинство“ и „меньшинство“. Вся суть въ томъ, что новая редакція „Искры“ стремится, въ силу легко понятныхъ причинъ, затушевать связь этого новаго дѣленія съ *современнымъ* оппортунизмомъ въ нашей партіи, и что она поэтому вынуждена пятиться назадъ отъ новаго дѣленія къ старому. Неумѣнье объяснить политическое происхожденіе новаго дѣленія (или желаніе, во имя уступчивости, набросить флеръ*) на это происхожденіе) заставляетъ пережевывать жвачку относительно давно отжитаго стараго дѣленія. Всѣмъ и каждому извѣстно, что въ основѣ новаго дѣленія лежитъ расхожденіе по вопросамъ *организаціоннымъ*, начавшееся споромъ о принципахъ организаціи (§ 1 устава) и закончившееся „практикой“, достойной анархистовъ. Въ основѣ стараго дѣленія на экономистовъ и политиковъ лежало расхожденіе по вопросамъ, главнымъ образомъ, *тактическимъ*.

Это отступленіе отъ болѣе сложныхъ, дѣйствительно современныхъ и насущныхъ вопросовъ партійной жизни къ вопросамъ, давно рѣшеннымъ и выкапываемымъ искусственно, новая „Искра“ старается оправдать забавнымъ глубокомысліемъ, которое нельзя назвать иначе, какъ хвостизмомъ. Съ легкой руки тов. Аксельрода черезъ всѣ писанія новой „Искры“ красной нитью проходитъ та глубокая „мысль“, что содержаніе важнѣе формы, программа и тактика важнѣе организаціи, что „жизнеспособность организаціи прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе“, что централизмъ не есть „нѣчто самодовлѣющее“, не есть „талисманъ всеспасающій“ и пр.. и пр. Глубокія, великія истины! Программа, дѣйствительно, важнѣе тактики, тактика важнѣе организаціи. Азбука важнѣе этимологіи, этимологія важнѣе синтаксиса,—но что сказать о людяхъ, которые срѣзались на экзаменѣ по синтаксису и теперь важничаютъ и хвастаются тѣмъ, что они остались на второй годъ въ низшемъ классѣ. Тов. Аксельродъ разсуждалъ о принципіальныхъ вопросахъ организаціи, какъ оппортунистъ (§ 1), а дѣйствовалъ въ организаціи, какъ анархистъ,—и теперь онъ углубляетъ соціалдемократію: зеленъ виноградъ! Собственно, что такое организація? вѣдь это лишь форма; что такое централизмъ? вѣдь это не талисманъ; что такое синтаксисъ? вѣдь это менѣе важно, чѣмъ этимологія, это лишь форма соединенія элементовъ этимологіи... „Не согласится ли съ нами тов. Алексан-

---

*) См. статью Плеханова объ «экономизмѣ» въ № 54 «Искры». Въ подзаголовкѣ этой статьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вмѣсто: «мысли вслухъ по поводу второго съѣзда партіи» надо, очевидно, читать: «по поводу съѣзда *Лиги*» или, пожалуй, «по поводу *кооптаціи*». Насколько умѣстна, при извѣстныхъ условіяхъ, уступчивость насчетъ личныхъ претензій, настолько недопустимо (съ партійной, а не обывательской точки зрѣнія) смѣшеніе волнующихъ партію вопросовъ, подмѣнъ вопроса о новой ошибкѣ Мартова и Аксельрода, начавшихъ поворачивать отъ ортодоксія къ оппортунизму,—вопросомъ о старой (никѣмъ, кромѣ новой «Искры», не вспоминаемой теперь) ошибкѣ Мартыновыхъ и Акимовыхъ, готовыхъ, можетъ быть, нынѣ повернуть во многихъ вопросахъ программы и тактики отъ оппортунизма къ ортодоксіи.

дровъ,—побѣдоносно вопрошаетъ новая редакція „Искры“,—если мы скажемъ, что выработкой партійной программы съѣздъ гораздо болѣе содѣйствовалъ централизаціи партійной работы, чѣмъ принятіемъ устава, сколь совершеннымъ ни казался бы этотъ послѣдній? (№ 56, прил.). Надо надѣяться, что это классическое изрѣченіе получитъ не менѣе широкую и не менѣе прочную историческую извѣстность, чѣмъ знаменитая фраза тов. Кричевскаго о томъ, что соціалдемократія, подобно человѣчеству, всегда ставитъ себѣ осуществимыя задачи. Вѣдь это глубокомысліе новой „Искры“ совершенно такого же пошиба. За что осмѣивали фразу т. Кричевскаго? За то, что онъ оправдывалъ ошибку извѣстной части соціалдемократовъ въ вопросахъ тактики, неумѣнье правильно поставить политическія задачи,—пошлостью, выдаваемой за философію. Точь въ точь такъ же и новая „Искра“ оправдываетъ ошибку извѣстной части соціалдемократовъ въ вопросахъ организаціи, интеллигентскую неустойчивость извѣстныхъ товарищей, доведшую ихъ до анархической фразы,— пошлостью, что-де программа важнѣе устава, что программные вопросы важнѣе организаціонныхъ! Ну, развѣ это не хвостизмъ? Развѣ это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй годъ въ низшемъ классѣ?

Принятіе программы болѣе содѣйствуетъ централизаціи работы, чѣмъ принятіе устава. Какъ пахнетъ эта пошлость, выдаваемая за философію, духомъ радикальнаго интеллигента, гораздо болѣе близкаго къ буржуазному декадентству, чѣмъ къ соціалдемократизму! Вѣдь слово централизація въ этой знаменитой фразѣ понимается въ смыслѣ совсѣмъ уже *символическомъ*. Если авторы этой фразы не умѣютъ или не хотятъ думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мѣрѣ, тотъ простой фактъ, что принятіе программы вмѣстѣ съ бундовцами не только не привело къ централизаціи нашей общей работы, а и не предохранило насъ отъ раскола. Единство въ вопросахъ программы и вопросахъ тактики есть необходимое, но еще недостаточное условіе партійнаго объединенія, централизаціи партійной работы (господи, боже мой! какую азбуку приходится, по нынѣшнимъ временамъ, когда всѣ понятія спутались, разжевывать!). Для этого послѣдняго необходимо еще единство организаціи, немыслимое, въ сколько-нибудь выросшей изъ рамокъ семейнаго кружка партіи, безъ оформленнаго устава, безъ подчиненія меньшинства большинству, безъ подчиненія части цѣлому. Пока у насъ не было единства въ основныхъ вопросахъ программы и тактики, мы прямо и говорили, что живемъ въ эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявили, что прежде, чѣмъ объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формахъ совмѣстной организаціи, а толковали исключительно о новыхъ (тогда дѣйствительно новыхъ) вопросахъ программной и тактической борьбы съ оппортунизмомъ. Теперь эта борьба, по общему нашему признанію, обезпечила уже достаточное единство, формулированное въ партійной программѣ и въ партійныхъ резолюціяхъ о тактикѣ; теперь намъ надо сдѣлать слѣдующій шагъ, и мы его, по общему

нашему согласію, сдѣлали: выработали *формы* единой, сливающей всѣ кружки воедино организаціи. Насъ оттащили къ анархическому поведенію, къ анархической фразѣ, къ возстановленію кружка вмѣсто партійной редакціи, и теперь оправдываютъ этотъ шагъ назадъ тѣмъ, что азбука болѣе содѣйствуетъ грамотной рѣчи, чѣмъ знаніе синтаксиса!

Философія хвостизма, процвѣтавшая три года тому назадъ въ вопросахъ тактики, воскресаетъ теперь въ примѣненіи къ вопросамъ организаціи. Возьмите такое разсужденіе новой редакціи. „Боевое соціалдемократическое направленіе — говоритъ тов. Александровъ—въ партіи должно проводиться не одной идейной борьбой, но и опредѣленными формами организаціи". Редакція поучаетъ насъ: „Недурно это сопоставленіе идейной борьбы и формъ организаціи. Идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи—только... формы (ей-богу, такъ и напечатано въ № 56, приложеніе, стр. 4, столб. 1, внизу), долженствующія облекать текучее, развивающееся содержаніе — развивающуюся практическую работу партіи". Это уже совершенно въ духѣ анекдота о томъ, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи только формы, облекающія седержаніе! Вопросъ идетъ о томъ, будетъ ли наша идейная борьба облекаться формами *болѣе высокими*, формами обязательной для всѣхъ партійной организаціи, или формами стараго разброда и старой кружковщины. Насъ оттащили назадъ отъ болѣе высокихъ формъ къ болѣе примитивнымъ формамъ и оправдываютъ это тѣмъ, что идейная борьба есть процессъ, а формы—это только формы. Точь въ точь такъ же тов. Кричевскій во времена оны тащилъ насъ назадъ отъ тактики-плана къ тактикѣ-процессу.

Возьмите эти претенціозныя фразы новой „Искры" о „самовоспитаніи пролетаріата", противопоставляемыя тѣмъ, кто, якобы из-за формы, способенъ проглядѣть содержаніе (№ 58, передовая). Развѣ это не акимовщина номеръ второй? Акимовщина номеръ первый оправдывала отсталость нѣкоторой части соціалдемократической интеллигенціи въ постановкѣ тактическихъ задачъ ссылками на болѣе „глубокое" содержаніе „пролетарской борьбы", ссылками на самовоспитаніе пролетаріата. Акимовщина номеръ второй оправдываетъ отсталость нѣкоторой части соціалдемократической интеллигенціи въ вопросахъ теоріи и практики организаціи такими же глубокомысленными ссылками на то, что организація есть лишь форма, и что вся суть въ самовоспитаніи пролетаріата. Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины, господа, пекущіеся о меньшемъ братѣ! Пролетаріатъ не станетъ пещись о томъ, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающіе войти въ организацію, признавались членами партіи за работу подъ контролемъ организаціи. Пролетаріатъ воспитывается къ организаціи всей своей жизнью гораздо радикальнѣе, чѣмъ многіе интеллигентики. Пролетаріатъ, сколько-нибудь сознавшій нашу программу и нашу тактику, не станетъ оправдывать отсталость въ организаціи ссылками на то, что форма менѣе важна, чѣмъ

содержаніе. Не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи не достаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины, въ духѣ вражды и презрѣнія къ анархической фразѣ. Акимовы номеръ второй такъ же клевещутъ на пролетаріатъ по вопросу о неподготовленности къ организаціи, какъ клеветали на него Акимовы номеръ первый по вопросу о неподготовленности къ политической борьбѣ. Пролетарій, ставшій сознательнымъ соціалдемократомъ и почувствовавшій себя членомъ партіи, съ такимъ же презрѣніемъ отвергнетъ хвостизмъ въ организац о нныхъ вопросахъ, съ какимъ онъ отвергъ хвостизмъ въ вопросахъ тактики.

Возьмите, накопецъ, глубокомысліе „Практика" новой „Искры". „Настоящимъ образомъ понятая идея „боевой" централистической организаціи,— говоритъ онъ, объединяющей и централизирующей *дѣятельность* (углубляющій курсивъ) революціонеровъ, естественно претворяется въ жизнь лишь при наличности этой дѣятельности (и ново и умно); сама организація, какъ форма (слушайте, слушайте!), можетъ выростать лишь *одновременно* (курсивъ автора, какъ и вездѣ въ этой цитатѣ) съ ростомъ революціонной работы, составляющей ея содержаніе" (№ 57). Не напоминаетъ ли это паки и паки того героя народнаго эпоса, который при видѣ похоронной процессіи кричалъ: таскать вамъ, не перетаскать? Навѣрное, въ нашей партіи не найдется ни одного практика (безъ кавычекъ), который бы не понималъ, что именно форма нашей дѣятельности (т.-е. организація) давнымъ давно отстаетъ, и отчаянно отстаетъ, отъ содержанія, что крики по адресу отстающихъ людей: идите въ ногу! не опережайте! достойны однихъ только партійныхъ Иванушекъ. Попробуйте сравнить хотя бы, напримѣръ, нашу партію съ Бундомъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *содержаніе* *) работы нашей партіи неизмѣримо богаче, разностороннѣе, шире и глубже, чѣмъ у Бунда. Крупнѣе теоретическій размахъ, развитѣе программа, шире и глубже воздѣйствіе на рабочія массы (а не на однихъ только организованныхъ ремесленниковъ), разностороннѣе пропаганда и агитація, живѣе пульсъ политической работы у передовиковъ и рядовыхъ, величественнѣе *народныя* движенія при демонстраціяхъ и всеобщихъ стачкахъ, энергичнѣе дѣятельность среди непролетарскихъ слоевъ. А „форма"? „Форма" нашей работы отстала, по сравненію съ бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колетъ глаза, вызываетъ краску стыда у всякаго, кто не смотритъ на дѣла своей партіи „ковыряя въ носу". Отсталость организаціи работы по сравненію съ ея содржаніемъ — наше больное мѣсто, и она была больнымъ мѣстомъ еще задолго до съѣзда, задолго до образованія О. К. Неразвитость и непрочность формы не даетъ возможности сдѣлать дальнѣйшіе серьезные шаги въ развитіи содержанія, вызываетъ

---

*) Я уже не говорю о томъ, что *содержаніе* нашей партійной работы намѣчено (въ программѣ и пр.) на съѣздѣ въ духѣ революціонной соціалдемократіи лишь *цѣной борьбы*, борьбы съ тѣми самыми анти-искровцами и тѣмъ самымъ болотомъ, представители котораго численно преобладаютъ въ нашемъ «меньшинствѣ».

постыдный застой, ведетъ къ расхищенію силъ, къ несоотвѣтствію между словомъ и дѣломъ. Всѣ изстрадались отъ этого несоотвѣтствія,—а тутъ являются Аксельроды и „Практики“ новой „Искры“ съ глубомысленной проповѣдью: форма должна естественно выростать лишь одновременно съ содержаніемъ!

Вотъ куда приводитъ маленькая ошибка по организаціонному вопросу (§ 1), если вы вздумаете *углублять* вздоръ и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ!—мы слышали этотъ мотивъ въ примѣненіи къ вопросамъ тактики; мы слышимъ его теперь въ примѣненіи къ вопросамъ организаціи. *Хвостизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ* представляетъ собой естественный и неизбѣжный продуктъ психологіи *анархическаго индивидуалиста*, когда этотъ послѣдній начинаетъ возводить въ *систему воззрѣній*, въ особыя *принципіальныя разногласія* свои (въ началѣ, можетъ быть, случайныя) анархическія уклоненія. На съѣздѣ Лиги мы видѣли начало этого анархизма, въ новой „Искрѣ“ мы видимъ попытки возведенія его въ систему воззрѣній. Попытки эти замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ социалдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ“ новой „Искры“, съ глубокомысліемъ котораго мы уже познакомились, изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ „какъ огромная фабрика“, съ директоромъ, въ видѣ Ц. К., во главѣ ея (№ 57, прилож.). „Практикъ“ и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организацій. Именно фабрика, которая кажется иному однимъ только пугаломъ, и представляетъ собой ту высшую форму капиталистической кооперацiи, которая объединила, дисциплинировала пролетаріатъ, научила его организаціи, поставила его во главѣ всѣхъ остальныхъ слоевъ трудящагося и эксплоатируемаго населенія. Именно марксизмъ, какъ идеологія обученнаго капитализмомъ пролетаріата, училъ и учитъ неустойчивыхъ интеллигентовъ различію между эксплоататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхѣ голодной смерти) и ея организующей стороной (дисциплина, основанная на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитаго технически производства). Дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ именно благодаря этой фабричной „школѣ“. Смертельная боязнь передъ этой школой, полное непониманіе ея организующаго значенія характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія, порождающихъ тотъ видъ анархизма, который нѣмецкіе социалдемократы называютъ Edelanarchismus, т.-е. анархизмъ „благороднаго“ господина, барскій анархизмъ, какъ я бы сказалъ. Русскому нигилисту этотъ барскій анархизмъ особенно свойственъ. Партійная организація кажется ему чудовищной

„фабрикой", подчиненіе части цѣлому и меньшинства большинству представляется ему „закрѣпощеніемъ" (см. фельетоны Аксельрода), раздѣленіе труда подъ руководствомъ центра вызываетъ съ его стороны трагикомическіе вопли противъ превращенія людей въ „колесики и винтики" (причемъ особенно убійственнымъ видомъ этого превращенія считается превращеніе редакторовъ въ сотрудниковъ), упоминаніе объ организаціонномъ уставѣ партіи вызываетъ презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу „формалистовъ") замѣчаніе, что можно бы и вовсе безъ устава.

Это невѣроятно, но это—фактъ: именно такое назидательное замѣчаніе дѣлаетъ мнѣ тов. Мартовъ въ № 58 „Искры", ссылаясь, для вящшей убѣдительности, на мои же собственныя слова изъ „Письма къ товарищу". Ну развѣ это не „барскій анархизмъ", развѣ это не хвостизмъ, когда примѣрами изъ эпохи разброда, эпохи кружковъ *оправдываютъ* сохраненіе и прославленіе кружковщины и анархіи въ эпоху партійности?

Почему не нужны намъ были раньше уставы? Потому что партія состояла изъ отдѣльныхъ кружковъ, не связанныхъ вмѣстѣ никакой организаціонной связью. Переходъ изъ кружка въ кружокъ было дѣломъ одной только „доброй воли" того или другого индивидуума, не имѣвшаго передъ собой никакого оформленнаго выраженія воли цѣлаго. Спорные вопросы внутри кружковъ рѣшались не по уставу, „*а борьбой и угрозой уйти*": такъ выразился я въ „Письмѣ къ товарищу", основываясь на опытѣ ряда кружковъ вообще и, въ частности, нашей собственной редакціонной шестерки. Въ эпоху кружковъ такое явленіе было естественно и неизбѣжно, но никому не приходило въ голову восхвалять его, считать идеаломъ, всѣ жаловались на этотъ разбродъ, всѣ тяготились имъ и жаждали сліянія разрозненныхъ кружковъ въ оформленную партійную организацію. И теперь, когда это сліяніе состоялось, насъ тащатъ назадъ, насъ угощаютъ—подъ видомъ высшихъ организаціонныхъ взглядовъ—анархической фразой! Людямъ, привыкшимъ къ свободному халату и туфлямъ семейно-кружковской обломовщины, формальный уставъ кажется и узкимъ, и тѣснымъ, и обременительнымъ, и низменнымъ, и бюрократическимъ, и крѣпостническимъ, и стѣснительнымъ для свободнаго „процесса" идейной борьбы. Барскій анархизмъ не понимаетъ, что формальный уставъ необходимъ именно для замѣны узкихъ кружковыхъ связей широкой партійной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на пріятельствѣ или на безотчетномъ, немотивированномъ „довѣріи". Связь партійная не можетъ и не должна держаться ни на томъ, ни на другомъ,—ее необходимо базировать именно на *формальномъ*, „бюрократически" (съ точки зрѣнія распущеннаго интеллигента) редижированномъ уставѣ, строгое соблюденіе котораго одно лишь гарантируетъ насъ отъ кружкового самодурства, отъ кружковыхъ капризовъ, отъ кружковыхъ пріемовъ свалки, называемой свободнымъ „процессомъ" идейной борьбы.

Редакція новой „Искры“ козыряетъ противъ Александрова назидательнымъ указаніемъ на то, что „довѣріе—вещь деликатная, которую никакъ нельзя вколотить въ сердца и головы“ (№ 56, прилож.). Редакція не понимаетъ, что именно это выдвиганіе категоріи довѣрія, *голаго* довѣрія, выдаетъ еще и еще разъ съ головой ея барскій анархизмъ и организаціонный хвостизмъ. Когда я былъ членомъ только кружка, редакціонной ли шестерки или организаціи „Искры“, я имѣлъ право сослаться въ оправданіе, скажемъ, своего нежеланія работать съ Иксомъ на одно лишь недовѣріе, безотчетное и немотивированное. Когда я сталъ членомъ партіи, я *не имѣю права* ссылаться только на неоформленное недовѣріе, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякаго самодурства старой кружковщины: я *обязанъ* мотивировать свое „довѣріе“ или „недовѣріе“ формальнымъ доводомъ, т.-е. ссылкой на то или иное формально установленное положеніе нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязанъ не ограничиваться безотчетнымъ „довѣряю“ или „не довѣряю“, а признать *подотчетность* своихъ рѣшеній и всѣхъ вообще рѣшеній всякой части партіи передъ всей партіей; я обязанъ слѣдовать *формально предписанному* пути для выраженія своего „недовѣрія“, для проведенія тѣхъ взглядовъ и тѣхъ желаній, которыя вытекаютъ изъ этого недовѣрія. Мы поднялись уже отъ *кружковой* точки зрѣнія безотчетнаго „довѣряя“ до *партійной* точки зрѣнія, требующей соблюденія подотчетныхъ и формально предписанныхъ способовъ выраженія и *провѣрки* довѣрія, а редакція тащитъ насъ назадъ и называетъ свой хвостизмъ новыми организаціонными взглядами!

Посмотрите, какъ разсуждаетъ наша такъ называемая партійная редакція о литературныхъ группахъ, которыя могли бы потребовать себѣ представительства въ редакціи. „Мы не возмутимся, не начнемъ кричать о дисциплинѣ“—поучаютъ насъ барскіе анархисты, которые всегда и вездѣ сверху внизъ смотрѣли на какую-то тамъ дисциплину. Мы-де либо „столкуемся“ (sic), съ группой, буде она дѣльная, либо посмѣемся надъ ея требованіями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступаетъ здѣсь противъ вульгарно-„фабричнаго“ формализма! А на самомъ дѣлѣ — передъ нами подновленная фразеологія кружковщины, преподносимая партіи редакціей, которая чувствуетъ, что она представляетъ изъ себя не партійное учрежденіе, а обломокъ стараго кружка. Внутренняя фальшь этой позиціи неизбѣжно приводитъ къ *анархическому* глубокомыслію, возводящему въ *принципъ* соціалдемократической организаціи тотъ разбродъ, который на словахъ фарисейски объявляется уже пережитымъ. Не нужно никакой іерархіи низшихъ и высшихъ партійныхъ коллегій и инстанцій,— барскому анархизму такая іерархія кажется канцелярскимъ измышленіемъ вѣдомствъ, департаментовъ и прочее (см. фельетонъ Аксельрода),—не нужно никакого подчиненія части цѣлому, не нужно никакого „формально-бюрократическаго“ опредѣленія *партійныхъ* способовъ „столковываться“ или раз-

межовываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерствомъ объ „истинно-социалдемократическихъ" прiемахъ организацiи.

Вотъ гдѣ прошедшiй школу „фабрики" пролетарiй можетъ и долженъ дать урокъ анархическому индивидуализму. Сознательный рабочiй давно уже вышелъ изъ тѣхъ пеленокъ, когда онъ чурался интеллигента, какъ такового. Сознательный рабочiй умѣетъ цѣнить тотъ болѣе богатый запасъ знанiй, тотъ болѣе широкiй политическiй кругозоръ, который онъ находитъ у социалдемократовъ-интеллигентовъ. Но по мѣрѣ того, какъ складывается у насъ *настоящая* партiя, сознательный рабочiй долженъ научиться отличать психологiю воина пролетарской армiи отъ психологiи буржуазнаго интеллигента, щеголяющаго анархической фразой, долженъ научиться *требовать* исполненiя обязанностей члена партiи не только отъ рядовыхъ, но и отъ „людей верха", долженъ научиться встрѣчать такимъ же презрѣнiемъ хвостизмъ въ вопросахъ организацiонныхъ, какимъ награждалъ онъ во времена оны хвостизмъ въ вопросахъ тактики!

Въ неразрывной связи съ жирондизмомъ и барскимъ анархизмомъ стоитъ послѣдняя характерная особенность позицiи новой „Искры" въ организацiонныхъ вопросахъ: это—защита *автономизма* противъ централизма. Именно такой принципiальный смыслъ имѣютъ (если имѣютъ) вопли о бюрократизмѣ и о самодержавiи, сожалѣнiе о „незаслуженномъ невниманiи къ неискровцамъ" (защищавшимъ автономизмъ на съѣздѣ), комичные крики о требованiи „безпрекословнаго повиновенiя", горькiя жалобы на „помпадурство" и проч., и т. д., и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партiи всегда отстаиваетъ и оправдываетъ всякую отсталость и программную, и тактическую, и организацiонную. Защита организацiонной отсталости (хвостизмъ) новой „Искры" тѣсно связана съ защитой *автономизма*. Правда, автономизмъ настолько уже дискредитированъ, вообще говоря, трехлѣтней проповѣдью старой „Искры", что открыто высказываться за него новой „Искрѣ" *еще* стыдно; она еще увѣряетъ насъ въ своихъ симпатiяхъ къ централизму, но доказывается это только тѣмъ, что слово централизмъ пишется курсивомъ. На дѣлѣ самое легкое прикосновенiе критики къ „принципамъ" „истинно-социалдемократическаго" (а не анархическаго?) quasi-централизма новой „Искры" изобличаетъ на каждомъ шагу точку зрѣнiя автономизма. Развѣ не ясно теперь всѣмъ и каждому, что Аксельродъ и Мартовъ повернули въ организацiонныхъ вопросахъ къ Акимову? Развѣ не признали они этого торжественно сами въ знаменательныхъ словахъ о „незаслуженномъ невниманiи къ неискровцамъ"? И развѣ не автономизмъ защищали на нашемъ партiйномъ съѣздѣ Акимовъ и его друзья?

Именно автономизмъ (если не анархизмъ) защищали Мартовъ и Аксельродъ на съѣздѣ Лиги, когда они съ забавнымъ усердiемъ доказывали, что часть не должна подчиняться цѣлому, что часть автономна въ опредѣленiи своихъ отношенiй къ цѣлому, что уставъ заграничной Лиги, формулирующiй эти отно-

шенія, дѣйствителенъ вопреки волѣ большинства партіи, вопреки волѣ партійнаго центра. Именно автономизмъ защищаетъ теперь тов. Мартовъ открыто и на страницахъ новой „Искры" (№ 60) по вопросу о введеніи членовъ въ мѣстные комитеты Центральнымъ Комитетомъ. Я не буду говорить о тѣхъ дѣтскихъ софизмахъ, которыми защищалъ автономизмъ тов. Мартовъ на съѣздѣ Лиги и защищаетъ въ новой „Искрѣ",—мнѣ важно здѣсь отмѣтить несомнѣнную тенденцію *защищать автономизмъ противъ централизма*, какъ принципіальную черту, свойственную оппортунизму въ организаціонныхъ вопросахъ.

Едва ли не единственной попыткой *анализа* понятія бюрократизма является противоположеніе въ новой „Искрѣ" (№ 53) „формально- *демократическаго* начала" (курсивъ автора) „формально-*бюрократическому*". Это противоположеніе (къ сожалѣнію, столь же не развитое и не разъясненное, какъ и указаніе на неискровцевъ) содержитъ въ себѣ зерно истины. Бюрократизмъ versus *) демократизмъ, это и есть централизмъ versus автономизмъ, это и есть организаціонный принципъ революціонной соціалдемократіи по отношенію къ организаціонному принципу оппортунистовъ соціалдемократіи. Послѣдній стремится идти снизу вверхъ и потому отстаиваетъ вездѣ, гдѣ можно и насколько можно, автономизмъ, „демократизмъ", доходящій (у тѣхъ, кто усердствуетъ не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширеніе правъ и полномочій центра по отношенію къ части. Въ эпоху разброда и кружковщины этимъ верхомъ, отъ котораго стремилась организаціонно исходить революціонная соціалдемократія, былъ неизбѣжно одинъ изъ кружковъ, наиболѣе вліятельный въ силу своей дѣятельности и своей революціонной послѣдовательности (въ нашемъ случаѣ—организація „Искры"). Въ эпоху возстановленія фактическаго единства партіи и распущенія въ этомъ единствѣ устарѣлыхъ кружковъ такимъ верхомъ неизбѣжно является *партійный съѣздъ*, какъ верховный органъ партіи; съѣздъ соединяетъ по возможности всѣхъ представителей активныхъ организацій и, назначая центральныя учрежденія (нерѣдко въ такомъ составѣ, который болѣе удовлетворяетъ передовые, чѣмъ отсталые элементы партіи, болѣе нравится революціонному, чѣмъ оппортунистическому крылу ея), дѣлаетъ ихъ верхомъ впредь до слѣдующаго съѣзда. Такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, у европейцевъ соціалдемократіи, хотя мало-по-малу, не безъ труда, не безъ борьбы и не безъ дрязгъ, этотъ принципіально ненавистный анархистамъ обычай начинаетъ распространяться и на азіатовъ соціалдемократіи.

Въ высшей степени интересно отмѣтить, что указанныя мной принципіальныя черты оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ (автономизмъ, барскій или интеллигентскій анархизмъ, хвостизмъ и жирондизмъ) наблюдаются mutatis mutandis (съ соотвѣтствующими измѣненіями) во всѣхъ соціалдемократическихъ

*) Versus — по отношенію къ.

партіяхъ всего міра, гдѣ только есть дѣленіе на революціонное и оппортунистическое крыло (а гдѣ его нѣтъ?). Особенно рельефно выступило это на свѣтъ божій именно въ самое послѣднее время въ германской социалдемократической партіи, когда пораженіе на выборахъ въ 20-мъ саксонскомъ избирательномъ округѣ (такъ назыв. инцидентъ Гёрэ *) поставило на очередь дня *принципы* партійной организаціи. Возбужденію принципіальнаго вопроса по поводу указаннаго инцидента особенно содѣйствовало усердіе нѣмецкихъ оппортунистовъ. Герэ (бывшій пасторъ, авторъ небезызвѣстной книги: „Drei Monate Fabrikarbeiter" и одинъ изъ „героевъ" Дрезденскаго съѣзда)—самый ярый оппортунистъ, и органъ послѣдовательныхъ нѣмецкихъ оппортунистовъ „Socialistische Monatshefte" (Соціалистическій Ежемѣсячникъ) сейчасъ же „заступился" за него.

Оппортунизмъ въ программѣ естественно связанъ съ оппортунизмомъ въ тактикѣ и съ оппортунизмомъ въ вопросахъ организаціонныхъ. Излагать „новую" точку зрѣнія взялся тов. Вольфгангъ Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физіономію этого типичнаго интеллигента, примкнувшаго къ соціалдемократіи и принесшаго съ собой оппортунистическіе навыки мысли, достаточно будетъ сказать, что тов. Вольфгангъ Гейне, это — немножко меньше, чѣмъ нѣмецкій тов. Акимовъ, и немножечко больше, чѣмъ нѣмецкій тов. Егоровъ.

Товарищъ Вольфгангъ Гейне пошелъ въ походъ въ „Соціалистическомъ Ежемѣсячникѣ" съ неменьшей помпой, чѣмъ тов. Аксельродъ въ новой „Искрѣ". Чего стоитъ одно ужъ заглавіе статьи: „Демократическія замѣтки по поводу инцидента Гёрэ (№ 4, апрѣль, „Soc. Monatshefte"). И содержаніе — не менѣе громовое. Тов. В. Гейне возстаетъ противъ „посягательствъ на автономію избирательнаго округа", отстаиваетъ „демократическій принципъ", протестуетъ противъ вмѣшательства „назначеннаго начальства" (т.-е. центральнаго правленія партіи) въ свободный выборъ делегатовъ народомъ. Дѣло тутъ не въ случайномъ инцидентѣ, поучаетъ насъ тов. В. Гейне, а въ общей *„тенденціи къ бюрократизму и централизму въ партіи"*, тенденціи, которая замѣчалась-де и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо „принципіально признать, что мѣстныя учрежденія партіи являются носителями ея жизни"... (плагіатъ изъ брошюры тов. Мартова: „Еще разъ въ меньшинствѣ")"... Не слѣдуетъ „привыкать къ тому, чтобы всѣ важныя политическія рѣшенія исходили изъ одного центра",—надо предостерегать партію отъ „доктринерской политики, теряющей связь съ жизнью" (позаимствовано изъ рѣчи тов. Мартова на съѣздѣ партіи о томъ, что

*) Гёрэ былъ выбранъ въ рейхстагъ 16 іюня 1903 года въ 15-мъ саксонскомъ округѣ, но послѣ Дрезденскаго съѣзда сложилъ съ себя мандатъ; избиратели 20-го округа, ставшаго вакантнымъ послѣ смерти Розенова, хотѣли предложить кандидатуру снова Гёрэ. Центральное правленіе партіи и саксонскій центральный агитаціонный комитетъ возстали противъ этого и, не имѣя права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Гёрэ отказался отъ кандидатуры. При выборахъ соціалдемократы потерпѣли пораженіе.

„жизнь возьметъ свое“)... „Если смотрѣть въ корень вещей,— углубляетъ свою аргументацію тов. В. Гейне,—если отвлечься отъ личныхъ столкновеній, которыя и здѣсь, какъ и всегда, играли не малую роль, то мы увидимъ въ этомъ ожесточеніи противъ *ревизіонистовъ* (курсивъ автора, намекающаго, надо думать, на различіе понятій: борьба съ ревизіонизмомъ и борьба съ ревизіонистами) главнымъ образомъ недовѣріе офиціальныхъ лицъ въ партіи противъ „*посторонняго элемента*“ (В. Гейне, видимо, не читалъ еще брошюры о борьбѣ съ осаднымъ положеніемъ, и потому прибѣгаетъ къ англицизму: Outsidertum), „недовѣріе традиціи къ тому, что необычно,—безличнаго учрежденія къ тому, что индивидуально, однимъ словомъ, ту же самую тенденцію, которую мы уже охарактеризовали выше, какъ тенденцію къ бюрократизму и централизму въ партіи“.

Понятіе „дисциплины“ внушаетъ тов. В. Гейне не менѣе благородное негодованіе, чѣмъ тов. Аксельроду... „Ревизіонистовъ,—пишетъ онъ,—упрекали въ недостаткѣ дисциплины за то, что они писали въ „Соц. Ежемѣсячникѣ“—органѣ, который не хотѣли даже признавать социалдемократическимъ, ибо онъ не стоитъ *подъ контролемъ партіи.* Одна уже эта попытка суженія понятія: „социалдемократическій“, одно уже это требованіе *дисциплины* въ области идейнаго производства, гдѣ должна господствовать безусловная свобода (вспомните: идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи—только формы), свидѣтельствуетъ о тенденціи къ бюрократизму и къ подавленію индивидуальности“. И долго еще, долго громитъ В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцію создать „*одну* всеохватывающую большую организацію, возможно болѣе централизованную, *одну* тактику, *одну* теорію“, громитъ требованіе „безусловнѣйшаго повиновенія“, „слѣпого подчиненія“, громитъ „упрощенный централизмъ“ и т. д., и т. п., буквально „по Аксельроду“.

Поднятый В. Гейне споръ разгорѣлся, и, такъ какъ въ нѣмецкой партіи никакія дрязги изъ-за кооптаціи не засоряли его, такъ какъ нѣмецкіе Акимовы выясняютъ свою физіономію не только на съѣздахъ, а постоянно въ особомъ органѣ, то споръ быстро свелся къ анализу принципіальныхъ тенденцій ортодоксіи и ревизіонизма въ организаціонномъ вопросѣ. Однимъ изъ представителей революціоннаго направленія (обвиняемаго, разумѣется, какъ и у насъ, въ „диктаторствѣ“, „инквизиторствѣ“ и прочихъ страшныхъ вещахъ) выступилъ К. Каутскій („Neue Zeit“., 1904, № 28, статья „Wahlkreis und Partei“—„Избирательный округъ и партія“). „Статья В. Гейне,—заявляетъ онъ,—показываетъ ходъ мысли всего ревизіонистскаго направленія“. Не въ одной только Германіи, а и во Франціи, и въ Италіи оппортунисты горой стоятъ за автономизмъ, за ослабленіе партійной дисциплины, за сведеніе ея къ нулю, вездѣ ихъ тенденціи приводятъ къ *дезорганизаціи*, къ извращенію „демократическаго принципа“ въ *анархизмъ*. „Демократія не есть отсутствіе власти,—поучаетъ К. Каутскій оппортунистовъ въ организаціонномъ вопросѣ,—демократія не есть анархія, она есть господство массы надъ ея уполномочен-

ными, въ отличіе отъ другихъ формъ власти, когда мнимые слуги народа въ дѣйствительности являются его владыками". К. Каутскій прослѣживаетъ подробно дезорганизаторскую роль оппортунистическаго автономизма въ разныхъ странахъ, показываетъ, что именно присоединеніе къ социалдемократіи „*массы буржуазныхъ элементовъ*" *) усиливаетъ оппортунизмъ, автономизмъ и тенденціи къ нарушенію дисциплины, напоминаетъ паки и паки, что именно „организація есть то оружіе, которымъ освободитъ себя пролетаріатъ", именно „организація есть свойственное пролетаріату оружіе классовой борьбы".

Въ Германіи, гдѣ оппортунизмъ слабѣе, чѣмъ во Франціи и Италіи, „автономистскія тенденціи привели пока лишь къ болѣе или менѣе патетическимъ декламаціямъ противъ диктаторовъ и великихъ инквизиторовъ, противъ отлученій отъ церкви **) и выискиваній ереси, къ безконечнымъ придиркамъ и дрязгамъ, разборъ которыхъ повелъ бы лишь къ безконечной ссорѣ".

Неудивительно, что въ Россіи, гдѣ оппортунизмъ въ партіи еще болѣе слабъ, чѣмъ въ Германіи, автономистскія тенденціи породили меньше идей и больше „патетическихъ декламацій" и дрязгъ.

Неудивительно, что Каутскій приходитъ къ заключенію: „Можетъ быть, ни въ какомъ другомъ вопросѣ ревизіонизмъ всѣхъ странъ не отличается такой однородностью, несмотря на всѣ его разновидности, всю его разноцвѣтность, какъ именно въ организаціонномъ вопросѣ". Основныя тенденціи ортодоксіи и ревизіонизма въ этой области и К. Каутскій формулируетъ при помощи „страшнаго слова": бюрократизмъ versus (противъ) демократизма. „Намъ говорятъ, — пишетъ К. Каутскій, — что дать право правленію партіи вліять на выборъ кандидата (въ депутаты парламента) мѣстными избирательными округами значитъ „постыдно посягать на демократическій принципъ, который требуетъ, чтобы вся политическая дѣятельность развертывалась снизу вверхъ, путемъ самодѣятельности массъ, а не сверху внизъ, путемъ бюрократическимъ ... Но если есть какой-нибудь дѣйствительно демократическій принципъ, такъ это тотъ, что большинство должно имѣть перевѣсъ надъ меньшинствомъ, а не наоборотъ" ... Выборъ депутатовъ въ парламентъ отъ какого бы то ни было отдѣльнаго избирательнаго округа есть важный вопросъ всей партіи въ цѣломъ, которая и должна вліять на назначеніе кандидатовъ хотя бы черезъ посредство довѣренныхъ людей партіи (Vertrauensmänner). „Кому кажется это слишкомъ бюрократическимъ или централистическимъ, тотъ пусть попробуетъ предложить, чтобы кандидатовъ намѣчали прямыя голосованія всѣхъ членовъ партіи вообще (sämmtliche Parteigenossen). Разъ это неисполнимо, то нечего и

---

*) Въ качествѣ примѣра К. Каутскій называетъ *Жореса*. По мѣрѣ ихъ уклоненія въ оппортунизмъ, такимъ людямъ „партійная дисциплина неизбѣжно должна была казаться непозволительнымъ стѣсненіемъ ихъ свободной личности".

**) Bannstrahl — анаѳема. Это нѣмецкій эквивалентъ русскаго „осаднаго положенія" и «исключительныхъ законовъ». Это — «страшное слово» нѣмецкихъ оппортунистовъ.

жаловаться на недостатокъ демократизма, когда указанная функція, подобно многимъ другимъ, касающимся всей партіи, выполняется одной или нѣсколькими партійными инстанціями". По „обычному праву" германской партіи и раньше отдѣльные избирательные округа „товарищески договаривались" съ правленіемъ партіи о выставленіи того или иного кандидата. „Но партія стала уже слишкомъ велика, чтобы достаточно было этого молчаливаго обычнаго права. Обычное право перестаетъ быть правомъ, когда его перестаютъ признавать, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, когда содержаніе его опредѣленій и даже самое его существованіе оспаривается. Тогда становится безусловно необходимымъ точно формулировать это право, кодифицировать его" .... перейти къ болѣе „точному уставному закрѣпленію (statutarische Festlegung), а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію строгости (grössere Straffheit) организаціи".

Вы видите, такимъ образомъ, въ другой обстановкѣ ту же борьбу оппортунистическаго и революціоннаго крыла партіи по организаціонному вопросу, тотъ же конфликтъ автономизма и централизма, демократизма и „бюрократизма", тенденцій къ ослабленію строгости и къ усиленію строгости организаціи и дисциплины, психологіи неустойчиваго интеллигента и выдержаннаго пролетарія, интеллигентскаго индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, какъ отнеслась къ этому конфликту *буржуазная демократія*, — не та, которую проказница-исторія только еще обѣщала по-секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду, — а настоящая, реальная буржуазная демократія, имѣющая и въ Германіи не менѣе ученыхъ и наблюдательныхъ представителей, чѣмъ наши господа освобожденцы? Нѣмецкая буржуазная демократія сразу откликнулась на новый споръ и горой встала, — какъ и русская, какъ и всегда, какъ и вездѣ, — сразу за оппортунистическое крыло социалдемократической партіи. Выдающійся органъ нѣмецкаго биржевого капитала, „*Франкфуртская Газета*", выступилъ съ громовой передовицей („Frankf. Ztg.", 1904, 7 Apr., № 97, Abenbblatt), которая показываетъ, что безсовѣстные плагіаты изъ Аксельрода становятся прямо какой-то болѣзнью нѣмецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуютъ „самодержавіе" въ социалдемократической партіи, „партійную диктатуру", „автократическое господство партійнаго начальства", эти „отлученія отъ церкви", которыми хотятъ „какъ бы наказать весь ревизіонизмъ" (вспомните „ложное обвиненіе въ оппортунизмѣ"), это требованіе „слѣпого повиновенія", „мертвящей дисциплины", требованіе „лакейскаго подчиненія", превращенія членовъ партіи въ „политическіе трупы" (это еще много покрѣпче будетъ винтиковъ и колесиковъ!). „Всякая личная своеобразность, — негодуютъ рыцари биржи при видѣ анти-демократическихъ порядковъ у социалдемократіи, — всякая индивидуальность должна, изволите ли видѣть, подвергнуться преслѣдованію, потому что онѣ грозятъ привести къ французскимъ порядкамъ, къ жоресизму и мильеранизму, какъ прямо заявилъ Зиндерманнъ, реферировавшій по этому вопросу" на партійномъ съѣздѣ саксонскихъ социалдемократовъ.

Итакъ, поскольку есть принципіальный смыслъ въ новыхъ словечкахъ новой „Искры“ по организаціонному вопросу, постольку не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смыслъ этотъ оппортунистическій. Этотъ выводъ подкрѣпляется и всѣмъ анализомъ нашего партійнаго съѣзда, раздѣлившагося на революціонное и оппортунистическое крыло, и примѣромъ *всѣхъ* европейскихъ соц.-дем. партій, въ которыхъ оппортунизмъ по организаціонному вопросу выражается въ тѣхъ же тенденціяхъ, въ тѣхъ же обвиненіяхъ, а сплошь да рядомъ и въ тѣхъ же самыхъ словечкахъ. Конечно, національныя особенности различныхъ партій и неодинаковость политическихъ условій въ разныхъ странахъ налагаютъ свой отпечатокъ, дѣлая нѣмецкій оппортунизмъ совсѣмъ не похожимъ на французскій, французскій на итальянскій, итальянскій на русскій. Но однородность основного дѣленія всѣхъ этихъ партій на революціонное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденцій оппортунизма въ организаціонномъ вопросѣ выступаютъ отчетливо, несмотря на все указанное различіе условій *). Обиліе представителей радикальной интеллигенціи въ рядахъ нашихъ марксистовъ и нашихъ социалдемократовъ сдѣлало и дѣлаетъ неизбѣжнымъ наличность порождаемаго ея психологіей оппортунизма въ самыхъ различныхъ областяхъ и въ самыхъ различныхъ формахъ. Мы боролись съ оппортунизмомъ въ основныхъ вопросахъ нашего міросозерцанія, въ вопросахъ программы, и полное расхожденіе въ цѣляхъ неизбѣжно привело къ безповоротному размежеванію между испортившими нашъ легальный марксизмъ либералами и социалдемократами. Мы боролись съ оппортунизмомъ въ вопросахъ тактики, и расхожденіе съ тт. Кричевскимъ и Акимовымъ по этимъ менѣе важнымъ вопросамъ, естественно, было лишь временнымъ и не сопровождалось никакимъ образованіемъ различныхъ партій. Мы должны теперь побороть оппортунизмъ Мартова и Аксельрода въ вопросахъ организаціонныхъ, еще менѣе коренныхъ, разумѣется, чѣмъ вопросы программные и тактическіе, но выплывшихъ въ настоящій моментъ на авансцену нашей партійной жизни.

Когда говорится о борьбѣ съ оппортунизмомъ, не слѣдуетъ никогда забывать характерной черты всего современнаго оппортунизма во всѣхъ и всяческихъ областяхъ: его неопредѣленности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунистъ, по самой своей природѣ, уклоняется всегда отъ опредѣленной и безповоротной постановки вопроса, отыскиваетъ равнодѣйствующую, вьется

---

*) Никто не усомнится въ настоящее время, что старое дѣленіе русскихъ социалдемократовъ по вопросамъ тактики на экономистовъ и политиковъ было однородно съ дѣленіемъ всей международной социалдемократіи на оппортунистовъ и революціонеровъ, хотя различіе между гг. Мартыновымъ и Акимовымъ, съ одной стороны, и гг. фонъ-Фольмаромъ и фонъ-Эльмомъ или Жоресомъ и Мильераномъ, съ другой, очень велико. Точно такъ же несомнѣнна и однородность основныхъ дѣленій по организаціонному вопросу, несмотря на громадныя различія условій между политически безправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципіальная редакція новой «Искры», бѣгло коснувшись спора Каутскаго съ Гейне (№ 64), боязливо *обошла* вопросъ о *принципіальныхъ* тенденціяхъ *всякаго* оппортунизма и всякой ортодоксіи въ организаціонномъ вопросѣ.

ужомъ между исключающими одна другую точками зрѣнія, стараясь „быть согласнымъ“ и съ той и съ другой, сводя свои разногласія къ поправочкамъ, къ сомнѣніямъ, къ благимъ и невиннымъ пожеланіямъ и проч., и проч. Оппортунистъ въ вопросахъ программы, тов. Эд. Бернштейнъ, „согласенъ“ съ революціонной программой партіи и хотя желалъ бы, навѣрное, „коренной реформы“ ея, но считаетъ это несвоевременнымъ, нецѣлесообразнымъ, не столь важнымъ, какъ выясненіе „общихъ принциповъ“ „критики“ (состоящихъ главнымъ образомъ въ некритическомъ заимствованіи принциповъ и словечекъ у буржуазной демократіи). Оппортунистъ въ вопросахъ тактики, тов. фонъ-Фольмаръ, тоже согласенъ со старой тактикой революціонной соціалдемократіи и тоже ограничивается больше декламаціей, поправочками, насмѣшечками, отнюдь не выступая ни съ какой опредѣленной „министеріалистской“ тактикой. Оппортунисты въ вопросахъ организаціонныхъ, тт. Мартовъ и Аксельродъ, тоже не дали до сихъ поръ, несмотря на прямые вызовы, никакихъ опредѣленныхъ принципіальныхъ тезисовъ, которые могли бы быть „закрѣплены уставнымъ путемъ“; они тоже желали бы, безусловно желали бы, „коренной реформы“ нашего организаціоннаго устава („Искра“, № 58, стр. 2, столбецъ 3), но предпочтительно они бы занялись сначала „общими вопросами организаціи“ (потому что дѣйствительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистическаго устава неизбѣжно привела бы, будучи произведена въ духѣ новой „Искры“, къ автономизму, а признаться въ своей *принципіальной* тенденціи къ автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и передъ самимъ собой). Ихъ „принципіальная“ позиція по организаціонному вопросу играетъ, поэтому, всѣми цвѣтами радуги: преобладаютъ невинныя патетическія декламаціи о самодержавіи и и бюрократизмѣ, о слѣпомъ повиновеніи, винтикахъ и колесикахъ,— декламаціи настолько невинныя, что въ нихъ еще очень и очень трудно отдѣлить дѣйствительно принципіальный отъ дѣйствительно кооптаціоннаго смысла. Но — дальше въ лѣсъ, больше дровъ: попытки анализа и точнаго опредѣленія ненавистнаго „бюрократизма“ неизбѣжно ведутъ къ автономизму, попытки „углубленія“ и обоснованія неминуемо приводятъ къ оправданію отсталости, къ хвостизму, къ жирондистскимъ фразамъ. Наконецъ, въ качествѣ единственнаго, дѣйствительно опредѣленнаго, и на практикѣ поэтому выступающаго особенно ярко (практика всегда идетъ впереди теоріи) принципа появляется принципъ *анархизма*. Высмѣиваніе дисциплины—автономизмъ—анархизмъ, вотъ та лѣсенка, по которой то спускается, то поднимается нашъ организаціонный оппортунизмъ, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь отъ всякой опредѣленной формулировки своихъ принциповъ *). Точь въ точь та же

*) Кто припомнитъ пренія о § 1, тотъ увидитъ теперь ясно, что ошибка г. Мартынова и г. Аксельрода по § 1 *неизбѣжно* приводитъ, при ея развитіи и углубленіи, къ организаціонному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова—самозачисленіе себя въ партію—есть именно ложный «демократизмъ», идея построенія партіи

градація наблюдается и на оппортунизмѣ въ програмѣ и въ тактикѣ: высмѣиваніе „ортодоксіи", правовѣрія, узости и неподвижности,—ревизіонистская „критика" и министеріализмъ—буржуазная демократія.

Въ тѣсной психологической связи съ ненавистью къ дисциплинѣ стоитъ та неумолчная, тягучая нота *обиды*, которая звучитъ во всѣхъ писаніяхъ всѣхъ современныхъ оппортунистовъ вообще и нашего меньшинства въ частности. Ихъ преслѣдуютъ, ихъ тѣснятъ, ихъ вышибаютъ, ихъ осаждаютъ, ихъ заѣзжаютъ. Въ этихъ словечкахъ гораздо больше психологической и политической правды, чѣмъ, вѣроятно, подозрѣвалъ самъ авторъ милой и остроумной шутки насчетъ заѣзжаемыхъ и заѣзжателей. Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, протоколы нашего партійнаго съѣзда,—вы увидите, что меньшинство, это—всѣ обиженные, всѣ тѣ, кого когда-либо и за что-либо обижала революціонная социалдемократія. Тутъ бундовцы и рабочедѣльцы, которыхъ мы „обижали" до того, что они ушли со съѣзда, тутъ южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвленіемъ организацій вообще и ихъ собственной въ частности, тутъ тов. Маховъ, котораго обижали всякій разъ, когда онъ бралъ слово (ибо онъ всякій разъ аккуратно срамился), тутъ, наконецъ, тов. Мартовъ и тов. Аксельродъ, которыхъ обидѣли „ложнымъ обвиненіемъ въ оппортунизмѣ" за § 1 устава и пораженіемъ на выборахъ. И всѣ эти горькія обиды были не случайнымъ результатомъ непозволительныхъ остротъ, рѣзкихъ выходокъ, бѣшеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, какъ думаютъ и по сю пору очень и очень многіе филистеры, а неизбѣжнымъ политическимъ результатомъ всей трехлѣтней идейной работы „Искры". Если мы въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ не языкомъ только распутничали, а выражали тѣ убѣжденія, которыя должны перейти въ дѣло, то мы не могли не бороться на съѣздѣ съ анти-искровцами и съ „болотомъ". А когда мы, вмѣстѣ съ тов. Мартовымъ, который бился въ первыхъ рядахъ съ открытымъ забраломъ, переобидѣли такую кучу народа,—намъ оставалось уже совсѣмъ немножечко, чуть-чуточку обидѣть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло въ качество. Произошло отрицаніе отрицанія. Всѣ обиженные забыли взаимные счеты, бросились съ рыданьями въ объятія другъ къ другу и подняли знамя „возстанія противъ ленинизма" *).

Возстаніе — прекрасная вещь, когда возстаютъ передовые элементы противъ реакціонныхъ. Когда революціонное крыло

снизу вверхъ. Наоборотъ, моя идея «бюрократична» въ томъ смыслѣ, что партія строится сверху внизъ, отъ партійнаго съѣзда къ отдѣльнымъ партійнымъ организаціямъ. И психологія буржуазнаго интеллигента, и анархическія фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубокомысліе,—все это намѣтилось уже въ преніяхъ о § 1. Тов. Мартовъ говорилъ о «начавшейся работѣ мысли» въ новой «Искрѣ». Это правда въ томъ отношеніи, что онъ и Аксельродъ дѣйствительно двигаютъ мысль въ новомъ направленіи, начиная съ § 1. Бѣда только въ томъ, что направленіе это оппортунистическое. Чѣмъ дальше будутъ они «работать» въ *этомъ* направленіи, тѣмъ глубже они будутъ увязать въ болотѣ.

*) Это удивительное выраженіе принадлежитъ тов. Мартову.

возстаетъ противъ оппортунистическаго, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло возстаетъ противъ революціоннаго, это дурно.

Тов. Плеханову приходится участвовать въ этомъ дурномъ дѣлѣ въ качествѣ, такъ сказать, военноплѣннаго. Онъ старается „сорвать сердце", вылавливая отдѣльныя неловкія фразы у авторовъ той или иной резолюціи въ пользу „большинства", и восклицаетъ при этомъ: „Бѣдный товарищъ Ленинъ! Хороши же его ортодоксальные сторонники!" („Искра", № 63, приложеніе).

Ну, знаете ли, т. Плехановъ, если я бѣдствую, то вѣдь редакція-то новой „Искры" совсѣмъ уже нищенствуетъ. Какъ я ни бѣденъ, я еще не дошелъ до такого абсолютнаго обнищанія, чтобы мнѣ приходилось закрывать глаза на партійный съѣздъ и отыскивать матеріалъ для упражненія своего остроумія въ резолюціяхъ комитетчиковъ. Какъ я ни бѣденъ, я въ тысячу разъ богаче тѣхъ, сторонники которыхъ не случайно высказываютъ ту или иную неловкую фразу, а во всѣхъ вопросахъ, и въ организаціонныхъ, и въ тактическихъ, и въ программныхъ держатся упорно и стойко принциповъ, противоположныхъ принципамъ революціонной социалдемократіи. Какъ я ни бѣденъ, я еще не дошелъ до того, чтобы мнѣ приходилось *скрывать отъ публики* преподносимыя мнѣ похвалы такихъ сторонниковъ. А редакціи новой „Искры" приходится дѣлать это.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежскій комитетъ Рос. С.-Д. Раб. П.? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партійнаго съѣзда. Вы узнаете оттуда, что направленіе этого комитета всецѣло выражаютъ тов. Акимовъ и тов. Брукэръ, которые боролись по всей линіи противъ революціоннаго крыла партіи на съѣздѣ и которые десятки разъ относимы были къ оппортунистамъ всѣми, начиная отъ тов. Плеханова и кончая тов. Поповымъ. И вотъ, этотъ Воронежскій комитетъ въ январскомъ листкѣ своемъ (№ 12, 1904 г., январь) заявляетъ:

> Въ нашей непрестанно растущей партіи совершилось въ прошломъ году крупное и важное для партіи событіе: состоялся второй съѣздъ Р. С.-Д. Р. Партіи—представителей ея организацій. Созывъ съѣзда партіи дѣло очень сложное и при условіяхъ монархическихъ очень рискованное, трудное дѣло, а потому не удивительно, что дѣло созыва съѣзда было исполнено *далеко не совершенно* и самъ съѣздъ, хотя прошелъ совершенно благополучно, но не удовлетворилъ всѣ требованія, которыя къ нему предъявила партія. Товарищи, которымъ было поручено конференціей (совѣщаніемъ) 1902 года созвать съѣздъ, были арестованы, и *устраивали съѣздъ лица, выдѣленныя однимъ только направленіемъ въ русской социалдемократіи—искрянскимъ. Многія* организаціи социалдемократовъ, но не искрянскія, не были привлечены къ работамъ съѣзда: *отчасти потому* задача съѣзда по выработкѣ *программы и устава* партіи исполнена *крайне несовершенно*, крупные пробѣлы въ уставѣ, „могущіе повести къ опаснымъ недоразумѣніямъ", признаются самими участниками съѣзда. На съѣздѣ сами искрянцы раскололись, и многіе крупные дѣятели Р. С.-Д. Р. Партіи нашей, раньше, казалось, цѣликомъ принимавшіе программу дѣйствія „Искры", сознали нежизненность многихъ ея взглядовъ, проводимыхъ, *главнымъ образомъ, Ленинымъ и Плехановымъ*. Хотя на съѣздѣ послѣдніе и взяли верхъ, но сила практической жизни, требованія реальной работы, въ ряду которой стоятъ и всѣ

искряицы, быстро исправляютъ ошибки теоретиковъ и послѣ съѣзда уже внесли серьезныя поправки. „*Искра сильно измѣнилась и обѣщаетъ* внимательно прислушиваться къ требованіямъ дѣятелей вообще соціалдемократіи. Такимъ образомъ, хотя *работы съѣзда подлежатъ пересмотру* слѣдующаго съѣзда и, какъ очевидно для самихъ участниковъ съѣзда, не являются удовлетворительными, *а потому и не могущими войти въ партію, какъ непреложныя постановленія,* но съѣздъ выяснилъ положеніе дѣлъ въ партіи, далъ большой матеріалъ для дальнѣйшей теоретической и организаціонной дѣятельности партіи и явился громаднымъ поучительнымъ опытомъ для общепартійной работы. Постановленія съѣзда и уставъ, имъ выработанный, будутъ всѣми организаціями *приняты во вниманіе,* но многіе *воздержатся руководиться исключительно ими, въ виду* ихъ очевидныхъ несовершенствъ.

Воронежскій комитетъ, понимая всю важность общепартійной работы живо *отзывался* на всѣ вопросы на организаціи съѣзда. Онъ сознаетъ всю важность происшедшаго на съѣздѣ, *привѣтствуетъ поворотъ, совершившійся въ „Искрѣ“*, сдѣлавшейся центральнымъ органомъ (главнымъ органомъ). Хотя положеніе дѣлъ въ партіи и въ Ц. К. насъ *еще* не удовлетворяетъ, но мы вѣримъ, что общими усиліями трудная работа организаціи партіи будетъ усовершенствована. Въ виду ложныхъ слуховъ, Воронежскій комитетъ заявляетъ товарищамъ, что о выходѣ Воронежскаго комитета изъ партіи не можетъ быть и рѣчи. Воронежскій комитетъ прекрасно понимаетъ, какимъ опаснымъ прецедентомъ (примѣромъ) сталъ бы выходъ рабочей организаціи, каковой является Воронежскій комитетъ, изъ Р. С.-Д. Р. Партіи и *какимъ бы это упрекомъ легло на партію* и какъ бы это было бы невыгодно рабочимъ организаціямъ, могущимъ послѣдовать такому примѣру. Намъ надо не создавать новыхъ расколовъ, а настойчиво стремиться къ объединенію всѣхъ сознательныхъ рабочихъ и соціалистовъ въ одну партію. При томъ второй съѣздъ былъ съѣздомъ очереднымъ, а не учредительнымъ. Исключеніе изъ партіи можетъ быть лишь по партійному суду, и никакая организація, ни самый Центральный Комитетъ, не имѣютъ права исключать какую-либо соціалдемократическую организацію изъ партіи. Больше того, на второмъ съѣздѣ принятъ восьмой параграфъ устава, по которому всякая организація въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ автономна (самостоятельна), а потому *Воронежскій комитетъ имѣетъ полное право проводить свои организаціонные взгляды въ жизнь и въ партію.*

Редакція новой „Искры“, сославшись на этотъ листокъ въ № 61, перепечатала вторую, набранную крупнымъ шрифтомъ, часть приведенной тирады; первую же, набранную петитомъ, часть редакція *предпочла опустить.*

Стыдно стало.

с) Нѣчто о діалектикѣ. Два переворота.

Бросая общій взглядъ на развитіе нашего партійнаго кризиса, мы легко увидимъ, что основной составъ обѣихъ борющихся сторонъ все время былъ, за малыми исключеніями, одинъ и тотъ же. Это была борьба революціоннаго и оппортунистическаго крыла

нашей партіи. Но борьба эта проходила самыя различныя стадіи, и точное знакомство съ особенностями каждой изъ этихъ стадій необходимо имѣть всякому, кто хочетъ разобраться въ накопившейся уже громадной литературѣ, въ массѣ отрывочныхъ указаній, вырванныхъ изъ связи цитатъ, отдѣльныхъ обвиненій и пр., и пр.

Каждая изъ этихъ стадій характеризуется существенно отличной конъюнктурой борьбы и непосредственной цѣлью атаки; каждая стадія представляетъ изъ себя, такъ сказать, отдѣльное сраженіе въ одномъ общемъ военномъ походѣ. Нельзя ничего понять въ нашей борьбѣ, если не изучить конкретной обстановки каждаго сраженія. Изучивъ же это, мы ясно увидимъ, что развитіе дѣйствительно идетъ діалектическимъ путемъ, путемъ противорѣчій: меньшинство становится большинствомъ, большинство меньшинствомъ; каждая сторона переходитъ отъ обороны къ нападенію и отъ нападенія къ оборонѣ; исходный пунктъ идейной борьбы (§ 1) „отрицается", уступая мѣсто все заполняющей дрязгѣ *), но затѣмъ начинается „отрицаніе отрицанія", и, „ужившись" кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, въ различныхъ центрахъ, мы возвращаемся къ исходному пункту чисто-идейной борьбы, но уже этотъ „тезисъ" обогащенъ всѣми результатами „антитезиса" и превратился въ высшій синтезъ, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла въ quasi-систему оппортунистическихъ взглядовъ по организаціонному вопросу, когда связь этого явленія съ основнымъ дѣленіемъ нашей партіи на революціонное и оппортунистическое крыло выступаетъ передъ всѣми все болѣе и болѣе наглядно. Однимъ словомъ, не только овесъ растетъ по Гегелю, но и русскіе соціалдемократы воюютъ между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую діалектику, которую перенялъ, поставивъ ее на ноги, марксизмъ, никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ вульгарнымъ пріемомъ оправданія зигзаговъ политическихъ дѣятелей, переметывающихся съ революціоннаго на оппортунистическое крыло партіи, съ вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльныя заявленія, отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса. Истинная діалектика не оправдываетъ личныя ошибки, а изучаетъ неизбѣжные повороты, доказывая ихъ неизбѣжность на основаніи детальнѣйшаго изученія развитія во всей его конкретности. Основное положеніе діалектики: абстрактной истины нѣтъ, истина всегда конкретна... И еще не слѣдуетъ смѣшивать эту великую гегелевскую діалектику съ той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove non va il capo (просунуть хвостъ, гдѣ голова не лѣзетъ).

Итогъ діалектическаго развитія нашей партійной борьбы сводится къ двумъ переворотамъ. Партійный съѣздъ былъ на-

*) Трудный вопросъ о разграниченіи дрязгъ и принципіальнаго расхожденія рѣшается теперь самъ собою: все, что относится къ кооптаціи, есть дрязга; все, что относится къ анализу борьбы на съѣздѣ, къ спорамъ о § 1 и о поворотѣ къ оппортунизму и къ анархизму, есть принципіальное расхожденіе.

стоящимъ переворотомъ, какъ справедливо отмѣтилъ тов. Мартовъ въ своемъ „Еще разъ въ меньшинствѣ". Правы также и тѣ остряки изъ меньшинства, которые говорятъ: міръ движется революціями, вотъ мы и совершили революцію! Они дѣйствительно совершили послѣ съѣзда революцію; правда и то, что міръ, вообще говоря, движется революціями. Но конкретное значеніе каждой конкретной революціи этимъ общимъ изреченіемъ еще не опредѣляется: бываютъ революціи въ родѣ реакціи, перефразируя незабвенное выраженіе незабвеннаго тов. Махова. Надо знать, революціонное или оппортунистическое крыло партіи являлось реальной силой, совершавшей переворотъ, надо знать, революціонные или оппортунистическіе принципы воодушевляли борцовъ, чтобы опредѣлить, впередъ или назадъ двигала „міръ" (нашу партію) та или иная конкретная революція.

Нашъ партійный съѣздъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, невиданнымъ явленіемъ во всей исторіи русскаго революціоннаго движенія. Впервые удалось конспиративной революціонной партіи выйти изъ потемокъ подполья на свѣтъ божій, показавъ всѣмъ и каждому весь ходъ и исходъ нашей внутренней партійной борьбы, весь обликъ нашей партіи и каждой ея сколько нибудь замѣтной части въ вопросахъ программы, тактики и организаціи. Впервые удалось намъ освободиться отъ традицій кружковой распущенности и революціонной обывательщины, собрать вмѣстѣ десятки самыхъ различныхъ группъ, зачастую отчаянно враждовавшихъ другъ съ другомъ, связанныхъ исключительно силой идеи и готовыхъ (въ принципѣ готовыхъ) пожертвовать всей и всяческой групповой особностью и групповой самостоятельностью въ пользу великаго, впервые на дѣлѣ создаваемаго нами цѣлаго: *партіи*. Но въ политикѣ жертвы не даются даромъ, а берутся съ боя. Бой изъ-за умерщвленія организацій неизбѣжно вышелъ страшно ожесточеннымъ. Свѣжій вѣтеръ открытой свободной борьбы превратился въ вихрь. Этотъ вихрь смелъ— и прекрасно, что смелъ! — всѣ и всяческіе остатки всѣхъ безъ исключенія кружковщинскихъ интересовъ, чувствъ и традицій, создавъ впервые дѣйствительно партійныя должностныя коллегіи.

Но одно дѣло называться, другое дѣло быть. О но дѣло жертвовать въ принципѣ кружковщиной въ пользу партіи, другое дѣло отказываться отъ своего кружка. Свѣжій вѣтеръ оказался еще слишкомъ свѣжъ для привыкшихъ къ затхлой обывательщинѣ. „Партія не вынесла своего перваго конгресса", какъ справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартовъ въ своемъ „Еще разъ въ меньшинствѣ". Обида за умерщвленіе организацій была слишкомъ сильна. Бѣшеный вихрь поднялъ всю муть со дна нашего партійнаго потока, и эта муть взяла реваншъ. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партійность. Разбитое на голову оппортунистическое крыло партіи одержало—временно, конечно,—вверхъ надъ революціоннымъ крыломъ, подкрѣпившись случайной Акимовской добычей.

Въ итогѣ получилась новая „Искра", вынужденная развивать и углублять ошибку, сдѣланную ея редакторами на съѣздѣ

партіи. Старая „Искра" учила истинамъ революціонной борьбы. Новая „Искра" учитъ житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая „Искра" была органомъ воинствующей ортодоксіи. Новая „Искра" преподноситъ намъ отрыжку оппортунизма—главнымъ образомъ, въ вопросахъ организаціонныхъ. Старая „Искра" заслужила себѣ почетную нелюбовь и русскихъ и западно-европейскихъ оппортунистовъ. Новая „Искра" „поумнѣла" и скоро перестанетъ стыдиться похвалъ, расточаемыхъ по ея адресу крайними оппортунистами. Старая „Искра" неуклонно шла къ своей цѣли, и слово не расходилось у нея съ дѣломъ. Въ новой „Искрѣ" внутренняя фальшь ея позиціи неизбѣжно порождаетъ—независимо даже отъ чьей бы то ни было воли и сознанія — политическое лицемѣріе. Она кричитъ противъ кружковщины, чтобы прикрыть побѣду кружковщины надъ партійностью. Она фарисейски осуждаетъ расколъ, какъ будто бы можно было представить себѣ какое-либо другое средство противъ раскола въ сколько-нибудь организованной партіи, кромѣ подчиненія меньшинства большинству. Она заявляетъ о необходимости считаться съ революціоннымъ общественнымъ мнѣніемъ и, скрывая похвалы Акимовыхъ, занимается мелкимъ сплетничествомъ про комитеты революціоннаго крыла партіи. Какой позоръ! Какъ они осрамили нашу старую „Искру"!

Шагъ впередъ, два шага назадъ... Это бываетъ въ жизни индивидуумовъ, и въ исторіи націй, и въ развитіи партій. Было бы преступнѣйшимъ малодушіемъ усомниться хоть на минуту въ неизбѣжномъ полномъ торжествѣ принциповъ революціонной соціалдемократіи, пролетарской организаціи и партійной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духомъ при неудачахъ, бороться выдержанно, презирая обывательскіе пріемы кружковой свалки, до послѣдней возможности охраняя созданную съ такими усиліями единую партійную связь всѣхъ соціалдемократовъ Россіи и добиваясь упорнымъ и систематическимъ трудомъ полнаго и сознательнаго ознакомленія всѣхъ членовъ партіи и рабочихъ, въ особенности, съ партійными обязанностями, съ борьбой на II партійномъ съѣздѣ, со всѣми причинами и перипетіями нашего расхожденія, со всей гибельностью оппортунизма, который и въ области организаціоннаго дѣла такъ же безпомощно пасуетъ предъ буржуазной психологіей, такъ же некритически перенимаетъ точку зрѣнія буржуазной демократіи, такъ же притупляетъ оружіе классовой борьбы пролетаріата, какъ и въ области нашей программы и нашей тактики.

У пролетаріата нѣтъ иного оружія въ борьбѣ за власть, кромѣ организаціи. Разъединяемый господствомъ анархической конкуренціи въ буржуазномъ мірѣ, придавленный подневольной работой на капиталъ, отбрасываемый постоянно „на дно" полной нищеты, одичанія и вырожденія, пролетаріатъ можетъ стать и неизбѣжно станетъ непобѣдимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединеніе его принципами марксизма закрѣпляется матеріальнымъ единствомъ организаціи, сплачивающей милліоны

трудящихся въ армію рабочаго класса. Передъ этой арміей не устоитъ ни одряхлѣвшая власть русскаго самодержавія, ни дряхлѣющая власть международнаго капитала. Эта армія все тѣснѣе и тѣснѣе будетъ смыкать свои ряды, несмотря ни на какіе зигзаги и шаги назадъ, несмотря на оппортунистическія фразы жирондистовъ современной соціалдемократіи, несмотря на самодовольное восхваленіе отсталой кружковщины, несмотря на блестки и шумиху *интеллигентскаго* анархизма.

Земская кампанія и планъ „Искры“.

Писано въ ноябр
или октябрѣ 1904 г.

Земская кампанія и планъ „Искры“.

За подписью редакціи „Искры“ только что опубликовано („для членовъ партіи“) письмо къ партійнымъ организаціямъ. Россія никогда еще не была такъ близка къ конституціи, какъ теперь,— заявляетъ редакція и подробно излагаетъ цѣлый планъ „политической кампаніи“, цѣлый планъ воздѣйствія на нашихъ либеральныхъ земцевъ, ходатайствующихъ о конституціи.

Прежде, чѣмъ разбирать этотъ въ высшей степени поучительный планъ новой Искры, припомнимъ, какъ ставился вопросъ объ отношеніи къ нашимъ либеральнымъ земцамъ въ русской соціалдемократіи съ тѣхъ поръ, какъ возникло массовое рабочее движеніе. Всѣмъ извѣстно, что и по этому вопросу почти съ самаго начала возникновенія массоваго рабочаго движенія шла борьба между „экономистами“ и революціонерами. Первые доходили до прямого отрицанія буржуазной демократіи въ Россіи, до игнорированія задачъ воздѣйствія пролетаріата на оппозиціонные слои общества и въ то же время, суживая размахъ политической борьбы пролетаріата, они, сознательно или безсознательно, предоставляли политически-руководящую роль либеральнымъ элементамъ общества, отводя рабочимъ „экономическую борьбу съ хозяевами и съ правительствомъ“. Сторонники революціонной соціалдемократіи въ старой „Искрѣ“ вели борьбу съ этимъ направленіемъ. Борьба эта распадается на два крупныхъ періода: до появленія либеральнаго органа, „Освобожденія“, и послѣ его появленія. Въ первый періодъ мы направляли главнымъ образомъ свою атаку противъ узости экономистовъ, „наталкивали“ ихъ на незамѣчаемый ими фактъ существованія буржуазной демократіи въ Россіи, подчеркивали задачу всесторонней политической дѣятельности пролетаріата, задачу воздѣйствія его на всѣ слои общества, задачу стать авангардомъ въ войнѣ за свободу. Въ настоящее время тѣмъ болѣе умѣстно и необходимо вспомнить этотъ періодъ и его основныя черты, чѣмъ грубѣе извращаютъ его сторонники новой „Искры“ (см. „Наши политическія задачи“ Троцкаго, изданныя подъ редакціей „Искры“), чѣмъ больше спекулируютъ они на незнакомство теперешней молодежи съ исторіей недавняго прошлаго нашего движенія.

Со времени появленія „Освобожденія“ начался второй періодъ борьбы старой „Искры“. Когда либералы выступили съ самостоя-

тельнымъ органомъ и съ особой политической программой, задача воздѣйствія пролетаріата на „общество" естественно измѣнилась: рабочая демократія не могла уже ограничиться „встряхиваніемъ" либеральной демократіи, расшевеливаніемъ ея оппозиціоннаго духа,—она должна была поставить во главу угла революціонную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась въ политической позиціи либерализма. Наше воздѣйствіе на либеральные слои приняло форму постоянныхъ указаній на непослѣдовательность и недостаточность политическаго протеста гг. либераловъ (достаточно сослаться на „Зарю", критиковавшую предисловіе г. Струве къ запискѣ Витте, и на многочисленныя статьи „Искры").

Ко времени II партійнаго съѣзда эта новая позиція соціалдемократіи по отношенію къ либерализму, выступившему открыто, настолько уже выяснилась и упрочилась, что ни у кого не возникло даже вопроса относительно того, существуетъ ли буржуазная демократія въ Россіи и должно ли оппозиціонное движеніе встрѣчать поддержку (и какую поддержку) въ пролетаріатѣ. Рѣчь шла лишь о формулировкѣ партійныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, и мнѣ достаточно здѣсь указать на то, что взгляды старой „Искры" гораздо лучше были выражены въ резолюціи Плеханова, подчеркнувшей антиреволюціонный и противопролетарскій характеръ либеральнаго „Освобожденія", чѣмъ въ сбивчивой резолюціи Старовѣра, которая, съ одной стороны, гонится (и совершенно несвоевременно гонится) за „соглашеніемъ" съ либералами, а съ другой стороны, ставитъ фиктивныя, завѣдомо неисполнимыя для либераловъ условія такихъ соглашеній.

I.

Перейдемъ къ плану новой „Искры". Редакція признаетъ нашу обязанность использовать до дна весь матеріалъ по вопросу о нерѣшительности и половинчатости либеральной демократіи, по вопросу о враждебной противоположности интересовъ либеральной буржуазіи и пролетаріата, использовать „соотвѣтственно принципіальнымъ требованіямъ нашей программы". „Но — продолжаетъ редакція — *но* въ предѣлахъ борьбы съ абсолютизмомъ, и именно въ теперешнемъ фазисѣ, наше отношеніе къ либеральной буржуазіи *опредѣляется задачей* придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться къ тѣмъ требованіямъ, съ которыми *выступитъ* (выступилъ?) руководимый соціалдемократіей пролетаріатъ". Мы подчеркнули особенно странныя словечки въ этой странной тирадѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не назвать страннымъ противоположеніе, съ одной стороны, критики половинчатости и анализа враждебности интересовъ, а съ другой стороны, задачи придать храбрости и побудить присоединиться? Какимъ образомъ въ состояніи мы придать храбрости либеральной демократіи иначе какъ безпощаднымъ разборомъ и уничтожающей критикой ея половинчатости въ вопросахъ демократіи? Поскольку буржуазная (либеральная) демократія намѣрена выступать, какъ демократія, и вынуждена выступать, какъ демократія, постольку

она неизбѣжно стремится опереться на возможно болѣе широкіе круги народа. Это стремленіе неминуемо порождаетъ слѣдующее противорѣчіе: чѣмъ шире эти круги народа, тѣмъ больше среди нихъ представителей пролетарскихъ и полупролетарскихъ слоевъ, требующихъ полной демократизаціи политическаго и общественнаго строя, такой полной демократизаціи, которая грозитъ подорвать весьма важныя опоры всякаго буржуазнаго господства вообще (монархію, постоянное войско, бюрократію). Буржуазная демократія по природѣ своей не въ состояніи удовлетворить этихъ требованій, она по природѣ своей осуждена поэтому на нерѣшительность и половинчатость. Соціалдемократы критикой этой половинчатости подталкиваютъ постоянно либераловъ, отрываютъ все большее количество пролетаріевъ и полупролетаріевъ, а частью и мелкихъ буржуа, отъ либеральной демократіи на сторону рабочей демократіи. Какимъ же образомъ можно говорить: мы должны критиковать половинчатость либеральной буржуазіи, но (но!) наше отношеніе къ ней опредѣляется задачей придать ей храбрости? Вѣдь это явная путаница, свидѣтельствующая либо о томъ, что авторы ея пятятся назадъ, т.-е. возвращаются къ тѣмъ временамъ, когда либералы вообще еще не выступали открыто, когда ихъ надо было вообще пробуждать, расшевеливать, побуждать открыть ротъ; — либо о томъ, что авторы сбиваются на мысль, будто можно „придать храбрости" либераламъ посредствомъ уменьшенія храбрости пролетаріевъ.

Какъ ни чудовищна эта мысль, но въ слѣдующемъ же пассусѣ редакціоннаго письма мы видимъ ее болѣе ясно выраженною: „Но—оговаривается паки и паки редакція—но мы впали бы въ роковую ошибку, если бы поставили себѣ цѣлью энергическими мѣрами *устрашенія* теперь же *заставить* земства или другіе органы буржуазной оппозиціи дать, подъ вліяніемъ *паники*, формальное обѣщаніе предъявить наши требованія правительству. Такая тактика скомпрометировала бы соціалдемократію, потому что превратила бы всю нашу политическую кампанію въ рычагъ для реакція" (курс. ред.).

Вотъ оно что! Не успѣлъ еще революціонный пролетаріатъ нанести ни одного серьзнаго удара царскому самодержавію въ такой моментъ, когда оно особенно явно колеблется и когда серьезный ударъ особенно необходимъ, особенно полезенъ и можетъ оказаться рѣшительнымъ ударомъ, а нашлись уже соціалдемократы, бормочущіе о рычагѣ для реакціи. Это уже не только путаница, это — прямая пошлость. И редакція договорилась до этой пошлости, сочинивъ себѣ, спеціально для разговоровъ о рычагѣ для реакціи, сугубо грозное пугало. Подумайте только: люди серьезно говорятъ, въ письмѣ къ партійнымъ организаціямъ соціалдемократической партіи, о тактикѣ устрашенія земцевъ и понужденія ихъ, подъ вліяніемъ паники, дать формальныя обѣщанія! Не легко было бы, даже среди русскихъ сановниковъ, даже среди нашихъ Угрюмъ-Бурчеевыхъ, найти такого государственнаго младенца, который бы повѣрилъ въ такое пугало. У насъ есть среди революціонеровъ ярые террористы, есть отчаян-

ные бомбисты, но даже самый нелѣпый изъ нелѣпыхъ защитниковъ бомбизма не предлагалъ, кажется, до сихъ поръ устрашать... земцевъ и вызывать панику среди... оппозиціи. Неужели не видитъ редакція, что, сочиняя эти смѣхотворныя пугала, пуская въ ходъ эти банальныя фразы, она неизбѣжно порождаетъ недоразумѣнія и недоумѣнія, засоряетъ сознаніе и сѣетъ смуту въ умахъ борющихся пролетаріевъ? Вѣдь не въ пустое пространство летятъ эти словечки о рычагѣ для реакціи, компрометирующей тактикѣ устрашенія, они падаютъ на специфическую россійско-полицейскую почву, какъ нельзя болѣе приспособленную для произрастанія плевеловъ. О рычагѣ для реакціи намъ дѣйствительно говорятъ теперь на каждомъ перекресткѣ, но говорятъ нововременцы. О компрометирующей тактикѣ устрашенія намъ дѣйствительно прожужжали всѣ уши, — не кто иной, какъ трусливые вожаки буржуазной оппозиціи.

Возьмите профессора князя Е. Н. Трубецкого. Кажется достаточно „просвѣщенный" и—для русскаго легальнаго дѣятеля—достаточно „смѣлый" либералъ. А какъ пошло разсуждаетъ онъ въ либеральномъ „Правѣ" (№ 39) о „внутренней опасности", именно опасности крайнихъ партій! Вотъ вамъ живой образчикъ того, кто дѣйствительно близокъ къ паникѣ, вотъ вамъ наглядный примѣръ того, что дѣйствительно оказываетъ на настоящихъ либераловъ устрашающее дѣйствіе. Ужъ, конечно, боятся они не того плана, который приснился редакторамъ „Искры", плана вырвать у земцевъ формальныя обѣщанія въ пользу революціонеровъ (г. Трубецкой только расхохотался бы, если-бъ ему сказали о такомъ планѣ), — они боятся революціонно-соціалистическихъ цѣлей „крайнихъ" партій, они боятся уличныхъ листковъ, этихъ первыхъ ласточекъ революціонной самодѣятельности пролетаріата, который не остановится, не сложитъ оружія, пока не свергнетъ господства буржуазіи. Этотъ страхъ порождается не смѣхотворными пугалами, а дѣйствительнымъ характеромъ рабочаго движенія, этотъ страхъ неизгладимъ изъ сердца буржуазіи (отдѣльныя лица и отдѣльныя группы, конечно, не въ счетъ). И вотъ почему такой фальшью звучитъ разсужденіе новой Искры о компрометирующей тактикѣ устрашенія земцевъ и представителей буржуазной оппозиціи. Пугаясь уличныхъ листковъ, пугаясь всего, что идетъ дальше цензовой конституціи, гг. либералы всегда будутъ бояться лозунга: „демократическая республика" и призыва къ вооруженному всенародному возстанію. Но сознательный пролетаріатъ отвергнетъ съ негодованіемъ самую мысль о томъ, чтобы мы могли отказаться отъ этого лозунга и отъ этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться въ своей дѣятельности паникой и страхами буржуазіи.

Возьмите „Новое Время". Какія нѣжныя аріи распѣваетъ оно на мотивъ о рычагѣ для реакціи. „Молодежь и реакція — читаемъ мы въ „Замѣткахъ", № 10285 (18 окт.) —...Не вяжутся вмѣстѣ эти слова, а между тѣмъ недостаточно обдуманныя дѣйствія, порывистыя увлеченія и желаніе во что бы то ни стало принять немедленное участіе въ судьбахъ государства

могутъ привести молодежь къ этому безнадежному тупику. Надняхъ демонстрація у Выборгской тюрьмы, затѣмъ попытка о чемъ-то манифестировать уже въ центрѣ столицы, въ Москвѣ прогулка съ флагами и протестами противъ войны 200 студентовъ. Отсюда понятна реакція... студенческія волненія, демонстраціи молодежи, да вѣдь это цѣлый бенефисъ, это — козырь, нежданный, громадный козырь въ рукахъ реакціонеровъ. Вотъ ужъ подлинно для нихъ дорогой подарокъ, который они сумѣютъ использовать. Не слѣдуетъ дѣлать этого подарка, не нужно ломать воображаемыхъ (!!!) рѣшетокъ: теперь и двери открыты (двери Выборгской и другой тюремъ, должно быть?), широко открыты!".

Эти разсужденія не требуютъ поясненій. Достаточно привести ихъ, чтобы видѣть, какъ безтактно заговаривать теперь о рычагѣ для реакціи, *теперь*, когда ни одна изъ дверей всероссійской тюрьмы не пріоткрыта для борющихся рабочихъ, когда царское самодержавіе не сдѣлано еще ни единой, хоть сколько-нибудь ощутимой для пролетаріата уступки, когда все вниманіе и всѣ усилія должны быть направлены на подготовку настоящей и рѣшительной схватки съ врагомъ русскаго народа. Конечно, одна уже мысль о такой схваткѣ внушаетъ страхъ и панику гг. Трубецкимъ и тысячамъ менѣе „просвѣщенныхъ" гг. либераловъ. Но мы были бы глупцами, если бы соображались съ ихъ паникой. Мы должны соображаться съ состояніемъ своихъ силъ, съ ростомъ народнаго возбужденія и возмущенія, съ моментомъ, когда прямой натискъ пролетаріата на самодержавіе примкнетъ къ одному изъ стихійныхъ и стихійно растущихъ движеній.

Выше, говоря о томъ пугалѣ, которое приснилось нашей редакціи, мы не отмѣтили еще одной характерной черточки въ ея разсужденіи. Редакціи обрушилась на компрометирующую тактику, которая бы клонилась къ тому, чтобы вырвать у земцевъ „формальное обѣщаніе предъявить наши требованія правительству". Помимо указанныхъ раньше несообразностей, тутъ странна самая мысль о томъ, чтобы „наши" требованія, требованія рабочей демократіи, предъявляла правительству либеральная демократія. Съ одной стороны, либеральная демократія именно въ силу того, что она представляетъ изъ себя буржуазную демократію, никогда не способна усвоить себѣ, не способна отстаивать искренно, послѣдовательно и рѣшительно „наши" требованія. Если бы даже либералы дали, „добровольно" дали, формальное обѣщаніе предъявить наши требованія, то, разумѣется, они не сдержали бы этого обѣщанія, обманули бы пролетаріатъ. Съ другой стороны, если бы мы были такъ сильны, чтобы вліять серьезно на буржуазную демократію вообще и гг. земцевъ въ особенности, то такой силы намъ было бы вполнѣ достаточно, чтобы самостоятельно предъявить наши требованія правительству.

Странная мысль редакціи—не результатъ обмолвки, а неизбѣжное слѣдствіе той сбивчивой позиціи, на которую она вообще встала по данному вопросу. Слушайте: „Центральнымъ фокусомъ и руководящей нитью... должна служить практическая задача... внушительнаго организованнаго воздѣйствія на буржуазную оппозицію“; въ „проектѣ заявленія отъ рабочихъ данному органу либеральной оппозиціи“ должно быть „объясненіе, почему рабочіе обращаются не къ правительству, а къ собранію представителей именно этой оппозиціи“. Такая постановка задачи въ основѣ своей ошибочна. Мы, партія пролетаріата, должны, конечно, „идти во всѣ классы населенія“, открыто и энергично отстаивая передъ всѣмъ народомъ нашу программу и наши ближайшія требованія, мы должны стараться заявить эти требованія и передъ гг. земцами, но центральнымъ фокусомъ и руководящей нитью должно быть для насъ воздѣйствіе именно не на земцевъ, а на правительство. Редакція „Искры“ поставила вопросъ о центральномъ фокусѣ какъ разъ вверхъ ногами. Буржуазная оппозиція потому и является только буржуазной и только оппозиціей, что она не борется сама, не имѣетъ своей безусловно отстаиваемой программы, что она стоитъ между двумя борющимися сторонами (правительствомъ и революціоннымъ пролетаріатомъ плюсъ его немногочисленные интеллигентные сторонники), что она учитываетъ въ свою пользу результатъ борьбы. Поэтому, чѣмъ горячѣе становится борьба, чѣмъ ближе моментъ рѣшительной битвы, тѣмъ больше должны мы обращать наше вниманіе и направлять наше воздѣйствіе на нашего дѣйствительнаго врага, а не на т го союзника, который *завѣдомо* является союзникомъ условнымъ, проблематичнымъ, ненадежнымъ и половинчатымъ. Неразумно было бы игнорировать этого союзника, нелѣпо было бы ставить себѣ цѣлью устрашать и пугать его,—все это до такой степени самоочевидно, что странно и толковать объ этомъ. Но центральнымъ фокусомъ и руководящей нитью нашей агитаціи должно быть, повторяю, не воздѣйствіе на этого союзника, а подготовка рѣшительной битвы съ врагомъ. Заигрывая съ земствомъ, дѣлая ничтожныя уступки земству, правительство вѣдь ровно еще ничего не уступило фактически народу, правительство еще вполнѣ и вполнѣ можетъ вернуться къ реакціи (вѣрнѣе, продолжить реакцію), какъ бывало на Руси десятки и сотни разъ послѣ мимолетныхъ либеральныхъ вѣяній того или иного самодержца. Именно въ такой моментъ заигрыванія съ земствомъ, отвода глазъ народу, убаюкиванья его пустыми словечками надо особенно остерегаться лисьяго хвоста, особенно настойчиво напоминать, что врагъ еще не сломленъ, особенно энергично звать къ продолженію и удесятеренію борьбы съ врагомъ, а не переносить центръ тяжести съ „обращенія“ къ правительству на обращеніе къ земству. Именно въ настоящій моментъ не кто иной, какъ завѣдомые пѣнкосниматели и предатели свободы, лѣзутъ изъ кожи, чтобы обратить центръ тяжести общественнаго и народнаго вниманія на земство, вызвать довѣріе къ земству, которое на самомъ дѣлѣ довѣрія истинной демократіи отнюдь не заслуживаетъ. Возьмите „Новое

Время“: въ цитированной выше статьѣ вы прочтете такое разсужденіе: „Всякому ясно, что съ возможностью смѣло и правдиво обсуждать всѣ наши недостатки и недочеты, съ возможностью каждому дѣятелю свободно проявлять свою дѣятельность скоро и недочетамъ долженъ наступить конецъ, и Россія можетъ вступить безбоязненно на тотъ путь прогресса и совершенствованія, который ей такъ необходимъ. Даже организаціи, инструмента этого прогресса не приходится выдумывать: онъ существуетъ налицо въ видѣ земства, которому только (!!) предстоитъ дать свободу роста; въ послѣднемъ залогъ дѣйствительно самобытнаго, а не заимствованнаго совершенствованія“. Такія и подобныя рѣчи не только „скрываютъ стремленіе къ ограниченной монархіи и цензовой конституціи“ (какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего письма редакція),— онѣ прямо подготовляютъ почву къ тому, чтобы все дѣло ограничилось улыбками по адресу земства безъ всякаго даже и ограниченія монархіи!

Выдвиганье, въ качествѣ центральнаго фокуса, воздѣйствія на земство, а не воздѣйствія на правительство, естественно приводитъ къ той несчастной мысли, которая легла въ основу старовѣровской резолюціи, именно мысли искать сейчасъ же и немедленно базиса для какихъ-либо „соглашеній“ съ либералами. „По отношенію къ нынѣшнимъ же земствамъ — говоритъ въ своемъ письмѣ редакція — наша задача сводится (!!) къ предъявленію имъ тѣхъ политическихъ требованій революціоннаго пролетаріата, которыя они обязаны поддерживать, чтобы имѣть хотя какое-нибудь право выступать отъ имени народа и разсчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочихъ массъ“. Нечего сказать, хорошее опредѣленіе задачъ рабочей партіи! Въ такое время, когда передъ нами совершенно ясно обрисовывается возможный и вѣроятный союзъ умѣренныхъ земцевъ съ правительствомъ для борьбы противъ революціоннаго пролетаріата (редакція сама признаетъ возможность такого союза), мы будемъ „сводить“ свою задачу не къ удесятеренію энергіи борьбы противъ правительства, а къ выработкѣ казуистическихъ условій соглашенія съ либералами объ обоюдной поддержкѣ. Если я предлагаю другому лицу требованія, которыя онъ долженъ обязаться поддерживать, чтобы имѣть право на мою поддержку, то я заключаю именно соглашеніе. И мы спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: куда улетучились тѣ „условія“ соглашеній съ либералами, которыя сочинялъ Старовѣръ въ своей резолюціи *) (подписанной также Аксельродомъ и Мартовымъ) и неисполнимость которыхъ была уже предсказана въ нашей литературѣ? Объ этихъ усло-

---

*) Напомнимъ читателю, что въ принятой съѣздомъ (вопреки моему и Плеханова мнѣнію) резолюціи Старовѣра поставлены 3 условія временныхъ соглашеній съ либералами: 1) Либералы „ясно и недвусмысленно заявятъ, что въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ они становятся рѣшительно на сторону соціалдемократіи»; 2) «они не выставятъ въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и демократіи вообще или затемняющихъ его сознаніе»; 3) «своимъ лозунгомъ борьбы они сдѣлаютъ всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право».

віяхъ редакція не говоритъ въ своемъ письмѣ ни слова. Редакція провела резолюцію на съѣздѣ, чтобы бросить ее потомъ въ корзину для ненужной бумаги. При первой же попыткѣ практическаго приступа къ дѣлу сразу стало видно, что предъявленіе старовѣровскихъ „условій" вызвало бы только гомерическій хохотъ гг. либеральныхъ земцевъ.

Пойдемъ дальше. Можно ли вообще признать *принципіально* правильнымъ постановку передъ рабочей партіей задачи предъявлять либеральной демократіи или земцамъ такія политическія требованія, „которыя она обязана поддерживать, чтобы имѣть хоть какое-нибудь право выступать отъ имени народа"? Нѣтъ, такая постановка задачи принципіально неправильна и ведетъ только къ затемнѣнію классового самосознанія пролетаріата, къ безплоднѣйшей казуистикѣ. Выступать отъ имени народа—это и значитъ выступать въ качествѣ демократа. Всякій демократъ (и въ томъ числѣ буржуазный демократъ) имѣетъ право выступать отъ имени народа, но онъ имѣетъ это право лишь постольку, поскольку онъ послѣдовательно, рѣшительно и до конца проводитъ демократизмъ. Слѣдовательно, *всякій* буржуазный демократъ „имѣетъ хоть какое-нибудь право выступать отъ имени народа" (ибо всякій буржуазный демократъ отстаиваетъ, пока онъ демократъ, то или иное демократическое требованіе), но въ то же время *ни одинъ* буржуазный демократъ не имѣетъ права по всей линіи выступать отъ имени народа (ибо ни одинъ буржуазный демократъ въ настоящее время не способенъ рѣшительно и до конца доводить демократизмъ). Г. Струве имѣетъ право выступать отъ имени народа, поскольку „Освобожденіе" борется съ самодержавіемъ. Г. Струве не имѣетъ никакого права выступать отъ имени народа, поскольку „Освобожденіе" виляетъ и вертится, ограничивается цензовой конституціей, приравниваетъ земскую оппозицію къ борьбѣ, уклоняется отъ послѣдовательной и ясной демократической программы. Нѣмецкіе націоналъ-либералы имѣли право выступать отъ имени народа, поскольку они боролись за свободу передвиженія. Нѣмецкіе націоналъ-либералы не имѣли никакого права выступать отъ имени народа, поскольку они поддерживали реакціонную политику Бисмарка.

Такимъ образомъ, ставить рабочей партіи задачу предъявлять гг. либеральнымъ буржуа такія требованія, при условіи поддержки которыхъ они имѣли бы хоть какое-нибудь право выступать отъ имени народа, значитъ сочинять вздорную и нелѣпую задачу. Никакихъ особыхъ демократическихъ требованій, помимо тѣхъ, которыя изложены въ нашей программѣ, сочинять намъ незачѣмъ. Во имя этой программы мы обязаны поддерживать всякаго (въ томъ числѣ и буржуазнаго) демократа, поскольку онъ проводитъ демократизмъ; мы обязаны безпощадно разоблачать всякаго демократа (въ томъ числѣ и соціалиста-революціонера), поскольку онъ отступаетъ отъ демократизма (хотя бы, напр., въ вопросахъ насчетъ свободнаго выхода изъ общины и свободной продажи земли крестьяниномъ). Пытаться же напередъ опредѣлить, такъ сказать, мѣру допустимой подлости, пытаться за-

ранѣе установить, какія отступленія отъ демократизма позволительны для демократа, чтобы онъ имѣлъ хоть какое-нибудь право выступать въ качествѣ демократа,—это задача настолько умная, что невольно является подозрѣніе, не помогали ли нашей редакціи сочинять ее тов. Мартыновъ или тов. Данъ.

III.

Изложивъ въ своемъ письмѣ руководящія политическія соображенія, редакція даетъ затѣмъ подробное изложеніе и своего великаго плана.

Губернскія земскія собранія ходатайствуютъ о конституціи. Въ городахъ N, X, Y комитетчики плюсъ развитые рабочіе составляютъ планъ политической кампаніи „по Аксельроду". Центральный фокусъ агитаціи сводится къ воздѣйствію на буржуазную оппозицію. Выбирается организаціонная группа. Организаціонная группа выбираетъ исполнительную комиссію. Исполнительная комиссія выбираетъ спеціальнаго оратора. Стараются „привести массы въ непосредственное соприкосновеніе съ земскими собраніями, концентрировать манифестацію у того самаго зданія, въ которомъ засѣдаютъ земскіе гласные. Часть демонстрантовъ проникаетъ въ залу засѣданія съ тѣмъ, чтобы въ подходящій моментъ черезъ посредство спеціально уполномоченнаго на то оратора попросить у собранія (у предсѣдательствующаго въ собраніи предводителя дворянства?) позволенія прочитать ему заявленіе рабочихъ. Въ случаѣ отказа въ этомъ ораторъ громко заявляетъ протестъ противъ нежеланія собранія, говорящаго отъ имени народа, услышать голосъ народныхъ представителей этого самаго народа".

Таковъ новый планъ новой „Искры". Мы сейчасъ увидимъ, какъ скромно оцѣниваетъ его значеніе сама редакція, но предварительно приведемъ въ высшей степени принципіальныя поясненія редакціи насчетъ функцій исполнительной комиссіи:

..."Исполнительная комиссія должна будетъ заранѣе принять мѣры къ тому, чтобы появленіе нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ передъ зданіемъ, гдѣ засѣдаютъ земскіе гласные, и нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ въ самомъ зданіи *не вызвало въ земцахъ паническаго страха* (!!), подъ вліяніемъ котораго они способны были бы броситься (!) подъ позорную защиту полицейскихъ и казаковъ, превративъ, такимъ образомъ, мирную манифестацію въ безобразную драку и варварское побоище, извративъ весь ея смыслъ..." Редакція, видимо, сама повѣрила въ приснившееся ей пугало. У редакціи выходитъ даже, по буквальному грамматическому смыслу фразы, такъ, будто земцы превращаютъ манифестацію въ побоище и извращаютъ ея смыслъ. Мы очень невысокаго мнѣнія о либеральныхъ земцахъ, но все же паническій страхъ редакціи насчетъ призыва полиціи и казаковъ либералами въ земскомъ собраніи кажется намъ совершенно вздорнымъ. Всякій, кто хоть разъ былъ въ земскомъ собраніи, прекрасно знаетъ, что полицію позоветъ, въ случаѣ такъ называемаго нарушенія

порядка, либо председательствующій предводитель дворянства, либо присутствующій неофицильно въ сосѣдней комнатѣ чинъ полиціи. Или, можетъ быть, члены исполнительной комиссіи разъяснять по этому случаю околоточному надзирателю, что въ „планъ“ редакціи новой „Искры“ совершенно не входитъ превращеніе мирной манифестаціи въ варварское побоище?

... „Во избѣжаніи такого сюрприза, исполнительная комиссія должна заранѣе предупредить либеральныхъ гласныхъ... (чтобы они дали „формальное обѣщаніе“ не вызывать казаковъ? о готовящейся монафестаціи и ея истинной цѣли... (т.-е. предупредить, что наша истинная цѣль отнюдь не состоитъ въ томъ, чтобы насъ варварски били и этимъ извращали смыслъ аксельродовскаго плана)... Кромѣ того, она должна будетъ попытаться вступить въ нѣкоторое соглашеніе (слушайте!) съ представителями лѣваго крыла оппозиціонной буржуазіи и заручиться если не ихъ активной поддержкой, то, по крайней мѣрѣ, сочувствіемъ нашему политическому акту. Переговоры съ ними она должна вести, разумѣется, отъ имени партіи, по порученію рабочихъ кружковъ и собраній, на которыхъ не только обсуждается общій планъ политической кампаніи, но и дается отчетъ о ходѣ ея,—конечно, при строгомъ соблюденіи требованій конспираціи“.

Да, да, мы видимъ воочію, что великая идея Старовѣра о соглашеніи съ либералами на базисѣ точно опредѣленныхъ условій растетъ и крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ. Правда, всѣ эти опредѣленныя условія „временно“ положены подъ сукно (мы вѣдь не формалисты!), но за то соглашеніе достигается практически, достигается немедленно, именно: *соглашеніе о непроизведеніи паническаго страха.*

Какъ ни вертите редакціонное письмо, вы не найдете въ немъ никакого другого содержанія пресловутаго „соглашенія“ съ либералами, кромѣ указаннаго нами: либо это соглашеніе объ условіяхъ, на которыхъ либералы въ правѣ выступать отъ имени народа (и тогда самая идея о такомъ соглашеніи компрометируетъ серьезнѣйшимъ образомъ выдвигающихъ ее соціалдемократовъ), либо это соглашеніе о непроизведеніи паническаго страха, соглашеніе о сочувствіи мирной манифестаціи,—и тогда это просто вздоръ, о которомъ трудно говорить серьезно. Нелѣпая идея о центральномъ значеніи воздѣйствія на буржуазную оппозицію, а не на правительство, и не могла привести ни къ чему, кромѣ абсурда. Если мы можемъ произвести внушительную и массовую демонстрацію рабочихъ въ залѣ земскаго собранія,—мы, конечно, произведемъ ее (хотя при наличности силъ для массовой демонстраціи гораздо лучше было бы „концентрировать“ эти силы „у зданія“ не земскихъ, а полицейскихъ, жандармскихъ или цензорскихъ собраній). Но руководится при этомъ соображеніями о паническомъ страхѣ земцевъ, вести переговоры объ этомъ—верхъ неразумнаго, верхъ комичнаго. Паническій страхъ среди изряднѣйшей доли, навѣрное среди большинства, россійскихъ земцевъ всегда и неизбѣжно вызоветъ самое *содержаніе* рѣчи послѣдовательнаго соціалдемократа. Говорить заранѣе съ земцами о неже-

лательности *такого* паническаго страха значитъ ставить себя въ самое фальшивое и недостойное положеніе. Другого рода паническій страхъ будетъ также неизбѣжно вызванъ варварскимъ побоищемъ или мыслью о возможности таковаго. Вести переговоры насчетъ этого паническаго страха съ земцами весьма неумно, ибо ни вызывать побоища, ни сочувствовать ему ни одинъ даже умѣренный либералъ никогда не будетъ, но зависитъ это вовсе не отъ него. Тутъ не „переговоры" нужны, а фактическая подготовка силы, не воздѣйствіе на земцевъ, а именно воздѣйствіе на правительство и его агентовъ. Если нѣтъ силы, тогда лучше о великихъ планахъ не разглагольствовать, а если есть сила, тогда надо противопоставить именно силу казакамъ и полиціи, постараться собрать такую толпу и въ такомъ мѣстѣ, чтобы она могла отбить или хотя задержать натискъ казаковъ и полиціи. И если мы способны оказать на дѣлѣ, а не на словахъ, „внушительное организованное воздѣйствіе на буржуазную оппозицію", то ужъ, конечно, не глупенькими „переговорами" о непроизведеніи паническаго страха, а только силой, силой массоваго отпора казакамъ и царской полиціи, силой массоваго натиска, способнаго перейти въ народное возстаніе.

Редакція новой „Искры" смотритъ на вещи иначе. Она такъ довольна своимъ планомъ соглашенія и переговоровъ, что не можетъ налюбоваться на него, не можетъ нахвалиться имъ.

...Активные демонстранты должны быть „проникнуты пониманіемъ коренной разницы между обычной демонстраціей противъ полиціи, или правительства вообще, и демонстраціей, имѣющей своей непосредственной цѣлью борьбу противъ абсолютизма, при помощи прямого воздѣйствія революціоннаго пролетаріата на политическую тактику (вотъ какъ!) либеральныхъ элементовъ въ *настоящій* (курс. ред.) моментъ... Для устройства демонстрацій обычнаго, такъ сказать, общедемократическаго (!!) типа, не имѣющихъ непосредственной цѣлью конкретно противопоставить другъ другу революціонный пролетаріатъ и либерально-оппозиціонную буржуазію, какъ двѣ самостоятельныя политическія силы, достаточно одной только наличности въ народныхъ массахъ сильнаго политическаго броженія". ...„Партія наша обязана использовать это настроеніе массъ хотя бы и для такой, если можно выразиться, низшаго типа (слушайте! слушайте!) мобилизаціи этихъ массъ противъ абсолютизма"... „Мы дѣлаемъ первые (!) шаги на новомъ (!) пути политической дѣятельности, на пути организаціи такого планомѣрнаго вмѣшательства рабочихъ массъ (NB) въ общественную жизнь, которое имѣетъ непосредственной цѣлью противопоставить ихъ буржуазной оппозиціи какъ самостоятельную силу, противоположную ей по своимъ классовымъ интересамъ и въ то же время предлагающую ей условія (какія же?) для совмѣстной энергичной борьбы съ общимъ врагомъ".

Не всякому дано вмѣстить всю глубину этихъ замѣчательныхъ разсужденій. Ростовская демонстрація, когда передъ тысячами и тысячами рабочихъ разъясняются цѣли соціализма и требо-

ванія рабочей демократіи, это—„низшій типъ мобилизаціи“, это обычный, *общедемократическій* типъ, тутъ нѣтъ конкретнаго противопоставленія революціоннаго пролетаріата и буржуазной оппозиціи. А вотъ, когда спеціально уполномоченный ораторъ, котораго назначила исполнительная комиссія, которую выбрала организаціонная группа, которая образована комитетчиками и активными рабочими, когда этотъ ораторъ, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ земцами, заявитъ громко протестъ въ земскомъ собраніи о нежеланіи его выслушать, тогда это будетъ „конкретное“ и „непосредственное“ противопоставленіе двухъ самостоятельныхъ силъ, тогда это будетъ „прямое“ воздѣйствіе на тактику либераловъ, тогда это будетъ „первый шагъ на новомъ пути“. Побойтесь бога, господа! Вѣдь даже Мартыновъ въ худшія времена „Рабочаго Дѣла“ врядъ ли договаривался когда до подобныхъ пошлостей!

Массовыя рабочія собранія на улицахъ южныхъ городовъ, десятки рабочихъ ораторовъ, прямыя столкновенія съ дѣйствительной силой царскаго самодержавія, это—„низшій типъ мобилизаціи“. Соглашеніе съ земцами о мирномъ выступленіи нашего оратора, обязующагося не вызвать у гг. либераловъ паники, это—„новый путь“. Вотъ они, новыя тактическія задачи, новые тактическіе взгляды новой „Искры“, о которыхъ съ такой помпой возвѣстили всему міру черезъ Троцкаго (брошюра его: „Наши политическія задачи“). Въ одномъ отношеніи Троцкій сказалъ, однако, нечаянно правду: между старой и новой „Искрой“ дѣйствительно лежитъ пропасть. Старая „Искра“ не имѣла другихъ словъ, кромѣ словъ презрѣнія и насмѣшки по адресу тѣхъ людей, которые способны восхищаться, какъ „новымъ путемъ“, бутафорски обставленнымъ соглашеніемъ классовъ. *Этотъ* новый путь давно знакомъ намъ по опыту тѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ „государственныхъ мужей“ соціализма, которые тоже считаютъ „низшимъ типомъ“ старую революціонную тактику и не могутъ нахвалиться „планомѣрнымъ и непосредственнымъ вмѣшательствомъ въ общественную жизнь“ въ видѣ соглашеній о мирномъ и скромномъ выступленіи рабочихъ ораторовъ послѣ переговоровъ съ лѣвымъ крыломъ оппозиціонной буржуазіи.

Передъ паническимъ страхомъ либеральныхъ земцевъ редакція съ своей стороны испытываетъ такой паническій страхъ, что усиленно рекомендуетъ участникамъ сочиненнаго ею „новаго“ плана „особенную осторожность“. „Какъ крайній случай въ смыслѣ внѣшней осторожности въ обстановкѣ самаго этого акта,—читаемъ мы въ письмѣ, — мы представляемъ себѣ доставку заявленія рабочихъ гласнымъ почтой на домъ и разбрасываніе его въ значительномъ числѣ экземпляровъ въ залѣ земскаго собранія. Смущаться этимъ можно было бы, стоя на точкѣ зрѣнія буржуазнаго революціонизма (sic!), для котораго внѣшній эффектъ — все, а процессъ планомѣрнаго развитія классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата—ничто“.

Смущаться разсылкой и разброской листковъ нашему брату не свойственно, но смущаться напыщеннымъ и безсодержатель-

нымъ фразерствомъ мы будемъ всегда. По поводу разсылки и разброски листковъ толковать съ серьезнымъ видомъ о процессѣ планомѣрнаго развитія классового самосознанія и самодѣятельности пролетаріата,—для этого надо быть героемъ самодовольной пошлости. Накричать на весь міръ о новыхъ тактическихъ задачахъ и свести дѣло къ разсылкѣ и разброскѣ листковъ, это—по истинѣ безподобно, это донельзя характерно для представителей интеллигентскаго оттѣнка въ нашей партіи, которые теперь истерически мечутся въ погонѣ за новымъ тактическимъ словомъ, послѣ фіаско съ ихъ новыми организаціонными словами. И они еще толкуютъ со свойственной имъ скромностью о тщетѣ внѣшняго эффекта. Да неужели не видите вы, господа, что въ лучшемъ случаѣ, въ случаѣ полнаго успѣха вашего якобы новаго плана, именно только внѣшній эффектъ былъ бы достигнутъ выступленіемъ рабочаго передъ гг. земцами, а о дѣйствительномъ „внушительномъ“ воздѣйствіи такого выступленія на „тактику либеральныхъ элементовъ“ можно говорить только для смѣха? Не наоборотъ ли, не оказали ли дѣйствительно внушительнаго воздѣйствія на тактику либеральныхъ элементовъ тѣ массовыя демонстраціи рабочихъ, которыя вамъ кажутся демонстраціями „обычнаго, общедемократическаго, низшаго типа“? И если суждено еще разъ русскому пролетаріату оказать „воздѣйствіе“ на тактику либераловъ, то, повѣрьте, онъ окажетъ это воздѣйствіе массовымъ натискомъ на правительство, а не соглашеніемъ съ земцами.

IV.

Земская кампанія, открытая съ милостиваго разрѣшенія полиціи, нѣжныя рѣчи Святополкъ-Мирскаго и правительственныхъ официозовъ, повышеніе тона въ либеральной печати, оживленіе такъ называемаго образованнаго общества,—все это ставитъ передъ рабочей партіей самыя серьезныя задачи. Но задачи эти совершенно превратно формулируются въ письмѣ редакціи „Искры“. Именно въ настоящій моментъ центральнымъ фокусомъ политической дѣятельности пролетаріата должна быть организація внушительнаго воздѣйствія на правительство, а не на либеральную оппозицію. Именно теперь всего менѣе умѣстны соглашенія рабочихъ съ земцами о мирномъ манифестированіи,—соглашенія, которыя неизбѣжно превратились бы въ чисто водевильныя подстраиванья эффектовъ,—всего болѣе необходимо сплоченіе передовыхъ, революціонныхъ элементовъ пролетаріата для подготовки рѣшительной борьбы за свободу. Именно теперь, когда наше конституціонное движеніе начинаетъ ярко обнаруживать исконные грѣхи всякаго буржуазнаго либерализма, а русскаго въ особенности: непомѣрное развитіе фразы, злоупотребленіе словомъ, которое расходится съ дѣломъ, чисто филистерскую довѣрчивость къ правительству и ко всякому герою лисьей политики,—именно теперь особенно безтактны фразы о нежелательности устрашенія и паники гг. земцевъ, о рычагѣ для реакціи и пр., и пр. Именно теперь важнѣе всего укрѣпить въ революціонномъ пролетаріатѣ

твердое убѣжденіе въ томъ, что и настоящее „освободительное движеніе въ обществѣ“ неминуемо и неизбѣжно окажется такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какъ предыдущія, если не вмѣшается сила рабочихъ массъ, способныхъ и готовыхъ на возстаніе.

Политическое возбужденіе въ самыхъ различныхъ слояхъ народа, составляющее необходимое условіе возможности возстанія и залогъ его успѣха, залогъ поддержки почина пролетаріата, все ширится, растетъ и обостряется. Было бы очень неразумно поэтому, если бы теперь опять кто-нибудь вздумалъ кричать о немедленномъ штурмѣ, призывать строиться сейчасъ же въ штурмовыя колонны и т. п. Весь ходъ событій ручается за то, что самодержавное правительство запутается въ ближайшемъ будущемъ еще сильнѣе, озлобленіе противъ него станетъ еще болѣе грознымъ. Правительство запутается неминуемо и въ начатой имъ игрѣ съ земскимъ конституціонализмомъ. Какъ въ томъ случаѣ, если оно дастъ мизерныя уступки, такъ и въ томъ случаѣ, если оно ровно никакихъ уступокъ не дастъ, недовольство и раздраженіе неизбѣжно сдѣлаются еще болѣе широкими. Правительство запутается неминуемо и въ той позорной и преступной манчжурской авантюрѣ, которая несетъ съ собой политическій кризисъ и въ случаѣ рѣшительнаго военнаго пораженія, и въ случаѣ затягиванія безнадежной для Россіи войны.

Дѣло рабочаго класса—расширять и укрѣплять свою организацію, удесятерять агитацію въ массахъ, пользуясь всякимъ шатаніемъ правительства, пропагандируя идею возстанія, разъясняя необходимость его на примѣрѣ всѣхъ тѣхъ половинчатыхъ и заранѣе осужденныхъ на неуспѣхъ „шаговъ“, о которыхъ такъ много кричатъ теперь. Нечего и говорить, что рабочимъ слѣдуетъ откликаться на земскія ходатайства, устраивая собранія, разбрасывая листки, организуя тамъ, гдѣ есть достаточныя силы, демонстраціи для заявленія всѣхъ соціалдемократическихъ требованій, не считаясь съ „паникой“ гг. Трубецкихъ, не соображаясь съ воплями филистеровъ о рычагѣ для реакціи. И если уже рискнуть говорить напередъ и притомъ изъ-за границы о возможномъ и желательномъ высшемъ типѣ *массовыхъ* демонстрацій (ибо не массовыя совсѣмъ уже лишены значенія), если уже затронуть вопросъ о концентраціи силъ демонстрантовъ у того или иного зданія, то мы указали бы именно тѣ зданія, гдѣ вершатся полицейскія дѣла по преслѣдованію рабочаго движенія, мы указали бы на зданія полицейскихъ, жандармскихъ, цензурныхъ управленій, на мѣста заключенія политическихъ „преступниковъ“. Серьезная поддержка рабочими земскихъ ходатайствъ должна состоять не въ соглашеніи объ условіяхъ, на которыхъ земцы могли бы говорить отъ имени народа, а въ нанесеніи удара врагамъ народа. И врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что мысль о такой демонстраціи встрѣтитъ сочувствіе пролетаріата. Рабочіе слышатъ теперь со всѣхъ сторонъ напыщенныя фразы и громкія обѣщанія, видятъ дѣйствительное—хотя и ничтожное, но все же дѣйствительное—расширеніе свободы для „общества“ (ослаб-

леніе узды надъ земствами, возвращеніе опальныхъ земцевъ, облегченіе свирѣпства противъ либеральной печати), но рабочіе не видятъ ровно ничего, расширяющаго свободу *ихъ* политической борьбы. Подъ давленіемъ революціоннаго натиска *пролетаріата* правительство разрѣшило *либераламъ* поговорить о свободѣ! Безправность и приниженность рабовъ капитала выступаетъ теперь передъ пролетаріями еще болѣе ярко. У рабочихъ нѣтъ ни повсемѣстныхъ организацій для сравнительно свободнаго (съ русской точки зрѣнія) обсужденія политическихъ дѣлъ, у рабочихъ нѣтъ заловъ для собраній, у рабочихъ нѣтъ своихъ газетъ, рабочимъ не возвращаютъ изъ тюремъ и ссылокъ ихъ товарищей. Рабочіе видятъ теперь, что шкуру медвѣдя,—котораго они еще не убили, но котораго они и только они, пролетаріи, серьезно ранили,—что эту шкуру начинаютъ дѣлить гг. либеральные буржуа. Рабочіе видятъ, что эти гг. либеральные буржуа при первомъ же приступѣ къ дѣлежу будущей шкуры начинаютъ уже огрызаться и рычать противъ „крайнихъ партій", противъ „внутреннихъ враговъ"—безпощадныхъ враговъ буржуазнаго господства и спокойствія. И рабочіе поднимутся еще смѣлѣй, еще бо̀льшими массами, чтобы добить медвѣдя, чтобы силой отвоевать *себѣ* то, что, какъ милостыню, обѣщаютъ дать гг. либеральные буржуа,—свободу сходокъ, свободу рабочей печати, полную политическую свободу для широкой и открытой борьбы за полную побѣду соціализма.

———

Двѣ тактики соціалдемократіи въ демократической революціи.

Вышла въ Женевѣ
въ іюлѣ 1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ революціонный моментъ очень трудно поспѣть за событіями, которыя дають поразительно много новаго матеріала къ оцѣнкѣ тактическихъ лозунговъ Революціонныхъ партій. Настоящая брошюра писана до одесскихъ событій*) Мы уже указали въ „Пролетаріи“ (№ 9, „Революція учитъ“), что эти события заставили даже тѣхъ соціалдемократовъ, которые создали теорію возстанія процесса и отрицали пропаганду временнаго революціоннаго правительства, перейти или начать переходить фактически на сторону своихъ оппонентовъ. Революція учитъ, несомнѣнно, съ такой быстротой и такой основательностью, которыя кажутся невѣроятными въ мирныя эпохи политическаго развитія. И она учитъ, что особенно важно, не только руководителей, но и массы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что революція научитъ рабочія массы въ Россіи соціалдемократизму. Революція подтвердитъ на дѣлѣ программу и тактику соціалдемократіи, показавъ настоящую природу различныхъ общественныхъ классовъ, показавъ буржуазность нашей демократіи и настоящія стремленія крестьянства, революціоннаго въ буржуазно-демократическомъ духѣ, но таящаго въ себѣ не идею «соціализаціи», а новую классовую борьбу между крестьянской буржуазіей и сельскимъ пролетаріатомъ. Старыя иллюзіи стараго народничества, которыя такъ явно сквозятъ, напримѣръ, въ проектѣ программы партіи „соціалистовъ-революціонеровъ“ и въ вопросѣ о развитіи капитализма въ Россіи, и въ вопросѣ о демократизмѣ нашего „общества“, и въ вопросѣ о значеніи полной побѣды крестьянскаго возстанія, — всѣ эти иллюзіи будутъ безпощадно и окончательно развѣяны революціей. Она дастъ впервые настоящее политическое крещеніе различнымъ классамъ. Эти классы выйдутъ изъ революціи съ опредѣленной политической физіономіей, показавъ себя не только въ программахъ и тактическихъ лозунгахъ своихъ идеологовъ, но и въ открытомъ политическомъ дѣйствіи массъ.

Несомнѣнно, что революція научитъ насъ, научитъ народныя массы. Но вопросъ для борющейся политической партіи состоитъ теперь въ томъ, сумѣемъ ли мы научить чему-нибудь революцію? сумѣемъ ли мы воспользоваться правильностью нашего соціалдемократическаго ученія, связью нашей съ единственнымъ до конца революціоннымъ классомъ, пролетаріатомъ, для того, чтобы наложить на революцію пролетарскій отпечатокъ, чтобы довести революцію до настоящей рѣшительной побѣды на дѣлѣ, а не на словахъ, чтобы парализовать неустойчивость, половинчатость и предательство демократической буржуазіи?

---

*) Имѣется въ виду возстаніе броненосца «Князь Потемкинъ».

Къ этой цѣли должны мы направить всѣ свои усилія. А достиженіе ея зависитъ, съ одной стороны, отъ правильности нашей оцѣнки политической позиціи, отъ вѣрности нашихъ тактическихъ лозунговъ, а съ другой стороны—отъ поддержки этихъ лозунговъ реальной боевой силой рабочихъ массъ. Къ укрѣпленію и расширенію связей съ массой направлена вся обычная регулярная, текущая работа всѣхъ организацій и группъ нашей партіи, работа пропаганды, агитаціи и организаціи. Эта работа всегда необходима, но въ революціонный моментъ она менѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ считаться достаточной. Въ такой моментъ рабочій классъ инстинктивно рвется къ открытому революціонному выступленію, и мы должны умѣть правильно поставить задачи этого выступленія, чтобы распространить затѣмъ какъ можно шире знакомство съ этими задачами и пониманіе ихъ. Не надо забывать, что ходячій пессимизмъ насчетъ нашей связи съ массой прикрываетъ теперь особенно часто буржуазныя идеи относительно роли пролетаріата въ революціи. Несомнѣнно, намъ надо еще много и много работать надъ воспитаніемъ и организаціей рабочаго класса, но весь вопросъ теперь въ томъ, гдѣ долженъ лежать главный политическій центръ тяжести этого воспитанія и этой организаціи? Въ профессіональныхъ ли союзахъ и легальныхъ обществахъ или въ вооруженномъ возстаніи, въ дѣлѣ созданія революціонной арміи и революціоннаго правительства? И на томъ, и на другомъ рабочій классъ воспитывается и организуется. И то и другое, конечно, необходимо. Весь вопросъ теперь, въ настоящей революціи, сводится, однако, къ тому, въ чемъ будетъ лежать центръ тяжести воспитанія и организаціи рабочаго класса, въ первомъ или во второмъ?

Исходъ революціи зависитъ отъ того, сыграетъ ли рабочій классъ роль пособника буржуазіи, могучаго по силѣ своего натиска на самодержавіе, но безсильнаго политически, или роль руководителя народной революціи. Сознательные представители буржуазіи чувствуютъ это прекрасно. Поэтому-то „Освобожденіе" и восхваляетъ акимовщину, „экономизмъ" въ социалдемократіи, выдвигающій *теперь* на первый планъ профессіональные союзы и легальныя общества. Поэтому-то г. Струве и привѣтствуетъ (№ 72 „Освобожденія") принципіальныя тенденціи акимовщины въ новоискровствѣ. Поэтому-то онъ и обрушивается на ненавистную революціонную узость рѣшеній 3-го съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Правильные тактическіе лозунги соціалдемократіи имѣютъ теперь особенно важное значеніе для руководства массами. Ничего нѣтъ болѣе опаснаго, какъ приниженіе значенія принципіально выдержанныхъ тактическихъ лозунговъ въ революціонное время. Напримѣръ, „Искра" въ № 104 фактически переходитъ на сторону своихъ оппонентовъ въ соціалдемократіи, но въ то же время пренебрежительно отзывается о значеніи лозунговъ и тактическихъ рѣшеній, идущихъ впереди жизни, указывающихъ путь, по которому движеніе идетъ, съ рядомъ неудачъ, ошибокъ и т. д. Напротивъ, выработка вѣрныхъ тактическихъ рѣшеній имѣетъ гигантское значеніе для партіи, которая хочетъ въ духѣ выдержанныхъ принциповъ марксизма руководить пролетаріатомъ, а не только тащиться въ хвостѣ событій. Въ резолюціяхъ 3-го съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи и конференціи отколовшейся части партіи *) мы имѣемъ самыя точныя, самыя обдуманныя,

---

*) На 3-мъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. (Лондонъ, въ маѣ 1905 г.) участвовали только большевики. На «конференціи» (Женева, тогда же)—только меньшевики, называемые

самыя полныя выраженія тактическихъ взглядовъ, не случайно высказанныхъ отдѣльными литераторами, а принятыхъ отвѣтственными представителями соціалдемократическаго пролетаріата. Наша партія стоитъ впереди всѣхъ остальныхъ, имѣя точную и принятую всѣми программу. Она должна показать примѣръ остальнымъ партіямъ и въ дѣлѣ строгаго отношенія къ своимъ тактическимъ резолюціямъ, въ противовѣсъ оппортунизму демократической буржуазіи „Освобожденія" и революціонной фразѣ соціалистовъ-революціонеровъ, которые только во время революціи спохватились выступить съ „проектомъ" программы и заняться впервые вопросомъ, буржуазная ли революція происходитъ у нихъ передъ глазами.

Вотъ почему мы считаемъ самымъ насущнымъ дѣломъ революціонной соціалдемократіи тщательное изученіе тактическихъ резолюцій 3-го съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи и конференціи, опредѣленіе уклоненій въ нихъ отъ принциповъ марксизма, уясненіе себѣ конкретныхъ задачъ соціалдемократическаго пролетаріата въ демократической революціи. Этой работѣ и посвящена предлагаемая брошюра. Провѣрка нашей тактики съ точки зрѣнія принциповъ марксизма и уроковъ революціи необходима и для того, кто хочетъ реально подготовлять единство тактики, какъ основу будущаго полнаго объединенія всей Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, а не ограничиваться одними словами увѣщанія.

Іюль 1905 года.

часто въ предлагаемой брошюрѣ «новоискровцами», ибо, продолжая издавать «Искру», они объявили устами тогдашняго своего единомышленника, Троцкаго, что «между старой и новой «Искрой» лежитъ пропасть».

Двѣ тактики соціалдемократіи въ демократической революціи.

1. Насущный политическій вопросъ.

На очереди дня въ переживаемый нами революціонный моментъ стоитъ вопросъ о созывѣ всенароднаго учредительнаго собранія. Какъ рѣшить этотъ вопросъ,—мнѣнія расходятся. Намѣчаются три политическія направленія. Самодержавное правительство допускаетъ необходимость созыва народныхъ представителей, но не желаетъ ни въ какомъ случаѣ допустить, чтобы ихъ собраніе было всенароднымъ и учредительнымъ. Оно какъ будто соглашается, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ о работахъ Булыгинской комиссіи, на совѣщательное собраніе, избранное при отсутствіи свободы агитаціи и при узко-цензовой или узко-сословной системѣ выборовъ. Революціонный пролетаріатъ, поскольку имъ руководитъ соціалдемократія, требуетъ полнаго перехода власти къ учредительному собранію, добиваясь въ этихъ цѣляхъ не только всеобщаго избирательнаго права и не только полной свободы агитаціи, но, кромѣ того, немедленнаго низверженія самодержавнаго правительства и замѣны его временнымъ революціоннымъ правительствомъ. Наконецъ, либеральная буржуазія, выражающая свои пожеланія устами вождей такъ называемой „конституціонно-демократической партіи“, не требуетъ низверженія самодержавнаго правительства, не выдвигаетъ лозунга временнаго правительства, не настаиваетъ на реальныхъ гарантіяхъ того, чтобы выборы были вполнѣ свободны и правильны, чтобы собраніе представителей могло стать дѣйствительно всенароднымъ и дѣйствительно учредительнымъ. По существу дѣла, либеральная буржуазія, которая одна только является серьезной соціальной опорой направленія „освобожденцевъ“, добивается возможно болѣе мирной сдѣлки между самодержавіемъ и революціоннымъ народомъ, и при томъ такой сдѣлки, при которой бы всего больше власти досталось ей, буржуазіи, всего менѣе—революціонному народу, пролетаріату и крестьянству.

Таково политическое положеніе въ данный моментъ. Таковы три главныя политическія направленія, соотвѣтствующія тремъ главнымъ соціальнымъ силамъ современной Россіи. О томъ, какъ „освобожденцы“ прикрываютъ, якобы демократическими фразами, свою половинчатую, т.-е., говоря прямѣе и проще, измѣнниче-

скую, предательскую по отношенію къ революціи политику, мы уже не разъ говорили въ „Пролетаріи“ (№№ 3, 4, 5). Посмотримъ теперь, какъ учитываютъ социалдемократы задачи момента. Превосходнымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи являются двѣ резолюціи, принятыя совсѣмъ недавно 3-мъ съѣздомъ Р. С.-Д. Р. П. и „конференціей“ отколовшейся части партіи. Вопросъ о томъ, какая изъ этихъ резолюцій правильнѣе учитываетъ политическій моментъ и правильнѣе опредѣляетъ тактику революціоннаго пролетаріата, имѣетъ громадное значеніе, и всякій соціалдемократъ, желающій сознательно исполнить свои обязанности пропагандиста, агитатора и организатора, долженъ со всѣмъ вниманіемъ разобраться въ этомъ вопросѣ, оставивъ совершенно въ сторонѣ соображенія, не относящіяся къ существу дѣла.

Подъ тактикой партіи разумѣется ея политическое поведеніе или характеръ, направленіе, способы ея политической дѣятельности. Тактическія резолюціи принимаются партійнымъ съѣздомъ для того, чтобы точно опредѣлить политическое поведеніе партіи, какъ цѣлаго, въ отношеніи новыхъ задачъ или въ виду новаго политическаго положенія. Такое новое положеніе создала начавшаяся въ Россіи революція, то-есть полное, рѣшительное и открытое расхожденіе гигантскаго большинства народа съ самодержавнымъ правительствомъ. Новый вопросъ состоитъ въ томъ, каковы практическіе способы созыва дѣйствительно всенароднаго и дѣйствительно учредительнаго собранія (теоретически вопросъ о такомъ собраніи давно уже и раньше всѣхъ другихъ партій рѣшенъ соціалдемократіей офиціально, въ ея партійной программѣ). Если народъ разошелся съ правительствомъ и массой сознана необходимость учредить новый порядокъ, то партія, поставившая себѣ цѣлью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о томъ, какимъ правительствомъ замѣнить старое, свергаемое правительство. Возникаетъ *новый* вопросъ о временномъ революціонномъ правительствѣ. Чтобы дать полный отвѣтъ на этотъ вопросъ, партія сознательнаго пролетаріата должна выяснить, во 1-хъ, *значеніе* временнаго революціоннаго правительства въ происходящей революціи и во всей борьбѣ пролетаріата вообще; во 2-хъ, свое *отношеніе* къ временному революціонному правительству; въ 3-хъ, точныя условія *участія* с.-д. въ этомъ правительствѣ; въ 4-хъ, условія давленія на это правительство *снизу*, т.-е. при отсутствіи въ немъ соціалдемократіи. Только при выясненіи всѣхъ этихъ вопросовъ политическое поведеніе партіи въ данномъ отношеніи будетъ принципіальное, ясное и твердое.

Посмотримъ же, какъ разрѣшаетъ эти вопросы резолюція 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Вотъ ея полный текстъ:

„*Резолюція о временномъ революціонномъ правительствѣ*“.

„Принимая во вниманіе:

1) что какъ непосредственные интересы пролетаріата, такъ и интересы его борьбы за конечныя цѣли соціализма требуютъ возможно болѣе полной политической свободы, а, слѣдовательно,

замѣны самодержавной формы правленія демократической республикой;

2) что осуществленіе демократической республики въ Россіи возможно лишь въ результатѣ побѣдоноснаго народнаго возстанія, органомъ котораго явится временное революціонное правительство, единственно способное обезпечить полную свободу предвыборной агитаціи и созвать на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, съ тайной подачей голосовъ, учредительное собраніе, дѣйствительно выражающее волю народа;

3) что этотъ демократическій переворотъ въ Россіи, при данномъ общественно-экономическомъ ея строѣ, не ослабитъ, а усилитъ господство буржуазіи, которая неминуемо попытается въ извѣстный моментъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, отнять у россійскаго пролетаріата возможно бо́льшую часть завоеваній революціоннаго періода,—

3-ій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. постановляетъ:

а) необходимо распространять въ рабочемъ классѣ конкретное представленіе о наиболѣе вѣроятномъ ходѣ революціи и о необходимости въ извѣстный ея моментъ появленія временнаго революціоннаго правительства, отъ котораго пролетаріатъ потребуетъ осуществленія всѣхъ ближайшихъ политическихъ и экономическихъ требованій нашей программы (программа-минимумъ);

б) въ зависимости отъ соотношенія силъ и другихъ факторовъ, не поддающихся точному предварительному опредѣленію, допустимо участіе во временномъ революціонномъ правительствѣ уполномоченныхъ нашей партіи, въ цѣляхъ безпощадной борьбы со всѣми контръ-революціонными попытками и отстаиванія самостоятельныхъ интересовъ рабочаго класса;

в) необходимымъ условіемъ такого участія ставится строгій контроль партіи надъ ея уполномоченными и неуклонное охраненіе независимости социалдемократіи, стремящейся къ полному соціалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всѣмъ буржуазнымъ партіямъ;

г) независимо отъ того, возможно ли будетъ участіе соціалдемократіи во временномъ революціонномъ правительствѣ, слѣдуетъ пропагандировать въ самыхъ широкихъ слояхъ пролетаріата идею необходимости постояннаго давленія на временное правительство со стороны вооруженнаго и руководимаго соціалдемократіей пролетаріата въ цѣляхъ охраны, упроченія и расширенія завоеваній революціи".

2. Что даетъ намъ резолюція 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. о временномъ революціонномъ правительствѣ?

Резолюція 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П., какъ видно изъ ея названія, посвящена всецѣло и исключительно вопросу о временномъ революціонномъ правительствѣ. Это значитъ, что участіе с.-д. во временномъ революціонномъ правительствѣ входитъ сюда, какъ часть вопроса. Съ другой стороны, рѣчь идетъ только о временномъ революціонномъ правительствѣ,—ни о чемъ другомъ;

слѣдовательно, сюда не входитъ совершенно вопросъ хотя бы о „завоеваніи власти“ вообще и т. п. Правильно ли поступилъ съѣздъ, отстранивъ этотъ послѣдній и подобные вопросы? Несомнѣнно, правильно, ибо такихъ вопросовъ политическое положеніе Россіи отнюдь не выдвигаетъ на очередь дня. Наоборотъ, всѣмъ народомъ поставлено на очередь сверженіе самодержавія и созывъ учредительнаго собранія. Съѣздамъ партіи слѣдуетъ ставить на разрѣшеніе не тѣ вопросы, которыхъ коснулся кстати или некстати тотъ или иной литераторъ, а тѣ, которые имѣютъ серьезное политическое значеніе въ силу условій момента и вслѣдствіе объективнаго хода общественнаго развитія.

Какое значеніе въ теперешней революціи и въ общей борьбѣ пролетаріата имѣетъ временное революціонное правительство? Резолюція съѣзда разъясняетъ это, указывая въ самомъ началѣ на необходимость „возможно болѣе полной политической свободы“ и съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ пролетаріата, и съ точки зрѣнія „конечныхъ цѣлей соціализма“. А полная политическая свобода требуетъ замѣны самодержавія демократической республикой, какъ признано уже нашей партійной программой. Подчеркиваніе лозунга демократической республики въ резолюціи съѣзда необходимо логически и принципіально, ибо пролетаріатъ, какъ передовой борецъ за демократію, добивается именно полной свободы; кромѣ того, это подчеркиваніе тѣмъ болѣе цѣлесообразно въ данный моментъ, что у насъ теперь какъ разъ выступаютъ подъ флагомъ „демократизма“ монархисты, именно: такъ наз. конституціонно-„демократическая“ или „освобожденская“ партія. Для учрежденія республики безусловно необходимо собраніе народныхъ представителей, притомъ непремѣнно всенародное (на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ) и учредительное. Это и признаетъ резолюція съѣзда далѣе. Но она не ограничивается этимъ. Чтобы учредить новый порядокъ, „дѣйствительно выражающій волю народа“, недостаточно назвать представительное собраніе учредительнымъ. Надо, чтобы это собраніе имѣло власть и силу „учреждать“. Сознавая это, резолюція съѣзда не ограничивается формальнымъ лозунгомъ „учредительнаго собранія“, а добавляетъ матеріальныя условія, при которыхъ только и возможно настоящее выполненіе этимъ собраніемъ своей задачи. Такое указаніе условій, при которыхъ учредительное на словахъ собраніе можетъ стать учредительнымъ на дѣлѣ, необходимо настоятельно, ибо либеральная буржуазія, въ лицѣ конституціонно-монархической партіи, завѣдомо извращаетъ, какъ мы уже не разъ указывали, лозунгъ всенароднаго учредительнаго собранія, сводя его къ пустой фразѣ.

Резолюція съѣзда говоритъ, что обезпечить полную свободу предвыборной агитаціи и созвать собраніе, дѣйствительно выражающее волю народа, способно *единственно* временное революціонное правительство, притомъ такое, которое бы являлось органомъ побѣдоноснаго народнаго возстанія. Вѣрно ли это положеніе? Кто вздумалъ бы оспорить его, тотъ долженъ утверждать, что самодержавное правительство можетъ не тянуть руку реакціи,

что оно способно быть нейтральнымъ при выборахъ, что оно можетъ заботиться о дѣйствительномъ выраженіи воли народа. Подобныя утвержденія настолько нелѣпы, что открыто ихъ никто не станетъ защищать, но тайкомъ ихъ привозятъ, подъ либеральнымъ флагомъ, именно наши освобожденцы. Учредительное собраніе долженъ кто-нибудь созвать; свободу и правильность выборовъ долженъ кто-нибудь обезпечить; силу и власть этому собранію кто-нибудь долженъ цѣликомъ вручить: только революціонное правительство, являющееся органомъ возстанія, можетъ вполнѣ искренно хотѣть этого и быть въ силахъ все сдѣлать для осуществленія этого. Самодержавное правительство неизбѣжно будетъ противодѣйствовать этому. Либеральное правительство, вошедшее въ сдѣлку съ самодержавіемъ и не опирающееся цѣликомъ на народное возстаніе, не способно ни искренно хотѣть этого, ни осуществить этого, даже при самомъ искреннемъ желаніи. Резолюція съѣзда даетъ, слѣдовательно, единственно правильный и вполнѣ послѣдовательный демократическій лозунгъ.

Но оцѣнка значенія временнаго революціоннаго правительства была бы не полна и не вѣрна, если бы былъ упущенъ изъ виду классовый характеръ демократическаго переворота. Резолюція добавляетъ поэтому, что переворотъ усилитъ господство буржуазіи. Это неизбѣжно при данномъ, т.-е. капиталистическомъ общественно-экономическомъ строѣ. А результатомъ усиленія господства буржуазіи надъ сколько-нибудь свободнымъ политически пролетаріатомъ неизбѣжно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянныя попытки буржуазіи „отнять у пролетаріата завоеванія революціоннаго періода“. Борясь за демократію впереди всѣхъ и во главѣ всѣхъ, пролетаріатъ ни на минуту не долженъ забывать, поэтому, о таящихся въ нѣдрахъ буржуазной демократіи новыхъ противорѣчіяхъ и о новой борьбѣ.

Значеніе временнаго революціоннаго правительства оцѣнено, такимъ образомъ, въ разсмотрѣнной нами части резолюціи вполнѣ: и въ его отношеніи къ борьбѣ за свободу и за республику, и въ его отношеніи къ учредительному собранію, и въ его отношеніи къ демократическому перевороту, очищающему почву для новой классовой борьбы.

Спрашивается далѣе, какова должна быть позиція пролетаріата вообще по отношенію къ временному революціонному правительству? Резолюція съѣзда отвѣчаетъ на это прежде всего прямымъ совѣтомъ партіи распространять въ рабочемъ классѣ убѣжденіе въ необходимости временнаго революціоннаго правительства. Рабочій классъ долженъ сознать эту необходимость. Въ то время, какъ „демократическая“ буржуазія оставляетъ въ тѣни вопросъ о низверженіи самодержавнаго правительства, мы должны выдвигать его на первое мѣсто и настаивать на необходимости временнаго революціоннаго правительства. Мало того, мы должны указать программу дѣйствій этого правительства, соотвѣтствующую объективнымъ условіямъ переживаемаго историческаго момента и задачамъ пролетарской демократіи. Эта программа есть

вся программа-минимумъ нашей партіи, программа ближайшихъ политическихъ и экономическихъ преобразованій, вполнѣ осуществимыхъ, съ одной стороны, на почвѣ данныхъ общественно-экономическихъ отношеній и необходимыхъ, съ другой стороны, для дальнѣйшаго шага впередъ, для осуществленія соціализма.

Такимъ образомъ, резолюція выясняетъ вполнѣ характеръ и цѣль временнаго революціоннаго правительства. По всему происхожденію и основному характеру это правительство должно быть органомъ народнаго возстанія. По своему формальному назначенію, оно должно быть орудіемъ созыва всенароднаго учредительнаго собранія. По содержанію его дѣятельности, оно должно осуществить программу-минимумъ пролетарской демократіи, какъ единственно способную обезпечить интересы возставшаго противъ самодержавія народа.

Могутъ возразить, что временное правительство, будучи временнымъ, не можетъ проводить положительной программы, еще не одобренной всѣмъ народомъ. Такое возраженіе было бы лишь софизмомъ реакціонеровъ и „самодержавщиковъ". Не проводить никакой положительной программы—значитъ терпѣть существованіе крѣпостническихъ порядковъ прогнившаго самодержавія. Терпѣть такіе порядки могло бы лишь правительство измѣнниковъ дѣлу революціи, а не правительство, являющееся органомъ народнаго возстанія. Было бы насмѣшкой, если бы кто-либо предложилъ отказаться отъ осуществленія на дѣлѣ свободы собраній впредь до признанія этой свободы учредительнымъ собраніемъ,—подъ тѣмъ предлогомъ, что учредительное собраніе можетъ еще и не признать свободы собраній! Такой же насмѣшкой является возражаніе противъ немедленнаго осуществленія программы-минимумъ временнымъ революціоннымъ правительствомъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что, ставя задачей временнаго революціоннаго правительства осуществленіе программы-минимумъ, резолюція тѣмъ самымъ устраняетъ нелѣпыя полуанархическія мысли о немедленномъ осуществленіи программы-максимумъ, о завоеваніи власти для соціалистическаго переворота. Степень экономическаго развитія Россіи (условіе объективное) и степень сознательности и организованности широкихъ массъ пролетаріата (условіе субъективное, неразрывно связанное съ объективнымъ) дѣлаютъ невозможнымъ немедленное полное освобожденіе рабочаго класса. Только самые невѣжественные люди могутъ игнорировать буржуазный характеръ происходящаго демократическаго переворота; только самые наивные оптимисты могутъ забывать о томъ, какъ еще мало знаетъ масса рабочихъ о цѣляхъ соціализма и способахъ его осуществленія. А мы всѣ убѣждены, что освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ; безъ сознательности и организованности массъ, безъ подготовки и воспитанія ихъ открытой классовой борьбой со всей буржуазіей о соціалистической революціи не можетъ быть и рѣчи. И въ отвѣтъ на анархическія возраженія, будто мы откладываемъ соціалистическій переворотъ, мы скажемъ: мы не откладываемъ его, а дѣлаемъ первый шагъ къ нему единственно возможнымъ

способомъ по единственно вѣрной дорогѣ, именно по дорогѣ демократической республики. Кто хочетъ идти къ соціализму по другой дорогѣ, помимо демократизма политическаго, тотъ неминуемо приходитъ къ нелѣпымъ и реакціоннымъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ выводамъ. Если тѣ или другіе рабочіе спросятъ насъ въ соотвѣтствующій моментъ: почему бы не осуществить намъ программы-максимумъ, мы отвѣтимъ имъ указаніемъ на то, какъ чужды еще соціализму демократически настроенныя массы народа, какъ неразвиты еще классовыя противорѣчія, какъ не организованы еще пролетаріи. Организуйте-ка сотни тысячъ рабочихъ по всей Россіи, распространите сочувствіе своей программѣ среди милліоновъ! Попробуйте сдѣлать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами,—и вы увидите тотчасъ же, что осуществленіе этой организаціи, что распространеніе этого соціалистическаго просвѣщенія зависитъ отъ возможно болѣе полнаго осуществленія демократическихъ преобразованій.

Пойдемъ дальше. Разъ выяснено значеніе временнаго революціоннаго правительства и отношеніе къ нему пролетаріата, возникаетъ слѣдующій вопросъ: допустимо ли и при какихъ условіяхъ наше участіе въ немъ (дѣйствіе сверху)? Каково должно быть наше дѣйствіе снизу? Резолюція даетъ точные отвѣты на оба эти вопроса. Она рѣшительно заявляетъ, что въ принципѣ участіе соціалдемократіи во врем. рев. правительствѣ (въ эпоху демократическаго переворота, въ эпоху борьбы за республику) *допустимо*. Этимъ заявленіемъ мы безповоротно отдѣляемъ себя и отъ анархистовъ, отвѣчающихъ на этотъ вопросъ принципіально въ отрицательномъ смыслѣ, и отъ хвостистовъ соціалдемократіи (въ родѣ Мартынова и ново-искровцевъ), *пугавшихъ* насъ перспективой такого положенія, когда это участіе могло бы оказаться для насъ необходимымъ. Этимъ заявленіемъ 3-й съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. безповоротно отвергъ ту мысль новой „Искры“, будто участіе соц.-дем. во временномъ революціонномъ правительствѣ есть разновидность мильеранизма, будто это недопустимо принципіально, какъ освященіе буржуазнаго порядка, и т. д.

Но вопросъ о принципіальной допустимости, само собою разумѣется, не рѣшаетъ еще вопроса о практической цѣлесообразности. При какихъ условіяхъ этотъ новый видъ борьбы, борьбы „сверху“, признанный съѣздомъ партіи, является цѣлесообразнымъ? Само собою разумѣется, что о конкретныхъ условіяхъ, въ родѣ соотношенія силъ и т. п., говорить теперь нѣтъ возможности, и резолюція, естественно, отказывается отъ предварительнаго опредѣленія этихъ условій. Ни одинъ разумный человѣкъ не возьмется предсказывать что-либо насчетъ интересующаго насъ вопроса въ настоящій моментъ. Можно и должно опредѣдѣлить характеръ и цѣль нашего участія. Резолюція и дѣлаетъ это, указывая двѣ цѣли участія: 1) безпощадную борьбу съ контръ-революціонными попытками и 2) отстаиванье самостоятельныхъ интересовъ рабочаго класса. Въ то время, какъ либеральные буржуа начинаютъ усердно разговаривать о психологіи

реакціи (см. поучительнѣйшее „Открытое письмо“ г. Струве въ № 71 „Освобожденія“), стараясь запугать революціонный народъ и побудить его къ уступчивости по отношенію къ самодержавію, — въ это время особенно умѣстно со стороны партіи пролетаріата напомнить о задачѣ настоящей войны съ контръ-революціей. Великіе вопросы политической свободы и классовой борьбы рѣшаетъ, въ послѣднемъ счетѣ, только сила, и мы должны заботиться о подготовкѣ, организаціи этой силы и объ активномъ, не только оборонительномъ, но и наступательномъ употребленіи ея. Долгая эпоха политической реакціи, царящей въ Европѣ почти безпрерывно со временъ Парижской Коммуны, слишкомъ сроднила насъ съ мыслью о дѣйствіи только „снизу“, слишкомъ пріучила насъ наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомнѣнно, въ новую эпоху; начался періодъ политическихъ потрясеній и революцій. Въ такой періодъ, какой переживается Россіей, непозволительно ограничиваться старымъ шаблономъ. Надо пропагандировать идею о дѣйствіи сверху, надо готовиться къ самымъ энергичнымъ, наступательнымъ дѣйствіямъ, надо изучать условія и формы такихъ дѣйствій. Изъ такихъ условій резолюція съѣзда выдвигаетъ на первый планъ два: одно касается формальной стороны участія соц.-дем. во временномъ революціонномъ правительствѣ (строгій контроль партіи за ея уполномоченными), другое—самого характера этого участія (ни на минуту не упускать изъ виду цѣли полнаго соціалистическаго переворота).

Выяснивъ, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ политику партіи при дѣйствіи „сверху“, — этомъ новомъ, почти невиданномъ доселѣ способѣ борьбы, — резолюція предусматриваетъ и тотъ случай, когда сверху дѣйствовать намъ не удастся. Дѣйствовать снизу на временное революціонное правительство мы обязаны во всякомъ случаѣ. Для такого давленія снизу пролетаріатъ долженъ быть вооруженъ,—ибо въ революціонный моментъ дѣло доходитъ особенно быстро до прямой гражданской войны,— и руководимъ социалдемократіей. Цѣль его вооруженнаго давленія — „охрана, упроченіе и расширеніе завоеваній революціи“; т.-е. тѣхъ завоеваній, которыя, съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, должны состоять въ осуществленіи всей нашей программы-минимумъ.

Этимъ мы закончимъ краткій разборъ резолюціи 3-го съѣзда о временномъ революціонномъ правительствѣ. Какъ видитъ читатель, резолюція эта выясняетъ и значеніе новаго вопроса, и отношеніе къ нему партіи пролетаріата, и политику партіи какъ извнутри временнаго революціоннаго правительства, такъ и извнѣ его.

Посмотримъ теперь на соотвѣтствующую резолюцію „конференціи“.

3. Что такое „рѣшительная побѣда революціи надъ царизмомъ"?

Резолюція „конференціи" посвящена вопросу *„о завоеваніи власти и участіи во временномъ правительствѣ"* *). Уже въ этой постановкѣ вопроса кроется, какъ мы указывали, путаница. Съ одной стороны, вопросъ ставится *узко: только о нашемъ участіи во временномъ правительствѣ, а не вообще о задачахъ партіи по отношенію къ временному революціонному правительству.* Съ другой стороны, смѣшиваются два совершенно разнородныхъ вопроса: о нашемъ участіи въ одной изъ стадій *демократическаго* переворота и о *соціалистическомъ* переворотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, „завоеваніе власти" соціалдемократіей есть именно соціалистическій переворотъ и не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, если употреблять эти слова въ ихъ прямомъ и обычномъ значеніи. А если понимать ихъ въ смыслѣ завоеванія власти не для соціалистическаго, а демократическаго переворота, то тогда какой смыслъ говорить не только объ участіи во временномъ революціонномъ правительствѣ, но и о „завоеваніи власти" *вообще?* Очевидно, наши „конференты" сами хорошенько не знали, о чемъ, собственно, имъ слѣдуетъ говорить: о демократическомъ или о соціалистическомъ переворотѣ. Кто слѣдилъ за литературой вопроса, тотъ знаетъ, что начало этой путаницѣ положилъ тов. Мартыновъ въ его знаменитыхъ „Двухъ диктатурахъ": ново-искровцы неохотно вспоминаютъ о постановкѣ вопроса, данной (еще до 9-го января) въ этомъ образцово-хвостистскомъ произведеніи, но его идейное вліяніе на конференцію не подлежитъ сомнѣнію.

Но оставимъ въ сторонѣ заглавіе резолюціи. Ея содержаніе показываетъ намъ ошибки, несравненно болѣе глубокія и серьезныя. Вотъ первая часть ея:

„Рѣшительная побѣда революціи надъ самодержавіемъ можетъ быть ознаменована либо учрежденіемъ временнаго правительства, вышедшаго изъ побѣдоноснаго народнаго возстанія, либо революціонной иниціативой того или иного представительнаго учрежденія, рѣшающаго, подъ непосредственнымъ революціоннымъ давленіемъ народа, организовать всенародное учредительное собраніе".

Итакъ, намъ говорятъ, что рѣшительной побѣдой революціи надъ самодержавіемъ можетъ быть и побѣдоносное возстаніе и... рѣшеніе представительнаго учрежденія организовать учредительное собраніе! Что это? какъ это? Рѣшительная побѣда можетъ быть ознаменована „рѣшеніемъ" организовать учредительное собраніе?? И такая „побѣда" ставится рядомъ съ учрежденіемъ временнаго правительства, „вышедшаго изъ побѣдоноснаго народнаго возстанія"!! Конференція не замѣтила, что *побѣдоносное* народное возстаніе и *учрежденіе* временнаго правительства озна-

---

*) Полный текстъ этой резолюціи читатель можетъ возстановить по цитатамъ, приведеннымъ на стр. 422, 426—27, 430, 455 и 466-й данной книги.

чаютъ побѣду революціи на *дѣлѣ*, а „рѣшеніе“ организовать учредительное собраніе означаетъ побѣду революціи лишь *на словахъ*.

Конференція меньшевиковъ-ново-искровцевъ впала въ ту самую ошибку, въ которую постоянно впадаютъ либералы, освобожденцы. Освобожденцы фразерствуютъ объ „учредительномъ“ собраніи, стыдливо закрывая глаза на сохраненіе силы и власти въ рукахъ царя, забывая, что для „учрежденія“ нужно имѣть *силу* учредить. Конференція тоже забыла, что отъ „рѣшенія“ какихъ угодно представителей до осуществленія этого рѣшенія еще далеко. Конференція тоже забыла, что, пока власть остается въ рукахъ самодержавія, любыя рѣшенія какихъ угодно представителей останутся такой же пустой и жалкой болтовней, какой оказались „рѣшенія“ знаменитаго въ исторіи германской революціи 1848 года франкфуртскаго парламента. Представитель революціоннаго пролетаріата, Марксъ, въ своей „Новой Рейнской Газетѣ“ за то и бичевалъ безпощадными сарказмами франкфуртскихъ либеральныхъ „освобожденцевъ“, что они говорили хорошія слова, принимали всякія демократическія „рѣшенія“, „учреждали“ всякія свободы, а на дѣлѣ оставляли власть въ рукахъ короля, не организовывали вооруженной борьбы съ военной силой, бывшей въ распоряженіи короля. И пока франкфуртскіе освобожденцы болтали,—король выждалъ время, укрѣпилъ свои военные силы, и контръ-революція, опираясь на реальную силу, разбила на-голову демократовъ со всѣми ихъ прелестными „рѣшеніями“.

Конференція приравняла къ рѣшительной побѣдѣ то, въ чемъ какъ разъ не достаетъ рѣшительнаго условія побѣды. Какимъ образомъ могли социалдемократы, признающіе республиканскую программу нашей партіи, впасть въ эту ошибку? Чтобы понять это странное явленіе, надо обратиться къ резолюціи 3-го съѣзда объ отколовшейся части партіи *). Въ этой резолюціи

---

*) Приводимъ полный текстъ этой резолюціи: «Съѣздъ констатируетъ, что въ Р. С.-Д. Р. П. со времени ея борьбы съ экономизмомъ сохраняются до сихъ поръ въ различной мѣрѣ и въ различныхъ отношеніяхъ родственные ему оттѣнки, характеризующіеся общей тенденціей принижать значеніе элементовъ сознательности въ пролетарской борьбѣ, подчиняя ихъ элементамъ стихійности. Представители этихъ оттѣнковъ въ вопросѣ организаціонномъ теоретически выставляютъ не соотвѣтствующій планомѣрно оформленной работѣ партіи принципъ организаціи процесса, на практикѣ же проводятъ въ массѣ случаевъ систему уклоненій отъ партійной дисциплины, а въ другихъ случаяхъ, обращая къ наименѣе сознательной части партіи проповѣдь широкаго, не считающагося съ объективными условіями русской дѣйствительности примѣненія выборнаго начала, пытаются подорвать единственно возможныя въ данное время основы партійной связи. Въ вопросахъ тактическихъ они проявляютъ себя стремленіемъ сузить размахъ партійной работы, высказываясь противъ законченно-независимой партійной тактики по отношенію къ либерально-буржуазнымъ партіямъ, противъ возможности и желательности для нашей партіи взять на себя организующую роль въ народномъ возстаніи, противъ участія партіи при какихъ бы то ни было условіяхъ во временномъ демократически-революціонномъ правительствѣ.

Съѣздъ предлагаетъ всѣмъ членамъ партіи вести повсюду энергичную идейную борьбу противъ подобныхъ частичныхъ уклоненій отъ принциповъ революціонной соціалдемократіи, но въ то же время находитъ, что участіе въ партійныхъ организаціяхъ лицъ, примыкающихъ въ той или иной мѣрѣ къ подобнымъ взглядамъ, допустимо при томъ необходимомъ условіи, чтобы они, признавая партійные съѣзды и партійный уставъ, всецѣло подчинялись партійной дисциплинѣ».

указывается на переживаніе въ нашей партіи разныхъ „родственныхъ экономизму“ теченій. Наши конференты (недаромъ, вѣрно, они находятся подъ идейнымъ руководствомъ Мартынова) разсуждаютъ о революціи совершенно въ томъ же духѣ, какъ экономисты разсуждали о политической борьбѣ или 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ. Экономисты сейчасъ же пускали въ ходъ „теорію стадій“: 1) борьба за права; 2) политическая агитація; 3) политическая борьба, — или 1) 10-тичасовой рабочій день; 2) 9-тичасовой; 3) 8-мичасовой. Какіе результаты получались отъ этой „тактики-процесса“, всѣмъ достаточно извѣстно. Теперь намъ предлагаютъ и революцію напередъ раздѣлить хорошенечко на стадіи: 1) старая власть созываетъ представительное учрежденіе; 2) это представительное учрежденіе „рѣшаетъ“ подъ давленіемъ „народа“ организовать учредительное собраніе; 3)... о третьей стадіи меньшивики еще не столковались; они забыли, что революціонное давленіе народа встрѣчаетъ контръ-революціонное давленіе старой власти и что поэтому либо „рѣшеніе“ остается не осуществленнымъ, либо дѣло рѣшаетъ опять-таки побѣда или пораженіе народнаго возстанія. Резолюція конференціи точь-въ-точь похожа на такое разсужденіе экономистовъ: рѣшительная побѣда рабочихъ можетъ быть ознаменована либо революціоннымъ осуществленіемъ 8-мичасового рабочаго дня, либо дарованіемъ десятичасового рабочаго дня и „рѣшеніемъ“ перейти къ девятичасовому... Точь-въ-точь то же самое.

Намъ могутъ возразить, пожалуй, что авторы резолюціи не имѣли въ виду *приравнять* побѣду возстанія къ „рѣшенію“ представительнаго учрежденія, созваннаго старой властью, что они хотѣли предусмотрѣть тактику партіи въ томъ и другомъ случаѣ. Мы отвѣтимъ на это: 1) Текстъ резолюціи прямо и недвусмысленно называетъ „рѣшительной побѣдой революціи надъ самодержавіемъ“ *рѣшеніе* представительнаго учрежденія. Можетъ быть, это результатъ небрежной редакціи, можетъ быть, ее можно бы исправить на основаніи протоколовъ, но пока она не исправлена, смыслъ этой редакціи можетъ быть только одинъ, и смыслъ этотъ всецѣло *освобожденскій.* 2) „Освобожденскій“ ходъ мысли, въ который впали авторы резолюціи, еще несравненно рельефнѣе выступаетъ въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ новоискровцевъ. Напр. въ органѣ Тифлисскаго комитета, „Соціалдемократъ“ (на грузинскомъ языкѣ; расхваленъ „Искрой“ въ № 100), статья „Земскій соборъ и наша тактика“ договаривается прямо до того, что „тактика“, „избирающая центромъ нашего дѣйствія земскій соборъ“ (о созывѣ котораго, добавимъ отъ себя, мы еще ничего точнаго не знаемъ!), *„выгоднѣе для насъ“*, чѣмъ „тактика“ вооруженнаго возстанія и учрежденія временнаго революціоннаго правительства. Мы ниже еще вернемся къ этой статьѣ. 3) Нельзя ничего имѣть противъ предварительнаго обсужденія тактики партіи и на случай побѣды революціи, и на случай пораженія ея; и на случай успѣха возстанія, и на тотъ случай, если возстаніе не сможетъ раз-

горѣться въ серьезную силу *). Возможно, что самодержавному правительству удастся созвать представительное собраніе въ цѣляхъ сдѣлки съ либеральной буржуазіей, — резолюція 3-го съѣзда, предусматривая это, говоритъ прямо о „лицемѣрной политикѣ“, о „псевдодемократизмѣ“, о „каррикатурныхъ формахъ народнаго правительства въ родѣ такъ называемаго земскаго собора“. Но въ томъ-то и дѣло, что это говорится не въ резолюціи о временномъ революціонномъ правительствѣ, ибо къ временному революціонному правительству это не имѣетъ отношенія. Этотъ случай отдвигаетъ проблемму возстанія и учрежденія временнаго революціоннаго правительства, видоизмѣняетъ ее и т. д. Рѣчь же идетъ теперь не о томъ, что возможны всякія комбинаціи, что возможна и побѣда и пораженіе, и прямые пути и окольные,—рѣчь идетъ о томъ, что непозволительно соціалдемократу вносить путаницу въ представленіе рабочихъ о дѣйствительно революціонномъ пути, что непозволительно поосвобожденски называть рѣшительной побѣдой то, въ чемъ не достаетъ *основного* условія побѣды. Возможно, что и восьмичасовой рабочій день мы получимъ не сразу, а лишь долгимъ окольнымъ путемъ, но что вы скажете о человѣкѣ, который побѣдой рабочихъ назоветъ такое безсиліе, такую слабость пролетаріата, при которыхъ онъ *не въ силахъ* будетъ помѣшать проволочкамъ, отсрочкамъ, торгашеству, измѣнѣ и реакціи? Возможно, что русская революція кончится „конституціоннымъ выкидышемъ“, какъ сказалъ однажды „Впередъ“ **), но развѣ это можетъ оправ-

---

*) Вотъ текстъ этой резолюціи объ отношеніи къ тактикѣ правительства наканунѣ переворота:

«Принимая во вниманіе, что въ цѣляхъ самосохраненія правительство въ переживаемый революціонный періодъ, усиливая обычныя репрессіи, направленныя преимущественно противъ сознательныхъ элементовъ пролетаріата, вмѣстѣ съ тѣмъ: 1) пытается путемъ уступокъ и обѣщаній реформъ политически развратить рабочій классъ и тѣмъ отвлечь его отъ революціонной борьбы; 2) съ тою же цѣлью облекаютъ свою лицемѣрную политику уступокъ въ псевдо-демократическія формы, начиная съ приглашенія рабочихъ выбирать въ комиссіи и совѣщанія своихъ представителей и кончая созданіемъ каррикатурныхъ формъ народнаго представительства, въ родѣ, такъ называемаго земскаго собора; 3) организуетъ такъ называемыя черныя сотни и поднимаетъ противъ революціи всѣ вообще реакціонные, безсознательные или ослѣпленные расовой и религіозной ненавистью элементы народа, —

3-й съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. постановляетъ предложить всѣмъ партійнымъ организаціямъ:

а) разоблачая реакціонныя цѣли правительственныхъ уступокъ, подчеркивать въ пропагандѣ и агитаціи ихъ вынужденный характеръ, съ одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавія дать удовлетворяющія пролетаріатъ реформы—съ другой.

б) пользуясь предвыборной агитаціей, разъяснять рабочимъ истинный смыслъ подобныхъ мѣропріятій правительства и доказывать необходимость для пролетаріата созыва революціоннымъ путемъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ;

в) организовывать пролетаріатъ для немедленнаго осуществленія революціоннымъ путемъ 8-часового рабочаго дня и другихъ стоящихъ на очереди требованій рабочаго класса;

г) организовать вооруженный отпоръ выступленію черныхъ сотенъ и всѣхъ вообще реакціонныхъ элементовъ, руководимыхъ правительствомъ».

**) Женевская газета «Впередъ» начала выходить въ январѣ 1905 г., какъ органъ большевистской части партіи. Съ января по май вышло 18 номеровъ. Съ мая на-

дать соціалдемократа, который бы накануне рѣшительной борьбы сталъ называть этотъ выкидышъ „рѣшительной побѣдой надъ царизмомъ“? Возможно, на худой конецъ, что не только республики мы не завоюемъ, но и конституція-то будетъ призрачная, „шиповская“, но развѣ извинительно было бы со стороны соціалдемократа затушевываніе нашего республиканскаго лозунга?

Конечно, до затушевыванія его ново-искровцы еще не дошли. Но до какой степени отлетѣлъ отъ нихъ революціонный духъ, до какой степени безжизненное резонерство заслонило отъ нихъ боевыя задачи момента, это особенно наглядно видно изъ того, что въ своей резолюціи они какъ разъ *позабыли* сказать о республикѣ! Это невѣроятно, но это фактъ. Всѣ лозунги соціалдемократіи подтверждены, повторены, разъяснены, детализированы въ разныхъ резолюціяхъ конференціи, не забытъ даже выборъ рабочими по заведеніямъ старостъ и депутатовъ, — не нашлось только случая въ резолюціи о врем. рев. правительствѣ вспомнить о республикѣ. Говорить о „побѣдѣ“ народнаго возстанія, объ учрежденіи врем. прав-ва и не указать отношеніе этихъ „шаговъ“ и актовъ къ завоеванію республики — значитъ писать резолюцію не для руководства борьбой пролетаріата, а для ковылянія въ хвостѣ пролетарскаго движенія.

Итогъ: первая часть резолюціи: 1) совершенно не выяснила значенія врем. рев. прав-ва съ точки зрѣнія борьбы за республику и обезпеченія дѣйствительно всенароднаго и дѣйствительно учредительнаго собранія; 2) внесла прямую путаницу въ демократическое сознаніе пролетаріата, приравнивая къ рѣшительной побѣдѣ революціи надъ самодержавіемъ такое положеніе дѣлъ, когда какъ разъ не достаетъ еще основного условія для настоящей побѣды.

4. Ликвидація монархическаго строя и республика.

Перейдемъ къ слѣдующей части резолюціи:

…„И въ томъ и въ другомъ случаѣ такая побѣда послужитъ началомъ новой фазы революціонной эпохи.

„Задачей, которая стихійнымъ образомъ ставится этой новой фазѣ объективными условіями общественнаго развитія, является окончательная ликвидація всего сословно-монархическаго режима въ процессѣ взаимной борьбы между элементами политически освобожденнаго буржуазнаго общества за осуществленіе своихъ соціальныхъ интересовъ и за непосредственное обладаніе властью.

„Поэтому, и временное правительство, которое взяло бы на себя осуществленіе задачъ этой, по своему историческому характеру буржуазной революціи, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся

чалъ выходить вмѣсто «Впередъ»—«Пролетарій», какъ центральный органъ Р. С.-Д. Р. П. въ силу рѣшенія 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. (этотъ съѣздъ состоялся въ маѣ въ Лондонѣ; меньшевики не явились, устроивъ свою «конференцію» въ Женевѣ).

націи, не только двигать впередъ революціонное развитіе, но и бороться противъ тѣхъ его факторовъ, которые угрожаютъ основамъ капиталистическаго строя".

Остановимся на этой части, которая представляетъ изъ себя самостоятельный отдѣлъ резолюціи. Основная мысль выписанныхъ нами разсужденій совпадаетъ съ той, которая изложена въ 3 пунктѣ съѣздовской резолюціи. Но при сличеніи обѣихъ резолюцій въ этой ихъ части сразу бросается въ глаза слѣдующее коренное различіе между ними. Резолюція съѣзда, въ двухъ словахъ характеризуя общественно-экономическую основу революціи, все вниманіе переноситъ на рѣзко опредѣленную борьбу классовъ изъ-за опредѣленныхъ завоеваній и на первый планъ выдвигаетъ боевыя задачи пролетаріата. Резолюція конференціи, длинно, туманно и путанно описывая общественно-экономическую основу революціи, очень неясно говоритъ о борьбѣ за опредѣленныя завоеванія и абсолютно оставляетъ въ тѣни боевыя задачи пролетаріата. Резолюція конференціи говоритъ о ликвидаціи стараго порядка въ процессѣ взаимной борьбы между элементами общества. Резолюція съѣзда говоритъ, что мы, партія пролетаріата, должны произвести эту ликвидацію, что настоящая ликвидація есть только учрежденіе демократической республики, что эту республику мы должны завоевать, что мы будемъ бороться за нее и за полную свободу не только съ самодержавіемъ, но и съ буржуазіей, когда она будетъ (а она непремѣнно будетъ) пытаться отнять у насъ наши завоеванія. Резолюція съѣзда зоветъ на борьбу опредѣленный классъ за точно опредѣленную ближайшую цѣль. Резолюція конференціи разсуждаетъ о взаимной борьбѣ разныхъ силъ. Одна резолюція выражаетъ психологію активной борьбы, другая — пассивнаго зрительства; одна проникнута призывомъ къ живой дѣятельности, другая—мертвеннымъ резонерствомъ. Обѣ резолюціи заявляютъ, что происходящій переворотъ— для насъ только первый шагъ, за которымъ пойдетъ второй, но отсюда одна резолюція дѣлаетъ тотъ выводъ, что надо тѣмъ скорѣе пройти этотъ первый шагъ, тѣмъ скорѣе ликвидировать его, завоевать республику, безпощадно раздавить контръ-революцію и создать почву для второго шага. А другая резолюція, такъ сказать, истекаетъ въ многорѣчивыхъ описаніяхъ этого перваго шага и (простите за вульгарное выраженіе) сосетъ мысли по поводу него. Резолюція съѣзда беретъ старыя и вѣчно новыя мысли марксизма (о буржуазномъ характерѣ демократическаго переворота), какъ предисловіе или первую посылку для выводовъ о передовыхъ задачахъ передового класса, борющагося и за демократическій и за соціалистическій переворотъ. Резолюція конференціи такъ и остается при одномъ предисловіи, жуя его и умничая по поводу него.

Это различіе и есть какъ разъ то самое различіе, которое издавна разбиваетъ русскихъ марксистовъ на два крыла: резонерское и боевое крыло въ былыя времена легальнаго марксизма, экономическое и политическое въ эпоху начинающагося массоваго движенія. Изъ вѣрной посылки марксизма о глубокихъ эко-

номическихъ корняхъ классовой борьбы, вообще, и политической борьбы, въ особенности, экономисты дѣлали тотъ оригинальный выводъ, что надо повернуться спиной къ политической борьбѣ и задерживать ея развитіе, суживать ея размахъ, принижать ея задачи. Политики, наоборотъ, дѣлали изъ тѣхъ же посылокъ иной выводъ, именно: что, чѣмъ глубже теперь корни нашей борьбы, тѣмъ шире, смѣлѣе, рѣшительнѣе, инициативнѣе должны мы вести эту борьбу. Въ иной обстановкѣ, въ видоизмѣненной формѣ передъ нами и теперь тотъ же споръ. Изъ тѣхъ посылокъ, что демократическій переворотъ отнюдь еще не есть соціалистическій, что онъ „интересуетъ" отнюдь не однихъ только неимущихъ, что его глубочайшіе корни лежатъ въ неотвратимыхъ нуждахъ и потребностяхъ *всего* буржуазнаго общества въ цѣломъ,— изъ этихъ посылокъ мы дѣлаемъ выводъ, что тѣмъ смѣлѣе долженъ передовой классъ ставить свои демократическія задачи, тѣмъ рѣзче долженъ онъ договаривать ихъ до конца, выставлять непосредственный лозунгъ республики, пропагандировать идею о необходимости временнаго революціоннаго правительства, о необходимости безпощадно раздавить контръ-революцію. А наши оппоненты, ново-искровцы, дѣлаютъ изъ этихъ же посылокъ то заключеніе, что не слѣдуетъ договаривать до конца демократическихъ выводовъ, что можно среди практическихъ лозунговъ и не выставлять республики, что позволительно не пропагандировать идеи о необходимости временнаго революціоннаго правительства, что рѣшительной побѣдой можно назвать и рѣшеніе о созывѣ учредительнаго собранія, что задачу борьбы съ контръ-революціей можно не выдвигать, какъ нашу активную задачу, а потопить ее въ туманной (и неправильно формулированной, какъ мы сейчасъ увидимъ) ссылкѣ на „процессъ взаимной борьбы". Это не языкъ политическихъ дѣятелей, это—языкъ какихъ-то архивныхъ засѣдателей!

И чѣмъ внимательнѣе вы разсмотрите отдѣльныя формулировки ново-искровской резолюціи, тѣмъ нагляднѣе выступятъ передъ нами указанныя основныя ея особенности. Намъ говорятъ, напр., о „процессѣ взаимной борьбы между элементами политически освобожденнаго буржуазнаго общества". Памятуя тему, на которую резолюція писалась (временное революціонное правительство), мы съ недоумѣніемъ спрашиваемъ: если уже говорить о процессѣ взаимной борьбы, то какъ же можно умолчать объ элементахъ политически *порабощающихъ* буржуазное общество? Думаютъ ли конференты, что разъ они предположили побѣду революціи, то такіе элементы уже исчезли? Подобная мысль была бы абсурдомъ вообще и величайшей политической наивностью, политической близорукостью въ частности. Послѣ побѣды революціи надъ контръ-революціей контръ-революція не исчезнетъ, а, напротивъ, неизбѣжно начнетъ новую, еще болѣе отчаянную борьбу. Посвящая свою резолюцію разбору задачъ при побѣдѣ революціи, мы обязаны громадное вниманіе удѣлить задачамъ отраженія контръ-революціоннаго натиска (какъ это и сдѣлано въ резолюціи съѣзда), а не топить эти ближайшія, насущныя,

злободневныя политическія задачи боевой партіи въ общихъ разсужденіяхъ о томъ, что будетъ *послѣ* теперешней революціонной эпохи, что будетъ тогда, когда будетъ уже на-лицо „политически *освобожденное* общество". Какъ экономисты ссылками на общія истины о подчиненіи политики экономикѣ прикрывали свое непониманіе злободневныхъ политическихъ задачъ, такъ новоискровцы своими ссылками на общія истины о борьбѣ внутри политически *освобожденнаго* общества прикрываютъ свое непониманіе злободневныхъ революціонныхъ задачъ политическаго *освобожденія* этого общества.

Возьмите выраженіе: „окончательная ликвидація всего сословно-монархическаго режима". На русскомъ языкѣ окончательная ликвидація монархическаго строя называется учрежденіемъ демократической республики. Но нашему доброму Мартынову и его поклонникамъ такое выраженіе кажется слишкомъ простымъ и яснымъ. Они непремѣнно хотятъ „углубить" и сказать „поумнѣе". Получаются смѣшныя потуги на глубокомысліе, съ одной стороны. А съ другой стороны, вмѣсто лозунга получается описаніе, вмѣсто добраго призыва идти впередъ получается какой-то меланхолическій взглядъ назадъ. Передъ нами точно не живые люди, которые вотъ теперь же, сейчасъ хотятъ бороться за республику, а какія то одеревенѣвшія муміи, которыя sub specie aeternitatis разсматриваютъ вопросъ съ точки зрѣнія plusquamperfectum.

Пойдемъ дальше... „Временное правительство... взяло бы на себя осуществленіе задачъ этой... буржуазной революціи"... Вотъ тутъ сразу и сказалось, что наши конференты просмотрѣли конкретный вопросъ, вставшій передъ политическими руководителями пролетаріата. Конкретный вопросъ о временномъ революціонномъ правительствѣ стушевался съ ихъ поля зрѣнія передъ вопросомъ о томъ будущемъ рядѣ правительствъ, которыя осуществятъ задачи буржуазной революціи вообще. Если вы желаете разсматривать вопросъ „исторически", то примѣръ любой европейской страны покажетъ вамъ, что именно рядъ правительствъ, вовсе не „временныхъ", осуществлялъ историческія задачи буржуазной революціи, что даже правительства, побѣждавшія революцію, вынуждены были все-таки осуществить историческія задачи этой побѣжденной революціи. Но „временнымъ революціоннымъ правительствомъ" называется вовсе не то, о чемъ вы говорите: такъ называется правительство революціонной эпохи, непосредственно смѣняющее свергнутое правительство и опирающееся на возстаніе народа, а не на какія-нибудь представительныя учрежденія, вышедшія изъ народа. Временное революціонное правительство есть органъ борьбы за немедленную побѣду революціи, за немедленное отраженіе контръ-революціонныхъ попытокъ, а вовсе не органъ осуществленія историческихъ задачъ буржуазной революціи вообще. Предоставимъ, господа, будущимъ историкамъ въ будущей „Русской Старинѣ" опредѣлять, какія именно задачи буржуазной революціи осуществили мы съ вами или то или иное правительство,—это дѣло успѣютъ сдѣлать и

черезъ 30 лѣтъ, а намъ теперь надо дать лозунги и практическія указанія для борьбы за республику и для энергичнѣйшаго участія пролетаріата въ этой борьбѣ.

По указаннымъ причинамъ неудовлетворительны и послѣднія положенія выписанной нами части резолюціи. Крайне неудачно или, по меньшей мѣрѣ, неловко выраженіе, что временное правительство должно было бы „регулировать" взаимную борьбу между противоположными классами: марксистамъ не слѣдовало бы употреблять такой либерально-освобожденской формулировки, дающей поводъ думать, будто возможны правительства, служащія не органомъ классовой борьбы, а „регуляторомъ" ея... Правительство должно было бы „не только двигать впередъ революціонное развитіе, но и бороться противъ тѣхъ его факторовъ, которые угрожаютъ основамъ капиталистическаго строя". Этимъ „факторомъ" является какъ разъ тотъ самый пролетаріатъ, отъ имени котораго говоритъ резолюція! Вмѣсто указанія того, какъ именно долженъ пролетаріатъ въ данный моментъ „двигать впередъ революціонное развитіе" (подвигать его дальше, чѣмъ хотѣла бы идти конституціоналистская буржуазія), вмѣсто совѣта готовиться опредѣленнымъ способомъ къ борьбѣ съ буржуазіей, когда она повернетъ противъ завоеваній революціи,—вмѣсто этого намъ даютъ общее описаніе процесса, ничего не говорящее о конкретныхъ задачахъ *нашей* дѣятельности. Способъ изложенія своихъ мыслей ново-искровцами напоминаетъ отзывъ Маркса (въ его знаменитыхъ „тезахъ" о Фейербахѣ) о старомъ, чуждомъ идеи діалектики матеріализмѣ. Философы только *истолковывали* міръ различнымъ образомъ,—говорилъ Марксъ,—а дѣло въ томъ, чтобы *измѣнять* этотъ міръ. Такъ и ново-искровцы могутъ сносно описывать и объяснять процессъ происходящей у нихъ на глазахъ борьбы, но совершенно не могутъ дать правильнаго лозунга въ этой борьбѣ. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижаютъ матеріалистическое пониманіе исторіи своимъ игнорированіемъ дѣйственной, руководящей и направляющей роли, которую могутъ и должны играть въ исторіи партіи, сознавшія матеріальныя условія переворота и ставшія во главѣ передовыхъ классовъ.

5. Какъ слѣдуетъ „двигать революцію впередъ"?

Приводимъ дальнѣйшій отдѣлъ резолюціи:

„. При такихъ условіяхъ, соціалдемократія должна стремиться сохранить на всемъ протяженіи революціи такое положеніе, которое лучше всего обезпечитъ за нею возможность двигать революцію впередъ, не свяжетъ ей рукъ въ борьбѣ съ непослѣдовательной и своекорыстной политикой буржуазныхъ партій и предохранитъ ее отъ растворенія въ буржуазной демократіи.

„Поэтому соціалдемократія не должна ставить себѣ цѣлью захватить или раздѣлить власть во временномъ правительствѣ, а должна оставаться партіей крайней революціонной оппозиціи".

Совѣтъ занять положеніе, наилучше обезпечивающее возможность двигать революцію впередъ, намъ очень и очень нра-

вится. Мы бы желали только, чтобы кромѣ этого добраго совѣта было на-лицо и прямое указаніе, какъ именно сейчасъ, при данной политической ситуаціи, въ эпоху толковъ, предположеній, разговоровъ и проектовъ созыва народныхъ представителей, слѣдуетъ социалдемократіи двигать революцію впередъ. Можетъ ли теперь двигать революцію впередъ тотъ, кто не понимаетъ опасности освобожденской теоріи „соглашенія“ народа съ самодержавіемъ, кто называетъ побѣдой одно „рѣшеніе“ созвать учредительное собраніе, кто не ставитъ задачей активную пропаганду идеи о необходимости временнаго революціоннаго правительства, кто оставляетъ въ тѣни лозунгъ демократической республики? Такіе люди на самомъ дѣлѣ *двигаютъ революцію назадъ*, потому что въ *практически-политическомъ* отношеніи они остановились на уровнѣ *освобожденской* позиціи. Что толку отъ признанія ими программы, требующей замѣны самодержавія республикой, когда въ тактической резолюціи, опредѣляющей настоящія и ближайшія задачи партіи въ революціонный моментъ, лозунгъ борьбы за республику отсутствуетъ? Вѣдь именно освобожденская позиція, позиція конституціоналистской буржуазіи характеризуется теперь фактически тѣмъ, что въ рѣшеніи созвать всенародное учредительное собраніе усматривается рѣшительная побѣда, а о временномъ революціонномъ правительствѣ и о республикѣ благоразумно умалчивается! Чтобы двигать революцію *впередъ*, т.-е. дальше того предѣла, до котораго двигаетъ ее монархическая буржуазія, надо активно выставлять, подчеркивать, выдвигать на первый планъ лозунги, *исключающіе* „непослѣдовательность“ буржуазной демократіи. Такихъ лозунговъ въ настоящій моментъ есть *только два:* 1) временное революціонное правительство и 2) республика, потому что лозунгъ всенароднаго учредительнаго собранія *воспринятъ* монархической буржуазіей (смотри программу Союза Освобожденія) и воспринятъ именно въ интересахъ эскамотированія революціи, въ интересахъ недопущенія полной побѣды революціи, въ интересахъ торгашеской сдѣлки крупной буржуазіи съ самодержавіемъ. И вотъ мы видимъ, что конференція изъ этихъ двухъ, единственно способныхъ двигать революцію впередъ лозунговъ лозунгъ республики вовсе позабыла, а лозунгъ временнаго рев. прав-ва прямо приравняла къ освобожденскому лозунгу всенароднаго учредительнаго собранія, назвавъ „рѣшительной побѣдой“ революціи и то и другое!

Да, таковъ несомнѣнный фактъ, который послужитъ, мы увѣрены, вѣхой для будущаго историка россійской социалдемократіи. Конференція социалдемократовъ въ маѣ 1905 г. принимаетъ резолюцію, которая говоритъ хорошія слова о необходимости двигать демократическую революцію впередъ и которая на дѣлѣ двигаетъ ее назадъ, которая на дѣлѣ не идетъ дальше демократическихъ лозунговъ монархической буржуазіи.

Новоискровцы любятъ упрекать насъ въ томъ, что мы игнорируемъ опасность растворенія пролетаріата въ буржуазной демократіи. Мы бы хотѣли посмотрѣть на того, кто предпринялъ бы доказать этотъ упрекъ на основаніи текста резолюцій, принятыхъ

3-мъ съѣздомъ Р. С.-Д. Р. П. Мы отвѣтимъ нашимъ оппонентамъ: соціалдемократія, дѣйствующая на почвѣ буржуазнаго общества, не можетъ участвовать въ политикѣ, не идя то въ томъ, то въ другомъ отдѣльномъ случаѣ *рядомъ* съ буржуазной демократіей. Разница между нами и вами при этомъ та, что мы идемъ рядомъ съ революціонной и республиканской буржуазіей, не сливаясь съ ней, а вы идете рядомъ съ *либеральной и монархической буржуазіей*, тоже не сливаясь съ ней. *Вотъ какъ обстоитъ дѣло.*

Ваши тактическіе лозунги, данные отъ имени конференціи, *совпадаютъ* съ лозунгами „конституціонно-демократической" партіи, т.-е. *партіи монархической буржуазіи*, причемъ вы не замѣтили, не сознали этого совпаденія, оказавшись, такимъ образомъ, фактически *въ хвостѣ освобожденцевъ*.

Наши тактическіе лозунги, данные отъ имени 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П., совпадаютъ съ лозунгами демократически-революціонной и республиканской буржуазіи. Такая буржуазія и мелкая буржуазія еще не сложилась въ крупную народную партію въ Россіи*). Но въ существованіи элементовъ ея можетъ усомниться лишь тотъ, кто понятія не имѣетъ о томъ, что происходитъ теперь въ Россіи. Мы намѣрены руководить (на случай успѣшнаго хода великой русской революціи) не только пролетаріатомъ, сорганизованнымъ с.-д. партіею, но и этой мелкой буржуазіей, способной идти рядомъ съ нами.

Конференція своей резолюціей безсознательно *опускается* до уровня либеральной и монархической буржуазіи. Съѣздъ партіи своей резолюціей сознательно *поднимаетъ* до своего уровня способные на борьбу, а не на маклерство, элементы революціонной демократіи.

Такихъ элементовъ больше всего среди крестьянства. Безъ большой ошибки, при распредѣленіи крупныхъ общественныхъ группъ по ихъ политическимъ тенденціямъ, мы можемъ отождествить революціонную и республиканскую демократію съ массой крестьянства,—разумѣется, въ томъ же смыслѣ, съ тѣми же оговорками и подразумѣваемыми условіями, съ какими можно отождествлять рабочій классъ съ соціалдемократіей. Мы можемъ, другими словами, формулировать наши выводы также въ слѣдующихъ выраженіяхъ: конференція своими *обще-національными* **) *политическими* лозунгами въ революціонный моментъ безсознательно *опускается до уровня массы помѣщиковъ.* Съѣздъ партіи своими общенаціональными политическими лозунгами *поднимаетъ до революціоннаго уровня крестьянскую массу.* Тому, кто обвинитъ насъ за этотъ выводъ въ пристрастіи къ парадоксамъ, мы сдѣлаемъ вызовъ: пусть опровергнетъ онъ то положеніе, что, если мы не будемъ въ силахъ довести революцію до конца, если революція *закончится* по-освобожденски „рѣши-

*) «Соціалисты-революціонеры» скорѣе террористическая интеллигентская группа, чѣмъ зародышъ такой партіи, хотя объективное значеніе дѣятельности этой группы сводится именно къ осуществленію задачъ революціонной и республиканской буржуазіи.

**) Мы не говоримъ о спеціальныхъ крестьянскихъ лозунгахъ, которымъ посвящены особыя резолюціи.

тельной побѣдой“ въ видѣ одного лишь созваннаго самодержавіемъ представительнаго собранія, которое только въ насмѣшку могло бы быть названо учредительнымъ,—тогда это будетъ революція съ преобладаніемъ элемента *помѣщичьяго и крупно-буржуазнаго.* Наоборотъ, если суждено намъ пережить дѣйствительно великую революцію, если исторія на этотъ разъ не допуститъ „выкидыша“, если мы въ силахъ будемъ довести революцію до конца, до рѣшительной побѣды не въ освобожденскомъ и не въ новоискровскомъ смыслѣ слова, тогда это будетъ революція съ преобладаніемъ элемента крестьянскаго и пролетарскаго.

Можетъ быть, нѣкоторые увидятъ въ допущеніи мысли о такомъ преобладаніи отказъ отъ убѣжденія въ буржуазномъ характерѣ предстоящей революціи? Это очень возможно при томъ злоупотребленіи этимъ понятіемъ, которое мы видимъ въ „Искрѣ“. Поэтому остановиться на этомъ вопросѣ очень нелишне.

6. Откуда грозитъ пролетаріату опасность оказаться со связанными руками въ борьбѣ съ непослѣдовательной буржуазіей?

Марксисты безусловно убѣждены въ буржуазномъ характерѣ русской революціи. Что это значитъ? Это значитъ, что тѣ демократическія преобразованія въ политическомъ строѣ и тѣ соціально-экономическія преобразованія, которыя стали для Россіи необходимостью,—сами по себѣ не только не означаютъ подрыва капитализма, подрыва господства буржуазіи, а, наоборотъ, они впервые очистятъ почву настоящимъ образомъ для широкаго и быстраго, европейскаго, а не азіатскаго, развитія капитализма, они впервые сдѣлаютъ возможнымъ господство буржуазіи, какъ класса. Соціалисты-революціонеры не могутъ понять этой идеи, потому что они не знаютъ азбуки о законахъ развитія товарнаго и капиталистическаго производства, они не видятъ того, что даже полный успѣхъ крестьянскаго возстанія, даже перераспредѣленіе всей земли въ интересахъ крестьянства и согласно его желаніямъ („черный передѣлъ“ или что-нибудь въ этомъ родѣ) нисколько не уничтожитъ капитализма, а, напротивъ, дастъ толчекъ его развитію и ускоритъ классовое распаденіе самого крестьянства. Непониманіе этой истины дѣлаетъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ безсознательныхъ идеологовъ мелкой буржуазіи. Настаиваніе на этой истинѣ имѣетъ для соціалдемократіи огромное значеніе не только теоретическое, но и практически-политическое, ибо отсюда вытекаетъ обязательность полной классовой самостоятельности партіи пролетаріата въ настоящемъ „обще-демократическомъ“ движеніи.

Но изъ этого отнюдь не вытекаетъ, чтобы *демократическій* переворотъ (буржуазный по своему общественно-экономическому содержанію) не представлялъ *громаднаго* интереса для пролетаріата. Изъ этого отнюдь не вытекаетъ, чтобы демократическій переворотъ не могъ произойти и въ формѣ, выгодной преимущественно для крупнаго капиталиста, финансоваго туза, „про-

священнаго“ помѣщика, и въ формѣ, выгодной для крестьянина и для рабочаго.

Новоискровцы въ корнѣ неправильно понимаютъ смыслъ и значеніе категоріи: буржуазная революція. Въ ихъ разсужденіяхъ постоянно сквозитъ мысль, будто буржуазная революція есть такая революція, которая можетъ дать лишь то, что выгодно буржуазіи. А между тѣмъ ничего нѣтъ ошибочнѣе такой мысли. Буржуазная революція есть такая революція, которая не выходитъ изъ рамокъ буржуазнаго, т.-е. капиталистическаго общественно-экономическаго строя. Буржуазная революція выражаетъ потребности развитія капитализма, не только не уничтожая его основъ, а, напротивъ, расширяя и углубляя ихъ. Эта революція выражаетъ, поэтому, интересы не только рабочаго класса, но и всей буржуазіи. Такъ какъ господство буржуазіи надъ рабочимъ классомъ неизбѣжно при капитализмѣ, то можно съ полнымъ правомъ сказать, что буржуазная революція выражаетъ интересы не столько пролетаріата, сколько буржуазіи. Но совершенно нелѣпа мысль, что буржуазная революція вовсе не выражаетъ интересовъ пролетаріата. Эта нелѣпая мысль, сводится либо къ стародѣдовской народнической теоріи, что буржуазная революція противорѣчитъ интересамъ пролетаріата, что намъ не нужна поэтому буржуазная политическая свобода; либо эта мысль сводится къ анархизму, отрицающему всякое участіе пролетаріата въ буржуазной политикѣ, въ буржуазной революціи, въ буржуазномъ парламентаризмѣ. Теоретически эта мысль представляетъ изъ себя забвеніе азбучныхъ положеній марксизма о неизбѣжности развитія капитализма на почвѣ товарнаго производства. Марксизмъ учитъ, что общество, основанное на товарномъ производствѣ, находящееся въ обмѣнѣ съ цивилизованными капиталистическими націями, на извѣстной ступени развитія неизбѣжно становится и само на путь капитализма. Марксизмъ безповоротно порвалъ съ бреднями народниковъ и анархистовъ, будто можно, напримѣръ, Россіи миновать капиталистическое развитіе, выскочить изъ капитализма или перескочить черезъ него какимъ-нибудь путемъ, кромѣ пути классовой борьбы на почвѣ и въ предѣлахъ этого самаго капитализма.

Всѣ эти положенія марксизма доказаны и разжеваны со всей подробностью какъ вообще, такъ и спеціально по отношенію къ Россіи. А изъ этихъ положеній слѣдуетъ, что *реакціонна* мысль искать спасенія рабочему классу въ чемъ бы то ни было, кромѣ дальнѣйшаго развитія капитализма. Въ такихъ странахъ, какъ Россія, рабочій классъ страдаетъ не столько отъ капитализма, сколько отъ недостатка развитія капитализма. Рабочій классъ *безусловно заинтересованъ* поэтому въ самомъ широкомъ, самомъ свободномъ, самомъ быстромъ развитіи капитализма. Рабочему классу безусловно *выгодно* устраненіе всѣхъ остатковъ старины, мѣшающихъ широкому, свободному и быстрому развитію капитализма. Буржуазная революція есть именно такой переворотъ, который всего рѣшительнѣе сметаетъ остатки старины, остатки крѣпостничества (къ этимъ остаткамъ принадле-

житъ не только самодержавіе, но и монархія), который всего полнѣе обезпечиваетъ самое широкое, свободное и быстрое развитіе капитализма.

Поэтому *буржуазная* революція *въ высшей степени выгодна пролетаріату*. Буржуазная революція *безусловно* необходима въ интересахъ пролетаріата. Чѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ послѣдовательнѣе будетъ буржуазная революція, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ борьба пролетаріата съ буржуазіей за соціализмъ. Только людямъ, не знающимъ азбуки научнаго соціализма, этотъ выводъ можетъ казаться новымъ или страннымъ, парадоксальнымъ. А изъ этого вывода, между прочимъ, слѣдуетъ и то положеніе, что *въ извѣстномъ смыслѣ* буржуазная революція *болѣе выгодна* пролетаріату, чѣмъ буржуазіи. Именно вотъ въ какомъ смыслѣ несомнѣнно это положеніе: буржуазіи выгодно опираться на нѣкоторые остатки старины противъ пролетаріата, напримѣръ, на монархію, на постоянную армію и т. п. Буржуазіи выгодно, чтобы буржуазная революція не смела слишкомъ рѣшительно всѣ остатки старины, а оставила нѣкоторые изъ нихъ, т.-е. чтобы эта революція была не вполнѣ послѣдовательна, не дошла до конца, не была рѣшительна и безпощадна. Эту мысль выражаютъ часто соціалдемократы нѣсколько иначе, говоря, что буржуазія измѣняетъ сама себѣ, что буржуазія предаетъ дѣло свободы, что буржуазія неспособна на послѣдовательный демократизмъ. Буржуазіи выгоднѣе, чтобы необходимыя преобразованія въ буржуазно-демократическомъ направленіи произошли медленнѣе, постепеннѣе, осторожнѣе, нерѣшительнѣе, путемъ реформъ, а не путемъ революціи; чтобы эти преобразованія были какъ можно осторожнѣе по отношенію къ „почтеннымъ“ учрежденіямъ крѣпостничества (въ родѣ монархіи); чтобы эти преобразованія какъ можно меньше развивали революціонную самодѣятельность, иниціативу и энергію простонародья, т.-е. крестьянства и особенно рабочихъ, ибо иначе рабочимъ тѣмъ легче будетъ, какъ говорятъ французы, „переложить ружье съ одного плеча на другое“, т.-е. направить противъ самой буржуазіи то оружіе, которымъ снабдитъ ихъ буржуазная революція, ту свободу, которую она дастъ, тѣ демократическія учрежденія, которыя возникнутъ на очищенной отъ крѣпостничества почвѣ.

Наоборотъ, рабочему классу выгоднѣе, чтобы необходимыя преобразованія въ буржуазно-демократическомъ направленіи прошли именно не реформаторскимъ, а революціоннымъ путемъ, ибо реформаторскій путь есть путь затяжекъ, проволочекъ, мучительно-медленнаго отмиранія гніющихъ частей народнаго организма. Отъ гніенія ихъ страдаетъ прежде всего и больше всего пролетаріатъ и крестьянство. Революціонный путь есть путь быстрой, наименѣе болѣзненной по отношенію къ пролетаріату операціи, путь прямого удаленія гніющихъ частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношенію къ монархіи и соотвѣтствующимъ ей омерзительнымъ и гнуснымъ, гнилымъ и заражающимъ воздухъ гніеніемъ учрежденіямъ.

Вотъ почему наша буржуазно-либеральная печать не по

однимъ только цензурнымъ соображеніямъ, не только страха ради іудейска оплакиваетъ возможность революціоннаго пути, боится революціи, пугаетъ старую власть революціей, заботится объ избѣжаніи революціи, холопствуетъ и низкопоклонствуетъ ради жалкихъ реформъ, какъ основы реформаторскаго пути. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ не только „Рус. Вѣдомости", „Сынъ Отечества", „Наша Жизнь", „Наши Дни", но и нелегальное, свободное „Освобожденіе". Самое положеніе буржуазіи, какъ класса въ капиталистическомъ обществѣ, неизбѣжно порождаетъ ея непослѣдовательность въ демократическомъ переворотѣ. Самое положеніе пролетаріата, какъ класса, заставляетъ его быть послѣдовательнымъ демократомъ. Буржуазія оглядывается назадъ, боясь демократическаго прогресса, который грозитъ усиленіемъ пролетаріата. Пролетаріату нечего терять кромѣ цѣпей, а пріобрѣтетъ онъ при помощи демократизма весь міръ. Поэтому, чѣмъ послѣдовательнѣе буржуазная революція въ ея демократическихъ преобразованіяхъ, тѣмъ менѣе ограничивается она тѣмъ, что выгодно исключительно для буржуазіи. Чѣмъ послѣдовательнѣе буржуазная революція, тѣмъ больше обезпечиваетъ она выгоды пролетаріата и крестьянства въ демократическомъ переворотѣ.

Марксизмъ учитъ пролетарія не отстраненію отъ буржуазной революціи, не безучастію къ ней, не предоставленію руководства въ ней буржуазіи, а, напротивъ, самому энергичному участію, самой рѣшительной борьбѣ за послѣдовательный пролетарскій демократизмъ, за доведеніе революціи до конца. Мы не можемъ выскочить изъ буржуазно-демократическихъ рамокъ русской революціи, но мы можемъ въ громадныхъ размѣрахъ расширить эти рамки, мы можемъ и должны въ предѣлахъ этихъ рамокъ бороться за интересы пролетаріата, за его непосредственныя нужды и за условія подготовки его силъ къ будущей полной побѣдѣ. Есть буржуазная демократія и буржуазная демократія. И земецъ-монархистъ, сторонникъ верхней палаты, „запрашивающій" всеобщее избирательное право, а втайнѣ, подъ сурдинку заключающій съ самодержавіемъ сдѣлку насчетъ куцой конституціи, есть буржуазный демократъ. И крестьянинъ, съ оружіемъ въ рукахъ идущій противъ помѣщиковъ и чиновниковъ, „наивно-республикански" предлагающій „прогнать царя"*), есть тоже буржуазный демократъ. Буржуазно-демократическіе порядки бываютъ такіе, какъ въ Германіи, и такіе, какъ въ Англіи; такіе, какъ въ Австріи, и такіе, какъ въ Америкѣ или Швейцаріи. Хорошъ былъ бы тотъ марксистъ, который въ эпоху демократическаго переворота прозѣвалъ бы эту разницу между степенями демократизма и между различнымъ характеромъ той или иной формы его и ограничивался бы „умничаньемъ" насчетъ того, что все же это „буржуазная революція", плоды „буржуазной революціи".

А вѣдь именно такихъ умниковъ, важничающихъ своей близорукостью, представляютъ изъ себя наши новоискровцы.

*) См. «Освобожденіе» № 71, с. 337, прим. 2.

Они какъ разъ ограничиваются разсужденіями о буржуазномъ характерѣ революціи тамъ и тогда, гдѣ надо умѣть провести разницу между республикански-революціонной и монархически-либеральной буржуазной демократіей, не говоря уже о разницѣ между непослѣдовательнымъ буржуазнымъ и послѣдовательнымъ пролетарскимъ демократизмомъ. Они удовлетворяются, — точно они и въ самомъ дѣлѣ стали „человѣками въ футлярѣ“,—меланхолическимъ разговоромъ о „процессѣ взаимной борьбы противоположныхъ классовъ“, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы дать *демократическое руководство* въ настоящей революціи, чтобы подчеркнуть *передовые демократическіе* лозунги въ отличіе отъ предательскихъ лозунговъ г-на Струве и К°, чтобы указать прямо и рѣзко ближайшія задачи дѣйствительно революціонной борьбы пролетаріата и крестьянина въ отличіе отъ либеральнаго маклерства помѣщиковъ и фабрикантовъ. Въ этомъ теперь суть вопроса, которую вы прозѣвали, господа: въ томъ, завершится ли наша революція дѣйствительной грандіозной побѣдой или лишь жалкой сдѣлкой, дойдетъ ли она до революціонной демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства или „истечетъ силами“ на либерально-Шиповской конституціи!

Можетъ показаться на первый взглядъ, что, ставя этотъ вопросъ, мы совсѣмъ уклоняемся въ сторону отъ нашей темы. Но такъ можетъ показаться лишь на первый взглядъ. На самомъ дѣлѣ, именно въ этомъ вопросѣ лежитъ корень того принципіальнаго расхожденія, которое вполнѣ обрисовалось уже теперь между соц.-дем. тактикой 3-го съѣзда Россійской Социалдемократической Рабочей Партіи и тактикой, установленной на конференціи новоискровцевъ. Эти послѣдніе сдѣлали уже теперь не два, а три шага назадъ, воскресивъ ошибки экономизма при рѣшеніи несравненно болѣе сложныхъ, болѣе важныхъ и болѣе жизненныхъ для рабочей партіи вопросовъ ея тактики въ моментъ революціи. Вотъ почему на разборѣ поставленнаго вопроса намъ необходимо остановиться со всѣмъ вниманіемъ.

Въ выписанной нами части новоискровской резолюціи содержится указаніе на опасность того, какъ бы социалдемократія не связала себѣ рукъ въ борьбѣ съ непослѣдовательной политикой буржуазіи, какъ бы она не растворилась въ буржуазной демократіи. Мысль объ этой опасности проходитъ красною нитью черезъ всю специфически-новоискровскую литературу, эта мысль есть настоящій гвоздь всей принципіальной позиціи въ нашемъ партійномъ расколѣ (съ тѣхъ поръ, какъ элементы дрязги въ этомъ расколѣ отошли совершенно на задній планъ передъ элементами поворота къ экономизму). И мы безъ всякихъ обиняковъ признаемъ, что эта опасность дѣйствительно существуетъ, что именно теперь, въ разгаръ русской революціи, эта опасность стала особенно серьезна. На насъ всѣхъ, теоретиковъ или — про себя я предпочелъ бы сказать — публицистовъ социалдемократіи, ложится неотложная и чрезвычайно отвѣтственная задача разобрать, съ *которой стороны* грозитъ на самомъ дѣлѣ эта опасность. Ибо источникъ нашего разногласія заключается не въ

спорѣ о томъ, существуетъ ли такая опасность, а въ спорѣ о томъ, порождаетъ ли ее такъ называемый хвостизмъ „меньшинства“ или такъ называемый революціонаризмъ „большинства“.

Чтобы устранить кривотолки и недоразумѣнія, замѣтимъ прежде всего, что опасность, о которой мы говоримъ, лежитъ не въ субъективной, а въ объективной сторонѣ дѣла, не въ формальной позиціи, которую займетъ соціалдемократія въ борьбѣ, а въ метаріальномъ исходѣ всей теперешней революціонной борьбы. Не въ томъ вопросъ, захотятъ ли тѣ или иныя соціалдемократическія группы раствориться въ буржуазной демократіи, сознаютъ ли онѣ, что онѣ растворяются,—объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Подобнаго желанія мы ни у кого изъ соціалдемократовъ не подозрѣваемъ, и не въ желаніи тутъ вовсе дѣло. Не въ томъ также вопросъ, сохранятъ ли тѣ или иныя соц.-дем. группы свою формальную самостоятельность, особность, независимость отъ буржуазной демократіи на всемъ протяженіи революціи. Онѣ могутъ не только заявить объ этой „самостоятельности“, но и сохранить ее формально, и тѣмъ не менѣе *дѣло можетъ выйти такъ*, что у нихъ окажутся связанными руки въ борьбѣ съ непослѣдовательностью буржуазіи. Окончательный политическій итогъ революціи можетъ оказаться тотъ, что, несмотря на формальную „самостоятельность“, несмотря на полную организаціонную, партійную особность соціалдемократіи, она на дѣлѣ окажется несамостоятельной, окажется не въ силахъ наложить на ходъ событій печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что въ общемъ и цѣломъ, въ послѣднемъ счетѣ, въ окончательномъ итогѣ, „раствореніе“ ея въ буржуазной демократіи все же будетъ историческимъ фактомъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ дѣйствительная опасность. И теперь посмотримъ, съ которой стороны грозитъ она: отъ уклоненія ли соціалдемократіи вправо въ лицѣ новой „Искры“, какъ думаемъ мы, или отъ уклоненія ея влѣво въ лицѣ „большинства“, „Впередъ“ и т. д., какъ думаютъ новоискровцы.

Рѣшеніе этого вопроса, какъ мы указали, опредѣляется объективнымъ сочетаніемъ дѣйствія различныхъ общественныхъ силъ. Характеръ этихъ силъ опредѣленъ теоретически марксистскимъ анализомъ русской дѣйствительности, а теперь онъ опредѣляется практически открытымъ выступленіемъ группъ и классовъ въ ходѣ революціи. И вотъ, весь теоретическій анализъ, задолго до переживаемой эпохи произведенный марксистами, и всѣ практическія наблюденія надъ развитіемъ революціонныхъ событій показываютъ намъ, что возможенъ, съ точки зрѣнія объективныхъ условій, двоякій ходъ и исходъ революціи въ Россіи. Преобразованіе экономическаго и политическаго строя Россіи въ буржуазно-демократическомъ направленіи неизбѣжно и неустранимо. Нѣтъ такой силы на землѣ, которая могла бы помѣшать такому преобразованію. Но изъ сочетанія дѣйствія наличныхъ силъ, творящихъ это преобразованіе, можетъ получиться двоякій результатъ или двоякая форма этого преобразованія. Одно изъ двухъ: 1) или дѣло кончится „рѣшительной побѣдой революціи

надъ самодержавіемъ“, или 2) для рѣшительной побѣды силъ не хватитъ, и дѣло кончится сдѣлкой самодержавія съ наиболѣе „непослѣдовательными“ и наиболѣе „своекорыстными“ элементами буржуазіи. Все безконечное разнообразіе деталей и комбинацій, предвидѣть которыя никто не въ состояніи, сводится, въ общемъ и цѣломъ, именно къ тому или другому изъ этихъ двухъ исходовъ

Разсмотримъ теперь эти исходы, во-первыхъ, съ точки зрѣнія ихъ соціальнаго значенія, и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія положенія соціалдемократіи (ея „растворенія“ или „связанности рукъ“ ея) при томъ и другомъ исходѣ.

Что такое „рѣшительная побѣда революціи надъ самодержавіемъ“? Мы видѣли уже, что, употребляя это выраженіе, новоискровцы не понимаютъ его даже въ его ближайшемъ политическомъ значеніи. Еще менѣе замѣтно у нихъ пониманія классового содержанія этого понятія. Вѣдь мы, марксисты, никоимъ образомъ не должны позволять себѣ обольщаться *словами* „революція“ или „великая русская революція“, какъ обольщаются ими теперь многіе революціонные демократы (въ родѣ Гапона). Мы должны дать себѣ точный отчетъ въ томъ, какія же реальныя общественныя силы противостоятъ „самодержавію“ (это вполнѣ реальная и вполнѣ понятная для всѣхъ сила) и способны одержать „рѣшительную побѣду“ надъ нимъ. Такой силой не можетъ быть крупная буржуазія, помѣщики, фабриканты, „общество“, идущее за освобожденцами. Мы видимъ, что они даже и не хотятъ рѣшительной побѣды. Мы знаемъ, что они неспособны, по своему классовому положенію, на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ: слишкомъ тяжелымъ ядромъ на ногахъ является частная собственность, капиталъ, земля, чтобы идти на рѣшительную борьбу. Слишкомъ нужно имъ самодержавіе съ его полицейски-бюрократическими и военными силами противъ пролетаріата и крестьянства, чтобы могли они стремиться къ уничтоженію самодержавія. Нѣтъ, силой, способной одержать „рѣшительную побѣду надъ самодержавіемъ“, можетъ быть только *народъ*, т.-е. пролетаріатъ и крестьянство, если брать основныя, крупныя силы, распредѣляя сельскую и городскую мелкую буржуазію (тоже „народъ“) между тѣмъ и другимъ. „Рѣшительная побѣда революціи надъ самодержавіемъ“ есть *революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства.* Отъ этого вывода, давно указаннаго „Впередъ“, никуда не уйдутъ наши новоискровцы. Больше некому одержать рѣшительную побѣду надъ самодержавіемъ.

И такая побѣда будетъ именно диктатурой, т.-е. она неизбѣжно должна будетъ опираться на военную силу, на вооруженіе массы, на возстаніе, а не на тѣ или иныя, „легальнымъ“, „мирнымъ путемъ“ созданныя учрежденія. Это можетъ быть только диктатура, потому что осуществленіе преобразованій, немедленно и непремѣнно нужныхъ для пролетаріата и крестьянства, вызоветъ отчаянное сопротивленіе и помѣщиковъ, и крупныхъ буржуа, и самодержавія. Безъ диктатуры сломить это сопротивленіе, отразить контръ-революціонныя попытки невозможно. Но это будетъ.

разумѣется, не соціалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможетъ затронуть (безъ цѣлаго ряда промежуточныхъ ступеней революціоннаго развитія) основъ капитализма. Она сможетъ, въ лучшемъ случаѣ, внести коренное перераспредѣленіе земельной собственности въ пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизмъ вплоть до республики, вырвать съ корнемъ всѣ азіатскія, кабальныя черты не только изъ деревенскаго, но и фабричнаго быта, положить начало серьезному улучшенію положенія рабочихъ и повышенію ихъ жизненнаго уровня, наконецъ, last but not least *) — перенести революціонный пожаръ въ Европу. Такая побѣда нисколько еще не сдѣлаетъ изъ нашей буржуазной революціи революцію соціалистическую; демократическій переворотъ не выйдетъ непосредственно изъ рамокъ буржуазныхъ общественно-экономическихъ отношеній; но тѣмъ не менѣе значеніе такой побѣды будетъ гигантское для будущаго развитія и Россіи и всего міра. Ничто не подниметъ до такой степени революціонной энергіи всемірнаго пролетаріата, ничто не сократитъ такъ сильно пути, ведущаго къ его полной побѣдѣ, какъ эта рѣшительная побѣда начавшейся въ Россіи революціи.

Насколько вѣроятна такая побѣда, — вопросъ другой. Мы вовсе не склонны къ безразсудному оптимизму на этотъ счетъ, мы вовсе не забываемъ о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать побѣды и умѣть указать настоящій путь къ ней. Тенденціи, способныя привести къ этой побѣдѣ, неоспоримо, есть на-лицо. Правда, наше соціалдемократическое вліяніе на массу пролетаріата еще очень и очень недостаточно; революціонное воздѣйствіе на массу крестьянства совсѣмъ ничтожно; разбросанность, неразвитость, темнота пролетаріата и особенно крестьянства еще страшно велики. Но революція быстро сплачиваетъ и быстро просвѣщаетъ. Каждый шагъ въ ея развитіи пробуждаетъ массу и съ неудержимой силой привлекаетъ ее именно на сторону революціонной программы, какъ единственной, выражающей послѣдовательно и цѣльно ея настоящіе, кровные интересы.

Законъ механики гласитъ, что дѣйствіе равно противодѣйствію. Въ исторіи разрушительная сила революціи тоже въ немалой степени зависитъ отъ того, насколько сильно и продолжительно было подавленіе стремленія къ свободѣ, насколько глубоко противорѣчіе между допотопной „надстройкой" и живыми силами современной эпохи. И международная политическая ситуація складывается во многихъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе выгодно для русской революціи. Возстаніе рабочихъ и крестьянъ уже началось, оно раздроблено, стихійно слабо, но оно неоспоримо и безусловно доказываетъ наличность силъ, способныхъ на рѣшительную борьбу и идущихъ къ рѣшительной побѣдѣ.

Не хватитъ этихъ силъ, — тогда самодержавіе успѣетъ заключить сдѣлку, которую и готовятъ уже съ двухъ концовъ и

*) Послѣднее по счету, но не по важности.

господа Булыгины и господа Струве. Тогда кончится дѣло куцей конституцiей или даже — на худой изъ худихъ концовъ — пародiей на нее. Это будетъ тоже „буржуазная революцiя", только выкидышъ, недоносокъ, ублюдокъ. Социалдемократiя не дѣлаетъ себѣ иллюзiй, она знаетъ предательскую натуру буржуазiи, она не падетъ духомъ и не броситъ своей упорной, терпѣливой, выдержанной работы надъ классовымъ воспитанiемъ пролетарiата даже въ самые сѣрые будни буржуазно-конституцiоннаго „шиповскаго" благоденствiя. Такой исходъ былъ бы болѣе или менѣе похожъ на исходъ всѣхъ почти демократическихъ революцiй въ Европѣ въ теченiе XIX вѣка, и наше партiйное развитiе пошло бы тогда по трудной, тяжелой, долгой, но знакомой и проторенной дорожкѣ.

Спрашивается теперь, при которомъ же изъ этихъ двухъ возможныхъ исходовъ социалдемократiя окажется фактически со связанными руками противъ непослѣдовательной и своекорыстной буржуазiи? окажется фактически „растворившейся" или почти растворившейся въ буржуазной демократiи?

Достаточно ясно поставить этотъ вопросъ, чтобы, не затрудняясь ни на минуту, отвѣтить на него.

Удастся буржуазiи сорвать русскую революцiю посредствомъ сдѣлки съ самодержавiемъ,—тогда у социалдемократiи фактически руки окажутся именно связанными противъ непослѣдовательной буржуазiи, тогда социалдемократiя окажется растворившейся въ „буржуазной демократiи" въ томъ смыслѣ, что пролетарiату не удастся наложить своего яркаго отпечатка на революцiю, не удастся по-пролетарски или, какъ говорилъ нѣкогда Марксъ, „поплебейски" раздѣлаться съ самодержавiемъ.

Удастся рѣшительная побѣда революцiи,—тогда мы раздѣлаемся съ самодержавiемъ по-якобински, или, если хотите, поплебейски. „Весь французскiй терроризмъ — писалъ Марксъ въ знаменитой „Новой Рейнской Газетѣ" въ 1848 г.—былъ нечѣмъ инымъ, какъ плебейскимъ способомъ раздѣлаться съ врагами буржуазiи, съ абсолютизмомъ, феодализмомъ и мѣщанствомъ" (см. Marx, Nachlass, изданiе Меринга, томъ III, стр. 211). Думали ли когда-нибудь о значенiи этихъ словъ Маркса тѣ люди, которые пугаютъ социалдемократическихъ русскихъ рабочихъ пугаломъ „якобинизма" въ эпоху демократической революцiи?

Жирондисты современной русской социалдемократiи, новоискровцы, не сливаются съ освобожденцами, но оказываются фактически, въ силу характера своихъ лозунговъ, въ хвостѣ у нихъ. А освобожденцы, т.-е. представители либеральной буржуазiи, хотятъ раздѣлаться съ самодержавiемъ мягко, по-реформаторски,— уступчиво, не обижая аристократiи, дворянства, двора; осторожно, безъ всякой ломки; любезно и вѣжливо, по-барски, надѣвая бѣлыя перчатки (въ родѣ тѣхъ, которыя надѣлъ съ рукъ башибузука г. Петрункевичъ на прiемѣ „представителей народа" (?) 6-го iюня 1905 года,—см. „Пролетарiй" № 5).

Якобинцы современной социалдемократiи—большевики, впередовцы, съѣздовцы или пролетарцы, не знаю ужъ, какъ ска-

зать,— хотятъ поднять своими лозунгами революціонную и республиканскую мелкую буржуазію и особенно крестьянство до уровня послѣдовательнаго демократизма пролетаріата, сохраняющаго свою полную классовую особность. Они хотятъ, чтобы народъ, т.-е. пролетаріатъ и крестьянство, раздѣлался съ монархіей и аристократіей „по-плебейски“, безпощадно уничтожая враговъ свободы, подавляя силой ихъ сопротивленіе, не дѣлая никакихъ уступокъ проклятому наслѣдію крѣпостничества, азіатчины, надругательства надъ человѣкомъ.

Это не значитъ, конечно, чтобы мы хотѣли обязательно подражать якобинцамъ 1793 года, перенимать ихъ взгляды, программу, лозунги, способъ дѣйствія. Ничего подобнаго. У насъ не старая, а новая программа—программа-минимумъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. У насъ новый лозунгъ: революціонная демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства. У насъ будутъ, коли доживемъ мы до настоящей побѣды революціи, и новые способы дѣйствія, соотвѣтствующіе характеру и цѣлямъ стремящейся къ полному соціалистическому перевороту партіи рабочаго класса. Мы хотимъ только пояснить своимъ сравненіемъ, что представители передового класса XX вѣка, пролетаріата, т.-е. соціалдемократы, раздѣляются на такія же два крыла (оппортунистическое и революціонное), на какія раздѣлялись и представители передового класса XVIII вѣка, буржуазіи, т.-е. жирондисты и якобинцы.

Только въ случаѣ полной побѣды демократической революціи у пролетаріата не будутъ связаны руки въ борьбѣ противъ непослѣдовательной буржуазіи, только въ этомъ случаѣ онъ не „растворится“ въ буржуазной демократіи, а наложитъ на всю революцію свой пролетарскій или, вѣрнѣе, пролетарски-крестьянскій отпечатокъ.

Однимъ словомъ: чтобы не оказаться со связанными руками въ борьбѣ съ непослѣдовательной буржуазной демократіей, пролетаріатъ долженъ быть достаточно сознателенъ и силенъ, чтобы поднять до революціоннаго самосознанія крестьянство, чтобы руководить его натискомъ, чтобы такимъ образомъ самостоятельно провести послѣдовательно-пролетарскій демократизмъ.

Вотъ какъ стоитъ столь неудачно разрѣшенный новоискровцами вопросъ объ опасности остаться со связанными руками въ борьбѣ съ непослѣдовательной буржуазіей. Буржуазія всегда будетъ непослѣдовательна. Нѣтъ ничего наивнѣе и безплоднѣе попытокъ начертать условія или пункты *), при исполненіи которыхъ можно было бы считать буржуазную демократію нелицемѣрнымъ другомъ народа. Послѣдовательнымъ борцомъ за демократизмъ можетъ быть только пролетаріатъ. Побѣдоноснымъ борцомъ за демократизмъ онъ можетъ оказаться лишь при томъ условіи, если къ его революціонной борьбѣ присоединится масса крестьянства. Не хватитъ на это силы у пролетаріата,—буржуазія

*) Какъ пробовалъ сдѣлать Старовѣръ въ своей отмѣненной 3-мъ съѣздомъ резолюціи и какъ пробуетъ конференція въ немнѣе неудачной резолюціи.

окажется во главѣ демократической революціи и придастъ ей ея характеръ непослѣдовательный и своекорыстный. Помѣшать этому нѣтъ иного средства, кромѣ революціонно-демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ несомнѣнному выводу, что именно новоискровская тактика, по ея объективному значенію, *играетъ на руку буржуазной демократіи.* Проповѣдь организаціонной расплывчатости, доходящей до плебисцитовъ, до принципа соглашенія, до оторванности партійной литературы отъ партіи; принижeніе задачъ вооруженнаго возстанія; смѣшеніе общенародныхъ политическихъ лозунговъ революціоннаго пролетаріата и монархической буржуазіи; извращеніе условій „рѣшительной побѣды революціи надъ самодержавіемъ“,—все это вмѣстѣ взятое дастъ какъ разъ ту политику хвостизма въ революціонный моментъ, которая сбиваетъ съ толку пролетаріатъ, дезорганизуетъ его и вноситъ смуту въ его сознаніе, принижаетъ тактику соціалдемократіи, вмѣсто того, чтобы указывать единственный путь къ побѣдѣ и присоединять къ лозунгу пролетаріата всѣ революціонные и республиканскіе элементы народа.

Чтобы подтвердить этотъ выводъ, къ которому мы пришли на основаніи разбора резолюціи, подойдемъ къ тому же вопросу съ другихъ сторонъ. Посмотримъ, во-первыхъ, какъ иллюстрируетъ новоискровскую тактику простоватый и откровенный меньшевикъ въ грузинскомъ „Соціалдемократѣ“. Посмотримъ, во-вторыхъ, кто пользуется на дѣлѣ, въ данной политической обстановкѣ, лозунгами новой „Искры“.

7. Тактика „отстраненія консерваторовъ отъ правительства“.

Упомянутая нами выше статья въ органѣ меньшевистскаго Тифлисскаго „Комитета“ („Соціалдемократъ“ № 1) называется: „Земскій соборъ и наша тактика“. Авторъ ея не совсѣмъ забылъ еще нашу программу, онъ выдвигаетъ лозунгъ республики, но разсуждаетъ онъ о тактикѣ слѣдующимъ образомъ:

„Для достиженія этой цѣли (республики) можно указать два пути или оставить совсѣмъ безъ вниманія созванный правительствомъ земскій соборъ и съ оружіемъ въ рукахъ поразить правительство, составить революціонное правительство и созвать учредительное собраніе. Или объявить земскій соборъ центромъ нашего дѣйствія, воздѣйствуя съ оружіемъ въ рукахъ на его составъ, на его дѣятельность, и силой заставить объявить себя учредительнымъ собраніемъ—или черезъ него созвать учредительное собраніе. Эти двѣ тактики очень рѣзко разнятся другъ отъ друга. Посмотримъ же, которая изъ нихъ выгоднѣе для насъ“.

Вотъ какъ русскіе новоискровцы излагаютъ идеи, воплощенныя впослѣдствіи въ разобранной нами резолюціи. Это писано, замѣтьте, до Цусимы, когда булыгинскій „проектъ“ совсѣмъ не показывался на свѣтъ божій. Даже либералы теряли терпѣніе и выражали свое недовѣріе на страницахъ легальной печати, а соціалдемократъ-новоискровецъ оказался довѣрчивѣе либераловъ. Онъ объявляетъ, что земскій соборъ „созывается“, и настолько

вѣритъ самодержавію, что этотъ несуществующій еще земскій соборъ (а, можетъ быть, „Государственную Думу“ или „законосовѣщательный соборъ“?) предлагаетъ взять центромъ нашего дѣйствія. Болѣе откровенный и прямолинейный, чѣмъ авторы резолюціи, принятой на конференціи, нашъ тифлисецъ не приравниваетъ себѣ „тактики“ (излагаемыя имъ съ неподражаемой наивностью), и объявляетъ, что вторая „выгоднѣе“. Слушайте:

„Тактика первая. Какъ вы знаете, предстоящая революція есть революція буржуазная, т.-е. она направлена къ такому измѣненію современнаго строя, въ которомъ (измѣненіи) заинтересованъ не только пролетаріатъ, но и все буржуазное общество. Въ оппозиціи къ правительству стоятъ всѣ классы, даже сами капиталисты. Борющійся пролетаріатъ и борющаяся буржуазія въ нѣкоторомъ смыслѣ вмѣстѣ идутъ и вмѣстѣ нападаютъ на самодержавіе съ разныхъ сторонъ. Правительство здѣсь совсѣмъ одиноко и лишено сочувствія общества. Поэтому уничтожить его очень легко. Весь россійскій пролетаріатъ не настолько еще сознателенъ и организованъ, чтобы одинъ только онъ могъ произвести революцію. Да если бы онъ могъ это сдѣлать, онъ произвелъ бы не буржуазную, а пролетарскую (соціалистическую) революцію. Стало быть, въ нашемъ интересѣ, чтобы правительство осталось безъ союзниковъ, не могло разъединить оппозицію, не присоединило бы къ себѣ буржуазію и не оставило бы пролетаріатъ изолированнымъ“...

Итакъ, въ интересахъ пролетаріата, чтобы самодержавное правительство не могло разъединить буржуазіи и пролетаріата! Да не по ошибкѣ-ли названъ грузинскій органъ „Соціалдемократомъ“, вмѣсто того, чтобы быть названнымъ „Освобожденіемъ“? И замѣтьте, какая бездподобная философія демократической революціи! Развѣ не видимъ мы здѣсь воочію, какъ бѣдный тифлисецъ окончательно сбитъ съ толку резонерски-хвостистскимъ толкованіемъ понятія: „буржуазная революція“? Онъ обсуждаетъ вопросъ о возможной изолированности пролетаріата въ демократическомъ переворотѣ и *забываетъ*... забываетъ о мелочи... о крестьянствѣ! Изъ возможныхъ союзниковъ пролетаріата онъ знаетъ и облюбовываетъ земцевъ — помѣщиковъ и не знаетъ крестьянъ. И это на Кавказѣ! Ну, развѣ не правы мы были, сказавъ, что новая „Искра“ своими разсужденіями опускается до монархической буржуазіи, вмѣсто того, чтобы поднимать къ себѣ въ союзники революціонное крестьянство?

...„Въ противномъ случаѣ пораженіе пролетаріата и побѣда правительства неизбѣжна. И вотъ самодержавіе къ этому именно и стремится. Оно, нѣтъ сомнѣнія, въ своемъ земскомъ соборѣ привлечетъ на свою сторону представителей дворянства, земствъ, городовъ, университетовъ и т. п. буржуазныхъ учрежденій. Оно постарается задобрить ихъ мелкими уступками и такимъ образомъ примирить ихъ съ собой. Подкрѣпленное, такимъ образомъ, оно направитъ всѣ свои удары на оставшійся одинокимъ рабочій народъ. Наша обязанность—предотвратить такой несчастный исходъ. Но развѣ можно это сдѣлать первымъ путемъ? Положимъ, мы не обратили никакого вниманія на земскій соборъ, а начали сами готовиться къ возстанію и въ одинъ прекрасный день вышли вооруженные на улицу на борьбу. И вотъ, здѣсь передъ нами не одинъ, а два врага: правительство и земскій соборъ. Въ то время, какъ мы готовились, они успѣли сговориться, войти въ соглашеніе между собою, выработать выгодную для нихъ конституцію и подѣлили между собою власть. Это прямо выгодная для правительства тактика, и мы должны самымъ энергичнымъ образомъ отказаться отъ нея“...

Вотъ это откровенно! Надо отказаться рѣшительно отъ „тактики“ подготовки возстанія, потому что „въ это время“ правительство войдетъ въ сдѣлку съ буржуазіей! Можно ли въ старой литературѣ самаго заядлаго „экономизма“ найти хоть что-либо, приближающееся къ такому опозоренію революціонной соціалдемократіи? То здѣсь, то тамъ происходящія возстанія и вспышки рабочихъ и крестьянъ—фактъ. Земскій соборъ—булыгинскій посулъ. И „Соціалдемократъ“ изъ города Тифлиса рѣшаетъ: отказаться отъ тактики готовить возстаніе и ждать „центра воздѣйствія“—земскаго собора...

...„Вторая тактика, наоборотъ, заключается въ томъ, чтобы поставить земскій соборъ подъ нашъ надзоръ, не дать ему возможности дѣйствовать по своей волѣ и войти въ соглашеніе съ правительствомъ *).

Мы поддерживаемъ земскій соборъ постольку, поскольку онъ борется съ самодержавіемъ, и боремся съ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ примиряется съ самодержавіемъ. Энергичнымъ вмѣшательствомъ и силой мы разъединяемъ депутатовъ между собой **), радикаловъ присоединяемъ къ себѣ, консерваторовъ отстраняемъ отъ правительства и, такимъ образомъ, весь земскій соборъ ставимъ на революціонный путь. Благодаря такой тактикѣ правительство останется постоянно одинокимъ, оппозиція сильной, и тѣмъ облегчится установленіе демократическаго строя“.

Да, да! Пусть говорятъ теперь, что мы преувеличиваемъ поворотъ новоискровцевъ къ вульгарнѣйшему подобію экономизма. Вѣдь это уже прямо въ родѣ знаменитаго порошка противъ мухъ: поймать муху, посыпать на нее, и околѣетъ. Разъединить *силой* депутатовъ земскаго собора, „отстранить консерваторовъ отъ правительства“—и *весь* земскій соборъ встанетъ на *революціонный путь*... Безъ всякаго „якобинскаго“ вооруженнаго возстанія, а такъ себѣ благородно, почти по-парламентски, „воздѣйствуя на *членовъ земскаго собора*.

Бѣдная Россія! Про нее говорили, что она всегда носитъ старомодныя и выкинутыя Европой шляпки. Парламента еще у насъ нѣтъ, его даже и Булыгинъ не посулилъ, а парламентскаго кретинизма сколько угодно.

...„Какъ должно произойти это вмѣшательство? Прежде всего мы потребуемъ, чтобы земскій соборъ былъ созванъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ. Вмѣстѣ съ оглашеніемъ ***) такого порядка выборовъ должна быть узаконена ****) полная свобода предвыборной агитаціи, т.-е. свобода собраній, слова, печати, неприкосновенность избирателей и избираемыхъ и освобожденіе всѣхъ политическихъ преступниковъ. Сами выборы должны быть назначены какъ можно позже, чтобы у насъ оказалось достаточно времени для ознакомленія и подготовки народа. И такъ какъ выработка правилъ по созыву собора поручена комиссіи министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина,

*) Какое же средство для этого лишенія земцевъ своей воли? Не особая ли лакмусова бумажка?

**) Святители! вотъ она, «углубленная» тактика! На улицѣ драться силы нѣтъ, а «депутатовъ разъединить» можно «силой». Послушайте, товарищъ изъ Тифлиса, можно врать, но надо же знать мѣру...

***) Въ «Искрѣ».

****) Самодержавіемъ?

мы должны воздѣйствовать и на эту комиссію и на ея членовъ *). Если булыгинская комиссія откажется удовлетворить наши требованія **) и право избранія депутатовъ предоставить однимъ имущимъ, тогда мы должны вмѣшаться въ эти выборы и революціоннымъ путемъ заставить избирателей выбрать передовыхъ кандидатовъ и на земскомъ соборѣ потребовать учредительнаго собранія. Наконецъ, всевозможными мѣрами: демонстраціями, стачками и, если нужно будетъ, возстаніемъ заставить земскій соборъ созвать учредительное собраніе или объявить таковымъ себя. Защитникомъ учредительнаго собранія долженъ быть вооруженный пролетаріатъ, и оба вмѣстѣ ***) пойдутъ къ демократической республикѣ.

„Такова соціалдемократическая тактика, и только она обезпечитъ намъ побѣду".

Пусть не думаетъ читатель, что весь этотъ невѣроятный вздоръ есть простая проба пера какого-либо неотвѣтственнаго и невліятельнаго новоискровца. Нѣтъ, это говорится въ *органѣ* цѣлаго комитета новоискровцевъ, Тифлисскаго. Мало того. Этотъ вздоръ *прямо одобренъ „Искрой"*, въ сотомъ номерѣ которой мы читаемъ про этотъ „Соціалдемократъ":

„Живо и талантливо редактированъ номеръ первый. Замѣтна опытная, умѣлая рука редактора — писателя... Можно съ увѣренностью сказать, что газета блестяще исполнитъ поставленную себѣ задачу".

Да! Если эта задача состоитъ въ томъ, чтобы показать всѣмъ и каждому наглядно полное идейное разложеніе новоискровства, то она выполнена, дѣйствительно, „блестяще". Болѣе „живо, талантливо и умѣло" выразить приниженіе новоискровцевъ до либерально-буржуазнаго оппортунизма никто не сумѣлъ бы.

8. Освобожденство и новоискровство.

Теперь перейдемъ къ другому наглядному подтвержденію политическаго значенія новоискровства.

Въ замѣчательной, превосходной, поучительнѣйшей статьѣ „Какъ найти себя" (№ 71 „Осв.") г. Струве идетъ войной на „программный революціонизмъ" нашихъ крайнихъ партій. Мною лично г. Струве особенно недоволенъ ****). Что касается меня, то я какъ нельзя болѣе доволенъ г-номъ Струве: лучшаго союзника въ борьбѣ съ возрождающимся экономизмомъ новоискровцевъ и съ

---

*) Вотъ что значитъ тактика: «остранять консерваторовъ отъ правительства»!

**) Не можетъ этого быть при такой правильной и глубокомысленной тактикѣ съ нашей стороны!

***) И вооруженный пролетаріатъ и «отстраненные отъ правительства» консерваторы?

****) «Въ сравненіи съ революціонизмомъ гг. Ленина и товарищей революціонизмъ западно-европейской соціалдемократіи Бебеля и даже Каутскаго является оппортунизмомъ; но основы и этого, уже смягченнаго, революціонизма подмыты и размыты исторіей». Вылазка очень сердитая. Напрасно только думаетъ г. Струве, что на меня, какъ на мертваго, все валить можно. Мнѣ достаточно сдѣлать г-ну Струве вызовъ, котораго онъ никогда не въ состояніи будетъ принять. Гдѣ и когда я называлъ «революціонизмъ Бебеля и Каутскаго оппортунизмомъ? Гдѣ и когда претендовалъ я на созданіе какого бы то ни было особаго направленія въ международной соціалдемократіи, *не тождественнаго* съ направленіемъ Бебеля и Каутскаго? Гдѣ и когда выступали на

полной безпринципностью „соціалистовъ-революціонеровъ“ я не могъ бы и желать. Какимъ образомъ г. Струве и „Освобожденіе“ практически доказывали всю реакціонность „поправокъ“ къ марксизму, сдѣланныхъ въ проектѣ программы соціалистовъ-революціонеровъ, объ этомъ мы поговоримъ какъ-нибудь въ другой разъ. Какъ г. Струве всякій разъ, когда онъ *принципіально* одобрялъ новоискровцевъ, служилъ мнѣ вѣрную, честную и истинную службу, объ этомъ мы говорили уже неоднократно *) и скажемъ сейчасъ еще разъ.

Въ статьѣ г-на Струве есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ заявленій, которыя мы можемъ здѣсь отмѣтить лишь мимоходомъ. Онъ собирается „создать русскую демократію, опираясь не на борьбу, а на сотрудничество классовъ“, причемъ „соціально-привилегированная интеллигенція“ (въ родѣ „культурнаго дворянства“, передъ которымъ г. Струве расшаркивается съ граціозностью истинно-свѣтскаго... лакея) „принесетъ вѣсъ своего соціальнаго положенія“ (вѣсъ денежнаго мѣшка) въ эту „неклассовую“ партію. Г. Струве выражаетъ желаніе знакомить молодежь съ негодностью „радикальнаго трафарета о томъ, что буржуазія испугалась и продала пролетаріатъ и дѣло свободы“ (отъ всей души привѣтствуемъ это желаніе. Ничто не подтвердитъ такъ этого марксистскаго „трафарета“, какъ война съ нимъ г. Струве. Пожалуйста, г. Струве, не откладывайте въ долгій ящикъ своего великолѣпнаго плана!).

Намъ важно для нашей темы отмѣтить, съ какими *практическими* лозунгами воюетъ въ настоящее время такой политически-чуткій и отзывчивый на малѣйшую перемѣну погоды представитель русской буржуазіи. Во-первыхъ съ лозунгомъ республиканизма. Г. Струве твердо убѣжденъ, что этотъ лозунгъ „непо-

---

свѣтъ разногласія между мной, съ одной стороны, Бебелемъ и Каутскимъ, съ другой,— разногласія, хоть сколько-нибудь приближающіяся по серьезности къ разногласіямъ между Бебелемъ и Каутскимъ, напримѣръ, по аграрному вопросу въ Бреславлѣ? Пусть попробуетъ г. Струве отвѣтить на эти три вопроса.

А читателямъ мы скажемъ. Либеральная буржуазія *вездѣ* и *всегда* пускаетъ въ ходъ пріемъ: увѣрять своихъ единомышленниковъ въ данной странѣ, что соціалдемократы данной страны — самые неразумные, а товарищи ихъ въ сосѣднемъ государствѣ — «пай-мальчики». Нѣмецкая буржуазія *сотни разъ* выставляла на поученіе Бебелямъ и Каутскимъ «пай-мальчиковъ» французскихъ соціалистовъ. Французская буржуазія совсѣмъ недавно выставляла на поученіе французскимъ соціалистамъ «пай-мальчика» Бебеля. Старый пріемъ, г. Струве! Только ребятъ и невѣждъ поймаете вы на эту удочку. Полная солидарность международной революціонной соціалдемократіи во всѣхъ крупныхъ вопросахъ программы и тактики есть неоспоримѣйшій фактъ.

*) Напомнимъ читателю, что статью «Чего не дѣлать?» (№ 52 «Искры») «Освобожденіе» привѣтствовало съ шумомъ и трескомъ, какъ «знаменательный поворотъ» къ уступчивости по отношенію къ оппортунистамъ. Принципіальныя тенденціи новоискровства «Освобожденіе» спеціально одобряло въ замѣткѣ о расколѣ среди русскихъ соціалдемократовъ. По поводу брошюры Троцкаго «Наши политическія задачи» «Освобожденіе» указывало на однородность идей этого автора съ тѣмъ, что нѣкогда писали и говорили рабочедѣльцы Кричевскій, Мартыновъ, Акимовъ. (См. листокъ «Услужливый либералъ», изд. «Впередъ»). Брошюру Мартынова о двухъ диктатурахъ «Освобожденіе» привѣтствовало (см. замѣтку во «Впередъ», № 9). Наконецъ, запоздалыя жалобы Старовѣра по поводу стараго лозунга старой «Искры»: «сначала размежеваться, потомъ объединяться» встрѣтили особое сочувствіе «Освобожденія».

нятенъ и чуждъ народной массѣ“ (онъ забываетъ добавить: понятенъ, но не выгоденъ буржуазіи!). Мы бы желали посмотрѣть, какой отвѣтъ получилъ бы г. Струве отъ рабочихъ въ нашихъ кружкахъ и на нашихъ массовкахъ! Или рабочіе не—народъ? А крестьяне? У нихъ бываетъ, по словамъ г. Струве, „наивный республиканизмъ“ („прогнать царя“),—но либеральная буржуазія вѣритъ въ то, что на смѣну *наивнаго* республиканизма придетъ не сознательный республиканизмъ, а сознательный монархизмъ! Ça dépend, г. Струве, это еще зависитъ отъ обстоятельствъ. И самодержавіе и буржуазія не могутъ не противодѣйствовать коренному улучшенію положенія крестьянъ насчетъ помѣщичьей земли, а рабочій классъ не можетъ не содѣйствовать въ этомъ крестьянству.

Во-вторыхъ, г. Струве увѣряетъ, что „въ гражданской войнѣ нападающій всегда окажется неправымъ“. Эта идея вплотную подходитъ къ показаннымъ выше тенденціямъ новоискровства. Мы не скажемъ, конечно, чтобы въ гражданской войнѣ *всегда* было выгодно нападать: нѣтъ, иногда оборонительная тактика *на время* обязательна. Но выставлять такое положеніе, которое далъ г. Струве, въ примѣненіи къ Россіи 1905 года, значитъ какъ разъ показывать кусочекъ „радикальнаго трафарета“ („буржуазія пугается и продаетъ дѣло свободы“). Кто не хочетъ теперь нападать на самодержавіе, на реакцію, кто не готовится къ этому нападенію, кто не проповѣдуетъ его,—тотъ всуе пріемлетъ имя сторонника революціи.

Г. Струве осуждаетъ лозунги: „конспирація“ и „бунтъ“ (это „возстаніе въ миніатюрѣ“). Г. Струве презираетъ и то и другое — съ точки зрѣнія „доступа къ массамъ“! Мы бы спросили г-на Струве: укажетъ ли онъ проповѣдь бунта въ такомъ, напр., произведеніи безмѣрнаго на его взглядъ революціонариста, какъ „Что дѣлать?“ А насчетъ „конспираціи“ велико ли различіе между нами и г. Струве? Не оба ли мы работаемъ въ „нелегальной“ газетѣ, „конспиративно“ провозимой въ Россію и служащей „тайнымъ“ группамъ Союза Освобожденія или Р. С.-Д. Р. П.? Наши рабочія массовки часто „конспиративны“— есть тотъ грѣхъ. А собранія гг. освобожденцевъ? Есть ли вамъ чѣмъ чваниться, г. Струве, передъ презрѣнными сторонниками презрѣнной конспираціи?

Правда, конспирація сугубая требуется съ доставкой оружія рабочимъ. Вотъ тутъ уже г. Струве выступаетъ прямѣе. Слушайте: „Что касается вооруженнаго возстанія или революціи въ техническомъ смыслѣ, то только массовая пропаганда демократической программы можетъ создать соціально-психическія условія всеобщаго вооруженнаго возстанія. Такимъ образомъ, даже съ той, мною нераздѣляемой точки зрѣнія, которая вооруженное возстаніе считаетъ *неизбѣжнымъ* завершеніемъ современной борьбы за освобожденіе,—пропитываніе массъ идеями демократическаго преобразованія есть самое основное, самое нужное дѣло“.

Г. Струве старается уклониться отъ вопроса. Онъ говоритъ о неизбѣжности возстанія, вмѣсто того, чтобы говорить о необхо-

димости его для побѣды революціи. Возстаніе, неподготовленное, стихійное, раздробленное, уже началось. Безусловно поручиться за то, что оно дойдетъ до цѣльнаго и цѣлостнаго вооруженнаго народнаго возстанія, никто не сможетъ, ибо это зависитъ и отъ состоянія революціонныхъ силъ (вполнѣ измѣряемыхъ только на самой борьбѣ), и отъ поведенія правительства и буржуазіи, и отъ ряда другихъ обстоятельствъ, учесть которыя точно невозможно. О неизбѣжности, въ смыслѣ той абсолютной увѣренности въ конкретномъ событіи, на которую сворачиваетъ рѣчь г. Струве, не къ чему и говорить. Говорить надо, если вы хотите быть сторонникомъ революціи, о томъ, *необходимо* ли возстаніе *для побѣды* революціи, необходимо ли активно выдвигать его, проповѣдывать, готовить немедленно и энергично. Г. Струве не можетъ не понимать этой разницы: онъ, вѣдь, напр., не заслоняетъ же безспорнаго для демократа вопроса о необходимости всеобщаго избирательнаго права спорнымъ и не насущнымъ для политическаго дѣятеля вопросомъ о неизбѣжности его пріобрѣтенія въ теченіе данной революціи. Уклоняясь отъ вопроса о необходимости возстанія, г. Струве выражаетъ этимъ глубочайшую подоплеку политической позиціи либеральной буржуазіи. Буржуазія, во-первыхъ, предпочитаетъ сторговаться съ самодержавіемъ, чѣмъ раздавить его; буржуазія во всякомъ случаѣ сваливаетъ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ на рабочихъ (это—во-вторыхъ). Вотъ какое *реальное* значеніе имѣетъ уклончивость г. Струве. Вотъ почему онъ *пятится назадъ*, отъ вопроса о необходимости возстанія къ вопросу о его „соціально-психическихъ" условіяхъ, о предварительной „пропагандѣ". Точь-въ-точь какъ буржуазные болтуны во франкфуртскомъ парламентѣ 1848 года занимались сочиненіемъ резолюцій, декларацій, рѣшеній, „массовой пропагандой" и подготовкой „соціально-психическихъ условій" въ такое время, когда дѣло шло объ отпорѣ вооруженной силѣ правительства, когда движеніе „привело къ необходимости" вооруженной борьбы, когда одно словесное воздѣйствіе (стократъ нужное въ подготовительный періодъ) превратилось въ пошлую, буржуазную бездѣятельность и трусость,—точно такъ же и г. Струве увиливаетъ отъ вопроса о возстаніи, прикрываясь *фразами*. Г. Струве наглядно показываетъ на то, чего упорно не видятъ многіе соціалдемократы, именно: революціонный моментъ тѣмъ и отличается отъ обыкновенныхъ, будничныхъ, подготовительныхъ историческихъ моментовъ, что настроеніе, возбужденіе, убѣжденіе массъ должны проявляться и проявляются въ *дѣйствіи*.

Вульгарный революціонизмъ не понимаетъ того, что слово тоже есть дѣло; это положеніе безспорное для приложенія къ исторіи *вообще* или къ тѣмъ эпохамъ исторіи, когда открытаго политическаго выступленія массъ нѣтъ, а его никакіе пути не замѣнятъ и искусственно не вызовутъ. Хвостизмъ революціонеровъ не понимаетъ того, что, когда начался революціонный моментъ, когда старая „надстройка" треснула по всѣмъ швамъ, когда открытое политическое выступленіе классовъ и массъ, творящихъ себѣ новую надстройку, стало фактомъ, когда граждан-

ская война началась, — тогда ограничиваться *по-старому* „словомъ“, не давая *прямого лозунга* перейти къ „дѣлу“, тогда отговариваться отъ дѣла ссылкой на „психическія условія“, да на „пропаганду“ вообще есть безжизненность, мертвенность, резонерство, или же предательство революціи и измѣна ей. Франкфуртскіе болтуны демократической буржуазіи—незабвенный историческій образчикъ такого предательства или такого резонерскаго тупоумія.

Хотите ли вы поясненія этой разницы между вульгарнымъ революціонаризмомъ и хвостизмомъ революціонеровъ на исторіи соціалдемократическаго движенія въ Россіи? Мы вамъ дадимъ такое поясненіе. Припомните 1901—1902 годы, которые миновали такъ недавно и которые кажутся уже намъ теперь какимъ-то отдаленнымъ преданіемъ. Начались демонстраціи. Вульгарный революціонизмъ поднялъ крикъ о „штурмѣ“ („Раб. Дѣло“), выпускались „кровавые листки“ (берлинскаго, если память мнѣ не измѣняетъ, происхожденія), нападали на „литературщину“ и кабинетный характеръ идеи всероссійской агитаціи посредствомъ газеты (Надеждинъ). Хвостизмъ революціонеровъ выступалъ тогда, наоборотъ, съ проповѣдью, что „экономическая борьба есть *лучшее* средство для политической агитаціи“. Какъ держалась революціонная соціалдемократія? Она нападала на оба эти теченія. Она осуждала вспышкопускательство и крики о штурмѣ, ибо всѣ ясно видѣли или должны были видѣть, что открытое массовое выступленіе есть дѣло завтрашняго дня. Она осуждала хвостизмъ и выставляла прямо лозунгъ *даже* всенароднаго вооруженнаго возстанія, не въ смыслѣ прямого призыва (призыва къ „бунту“ не нашелъ бы у насъ г. Струве въ тѣ времена), а въ смыслѣ *необходимаго* вывода, въ смыслѣ „пропаганды“ (о которой г. Струве только теперь вспомнилъ,— онъ всегда опаздываетъ нѣсколькими годами, нашъ почтенный г. Струве), въ смыслѣ подготовки тѣхъ именно „соціально-психическихъ условій“, о которыхъ теперь представители растерянной, торгашеской буржуазіи разглагольствуютъ „грустно и некстати“. *Тогда* пропаганда и агитація, агитація и пропаганда дѣйствительно выдвигались объективнымъ положеніемъ вещей на первый планъ. *Тогда* оселкомъ работы по подготовкѣ возстанія могли выставляться (и выставлялась въ „Что дѣлать?“) работа надъ общерусской политической газетой, еженедѣльный выпускъ которой казался идеаломъ. *Тогда* лозунги: массовая агитація *вмѣсто* непосредственныхъ вооруженныхъ выступленій; подготовка соціально-психическихъ условій возстанія *вмѣсто* вспышкопускательства—были единственно правильными лозунгами революціонной соціалдемократіи. *Теперь* эти лозунги превзойдены событіями, движеніе ушло впередъ, они стали хламомъ, ветошью, годной только для прикрытія освобожденнаго лицемѣрія да новоискровскаго хвостизма!

Или, можетъ быть, я ошибаюсь? Можетъ быть, революція еще не началась? Моментъ открытаго политическаго выступленія классовъ еще не пришелъ? Гражданской войны еще нѣтъ, и критика оружія не должна теперь же явиться *необходимымъ* и обя-

зательнымъ преемникомъ, наслѣдникомъ, душеприказчикомъ, завершителемъ оружія критики?

Посмотрите вокругъ себя, высуньтесь изъ кабинета на улицу, чтобы отвѣтить на эти вопросы. Развѣ само правительство не начало уже гражданской войны, массами разстрѣливая повсюду мирныхъ и безоружныхъ гражданъ? Развѣ не выступаютъ вооруженныя черныя сотни, какъ „аргументъ" самодержавія? Развѣ буржуазія—даже буржуазія—не сознала необходимости гражданской милиціи? Развѣ тотъ самый г. Струве, идеально-умѣренный и аккуратный г. Струве, не говоритъ (увы, только говоритъ, чтобы отговориться!) о томъ, что „открытый характеръ революціонныхъ дѣйствій" (вотъ мы какъ нынче!) „въ настоящее время есть одно изъ важнѣйшихъ условій воспитательнаго вліянія на народныя массы"?

У кого есть глаза, чтобы видѣть, тотъ не можетъ усомниться въ томъ, какъ долженъ быть поставленъ теперь сторонниками революціи вопросъ о вооруженномъ возстаніи. Посмотрите же на *три* постановки этого вопроса, данныя въ сколько-нибудь способныхъ вліять на *массы* органахъ свободной печати.

Постановка первая. Резолюція 3-го съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи *). Признано и заявлено во всеуслышаніе, что обще-демократическое революціонное движеніе *уже привело къ необходимости* вооруженнаго возстанія. Организація

---

*) Вотъ ея полный текстъ:

«Принимая во вниманіе:

1) что пролетаріатъ, будучи по положенію своему наиболѣе передовымъ и единственнымъ послѣдовательно революціоннымъ классомъ, тѣмъ самымъ призванъ сыграть руководящую роль въ обще-демократическомъ революціонномъ движеніи Россія;

2) что это движеніе въ настоящій моментъ уже привело къ необходимости вооруженнаго возстанія;

3) что пролетаріатъ неизбѣжно приметъ въ этомъ возстаніи самое энергичное участіе, которое опредѣлитъ судьбу революціи въ Россіи;

4) что руководящую роль въ этой революціи пролетаріатъ можетъ сыграть лишь будучи сплоченъ въ единую и самостоятельную политическую силу подъ знаменемъ соціалдемократической рабочей партіи, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполненіе такой роли можетъ обезпечить за пролетаріатомъ наиболѣе выгодныя условія для борьбы за соціализмъ противъ имущихъ классовъ буржуазно-демократической Россіи,—

третій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. признаетъ, что задача организовать пролетаріатъ для непосредственной борьбы съ самодержавіемъ путемъ вооруженнаго возстанія является одной изъ самыхъ главныхъ и неотложныхъ задачъ партіи въ настоящій революціонный моментъ.

Поэтому съѣздъ поручаетъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ:

а) выяснять пролетаріату путемъ пропаганды и агитаціи не только политическое значеніе, но и практически-организаціонную сторону предстоящаго вооруженнаго возстанія,

б) выяснять при этой пропагандѣ и агитаціи роль массовыхъ политическихъ стачекъ, которыя могутъ имѣть важное значеніе въ началѣ и въ самомъ ходѣ возстанія,

в) принять самыя энергичныя мѣры къ вооруженію пролетаріата, а также къ выработкѣ плана вооруженнаго возстанія и непосредственнаго руководства таковымъ, создавая для этого, по мѣрѣ надобности, особыя группы изъ партійныхъ работниковъ»

пролетаріата для возстанія поставлена на очередь дня, какъ одна изъ существенныхъ, главныхъ и *необходимыхъ* задачъ партіи. Поручено принять *самыя энергичныя* мѣры для вооруженія пролетаріата и обезпеченія возможности непосредственнаго руководства возстаніемъ.

Постановка вторая. Принципіальная статья въ „Освобожденіи" „вождя русскихъ конституціоналистовъ" (такъ назвалъ недавно г-на Струве столь вліятельный органъ европейской буржуазіи, какъ „Франкфуртская Газета"), или вождя русской прогрессивной буржуазіи. Мнѣніе о неизбѣжности возстанія имъ не раздѣляется. Конспирація и бунтъ—специфическіе пріемы неразумнаго революціонизма. Республиканизмъ—методъ оглушеній. Вооруженное возстаніе—вопросъ, собственно, только техническій, тогда какъ „самое основное, самое нужное дѣло"—массовая пропаганда и подготовка соціально-психическихъ условій.

Постановка третья. Резолюція новоискровской конференціи. Наша задача—подготовлять возстаніе. Возможность планомѣрнаго возстанія исключается. Благопріятныя условія для возстанія создаются правительственной дезорганизаціей, нашей агитаціей, нашей организаціей. Лишь тогда „могутъ пріобрѣсти болѣе или менѣе серьезное значеніе технически-боевыя приготовленія".

И только? И только. Стало ли возстаніе необходимымъ, этого новоискровскіе руководители пролетаріата еще не знаютъ. Неотложна ли задача организовать пролетаріатъ для непосредственной борьбы,—для нихъ еще неясно. Не нужно звать къ принятію самыхъ энергичныхъ мѣръ, гораздо важнѣе (въ 1905, а не въ 1902 г.) разъяснить въ общихъ чертахъ, при какихъ условіяхъ эти мѣры „могутъ" пріобрѣсти „болѣе или менѣе серьезное" значеніе...

Видите ли вы теперь, товарищи-новоискровцы, куда привелъ васъ вашъ поворотъ къ мартыновщинѣ? Понимаете ли вы, что ваша политическая философія оказалась перепѣвомъ философіи освобожденской?—что вы оказались (противъ вашей воли и помимо вашего сознанія) въ хвостѣ монархической буржуазіи? Ясно ли вамъ теперь, что, твердя зады и совершенствуясь въ резонерствѣ, вы пропустили то обстоятельство, что—говоря незабвенными словами незабвенной статьи Петра Струве—„открытый характеръ революціонныхъ *дѣйствій* въ настоящее время есть одно изъ важнѣйшихъ условій воспитательнаго вліянія на народныя массы"?

9. Что значитъ быть партіей крайней оппозиціи во время революціи?

Вернемся къ резолюціи о временномъ правительствѣ. Мы показали, что тактика новоискровцевъ двигаетъ революцію не впередъ,—возможность чего они хотѣли бы обезпечить своей резолюціей,—а назадъ. Мы показали, что именно эта тактика *связываетъ руки* соціалдемократіи въ борьбѣ съ непослѣдовательной буржуазіей и не предохраняетъ отъ растворенія въ буржу-

азной демократіи. Понятно, что изъ ложныхъ посылокъ резолюціи получается ложный выводъ: „Потому соціалдемократія не должна ставить себѣ цѣлью захватить или раздѣлить власть во временномъ правительствѣ, а должна оставаться партіей крайней революціонной оппозиціи“. Посмотрите на первую половину этого вывода, относящуюся къ постановкѣ цѣлей. Ставятъ ли новоискровцы цѣлью соціалдемократической дѣятельности рѣшительную побѣду революціи надъ самодержавіемъ?—Ставятъ. Они не умѣютъ правильно формулировать условія рѣшительной побѣды, сбиваясь на „осообожденскую“ формулировку, но указанную цѣль они ставятъ. Далѣе, связываютъ ли они временное правительство съ возстаніемъ?—Да, прямо связываютъ, говоря, что временное правительство „выходитъ изъ побѣдоноснаго народнаго возстанія“. Наконецъ, ставятъ ли они себѣ цѣлью руководить возстаніемъ?—Да, они уклоняются, подобно г. Струве, отъ признанія возстанія необходимымъ и неотложнымъ, но они говорятъ въ то же время, въ отличіе отъ г. Струве, что соціалдемократія стремится *подчинить* его (возстаніе) своему вліянію и *руководству* и использовать въ интересахъ рабочаго класса“.

Неправда ли, какъ это связно выходитъ? Мы ставимъ себѣ *цѣлью* подчинить возстаніе и пролетарскихъ и *непролетарскихъ* массъ нашему вліянію, нашему руководству, использовать его въ нашихъ интересахъ. Мы ставимъ себѣ цѣлью, слѣдовательно, руководить при возстаніи и пролетаріатомъ, и революціонной буржуазіей, и мелкой буржуазіей („непролетарскія группы“), т.-е. „*раздѣлить*“ руководство возстаніемъ между соціалдемократіей и революціонной буржуазіей. Мы ставимъ себѣ цѣлью *побѣду* возстанія, долженствующую привести къ учрежденію временнаго правительства („вышедшаго изъ побѣдоноснаго народнаго возстанія“). *Поэтому*... поэтому мы не должны ставить себѣ цѣлью захватить или раздѣлить власть во временномъ революціонномъ правительствѣ!!

Наши друзья никакъ не могутъ свести концовъ съ концами. Они колеблются между точкой зрѣнія г. Струве, отговаривающагося отъ возстанія, и точкой зрѣнія революціонной соціалдемократіи, призывающей взяться за эту неотложную задачу. Они колеблются между анархизмомъ, принципіально осуждающимъ, какъ измѣну пролетаріату, всякое участіе во временномъ революціонномъ правительствѣ, и марксизмомъ, требующимъ такого участія при условіи руководящаго вліянія соціалдемократіи на возстаніе*). У нихъ нѣтъ никакой самостоятельной позиціи: ни позиціи г. Струве, который желаетъ сторговаться съ самодержавіемъ и потому долженъ уклоняться и вилять по вопросу о возстаніи; ни позиціи анархистовъ, которые осуждаютъ всякое дѣйствіе „сверху“ и всякое участіе въ буржуазной революціи. Новоискровцы смѣшиваютъ сдѣлку съ самодержавіемъ и побѣду надъ самодержавіемъ. Они хотятъ участвовать въ буржуазной революціи. Они нѣсколько ушли впередъ

---

*) См. «Пролетарій», № 3, «О временномъ революціонномъ правительствѣ», статья вторая.

отъ „Двухъ диктатуръ“ Мартынова. Они согласны даже руководить возстаніемъ народа,—съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ этого руководства тотчасъ послѣ побѣды (или, можетъ быть, непосредственно передъ побѣдой?), т.-е. съ тѣмъ, *чтобы не пользоваться плодами побѣды*, а отдать всѣ плоды *цѣликомъ буржуазіи*. Это называютъ они „использовать возстаніе въ интересахъ рабочаго класса“..

Останавливаться дольше на этой путаницѣ нѣтъ надобности. Полезнѣе разсмотрѣть *происхожденіе* этой путаницы въ той формулировкѣ ея, которая гласитъ: „оставаться партіей крайней революціонной оппозиціи“.

Передъ нами одно изъ знакомыхъ положеній международной революціонной соціалдемократіи. Это совершенно вѣрное положеніе. Оно стало общимъ мѣстомъ для всѣхъ противниковъ ревизіонизма, или оппортунизма, въ парламентскихъ странахъ. Оно пріобрѣло право гражданства, какъ законный и необходимый топоръ „парламентскому кретинизму“, мильеранизму, бернштейніанству, итальянскому реформизму въ духѣ Турати. Наши добрые новоискровцы заучили это хорошее положеніе и усердно примѣняютъ его... *совсѣмъ некстати*. Категоріи парламентской борьбы вставляются въ резолюціи, писанныя для такихъ условій, когда никакого парламента на лицо нѣтъ. Понятіе „оппозиціи“, явившееся отраженіемъ и выраженіемъ такой политической ситуаціи, когда о *возстаніи* никто серьезно не говоритъ,— переносится безсмысленно на ситуацію, когда возстаніе *началось* и когда о руководствѣ имъ думаютъ и говорятъ всѣ сторонники революціи. Пожеланіе „*оставаться*“, при томъ же, что и прежде, т.-е. при дѣйствіи только „снизу“, высказывается съ помпой и трескомъ *какъ разъ тогда*, когда революція поставила вопросъ о необходимости, при побѣдѣ возстанія, дѣйствовать *сверху*.

Нѣтъ, рѣшительно не везетъ нашимъ новоискровцамъ! Даже тогда, когда они сформулируютъ вѣрное соціалдемократическое положеніе, они не умѣютъ вѣрно примѣнить его. Они не подумали, какъ преобразуются и превращаются въ свою противоположность понятія и термины парламентской борьбы въ эпоху начавшейся революціи, при отсутствіи парламента, при наличности гражданской войны, при наличности вспышекъ возстанія. Они не подумали, что при условіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, поправки предлагаются посредствомъ уличныхъ демонстрацій, интерпелляціи вносятся посредствомъ наступательныхъ дѣйствій вооруженныхъ гражданъ, оппозиція правительству осуществляется посредствомъ насильственнаго ниспроверженія правительства.

Какъ извѣстный герой нашего народнаго эпоса повторялъ хорошіе совѣты какъ разъ тогда, когда они неумѣстны, такъ и наши поклонники Мартынова повторяютъ уроки мирнаго парламентаризма какъ разъ тогда, когда они сами констатируютъ начало прямыхъ военныхъ дѣйствій. Нѣтъ ничего курьезнѣе, какъ это выдвиганіе, съ важнымъ видомъ, лозунга: „крайняя оппозиція“ въ резолюціи, начинающейся указаніемъ на „рѣшительную побѣду революціи“, на „народное возстаніе“! Сообразите-ка, господа: что значитъ представлять собой „крайнюю оппозицію“ въ эпоху

возстанія? Значитъ ли это изобличать правительство, или свергать его? Значитъ ли это вотировать противъ правительства, или наносить пораженіе его военнымъ силамъ въ открытомъ сраженіи? Значитъ ли это отказывать правительству въ пополненіи его казны или это означаетъ революціонный захватъ этой казны для обращенія ея на нужды возстанія, на вооруженіе рабочихъ и крестьянъ, на созывъ учредительнаго собранія? Не начинаете ли вы понимать, господа, что понятіе „крайней оппозиціи" выражаетъ дѣйствія только отрицательныя—изобличать, вотировать противъ, отказывать? Почему это? Потому, что это понятіе относится только къ парламентской борьбѣ и при томъ въ такую эпоху, когда непосредственной цѣлью борьбы никто „рѣшительной побѣды" не ставитъ. Не начинаете ли вы понимать, что дѣло кардинально мѣняется въ этомъ отношеніи съ того момента, когда начинается рѣшительный натискъ политически угнетеннаго народа по всей линіи для отчаянной борьбы за побѣду?

Рабочіе спрашиваютъ насъ, надо ли энергично браться за неотложное дѣло возстанія? Какъ сдѣлать, чтобы начавшееся возстаніе было побѣдоносно? Какъ воспользоваться побѣдой? Какую программу можно и должно тогда осуществить? Углубляющіе марксизмъ новоискровцы отвѣчаютъ: оставаться партіей крайней революціонной оппозиціи... Ну, развѣ же мы были не правы, назвавъ этихъ рыцарей виртуозами филистерства?

10. „Революціонныя коммуны" и революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства.

Конференція новоискровцевъ не удержалась на анархической оппозиціи, до которой договорилась новая „Искра" (только „снизу", а не „снизу и сверху"). Нелѣпость допущенія возстанія и недопущенія побѣды и участія во временномъ революціонномъ правительствѣ слишкомъ била въ глаза. Революція ввела поэтому оговорки и ограниченія въ рѣшенія вопроса Мартынова и Мартова. Разсмотримъ эти оговорки, изложенныя въ слѣдующей части резолюціи:

„Эта тактика („оставаться партіей крайней революціонной оппозиціи"), конечно, нисколько не исключаетъ цѣлесообразности частичнаго, эпизодическаго захвата власти и образованія революціонныхъ коммунъ въ томъ или другомъ городѣ, въ томъ или другомъ районѣ, въ исключительныхъ интересахъ содѣйствія распространенію возстанія и дезорганизаціи правительства".

Если такъ, значитъ въ принципѣ допускается дѣйствіе не только снизу, но также и сверху. Значитъ выставленное въ извѣстномъ фельетонѣ Л. М. въ „Искрѣ" (№ 83) положеніе ниспровергается и признается правильной тактика газеты „Впередъ": не только „снизу", а также и „сверху".

Далѣе, захватъ власти (хотя бы частный, эпизодическій и т. д.), очевидно, предполагаетъ участіе не одной только социалдемократіи и не одного пролетаріата. Это слѣдуетъ изъ того, что въ демократической революціи заинтересованъ и активно участвуетъ не одинъ

пролетаріатъ. Это слѣдуетъ изъ того, что возстаніе есть „народное“, какъ говорится въ началѣ разбираемой резолюціи, что въ немъ участвуютъ и „непролетарскія группы“ (выраженіе резолюціи конферентовъ о возстаніи), т. е. и буржуазія. Значитъ, тотъ принципъ, что всякое участіе соціалистовъ вмѣстѣ съ мелкой буржуазіей во временномъ революціонномъ правительствѣ есть измѣна рабочему классу, *выброшенъ за бортъ конференціей*, какъ того добивался „Впередъ“. „Измѣна“ не перестаетъ быть измѣной отъ того, что дѣйствіе, ее составляющее, есть частичное, эпизодическое, районное и т. п. Значитъ, приравниваніе участія во временномъ революціонномъ правительствѣ къ вульгарному жорезизму *выброшено за бортъ* конференціей, какъ того добивался „Впередъ“. Правительство не перестаетъ быть правительствомъ отъ того, что его власть распространяется не на много городовъ, а на одинъ городъ, не на много районовъ, а на одинъ районъ, а равно и отъ того, какъ это правительство называется. Такимъ образомъ, *принципіальная постановка вопроса*, которую пыталась дать новая „Искра“, *покинута конференціей*.

Посмотримъ, разумны ли тѣ ограниченія, которыя ставитъ конференція принципіально допущенному теперь образованію революціонныхъ правительствъ и участію въ таковыхъ. Чѣмъ отличается понятіе „эпизодическій“ отъ понятія „временный“, мы не знаемъ. Боимся, что иностраннымъ и „новымъ“ словомъ прикрывается здѣсь лишь отсутствіе ясной мысли. Это *кажется* „глубже“, а на самомъ дѣлѣ, это только темнѣе и путанѣе. Чѣмъ отличается „цѣлесообразность“ частичнаго „захвата власти“ въ городѣ или районѣ отъ участія во временномъ революціонномъ правительствѣ всего государства? Развѣ въ числѣ „городовъ“ нѣтъ такого, какъ Петербургъ, гдѣ имѣло мѣсто 9-е января? Развѣ въ числѣ районовъ нѣтъ Кавказа, который больше многихъ государствъ? Развѣ задачи (смущавшія нѣкогда новую „Искру“) обращенія съ тюрьмами, полиціей, казначействомъ и пр., и пр. не встаютъ передъ нами при „захватѣ власти“ даже въ одномъ городѣ, не говоря уже о районѣ? Никто не станетъ отрицать, конечно, что при недостаткѣ силъ, при неполномъ успѣхѣ возстанія, при нерѣшительной побѣдѣ его возможны частичныя, городскія и проч. временныя революціонныя правительства. Но только причемъ же это, господа? Не вы ли сами говорите въ началѣ резолюціи о „рѣшительной побѣдѣ революціи“, о „побѣдоносномъ народномъ возстаніи“? Съ которыхъ это поръ соціалдемократы берутъ на себя дѣло анархистовъ: раздроблять вниманіе и цѣли пролетаріата? направлять его на „частичное“, а не на всеобщее, единое, цѣльное и полное? Предполагая „захватъ власти“ въ городѣ, вы сами говорите о „распространеніи возстанія“ на другой городъ, смѣемъ думать? на всѣ города, позволительно надѣяться? Ваши выводы, господа, такъ же шатки и случайны, противорѣчивы и путаны, какъ ваши посылки. Третій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. далъ исчерпывающій и ясный отвѣтъ на вопросъ о временномъ революціонномъ правительствѣ вообще. Этотъ отвѣтъ обнимаетъ и всѣ частичныя временныя правительства. Отвѣтъ же конференціи

искусственно и произвольно выдѣляя *часть* вопроса, только *уклоняется* (по безуспѣшно) отъ вопроса въ цѣломъ и вноситъ сумбуръ.

Что значитъ „революціонныя коммуны"? Отличается это понятіе отъ „временнаго революціоннаго правительства", и если да, то чѣмъ? Этого господа конференты сами не знаютъ. Путаность революціонной мысли приводитъ у нихъ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ, къ *революціонной фразѣ*. Да, употребленіе слова „революціонная коммуна" въ резолюціи представителей с.-д. есть революціонная фраза, и ничего болѣе. Марксъ не разъ осуждалъ подобную фразу, когда за „обаятельный" терминъ *отжившаго прошлаго* прячутъ задачи будущаго. Обаятельность термина, сыгравшаго роль въ исторіи, превращается въ подобныхъ случаяхъ въ пустую и вредную мишуру, въ погремушку. Намъ надо дать рабочимъ и всему народу ясное и недвусмысленное понятіе о томъ, *зачѣмъ* мы хотимъ учрежденія временнаго революціоннаго правительства? *какія именно преобразованія* осуществимъ мы, если будемъ рѣшающимъ образомъ вліять на власть завтра же, при побѣдоносномъ исходѣ начавшагося уже народнаго возстанія? Вотъ вопросы, стоящіе передъ политическими руководителями.

Третій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. отвѣчаетъ на эти вопросы съ полнѣйшей ясностью, давая полную программу этихъ преобразованій: нашу партійную программу-минимумъ. А слово „коммуна" не даетъ никакого отвѣта, только засоряя головы какимъ-то далекимъ звономъ ... или пустозвонствомъ. Чѣмъ дороже для насъ, скажемъ, Парижская Коммуна 1871 года, тѣмъ непозволительнѣе отдѣлываться ссылкой на нее безъ разбора ея ошибокъ и ея особыхъ условій. Дѣлать это, значило бы повторять нелѣпый примѣръ осмѣянныхъ Энгельсомъ бланкистовъ, преклонявшихся (въ 1874 г., въ своемъ „манифестѣ") передъ каждымъ актомъ Коммуны. Что скажетъ конферентъ рабочему, когда онъ спроситъ его объ *этой* „революціонной коммунѣ", упомянутой въ резолюціи? Онъ сможетъ сказать только то, что въ исторіи подъ этимъ именемъ извѣстно такое рабочее правительство, которое не умѣло и не могло тогда различить элементовъ демократическаго и соціалистическаго переворота, которое смѣшивало задачи борьбы за республику съ задачами борьбы за соціализмъ, которое не сумѣло рѣшить задачи энергичнаго военнаго наступленія на Версаль, которое ошибочно не захватило французскаго банка и т. д. Однимъ словомъ, сошлетесь ли вы въ своемъ отвѣтѣ на Парижскую или на какую иную коммуну, вашъ отвѣтъ будетъ: это было такое правительство, *какимъ наше быть не должно*. Хорошъ отвѣтъ, нечего сказать! Не свидѣтельствуетъ ли это о резонерствѣ начетчика и безпомощности революціонера, когда практическая программа партіи обходится молчаніемъ и некстати начинается въ резолюціи преподаваніе исторіи? Не показываетъ ли это какъ разъ той ошибки, въ которой неудачно старались изобличить насъ: смѣшенія демократическаго и соціалистическаго переворотовъ, не различавшихся ни одной изъ „коммунъ"?

Цѣлью временнаго правительства (такъ некстати названнаго коммуной) выставляется „исключительно" распространеніе

возстанія и дезорганизація правительства. Это „исключительно“ устраняетъ, по буквальному смыслу слова, всякія другія задачи, являясь отрыжкой нелѣпой теоріи „только снизу“. Подобное устраненіе другихъ задачъ есть опять-таки близорукость и непродуманность. „Революціонная коммуна“, т.-е. революціонная власть хотя бы въ одномъ городѣ, неизбѣжно должна будетъ выполнять (хотя бы временно, „частично, эпизодически“) *всѣ* государственныя дѣла, и прятать тутъ голову подъ крыло—верхъ неразумія. Эта власть должна будетъ и 8-мичасовой рабочій день узаконить, и рабочую инспекцію за фабриками учредить, и даровое всеобщее образованіе поставить, и выборность судей ввести, и крестьянскіе комитеты учредить, и т. д.—однимъ словомъ, рядъ реформъ она должна будетъ провести непремѣнно. Подводить эти реформы подъ понятіе „содѣйствіе распространенію возстанія“—значило бы играть словами и намѣренно усиливать неясность тамъ, гдѣ нужна полная ясность.

* * *

Заключительная часть новоискровской резолюціи не даетъ новаго матеріала для критики принципіальныхъ тенденцій возродившагося „экономизма“ въ нашей партіи, но иллюстрируетъ нѣсколько съ иной стороны сказанное выше.

Вотъ эта часть:

„Только въ одномъ случаѣ соціалдемократія по своей инициативѣ должна была бы направить свои усилія къ тому, чтобы овладѣть властью и по возможности дольше удержать ее въ своихъ рукахъ,—именно въ томъ случаѣ, если бы революція перекинулась въ передовыя страны Западной Европы, въ которыхъ достигли уже извѣстной (?) зрѣлости условія для осуществленія соціализма. Въ этомъ случаѣ ограниченные историческіе предѣлы русской революціи могутъ значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь соціалистическихъ преобразованій.

„Строя свою тактику въ расчетѣ на сохраненіе за соціалдемократической партіей въ теченіе всего революціоннаго періода положенія крайней революціонной оппозиціи ко всѣмъ смѣняющимся въ ходѣ революціи правительствамъ, соціалдемократія всего лучше можетъ подготовиться и къ использованію правительственной власти, если она попадетъ (??) въ ея руки“.

Основная мысль здѣсь та, которую неоднократно формулировалъ „Впередъ“, говорившій, что мы не должны бояться (какъ боится Мартыновъ) полной побѣды соціалдемократіи въ демократической революціи, т.-е. революціонной демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства, ибо такая побѣда дастъ намъ возможность поднять Европу, а европейскій соціалистическій пролетаріатъ, сбросивъ съ себя иго буржуазіи, въ свою очередь поможетъ намъ совершить соціалистическій переворотъ. Но посмотрите, какъ ухудшена эта мысль въ изложеніи новоискровцевъ. Не будемъ останавливаться на частностяхъ—на той безсмыслицѣ, будто власть можетъ „попасть“ въ руки сознательной

партіи, считающей вредной тактикой захватъ власти; на томъ что въ Европѣ условія для соціализма достигли не извѣстной зрѣлости, а зрѣлости вообще; на томъ, что наша партійная программа не знаетъ никакихъ соціалистическихъ преобразованій, а знаетъ лишь соціалистическій переворотъ. Возьмемъ главное и основное отличіе мысли „Впередъ“ и резолюціи. „Впередъ“ указывалъ революціонному пролетаріату Россіи активную задачу: побѣдить въ борьбѣ за демократію и воспользоваться этой побѣдой для перенесенія революціи въ Европу. Резолюція не понимаетъ этой связи нашей „рѣшительной побѣды“ (не въ новоискровскомъ смыслѣ) съ революціей въ Европѣ и говоритъ поэтому не о задачахъ пролетаріата, не о перспективахъ *его* побѣды, а объ одной изъ возможностей вообще: „если бы революція перекинулась“... „Впередъ“ указывалъ прямо и опредѣленно—и эти указанія вошли въ резолюцію 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П.,—какъ именно можно и должно „использовать правительственную власть“ въ интересахъ пролетаріата, считаясь съ тѣмъ, что можно осуществить тотчасъ при данной ступени общественнаго развитія и что необходимо осуществить сначала, какъ демократическую предпосылку борьбы за соціализмъ. Резолюція и тутъ безнадежно тащится въ хвостѣ, говоря: „можетъ подготовиться къ использованію“, но, не умѣя сказать, *какъ* можетъ, *какъ* подготовиться, къ *какому* использованію. Мы не сомнѣваемся, напримѣръ, что новоискровцы „могутъ подготовиться къ использованію“ руководящаго положенія въ партіи, но дѣло-то въ томъ, что до сихъ поръ ихъ опытъ этого использованія, ихъ подготовка не обнадеживаютъ насчетъ превращенія возможности въ дѣйствительность.

„Впередъ“ говорилъ точно, въ чемъ именно состоитъ реальная „возможность удержать власть въ своихъ рукахъ“,—въ революціонной демократической диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, въ ихъ совмѣстной массовой силѣ, способной перевѣсить всѣ силы контръ-революціи, въ ихъ неизбѣжномъ совпаденіи интересовъ относительно *демократическихъ* преобразованій. Резолюція конференціи и тутъ не даетъ ничего положительнаго, только увиливая отъ вопроса. Вѣдь возможность удержать власть въ Россіи должна обусловливаться составомъ соціальныхъ силъ Россіи же, условіями демократическаго переворота, который у насъ сейчасъ происходитъ. Вѣдь побѣда пролетаріата въ Европѣ (а отъ перенесенія революціи въ Европу до побѣды пролетаріата есть еще дистанція нѣкотораго размѣра) вызоветъ отчаянную контръ-революціонную борьбу русской буржуазіи, — резолюція новоискровцевъ ни слова не говоритъ объ этой контръ-революціонной силѣ, значеніе которой оцѣнено въ резолюціи 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Если бы мы не могли опереться, кромѣ пролетаріата, и на крестьянство въ борьбѣ за республику и демократію, тогда дѣло „удержанія власти“ было бы безнадежно. А если оно не безнадежно, если „рѣшительная побѣда надъ самодержавіемъ“ открываетъ такую возможность,—тогда мы должны указывать на нее, активно звать къ ея превращенію въ дѣйствительность,

давать практическіе лозунги, и не только *на случай* перенесенія революціи въ Европу, но и *для* такого перенесенія. У хвостистовъ соціалдемократіи ссылка на „ограниченные историческіе предѣлы русской революціи“ прикрываетъ лишь ограниченность пониманія задачъ этой демократической революціи и передовой роли пролетаріата въ этой революціи!

Одно изъ возраженій противъ лозунга: „революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства“ состоитъ въ томъ, что диктатура предполагаетъ „единую волю“ („Искра“, № 83), а единой воли у пролетаріата съ мелкой буржуазіей быть не можетъ. Это возраженіе несостоятельно, ибо оно основано на абстрактномъ, „метафизическомъ“ толкованіи понятія „единая воля“. Бываетъ воля единая въ одномъ отношеніи и не единая въ другомъ. Отсутствіе единства въ вопросахъ соціализма и въ борьбѣ за соціализмъ не исключаетъ единства воли въ вопросахъ демократизма и въ борьбѣ за республику. Забывать это, значило бы забывать логическую и историческую разницу между демократическимъ и соціалистическимъ переворотами. Забывать это значило бы забывать объ *общенародномъ* характерѣ демократическаго переворота: если „общенародный“, то значитъ *есть* „единство воли“, именно постольку, поскольку этотъ переворотъ осуществляетъ общенародныя нужды и потребности. За предѣлами демократизма не можетъ быть и рѣчи о единствѣ воли между пролетаріатомъ и крестьянской буржуазіей. Классовая борьба между ними неизбѣжна, но на почвѣ демократической республики эта борьба и будетъ самой глубокой и самой широкой народной борьбой *за соціализмъ*. У революціонно-демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства есть, какъ и у всего на свѣтѣ, прошлое и будущее. Ея прошлое — самодержавіе, крѣпостничество, монархія, привилегіи. Въ борьбѣ съ этимъ прошлымъ, въ борьбѣ съ контръ-революціей возможно „единство воли“ пролетаріата и крестьянства, ибо есть единство интересовъ.

Ея будущее—борьба противъ частной собственности, борьба наемнаго рабочаго съ хозяиномъ, борьба за соціализмъ. Тутъ единство воли невозможно *). Тутъ передъ нами не дорога отъ самодержавія къ республикѣ, а дорога отъ мелкобуржуазной демократической республики къ соціализму.

Конечно, въ конкретной исторической обстановкѣ переплетаются элементы прошлаго и будущаго, смѣшиваются та и другая дорога. Наемный трудъ и его борьба противъ частной собственности есть и при самодержавіи, онъ зарождается даже при крѣпостномъ правѣ. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ логически и исторически отдѣлять крупныя полосы развитія. Вѣдь мы же всѣ противополагаемъ буржуазную революцію и соціалистическую, мы всѣ безусловно настаиваемъ на необходимости строжайшаго различенія ихъ, а развѣ можно отрицать, что въ исторіи отдѣль-

---

*) Развитіе капитализма, еще болѣе широкое и быстрое при свободѣ, неизбѣжно положить скорый конецъ единству воли, — тѣмъ болѣе скорый, чѣмъ скорѣе будетъ раздавлена контръ-революція и реакція.

ны, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Развѣ эпоха демократическихъ революцій въ Европѣ не знаетъ ряда соціалистическихъ движеній и соціалистическихъ попытокъ? И развѣ будущей соціалистической революціи въ Европѣ не осталось еще многаго и многаго дѣлать въ смыслѣ демократизма?

Соціалдемократъ никогда и ни на минуту не долженъ забывать о неизбѣжной классовой борьбѣ пролетаріата за соціализмъ съ самой демократической и республиканской буржуазіей и мелкой буржуазіей. Это несомнѣнно. Изъ этого вытекаетъ безусловная обязательность отдѣльной и самостоятельной строго-классовой партіи соціалдемократіи. Изъ этого вытекаетъ временный характеръ нашего „вмѣстѣ бить" съ буржуазіей, обязанность строго надзирать „за союзникомъ, какъ за врагомъ", и т. д. Все это тоже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но изъ этого смѣшно и реакціонно было бы выводить забвеніе, игнорированіе или пренебреженіе насущныхъ по отношенію къ настоящему, хотя преходящихъ и временныхъ, задачъ. Борьба съ самодержавіемъ — временная и преходящая задача соціалистовъ, но всякое игнорированіе или пренебреженіе этой задачей равносильно измѣнѣ соціализму и услугѣ реакціи. Революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства есть, безусловно, лишь преходящая, временная задача соціалистовъ, но игнорированіе этой задачи въ эпоху демократической революціи прямо реакціонно.

Конкретныя политическія задачи, надо ставить въ конкретной обстановкѣ. Все относительно, все течетъ, все измѣняется. Нѣмецкая соціалдемократія не ставитъ въ программу требованіе республики. Тамъ ситуація такова, что этотъ вопросъ врядъ ли отдѣлимъ на практикѣ отъ вопроса о соціализмѣ (хотя и по отношенію къ Германіи Энгельсъ въ замѣчаніяхъ на проектъ Эрфуртской программы въ 1890 году предостерегалъ отъ преуменьшенія значенія республики и борьбы за республику!). Въ россійской соціалдемократіи не возникало даже и вопроса о томъ, чтобы удалить требованіе республики изъ программы и изъ агитаціи, ибо у насъ не можетъ быть и рѣчи о неразрывной связи вопроса о республикѣ съ вопросомъ о соціализмѣ. Нѣмецкій соціалдемократъ 1898 года, не ставящій на первый планъ вопросъ спеціально о республикѣ, есть явленіе естественное, не вызывающее ни изумленія, ни осужденія. Нѣмецкій соціалдемократъ, который бы въ 1848 г. оставилъ въ тѣни вопросъ о республикѣ, былъ бы прямымъ измѣнникомъ революціи. Абстрактной истины нѣтъ. Истина всегда конкретна.

Наступитъ время — кончится борьба съ русскимъ самодержавіемъ—минетъ для Россіи эпоха демократической революціи; тогда смѣшно будетъ и говорить о „единствѣ воли" пролетаріата и крестьянства, о демократической диктатурѣ и т. д. Тогда мы подумаемъ непосредственно о соціалистической диктатурѣ пролетаріата и подробнѣе поговоримъ о ней. Теперь же партія передового класса не можетъ не стремиться самымъ энергичнымъ

образомъ къ рѣшительной побѣдѣ демократической революціи надъ самодержавіемъ. А рѣшительная побѣда есть не что иное, какъ революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства.

11. Бѣглое сравненіе нѣкоторыхъ резолюцій 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. и „конференціи“.

Вопросъ о временномъ революціонномъ правительствѣ является центральнымъ пунктомъ тактическихъ вопросовъ соціалдемократіи въ настоящій моментъ. Останавливаться столь же подробно на остальныхъ резолюціяхъ конференціи нѣтъ ни возвозможности, ни надобности. Мы ограничимся только краткимъ указаніемъ на нѣсколько пунктовъ, подтверждающихъ разобранное нами выше принципіальное различіе въ тактическомъ направленіи резолюцій 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. и резолюцій конференціи.

Возьмите вопросъ объ отношеніи къ тактикѣ правительства наканунѣ переворота. Вы найдете опять-таки цѣлостный отвѣтъ на него въ резолюціи Р. С.-Д. Р. П. Эта резолюція учитываетъ всѣ разнообразныя условія и задачи особаго момента: и разоблаченіе лицемѣрія правительственныхъ уступокъ, и использованіе „карикатурныхъ формъ народнаго представительства“, и революціонное осуществленіе настоятельныхъ требованій рабочаго класса (8-мичасовой рабочій день во главѣ ихъ), и, наконецъ, отпоръ чернымъ сотнямъ. Въ резолюціяхъ конференціи вопросъ разбросанъ по нѣсколькимъ отдѣламъ; „отпоръ темнымъ силамъ реакціи“ упомянутъ лишь въ мотивахъ резолюціи объ отношеніи къ другимъ партіямъ. Участіе въ выборахъ въ представительныя учрежденія разсматривается отдѣльно отъ „компромиссовъ“ самодержавія съ буржуазіей. Вмѣсто призыва къ осуществленію революціоннымъ путемъ 8-мичас. раб. дня особая резолюція съ громкимъ названіемъ: „Объ экономической борьбѣ“, повторяетъ только (послѣ звонкихъ и очень неумныхъ словъ о „центральномъ мѣстѣ, занятомъ рабочимъ вопросомъ въ русской общественной жизни“) старый лозунгъ агитаціи за „законодательное установленіе 8-мичас. раб. дня“. Недостаточность и отсталость этого лозунга въ настоящій моментъ слишкомъ ясны, чтобы надо было останавливаться на ихъ доказательствѣ.

Вопросъ объ открытомъ политическомъ выступленіи. 3-й съѣздъ учитываетъ предстоящую *коренную* перемѣну нашей дѣятельности. Никоимъ образомъ нельзя забрасывать конспиративной дѣятельности и развитія конспиративнаго аппарата: это было бы на-руку полиціи и донельзя выгодно правительству. Но нельзя уже теперь не думать и объ открытомъ выступленіи. Надо *готовить* немедленно цѣлесообразныя формы такого выступленія и, слѣдовательно, особые аппараты—менѣе конспиративные—для этой цѣли. Надо использовать легальныя и полулегальныя общества, чтобы превращать ихъ, по возможности, въ опорные

пункты будущей открытой соціалдемократической рабочей партіи въ Россіи.

Конференція и тутъ раздробляетъ вопросъ, не давая никакихъ цѣльныхъ лозунговъ. Особо выскакиваетъ смѣхотворное порученіе Организаціонной Комиссіи позаботиться объ „испомѣщеніи“ легальныхъ литераторовъ. Совсѣмъ нелѣпо постановленіе о „подчиненіи своему вліянію тѣхъ демократическихъ газетъ, которыя ставятъ себѣ цѣлью оказывать содѣйствіе рабочему движенію“. Эту цѣль ставятъ себѣ всѣ наши легальныя либеральныя газеты, почти сплошь „освобожденскія“ по направленію. Почему бы редакціи „Искры“ не начать самой съ выполненія своего совѣта и не показать намъ примѣръ, какъ слѣдуетъ подчинять соціалдемократическому вліянію „Освобожденіе“?.. Вмѣсто лозунга использовать легальные союзы для созданія опорныхъ пунктовъ *партіи* намъ даютъ, во-первыхъ, частный совѣтъ о „профессіональныхъ“ только союзахъ (обязательное участіе въ нихъ членовъ партіи) и, во-вторыхъ, совѣтъ руководить „революціонными организаціями рабочихъ“—„неоформленными организаціями“—и „революціонными рабочими клубами“. Какъ это „клубы“ попали въ неоформленныя организаціи, что это за „клубы“ — Аллахъ вѣдаетъ. Передъ нами вмѣсто точныхъ и ясныхъ директивъ высшаго учрежденія партіи какіе-то наброски мыслей и черновыя замѣтки литераторовъ. Никакой цѣльной картины о началѣ перехода партіи къ совершенно иной базѣ всей ея работы не получается.

„Крестьянскій вопросъ“ поставленъ совершенно различно съѣздомъ партіи и конференціей. Съѣздъ выработалъ резолюцію объ „отношеніи къ крестьянскому движенію“. Конференція — о „работѣ среди крестьянъ“. Въ одномъ случаѣ на первый планъ выдвинуты задачи руководства въ общенаціональныхъ интересахъ борьбы съ самодержавіемъ всѣмъ широкимъ революціонно-демократическимъ движеніемъ. Въ другомъ случаѣ дѣло сводится только къ „работѣ“ среди особаго слоя. Въ одномъ случаѣ выдвигается центральный практическій лозунгъ агитаціи—немедленная организація революціонныхъ крестьянскихъ комитетовъ для проведенія всѣхъ демократическихъ преобразованій. Въ другомъ—„требованіе образованія комитетовъ“ должно быть предъявлено учредительному собранію. Почему мы должны непремѣнно ждать этого учредительнаго собранія? станетъ ли оно на дѣлѣ учредительнымъ? прочно ли оно будетъ безъ предварительнаго и одновременнаго учрежденія революціонныхъ крестьянскихъ комитетовъ? — всѣ эти вопросы упущены изъ виду конференціей. На всѣхъ ея рѣшеніяхъ такъ и отражается прослѣженная нами общая мысль, что въ буржуазной революціи мы должны вести только свою спеціальную работу, не задаваясь цѣлью руководства всѣмъ демократическимъ движеніемъ и самостоятельнаго проведенія его. Какъ экономисты постоянно сбивались на то, что соціалдемократамъ—экономическую борьбу, а либераламъ—политическую, такъ и новоискровцы сбиваются во всемъ ходѣ своихъ разсужденій на то, что намъ—поскромнѣе уголокъ въ сторонкѣ

отъ буржуазной революціи, а буржуазіи — активное проведенія ея.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и резолюціи объ отношеніи къ другимъ партіямъ. Резолюція 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. говоритъ о разоблаченіи всякой ограниченности и недостаточности освободительнаго движенія буржуазіи, не задаваясь наивной мыслью перечислить отъ съѣзда до съѣзда всѣ возможные случаи этой ограниченности и провести черту, отдѣляющую нехорошихъ буржуа отъ хорошихъ буржуа. Конференція, повторяя ошибку Старовѣра, ищетъ упорно такой черты, развиваетъ знаменитую теорію „лакмусовой бумажки". Старовѣръ исходилъ изъ очень доброй идеи: поставить буржуазіи условія построже. Онъ забывалъ только, что всякая попытка напередъ отдѣлить заслуживающихъ одобренія, соглашенія и т. д. буржуазныхъ демократовъ отъ незаслуживающихъ ведетъ къ „формулѣ", сейчасъ же выкидываемой за бортъ развитіемъ событій и вносящей смуту въ пролетарское классовое сознаніе. Центръ тяжести переносится съ реальнаго единства въ борьбѣ на заявленія, обѣщанія, лозунги. Старовѣръ считалъ такимъ кореннымъ лозунгомъ „всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право". Не прошло и двухъ лѣтъ —„лакмусова бумажка" доказала свою негодность, лозунгъ всеобщаго избирательнаго права переняли освобожденцы, не только не приближаясь отъ этого къ соціалдемократіи, а напротивъ— именно посредствомъ этого лозунга пытаясь ввести въ заблужденіе рабочихъ и отвлечь ихъ отъ соціализма.

Теперь новоискровцы выставляютъ „условія" еще „строже", „требуютъ" отъ враговъ самодержавія „энергичной и недвусмысленной (!?) поддержки всякаго рѣшительнаго дѣйствія организованнаго пролетаріата" и т. д., вплоть до „активнаго участія въ дѣлѣ народнаго самовооруженія". Черта проведена значительно дальше,—и тѣмъ не менѣе черта эта *опять уже устарѣла*, сразу оказалась негодной. Почему, напр., отсутствуетъ лозунгъ республики? Какимъ образомъ въ интересахъ „безпощадной революціонной войны противъ всѣхъ основъ сословно-монархическаго порядка" соціалдемократы „требуютъ" отъ буржуазныхъ демократовъ всего, чего хотите, кромѣ борьбы за республику?

Что этотъ вопросъ не придирка, что ошибка новоискровцевъ имѣетъ самое жизненное политическое значеніе,—доказательство тому „Росс. Освоб. Союзъ" (см. № 4 „Пролетарія" *). Эти враги самодержавія" вполнѣ подойдутъ подъ всѣ „требованія" новоискровцевъ. А между тѣмъ мы показали, что освобожденскій духъ царитъ въ программѣ (или въ безпрограммности) этого Р. О. С. и что освобожденцы легко могутъ взять его на буксиръ.

---

*) Въ № 4 „Пролетарія", вышедшемъ 3-го іюля 1905 года, помѣщена была обширная статья: „Новый революціонный рабочій союзъ". Въ статьѣ передается содержаніе воззваній этого союза, принявшаго названіе „Россійскаго Освободительнаго Союза" и поставившаго своей цѣлью созывъ при помощи вооруженнаго возстанія учредительнаго собранія. Далѣе, въ статьѣ опредѣляется отношеніе с.-д. къ такимъ безпартійнымъ союзамъ. Насколько реаленъ былъ данный союзъ и какова его судьба въ революціи, намъ совершенно неизвѣстно.

Конференція же заявляетъ въ концѣ резолюціи, что „соціалдемократія будетъ выступать попрежнему, какъ противъ *лицемѣрныхъ друзей народа*, противъ всѣхъ тѣхъ политическихъ партій, которыя, выставляя либеральное и демократическое знамя, отказываются отъ дѣйствительной поддержки революціонной борьбы пролетаріата“. Р. О. С. не только не отказывается, а усердно предлагаетъ эту поддержку. Есть ли это ручательство за то, что его вожди не „лицемѣрные друзья народа“, хотя бы они были освобожденцы?

Вы видите: сочиняя напередъ „условія“ и предъявляя комичныя по своему грозному безсилію „требованія“, новоискровцы сразу ставятъ себя въ смѣшное положеніе. Ихъ условія и требованія сразу оказываются недостаточными для учета живой дѣйствительности. Ихъ погоня за формулами безнадежна, ибо никакой формулой не уловишь всѣхъ и всяческихъ проявленій лицемѣрія, непослѣдовательности и ограниченности буржуазной демократіи. Дѣло не въ „лакмусовой бумажкѣ“, не въ формахъ, не въ записанныхъ и пропечатанныхъ требованіяхъ, не въ разграниченіи напередъ лицемѣрныхъ и нелицемѣрныхъ „друзей народа“, а въ реальномъ единствѣ борьбы, въ неослабѣвающей критикѣ со стороны соціалдемократовъ каждаго „нетвердаго“ шага буржуазной демократіи. Для „дѣйствительнаго сплоченія всѣхъ заинтересованныхъ въ демократическомъ переустройствѣ общественныхъ силъ“ нужны не „пункты“, надъ которыми такъ усердно и такъ тщетно трудилась конференція, а умѣніе выставить дѣйствительно революціонные лозунги. Для этого нужно лозунги, поднимающіе до уровня пролетаріата революціонную и республиканскую буржуазію, а не принижающія задачи пролетаріата до уровня монархической буржуазіи. Для этого нужно энергичнѣйшее участіе въ возстаніи, а не резонерскія отговорки отъ неотложной задачи вооруженнаго возстанія.

12. Ослабѣетъ ли размахъ демократической революціи, если отъ нея отшатнется буржуазія?

Предыдущія строки были уже написаны, когда мы получили изданныя „Искрой“ резолюціи кавказской конференціи новоискровцевъ. Pour la bonne bouche (для хорошаго окончанія) мы не могли бы и выдумать лучшаго матеріала.

Редакція „Искры“ справедливо замѣчаетъ: „Въ основномъ вопросѣ тактики кавказская конференція также пришла къ рѣшенію, *аналогичному* (истина!) тому, которое принято на конференціи общерусской“ (т.-е. новоискровской). „Вопросъ объ отношеніи соціалдемократіи къ временному революціонному правительству рѣшенъ кавказскими товарищами въ смыслѣ самого отрицательнаго отношенія къ новому методу, пропагандируемому группой „Впередъ“ и примкнувшими къ ней делегатами такъ называемаго съѣзда“. „Формулировку тактики пролетарской партіи въ буржуазной революціи, данную конференціей, надо признать *весьма удачной*“.

Что правда, то правда. Болѣе „удачной" формулировки коренной ошибки новоискровцевъ никто не сумѣлъ бы дать. Приводимъ эту формулировку цѣликомъ, отмѣчая сначала въ скобкахъ цвѣточки, а затѣмъ и преподнесенныя въ концѣ ягодки.

Резолюція кавказской конференціи новоискровцевъ о временномъ правительствѣ:

„Считая своей задачей использовать революціонный моментъ для углубленія" (ну, конечно! надо бы добавить: для мартыновскаго углубленія!) „соціалдемократическаго сознанія пролетаріата" (только для углубленія сознанія, а не для завоеванія республики? Какое „глубокое" пониманіе революціи!), „конференція, въ цѣляхъ обезпеченія для партіи полнѣйшей свободы критики нарождающагося буржуазно-государственнаго строя" (обезпечивать республику не наше дѣло! Наше дѣло только обезпечить свободу критики. Анархическія идеи порождаютъ и анархическій языкъ: „буржуазно-государственный" строй!), „высказывается противъ образованія соціалдемократическаго временнаго правительства и вступленія въ него" (припомните цитированную Энгельсомъ резолюцію бакунистовъ за 10 мѣсяцевъ передъ испанской революціей: см. „Пролетарій", № 3), „а считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ оказывать давленіе извнѣ" (снизу, а не сверху) „на буржуазное временное правительство для посильной (?!) демократизаціи государственнаго строя. Конференція полагаетъ, что образованіе соціалдемократами временнаго правительства или вступленіе въ него повело бы, съ одной стороны, къ отпаденію отъ соціалдемократической партіи широкихъ массъ пролетаріата, разочаровавшихся въ ней, такъ какъ соціалдемократія, несмотря на захватъ власти, не сможетъ удовлетворить насущнымъ нуждамъ рабочаго класса вплоть до осуществленія соціализма" (республика не насущная нужда! Авторы въ невинности своей не замѣчаютъ, что говорятъ чисто-анархическимъ языкомъ, какъ будто они отрицали участіе въ буржуазныхъ революціяхъ!), „съ другой, *заставитъ буржуазные классы отшатнуться отъ дѣла революціи и тѣмъ ослабитъ ея размахъ*".

Вотъ гдѣ зарыта собака. Вотъ гдѣ анархическія идеи переплетаются (какъ это бываетъ постоянно и среди западно-европейскихъ бернштейніанцевъ) съ чистѣйшимъ оппортунизмомъ. Подумайте только: не вступать во временное правительство потому, что это заставитъ буржуазію отшатнуться отъ дѣла революціи и тѣмъ ослабитъ размахъ революціи! Да вѣдь тутъ уже передъ нами цѣликомъ, въ чистомъ и послѣдовательномъ видѣ та новоискровская философія, что-де, такъ какъ революція буржуазная, то поэтому мы должны преклоняться передъ буржуазной пошлостью и уступать ей дорогу. Если мы руководимся, хотя бы отчасти, хотя бы на минуту, тѣмъ соображеніемъ, что наше участіе можетъ заставить буржуазію отшатнуться, то вѣдь мы этимъ цѣликомъ уступаемъ главенство въ революціи буржуазнымъ классамъ. Мы этимъ всецѣло отдаемъ пролетаріатъ подъ опеку буржуазіи (оставаясь при полной „свободѣ критики"!!).

заставляя пролетаріатъ быть умѣреннымъ и кроткимъ, чтобы не отшатнулась буржуазія. Мы кастрируемъ насущнѣйшія нужды пролетаріата, именно политическія нужды его, которыхъ никогда хорошенько не понимали экономисты и ихъ эпигоны, кастрируемъ ради того, чтобы не отшатнулась буржуазія. Мы цѣликомъ переходимъ съ почвы революціонной борьбы за осуществленіе демократизма въ предѣлахъ, нужныхъ пролетаріату, на почву торгашества съ буржуазіей, покупая своей измѣной принципамъ, измѣной революціи ея, буржуазіи, добровольное согласіе („чтобы не отшатнулась“).

Въ двухъ маленькихъ строчкахъ кавказскіе новоискровцы сумѣли выразить всю суть тактики предательства революціи, превращенія пролетаріата въ жалкаго прихвостня буржуазныхъ классовъ. То, что мы вывели выше изъ ошибокъ новоискровства, какъ тенденцію, то передъ нами возведено теперь въ ясный и опредѣленный принципъ: въ хвостѣ у манархической буржуазіи. Такъ какъ осуществленіе республики заставило бы (и заставляетъ уже—примѣръ г. Струве) отшатнуться буржуазію, поэтому долой борьбу за республику. Такъ какъ буржуазію всегда и во всемъ мірѣ заставляетъ отшатнуться всякое энергичное и до конца доходящее демократическое требованіе пролетаріата, поэтому—прячьтесь въ норы, товарищи рабочіе, дѣйствуйте только извнѣ, не думайте пользоваться для революціи орудіями и средствами „буржуазно-государственнаго“ строя и сохраняйте за собой „свободу критики“.

Основная фальшь въ самомъ пониманіи термина „буржуазная революція“ выступила тутъ наружу. Мартыновское или новоискровское „пониманіе“ его ведетъ прямикомъ къ предательству дѣла пролетаріата въ руки буржуазіи.

Кто забылъ старый экономизмъ, кто не изучаетъ, не вспоминаетъ его, тому трудно понять и теперешнюю отрыжку экономизма. Припомните бернштейніанское „credo“. Изъ „чисто пролетарскихъ“ воззрѣній и программъ люди выводили: намъ, соціалдемократамъ, — экономику, настоящее рабочее дѣло, свободу критики всякаго политиканства, настоящее угубленіе соціалдемократической работы. Имъ, либераламъ,—политику. Боже упаси впадать въ „революціонизмъ“: это заставитъ буржуазію отшатнуться. Кто перечтетъ цѣликомъ „credo“ или отдѣльное приложеніе къ № 9 „Рабочей Мысли“ (сентябрь 1899 года), тотъ увидитъ весь этотъ ходъ разсужденія.

Теперь то же самое, только въ крупномъ масштабѣ, въ примѣненіи къ оцѣнкѣ всей „великой“ русской революціи,—увы, опошляемой и низводимой до карикатуры уже заранѣе теоретиками ортодоксальнаго филистерства! Намъ, соціалдемократамъ, — свободу критики, углубленіе сознанія, дѣйствіе извнѣ. Имъ, буржуазнымъ классамъ, — свобода дѣла, свобода поприща для революціоннаго (читай: либеральнаго) руководства, свобода проведенія „реформъ“ сверху.

Эти вульгаризаторы марксизма никогда не задумывались надъ словами Маркса о необходимой смѣнѣ оружія критики кри-

тикой оружія. Всуе пріемля имя Маркса, они на дѣлѣ составляютъ тактическія резолюціи совершенно въ духѣ франкфуртскихъ буржуазныхъ говоруновъ, свободно критиковавшихъ абсолютизмъ, углублявшихъ демократическое сознаніе и не понимавшихъ, что время резолюціи есть время дѣйствія, дѣйствія и сверху и снизу. Превративъ марксизмъ въ резонерство, они изъ идеологіи передового, наиболѣе рѣшительнаго и энергичнаго революціоннаго класса сдѣлали идеологію самыхъ неразвитыхъ слоевъ его, прячущихся отъ трудныхъ революціонно-демократическихъ задачъ и предоставляющихъ эти демократическія задачи господамъ Струве.

Если буржуазные классы отшатнутся, вслѣдствіе вступленія въ революціонное правительство соціалдемократіи, отъ дѣла революціи, то они тѣмъ „ослабятъ ея размахъ".

Слышите, русскіе рабочіе: размахъ революціи будетъ сильнѣе, если ее проведутъ не отпугиваемые соціалдемократами господа Струве, которые хотятъ не побѣды надъ самодержавіемъ, а сдѣлки съ нимъ. Размахъ революціи будетъ сильнѣе, если изъ двухъ возможныхъ исходовъ ея, очерченныхъ нами выше, осуществится первый, т.-е. если монархическая буржуазія сторгуется съ самодержавіемъ на „конституціи" въ родѣ Шиповской!

Соціалдемократы, которые пишутъ въ резолюціяхъ для руководства всей партіи такія позорныя вещи или которые одобряютъ эти „удачныя" резолюціи, до того ослѣплены резонерствомъ, вытравившимъ весь живой духъ изъ марксизма, что они не замѣчаютъ, какъ эти резолюціи превращаютъ въ фразу всѣ ихъ остальныя хорошія слова. Возьмите вы любую ихъ статью изъ „Искры", возьмите даже пресловутую брошюру нашего знаменитаго Мартынова,—вы услышите рѣчи о *народномъ* возстаніи, о доведеніи революціи *до конца*, о стремленіи опереться на *народные низы* въ борьбѣ съ непослѣдовательной буржуазіей. Но вѣдь всѣ эти хорошія вещи превращаются въ жалкую фразу съ того момента, какъ вы принимаете или одобряете мысль объ „ослабленіи", вслѣдствіе отчужденія буржуазіи, „размаха революціи". Одно изъ двухъ, господа: или мы съ народомъ должны стремиться провести революцію, одержать полную побѣду надъ самодержавіемъ, *вопреки* непослѣдовательной, своекорыстной и трусливой буржуазіи; или мы не допускаемъ этого „вопреки", мы боимся, какъ бы не „отшатнулась" буржуазія, и тогда мы предаемъ пролетаріатъ и народъ буржуазіи, непослѣдовательной, своекорыстной и трусливой буржуазіи.

Не вздумайте перетолковывать моихъ словъ. Не кричите, что васъ обвиняютъ въ сознательномъ предательствѣ. Нѣтъ, вы такъ же безсознательно лѣзли все время и залѣзли теперь въ болото, какъ старые экономисты, влекомые неудержимо и безвозвратно внизъ по наклонной плоскости „углубленія" марксизма до анти-революціоннаго, бездушнаго и безжизненнаго умничанья".

Отъ какихъ реальныхъ общественныхъ силъ зависитъ „размахъ революціи", подумали ли объ этомъ, господа? Оставимъ въ сторонѣ силы внѣшней политики, международныхъ комбина-

цій, которыя сложились очень выгодно для насъ теперь, но которыя мы всѣ исключаемъ изъ разсмотрѣнія, и исключаемъ справедливо, поскольку вопросъ идетъ о внутреннихъ силахъ Россіи. Посмотрите на эти внутреннія общественныя силы. Противъ революціи стоитъ самодержавіе, дворъ, полиція, чиновничество, войско, горстка высокой знати. Чѣмъ глубже возмущеніе въ народѣ, тѣмъ ненадежнѣе становится войско, тѣмъ больше колебаній въ чиновничествѣ. Далѣе, буржуазія въ общемъ и цѣломъ стоитъ теперь за революцію, усердствуя съ рѣчами о свободѣ, все чаще и чаще заговаривая отъ имени народа и даже отъ имени революціи *). Но мы все, марксисты, знаемъ изъ теоріи и наблюдаемъ ежедневно и ежечасно на примѣрѣ нашихъ либераловъ, земцевъ и освобожденцевъ, что буржуазія стоитъ за революцію непослѣдовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазія неизбѣжно повернетъ, въ своей массѣ, на сторону контръ-революціи, на сторону самодержавія противъ революціи, противъ народа, какъ только удовлетворятся ея узкіе, корыстные интересы, какъ только „отшатнется“ она отъ послѣдовательнаго демократизма *(а она уже теперь отшатывается отъ него!)*. Остается „народъ“, то-есть пролетаріатъ и крестьянство; пролетаріатъ одинъ способенъ идти надежно до конца, ибо онъ идетъ гораздо дальше демократическаго переворота. Поэтому пролетаріатъ и борется за республику въ первыхъ рядахъ, съ презрѣніемъ отбрасывая глупые и недостойные его совѣты считаться съ тѣмъ, не отшатнется ли буржуазія. Крестьянство включаетъ въ себя массу полупролетарскихъ элементовъ наряду съ мелкобуржуазными. Это дѣлаетъ его тоже неустойчивымъ, заставляя пролетаріатъ сплотиться въ строго классовую партію. Но неустойчивость крестьянства коренпымъ образомъ отличается отъ неустойчивости буржуазіи, ибо крестьянство въ данный моментъ заинтересовано не столько въ безусловной охранѣ частной собственности, сколько въ отнятіи помѣщичьей земли, одного изъ главныхъ видовъ этой собственности. Не становясь отъ этого соціалистическимъ, не переставая быть мелкобуржуазнымъ, крестьянство способно стать полнымъ и радикальнѣйшимъ сторонникомъ демократической революціи. Крестьянство неизбѣжно станетъ таковымъ, если только просвѣщающій его ходъ революціонныхъ событій не оборвется слишкомъ рано предательствомъ буржуазіи и пораженіемъ пролетаріата. Крестьянство неизбѣжно станетъ, при указанномъ условіи, оплотомъ революціи и республики, ибо только вполнѣ побѣдившая революція сможетъ дать крестьянству *все* въ области земельныхъ реформъ, *все то*, чего крестьянство хочетъ, о чемъ оно мечтаетъ, что дѣйствительно необходимо ему (не для уничтоженія капитализма, какъ воображаютъ „соціалисты-революціонеры“, а для того, чтобы подняться изъ тины полукрѣпостничества, изъ мрака забитости и холопства, чтобы улучшить

---

*) Интересно въ этомъ отношеніи открытое письмо г. Струве къ Жоресу, напечатанное недавно этимъ послѣднимъ въ газетѣ „L'Humanité“ и г-номъ Струве въ № 72 „Освоб.“

свои условія жизни настолько, насколько это только допустимо въ предѣлахъ товарнаго хозяйства.

Мало того: не только радикальное аграрное преобразованіе привязываетъ крестьянство къ революціи, но и всѣ общіе и постоянные интересы крестьянства. Даже въ борьбѣ съ пролетаріатомъ крестьянство нуждается въ демократіи, ибо только демократическій строй способенъ точно выразить его интересы и дать преобладаніе ему какъ массѣ, какъ большинству. Чѣмъ просвѣщеннѣе будетъ крестьянство (а со времени войны съ Японіей оно просвѣщается съ такой быстротой, которой не подозрѣваютъ многіе, привыкшіе измѣрять просвѣщеніе только школьной мѣркой), тѣмъ послѣдовательнѣе и рѣшительнѣе оно будетъ стоять за полный демократическій переворотъ, ибо ему не страшно, какъ буржуазіи, а выгодно верховенство народа. Демократическая республика станетъ его идоломъ, какъ только оно станетъ избавляться отъ наивнаго монархизма, ибо сознательный монархизмъ маклерствующей буржуазіи (съ верхней палатой и т. д.) означаетъ для крестьянства ту же безправность, ту же забитость и темноту, чуть-чуть только подкрашенную европейски-конституціоннымъ лакомъ.

Вотъ почему буржуазія, какъ классъ, естественно и неизбѣжно стремится подъ крылышко либерально-монархической партіи, а крестьянство, какъ масса,—подъ руководство революціонной и республиканской партіи. Вотъ почему буржуазія неспособна довести демократической революціи до конца, а крестьянство способно довести революцію до конца, и мы должны всѣми силами помочь ему въ этомъ.

Мнѣ возразятъ: это не къ чему доказывать, это азбука, это всѣ соціалдемократы прекрасно понимаютъ. Нѣтъ, этого не понимаютъ тѣ, кто способенъ говорить объ „ослабленіи размаха“ революціи вслѣдствіе отпаденія отъ нея буржуазіи. Такіе люди повторяютъ заученныя слова нашей аграрной программы, но не понимаютъ ихъ значенія, ибо иначе они не боялись бы неизбѣжно вытекающаго изъ всего марксистскаго міровоззрѣнія и изъ нашей программы понятія революціонно-демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства, иначе они не ограничивали бы размахъ великой русской революціи размахомъ буржуазіи. Такіе люди побиваютъ свои абстрактныя марксистскія революціонныя фразы своими конкретными анти-марксистскими и анти-революціонными резолюціями.

Кто дѣйствительно понимаетъ роль крестьянства въ побѣдоносной русской революціи, тотъ не способенъ былъ бы говорить, что размахъ революціи ослабѣетъ, когда буржуазія отшатнется. Ибо на самомъ дѣлѣ только тогда начнется настоящій размахъ русской революціи, только тогда это будетъ дѣйствительно наибольшій революціонный размахъ, возможный въ эпоху буржуазно-демократическаго переворота, когда буржуазія отшатнется и активнымъ революціонеромъ выступитъ масса крестьянства на ряду съ пролетаріатомъ. Для того, чтобы быть послѣдовательно доведенной до конца, наша демократическая революція должна опе-

реться на такія силы, которыя способны парализовать неизбѣжную непослѣдовательность буржуазіи (т.-е. способны именно „заставить ее отшатнуться“, чего боятся, по недомыслію, кавказскіе сторонники „Искры“).

Пролетаріатъ долженъ провести до конца демократическій переворотъ, присоединяя къ себѣ массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивленіе самодержавія и парализовать неустойчивость буржуазіи. Пролетаріатъ долженъ совершить соціалистическій переворотъ, присоединяя къ себѣ массу полупролетарскихъ элементовъ населенія, чтобы сломить силой сопротивленіе буржуазіи и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазіи. Таковы задачи пролетаріата, которыя такъ узко представляютъ новоискровцы во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и резолюціяхъ о размахѣ революціи.

Не надо забывать только одного обстоятельства, часто упускаемаго изъ виду при разсужденіяхъ на тему объ этомъ „размахѣ“. Не надо забывать, что рѣчь идетъ не о трудностяхъ задачи, а о томъ, на какомъ пути искать и добиваться рѣшенія ея. Рѣчь идетъ не о томъ, легко или трудно сдѣлать размахъ революціи могучимъ и непобѣдимымъ, а о томъ, какъ поступать слѣдуетъ для усиленія этого размаха. Расхожденіе касается именно основного характера дѣятельности, самаго направленія ея. Мы подчеркиваемъ это, потому что невнимательные и недобросовѣстные люди слишкомъ часто смѣшиваютъ два различные вопроса: вопросъ о направленіи пути, т.-е. о выборѣ одного изъ двухъ различныхъ путей, и вопросъ о легкости осуществленія цѣли или близости ея осуществленія на данномъ пути.

Этого послѣдняго вопроса мы совершенно не касались въ предыдущемъ изложеніи, ибо этотъ вопросъ не вызывалъ у насъ разногласій и расхожденія внутри партіи. Но, разумѣется, самъ по себѣ вопросъ этотъ крайне важенъ и заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія всѣхъ соціалдемократовъ. Было бы непозволительнымъ оптимизмомъ забывать о тѣхъ трудностяхъ, которыя связаны съ вовлеченіемъ въ движеніе массы не только рабочаго класса, но и крестьянства. Именно объ эти трудности сламывались не разъ усилія довести до конца демократическую революцію, причемъ торжествовала всего болѣе непослѣдовательная и своекорыстная буржуазія, которая и „пріобрѣтала капиталъ“ монархической защиты отъ народа и „соблюдала невинность“ либерализма... или „освобожденства“. Но трудность не есть неисполнимость. Важна увѣренность въ правильномъ выборѣ пути, и эта увѣренность усиливаетъ стократъ революціонную энергію и революціонный энтузіазмъ, способные совершать чудеса.

До какой степени глубоко расхожденіе между современными соціалдемократами по вопросу о выборѣ пути, видно сразу изъ сопоставленія кавказской резолюціи новоискровцевъ и резолюціи третьяго съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Резолюція съѣзда говоритъ: буржуазія непослѣдовательна, она непремѣнно будетъ стараться отнять у насъ завоеванія революціи. Поэтому готовьтесь энергичнѣе къ борьбѣ,

товарищи рабочіе, вооружайтесь, привлекайте на свою сторону крестьянство. Мы не уступимъ своекорыстной буржуазіи нашихъ революціонныхъ завоеваній безъ боя. Резолюція кавказскихъ новоискровцевъ говоритъ: буржуазія непослѣдовательна, она можетъ отшатнуться отъ революціи. Поэтому, товарищи рабочіе, не думайте, пожалуйста, объ участіи во временномъ правительствѣ, ибо тогда буржуазія навѣрное отшатнется, и размахъ революціи будетъ отъ этого слабѣе!

Одни говорятъ: двигайте революцію впередъ, до конца, вопреки сопротивленію или пассивности непослѣдовательной буржуазіи.

Другіе говорятъ: не думайте о самостоятельномъ проведеніи революціи до конца, ибо отъ нея отшатнется тогда непослѣдовательная буржуазія.

Развѣ передъ нами не два діаметрально противоположные пути? Развѣ не очевидно, что одна тактика безусловно исключаетъ другую? Что первая тактика есть единственно вѣрная тактика революціонной соціалдемократіи, а вторая, въ сущности, тактика чисто освобожденская?

13. Заключеніе. Смѣемъ ли мы побѣдить?

Люди, поверхностно знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ россійской соціалдемократіи или судящіе со стороны, не знающіе исторіи всей нашей внутрипартійной борьбы со времени экономизма, очень часто отдѣлываются и отъ опредѣлившихся теперь, особенно послѣ 3-го съѣзда, тактическихъ разногласій простой ссылкой на двѣ естественныя, неизбѣжныя, вполнѣ примиримыя тенденціи всякаго соціалдемократическаго движенія. Съ одной стороны, дескать, усиленное подчеркиваніе обычной, текущей, повседневной работы, необходимости развивать пропаганду и агитацію, подготовлять силы, углублять движеніе и т. д. Съ другой стороны: подчеркиваніе боевыхъ, общеполитическихъ, революціонныхъ задачъ движенія, указаніе на необходимость вооруженнаго возстанія, выдвиганіе лозунговъ: революціонно-демократическая диктатура, временное революціонное правительство. Ни той, ни другой стороны не слѣдуетъ преувеличивать, ни тамъ, ни здѣсь (какъ и вообще нигдѣ на свѣтѣ) нехороши крайности и т. д., и т. п.

Дешевыя истины житейской (и „политической" въ кавычкахъ) мудрости, которыя, несомнѣнно, имѣются въ подобныхъ разсужденіяхъ, слишкомъ часто прикрываютъ, однако, непониманіе насущныхъ, наболѣвшихъ нуждъ партіи. Возьмите современныя тактическія разногласія среди русскихъ соціалдемократовъ. Разумѣется само по себѣ, усиленное подчеркиваніе повседневной, будничной стороны работы, которое мы видимъ въ новоискровскихъ разсужденіяхъ о тактикѣ, ничего опаснаго не могло бы еще представить и никакого расхожденія въ тактическихъ лозунгахъ не могло бы вызывать. Но достаточно сравнить резолюціи 3-го съѣзда

Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи съ резолюціями конференціи, чтобы это расхожденіе бросилось въ глаза.

Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, во-первыхъ, что мало одного общаго, абстрактнаго указанія на двѣ струи въ движеніи и на вредъ крайностей. Надо знать конкретно, чѣмъ страдаетъ данное движеніе въ данный моментъ, въ чемъ теперь заключается реальная политическая опасность для партіи. Во-вторыхъ, надо знать, какимъ реальнымъ политическимъ силамъ подливаютъ воду на мельницу тѣ или иные тактическіе лозунги,—можетъ быть то или иное отсутствіе лозунговъ. Послушайте новоискровцевъ—и вы придете къ выводу, что партіи соціалдемократіи грозитъ опасность выкинуть за бортъ пропаганду и агитацію, экономическую борьбу и критику буржуазной демократіи, увлечься не въ мѣру военной подготовкой, вооруженными нападеніями, захватомъ власти и т. д. На самомъ же дѣлѣ реальная опасность грозитъ партіи совсѣмъ съ другой стороны. Кто знаетъ сколько-нибудь близко состояніе движенія, кто внимательно и вдумчиво слѣдитъ за нимъ, тотъ не можетъ не видѣть смѣшной стороны новоискровскихъ страховъ. Вся работа Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи вполнѣ отлилась уже въ прочныя, неизмѣнныя рамки, безусловно обезпечивающія сосредоточеніе центра тяжести въ пропагандѣ и агитаціи, летучкахъ и массовкахъ, распространеніи листковъ и брошюръ, содѣйствіи экономической борьбѣ и подхватываніи ея лозунговъ. Нѣтъ ни одного комитета партіи, ни одного районнаго комитета, ни одной центральной сходки, ни одной заводской группы, въ которой бы девяносто девять сотыхъ вниманія, силъ и времени не удѣлялось всегда и постоянно всѣмъ этимъ функціямъ, упрочившимся еще со второй половины девяностыхъ годовъ. Не знаютъ этого только люди, вовсе незнакомые съ движеніемъ. Принимать за чистую монету новоискровское повтореніе задовъ, когда оно дѣлается съ особо важнымъ видомъ, могутъ только очень наивные или неосвѣдомленные люди.

Фактъ тотъ, что не только не увлекаются у насъ черезчуръ задачами возстанія, общеполитическими лозунгами, дѣломъ руководства всей народной революціи, а, наоборотъ, *отсталость* именно въ этомъ отношеніи бьетъ въ глаза, составляетъ самое больное мѣсто, представляетъ реальную опасность движенія, которое можетъ выродиться и кое-гдѣ вырождается изъ революціоннаго на дѣлѣ въ революціонное на словахъ. Изъ многихъ и многихъ сотенъ организацій, группъ и кружковъ, выполняющихъ работу партіи, вы не найдете ни одного, въ которомъ бы съ самаго его возникновенія не велась бы та повседневная работа, о которой съ видомъ людей, открывшихъ новыя истины, повѣствуютъ мудрецы изъ новой „Искры". И, наоборотъ, вы найдете ничтожный процентъ группъ и кружковъ, сознавшихъ задачи вооруженнаго возстанія, приступившихъ къ выполненію ихъ, давшихъ себѣ отчетъ въ необходимости руководить всей народной революціей противъ самодержавія, въ необходимости выдвигать для этого такіе, именно, а не другіе передовые лозунги.

Мы невѣроятно отстали отъ передовыхъ и дѣйствительно революціонныхъ задачъ, мы не сознали еще ихъ въ массѣ случаевъ, мы прозѣвали и тамъ и тутъ усиленіе революціонной буржуазной демократіи за счетъ нашей отсталости въ этомъ отношеніи. А писатели новой „Искры", повернувшись спиною къ ходу событій и къ запросамъ времени, твердятъ упорно: не забывайте стараго! не увлекайтесь новымъ! Это — основной неизмѣнный мотивъ всѣхъ существенныхъ резолюцій конференціи, тогда какъ въ резолюціяхъ съѣзда вы также неизмѣнно читаете: подтверждая старое (и не останавливаясь на его разжевываніи именно потому, что оно есть старое, уже рѣшенное и закрѣпленное литературою, резолюціями и опытомъ), выдвигаемъ новую задачу, обращаемъ вниманіе на нее, ставимъ новый лозунгъ, требуемъ отъ дѣйствительно революціонныхъ соціалдемократовъ немедленной работы надъ его проведеніемъ въ жизнь.

Вотъ какъ стоитъ на самомъ дѣлѣ вопросъ о двухъ теченіяхъ въ тактикѣ соціалдемократіи. Революціонная эпоха выдвинула новыя задачи, которыхъ не видятъ только совсѣмъ слѣпые люди. И эти задачи одни с.-д. рѣшительно признаютъ и ставятъ на очередь дня: вооруженное возстаніе неотложно, готовьтесь къ нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для рѣшительной побѣды, ставьте лозунги республики, временнаго правительства, революціонно-демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства. Другіе же пятятся назадъ, топчутся на одномъ мѣстѣ, вмѣсто лозунговъ даютъ предисловія, вмѣсто указанія новаго на ряду съ подтвержденіемъ стараго, разжевываютъ пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки отъ новаго, не умѣя опредѣлить условій рѣшительной побѣды, не умѣя выставить лозунговъ, единственно соотвѣтствующихъ стремленію добиться полной побѣды.

Политическій результатъ этого хвостизма у насъ на лицо. Басня о сближеніи „большинства" Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи съ революціонной буржуазной демократіей остается басней, не подтверждаемой ни единымъ политическимъ фактомъ, ни единой вліятельной резолюціей „большевиковъ", ни единымъ актомъ 3-го съѣзда Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. А, между тѣмъ, оппортунистическая, монархическая буржуазія въ лицѣ „Освобожденія" издавна *привѣтствуетъ* „принципіальныя" тенденціи новоискровства, а теперь уже прямо ихъ водой вертитъ свою мельницу, воспринимаетъ всѣ ихъ словечки и „идейки" противъ „конспираціи" и „бунта", противъ преувеличенія „технической" стороны революціи, противъ прямого выставленія лозунга вооруженнаго возстанія, противъ „революціонизма" крайнихъ требованій и т. д., и т. п. Резолюція цѣлой конференціи соціалдемократовъ-„меньшевиковъ" на Кавказѣ и одобреніе этой резолюціи редакціей новой „Искры" подводитъ недвусмысленный политическій итогъ всему этому: какъ бы не отшатнулась буржуазія въ случаѣ участія пролетаріата въ революціонно-демократической диктатурѣ! Этимъ все сказано. Этимъ окончательно закрѣплено превращеніе пролетаріата въ

прихвостня монархической буржуазіи. Этимъ доказано на дѣлѣ, не случайнымъ заявленіемъ одного лица, а резолюціей, спеціально одобренной цѣлымъ направленіемъ, доказано *политическое значеніе* новоискровскаго хвостизма.

Кто вдумывается въ эти факты, тотъ пойметъ дѣйствительное значеніе ходячихъ указаній на двѣ стороны и двѣ тенденціи соціалдемократическаго движенія. Возьмите бернштейніаду, чтобы на крупномъ масштабѣ изучить эти тенденціи. Вѣдь бернштейніанцы точь-въ-точь твердили и твердятъ, что именно они понимаютъ истинныя нужды пролетаріата, задачи роста его силъ, углубленія всей работы, подготовки элементовъ новаго общества, пропаганды и агитаціи. Мы требуемъ открытаго признанія того, что есть!—говоритъ Бернштейнъ, освящая этимъ „движеніе" *безъ* „конечной цѣли", освящая одну оборонительную тактику, проповѣдуя тактику боязни, „какъ бы не отшатнулась буржуазія". И бернштейніанцы кричали о „якобинизмѣ" революціонныхъ соціалдемократовъ, о „литераторахъ", не понимающихъ „рабочей самостоятельности" и т. д., и т. д. На дѣлѣ, какъ всѣмъ извѣстно, революціонные соціалдемократы и не думали забрасывать повседневной и мелкой работы, подготовки силъ и пр., и пр. Они только требовали яснаго сознанія конечной цѣли, ясной постановки революціонныхъ задачъ, они хотѣли поднимать полу-пролетарскіе и полу-мелкобуржуазные слои до революціонности пролетаріата, а не принижать эту послѣднюю до оппортунистическихъ соображеній, „какъ бы не отшатнулась буржуазія". Едва ли не самымъ рельефнымъ выраженіемъ этой розни между интеллигентски-оппортунистическимъ и пролетарски-революціоннымъ крыломъ партіи явился вопросъ: dürfen wir siegen? „смѣемъ ли мы побѣдить? позволительно ли намъ побѣдить? не опасно ли намъ побѣдить? слѣдуетъ ли намъ побѣждать? Странный, на первый взглядъ, вопросъ этотъ однако былъ поставленъ, и долженъ былъ быть поставленъ, ибо оппортунисты боялись побѣды, отпугивали пролетаріатъ отъ нея, пророчили бѣды отъ нея, высмѣивали лозунги, прямо зовущіе къ ней.

То же основное дѣленіе на интеллигентско-оппортунистическую и пролетарско-революціонную тенденцію имѣется у насъ, съ тою лишь весьма существенною разницей, что рѣчь идетъ не о соціалистическомъ, а о демократическомъ переворотѣ. У насъ тоже поставленъ нелѣпый на первый взглядъ вопросъ: „смѣемъ ли мы побѣдить?" Онъ поставленъ Мартыновымъ вь его „Двухъ диктатурахъ", пророчившихъ бѣды отъ того, если мы очень хорошо подготовимъ и вполнѣ успѣшно проведемъ возстаніе. Онъ поставленъ всей литературой новоискровцевъ по вопросу о временномъ революціонномъ правительствѣ, причемъ усердно, но безуспѣшно пытались все время смѣшать участіе Мильерана въ буржуазно-оппортунистическомъ правительствѣ съ участіемъ Варлэна въ мелкобуржуазномъ революціонномъ правительствѣ. Онъ закрѣпленъ резолюціей: „какъ бы не отшатнулась буржуазія". И хотя Каутскій, напримѣръ, пробуетъ теперь иронизировать, что наши споры о временномъ революціонномъ правительствѣ похожи на дѣлежъ шкуры еще не убитаго медвѣдя, но эта иронія показываетъ лишь.

какъ даже и революціонные соціалдемократы попадаютъ впросакъ, когда говорятъ о томъ, что извѣстно имъ только по наслышкѣ. Нѣмецкая соціалдемократія еще не слишкомъ близка къ тому, чтобы убить медвѣдя (совершить соціалистическій переворотъ), но споръ о томъ, „смѣемъ ли мы убивать чего имѣлъ громадное принципіальное и практически-политическое значеніе. Русскіе соціалдемократы не слишкомъ близки еще къ тому, чтобы быть въ силахъ „убить своего медвѣдя“ (совершить демократическій переворотъ), но вопросъ о томъ, „смѣемъ“ ли мы убивать его, имѣетъ для всего будущаго Россіи и для будущаго русской соціалдемократіи крайне серьезное значеніе. Не можетъ быть и рѣчи объ энергичномъ, успѣшномъ сборѣ арміи, руководствѣ ею безъ увѣренности въ томъ, что мы „смѣемъ“ побѣдить.

Возьмите старыхъ нашихъ экономистовъ. Они тоже кричали, что ихъ противники—заговорщики, якобинцы (см. „Рабоч. Дѣло“ особенно № 10, и рѣчь Мартынова при дебатахъ на 2-мъ съѣздѣ о программѣ), что они отрываются отъ массы, бросаясь въ политику, что они забываютъ основы рабочаго движенія, не считаются съ рабочей самодѣятельностью и проч., и проч. На самомъ же дѣлѣ эти сторонники „рабочей самодѣятельности“ были интеллигентами-оппортунистами, навязывавшими рабочимъ свое узкое и филистерское пониманіе задачъ пролетаріата. На самомъ дѣлѣ противники экономизма, какъ можетъ видѣть всякій по старой „Искрѣ“, не забросили и не отодвинули на задній планъ ни одной изъ сторонъ соціалдемократической работы, нисколько не забыли экономической борьбы, умѣя въ то же время поставить во всей широтѣ насущныя и очередныя политическія задачи, противодѣйствуя прекращенію рабочей партіи въ „экономическій“ придатокъ либеральной буржуазіи.

Экономисты заучили, что въ основѣ политики лежитъ экономика, и „поняли“ это такъ, что надо принижать политическую борьбу до экономической. Новоискровцы заучили, что демократическій переворотъ имѣетъ въ экономической основѣ своей буржуазную революцію, и „поняли“ это такъ, что надо принижать демократическія задачи пролетаріата до уровня буржуазной умѣренности, до того предѣла, за которымъ „отшатнется буржуазія“. Экономисты подъ предлогомъ углубленія работы, подъ предлогомъ рабочей самодѣятельности и чисто-классовой политики на дѣлѣ отдавали рабочій классъ въ руки либерально-буржуазныхъ политиковъ, т.-е. вели партію по пути, объективное значеніе котораго было именно таково. Новоискровцы подъ тѣми же самыми предлогами, на дѣлѣ предаютъ буржуазіи интересы пролетаріата въ демократической революціи, т.-е. ведутъ партію по пути, объективное значеніе котораго именно таково. Экономистамъ казалось, что главенство въ политической борьбѣ не дѣло соціалдемократовъ, а, собственно, дѣло либераловъ. Новоискровцамъ кажется, что активное проведеніе демократической революціи не дѣло соціалдемократовъ, а, собственно, дѣло демократической буржуазіи, ибо руководство и первенствующее участіе пролетаріата „ослабитъ размахъ“ революціи.

Однимъ словомъ, новоискровцы являются эпигонами экономизма не только по происхожденію своему на второмъ съѣздѣ

партіи, но и по теперешней постановкѣ ими тактическихъ задачъ пролетаріата въ демократической революціи. Это—тоже интеллигентски-оппортунистическое крыло партіи. Въ организаціи оно дебютировало анархическимъ индивидуализмомъ интеллигентовъ и закончило „дезорганизаціей-процессомъ“, закрѣпивъ въ „уставѣ“, принятомъ конференціей, оторванность литературы отъ партійной организаціи, непрямые, чуть ли не четырехстепенные, выборы, систему бонапартистскихъ плебисцитовъ вмѣсто демократическаго представительства. Наконецъ, принципъ „соглашенія“ между частью и цѣлымъ. Въ тактикѣ партіи они катились по такой же наклонной плоскости. Въ „планѣ земской кампаніи“ они объявили „высшимъ типомъ демонстраціи“ выступленіе передъ земцами, находя на политической сценѣ только двѣ активныя силы (наканунѣ 9-го января!)—правительство и буржуазную демократію. Насущную задачу вооруженія они „углубляли“, замѣняя прямой практическій лозунгъ призывомъ вооружить жгучей потребностью самовооруженія. Задачи вооруженнаго возстанія, временнаго правительства, революціонно-демократической диктатуры извращены и притуплены ими теперь въ офиціальныхъ ихъ резолюціяхъ. „Какъ бы не отшатнулась буржуазія“—этотъ заключительный аккордъ послѣдней ихъ резолюціи—проливаетъ полный свѣтъ на вопросъ о томъ, куда ведетъ партію ихъ путь.

Демократическій переворотъ въ Россіи есть революція, по общественно-экономической сущности своей, буржуазная. Это вѣрное марксистское положеніе недостаточно просто повторять. Его надо умѣть понять и умѣть примѣнять къ политическимъ лозунгамъ. Вся политическая свобода вообще, на почвѣ современныхъ, т.-е. капиталистическихъ производственныхъ отношеній, есть свобода буржуазная. Требованіе свободы выражаетъ раньше всего интересы буржуазіи. Ея представители первые выставили это требованіе. Ея сторонники воспользовались повсюду, какъ хозяева, полученной свободой, сводя ее къ умѣренной и аккуратной буржуазной мѣркѣ, совмѣщая ее съ самымъ утонченнымъ въ мирное время и звѣрски-жестокимъ во время бури подавленіемъ революціоннаго пролетаріата.

Но выводить изъ этого отрицаніе или приниженіе борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты, да „экономисты“. Навязывать эти интеллигентски-филистерскія ученія пролетаріату удавалось всегда лишь на время, лишь вопреки его сопротивленію. Пролетаріатъ схватывалъ чутьемъ, что политическая свобода нужна ему, нужна всего болѣе ему, несмотря на то, что она непосредственно укрѣпитъ и сорганизуетъ буржуазію. Не въ уклоненіи отъ классовой борьбы ждетъ своего спасенія пролетаріатъ, а въ ея развитіи, въ увеличеніи ея широты, сознательности, организованности, рѣшительности. Кто принижаетъ задачи политической борьбы, тотъ превращаетъ соціалдемократа изъ народнаго трибуна въ секретаря трэдъ-юніона. Кто принижаетъ пролетарскія задачи въ демократической буржуазной революціи, тотъ превращаетъ соціалдемократа изъ вождя народной революціи въ вожака свободнаго рабочаго союза.

Да, *народной* революціи. Соціалдемократія боролась и борется съ полнымъ правомъ противъ буржуазно-демакратическаго злоупотребленія словомъ народъ. Она требуетъ, чтобы этимъ словомъ не прикрывалось непониманіе классовыхъ антагонизмовъ внутри народа. Она настаиваетъ безусловно на необходимости полной классовой самостоятельности партіи пролетаріата. Но она разлагаетъ „народъ" на „классы" не для того, чтобы передовой классъ замыкался въ себѣ, ограничивалъ себя узенькой мѣркой, кастрировалъ свою дѣятельность соображеніями, какъ бы не отшатнулись экономическіе владыки міра, а для того, чтобы передовой классъ, не страдая отъ половинчатости, неустойчивости, нерѣшительности промежуточныхъ классовъ, тѣмъ съ большей энергіей, тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ боролся за дѣло всего народа, во главѣ всего народа.

Вотъ чего такъ часто не понимаютъ современные новоискровцы, замѣняющіе выставленіе активныхъ политическихъ лозунговъ въ демократической революціи однимъ резонерскимъ повтореніемъ слова: „классовый" во всѣхъ родахъ и во всѣхъ падежахъ!

Демократическій переворотъ буржуазенъ. Лозунгъ чернаго передѣла или земли и воли,—этотъ распространеннѣйшій лозунгъ крестьянской массы забитой и темной, но страстно ищущей свѣта и счастья,—буржуазенъ. Но мы, марксисты, должны знать, что нѣтъ и быть не можетъ другого пути къ настоящей свободѣ пролетаріата и крестьянства, какъ путь буржуазной свободы и буржуазнаго прогресса. Мы должны не забывать, что нѣтъ и быть не можетъ въ настоящее время другого средства приблизить соціализмъ, какъ полная политическая свобода, какъ демократическая республика, какъ революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства. Какъ представители передового и единственно-революціоннаго, безъ оговорокъ, безъ сомнѣній, безъ оглядокъ назадъ, революціоннаго класса, мы должны какъ можно шире, смѣлѣе, иниціативнѣе ставить передъ всѣмъ народомъ задачи демократическаго переворота. Приниженіе этихъ задачъ есть теоретически карикатура на марксизмъ и филистерское извращеніе его, а практическо-политически есть передача дѣла революціи въ руки буржуазіи, которая неизбѣжно отшатнется отъ послѣдовательнаго проведенія революціи. Трудности, которыя стоятъ на пути полной побѣды революціи, очень велики. Никто не сможетъ осудить представителей пролетаріата, если они сдѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, и если всѣ ихъ усилія разобьются о сопротивленіе реакціи, о предательство буржуазіи, о темноту массы. Но всѣ и каждый—и прежде всего сознательный пролетаріатъ—осудитъ соціалдемократію, если она будетъ урѣзывать революціонную энергію демократическаго переворота, урѣзывать революціонный энтузіазмъ боязнью побѣдить, соображеніями о томъ, какъ бы не отшатнулась буржуазія.

Революціи — локомотивы исторіи, — говорилъ Марксъ. Революціи — праздникъ угнетенныхъ и эксплоатируемыхъ. Никогда масса народа не способна выступать такимъ активнымъ творцомъ новыхъ общественныхъ порядковъ, какъ во время революціи. Въ

такія времена народъ способенъ на чудеса, съ точки зрѣнія узкой, мѣщанской мѣрки постепеновскаго прогресса. Но надо, чтобы и руководители революціонныхъ партій шире и смѣлѣе ставили свои задачи въ такое время, чтобы ихъ лозунги шли всегда впереди революціонной самодѣятельности массы, служа маякомъ для нея, показывая во всемъ его величіи и во всей его прелести нашъ демократическій и соціалистическій идеалъ, показывая самый близкій, самый прямой путь къ полной, безусловной, рѣшительной побѣдѣ. Предоставимъ оппортунистамъ „освобожденской" буржуазіи сочинять, изъ страха передъ революціей и изъ страха передъ прямымъ путемъ, обходные, окольные, компромиссные пути. Если насъ силой заставятъ волочиться по такимъ путямъ, мы сумѣемъ исполнить свой долгъ и на мелкой будничной работѣ. Но пусть сначала безпощадная борьба рѣшитъ вопросъ о выборѣ пути. Мы окажемся измѣнниками и предателями революціи, если мы не используемъ этой праздничной энергіи массъ и ихъ революціоннаго энтузіазма для безпощадной и беззавѣтной борьбы за прямой и рѣшительный путь. Пусть оппортунисты буржуазіи трусливо думаютъ о будущей реакціи. Рабочихъ не испугаетъ мысль ни о томъ, что реакція собирается быть страшной, ни о томъ, что буржуазія собирается отшатнуться. Рабочіе не ждутъ сдѣлокъ, не просятъ подачекъ, они стремятся къ тому, чтобы безпощадно раздавить реакціонныя силы, т.-е. къ *революціонно-демократической диктатурѣ пролетаріата и крестьянства.*

Словъ нѣтъ, въ бурное время больше опасностей угрожаетъ нашему партійному кораблю, чѣмъ при тихомъ „плаваніи" либеральнаго прогресса, означающаго мучительно-медленное выжиманіе соковъ изъ рабочаго класса его эксплоататорами. Словъ нѣтъ, задачи революціонно-демократической диктатуры въ тысячу разъ труднѣе и сложнѣе, чѣмъ задачи „крайней оппозиціи" и одной только парламентской борьбы. Но кто въ настоящій моментъ сознательно способенъ предпочесть мирное плаваніе и путь безъ опасной „оппозиціи", — тотъ пусть лучше уйдетъ на время отъ соціалдемократической работы, пусть дождется конца революціи, когда минетъ праздникъ, снова начнутся будни, когда егоароничено-ограниченная мѣрка не будетъ такимъ отвратительнымъ диссонансомъ, такимъ уродливымъ извращеніемъ задачъ передового класса.

Во главѣ всего народа, и въ особенности крестьянства,—за полную свободу, за послѣдовательный демократическій переворотъ, за республику! Во главѣ всѣхъ трудящихся и эксплоатируемыхъ—за соціализмъ! Такова должна быть на дѣлѣ политика революціоннаго пролетаріата, таковъ классовый лозунгъ, который долженъ проникать и опредѣлять собой рѣшеніе каждаго тактическаго вопроса, каждый практическій шагъ рабочей партіи во время революціи.

Послѣсловіе.

Еще разъ освобожденство, еще разъ новоискровство.

Номера 71-72 „Освобожденія" и 102-3 „Искры" дали новый, чрезвычайно богатый матеріалъ по вопросу, которому мы посвятили § 8-ой нашей брошюры. Не имѣя никакой возможности использовать здѣсь весь этотъ богатый матеріалъ, мы остановимся лишь на главнѣйшемъ: во-первыхъ, на томъ, какого рода „реализмъ" расхваливаетъ „Освобожденіе" въ соціалдемократіи и почему оно должно его расхваливать; во-вторыхъ, на соотношеніи понятій революція и диктатура.

1. За что хвалятъ буржуазно-либеральные реалисты «реалистовъ» соціалдемократическихъ?

Статьи: „Расколъ въ русской соціалдемократіи" и „Торжество здраваго смысла" (№ 72 „Освобожденія") представляютъ собой замѣчательно цѣнное для сознательныхъ пролетаріевъ сужденіе представителей либеральной буржуазіи о соціалдемократіи. Нельзя достаточно сильно рекомендовать всякому соціалдемократу ознакомиться съ этими статьями въ ихъ полномъ видѣ и *продумать* каждую фразу въ нихъ. Мы воспроизведемъ прежде всего главныя положенія обѣихъ статей:

„Постороннему наблюденію — говоритъ „Освобожденіе" — довольно трудно уловить реальный политическій смыслъ разногласія, разбившаго соц.-дем. партію на двѣ фракціи. Опредѣленіе фракціи „большинства", какъ болѣе радикальной и прямолинейной, въ отличіе отъ „меньшинства", допускающаго въ интересахъ дѣла нѣкоторые компромиссы, не вполнѣ точно и во всякомъ случаѣ не представляетъ исчерпывающей характеристики. По крайней мѣрѣ, традиціонные догматы марксистской ортодоксіи блюдутся фракціей меньшинства, пожалуй, еще съ большей ревностью, чѣмъ фракціей Ленина. Болѣе точной представляется намъ слѣдующая характеристика. Основнымъ политическимъ настроеніемъ „большинства" является отвлеченный революціонизмъ, бунтарство; стремленіе какими угодно средствами поднять возстаніе въ народной массѣ и отъ ея имени немедленно захватить власть; это до извѣстной степени сближаетъ „ленинцевъ" съ соціалистами-революціонерами и заслоняетъ въ ихъ сознаніи идею классовой борьбы идеей всенародной русской революціи; отрекаясь на практикѣ отъ многихъ узостей соціалдемократической доктрины, „ленинцы", съ другой стороны, насквозь пропитаны узостью революціонизма, отказываются отъ всякой другой практической работы, кромѣ подготовленія немедленнаго возстанія, принципіально игнорируютъ всѣ формы легальной и полулегальной агитаціи и всѣ виды практически-полезныхъ компромиссовъ съ другими оппозиціонными теченіями. Напротивъ, меньшинство, крѣпко держась за догму марксизма, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ и реалистическіе элементы марксистскаго міросозерцанія. Основной идеей этой фракціи является противопоставленіе интересовъ „пролетаріата" интересамъ буржуазіи. Но, съ другой стороны, борьба пролетаріата мыслится — конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, диктуемыхъ незыблемыми догматами соціалдемократіи, — реалистически трезво, съ яснымъ сознаніемъ всѣхъ

конкретныхъ условій и задачъ этой борьбы. Обѣ фракціи проводятъ свою основную точку зрѣнія не вполнѣ последовательно, такъ какъ онѣ связаны въ своемъ идейно-политическомъ творчествѣ строгими формулами соціалдемократическаго катехизиса, которыя мѣшаютъ „ленинцамъ“ стать прямолинейными бунтарями, по образцу нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, соціалистовъ-революціонеровъ, а „искровцамъ“—практическими руководителями реальнаго политическаго движенія рабочаго класса“.

И, приводя далѣе содержаніе главныхъ резолюцій, писатель „Освобожденія“ поясняетъ нѣсколькими конкретными замѣчаніями по поводу нихъ свои общія „мысли“. По сравненію съ 3-мъ съѣздомъ, говоритъ онъ, „совершенно иначе относится къ вооруженному возстанію конференція меньшинства“. „Въ связи съ отношеніемъ къ вооруженному возстанію стоитъ различіе резолюцій о временномъ правительствѣ. „Такое же разногласіе обнаруживается и въ отношеніи къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ. „Ленинцы“ въ своихъ резолюціяхъ даже не обмолвились ни словомъ объ этой важнѣйшей исходной точкѣ политическаго воспитанія и организаціи рабочаго класса. Наоборотъ, меньшинство выработало очень серьезную резолюцію“. По отношенію къ либераламъ обѣ фракціи, дескать, единодушны, но 3-ій съѣздъ „повторяетъ почти дословно резолюцію Плеханова объ отношеніи къ либераламъ, принятую на 2-мъ съѣздѣ, и отвергаетъ принятую тѣмъ же съѣздомъ, болѣе благосклонную къ либераламъ резолюцію Старовѣра“. При общей однородности резолюцій съѣзда и конференціи о крестьянскомъ движеніи „большинство“ болѣе подчеркиваетъ идею революціонной конфискаціи помѣщичьихъ и т. д. земель, тогда какъ „меньшинство“ основой своей агитаціи хочетъ сдѣлать требованія демократическихъ государственныхъ и административныхъ реформъ“.

Наконецъ, „Освобожденіе“ цитируетъ изъ № 100 „Искры“ одну меньшевистскую резолюцію, главный пунктъ которой гласитъ: „Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ массѣ достаточнаго участія ея въ партійной жизни и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой, партіи, нелегальной организаціи, необходимо послѣдней взять въ свои руки веденіе рабочими профессіональной борьбы на легальной почвѣ, строго связывая эту борьбу съ соціалдемократическими задачами“. По поводу этой резолюціи „Освобожденіе“ восклицаетъ: „Мы горячо привѣтствуемъ эту резолюцію, какъ торжество здраваго смысла, какъ тактическое просвѣтленіе извѣстной части соціалдемократической партіи“

Теперь читатель имѣетъ передъ собою всѣ существенныя сужденія „Освобожденія“. Было бы величайшей ошибкой, разумѣется, считать вѣрными въ смыслѣ соотвѣтствія объективной истинѣ эти сужденія. Ошибки легко откроетъ въ нихъ на каждомъ шагу всякій соціалдемократъ. Было бы наивностью забывать, что всѣ эти сужденія насквозь пропитаны интересами и точкой зрѣнія либеральной буржуазіи, что они насквозь пристрастны и тенденціозны въ этомъ смыслѣ. Они отражаютъ взгляды соціалдемократіи такъ же, какъ вогнутое или выпуклое зеркало отражаетъ предметы. Но еще большей ошибкой было бы забвеніе того, что эти буржуазно-извращенныя сужденія отражаютъ, въ конечномъ счетѣ, дѣйствительные интересы буржуазіи, которая, какъ классъ, несомнѣнно, вѣрно понимаетъ, какія тенденціи внутри соціалдемократіи ей, буржуазіи, выгодны, близки, родственны, симпатичны, и какія—вредны, далеки, чужды, антипатичны. Буржуазный философъ или буржуазный публицистъ никогда не пойметъ соціалдемократіи правильно, ни меньшевистской, ни большевистской соціалдемократіи. Но если это хоть сколько-нибудь толковый публицистъ, то его не обманетъ его классовый инстинктъ, и значеніе для буржуазіи того или иного

теченія внутри соціалдемократіи онъ всегда схватитъ въ сущности вѣрно, хотя и изобразитъ превратно. Классовый инстинктъ нашего врага, классовое сужденіе его всегда заслуживаетъ, поэтому, самаго серьезнаго вниманія всякаго сознательнаго пролетарія.

Что же говоритъ намъ устами освобожденцевъ классовый инстинктъ россійской буржуазіи?

Онъ совершенно опредѣленно выражаетъ свое удовольствіе по поводу тенденцій новоискровства, хваля его за реализмъ, трезвость, торжество здраваго смысла, серьезность резолюцій, тактическое просвѣтлѣніе, практичность и т. д., — и неудовольствіе по поводу тенденцій 3-го съѣзда, порицая его за узость, революціонизмъ, бунтарство, отрицаніе практически-полезныхъ компромиссовъ и т. д. Классовый инстинктъ буржуазіи подсказываетъ ей какъ разъ то, что неоднократно самыми точными данными было доказано въ нашей литературѣ, именно: что новоискровцы представляютъ изъ себя оппортунистическое, а ихъ противники — революціонное крыло современной русской соціалдемократіи. Либералы не могутъ не сочувствовать тенденціямъ перваго, не могутъ не порицать тенденцій второго. Либералы, какъ идеологи буржуазіи, прекрасно понимаютъ, что для буржуазіи выгодна „практичность, трезвость, серьезность" рабочаго класса, т.-е. фактическое ограниченіе поля его дѣятельности рамками капитализма, реформъ, профессіональной борьбы и т. д. Буржуазіи опасна и страшна „революціонистская узость" пролетаріата и его стремленіе во имя его классовыхъ задачъ добиваться руководящей роли въ общенародной русской революціи.

Что дѣйствительно таковъ смыслъ слова „реализмъ", въ освобожденскомъ значеніи его, это видно, между прочимъ, изъ прежняго употребленія его „Освобожденіемъ" и г. Струве. Сама „Искра" не могла не признать *такого* значенія освобожденскаго „реализма". Вспомните, напримѣръ, статью „Пора!" въ приложеніи къ № 73—74 „Искры". Авторъ этой статьи (послѣдовательный выразитель взглядовъ „болота" на второмъ съѣздѣ россійской соціалдемократической рабочей партіи) прямо выразилъ свое мнѣніе, что „Акимовъ сыгралъ на съѣздѣ роль скорѣе призрака оппортунизма, чѣмъ его дѣйствительнаго представителя". И редакція „Искры" сейчасъ же вынуждена была поправить автора статьи „Пора!", заявивъ въ примѣчаніи:

> „Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. На программныхъ взглядахъ тов. Акимова лежитъ явная печать оппортунизма, что признаетъ и критикъ „Освобожденія" въ одномъ изъ его послѣднихъ номеровъ, отмѣчая, что товарищъ Акимовъ примыкаетъ къ „реалистическому",—читай: „ревизіонистскому,—направленію".

Итакъ, „Искра" сама прекрасно знаетъ, что освобожденскій „реализмъ" есть именно оппортунизмъ и не что иное. Если теперь, нападая на „либеральный реализмъ" (№ 102 „Искры"), „Искра" умалчиваетъ о томъ, какъ *ее похвалили либералы* за реализмъ, то умолчаніе это объясняется тѣмъ, что такія похвалы горше всякихъ порицаній. Такія похвалы (не случайно и не въ первый разъ высказанныя „Освобожденіемъ") доказываютъ на дѣлѣ родство-

либеральнаго реализма и тѣхъ тенденцій соціалдемократическаго „реализма“ (читай: оппортунизма), которыя сквозятъ въ каждой резолюціи новоискровцевъ, благодаря ошибочности всей ихъ тактической позиціи.

Въ самомъ дѣлѣ, россійская буржуазія вполнѣ уже обнаружила свою непослѣдовательность и корыстность въ „общенародной“ революціи, — обнаружила и разсужденіями господина Струве, и всѣмъ тономъ и содержаніемъ массы либеральныхъ газетъ, и характеромъ политическихъ выступленій массы земцевъ, массы интеллигентовъ, вообще всякихъ сторонниковъ гг. Трубецкого, Петрункевича, Родичега и К°. Буржуазія не всегда, конечно, отчетливо понимаетъ, но въ общемъ и цѣломъ превосходно схватываетъ классовымъ чутьемъ, что, съ одной стороны. пролетаріатъ и „пародъ“ полезны для *ея* революціи, какъ пушечное мясо, какъ таранъ противъ самодержавія, на что, съ другой стороны, пролетаріатъ и революціонное крестьянство страшно опасны для нея въ случаѣ, если они одержатъ „рѣшительную побѣду надъ самодержавіемъ“ и доведутъ до конца демократическую революцію. Поэтому буржуазія всѣми силами стремится къ тому, чтобы пролетаріатъ удовлетворился „скромной“ ролью въ революціи, чтобы онъ былъ трезвеннѣе, практичнѣе, реалистичнѣе, чтобы его дѣятельность опредѣлялась принципомъ: „какъ бы не отшатнулась буржуазія“.

Интеллигентные буржуа прекрасно знаютъ, что рабочаго движенія имъ не избыть. Они поэтому вовсе не противъ рабочаго движенія, вовсе не противъ классовой борьбы пролетаріата,— нѣтъ, они даже расшаркиваются всячески передъ свободой стачекъ, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движеніе и классовую борьбу въ брентановскомъ или гиршъ-дункеровскомъ смыслѣ. Другими словами, они вполнѣ готовы „уступить“ (фактически уже почти отвоеванную самими рабочими) свободу стачекъ и союзовъ, лишь бы рабочіе отказались отъ „бунтарства“, отъ „узкаго революціонизма“, отъ вражды къ „практически-полезнымъ компромиссамъ“, отъ претензій и стремленій наложить на „всенародную революцію“ печать *своей* классовой борьбы, печать пролетарской послѣдовательности, пролетарской рѣшительности, „плебейскаго якобинизма“. Интеллигентные буржуа въ всей Россіи тысячами способовъ и путей—книгами *), лекціями, рѣчами, бесѣдами и пр., и пр.—стараются поэтому изо всѣхъ силъ внушить рабочимъ идеи (буржуазной) трезвенности, (либеральной) практичности, (оппортунистическаго) реализма, (брентановской) классовой борьбы, (гиршъ-дункеровскихъ) профессіональныхъ союзовъ и пр. Два послѣдніе лозунга особенно удобны для буржуевъ „конституціонно-демократической“ или „освобожденской“ партіи, ибо по внѣшности они совпадаютъ съ марксистскими, ибо при маленькомъ умолчаніи и небольшомъ извращеніи ихъ легко смѣшать съ социалдемократическими, даже иногда выдать за соц.-демокр. Вотъ, напр., легальная либеральная газета «Разсвѣтъ“ (о которой

*) Сравни: *Прокоповичъ*. „Рабочій вопросъ въ Россіи“.

мы постараемся побесѣдовать какъ-нибудь подробнѣе съ читателями „Пролетарія") говоритъ перѣдко такія „смѣлыя" вещи о классовой борьбѣ, о возможномъ обмѣнѣ пролетаріата буржуазіей, о рабочемъ движеніи, о самодѣятельности пролетаріата и т. д., и т. п., что невнимательный читатель и неразвитый рабочій легко примутъ ея „соціалдемократизмъ" за чистую монету. А на дѣлѣ это—буржуазная поддѣлка подъ соціалдемократизмъ. оппортунистическое извращеніе и искаженіе понятія классовой борьбы.

Въ основѣ всего этого гигантскаго (по широтѣ воздѣйствія на массы) буржуазнаго подмѣна лежитъ тенденція свести рабочее движеніе преимущественно къ профессіональному движенію, удержать его подальше отъ самостоятельной (т.-е. революціонной и направленной къ демократической диктатурѣ) политики, „заслонить въ ихъ, рабочихъ, сознаніи идею всенародной русской революціи идеей классовой борьбы".

Какъ видитъ читатель, мы перевернули вверхъ ногами формулировку „Освобожденія". Это—превосходная формулировка, выражающая прекрасно два взгляда на роль пролетаріата въ демократической революціи: взглядъ буржуазный и взглядъ соціалдемократическій. Буржуазія хочетъ свести пролетаріатъ къ одному профессіональному движенію и тѣмъ „заслонить въ его сознаніи идею всенародной русской революціи идеей (*брентановской)* „классовой борьбы",—совершенно въ духѣ бернштейніанскихъ авторовъ „credo", заслонявшихъ въ сознаніи рабочихъ идею политической борьбы идеей „чисто-рабочаго" движенія. Соціалдемократія же хочетъ, наоборотъ, развить классовую борьбу пролетаріата въ руководящее участіе его въ всенародной русской революціи, т.-е. довести эту революцію до демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства.

Революція у насъ всенародная, говоритъ буржуазія пролетаріату. Поэтому ты, какъ особый классъ, долженъ ограничиться своей классовой борьбой; долженъ, во имя „здраваго смысла", направить главное вниманіе на профессіональные союзы и легализацію ихъ, — долженъ считать именно эти профессіональные союзы „важнѣйшей исходной точкой своего политическаго воспитанія и организаціи;" долженъ вырабатывать въ революціонный моментъ преимущественно „серьезныя" резолюціи, въ родѣ новоискровской; долженъ бережливо относиться къ резолюціямъ, „болѣе благосклоннымъ къ либераламъ"; долженъ предпочитать руководителей, имѣющихъ тенденцію стать „практическими руководителями реальнаго политическаго движенія рабочаго класса"; долженъ „сохранять реалистическіе элементы марксистскаго міросозерцанія" (если ты уже заразился, къ сожалѣнію, „строгими формулами" этого „ненаучнаго" катехизиса).

Революція у насъ всенародная, говоритъ соціалдемократія пролетаріату. Поэтому ты долженъ, какъ самый передовой и единственный до конца революціонный классъ, стремиться не только къ самому энергичному, но и руководящему участію въ ней. Поэтому ты долженъ не замыкаться въ узко понятыя рамки клас-

совой борьбы, преимущественно въ смыслѣ профессіональнаго движенія, а, наоборотъ, стремиться расширить рамки и содержаніе своей классовой борьбы *до охватыванія* этими рамками не только *всѣхъ* задачъ настоящей, демократической всенародной русской революціи, но и задачъ дальнѣйшей соціалистической революціи. Поэтому, не игнорируя профессіональнаго движенія, не отказываясь пользоваться малѣйшимъ просторомъ легальности, ты долженъ въ эпоху революціи на первый планъ выдвинуть задачи вооруженнаго возстанія, образованія революціонной арміи и революціоннаго правительства, какъ единственныхъ путей къ полной побѣдѣ народа надъ самодержавіемъ, къ завоеванію демократической республики и настоящей политической свободы.

Излишне говорить о томъ, какую половинчатую, непослѣдовательную и, естественно, симпатичную буржуазіи позицію заняли въ этомъ вопросѣ, благодаря ихъ ошибочной „линіи", новоискровскія резолюціи.

2. Новое „углубленіе" вопроса тов. Мартыновымъ.

Перейдемъ къ Мартыновскимъ статьямъ въ №№ 102 и 103 „Искры". Само собою разумѣется, что мы не будемъ отвѣчать на попытки Мартынова доказать невѣрность нашего и правильность его толкованія ряда цитатъ изъ Энгельса и Маркса. Попытки эти настолько несерьезны, увертки Мартынова такъ очевидны, вопросъ такъ ясенъ, что останавливаться на немъ еще разъ было бы неинтересно. Всякій думающій читатель самъ разберется легко въ несложныхъ хитростяхъ Мартыновскаго отступленія по всей линіи, особенно когда выйдутъ подготовляемые группой сотрудниковъ „Пролетарія" полные переводы брошюры Энгельса: „Бакунисты за работой" и Маркса: „Обращеніе правленія союза коммунистовъ" отъ марта 1850 г. Достаточно одной цитаты изъ статьи Мартынова, чтобы сдѣлать читателю нагляднымъ его отступленіе.

„Искра" „признаетъ" — говоритъ Мартыновъ въ № 103 — „учрежденіе временнаго правительства, какъ одинъ изъ возможныхъ и цѣлесообразныхъ путей развитія революціи, и отрицаетъ цѣлесообразность участія соціалдемократовъ въ *буржуазномъ* временномъ правительствѣ, именно въ интересахъ полнаго завладѣнія въ будущемъ государственной машиной для соціалдемократическаго переворота". Другими словами: „Искра" признала теперь нелѣпость всѣхъ ея страховъ насчетъ отвѣтственности революціоннаго правительства за казначейство и банки, насчетъ опасности и невозможности брать въ свои руки „тюрьмы" и т. п. „Искра" путаетъ только попрежнему, смѣшивая демократическую и соціалистическую диктатуру. Путаница неизбѣжна, какъ прикрытіе отступленія.

Но среди путаниковъ новой „Искры" Мартыновъ выдѣляется какъ путаникъ 1-го ранга, какъ путаникъ, если позволительно такъ выразиться, талантливый. Запутывая вопросъ своими потугами „углубить" его, онъ почти всегда „додумывается" при

этомъ до новыхъ формулировокъ, которыя великолѣпно освѣщаютъ всю фальшь занятой имъ позиціи. Вспомните, какъ въ эпоху экономизма онъ „углублялъ“ Плеханова и творчески создалъ формулу: „экономическая борьба съ хозяевами и съ правительствомъ“. Трудно указать во всей литературѣ экономистовъ болѣе удачное выраженіе всей фальши этого направленія. Такъ и теперь. Мартыновъ усердно служитъ новой „Искрѣ“ и всякій разъ почти, когда беретъ слово, даетъ намъ новый и великолѣпный матеріалъ для оцѣнки фальшивой новоискровской позиціи. Въ № 102 онъ говоритъ, что Ленинъ „подмѣнилъ незамѣтнымъ образомъ понятія революція и диктатура“ (стр. 3, столб. 2).

Къ этому обвиненію сводятся, въ сущности, всѣ обвиненія новоискровцевъ противъ насъ. И какъ же мы благодарны Мартынову за это обвиненіе! Какую неоцѣнимую услугу оказываетъ онъ намъ въ дѣлѣ борьбы съ новоискровствомъ, давая такую формулировку обвиненія! Положительно, намъ надо просить редакцію „Искры“, чтобы она почаще выпускала противъ насъ Мартынова для „углубленія“ нападеній на „Пролетарій“ и для „истинно-принципіальной“ формулировки ихъ. Ибо чѣмъ принципіальнѣе тщится разсуждать Мартыновъ, тѣмъ хуже у него выходитъ и тѣмъ отчетливѣе онъ показываетъ прорѣхи новоискровства, тѣмъ удачнѣе производитъ самъ надъ собой и надъ своими друзьями полезную педагогическую операцію: reductio ad absurdum (доведенія до абсурда принциповъ новой „Искры“).

„Впередъ“ и „Пролетарій“ „подмѣняютъ“ понятія революціи и диктатуры. „Искра“ не хочетъ такого „подмѣна“. Именно такъ, почтеннѣйшій тов. Мартыновъ. Вы нечаянно сказали большую правду. Вы подтвердили *новой* формулировкой наше положеніе, что „Искра“ тащится въ хвостѣ революціи, сбивается на освобожденскую формулировку ея задачъ, а „Впередъ“ и „Пролетарій“ даютъ лозунги, которые ведутъ впередъ демократическую революцію.

Вамъ непонятно это, тов. Мартыновъ? Въ виду важности вопроса мы потрудимся дать вамъ обстоятельное разъясненіе.

Буржуазный характеръ демократической революціи сказывается, между прочимъ, въ томъ, что цѣлый рядъ общественныхъ классовъ, группъ и слоевъ, стоявшихъ вполнѣ на почвѣ признанія частной собственности и товарнаго хозяйства, неспособныхъ выйти за эти рамки, приходитъ силой вещей къ признанію негодности самодержавія и всего крѣпостническаго строя вообще, примыкаетъ къ требованію свободы. При этомъ буржуазный характеръ *этой* свободы, требуемой „обществомъ“, защищаемой потокомъ словъ (и только словъ!) помѣщиковъ и капиталистовъ, выступаетъ наружу все яснѣе и яснѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится все нагляднѣе и коренная разница между рабочей и буржуазной борьбой за свободу, между пролетарскимъ и либеральнымъ демократизмомъ. Рабочій классъ и его сознательные представители идутъ впередъ и толкаютъ впередъ эту борьбу, не только не боясь довести ее до конца, но стремясь гораздо дальше самаго далекаго конца демократической рево-

люціи. Буржуазія непослѣдовательна и своекорыстна, принимая лозунги свободы лишь неполно и лицемѣрно. Всякія попытки опредѣлить особой чертой, особо выработанными „пунктами" (въ родѣ пунктовъ резолюціи Старовѣра или конферентовъ) предѣлы, за которыми начинается это лицемѣріе буржуазныхъ друзей свободы или, если хотите, это предательство свободы ея буржуазными друзьями, неминуемо осуждены на неуспѣхъ, ибо буржуазія, поставленная между двухъ огней (самодержавіе и пролетаріатъ), способна тысячами путей и средствъ мѣнять свою позицію и лозунги, приспособляясь на вершокъ влѣво и на вершокъ вправо, постоянно торгуясь и маклерствуя. Задача пролетарскаго демократизма состоитъ не въ выдумываніи такихъ мертвыхъ „пунктовъ", а въ неустанной критикѣ развивающейся политической ситуаціи, въ изобличеніи все новыхъ и новыхъ, не предусмотримыхъ заранѣе непослѣдовательностей и измѣнъ буржуазіи.

Припомните исторію политическихъ выступленій въ нелегальной литературѣ г-на Струве, исторію войны съ нимъ соціалдемократіи, и вы увидите наглядно осуществленіе этихъ задачъ соціалдемократіей, поборницей пролетарскаго демократизма. Г. Струве началъ съ лозунга, чисто шиповскаго: „права и властное земство" (см. мою статью „Гонители земства и Аннибалы либерализма"). Соціалдемократія изобличала его и толкала къ опредѣленно-конституціоналистической программѣ. Когда эти „толчки" возымѣли дѣйствіе благодаря особенно быстрому ходу революціонныхъ событій, борьба направилась на *слѣдующій* вопросъ демократизма: не только конституція вообще, но непремѣнно всеобщее, прямое и равное избирательное право съ тайной подачей голосовъ. Когда мы „заняли" у „непріятеля" и эту новую позицію (принятіе всеобщаго избирательнаго права Союзомъ Освобожденія), мы стали напирать дальше, показывая лицемѣріе и фальшь двухпалатной системы, неполноту признанія освобожденцами всеобщаго избирательнаго права, показывая на ихъ *монархизмѣ* маклерскій характеръ ихъ демократизма или, иначе, *проторговыванье* этими освобожденскими героями денежнаго мѣшка интересовъ великой русской революціи.

Наконецъ, дикое упорство самодержавія, гигантскій прогрессъ гражданской войны, безвыходность того положенія, въ которое завели Россію монархисты, стали пробивать самыя косныя головы. Революція становилась *фактомъ*. Для признанія революціи не требовалось уже быть революціонеромъ. Самодержавное правительство фактически разлагалось и разлагается у всѣхъ на глазахъ. Какъ справедливо замѣтилъ одинъ либералъ въ легальной печати (г. Гредескулъ), создалось фактическое неповиновеніе этому правительству. При всей своей кажущейся силѣ самодержавіе оказалось безсильнымъ, событія развивающейся революціи стали просто отодвигать въ сторону этотъ заживо разлагающійся паразитный организмъ. Вынужденные строить свою дѣятельность (или свои политическіе гешефты, вѣрнѣе сказать) на почвѣ данныхъ, фактически складывающихся отношеній, либеральные буржуа *начали приходить къ необходи-*

мости признать революцію. Они дѣлаютъ это не потому, что они революціонеры, а несмотря на то, что они не революціонеры. Они дѣлаютъ это по нуждѣ и противъ воли, со злобой видя успѣхи революціи, обвиняя въ революціонности самодержавіе, которое не хочетъ сдѣлки, а хочетъ борьбы не на жизнь, а на смерть. Прирожденные торгаши, они ненавидятъ борьбу и революцію, но обстоятельства заставляютъ ихъ встать на почву революціи, ибо иной почвы нѣтъ подъ ногами.

Мы присутствуемъ при высоко-поучительномъ и высококомическомъ зрѣлищѣ. Проститутки буржуазнаго либерализма пытаются напялить на себя тогу революціонности. Освобожденцы—risum teneatis, amici! *)—освобожденцы начинаютъ говорить отъ имени революціи! Освобожденцы начинаютъ увѣрять, что они „не боятся революціи" (г. Струве въ № 72 „Освобожденія")!!! Освобожденцы выражаютъ претензію „стать во главѣ революціи"!!!

Это чрезвычайно знаменательное явленіе, характеризующее не только прогрессъ буржуазнаго либерализма, но еще болѣе прогрессъ реальныхъ успѣховъ революціоннаго движенія, которое *заставило* признать себя. Даже буржуазія начинаетъ чувствовать, что выгоднѣе становиться на почву революціи,—до того расшатано самодержавіе. Но съ другой стороны, это явленіе, свидѣтельствующее о подъемѣ всего движенія на новую, высшую ступень, ставитъ передъ нами тоже новыя и тоже высшія задачи.

Признаніе революціи буржуазіей не можетъ быть искреннимъ, независимо отъ личной добросовѣстности того или иного идеолога буржуазіи. Буржуазія не можетъ не внести съ собой своекорыстія и непослѣдовательности, торгашества и мелкихъ реакціонныхъ уловокъ и на эту высшую стадію движенія. Мы должны теперь *иначе* формулировать ближайшія *конкретныя* задачи революціи во имя нашей программы и въ развитіе нашей программы. То, что достаточно было вчера, *недостаточно сегодня.* Вчера, можетъ быть, достаточно было, въ качествѣ передового демократическаго лозунга, требованіе признать революцію. Теперь этого мало. Революція заставила даже господина Струве признать себя. Теперь отъ передового класса требуется опредѣлить точно *самое содержаніе* насущныхъ и неотложныхъ задачъ этой революціи. Господа Струве, признавая революцію, тутъ же высовываютъ паки и паки свои ослиныя уши, опять затягивая старую пѣсенку о возможности мирнаго исхода, о призывѣ самодержавіемъ къ власти господъ освобожденцевъ и т. д., и т. п. Господа освобожденцы признаютъ революцію, чтобы тѣмъ безопаснѣе для себя эскамотировать эту революцію, предать ее. Наше дѣло теперь — указать пролетаріату и всему народу недостаточность лозунга: революція, показать необходимость яснаго и недвусмысленнаго, послѣдовательнаго и рѣшительнаго опредѣленія *самого содержанія* революціи. А такое опредѣленіе и представляетъ собой лозунгъ, единственно способный правильно выразить „рѣши-

*) Подождите смѣяться, господа!

тельную побѣду" революціи лозунгъ: революціонная демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства.

Мы показали, что освобожденцы поднимаются (не безъ вліянія поощрительныхъ толчковъ соціалдемократіи) со ступеньки на ступеньку вверхъ въ дѣлѣ признанія демократизма. Сначала вопросъ въ нашемъ спорѣ съ ними стоялъ—шиповщина (права и властное земство) или конституціонализмъ? Затѣмъ, ограниченные выборы или всеобщее избирательное право? Далѣе: признаніе революціи или маклерская сдѣлка съ самодержавіемъ? Наконецъ, теперь: признаніе революціи безъ диктатуры пролетаріата и крестьянства или признаніе требованія диктатуры этихъ классовъ въ демократической революціи? Возможно и вѣроятно, что и освобожденцы (все равно, нынѣшніе ли или ихъ преемники въ лѣвомъ крылѣ буржуазной демократіи) поднимутся еще на ступеньку, т.-е. признаютъ со временемъ (можетъ быть, къ тому времени, когда поднимется еще на ступеньку тов. Мартыновъ) и лозунгъ диктатуры.—Это даже неизбѣжно будетъ такъ, если русская революція успѣшно пойдетъ впередъ и дойдетъ до рѣшительной побѣды. Какова будетъ тогда позиція соціалдемократіи? Полная побѣда теперешней революціи будетъ концомъ демократическаго переворота и началомъ рѣшительной борьбы за соціалистическій переворотъ. Осуществленіе требованій современнаго крестьянства, полный разгромъ реакціи, завоеваніе демократической республики будутъ полнымъ концомъ революціонности буржуазіи и даже мелкой буржуазіи,— будутъ началомъ настоящей борьбы пролетаріата за соціализмъ. Чѣмъ полнѣе будетъ демократическій переворотъ, тѣмъ скорѣе, шире, чище, рѣшительнѣе развернется эта новая борьба. Лозунгъ „демократической" диктатуры и выражаетъ исторически - ограниченный характеръ теперешней революціи и необходимость новой борьбы на почвѣ новыхъ порядковъ за полное освобожденіе рабочаго класса отъ всякаго гнета и всякой эксплоатаціи. Другими словами: когда демократическая буржуазія или мелкая буржуазія поднимется еще на ступеньку, когда фактомъ будетъ не только революція, а полная побѣда революціи,— тогда мы „подмѣнимъ" (можетъ быть, при ужасныхъ вопляхъ новыхъ, будущихъ Мартыновыхъ) лозунгъ демократической диктатуры лозунгомъ соціалистической диктатуры пролетаріата, т.-е. полнаго соціалистическаго переворота.

3. Вульгарно-буржуазное изображеніе диктатуры и взглядъ на нее Маркса.

Мерингъ разсказываетъ въ своихъ примѣчаніямъ къ изданнымъ имъ статьямъ изъ „Новой Рейнской Газеты" Маркса въ 1848 году, что буржуазная литература дѣлала, между прочимъ, такой упрекъ этой газетѣ. „Нов. Рейн. Газета" будто бы требовала „немедленнаго введенія диктатуры, какъ единственнаго средства осуществленія демократіи" (Marx Nachlass, томъ III, стр. 53). Съ вульгарно-буржуазной точки зрѣнія, понятіе диктатура и понятіе

демократія исключаютъ другъ друга. Не понимая теоріи борьбы классовъ, привыкнувъ видѣть на политической аренѣ мелкую свару разныхъ кружковъ и котерій буржуазіи, буржуа понимаетъ подъ диктатурой отмѣну всѣхъ свободъ и гарантій демократіи, всяческій произволъ, всякое злоупотребленіе властью въ интересахъ личности диктатора. Въ сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрѣнія сквозитъ и у нашего Мартынова, который въ заключеніе своего „новаго похода" въ новой „Искрѣ" объясняетъ пристрастіе „Впередъ" и „Пролетарія" къ лозунгу диктатура тѣмъ, что Ленинъ „страстно желаетъ попытать счастья" („Искра", № 103, стр. 3, столб. 2). Чтобы разъяснить Мартынову понятіе диктатуры класса въ отличіе отъ диктатуры личности и задачи демократической диктатуры въ отличіе отъ соціалистической, небезполезно будетъ остановиться на взглядахъ „Новой Рейнской Газеты".

„Всякое временное государственное устройство — писала „Новая Рейнская Газета" 14 сентября 1848 года—послѣ революціи требуетъ диктатуры и притомъ энергичной диктатуры. Мы съ самаго начала ставили Кампгаузену (главѣ министерства послѣ 18 марта 1848 года) въ упрекъ, что онъ не выступилъ диктаторски, что онъ не разбилъ тотчасъ же и не удалилъ остатковъ старыхъ учрежденій. И вотъ въ то время, какъ г. Кампгаузенъ убаюкивалъ себя конституціонными иллюзіями, разбитая партія (т.-е. партія реакціи) укрѣпила свои позиціи въ бюрократіи и въ арміи, стала даже отваживаться то здѣсь, то тамъ на открытую борьбу".

Въ этихъ словахъ, справедливо говоритъ Мерингъ, резюмировано въ немногихъ положеніяхъ то, что подробно развила „Нов. Р. Газета" въ длинныхъ статьяхъ о министерствѣ Кампгаузена. Что же говорятъ намъ эти слова Маркса? Что временное революціонное правительство *должно* выступать диктаторски (положеніе, котораго никакъ не могла понять „Искра", чуравшаяся лозунга: — диктатура), что задача этой диктатуры — уничтоженіе остатковъ старыхъ учрежденій (именно то, что указано ясно въ резолюціи 3-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. о борьбѣ съ контръ-революціей и что опущено въ резолюціи конференціи, какъ мы показали выше). Наконецъ, въ-третьихъ, изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что Марксъ бичевалъ буржуазныхъ демократовъ за „конституціонныя иллюзіи" въ эпоху революціи и открытой гражданской войны. Каковъ смыслъ этихъ словъ, видно особенно наглядно изъ статьи „Нов. Р. Газеты" отъ 6 іюня 1848 г. „Учредительное народное собраніе—писалъ Марксъ—должно быть прежде всего активнымъ, революціонно-активнымъ собраніемъ. А франкфуртское собраніе занимается школьными упражненіями въ парламентаризмѣ и предоставляетъ правительству дѣйствовать. Допустимъ, что этому ученому собору удалось бы послѣ зрѣлаго обсужденія выработать наилучшій порядокъ дня и наилучшую конституцію. Какой толкъ будетъ отъ наилучшаго порядка дня и отъ наилучшей конституціи, если нѣмецкія правительства въ это время поставили уже штыкъ въ порядокъ дня?"

Вотъ каковъ смыслъ лозунга—диктатура. Можно видѣть отсюда, какъ отнесся бы Марксъ къ революціямъ, называющимъ „рѣшеніе организовать учредительное собраніе" рѣшительной побѣдой или приглашающимъ „оставаться партіей крайней революціонной оппозиціи!"

Великіе вопросы въ жизни народовъ рѣшаются только силой. Сами реакціонные классы прибѣгаютъ обыкновенно первые къ насилію, къ гражданской войнѣ, „ставятъ въ порядокъ дня штыкъ", какъ сдѣлало русское самодержавіе и продолжаетъ дѣлать систематически и неуклонно, вездѣ и повсюду, начиная съ 9 января. А разъ такое положеніе создалось, разъ штыкъ дѣйствительно сталъ во главѣ политическаго порядка дня, разъ возстаніе оказалось необходимымъ и неотложнымъ, — тогда конституціонныя иллюзіи и школьныя упражненія въ парламентаризмѣ становятся только прикрытіемъ буржуазнаго предательства революціи, прикрытіемъ того, какъ „отшатывается" буржуазія отъ революціи. Дѣйствительно, революціонный классъ долженъ тогда выдвинуть именно лозунгъ диктатуры.

По вопросу о задачахъ этой диктатуры Марксъ писалъ еще въ „Нов. Р. Газетѣ": „Національное собраніе должно было бы диктаторски выступить противъ реакціонныхъ поползновеній отживающихъ правительствъ, и тогда оно завоевало бы себѣ такую силу въ народномъ мнѣніи, о которую сломались бы всѣ штыки... А это собраніе утомляетъ нѣмецкій народъ скучными словами, вмѣсто того, чтобы увлечь его съ собой или быть увлеченнымъ имъ". Національное собраніе должно было бы, по мнѣнію Маркса „удалить изъ фактически существующаго строя Германіи все противорѣчащее принципу самодержавія народа", затѣмъ „укрѣпить ту революціонную почву, на которой оно стоитъ, обезопасить завоеванное революціей самодержавіе народа отъ всѣхъ нападеній".

Слѣдовательно, по содержанію своему, тѣ задачи, которыя ставилъ Марксъ въ 1848 году революціонному правительству или диктатурѣ, сводились прежде всего къ *демократическому* перевороту: защита отъ контръ-революціи и фактическое устраненіе всего противорѣчащаго самодержавію народа. Это и есть не что иное, какъ революціонно-демократическая диктатура.

Теперь дальше: какіе классы могли и должны были, по мнѣнію Маркса, осуществить эти задачи (провести на дѣлѣ до конца принципъ самодержавія народа и отбить атаки контръ-революціи)? Марксъ говоритъ о „народѣ". Но мы знаемъ, что противъ мелкобуржуазныхъ иллюзій о единствѣ „народа", объ отсутствіи классовой борьбы внутри народа онъ боролся всегда безпощадно. Употребляя слово: „народъ", Марксъ не затушевывалъ этимъ словомъ различіе классовъ, а объединялъ опредѣленные элементы, способные довести до конца революцію.

Послѣ побѣды берлинскаго пролетаріата 18 марта,—писала „Новая Р. Газета",—результаты революціи оказались двоякіе: „съ одной стороны—народное вооруженіе, право союзовъ, фактически завоеванное самодержавіе народа, съ другой стороны—сохраненіе

монархіи и министерства Кампгаузена-Ганземана, т.-е. правительство представителей крупной буржуазіи. Такимъ образомъ, революція имѣла двоякаго рода результаты, которые неизбѣжно должны были придти къ разрыву. Народъ побѣдилъ; онъ завоевалъ свободы рѣшительно демократическаго характера, но непосредственно господство перешло не въ его руки, а въ руки крупной буржуазіи. Однимъ словомъ, революція была не доведена до конца. Народъ предоставилъ представителямъ крупной буржуазіи образованіе министерства, а эти представители крупной буржуазіи доказали свои стремленія тотчасъ же тѣмъ, что предложили союзъ старо-прусскому дворянству и бюрократіи. Въ министерство вступили Арнимъ, Канитцъ и Шверинъ.

„*Крупная буржуазія, анти-революціонная съ самаго начала, заключила оборонительный и наступательный союзъ съ реакціей изъ страха передъ народомъ, то-есть передъ рабочими и демократической буржуазіей*“ (курсивъ нашъ).

Итакъ, не только „рѣшеніе организовать учредительное собраніе“ недостаточно еще для рѣшительной побѣды революціи, но даже и дѣйствительный созывъ его. Даже послѣ частичной побѣды въ вооруженной борьбѣ (побѣда берлинскихъ рабочихъ надъ войскомъ 18 марта 1848 года) возможна „не оконченная“, „не доведенная до конца“ революція. Отчего же зависитъ ея доведеніе до конца? Отъ того, въ чьи руки переходитъ непосредственное господство;—въ руки ли Петрункевичей и Родичевыхъ, то бишь Кампгаузеновъ и Ганземановъ, или въ руки *народа* т.-е. рабочихъ и демократической буржуазіи. Въ первомъ случаѣ буржуазія будетъ имѣть власть, а пролетаріатъ—„свободу критики“, свободу „оставаться партіей крайней революціонной оппозиціи“. Буржуазія сейчасъ же послѣ побѣды заключитъ союзъ съ реакціей (это неизбѣжно совершилось бы и въ Россіи, если бы, напримѣръ, петербургскіе рабочіе одержали лишь частичную побѣду въ уличномъ бою съ войсками и предоставили образованіе правительства господамъ Петрункевичемъ и К°). Во второмъ случаѣ была бы возможна революціонно-демократическая диктатура, т.-е. полная побѣда революціи.

Остается точнѣе опредѣлить, что, собственно, понималъ Марксъ подъ „демократической буржуазіей“ (demokratische Bürgerschaft), которую вмѣстѣ съ рабочими онъ называлъ народомъ въ противоположность крупной буржуазіи.

Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующее мѣсто изъ статьи „Нов. Р. Газеты“ отъ 29 іюля 1846 г.: „Нѣмецкая революція 1848“ есть лишь пародія Французской революціи 1789 года.

„4 августа 1789 года, три недѣли спустя послѣ взятія Бастиліи, французскій народъ въ одинъ день осилилъ всѣ феодальныя повинности.

„11 іюля 1848 г., четыре мѣсяца спустя послѣ мартовскихъ баррикадъ, феодальныя повинности осилили нѣмецкій народъ. Teste Gierke cum Hansemanno *).

*) „Свидетели!? Гирке купно съ Ганземаномъ“. Ганземанъ — министръ партіи крупной буржуазіи (по-русски: Трубецкой или Родичевъ и т. п.). Гирке — министръ

„Французская буржуазія 1789 года ни на минуту не покидала своихъ союзниковъ, крестьянъ. Она знала, что основой ея господства было уничтоженіе феодализма въ деревнѣ, созданіе свободнаго земледѣльческаго (grundbesitzenden) крестьянскаго класса.

„Нѣмецкая буржуазія 1848 года безъ всякаго зазрѣнія совѣсти предаетъ крестьянъ, своихъ самыхъ естественныхъ союзниковъ, которые представляютъ собой плоть отъ ея плоти и безъ которыхъ она безсильна противъ дворянства.

„Сохраненіе феодальныхъ правъ, санкціонированіе ихъ подъ видомъ (иллюзорнаго) выкупа — таковъ результатъ нѣмецкой революціи 1848 года. Гора родила мышь".

Это очень поучительное мѣсто, которое даетъ намъ четыре важныхъ положенія: 1) Неоконченная нѣмецкая революція отличается отъ оконченной Французской тѣмъ, что буржуазія измѣнила не только демократизму вообще, но, въ частности, и крестьянству. 2) Основой полнаго осуществленія демократическаго переворота является созданіе свободнаго класса крестьянства. 3) Созданіе такого класса есть уничтоженіе феодальныхъ повинностей, разрушеніе феодализма, отнюдь еще не соціалистическій переворотъ. 4) Крестьяне—„самые естественные" союзники буржуазіи, именно демократической буржуазіи, безъ которыхъ она „безсильна" противъ реакціи.

Съ соотвѣтствующими измѣненіями конкретныхъ національныхъ особенностей, съ подстановкой крѣпостничества на мѣсто феодализма, все эти положенія цѣликомъ примѣнимы къ Россіи 1905 года. Несомнѣнно, что, извлекая уроки изъ опыта Германіи, освѣщеннаго Марксомъ, мы не можемъ придти ни къ какому иному лозунгу рѣшительной побѣды революціи, кромѣ: революціонно-демократическая диктатура пролетаріата и крестьянства. Несомнѣнно, что главными составными частями того „народа", который Марксъ „противопоставлялъ въ 1848 году сопротивлявшейся реакціи въ предательской буржуазіи, являются пролетаріатъ и крестьянство. Несомнѣнно, что и у насъ въ Россіи либеральная буржуазія и господа освобожденцы предаютъ и предадутъ крестьянство, т.-е. отдѣлаются лже-реформой, встанутъ на сторону помѣщиковъ въ рѣшительной борьбѣ между ними и крестьянствомъ. Только пролетаріатъ способенъ поддержать крестьянство до конца въ этой борьбѣ. Несомнѣнно, наконецъ, что и у насъ въ Россіи успѣхъ крестьянской борьбы, т.-е. переходъ къ крестьянству всей земли, будетъ означать полный демократическій переворотъ, являясь соціальной опорой доведенной до конца революціи, но отнюдь не соціалистическій переворотъ и не „соціализацію", о которой говорятъ идеологи мелкой

земледѣлія въ министерствѣ Ганземана, выработавшій проектъ, „смѣлый" проектъ, якобы „безвозмезднаго", „уничтоженія феодальныхъ повинностей", на дѣлѣ же уничтоженія мелкихъ и неважныхъ, но сохраненія или выкупа болѣе существенныхъ повинностей. Г. Гирке — нѣчто въ родѣ русскихъ гг. Коблуковыхъ, Мануиловыхъ, Герценштейновъ и тому подобныхъ буржуазно-либеральныхъ друзей мужика, которые хотятъ „расширенія крестьянскаго землевладѣнія", но не хотятъ обидѣть помѣщиковъ.

буржуазіи, соціалисты-революціонеры. Успѣхъ крестьянскаго возстанія, побѣда демократической революціи лишь расчистятъ путь для дѣйствительной и рѣшительной борьбы за соціализмъ на почвѣ демократической республики. Крестьянство, какъ землевладѣльческій классъ, сыграетъ въ этой борьбѣ ту же предательскую, неустойчивую роль, какую играетъ теперь буржуазія въ борьбѣ за демократію. Забывать это — значитъ забывать соціализмъ, обманывать и себя и другихъ насчетъ истинныхъ интересовъ и задачъ пролетаріата.

Чтобы не оставить пробѣла въ изображеніи взглядовъ Маркса въ 1848 г., необходимо отмѣтить одно существенное отличіе тогдашней нѣмецкой соціалдемократіи (или коммунистической партіи пролетаріата, говоря тогдашнимъ языкомъ) отъ современной русской соціалдемократіи. Предоставимъ слово Мерингу:

„Новая Рейнская Газета“ выступила на политическую арену, какъ „органъ демократіи“. Нельзя не видѣть красной нити, проходящей черезъ всѣ ея статьи. Но непосредственно она защищала болѣе интересы буржуазной революціи противъ абсолютизма и феодализма, чѣмъ интересы пролетаріата противъ интересовъ буржуазіи. Объ особомъ рабочемъ движеніи во время революціи мало найдете матеріала на ея столбцахъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что рядомъ съ ней выходилъ два раза въ недѣлю подъ редакціей Молля и Шаппера особый органъ Кельнскаго рабочаго союза. Во всякомъ случаѣ, современному читателю бросается въ глаза, какъ мало интереса удѣляла „Нов. Р. Газета“ тогдашнему нѣмецкому рабочему движенію, хотя самый способный дѣятель его, Стефанъ Борнъ, учился у Маркса и Энгельса въ Парижѣ и Брюсселѣ и въ 1848 г. корреспондировалъ изъ Берлина въ ихъ газету. Борнъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что Марксъ и Энгельсъ никогда не выражали ему ни единымъ словомъ своего неодобренія его рабочей организаціи. Но позднѣйшія заявленія Энгельса дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что они были недовольны, по меньшей мѣрѣ, пріемами этой агитаціи. Ихъ недовольство было основательно постольку, поскольку Борнъ вынужденъ былъ дѣлать много уступокъ еще совершенно не развитому въ большей части Германіи классовому сознанію пролетаріата, уступокъ, не выдерживающихъ критики съ точки зрѣнія „Коммунистическаго манифеста“. Ихъ недовольство было неосновательно постольку, поскольку Борнъ все же умѣлъ поддерживать руководимую имъ агитацію на сравнительно значительной высотѣ... Безъ сомнѣнія, Марксъ и Энгельсъ были исторически и политически правы, усматривая самый важный интересъ рабочаго класса прежде всего въ возможно бóльшемъ подталкиваніи буржуазной революціи... Несмотря на это, замѣчательнымъ доказательствомъ того, какъ элементарный инстинктъ рабочаго движенія умѣетъ исправлять концепціи самыхъ геніальныхъ мыслителей, является тотъ фактъ, что они въ апрѣлѣ 1849 г. высказались за специфическую рабочую организацію и рѣшили участвовать на рабочемъ съѣздѣ, приготовлявшемся въ особенности остъ-эльбскимъ (восточная Пруссія) пролетаріатомъ“.

Итакъ, только въ апрѣлѣ 1849 г., послѣ почти годового изданія революціонной газеты („Нов. Р. Газета“ начала выходить 1 іюня 1848 г.) Марксъ и Энгельсъ высказались за особую рабочую организацію! До тѣхъ поръ они вели просто „органъ демократіи“, не связанный никакими организаціонными узами съ самостоятельной рабочей партіей! Этотъ фактъ,—чудовищный и невѣроятный съ нашей современной точки зрѣнія,— показываетъ намъ ясно, какое громадное различіе было между тогдашней нѣмецкой и теперешней русской соціалдемократической рабочей партіей. Этотъ фактъ показываетъ намъ, во сколько разъ менѣе обнаруживались на нѣмецкой демократической революціи (благодаря отсталости Германіи въ 1848 г. и въ экономическомъ отношеніи, и въ политическомъ—государственная раздробленность) пролетарскія черты движенія, пролетарская струя въ немъ. Этого не надо забывать при оцѣнкѣ многократныхъ заявленій Маркса этой и немного позднѣйшей эпохи о необходимости самостоятельной организаціи партіи пролетаріата. Марксъ только изъ опыта демократической революціи, почти черезъ годъ, сдѣлалъ практически этотъ выводъ: до того мѣщанской, мелкобуржуазной была тогда вся атмосфера въ Германіи. Для насъ этотъ выводъ есть уже давнее и прочное пріобрѣтеніе полувѣкового опыта международной соціалдемократіи,—пріобрѣтеніе, съ котораго мы *начинали* организацію Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. У насъ не можетъ быть, напр., и рѣчи о томъ, чтобы революціонныя газеты пролетаріата стояли внѣ соц.-дем. партіи пролетаріата, чтобы онѣ могли хоть на минуту выступать просто какъ „органы демократіи“.

Но та противоположность, которая едва начала обнаруживаться между Марксомъ и Стефаномъ Борномъ, существуетъ у насъ въ тѣмъ болѣе развитомъ видѣ, чѣмъ могущественнѣе выступаетъ пролетарская струя въ демократическомъ потокѣ нашей революціи. Говоря о вѣроятномъ недовольствѣ Маркса и Энгельса агитаціей Стефана Борна, Мерингъ выражается черезчуръ мягко и уклончиво. Вотъ что писалъ Энгельсъ о Борнѣ въ 1885 г. (въ предисловіи къ „Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln“. Zürich. 1885).

„Члены Союза Коммунистовъ повсюду стояли во главѣ крайняго демократическаго движенія, доказывая тѣмъ, что Союзъ былъ превосходной школой революціонной дѣятельности. „Наборщикъ Стефанъ Борнъ, бывшій дѣятельнымъ членомъ Союза въ Брюсселѣ и Парижѣ, основалъ въ Берлинѣ „рабочее братство“ („Arbeiterverbrüderung“), которое получило значительное распространеніе и продержалось до 1850 г. Борнъ, талантливый молодой человѣкъ, слишкомъ поспѣшилъ, однако, съ выступленіемъ въ качествѣ политическаго дѣятеля. Онъ „братался“ съ самымъ разношерстнымъ сбродомъ (Kreti und Plethi), лишь бы собрать вокругъ себя толпу. Онъ былъ вовсе не изъ тѣхъ людей, которые способны внести единство въ противорѣчивыя стремленія, внести свѣтъ въ хаосъ. Въ офиціальныхъ публикаціяхъ его братства постоянно попадается поэтому путаница и смѣшеніе

взглядовъ „Коммунистическаго манифеста“ съ цеховыми воспоминаніями и пожеланіями, съ обрывками взглядовъ Луи Блана и Прудона, съ защитой протекціонизма и т. д.; однимъ словомъ, эти люди хотѣли всѣмъ угодить (allen alles sein). *Въ особенности занимались они устройствомъ стачекъ, профессіональныхъ союзовъ, производительныхъ товариществъ, забывая, что задача состояла прежде всего въ томъ, чтобы посредствомъ политической побѣды завоевать себѣ сначала такое поприще*, на которомъ только и могли прочно, надежно осуществиться такія вещи (курсивъ нашъ). И вотъ, когда побѣды реакціи заставили вожаковъ этого братства почувствовать необходимость прямого участія въ революціонной борьбѣ,—тогда, само собою разумѣется, неразвитая масса, группировавшаяся вокругъ нихъ, покинула ихъ. Борнъ принялъ участіе въ дрезденскомъ возстаніи въ маѣ 1848 г. и спасся по счастливому случаю. Рабочее братство удержалось въ сторонѣ отъ великаго политическаго движенія пролетаріата, какъ обособленный союзъ, существовавшій большей частью на бумагѣ и игравшій до того второстепенную роль, что реакція нашла нужнымъ закрыть его лишь въ 1850 г., а его филіальныя отдѣленія лишь много лѣтъ спустя—Борнъ (настоящая фамилія Борна Buttermilch *) такъ и не сдѣлался политическимъ дѣятелемъ, а оказался маленькимъ швейцарскимъ профессоромъ, который переводитъ теперь не Маркса на цеховый языкъ, а благодушнаго Ренана на сладенькій нѣмецкій языкъ“.

Вотъ какъ оцѣнивалъ Энгельсъ двѣ тактики соціалдемократіи въ демократической революціи!

Наши новоискровцы тоже гнутъ къ „экономизму“ съ такимъ усердіемъ не по разуму, что заслуживаютъ похвалы монархической буржуазіи за свое „просвѣтленіе“. Они тоже собираютъ вокругъ себя разношерстную публику, льстя „экономистамъ“, демагогически привлекая неразвитую массу лозунгами „самодѣятельности“, „демократизма“, „автономіи“ и пр., и т. д. Ихъ рабочіе союзы тоже существуютъ часто лишь на страницахъ хлестаковской новой „Искры“. Ихъ лозунги и резолюціи обнаруживаютъ такое же непониманіе задачъ „великаго политическаго движенія пролетаріата“.

---

*) Переводя Энгельса, я сдѣлалъ здѣсь ошибку въ первомъ изданіи, принявъ слово Buttermilch не за собственное имя, а за нарицательное. Эта ошибка доставила, конечно, необыкновенно много удовольствія меньшевикамъ. Кольцовъ писалъ, что я „углубилъ Энгельса“ (перепечатано въ сборникѣ „За два года“), Плехановъ и теперь напоминаетъ эту ошибку въ „Товарищѣ“,—однимъ словомъ, нашелся *прекрасный поводъ замять вопросъ о двухъ тенденціяхъ въ рабочемъ движеніи* 48-го года въ Германіи — тенденціи Борна (сродни нашимъ экономистамъ) и тенденціи марксистской. Использовать ошибку оппонента, хотя бы и по вопросу о фамиліи Борна, это болѣе чѣмъ естественно. Но замять посредствомъ поправокъ къ переводу суть вопроса о двухъ тактикахъ — значитъ спасовать по существу спора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

